

**ВЕСТНИК
Томского государственного университета**

2021. № 473. Декабрь

• ИСТОРИЯ	• HISTORY
• ФИЛОЛОГИЯ	• PHILOLOGY
• ФИЛОСОФИЯ	• PHILOSOPHY
• СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ	• SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
• ПЕДАГОГИКА	• PEDAGOGICS
• ПРАВО	• LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2021. № 473. December

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глушенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол.
наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц.;
А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.;
И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-
минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского
Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портунова**,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потехаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р
юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слижов, канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор
Издательства ТГУ; **С.П. Сушенко**, д-р техн. наук, проф.;
П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьяна**,
канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук,
проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chair-
man); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Pro-
fessor (Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Math-
ematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Pro-
fessor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vo-
robyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of
Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor;
S. Gural, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Phi-
lology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr.
of History, Professor; **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate
Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior
Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**,
Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk
State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical
Literature Publishing House; **A. Potekhaev**, Dr. of Physics and Mathemat-
ics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**,
PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry,
Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing
House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**,
PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr.
of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics,
Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr.
of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –

Н.А. Глушенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Editor-in-Chief

Vasilii P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Березницкий С.В. До Клакхона: междисциплинарный принцип работы Тунгусской экспедиции 1927–1928 гг.	5
Васильев А.В. Понятие «Тайга» в сибирском дискурсе XIX в. и его интерпретации. Статья вторая	12
Крих С.Б. Преодолевая «запад»: своеобразие древней ближневосточной истории в советских учебниках	19
Мезит Л.Э. Организация социальной поддержки семьям фронтовиков в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны	26
Осташова Е.А., Рожнева Ж.А., Алишина Г.Н. Цифровизация личных архивов ученых: к чему готовиться историкам и архивистам?	33

ФИЛОЛОГИЯ

Воронина Л.В. К вопросу о сопредельности смежных пар вопросно-ответного типа в современном политическом дискурсе: факторы прагматической, когнитивной и структурной релевантности	41
Зюзина О.Н., Ильина Д.В., Ким И.Е. Категория рода в русском языке и понятийно-ценностный ряд «мужское/женское»: от этносемантики к новой гендерной семантике	48
Киселев В.С. П.А. Вяземский и В.А. Жуковский 1830–1852 гг.: история личных и творческих отношений (по материалам переписки)	58
Путилина Т.Г. Индивидуально-авторский концепт «смерть России» (на материале дневника Ю.В. Готье «Мои заметки»)	71
Третьяков Е.О. Репрезентация личности А.Я. Булгакова в его переписке с В.А. Жуковским (на материале двух писем А.Я. Булгакова В.А. Жуковскому 1830–1835 гг. архива ИРЛИ РАН)	80
Хустенко А.А., Мишанкина Н.А. Профессиональный дискурс юристов: неофициальные формы коммуникации (на материале сообществ социальных сетей)	89
Черткова В.В. Повесть А.П. Чехова «Степь» в англоязычных переводах К. Гарнет и Р. Хингли: стратегии доместикации и фореизации	101
Чжао Сюе, Говорухина Ю.А., Суханов В.А. Русская литература в Китае: конфликт интерпретаций, его причины и пути преодоления (на материале рецензии русской литературы китайским читателем). Статья I	112

ФИЛОСОФИЯ

Власова О.А. <i>Memory Studies</i> в горизонте междисциплинарной экспансии и их развитие в истории философии	119
Волков П.В. Объект и предмет культурологии: почему очевидное стало затруднением	126
Розов Н.С. Макросоциальные закономерности языковой эволюции	132

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Бохан Т.Г., Шабаловская М.В., Терехина О.В., Ульянов А.Л. Субъективное качество жизни как индикатор психологической безопасности студентов в условиях международной образовательной миграции	137
---	-----

CONTENTS

HISTORY

Berezniĭskiy S.V. Before Kluckhohn: The Interdisciplinary Principle of the Functioning of the Tungusic Expedition of 1927–1928	5
Vasilyev A.V. The Concept “Taiga” in the Siberian Discourse of the 19th Century and Its Interpretations (Article Two)	12
Kriĭkh S.B. Overcoming the “West”: The Originality of the Ancient Near East History in Soviet Textbooks	19
Mezit L.E. Organizing Social Support for Families of Front-Line Soldiers in Krasnoyarsk Krai During the Great Patriotic War	26
Ostashova E.A., Rozhneva Zh.A., Alishina G.N. Digitalization of Personal Archives: What Should Historians and Archivists Be Ready For?	33

PHILOLOGY

Voronina L.V. Factors of Pragmatic, Cognitive, and Structural Relevance of Components Within Question-Answer Complexes in Modern Political Discourse	41
Zyuzina O.N., Ilyina D.V., Kim I.E. The Grammatical Category of Gender in Russian and the Conceptual and Axiological Row “Masculine – Feminine”: From Ethnosemantics to New Gender Semantics	48
Kiselev V.S. Pyotr Vyazemsky and Vasily Zhukovsky in 1830–1852: The History of Personal and Creative Relationships (Based on Correspondence)	58
Putilina T.G. The Individual Authorial Concept “Death of Russia” (Based on the Material of Yury Gauthier’s Diary <i>My Notes</i>)	71
Tret'yakov E.O. Representation of Alexander Bulgakov’s Personality in His Correspondence With Vasily Zhukovsky (Based on Two Letters From Bulgakov to Zhukovsky in 1830–1835 From the Archive of the RAS Institute of Russian Literature)	80
Khustenko A.A., Mishankina N.A. Professional Discourse of Lawyers: Informal Forms of Communication (Based on Social Network Communities)	89
Chertkova V.V. Anton Chekhov’s Novella <i>The Steppe</i> in English Translations by Constance Garnett and Ronald Hingley: Strategies of Domestication and Foreignization	101
Zhao Xue, Govorukhina Yu.A., Sukhanov V.A. Russian Literature in China: A Conflict of Interpretations, Its Causes and Ways of Overcoming (Based on the Material of the Reception of Russian Literature by Chinese Readers). Article I	112

PHILOSOPHY

Vlasova O.A. Memory Studies in the Horizon of Interdisciplinary Expansion and Their Development in the History of Philosophy	119
Volkov P.V. Object and Subject of Cultural Studies: Why the Obvious Has Become a Perplexity	126
Rozov N.S. Macrosocial Regularities of Language Evolution	132

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Bokhan T.G., Shabalovskaya M.V., Terekhina O.V., Ulyanich A.L. Subjective Quality of Life as an Indicator of Psychological Safety Among Students in the Conditions of International Educational Migration	137
--	-----

Иванова М.М., Бородкина О.И. Социальная уязвимость международных мигрантов в условиях пандемии COVID-19 (по результатам исследования в Санкт–Петербурге)	146
Фролова Е.А., Маланина В.А. Инструменты укрепления жизнестойкости старшего поколения в условиях пандемии COVID-19 на примере Томской академии активного долголетия	154

ПЕДАГОГИКА

Астафьев Н.В., Куклева Г.А., Панков Е.А. Оценка у юных биатлонистов знаний правил стрельбы и умений их применять методы и результаты	161
Боголепова С.В. Анализ опыта использования MOOC как компонента университетского курса иностранного языка	170
Масленикова О.Г. Педагогические условия интернационализации образовательных программ как меры по повышению эффективности педагогической деятельности в исследовательском университете	177
Сергеева Н.Н., Таяурская С.Н. Реализация мультикультурного иноязычного образования: эвристический ресурс подходов в обучении студентов-юристов	184
Уткина Т.И., Ряпина Н.Е. Оценка влияния дистанционного обучения на успешность изучения иностранного языка в неязыковом вузе	193
Шубович М.М., Бибикова Н.В., Захарова И.В., Петрищева Н.Н. Партнёрство семьи и школы: коммуникативная готовность будущих педагогов к новым вызовам образования	203

ПРАВО

Вырва П.А. К вопросу об основных способах урегулирования лоббизма как мера безопасности против коррупционного лоббизма	211
Груздев В.В. Система способов приобретения права собственности	218
Евдокимов В.Б., Залоило М.В. Правовое регулирование качества государственного управления: доктринальные проекции	224
Зырянов А.В. Бихевиористический подход в юридических исследованиях	231
Нуждин А.А. Оперативно-розыскное мероприятие «опрос» в выявлении обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений: виды опроса и технология его проведения	238
Рыжков К.С. Использование статистической информации в процессе доказывания и при вынесении судебных актов в гражданском и административном судопроизводстве	245
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	251

Ivanova M.M., Borodkina O.I. Social Vulnerability of International Migrants in the Context of the COVID-19 Pandemic (The Results of a Study in Saint Petersburg)	146
Frolova E.A., Malanina V.A. Tools for Strengthening the Resilience of the Older Generation During the COVID-19 Pandemic on the Example of the Tomsk Academy of Active Ageing	154

PEDAGOGICS

Astafiev N.V., Kukleva G.A., Pankov E.A. Assessment of Young Biathletes' Knowledge of Shooting Rules and Their Application: Methods and Results	161
Bogolepova S.V. Investigating the Use of a MOOC as a Component of a University Language Course	170
Maslennikova O.G. Pedagogical Conditions for Internationalizing the Curriculum as Measures to Improve the Effectiveness of the Pedagogical Activity at a Research University	177
Sergeeva N.N., Tayurskaya S.N. Implementation of Multicultural Foreign Language Education: A Heuristic Resource of Approaches in Teaching Law Students	184
Utkina T.I., Riapina N.E. Evaluating the Impact of Distant Learning on Students' Development of Foreign Language Competency in Non-Linguistic Specialties	193
Shubovich M.M., Bibikova N.V., Zakharova I.V., Petrishcheva N.N. Family and School Partnership: Communicative Readiness of Future Teachers for New Challenges of Education	203

LAW

Vyrva P.A. Revisiting the Main Ways of Lobbying Regulation as a Security Measure Against Corruption Lobbying	211
Gruzdev V.V. The System of Methods for Acquiring Property Rights	218
Evdokimov V.B., Zaloilo M.V. Legal Regulation of the Quality of Public Administration: Doctrinal Projections	224
Zyryanov A.V. A Behavioral Approach in Legal Research	231
Nuzhdin A.A. The Operational-Search Measure “Examination” in Identifying Circumstances That Contributed to Committing Penitentiary Crimes: Types of Examination and Technology of Its Conduct	238
Ryzhkov K.S. The Use of Statistical Information in Proving and in Passing Judicial Acts in Civil and Administrative Proceedings	245
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	251

ИСТОРИЯ

УДК 394

С.В. Березницкий

ДО КЛАКХОНА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПРИНЦИП РАБОТЫ ТУНГУССКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1927–1928 гг.

Статья написана при поддержке РФФИ (грант № 18-09-00537А) «Исследования народов Сибири и московская этнографическая школа: методология, материалы и коллекции Тунгусской экспедиции 1927–1928 гг.». Источник финансирования – МАЭ РАН.

На основе анализа путевых и полевых дневников участников Тунгусской экспедиции 1927–1928 гг. выявлены особенности междисциплинарной методологии и методики сбора экспедиционного материала в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России в местах проживания эвенков, нанайцев, негидальцев, нивхов, орочей, удэгейцев, уйльта. Охарактеризована специфика процесса развития центральной и региональной сибирской и дальневосточной истории, этнографии, антропологии, археологии, музейного дела, связь этих дисциплин с мировой наукой.

Ключевые слова: Восточная Сибирь; Дальний Восток; Тунгусская экспедиция 1927–1928 гг.; междисциплинарная методология и методика сбора полевого материала

В истории науки бывает так, что истинный создатель нового методологического или методического подхода оказывается забыт или отодвинут на второй план, а вместо него для мировой общественности «первооткрывателем» становится другой ученый. Подобные примеры известны из истории этнографии, этнологии, социальной и культурной антропологии. В частности, основателем стационарного метода проведения полевых исследований западная наука признает английского ученого (польского происхождения) Б.К. Малиновского, после экспедиций на Тробрианские острова в 1914–1918 гг., хотя эту методику апробировал среди папуасов русский исследователь Н.Н. Миклухо-Маклай еще в 1870-х гг. Концепцию о роли пережитков в культуре впервые разработал русский этнограф К.Д. Кавелин, но все лавры достались английскому этнологу Э.Б. Тайлору, опубликовавшему подобные мысли на 20 лет позже. Американский антрополог К. Клакхон, исследовавший универсальные компоненты культуры, национальный характер, быт индейцев навахо, считается основателем нового типа экспедиции – междисциплинарной, которой он руководил в 1936–1948 гг. Антропологию Клакхон понимал как науку, играющую главную роль в интеграции всех наук о человеке [1. Р. 9–20; 2. С. 21–22]. Однако еще в начале 1920-х гг. отечественный ученый Л.Я. Штернберг выдвинул тезис о том, что этнография является интегрирующей дисциплиной, венцом всех гуманитарных и квинтэссенцией всех общественных наук; без этнографии, ее данных и классификаций, не может быть науки о человечестве в целом, истории, социологии [3. С. 134–135, 138, 142; 4. С. 180–181].

Сущность и эволюцию междисциплинарности можно представить в виде двух основных теоретических подходов. При одном происходит взаимодействии представителей различных дисциплин, изучающих одно явление или проблему. Другой подход основан на использовании учеными, относящимися к одному научному направлению, методик и исследовательских методов, заимствованных из других сфер

знания для анализа конкретного культурного феномена [5, 6]. Междисциплинарному принципу исследования вполне соответствует характер работы Тунгусской экспедиции 1927–1928 гг. Она была организована Центральным музеем народоведения и Антропологическим институтом Московского государственного университета под общим руководством профессора Б.А. Куфтина. Цель экспедиции заключалась в сравнительном изучении антропологического типа, этногенеза, особенностей материальной и духовной культуры, расселения тунгусо-маньчжуров Восточной Сибири и Дальнего Востока. Экспедиция работала на огромном пространстве о. Байкала и его речной системы, в бассейне р. Зея, Амур, Тумнин, Уссури, Хор, в Татарском проливе и на о. Сахалин.

Ценные антропологические и этнографические материалы экспедиции, фотоиллюстративные коллекции хранятся в архивах и музеях Москвы и Санкт-Петербурга и до сих пор полностью не введены в научный оборот. Лишь эпизодические извлечения из этих источников использовались учеными при написании трудов, исследовались этапы экспедиции, результаты работы, аспекты биографий участников [7–8; 9. С. 21–83; 10–21]. По этой причине представляется актуальной задачей комплексное освещение деятельности всей экспедиции как уникального междисциплинарного научного предприятия в теоретическом и практическом смыслах.

В состав экспедиции входили представители археологии, антропологии, этнографии, этномусиковедения: Б.А. Куфтин (1892–1953), Б.А. Васильев (1899–1976), М.Г. Левин (1904–1963), Я.Я. Рогинский (1895–1986), А.Н. Покровский, В.К. Стешенко-Куфтина (1904–1953). Тунгусская экспедиция состояла из двух отрядов. Один в составе Куфтина, Левина, Рогинского работал на Байкале, собирал этнографические данные о культуре эвенков, исследовал тунгусские могильники. Другой отряд (Васильев, Покровский, к которым присоединился Куфтин) работал на Нижнем Амуре среди орочей, удэгейцев, нанайцев и нивхов. В 1928 г. экспедиция

стала делиться на Сахалинскую и Амуро-Приморскую группы. Первая (Васильев, Покровский, студент МГУ А.М. Пришвин) изучала культуру ульчей и нанайцев в низовьях Амура, ороков/уйльта – на восточном берегу Сахалина, собирала у них коллекции по оленеводству, рыболовству, медвежьему празднику, одежде, прикладному искусству; Амуро-Приморская группа (Куфтин, А.А. Ватагин, Стешенко-Куфтина) работала среди удэгейцев на р. Хор, нивхов Амура и Татарского пролива.

Руководитель экспедиции Куфтин и остальные участники объединили исследовательские методики этнографии, археологии, истории, визуальной антропологии, социологии, психологии, географии, краеведения. Куфтин имел значительный опыт проведения археологических исследований в Крыму [22]. Он был учеником Д.Н. Анучина, основателя комплексного подхода изучения исторического прошлого человечества, включающего методы антропологии, археологии и этнографии. В соответствии с этими теоретическими разработками методология Тунгусской экспедиции задумывалась Куфтиным именно как масштабное историко-сравнительное исследование территориальных групп тунгусов на огромной территории Восточной Сибири и Дальнего Востока. Куфтин плодотворно применил в экспедиции сравнительно-религиоведческий подход выявления семантики археологических предметов, заимствованный у Анучина, для реконструкции воззрений и мифологии [23. С. 37; 24].

Члены экспедиции принадлежали к одной научной школе и работали в рамках междисциплинарных направлений, которые только через десятилетия получили свое окончательное оформление в виде этносоциологии и этнодемографии, этноэкологии, этногеографии и этноархеологии, этнопсихологии и юридической антропологии, экономической и гендерной антропологии. На основе описания особенности строения челюсти эвенка были затронуты актуальные темы, касающиеся о животном происхождении человека, о морали в научном мире, о случаях подтасовки научных материалов. Речь шла о мистификации, связанной с пилтдаунской челюстью, о работе английских антропологов Ч. Даусона, С. Вудварта и других в 1911–1912 гг. Куфтин подчеркнул, что антропологи того времени спорили о принадлежности пилтдаунской челюсти человеку или обезьяне [32. С. 2, 39 об.–40].

За два года работы экспедиции Куфтин собрал колоссальный научный материал, хранящийся в архиве МАЭ РАН [25–34]. В его полевых дневниках имеется большой объем материала по различным проблемам семьи и семейного строя тунгусов Восточной Сибири и Дальнего Востока, по проблемам воспитания детей, гендерных стереотипов поведения и социальных статусов в семье и родовом коллективе. Особенность менталитета тунгусов была им выявлена при анализе ориентации в пространстве, при оценке роли зрителей на шаманском камлании, в процессе приобретения музейных коллекций. В сфере юридической антропологии были освещены сюжеты о запрете аренды земли у тунгусов даже для земледелия. Пашни и покосы

всегда использовались членами экспедиции как надежные места для поиска древних артефактов, керамики, орудий труда. В связи с запретом аренды аборигенной территории русские старались изменить свою этническую принадлежность: «...чистокровные русские, <...> чтобы удалось получить права на тунгусские земли... стремятся приписаться в тунгусы» [32. С. 51].

В архивном наследии Куфтина заметно подражание В.К. Арсеньеву, экспедиция которого в 1927 г. работала в бассейне р. Пихцы, сравнительно недалеко от места исследования Куфтиным культуры нанайцев и удэгейцев на Амуре и Анное. Куфтин был явно восхищен талантом Арсеньева как путешественника, ученого-натуралиста, этнографа, писателя, труды которого сочетают жанр научной работы с путевым дневником, наблюдениями путешественника, этнографа, русского офицера, чиновника, выполнявшего особые поручения властей на Дальнем Востоке. Можно предположить, что Куфтин задумывал написать книгу о Тунгусской экспедиции, поэтому заранее отводил в дневниках значительное место литературным описаниям природы и быта изучаемых народов [32. С. 39–39 об.].

В Хабаровске Куфтин побывал в китайской слободе, в китайском театре и осветил одну из особенностей того времени: огромное количество китайцев на советском Дальнем Востоке, что проявлялось в городской субкультуре, в торговле, криминалитете, опиекурильнях [32. С. 78 об.]. Коренные народы Приамурья и Приморья страдали от хунхузов, китайских купцов, ростовщиков, торговцев спиртом, скупщиков даров тайги, которые хитростью и пуская в ход алкоголь грабили охотников и рыбаков. Куфтин также не гнушался использовать алкоголь, чтобы приобретать этнографические коллекции для музея [32. С. 40 об.–41]. Подобные покупки коллекций нередко приводили к драматическим и даже трагическим событиям в обществе эвенков. Женщины, которые более трепетно, чем мужчины, относились к сохранению традиций, сходили с ума, убегали в тайгу, будучи не в состоянии эмоционально пережить потерю ритуальной скульптуры, которая, вместе с внедренными в нее духами, считалась охранителем стойбища; случались суициды, человек получал увечья, что расценивалось как наказание со стороны духов. На Амуре и Тумнине Куфтин описал несколько случаев, когда он прибегал к обману для получения предметов материальной и духовной культуры. Иногда эта хитрость оборачивалась против него самого [33. С. 1–5]. На Тумнине Куфтин сам стал жертвой обмана со стороны орочей, так как он настроил их против себя тем, что самовольно выкопал из могилы близнеца и забрал с собой культовую деревянную скульптуру. Руководителя экспедиции поразили размышления ороча по поводу запрещения советской властью института полигамии. Эти мероприятия проводились без учета вековых традиций левирата: «Мы увидели, что советы ничего не понимают и стали жить по-своему, ничему не веря...» [33. С. 38]. При завершении экспедиции орочи простили Куфтина за его обманы и сообщили ему, что

они собираются просить духов, чтобы они пожалели его и не наказывали.

За три года до начала Тунгусской экспедиции Куфтин написал статью, в которой он представил свой оригинальный, но очень спорный (с позиции современного уровня развития науки) материал об этногенезе коренных народов Дальнего Востока [35]. Если бы Куфтин к моменту знаменитого совещания этнографов в Ленинграде 1929 г. [9. С. 21–83; 20; 36] обладал данными о всем объеме материалов, собранных Тунгусской экспедицией, то эти знания помогли бы ему в дискуссии с В.Г. Богоразом по поводу преимуществ и недостатков стационарных и кратковременных экспедиционных исследований. Как известно, Богораз был не только сторонником, но и одним из самых активных основателей первого подхода, Куфтин доказывал действенность второго.

Стешенко-Куфтина занималась сбором полевых материалов по музыкальной культуре коренных народов амурского региона, впоследствии их анализом и теоретическими разработками [37]. Своей деятельностью она не только внесла большой вклад в результаты Тунгусской экспедиции, но стала основателем дальневосточного направления этномузыковедения, несмотря на то что опубликовала лишь одну работу. До конца XX столетия термин «этномузыковедение» был связан в основном с неевропейской парадигмой исследований народных танцев, музыкальных инструментов и музыкального фольклора в целом. Особенно важными стали собранные Стешенко-Куфтиной материалы музыкального фольклора сахалинских нивхов, которые, по сравнению с другими коренными народами, жили более изолированно, поэтому были подвержены меньшему инокультурному влиянию и смогли сохранить древние пласты своей духовной культуры, мировосприятия, самобытной музыки, содержащей значительный процент архаических компонентов.

Б.А. Васильев сумел использовать собранный материал для написания и блестящей защиты в 1946 г. кандидатской диссертации о медвежьем празднике орочей, для публикации этнографических статей о материальной и духовной культуре дальневосточных этносов [38–41].

Фотоколлекция Васильева о материальной и духовной культуре тумнинской группы орочей состоит из 184 единиц хранения. Она поступила в МАЭ РАН из Центрального музея народоведения СССР в 1954 г. Анализ полевых дневников Васильева [42–44], особенно при освещении им сюжета о погребении орочской девочки-утопленницы и действиях орочского шамана, показывает, что в данном случае использованы не только методы классической этнографии (наблюдение, беседа, запись информации в полевой дневник и фотографирование), но и методы религиозной антропологии. Ведь Васильев был не только прекрасным этнографом, собравшим и сохранившим для нас материалы об ушедшей культуре орочей, но и глубоко верующим человеком, катакомбным священником. Он не скрывал своих убеждений и не отказался от них, несмотря на репрессии, прервавшие его научную карьеру. Страдавший за свою веру, вынуж-

денный жить в ссылке, во второй половине своей жизни Васильев написал фундаментальное исследование об отношении к христианству великого русского поэта А.С. Пушкина [45], хотя этот сюжет требует отдельного глубокого исследования.

М.Г. Левин и Я.Я. Рогинский, благодаря замечательной школе Тунгусской экспедиции, вошли в плеяду выдающихся отечественных ученых не только в сфере сбора и анализа полевых материалов, но и в областях построения теоретических концепций, решения проблем физической антропологии и этногенеза коренных народов Сибири и Дальнего Востока, использования антропологического материала в качестве исторического источника. Они написали классический учебник для высших учебных заведений страны [46–54]. Эти ученые аккумулировали в себе исторические, антропологические, этнографические, анатомические, биологические знания, приняли активное участие в написании и редактировании фундаментальных изданий «Народы Сибири», «Историко-этнографический атлас Сибири», составляющих золотой фонд отечественной науки. Абсолютно не будут считаться высокопарными слова о том, что на трудах Левина и Рогинского, с привлечением материалов обширнейшей территории от Байкала до Аляски, основывается отечественное и мировое сибиреведение.

Тунгусская экспедиция встречалась в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке со многими известными учеными: М.К. Азадовским, Б.О. Петри, В.И. Подгорбунским, Я.Н. Ходункиным, Н.Н. Козьминым, М.М. Герасимовым, С.Г. Козиным, А.М. Поповой, Е.А. Крейновичем. В полевых дневниках упоминались К.И. Мейер, Г.Ф. Дебеч, В.В. Бунак, Е.И. Титов, В.К. Арсеньев, В.Ч. Дорогостайский, Л.Я. Штернберг, скончавшийся 14 августа 1927 г. к искренней печали коренных народов Амура и Сахалина. Однако это не просто список исследователей. О каждом в материалах экспедиции имеется характеристика, причем не только как об ученом, но и как о человеке, о его морали, особенностях отношений с коллегами по цеху и властями. Некоторые из перечисленных ученых оказались репрессированными в 1930-х гг. или позже. Часть из них пострадала за попытку внедрения письменности для коренных народов Севера, основанной на латинице: это отдельная, но очень важная часть истории отечественной науки. Экспедиция зафиксировала важные этапы развития отечественной Академии наук на примере освещения работ Якутской экспедиции; экспедиций по исследованию Байкала под руководством гидробиолога В.Ч. Дорогостайского; экспедиции Иркутского государственного университета на Байкале; экспедиции Ленинградского университета по изучению тунгусов Амура (скорее всего, экспедиция повстречалась с В.И. Цинциус и К.М. Мыльниковой).

В целом междисциплинарная методика Тунгусской экспедиции включала предварительный осмотр окрестностей конкретного поселения коренных народов, анализ флоры и фауны, обнаружение и раскопки могильников, древних жилищ, сбор археологических артефактов. Собранные антропологические материалы сравнивались с антропологическим типом тунгу-

сов при антропометрических измерениях и фотографировании. При обследовании современных поселений выявлялась степень обруселости населения, наличие инокультурных компонентов в строениях, жилищах, в хозяйственно-культурном комплексе, в моделях одежды и пищи. Обнаруживались и тщательно обследовались все культовые сооружения: промысловые, лечебные, шаманские. При записи фольклорных и шаманских текстов привлекались переводчики, языковые данные сравнивались с опубликованными работами (Л.И. Шренка, Л.Я. Штернберга и др.). Любое описание шаманских верований и ритуалов, классификация шаманских атрибутов и облачения, структуры и пантеона шаманских духов заканчивалось выводом о степени сохранения шаманства и его роли в традиционном и современном социуме.

Совершенно справедливо участники экспедиции подчеркнули, что шаманы коренных народов Восточной Сибири и Дальнего Востока не являлись иждивенцами своего рода, как десятилетие спустя будут вынуждены писать исследователи духовной культуры аборигенов в связи с появлением и окончательным утверждением новых идеологических установок и моральных ценностей. Сведения о древней культуре посещенных этносов позволяют проследить процесс ее трансформации. Несомненная уникальность собранных полевых материалов обосновывается тем, что в некоторых местах, посещенных членами Тунгусской экспедиции, коренные народы в настоящее время уже не живут, например на острове Удд в Сахалинском заливе Охотского моря (ныне о. Чкалова).

Тунгусскую экспедицию по ее результатам вполне можно поставить в один ряд с Джезуповской Тихо-

океанской экспедицией (1897–1902), с арктическими экспедициями К. Расмуссена в первой трети XX в. Такой вывод обосновывается многогранностью деятельности экспедиции в сфере этнографии, археологии, физической антропологии, социологии, ботаники, географии, визуальной антропологии и других наук. Участники собрали этнографические материалы об особенностях быта, хозяйства, культов и верований, ритуалов, зафиксировали специфику антропологических типов, биомеханику телодвижений шаманов, морские и таежные пейзажи, занимались раскопками могильников, сбором костного материала и черепов, антропометрическими измерениями, сбором фольклорных и этномузыкальных материалов.

Наблюдаемые новые этнические явления интерпретировались, делались обобщения об истории изучения Байкальского региона, Дальнего Востока, окружающего социального, этнического, культурного, образовательного пространства. Все материалы междисциплинарной Тунгусской экспедиции нужно анализировать в комплексе. До тех пор, пока ученые разных дисциплин будут обособленно, с позиций своих наук, рассматривать итоги этой экспедиции, истинная картина грандиозных успехов и собранного культурного наследия будет упорно ускользать. Необходимо объединить все эти разработки в едином издании, показать этническую историю тунгусо-маньчжуров Восточной Сибири и Дальнего Востока от средневековья до современности, этапы зарождения новых направлений сибирской и дальневосточной исторической науки, процесс развития отечественной науки в первой трети XX в., качество которой находилось на мировом уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kluckhohn C.M. *Mirror for man. A Survey of Human Behavior and Social Attitudes*. Greenwich : Fawcett, 1944. 272 p.
2. Клакхон К.К.М. Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб. : Евразия, 1998. 352 с.
3. Гаген-Торн Н.И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (у истоков советской этнографии) // Советская этнография. 1971. № 2. С. 134–145.
4. Штернберг Л.Я. Этнография // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XLI. СПб. : Типография Брокгауза–Ефрона, 1904. С. 180–190.
5. Мирский Э.М. Междисциплинарные исследования // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль, 2010. Т. 2. С. 518–519.
6. Тишков В.А. Отечественная этнология и симбиоз наук // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии / отв. ред. и сост. Г.А. Комарова. М. : ИЭА РАН, 2016. С. 5–16.
7. Решетов А.М. Б.А. Куфтин – выдающийся советский этноархеолог // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. / отв. ред. Н.А. Томилов и др. Владивосток ; Омск : Изд-во ОмГПУ, 2000. С. 45–47.
8. Алымов С.С., Решетов А.М. Борис Алексеевич Куфтин: изломы жизненного пути // Репрессированные этнографы. Вып. 2 / сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М. : Вост. лит., 2003. С. 227–268.
9. Алымов С.С., Арзютов Д.В. Марксистская этнография за семь дней: совещание этнографов Москвы и Ленинграда и дискуссии в советских социальных науках в 1920–1930-е годы // От классиков к марксизму : совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–10 апреля 1929 г.) / под ред. Д.В. Арзютова, С.С. Алымова, Д.Дж. Андерсона. СПб. : МАЭ РАН, 2014. С. 21–83.
10. Давыдов В.Н. Власть проводника: каюры-эвенки и использование оленного транспорта на северном Байкале // Ранние формы потестарных систем : сб. ст. СПб. : МАЭ РАН, 2013. С. 267–280.
11. Давыдов В.Н. Национальная эвенкийская деревня на северном Байкале: сопротивление доминирующему дискурсу // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI, № 3. С. 146–163.
12. Народы Сибири в составе государства Российского (очерки этнической истории) / отв. ред. Л.Р. Павлинская. СПб. : Европейский дом, 1999. 358 с.
13. Березницкий С.В. Полевые дневники Б.А. Куфтина как уникальный источник по культуре коренных народов амуро-сахалинского региона первой трети XX в. // V Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. 11–14 декабря 2019. Ханты-Мансийск ; Екатеринбург, 2019. С. 400–402.
14. Березницкий С.В. Полевые материалы Тунгусской экспедиции 1927–1928 гг. как источник по истории и этнографии российского Дальнего Востока // Девятое Гродековское чтения : материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию начала Гражданской войны в России. Хабаровск : ХКМ, 2018. Т. III. С. 123–126.
15. Березницкий С.В. Фотоколлекции Тунгусской экспедиции в фондах Музея антропологии и этнографии РАН // Вопросы музеологии. 2018. № 9 (1). С. 111–119.
16. Сирина А.А. Орочи в полевых дневниках Б.А. Куфтина (по материалам Тунгусской экспедиции 1928–29 гг.) // Социальные взаимодействия, языки и ландшафты в Сибири и в Китае (эвенки, эвены, орочны и другие группы). Труды Третьей Международной Тунгусской конференции / ред. С.В. Андросова. Благовещенск : Одеон, 2019. С. 205–212.

17. Кадук А.В., Сирина А.А. М.Г. Левин и его материалы по шаманству 1920–1930-х годов из архива ИЭА РАН // Религия как фактор взаимодействия цивилизаций. Труды IV Конгресса российских исследователей религии. Благовещенск, 24–28.09. 2018 г. Благовещенск : АМГУ, 2018. С. 115–121.
18. Сем Т.Ю. Ритуальный костюм эвенкийской шаманки одокон из Прибайкалья (по материалам Тунгусской экспедиции 1927 г.) // Материалы Семнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений «Вещь в трансляции этничности». Санкт-Петербург, 04–06.12.2018 г. СПб., 2018. С. 45–50.
19. Давыдов В.Н., Сирина А.А. Тунгусская экспедиция 1927–1928 гг. и ее место в истории московской этнографической школы // Поле как жизнь / отв. ред. Е.А. Пивнева. М. : Нестор-история, 2017. С. 39–49.
20. Арзютов Д.В., Алымов С.С., Андерсон Д.Дж. От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11.04.1929 г.). СПб. : МАЭ РАН, 2014. 511 с.
21. Герасимова М.М., Васильев С.В. Максим Григорьевич Левин (1904–1963) – антрополог и этнограф, исследователь народов Сибири и Дальнего Востока // *Universum Humanitarium*. 2016. № 2 (3). С. 120–132.
22. Куфтин Б.А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова (Материалы и вопросы). М., 1925. 78 с.
23. Алымов С.С. Дмитрий Николаевич Анучин: «естественная история человека в обширном смысле этого слова» // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / сост. Д.Д. Тумаркин ; отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М. : Наука, 2004. С. 7–48.
24. Бужилова А.П. Становление антропологии в Московском университете (к 90-летию Института антропологии МГУ) // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2013. № 1. С. 4–18.
25. Куфтин Б.А. О материальной культуре гольдов. Побережье Татарского пролива. р. Амур. 1927–1928 гг. // Архив МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 46. 38 л.
26. Куфтин Б.А. О материальной культуре, шаманизме гиляков. Побережье Охотского моря, Татарского пролива, о. Сахалин. // Архив МАЭ РАН. 1927–1928 г. Ф. 12. Оп. 1. Д. 41. 85 л.
27. Куфтин Б.А. О материальной культуре, шаманизме орочей. Побережье Татарского пролива. 1927 г. // Архив МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 48. 84 л.
28. Куфтин Б.А. О материальной культуре, шаманизме удэге. Побережье Татарского пролива. р. Амур. 1927–1928 гг. // Архив МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 42. 66 л.
29. Куфтин Б.А. О шаманизме орочей. Побережье Татарского пролива. 1927 г. // Архив МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 49. 45 л.
30. Куфтин Б.А. Орочи. Шаманизм. Побережье Татарского пролива. Фотографии. 1927 г. // Архив МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 87. 5 л.
31. Куфтин Б.А. Тунгусы I // Архив МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 38. 38 л.
32. Куфтин Б.А. Краткий эпизодический дневник Тунгусской экспедиции Антропологического института I Московского государственного университета и Центрального музея народоведения летом 1927 года // Архив МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 51. 81 л.
33. Куфтин Б.А. Краткий эпизодический дневник Тунгусской экспедиции Антропологического института I Московского государственного университета и Центрального музея народоведения летом 1927 года // Архив МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. 46 л.
34. Куфтин Б.А. Пейзажные зарисовки о. Байкал, о. Сахалин. Полевые зарисовки. Карандаш. 1927 г. // Архив МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 61. 29 л.
35. Куфтин Б.А. Мелкие народности и этно-культурные взаимоотношения на северо-востоке Сибири // Северная Азия. 1925. № 1–2. С. 63–76.
36. Совещание этнографов Ленинграда и Москвы (5.IV–11.IV.1929) // Советская этнография. 1929. № 2. С. 111–144.
37. Стешенко-Куфтина В.Н. Элементы музыкальной культуры палеоазиатов и тунгусов // Этнография. 1930. № 3. С. 81–108.
38. Васильев Б.А. Медвежий праздник орочей: Опыт этнографического анализа обряда и мифологии : дис. ... канд. ист. наук. М., 1946. 120 л.
39. Васильев Б.А. Медвежий праздник орочей // Советская этнография. 1948. № 4. С. 78–104.
40. Васильев Б.А. Старинные способы охоты у приморских орочей // Советская этнография. 1940. № 3. С. 161–171.
41. Васильев Б.А. Основные черты этнографии ороков // Этнография. 1929. № 1. С. 3–22.
42. Васильев Б.А. Орочи. Народы мира // Архив МАЭ РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 13. 53 л.
43. Васильев Б.А. 5 дней среди орочей : очерк. 1928–1929 гг. // Архив МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 124. 15 л.
44. Васильев Б.А. Второй шаманский сеанс : очерк. 1928–1929 гг. // Архив МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 125. 16 л.
45. Васильев Б.А. Духовный путь Пушкина (Катакомбы XX века). М. : Sam & Sam, 1995. 360 с.
46. Рогинский Я.Я. Материалы по антропологии тунгусов Северного Прибайкалья // Антропологический журнал. 1934. Вып. 3. С. 105–126.
47. Левин М.Г. Эвенки Северного Прибайкалья // Советская этнография. 1936. № 2. С. 71–78.
48. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Советская этнография. 1955. № 4. С. 3–17.
49. Левин М.Г. Антропологические типы народов Сибири // Народы Сибири. М. ; Л. : Наука, 1956. С. 108–114.
50. Левин М.Г. Орочи // Народы Сибири. М. ; Л. : Наука, 1956. С. 844–854.
51. Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока // Труды Института этнографии. Н.с. Т. XXXVI. Труды Северо-Восточной экспедиции. II. 1958. 359 с.
52. Василевич Г.М., Левин М.Г. Олений транспорт // Историко-этнографический атлас Сибири / под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. С. 11–54.
53. Антропология : учеб. пособие / Я.Я. Рогинский, М.Г. Левин. 3-е изд. М. : Высш. школа, 1978. 528 с.
54. Давыдов В.Н. Северобайкальский отряд Тунгусской экспедиции 1927–1928 гг. : участники, методы, полевые материалы // Эхо арктической одиссеи: судьбы этнических культур в исследованиях ученых-североведов : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося ученого-североведа И.С. Гурвича (1919–1992). Якутск, 14–15 ноября 2019 г. Якутск, 2019. С. 217–223.

Статья представлена научной редакцией «История» 19 мая 2020 г.

Before Kluckhohn: The Interdisciplinary Principle of the Functioning of the Tungusic Expedition of 1927–1928

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 5–11.

DOI: 10.17223/15617793/473/1

Sergey V. Bereznitskiy, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: svbereznitsky@yandex.ru

Keywords: Eastern Siberia; Far East; Tungusic expedition of 1927–1928; interdisciplinary methodology and methods of collecting field material.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-09-00537A.

The article explores the activities of the Tungusic expedition of 1927–1928. Its participants conducted interdisciplinary researches in Eastern Siberia and the Far East of Russia in the sphere of history, geography, archeology, physical and visual anthropology, geography, botany, sociology, local lore, history of science. The precedence of the approbation of the interdisciplinary approach in comparison with the similar methodology of the American anthropologist Clyde Kluckhohn, who was the head of the

field research in 1936–1937, is proved. In foreign anthropological science, Kluckhohn is considered to be the founder of the new – interdisciplinary – expedition type and of the correspondent comprehension of anthropology as an integrating science. This paradigm still exists, although the domestic scientist Lev Sternberg put forward a thesis that ethnography was the quintessence of all the humanitarian (social) disciplines and that without it the science about the humanity in general could not exist. The members of the Tungusic expedition belonged to one scientific school and were working in the framework of the several disciplines, which were formalized as ethnosociology, ethnoarcheology, ethnopsychology, judicial anthropology, economic and gender anthropology only decades later. The biennial large-scale versatile activity of the participants of the expedition, who collected unique anthropological and ethnographic materials, data about different issues of the economy, mode of life, beliefs, mythology and shamanism, the Tungusic family system, problems of children’s upbringing and gender stereotypes of behavior, photo-illustrative collections, is highly appreciated. The whole complex of the materials is stored in archives and museums of Moscow and Saint Petersburg, and still has not been fully introduced into scientific discourse. The conclusion is made that the scientific heritage of the Tungusic expedition should be studied in the collective and interdisciplinary work – to show the ethnic history of the Tungusic and Manchu peoples of Eastern Siberia and the Far East integrally: from the Middle Ages and up to the modern times. stages of the origin of the new direction of the Siberian and Far Eastern historical science, the development of the national science in the first third of the 19th century, with its world-level quality.

REFERENCES

1. Kluckhohn, C.M. (1944) *Mirror for man. A Survey of Human Behavior and Social Attitudes*. Greenwich: Fawcett.
2. Kluckhohn, C.M. (1998) *Zerkalo dlya cheloveka. Vvedenie v antropologiyu* [Mirror for Man. Introduction to Anthropology]. Translated from English. Saint Petersburg: Evraziya.
3. Gagen-Torn, N.I. (1971) Leningradskaya etnograficheskaya shkola v dvadtsatye gody (u istokov sovetsoy etnografii) [Leningrad ethnographic school in the twenties (at the origins of Soviet ethnography)]. *Sovetskaya etnografiya*. 2. pp. 134–145.
4. Shternberg, L.Ya. (1904) *Etnografiya* [Ethnography]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [The Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary]. Vol. XLI. Saint Petersburg: Tipografiya Brokgauza–Efrona. pp. 180–190.
5. Mirskiy, E.M. (2010) *Mezhdistitsiplinarnye issledovaniya* [Interdisciplinary studies]. In: Stepin, V.S. (ed.) *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 518–519.
6. Tishkov, V.A. (2016) *Otechestvennaya etnologiya i simbioz nauk* [Domestic ethnology and the symbiosis of sciences]. In: Komarova, G.A. (ed.) *Fenomen mezhdistsiplinarnosti v otechestvennoy etnologii* [The phenomenon of interdisciplinarity in domestic ethnology]. Moscow: Institute of Anthropology and Ethnography of RAS. pp. 5–16.
7. Reshetov, A.M. (2000) B.A. Kuftin – vydayushchiysya sovetsoy etnoarkheolog [B.A. Kuftin – an outstanding Soviet ethnoarchaeologist]. In: *Integratsiya arkhologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of archaeological and ethnographic research]. Vladivostok; Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 45–47.
8. Alymov, S.S. & Reshetov, A.M. (2003) Boris Alekseevich Kuftin: izlomy zhiznennogo puti [Boris Alekseevich Kuftin: fractures of the life path]. *Repressirovannyye etnografy*. 2. pp. 227–268.
9. Arzyutov, D.V., Alymov, S.S. & Anderson, D.J. (2014) *Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–10 aprelya 1929 g.)* [From classics to Marxism: Meeting of ethnographers of Moscow and Leningrad (5–10 April 1929)]. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS. pp. 21–83.
10. Davydov, V.N. (2013) *Vlast' provodnika: kayury-evenki i ispol'zovanie olennoy transporta na severnom Baykale* [The power of the conductor: the Mushers-Evensks and the use of deer transport in the northern Lake Baikal]. In: *Rannie formy potestarnykh system* [Early Forms of Potestas Systems]. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS. pp. 267–280.
11. Davydov, V.N. (2008) Native Evenki village on the Northern Baikal: resistance to the state discourses. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 3 (XI). pp. 146–163. (In Russian).
12. Pavlinskaya, L.R. (ed.) (1999) *Narody Sibiri v sostave gosudarstva Rossiyskogo (ocherki etnicheskoy istorii)* [The Peoples of Siberia as Part of the Russian State (Essays on ethnic history)]. Saint Petersburg: Evropeyskiy dom.
13. Berezniyskiy, S.V. (2019) [Field diaries of B.A. Kuftin as a unique source on the culture of indigenous peoples of the Amur-Sakhalin region of the first third of the 20th century]. *Abstracts of the 5th Northern Archaeological Congress*. Khanty-Mansiysk. 11–14 December 2019. Khanty-Mansiysk; Yekaterinburg: Al'fa-Print. pp. 400–402.
14. Berezniyskiy, S.V. (2018) [Field materials of the Tungusic Expedition of 1927–1928 as a source on the history and ethnography of the Russian Far East]. *Devyatye Grodekovskie chteniya* [The Ninth Grodek Readings]. Proceedings of the Interregional Conference. Khabarovsk. 17–22 April 2018. Khabarovsk: KhKM. pp. 123–126. (In Russian).
15. Berezniyskiy, S.V. (2018) Photography collections of the tunguska expedition in the museum of anthropology and ethnography (RAS). *Voprosy muzeologii – The Issues of Museology*. 9 (1). pp. 111–119. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu27.2018.110
16. Sirina, A.A. (2019) Orochi v polevykh dnevnikh B.A. Kuftina (po materialam Tungusskoy ekspeditsii 1928–29 gg.) [Orochi in the field diaries of B.A. Kuftin (based on the materials of the Tungusic expedition of 1928–29)]. In: *Sotsial'nye vzaimodeystviya, yazyki i landshafty v Sibiri i v Kitae (evenki, eveny, orochony i drugie gruppy)* [Social interactions, languages and landscapes in Siberia and China (Evenks, Evens, Orochons and other groups)]. Blagoveshchensk: Odeon. pp. 205–212.
17. Kaduk, A.V. & Sirina, A.A. (2018) [M.G. Levin and his materials on shamanism of the 1920s–1930s from the archive of the IEA RAS]. *Religiya kak faktor vzaimodeystviya tsivilizatsiy* [Religion as a factor of interaction of civilizations]. Proceedings of the 4th Congress of Russian Religious Studies Scholars. Blagoveshchensk. 24–28 September 2018. Blagoveshchensk: Amur State University. pp. 115–121. (In Russian).
18. Sem, T.Yu. (2018) [The ritual costume of the Evenk shaman odokon from the Baikal region (based on the materials of the Tungusic expedition of 1927)]. *Veshch' v translyatsii etnichnosti* [Things in the Translation of Ethnicity]. Proceedings of the 17th Saint Petersburg Ethnography Readings. Saint Petersburg. 04–06 December 2018. Saint Petersburg: IPT's SPGUTD. pp. 45–50. (In Russian).
19. Davydov, V.N. & Sirina, A.A. (2017) Tungusskaya ekspeditsiya 1927–1928 gg. i ee mesto v istorii moskovskoy etnograficheskoy shkoly [The Tungusic expedition of 1927–1928 and its place in the history of the Moscow ethnographic school]. In: Pivneva, E.A. (ed.) *Pole kak zhizn'* [Fieldwork as Life]. Moscow: Nestor-istoriya. pp. 39–49.
20. Arzyutov, D.V., Alymov, S.S. & Anderson, D.J. (2014) *Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11.04.1929 g.)* [From classics to Marxism: Meeting of ethnographers of Moscow and Leningrad (5–11.04.1929)]. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS.
21. Gerasimova, M.M. & Vasil'ev, S.V. (2016) Maxim Grigorievich Levin (1904–1963), anthropologist and ethnographer, investigator of the peoples of Siberia and the Far East. *Universum Humanitarium*. 2 (3). pp. 120–132.
22. Kuftin, B.A. (1925) *Zhilishche krymskikh tatar v svyazi s istoriei zaseleniya polostrova (Materialy i voprosy)* [The Dwelling of the Crimean Tatars in Connection with the History of Settlement of the Peninsula (Materials and questions)]. Moscow: Tipografiya "Tayninskiy pechatnik".
23. Alymov, S.S. (2004) Dmitriy Nikolaevich Anuchin: "estestvennaya istoriya cheloveka v obshirnom smysle etogo slova" [Dmitry Nikolayevich Anuchin: "the natural history of man in a broad sense of the word"]. In: *Vydayushchiesya otechestvennye etnologi i antropologi XX veka* [Outstanding Russian ethnologists and anthropologists of the twentieth century]. Moscow: Nauka. pp. 7–48.

24. Buzhilova, A.P. (2013) Anthropology at the Moscow University (to the 90 anniversary of Institute of anthropology of the Moscow State University). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya. – Moscow University Anthropology Bulletin*. 1. pp. 4–18. (In Russian).
25. Archive of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS. Fund 12. List 1. File 46. Pages 1–38. Kuftin, B.A. *O material'noy kul'ture gol'dov. Poberezh'e Tatarskogo proliva. r. Amur. 1927–1928 gg.* [On the material culture of the Golds. The coast of the Tatar Strait. Amur River. 1927–1928].
26. Archive of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS. Fund 12. List 1. File 41. Pages 1–85. Kuftin, B.A. *O material'noy kul'ture, shamanizme gilyakov. Poberezh'e Okhotskogo morya, Tatarskogo proliva, o. Sakhalin* [On material culture, shamanism of the Gilyaks. The coast of the Sea of Okhotsk, the Tatar Strait, Sakhalin Island].
27. Archive of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS. Fund 12. List 1. File 48. Pages 1–84. Kuftin, B.A. *O material'noy kul'ture, shamanizme orochev. Poberezh'e Tatarskogo proliva. 1927 g.* [On material culture, shamanism of the Orochi. The coast of the Tatar Strait. 1927].
28. Archive of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS. Fund 12. List 1. File 42. Pages 1–66. Kuftin, B.A. *O material'noy kul'ture, shamanizme udege. Poberezh'e Tatarskogo proliva. r. Amur. 1927–1928 gg.* [On material culture, shamanism of the Udege. The coast of the Tatar Strait. R. Amur. 1927–1928].
29. Archive of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS. Fund 12. List 1. File 49. Pages 1–45. Kuftin, B.A. *O shamanizme orochev. Poberezh'e Tatarskogo proliva. 1927 g.* [On shamanism of the Orochi. The coast of the Tatar Strait. 1927].
30. Archive of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS Fund 12. List 1. File 87. Pages 1–5. Kuftin, B.A. *Orochi. Shamanizm. Poberezh'e Tatarskogo proliva. Fotografii. 1927 g.* [Orochi. Shamanism. The coast of the Tatar Strait. Photo. 1927].
31. Archive of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS. Fund 12. List 1. File 38. Pages 1–38. Kuftin, B.A. *Tungusy I.* (In Russian).
32. Archive of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS. Fund 12. List 1. File 51. Pages 1–81. Kuftin, B.A. *Kratkiy epizodicheskiy dnevnik Tungusskoy ekspeditsii Antropologicheskogo instituta I Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta i Tsentral'nogo muzeya narodovedeniya letom 1927 goda* [A brief episodic diary of the Tungusic expedition of the Anthropological Institute of the I Moscow State University and the Central Museum of Folk Studies in the summer of 1927].
33. Archive of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS. Fund 12. List 1. File 52. Pages 1–46. Kuftin, B.A. *Kratkiy epizodicheskiy dnevnik Tungusskoy ekspeditsii Antropologicheskogo instituta I Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta i Tsentral'nogo muzeya narodovedeniya letom 1927 goda* [A brief episodic diary of the Tungusic expedition of the Anthropological Institute of the I Moscow State University and the Central Museum of Folk Studies in the summer of 1927].
34. Archive of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS. Fund 12. List 1. File 61. Pages 1–29. Kuftin, B.A. *Peyzazhnye zarisovki o. Baykal, o. Sakhalin. Polevye zarisovki. Karandash. 1927 g.* [Landscape sketches of Lake Baikal, Sakhalin Island. Field sketches. Pencil. 1927].
35. Kuftin, B.A. (1925) Melkie narodnosti i etno-kul'turnye vzaimootnosheniya na severo-vostoke Sibiri [Small nationalities and ethno-cultural relations in the north-east of Siberia]. *Severnaya Aziya*. 1–2. pp. 63–76.
36. Sovetskaya etnografiya – Ethnographic review. (1929) Soveshchanie etnografov Leningrada i Moskvy (5.IV–11.IV.1929) [Meeting of ethnographers of Leningrad and Moscow (5–11 April 1929)]. *Sovetskaya etnografiya – Ethnographic review*. 2. pp. 111–144.
37. Steshenko-Kuftina, V.N. (1930) Elementy muzykal'noy kul'tury paleoaziatov i tungusov [Elements of musical culture of Paleoasiates and Tunguses]. *Etnografiya*. 3. pp. 81–108. (In Russian).
38. Vasil'ev, B.A. (1946) *Medvezhiy prazdnik orochev: Opyt etnograficheskogo analiza obryada i mifologii* [The Bear Feast of the Orochi: The experience of ethnographic analysis of the rite and mythology]. History Cand. Diss. Moscow.
39. Vasil'ev, B.A. (1948) Medvezhiy prazdnik orochev [Bear holiday of the Orochi]. *Sovetskaya etnografiya – Ethnographic review*. 4. pp. 78–104.
40. Vasil'ev, B.A. (1940) Starinnye sposoby okhoty u primorskikh orochev [Ancient ways of hunting in the primorsky Orochi]. *Sovetskaya etnografiya – Ethnographic review*. 3. pp. 161–171.
41. Vasil'ev, B.A. (1929) Osnovnye cherty etnografii orokov [The main features of ethnography of the Oroks]. *Etnografiya*. 1. pp. 3–22.
42. Archive of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS. Fund K-V. List 1. File 13. Pages 1–53. Vasil'ev, B.A. *Orochi. Narody mira* [Orochi. Peoples of the world].
43. Archive of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS. Fund 12. List 1. File 124. Pages 1–15. Vasil'ev, B.A. *5 dney sredi orochev: ocherk. 1928–1929 gg.* [Five days among the Orochi: essay. 1928–1929].
44. Archive of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS. Fund 12. List 1. File 125. Pages 1–16. Vasil'ev, B.A. *Vtoroy shamanskiy seans: ocherk. 1928–1929 gg.* [The second shamanic session: essay. 1928–1929].
45. Vasil'ev, B.A. (1995) *Dukhovnyy put' Pushkina (Katakomby XX veka)* [Pushkin's Spiritual Path (Catacombs of the 20th century)]. Moscow: Sam & Sam.
46. Roginskiy, Ya.Ya. (1934) Materialy po antropologii tungusov Severnogo Pribaykal'ya [Materials on the anthropology of the Tunguses of the Northern Baikal region]. *Antropologicheskii zhurnal*. 3. pp. 105–126. (In Russian).
47. Levin, M.G. (1936) Evenki Severnogo Pribaykal'ya [Evenki of the Northern Baikal region]. *Sovetskaya etnografiya – Ethnographic review*. 2. pp. 71–78.
48. Levin, M.G. & Cheboksarov, N.N. (1955) Khozyaystvenno-kul'turnye tipy i istoriko-etnograficheskie oblasti [Economic and cultural types and historical and ethnographic areas]. *Sovetskaya etnografiya – Ethnographic review*. 4. pp. 3–17.
49. Levin, M.G. (1956) Antropologicheskie tipy narodov Sibiri [Anthropological types of the peoples of Siberia]. In: Levin, M.G. & Potapova, L.P. (eds) *Narody Sibiri* [The Peoples of Siberia]. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 108–114.
50. Levin, M.G. (1956) Orochi. In: Levin, M.G. & Potapova, L.P. (eds) *Narody Sibiri* [The Peoples of Siberia]. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 844–854.
51. Levin, M.G. (1958) Etnicheskaya antropologiya i problemy etnogeneza narodov Dal'nego Vostoka [Ethnic anthropology and problems of ethnogenesis of the peoples of the Far East]. *Trudy Instituta etnografii*. 34.
52. Vasilevich, G.M. & Levin, M.G. (1961) Olennyy transport [Deer transport]. In: Levin, M.G. & Potapov, L.P. (ed.) *Istoriko-etnograficheskiy atlas Sibiri* [Historical and Ethnographic Atlas of Siberia]. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 11–54.
53. Roginskiy, Ya.Ya. & Levin, M.G. (eds) (1978) *Antropologiya* [Anthropology]. 3d ed. Moscow: Vysshaya shkola.
54. Davydov, V.N. (2019) [Severobaikalsky detachment of the Tungusic expedition of 1927–1928: participants, methods, field materials]. *Ekho arkticheskoy odissei: sud'by etnicheskikh kul'tur v issledovaniyakh uchenykh-severovedov* [Echo of the Arctic Odyssey: the fate of ethnic cultures in the studies of Northern scientists] Proceedings of the All-Russian Conference. Yakutsk. 14–15 November 2019. Yakutsk: NB RS(Ya). pp. 217–223. (In Russian).

Received: 19 May 2020

ПОНЯТИЕ «ТАЙГА» В СИБИРСКОМ ДИСКУРСЕ XIX в. И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ. СТАТЬЯ ВТОРАЯ

Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Исследуется история понятия «тайга» в сибирском дискурсе в последней трети XIX в. Выявлены ключевые образы и мифологемы тайги, как они представлены в публицистике, очерках путешественников, лесоводческой литературе и беллетристике эпохи. Изучены ключевые трансформации в истории понятия, связанные с восприятием тайги как антитезы русского леса, определяющей региональные особенности Сибири. Сделан вывод о появлении к концу XIX в. дискурса покорения природы, который формируется вокруг вопроса о колонизационных возможностях таежных пространств.

Ключевые слова: тайга; лес; образы Сибири; колонизация; история понятий; социокультурный ландшафт; восприятие пространства

Введение. Тайга является важнейшей составляющей природного ландшафта Сибири и ключевым ее образом: частью социокультурного ландшафта. В предыдущем исследовании [1] было показано, что история данного понятия может быть понята лишь в связи с возникновением в российском общественном сознании сибирского дискурса как такового. Понятие возникает как попытка показать специфику сибирской природы, функционируя первоначально в логике раннего, «экзотического» описания Сибири, ставящего в центр внимания местные особенности. Тайга для наблюдателей первой трети XIX в. – это одновременно способ показать и особенности языка коренных народов и русских сибиряков, использующих для обозначения леса неизвестное в европейской части России слово, и особенности самой сибирской природы, которая осмысливается словно другая природа «другой России». Уже к середине XIX в. тайга становится базовым понятием о Сибири, усиливающим понимание территории в ее основных антиномиях «русского Эльдорадо» и «гиблого места». Происходит метаморфоза понятия, которое, соединяя в себе природное и социальное, может означать сугубо сибирский лес и наделять пространство некоторыми скрытыми в себе характеристиками: с одной стороны, «дикостью» и «пустынностью», а с другой – «первозданностью» и «изобилием».

В данной статье мы покажем, как менялось восприятие сибирского леса, тайги в последней трети XIX в. В этот период по нарастающей в общественной мысли России усиливается актуальность «сибирской темы». Происходит это за счет начала массового переселения в регион и ускорения его хозяйственного развития, что вело к росту регионального самосознания, дальнейшему развитию сибирской темы в художественной литературе, активизации деятельности различных общественных и политических сил и т.д. Нас будут интересовать вопросы о том, какое место понятие «тайга» займет в сибирском дискурсе в связи с ростом колонизации и общественного внимания к Сибири в конце XIX в.; что история понятия «тайга» может рассказать о восприятии сибирской природы; в чем заключается особенность восприятия российского и сибирского леса; как восприятие природы может

объяснить особенности колонизации Сибири; наконец, какое место тайга занимает в процессах поиска идентичности в российском обществе и как конкурирующие дискурсы влияли на восприятие тайги.

Результаты исследования. *Словарные определения.* В 1860–1890-е гг. понятие тайги развивается в русле тех дискурсов, которые сложились ранее. Одной из особенностей более раннего периода была терминологическая неустойчивость понятий, которыми обозначаются сибирские леса, что фиксировалось в словарях середины XIX в. Словари и специальные географические издания второй половины XIX в. рисуют более определенную картину, хотя разночтения сохраняются. Так, в словаре В.И. Даля (1866) тайга – одно из сибирских местных слов, наряду с архангельскими «тай» и «тайболой», которыми называют «обширные, сплошные леса, непроходимую, исконную глушь, где нет никакого жилья на огромном просторе» [2. С. 396]. То, что в восточной Сибири называют тайгой, в Западной Сибири – урман: «дикие, необитаемые леса, на огромном просторе» [2. С. 465]. В «Сибирской справочной книжке» (1868): «Тайга, название в Сибири густых, непроходимых лесов, в которых часто скрываются золотые прииски» [3. С. 93]. Во «Всеобщей географии» А.Г. Ободовского (1874, последнее издание) тайга – «непрерывный хвойный лес, тянется по всей Сибири от 65° до 55° с. ш.» [4. С. 164]. В «Географии Российской империи» Н.И. Зуева (1887) тайга – понятие, которое «применяется ко всем пространствам, покрытым лесом, но его более употребляют к востоку от Алтая для обозначения гористых местностей» [5. С. 203]. В «Географическо-статистическом словаре Российской империи» (1867) П.П. Семенова-Тян-Шанского высказывается предположение, что название тайга (обозначающее «гористый дремучий лес»), «столь характеристическое для лесистых и гористых местностей Юж. Сибири», происходит из Минусинского округа [6. С. 251]. Более определенным образом противоречие, которое фиксируется в определениях тайги между обозначением леса как такового и конкретно горного леса, в 1884 г. попытался разрешить на лингвистическом материале В.В. Радлов: «Русские заимствовали слово “тайга” у алтайцев, но понимают они под этим словом только

черные горы (“чернь”, йыш) и поэтому говорят о томской, кузнецкой или енисейской тайге» [7. С. 43]. Аналогично этот вывод также уже мог быть сделан на основе «Словаря алтайского и аладагского наречий тюркского языка» В.И. Вербицкого (1886): «тайга (к.), тайка (т. н-б.) высокая гора, снеговые белки» [8. С. 327]. Тем не менее вплоть до XX в. вопрос о происхождении слова оставался открытым, о чем можно судить по «Опыту лесоводственного терминологического словаря» П.Н. Верехи (1898): «Тайга – Тунгусское слово, сделавшееся общеупотребительным в русской речи; то же, что согра; чернолесье, а также еловый лес по низкому месту» [9. С. 517]

«Тайга» в художественной литературе. Контексты использования понятия между тем были гораздо шире и не ограничивались лишь описаниями лесных массивов Сибири. На протяжении всего XIX в. понятие «тайга» использовалось для характеристики лесных и слабозаселенных пространств в целом и для обозначения специфического общественного устройства быта таежных золотопромышленников. С точки зрения истории понятия эти смыслы развиваются постепенно и с определенного момента параллельно, дополняя друг друга. Так, многочисленные значения, которые может принимать слово «тайга», фиксирует В.М. Михеев в примечаниях к своим «Песням о Сибири» (1884), показывая также разные контексты употребления слова и своего рода его краткую историю в XIX в.: «Первоначально тайга значит дикий, непроходимый лес; потом это название переносится вообще на всякую дикую, преимущественно лесную, местность; затем в частности именно на золотопромышленную местность, которая обыкновенно почти всегда и бывает гористой, лесной, дикой; наконец тайгой называют людей, долго пробывших на золотых приисках или на поисках золота – прибавляя обыкновенно в этой случае “старая” тайга: Я, братец мой, – старая тайга!» [10. С. 192].

Такая смысловая многослойность сделала понятие тайги важной составляющей сибирского текста русской художественной литературы. От незавершенного романа Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева «Тайжане» (1872) до повести В.Я. Шишкова «Тайга» (1916) сибирский лес буквально центрирует повествование об особенностях сибирской жизни. Развитие образа тайги в художественной литературе, разумеется, зависело от общего идейного и художественного замысла авторов. Однако некоторые общие смыслы и образы, которые позволяют конструировать особый хронотоп тайги, выделить все же можно. В рамках этого хронотопа тайга выступает в качестве пограничного пространства между обычным и аномальным миром, как некая вседавящая таинственная сила, с которой человек органически связан, но находится в дисгармонии. В драме «Тайга» (1893) уже упомянутого В.М. Михеева тайга – это образ заикленного на себя пространства, из которого невозможно вырваться: «Разве мы с вами выберемся из этого заколдованного круга тайги дикой?», «Обступила меня тайга, непроходимая, черная! Отовсюду сгрудилась – обступила» [11. С. 31, 62]. Аналогично в сибирских текстах В.Г. Короленко «тайга-матушка» сосуществует с «ди-

кой тайгой»: «безмолвная и полная тайны», она манит от «серых будней» «в безвестную, заманчивую и обманчивую даль», но оборачивается враждебностью, не давая «ни просвета, ни надежды» [12. С. 12, 16]. В этом смысле образ сибирского леса, тайги, в многочисленных сочинениях последней трети XIX в. становится центральным для осознания изолированного социума, закрытого от и для остального мира самой природой: мира сибирских рабочих, ссыльных, беглых заключенных, переселенцев и старожильческих крестьян, представителей коренных народов [13–16 и др.].

Образ тайги в сочинениях путешественников. Другим важным источником, в котором происходило осмысление и конструирование образов Сибири, «ментальная и интеллектуальная “колонизация” новых территорий», являются путешествия, публиковавшиеся в российских толстых журналах или отдельными изданиями [17]. Как показывает современная культурная география, место получает свою характеристику в ходе сложного процесса дифференциации, когда представления о нем строятся на контрасте с неким «там», отличия от которого имеют символическое и идеологическое значение (см.: [18. С. 121]). И описания сибирского леса, сделанные путешественниками с их особой оптикой, нацеленной на то, чтобы донести прежде всего до несибирского читателя региональные сибирские особенности, особо ценны. При этом не только для понимания того, как происходило конструирование образа тайги, но и русского леса в целом.

Сознание путешественника второй половины XIX в. находится под влиянием сложившихся представлений о сибирском лесе и Сибири в целом еще до непосредственного знакомства с ними; так, тайга для С.Я. Елпатьевского «уже одним названием сулила нечто новое и оригинальное» [19. С. 17]. Ключевые образы тайги уже сформированы в литературе предыдущего периода: они связаны с ее безграничными размерами, неизведанностью и таинственностью. Для стороннего наблюдателя образ Сибири неразрывен с неисчерпаемыми лесными богатствами, «вековыми лесами, которых в продолжение целых столетий хватит на удовлетворение всех потребностей человека» [20. С. 581]. С размерами тайги коррелирует ее «непроходимость» и, несмотря на попытки поселений в ней, безлюдность и всеилие: «тайга все-таки осталась тайгой, и человеку не справиться с ней во веки веков» [20. С. 630]. В это же время также продолжает развитие тема путешествий на таежные золотоносные прииски, которая, в зависимости от замысла и позиции автора, может существовать в разных контекстах. С одной стороны, тайга продолжает осмысляться в качестве «обетованной земли», притягивающей «как магнит» «легионы рабочих», и где «счастье и случай дарят своим любимцам громадные богатства» [21. С. 26–27]. С другой стороны, развивается традиция социальной критики положения рабочих на приисках и описания устройства приисков [22, 23 и др.]. В рамках темы «тайга и золото» в лексикон эпохи входит понятие «таежники» как обозначение прежде всего золотопромышленных рабочих, а также всех,

кто связан с таежной жизнью: «люди проводящие большую часть своей жизни в тайге, привыкшие ко всем трудностям этой жизни, втянувшиеся в нее не из-за одной корысти, а из-за особенностей, которые она представляет» [24. С. 737].

Тайга, как одна из ключевых мифологем Сибири, в наиболее завершенном виде представлена, пожалуй, в очерках С.Я. Елпатьевского. Образ тайги у него показан в трех взаимосвязанных характеристиках, объединяющая мифологему тайны («святости») места, власти природы и своеобразного, особого, развития сибиряка [25. С.135]. Тайга для С.Я. Елпатьевского является основным, сущностным, сибирским пространством, наделенным особой силой и властью. Она олицетворяет силу природы, встречает человека «страшным, угрожающим ревом», словно «растревоженный зверь» [19. С. 22]. Подобно «суровому и мрачному храму», она скрывает и «хранит свою тайну», и только иногда расступается, чтобы дать место «какой-нибудь сотне, двум человеческих жизней» [19. С. 20]. И, как в храме, душа человека, замороженная молитвой и тишиной тайги, «возносится к небу» [19. С. 20].

Разумеется, конструирование мифологемы тайги в качестве ключевого компонента сибирского мифа вело к попыткам ее переосмысления и демифологизации. Так, в путевых записках М.Г. Гребенщикова (1887) знакомство с тайгой оборачивается не признанием резкого контраста с привычным и подтверждением неких стереотипных представлений, а скорее наоборот: «так вот она тайга, которую я представлял себе такой страшной, неприветливой, да ведь она смотрит такой веселой, так и тянет изведать, что таится в этой густой зелени, которую мы привыкли встречать садах и парках» [26. С.140–141]. Еще более сильно выражено это у А.П. Чехова: приступая в своем путевом очерке «Из Сибири» (1890) к описанию тайги, о которой «много говорили и писали», он приходит к выводу о том, что «от нее ждешь не того, что она может дать» [27. С. 35]. Здесь также тайга скорее похожа на уже знакомый ландшафт: «Нет ни деревьев в пять охватов, ни верхушек, при взгляде на которые кружится голова; деревья несколько не крупнее тех, которые растут в московских Сокольниках» [27. С. 36]. А.П. Чехов, как и многие путешественники до него, связывает представление о тайге с ее громадностью, для которой, действительно, «обычная человеческая мерка в тайге не годится». Но характерно, что заканчивается очерк уравниванием тайги и города в аспекте человеческого таланта, который «и в тайге так же знает себе цену и так же деспотичен, как и у нас в больших городах» [27. С. 38; 28. С.169].

Тем не менее попытки осмыслить тайгу как нечто противоположное знакомому лесу являются одной из наиболее характерных черт путешествий и очерков, посвященных тайге. Сибирская тайга это не обычный русский лес: «в России не знают что такое тайга, так как тайги у нас нету. Есть обширные дремучие леса, но собственно тайги нет» [20. С. 628]. Обычный лес имеет начало и конец, «за ним идут луга или поля, другие рощи или деревни», тайга же – это «безграничное и неизмеримое, непроходимое пространство, обросшее деревьями» [20. С. 628]. В этом смысле тай-

га – это вообще не лес, поскольку даже «тундра та же тайга, только вместо деревьев, которые не растут от холода, здесь стелются низкорослые кустарники и растут мхи ягеля» [20. С. 629]. Аналогичную мысль можно встретить в описании путешествия наследника престола Николая Александровича: «В сравнении с европейскими лесами тайга носит печальный и угрюмый, безжизненный характер» [29. С. 45]. Так же С.Я. Елпатьевский, сравнивая тайгу с московскими и владимирскими лесами, заключает, что последние «будто только что сошли с картины модного живописца», являют собой «нечто определенное, законченное, окруженное полями и деревьями, охваченное жильем, покоренное человеком» [19. С. 18–19]. И в сравнении с этим «тайга – не лес»: лес в центральной России встроен в существующий ландшафт, составляет лишь его часть и кажется покоренным, в то время как тайга – это и есть сибирский ландшафт, куда входит все остальное, включая собственно и сибирский лес, и поселения. Задавая основу сибирского ландшафта, для С.Я. Елпатьевского тайга объясняет и специфику сибирского характера, поскольку «здесь не человек царствует над природою, а природа над ним, и тайга как будто только позволяет на своих полянах раскинуться городам, а по оврагам вытянуться селам и деревням». Тайга накладывает свою «неизгладимую печать» на переселенцев, так что уже их дети и внуки потеряют «всякую связь с Россией, позабудут склад ее жизни, ее верования, песни, легенды... они превратятся в сибиряков» [19. С. 25].

Тайга и русский лес. Еще более стройную систему взглядов, объединяющую разные лесные ландшафты и национальные особенности, построил С.В. Максимов. Он был участником многочисленных литературно-этнографических экспедиций по России, в том числе известной экспедиции в Сибирь, организованной в 1855 г. морским ведомством по инициативе великого князя Константина Николаевича. По результатам этих путешествий был написан ряд работ, в том числе известное обозрение сибирских тюрем и быта ссыльных. Но нас больше интересует работа С.В. Максимова в качестве составителя книжек для народа, которые он готовил для Комиссии по устройству народных чтений, в том числе и на основе впечатлений от собственных путешествий. В одной из них, под названием «Дремучие леса или рассказ о народах, населяющих русские леса» (1866), приводится обзор лесных областей России и быта населяющих их народов. Для автора леса – «украшение земли», составляющее богатство России и укрепляющее русский народ. В то время как русский лес уступает место, с одной стороны, пашне, с другой, уменьшаясь в размерах, получает более пристальное внимание правительства, которое заводит в них «правильное хозяйство», сибирская тайга сохраняет «свой старый вид и свои вековые добродетели» [30. С. 7]. Как «вырастают людские роды и народы», так и старые, хвойные леса должны смениться новыми, лиственными, превратив местные народы из диких кочевников-звероловов в оседлых земледельцев. Завершает эту лесную философию рассказ о лесах Западной России, которые в отличие от богатых сибирских лесов и ле-

сов центральной России, «воспитавших здоровое русское племя», являются «нездоровыми», как и само местное население [30. С. 74].

С.В. Максимов не единственный, кто в это время увязывает лесной вопрос с поиском национальной идентичности. Следует сказать, что начиная с 1840-х гг. лесной вопрос в целом получает все большее значение в общественных дискуссиях. Это было вызвано становящимися все более очевидными масштабами уничтожения лесов в центральной России, эрозией почв, разрушением русел рек и изменением климата: «лесная проблема завладела общественным сознанием. Не было почти ни одной газеты или журнала, где бы не проводились бесчисленные факты катастрофического состояния лесов» [31. С. 43].

В этих дискуссиях, вовлекающих крупных писателей, мыслителей и ученых, рождалась особая этика отношения к природе, которая объединяла «русскую идентичность, здоровое состояние лесов и устойчивое экономическое развитие» [32. Р. 2]. В недавно переведенной работе Д.Т. Кастлоу на примере многочисленных источников (от Тургенева до Нестерова) рассматривается, как русский лесной ландшафт в XIX в. становится «стартовой точкой русских поисков идентичности на многих уровнях и с различными целями: политическими, духовными и природоохранными»: в «святых русских лесах» и писатели, и художники обнаруживают сущность России [18. С. 20]. Даже научное лесоводство не оставалось в стороне от этих тенденций. Так, по мнению С. Брейна, с конца XIX в. русское лесоводство все больше начинает занимать критическую позицию по отношению к господствующей немецкой лесоведческой школе, приходя к мысли о том, что «русские леса существенно отличаются от европейских, и что русский народ обладает более тесной культурной, исторической и духовной связью с лесом, чем признавала преобладающая система лесного хозяйства» [32. Р. 12].

Таежный дискурс формировал свое пространство ответов на вопрос о связи ландшафта и национально-регионального самосознания, и был, таким образом, встроен в дискуссию о русском лесе. Для путешественников и писателей второй половины XIX в. признание отличий тайги от «владимирских и русских лесов» объясняло, почему и как сибиряк не похож на русского. Но и обратное было верно: тайга выступала пространством для понимания специфики чисто русского лесного ландшафта и ситуации, в которой оказался русский лес. В одном из главных лесоведческих трудов конца XIX в. – в «Русском лесе» Ф.К. Арнольда (1893) – важное место занимает вопрос о роли леса в национальном самосознании, отдельный параграф отведен проблеме влияния леса «на развитие в человеке чувств возвышенных и патриотизма». Понятие тайги при этом исключено из содержания книги, но имплицитно оно играет важную роль для понимания того, что такое русский лес [33. С. 3–6]. Для Ф.К. Арнольда «русский лес», которому «русская душа должна отдать полную справедливость и назвать его именно своим родным» – это лес центральной России. Другая группа лесов – это «обширные лесные пространства Севера и Севера-востока Европейской

России, Сибири и Кавказских гор». Различие между этими группами лесов лежит «независимо в некоторой степени от формы их и состава» и заключается в степени освоенности, пользы для родного края, и уровне угрозы. Первый, «прирученный лес, разбросанный по лицу России вперемежку с деревнями, поселками и незатейливыми городами, постепенно втянулся в чисто русские интересы и нужды и, не отказывая в услугах прочим нациям, посвятил себя служению главным образом родному краю». Второй, «олицетворение сказочного великана» – «царство почти дикого леса, мало знакомого с силою и мощью культурного человека, леса, привыкшего скорее владеть в занимаемой им области, чем подчиняться условиям окружающего мира». В этих словах нетрудно увидеть основные составляющие мифологемы сибирской тайги, как она складывалась на протяжении XIX в., и здесь она представлена как антитеза собственно русского леса.

Тайга и покорение природы. Сказанное выше, разумеется, не отменяет того, что состояние и проблемы сибирской тайги, вопросы защиты сибирских лесов не поднимались в публицистике и специальных сочинениях второй половины XIX в. Скорее наоборот по нарастающей эти вопросы также начинают волновать российское общество, приводя к развитию лесоохранной политики в Сибири [34]. Только ключевым отличием и триггером здесь выступала скорее государственная политика по исследованию лесных массивов Сибири и изучению возможности использования их для переселенческого дела. Начиная со второй половины 1880-х гг. началась планомерная работа по исследованию почвы и климатических условий отдельных территорий, по изучению землепользования и хозяйственного быта крестьян Сибири. В 1896 г. при Министерстве внутренних дел было создано Переселенческое управление для непосредственного руководства переселением. К этому времени стало ясно, что запас пригодных для заселения земель в лесостепной зоне истощился, что заставило правительство поднять вопрос о заселении таежных и урманных пространств. С 1896 г. таежные пространства Западной Сибири подвергаются всестороннему обследованию, результатом чего стало решение допускать на всем пространстве тайги, за исключением заказных лесов, свободное водворение переселенцев.

В рамках этих и последующих за ними исследований были подвергнуты сомнению по крайней мере две мифологемы, связанные с тайгой. Первая касалась представления о ее безграничности и неисчерпаемости, вторая – представления о невозможности освоения и заселения таежных пространств. Уже в отчете лесного департамента за 1897 г. признавалось, что, хотя «по издавна сложившемуся мнению, Сибирь принадлежит к числу стран, составляющим бесконечную тайгу и урманы... теперь лесов оказывается очень и очень мало» [35. С. 3]. Освоение тайги признавалось возможным вследствие неоднородности лесных массивов, и приобрело «громдное общегосударственное значение».

Любопытным документом, фиксирующим изменившиеся представления о тайге, являются «Очерки

Томского края» (1898) [36] – сборник публичных лекций, организованных Томским отделом Императорского московского общества сельского хозяйства. В этих лекциях принял участие П.Н. Крылов, ботаник и ученый садовник Томского университета, который дал классическое определение тайге и характеристику лесным формациям Сибири. Одну из лекций прочитал также В.Т. Волков, старший производитель работ западносибирского переселенческого отряда, показавший возможность освоения таежных пространств и поставивший вопрос о необходимости выработать «приемы к разумной эксплуатации таежного простора». Профессор Д.Н. Беликов, среди прочего, показал опыт поселения старообрядцев в тайге. В совокупности эти лекции давали наиболее полное на тот момент описание тайги с ботанической, климатической, зоологической, исторической и хозяйственной точек зрения.

За появлением этого описания стоял возросший общественный интерес к проблеме освоения Сибири,

формировалась государственная политика в данной области, а молодой университет должен был стать центром изучения Сибири «по всем царствам природы, по истории и этнографии ее жителей» [37. С. 88]. Появляется и новое отношение к природе, о чем ярко сказал профессор зоологии и бывший ректор университета Н.Ф. Кашенко во вступительной речи к лекциям. В конце XIX в. таежный вопрос оказывается во власти дискурса покорения природы – «развития человеческого господства над организованной природой», для которого «необходимо постоянно новые наблюдения над живой природой и опыты с целью изыскания новых средств воздействия на нее» [36. С. 33]. Этот дискурс станет основополагающим в последующие десятилетия и приобретет официальный статус. Структурные составляющие таежного дискурса, выработанные общественным сознанием ранее, станут его составной частью или смогут сформировать новые альтернативные способы отношения к природе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев А.В. Понятие «тайга» в сибирском дискурсе XIX в. и его интерпретации // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 123–130.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1866. Ч. 4. P-V. [680] с.
3. Сибирская справочная книжка. Иркутск : Тип. Окр. штаба, 1868. [2], 108 с.
4. Ободовский А.Г. Всеобщей географии учебная книга, принятая для употребления в учебных заведениях Министерства народного просвещения. СПб. : Тип. И. Глазунова и К°, 1874. VIII, 420 с.
5. Зуев Н.И. География Российской империи (курс средних учебных заведений). СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1887. 264 с.
6. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Географическо-статистический словарь Российской империи / сост. по поручению Рус. геогр. о-ва действ. чл. О-ва П. Семёнов. СПб. : В тип. В. Безобразова и Комп., 1867. Т. III. 743 с.
7. Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М. : Наука. Гл. ред. вост. лит., 1989. 749 с.
8. Вербицкий В.И. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка / сост. прот. В. Вербицкий. Казань : Православ. миссионер. о-во, 1884. IV, 494 с.
9. Вереха П.Н. Опыт лесоводственного терминологического словаря. СПб. : Тип. СПб. Градоначальства, 1898. VI, 588 с.
10. Михеев В.М. Песни о Сибири. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1884. 196 с.
11. Михеев В. Тайга. Драма в 4 действиях. М. : Типо-лит. В. Рихтеръ, 1906. 111 с.
12. Короленко В.Г. Сон Макара. Рассказ // Русская мысль. 1885. Кн. 3. [Март]. С. 6–32.
13. Хрушов-Сокольников Г.А. Петербургские крокодилы. СПб. : Тип. В.В. Комарова, 1886. 546 с.
14. Окрейнци С.С. В. Уголовный роман. СПб. : Журн. «Луч», 1888. 308 с.
15. Елпатьевский С.Я. Гектор // Вестник Европы. 1894. Кн. 3. [Март]. С. 145–165.
16. Гейнце Н.Э. Драма в тайге : Роман из сибирской жизни : в 2 ч. Екатеринбург : В.Г. Чекан, 1899. [2], 256 с.
17. Родигина Н.Н. Репрезентация литературных путешествий в Сибирь в русских общественно-политических журналах второй половины XIX века // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 170–182.
18. Костлюу Дж.Т. Заповедна Россия. Прогулки по русскому лесу XIX века. СПб. : Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. 376 с.
19. Елпатьевский С.Я. Очерки Сибири. М. : Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1893. 205, [2] с.
20. Зарубин И. Вокруг Азии. Через Сибирь // Русский вестник 1881. Т. 154. Август. С. 581–646.
21. Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и ученых исследованиям. М. : Типография С. Орлова, 1879. Т. IV. 240 с.
22. Дробыш-Дробышевский А.А. Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге / [соч.] А. Уманьского [псевд.]. СПб. : Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1888. 167, [1] с.
23. Латкин Н.В. На сибирских золотых приисках. Из таежных воспоминаний. СПб. : Тип. Товарищества «Общественная польза», 1898. 223 с.
24. Аксенова Л.В. Шесть месяцев в сибирской тайге // Русский вестник. 1880. Т. 145, № 2. С. 735–768.
25. Шишпарнок Е. Сибирский миф и художественный образ Сибири в русской литературе XIX в. // Вестник Бурятского государственного университета. 2007. № 7. С. 131–138.
26. Геребенщиков М.Г. Путевые записки и воспоминания по Дальнему Востоку. СПб. : Типография Я.И. Либермана, 1887. 271 с.
27. Чехов А.П. Сочинения : в 18 т. // Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1978. Т. 14/15. Из Сибири. Остров Сахалин. С. 5–38.
28. Новикова Е.Г. Образ Сибири в контексте кругосветных путешествий русских писателей второй половины XIX века: «чужое» и «свое» // Диалог культур: поэтика локального текста : материалы IV Междунар. науч. конф., г. Горно-Алтайск, 9–12 сентября 2014 г. Горно-Алтайск, 2014. С. 166–173.
29. Краузе В.М. Путешествие Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича, 1891–1892. СПб. : Издание ежемесячника «Семьянин», 1894. 56 с.
30. Максимов С. Край крещеного света. II. Дремучие леса или рассказ о народах, населяющих русские леса. СПб. : Тип. товарищества «Общественная польза», 1866.
31. Истомина Э.Г. Лесоохранительная политика России в XVIII – начале XIX века // Отечественная история. 1995. № 4. С. 34–47.
32. Brain S. Song of the Forest: Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953. Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 2011. 251 p.
33. Арнольд Ф.К. Русский лес. СПб. : Изд. А.Ф. Маркса, 1893. Т. 1. [16] с., 325 с., [79] с.
34. Тяпкин М.В. Государственная лесоохранная политика в Западной Сибири в XVII – начале XX в. Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т, 2019. 495 с.
35. Состояние и нужды казенного лесного хозяйства в Сибири. По отчетам чинов лесного департамента, командированных в 1897 года с Высочайшего соизволения в губернии Тобольскую, Томскую и Енисейскую и области Акмолинскую и Семипалатинскую. СПб. : В гос. тип., 1899. 352 с.

36. Научные очерки Томского края : сб. публ. лекций по различным вопросам естествознания и сельского хозяйства, организованных осенью 1897 года бывшим Томским отделом Императорского Моск. общества сельского хозяйства, ныне преобразованным в Западно-Сибирское общество сельского хозяйства. Томск : Типо-лит. М.Н. Кононова и И.Ф. Скулимовского, 1898. [511] с.
37. Флоринский В.М. Проект предложения к пожертвователям для собрания библиотеки Сибирского университета // Из истории книжных фондов библиотеки Томского университета. Томск, 1998. Вып. 3. С. 86–88.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 ноября 2021 г.

The Concept “Taiga” in the Siberian Discourse of the 19th Century and Its Interpretations (Article Two)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 12–18.

DOI: 10.17223/15617793/473/2

Artyom V. Vasilyev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: hegelianer@gmail.com

Keywords: taiga; forest; Siberia; conceptual history; sociocommunicative landscape.

The study is carried out within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

This article is a continuation of the study of the history of the concept “taiga” in the Siberian discourse of the 19th century. Its aim is to identify the key images associated with this concept and the key sociocultural, political, and economic factors influencing the transformation of the concept in the last third of the 19th century. During this period, the relevance of the “Siberian theme” is growing in the social thought of Russia. This happens due to the beginning of mass migration to the region and the acceleration of its economic development, which led to the growth of regional self-awareness, the further development of the Siberian theme in fiction, the intensification of the activities of various social and political forces, etc. The questions of what place the concept of taiga occupies in Siberian discourse in connection with the growth of colonization and public attention to Siberia at the end of the 19th century are investigated. What is the peculiarity of the perception of Russian and Siberian forests? In turn, how can the perception of nature explain the peculiarities of the colonization of Siberia? Finally, what place does the taiga occupy in the search for identity in Russian society, and how did competing discourses influence the perception of the taiga? The material is journalistic texts, reports of travelers and Siberian officials, forestry literature, and fiction of this period. The research methods are the tools of humanitarian geography, the history of concepts, and the sociology of nature. As a result of the study, it was revealed that the concept of taiga during this period is interpreted as the antithesis of the Russian forest. The concept is used to substantiate the reasons for the existence of regional differences in Siberians. The taiga forms the basis of the Siberian landscape: the forest in central Russia is embedded in the existing landscape, makes up only a part of it and seems conquered, while the taiga is the Siberian landscape, which includes everything else, including the Siberian forest and settlements. The concept develops in numerous works of the last third of the 19th century and becomes central to the understanding of the isolated society, closed from and for the rest of the world by nature itself: the world of Siberian workers, exiles, fugitive prisoners, migrants, and old-time peasants, representatives of indigenous peoples. By the end of the century and the beginning of the mass agricultural development of the region, the taiga forms a nature-conquering discourse. The mythologem about the infinity of the taiga and the impossibility of its development is rethought. This discourse becomes fundamental in the following decades and acquires an official status.

REFERENCES

1. Vasil'ev, A.V. (2020) The concept “taiga” in the Siberian discourse of the 19th century and its interpretations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 461. pp. 123–130. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/461/14
2. Dal', V.I. (1866) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 4. Moscow: Izd. obshch-va lyubiteley Rossiyskoy slovesnosti.
3. Anon. (1868) *Sibirskaya spravochnaya knizhka* [Siberian Reference Book]. Irkutsk: Tip. Okr. shtaba.
4. Obodovskiy, A.G. (1874) *Vseobshchey geografii uchebnaya kniga, prinyataya dlya upotrebleniya v uchebnykh zavedeniyakh Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Universal Geography Textbook Adopted for Use in Educational Institutions of the Ministry of Public Education]. Saint Petersburg: Tip. I. Glazunova i Ko.
5. Zuev, N.I. (1887) *Geografiya Rossiyskoy imperii (kurs srednikh uchebnykh zavedeniy)* [Geography of the Russian Empire (Course of secondary educational institutions)]. Saint Petersburg: Tip. A.S. Suvorina.
6. Semenov-Tyan-Shanskiy, P.P. (1867) *Geograficheskostatisticheskiy slovar' Rossiyskoy imperii* [Geographical and Statistical Dictionary of the Russian Empire]. Vol. 3. Saint Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i Komp.
7. Radlov, V.V. (1989) *Iz Sibiri: Stranitsy dnevnika* [From Siberia: Pages of the diary]. Moscow: Nauka. Gl. red. vost. lit.
8. Verbitskiy, V.I. (1884) *Slovar' altayskogo i aladagskogo narechiy tyurkskogo yazyka* [Dictionary of the Altai and Aladag dialects of the Turkic language]. Kazan: Pravoslav. missioner. o-vo.
9. Verekhina, P.N. (1898) *Opyt lesovodstvennogo terminologicheskogo slovarya* [An Attempt of Forestry Terminological Dictionary]. Vol. 6. Saint Petersburg: Tip. SPb. Gradonachal'stva.
10. Mikheev, V.M. (1884) *Pesni o Sibiri* [Songs about Siberia]. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova.
11. Mikheev, V. (1906) *Tayga. Drama v 4 deystviyakh* [Taiga. Drama in 4 acts]. Moscow: Tipo-lit. V. Rikhter.
12. Korolenko, V.G. (1885) Son Makara. Rasskaz [Makar's dream. The story]. *Russkaya mysl'*. 3. pp. 6–32.
13. Khrushchov-Sokol'nikov, G.A. (1886) *Peterburgskie krokodily* [Crocodiles of Petersburg]. Saint Petersburg: Tip. V.V. Komarova.
14. Okreynts, S.S. (1888) *V Sibiri: Ugolovnyy roman* [In Siberia: A Criminal novel]. Saint Petersburg: Zhurn. “Luch”.
15. Elpat'evskiy, S.Ya. (1894) Gektor [Hector]. *Vestnik Evropy*. 3. March. pp. 145–165.
16. Geyntse, N.E. (1899) *Drama v tayge: Roman iz sibirskoy zhizni* [Drama in the taiga: A novel from Siberian life]. Vol. 2. Yekaterinburg: V.G. Chekan.
17. Rodigina, N.N. (2012) The representations of literary journeys to Siberia in Russian political journals of the second half of the 19th century. *Dialog so vremenem – Dialogue with Time*. 39. pp. 170–182. (In Russian).
18. Kostlou, Dzh.T. (2020) *Zapovedna Rossiya. Progulki po russkomu lesu XIX veka* [Zapovedna Rossiya. Walking through the Russian forest of the 19th century]. Saint Petersburg: Academic Studies Press / BiblioRossika.
19. Elpat'evskiy, S.Ya. (1893) *Ocherki Sibiri* [Essays of Siberia]. Moscow: Tipo-litografiya T-va I.N. Kushnerev i K.
20. Zharubin, I. (1881) Vokrug Azii. Cherez Sibir' [Around Asia. Through Siberia]. *Russkiy vestnik*. 154. August. pp. 581–646.
21. Semenov, D.D. (1879) *Otechestvovedenie. Rossiya po rasskazam puteshestvennikov i uchenym issledovaniyam* [Fatherland Studies. Russia according to the stories of travelers and scientific research]. Vol. IV. Moscow: Tipografiya S. Orlova.

22. Drobyshev-Drobyshevskiy, A.A. (1888) *Ocherki zolotopromyshlennosti v Eniseyskoy tayge* [Essays on the Gold Industry in the Yenisei Taiga]. Saint Petersburg: Tovarishchestvo "Pechatnya S.P. Yakovleva".
23. Latkin, N.V. (1898) *Na sibirskikh zolotykh priiskakh. Iz taezhnykh vospominaniy* [On the Siberian Gold Mines. From taiga memories]. Saint Petersburg: Tip. Tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za".
24. Aksenova, L.V. (1880) *Shest' mesyatsev v sibirskoy tayge* [Six months in the Siberian taiga]. *Russkiy vestnik*. 2 (145). pp. 735–768.
25. Shishparnok, E. (2007) Siberian myth and the images of Siberia in Russian literature in 19 century. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – BSU bulletin*. 7. pp. 131–138. (In Russian).
26. Gerebenshchikov, M.G. (1887) *Putevye zapiski i vospominaniya po Dal'nemu Vostoku* [Travel Notes and Memoirs on the Far East]. Saint Petersburg: Tipografiya Ya.I. Libermana.
27. Chekhov, A.P. (1978) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 14/15. Moscow: Nauka. pp. 5–38.
28. Novikova, E.G. (2014) [The Image of Siberia in the context of world travels of Russian writers of the second half of the nineteenth century: the "alien" and "own"]. *Dialog kul'tur: poetika lokal'nogo teksta* [Dialogue of Cultures: The poetics of local text]. Proceedings of the 4th International Conference. Gorno-Altai. 9–12 September 2014. Gorno-Altai: Gorno-Altai State University. pp. 166–173. (In Russian).
29. Krauze, V.M. (1894) *Puteshestvie Ego Imperatorskogo Vysochestva Gosudarya Naslednika Tsesarevicha i Velikogo Knyazya Nikolaya Aleksandrovicha, 1891–1892* [A Journey of His Imperial Highness the Sovereign Heir Tsarevich and Grand Duke Nicholas Alexandrovich, 1891–1892]. Saint Petersburg: Izdanie ezheimesyachnika "Sem'yanin".
30. Maksimov, S. (1866) *Kray kreshchenogo sveta. II. Dremuchie lesa ili rasskaz o narodakh, naselyayushchikh russkie lesa* [The edge of the Christian world II. A dense forest or the story of the peoples of the Russian forest]. Saint Petersburg: Tip. tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za".
31. Istomina, E.G. (1995) *Lesookhranitel'naya politika Rossii v XVIII – nachale XIX veka* [Forest preserving policy of Russia in the 18th – early 19th century]. *Otechestvennaya istoriya*. 4. pp. 34–47. (In Russian).
32. Brain, S. (2011) *Song of the Forest: Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
33. Arnol'd, F.K. (1893) *Russkiy les* [Russian Forest]. Vol. 1. Saint Petersburg: Izd. A.F. Marksa.
34. Tyapkin, M.V. (2019) *Gosudarstvennaya lesookhrannaya politika v Zapadnoy Sibiri v XVII – nachale XX v.* [State Forest Protection Policy in Western Siberia in the 17th – Early 20th Centuries]. Barnaul: Barnaul Law Institute.
35. Anon. (1899) *Sostoyanie i nuzhdy kazennogo lesnogo khozyaystva v Sibiri. Po ochetam chinov lesnogo departamenta, komandirovannykh v 1897 goda s Vysochayshego soizvoleniya v gubernii Tobol'skuyu, Tomskuyu i Eniseyskuyu i oblasti Akmolinskuyu i Semipalatinskuyu* [The State and Needs of State Forestry in Siberia. According to the reports of the officials of the forest Department sent in 1897 with the Highest permission to the provinces of Tobolsk, Tomsk and Yenisei and the regions of Akmola and Semipalatinsk]. Saint Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
36. Zapadno-Sibirskoe obshchestvo sel'skogo khozyaystva [West Siberian Agricultural Society]. (1898) *Nauchnye ocherki Tomskogo kraya* [Scientific Essays of the Tomsk Region]. Tomsk: Tipo-lit. M.N. Kononova i I.F. Skulimovskogo.
37. Florinskiy, V.M. (1998) *Proekt predlozheniya k pozhertvovatelyam dlya sobraniya biblioteki Sibirskogo universiteta* [Draft proposal to donors for the collection of the library of the Siberian University]. In: Esipova, V.A. & Erokhina, G.S. (eds) *Iz istorii knizhnykh fondov biblioteki Tomskogo universiteta* [From the History of the Book Collections of the Tomsk University Library]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 86–88.

Received: 22 November 2021

ПРЕОДОЛЕВАЯ «ЗАПАД»: СВОЕОБРАЗИЕ ДРЕВНЕЙ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ИСТОРИИ В СОВЕТСКИХ УЧЕБНИКАХ

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 20-09-41014) «От Святой Земли до рабовладельческой формации: история Древнего Ближнего Востока в российской исторической науке XX в.».

Исследуется проблема понимания своеобразия древней ближневосточной истории в контексте объявленного советскими востоковедами «поворота к Востоку», происходившего в период становления советской марксистской историографии. Делается вывод, что, подчеркивая достижения советской науки по сравнению с западной, советские историки заявляли о еще нереализованной программе; сама же ее реализация на протяжении 1930-х гг. оказалась сравнительно ограниченной и сводилась во многом к положению о том, что Древний Восток шел по тому же пути рабовладения, что и античное общество.

Ключевые слова: советская историография; учебные курсы; история древнего Ближнего Востока

В 1931 г. из печати вышла небольшая брошюра, содержащая речь С.Ф. Ольденбурга (1863–1934) «Восток и Запад в советских условиях». В ней «старый» ученый, ставший академиком еще до революции, а при новом режиме возглавлявший Академию наук до того времени, пока она еще сохраняла отдельные элементы автономности, отмечал, «какую громадную, коренную перемену в нашем научном мировоззрении произвела Октябрьская Революция» [1. С. 3]. Ранее, как отмечал академик, исследование Востока несло характер обоснования отвлеченных научных истин, что и выразилось в существовании старого, европоцентристского востоковедения. Несмотря на попытки некоторых буржуазных ученых превзойти эту ограниченность, только в Советском Союзе реально сформировалась научная установка, выраженная автором с явным ригоризмом: «Для нас нет разделения народов и стран на Восток и Запад, противоположные друг другу и иначе изучаемые: Восток вошел в наш Союз на равных правах с Западом, и мы изучаем его с той же марксистской методологией, с какой изучаем Запад. Классовая борьба шла и идет на Востоке так же, как и на Западе. История Востока дала те же формации, как и история Запада. Это основные положения нашего востоковедения» [1. С. 9]. Заклучалась речь не менее уверенным заявлением, согласно которому «советская постановка вопроса о Востоке и Западе делает его вопросом решенным...» [1. С. 15].

Эта речь стала одной из опорных точек для нового восприятия реальности в гуманитарных науках, которое исходило из принципиального отличия советского востоковедения начала 1930-х гг. как от дореволюционной отечественной, так и от современной зарубежной традиций. Правда, обосновать эти отличия удалось только с помощью нескольких аккуратных манипуляций с примерами.

Так, для того чтобы показать тупик, в который зашла западная наука, Ольденбург приводил в пример цитату из небольшого (и отнюдь не программного) эпизода индолога С.М. Эдвардса (Edwardes, 1873–1927), написанного к посмертному переизданию классической книги В.А. Смита (1848–1920) о доисламской Индии. Эдвардс писал о том, что «политическая история Индии не может соперничать в значении с историей Греции, Рима или современной Европы...»,

ибо по преимуществу сводится к истории обычного деспотизма. Именно эти слова Ольденбург трактует как знак явного европоцентризма, имперского отношения к Индии как колонии, которое даже заставило Эдвардса забыть о том, что исследования индийской общины имеют большое значение для науки, а проведены были в основном самими англичанами [1. С. 5]. Несмотря на то что сравнительно пространная цитата переведена в речи Ольденбурга вполне корректно, тем не менее она вырвана из контекста: в следующем же (и заключающем всю книгу) абзаце Эдвардс сообщал читателям, что в индийском случае большее значение, чем изучение политических установлений, играет история мысли – философии, религии, науки, искусства и литературы [2. Р. 500–501]. Если противопоставление между Индией и Западом и было существенной частью цитируемого пассажа, негативные его результаты уравнивались позитивными¹. У Ольденбурга были основания проигнорировать этот последний абзац за авторством Эдвардса, поскольку в начале 1920-х гг. он и сам писал о Востоке примерно то же самое: что тот слаб в области наук, но необычайно многого достиг «в области творчества духа» [4. С. 7].

Если обратиться к другой отсылке в речи Ольденбурга, то она окажется еще более парадоксальной. Пересказывая общее содержание ежегодного обращения главы Американского восточного общества С. Адлера (1863–1940) к его членам в 1924 г., академик соглашается практически со всеми его положениями, включая тезис о необходимости связывать работу общества с текущими политическими потребностями [5. Р. 184], но отмечает в завершении, что «призыв Адлера, видимо, не был услышан» [1. С. 8]. Поскольку этот вывод ничем не подтвержден, то является исключительно оценочным, не говоря о том, что вряд ли у советского академика было достаточно информации, чтобы с уверенностью заявлять, что речь Адлера не произвела никакого эффекта.

Таким образом, оригинальность советского видения проблем Востока в речи Ольденбурга сильно преувеличена, но вряд ли допустимо думать, что такое преувеличение возникло вследствие его наивности в суждениях или тем более некомпетентности. Это примерно так же маловероятно, как полагать, будто

Ольденбург мог искренне радоваться успехам советского востоковедения на фоне недавно прошедшего «академического дела»². Но как глава Института востоковедения он должен был предлагать те ответы, которые звучали бы уместно в изменившихся условиях, и этим можно объяснить то, что он постарался оформить старую гуманистическую идею познания Востока в новую оправу антиколониального и формационного марксистского дискурса.

Но если в социальной жизни так называемая теорема Томаса имеет право на существование, то она тем более может быть приложена к истории социальных наук. Какими бы текущими обстоятельствами ни было вызвано утверждение Ольденбурга об уже свершившемся преодолении советской наукой противопоставления в изучении Запада и Востока и какие бы обстоятельства ни заставляли других историков принимать это утверждение в качестве путеводной звезды, оно имело вполне реальные последствия в контексте совершившегося в советской науке перехода к единой теории исторического процесса.

Дело в том, что до начала 1930-х гг. такой теории все еще не было, а необходимость в ней изначально даже не сознавалась. В учебниках по политэкономии 1920-х гг., равно как и в других марксистских обобщающих работах, высказывались разные версии хронологической последовательности и экономической сущности исторических эпох, поэтому при общем единообразии анализа (основанного на экономизме и классовый борьбе) допустимые расхождения в подходах разных авторов могли быть весьма существенными.

Наступление единства (как минимум декларируемого) в понимании сути и смысла истории, время перехода к которому пришлось приблизительно на 1932–1938 гг., происходило в том числе при отсылке к ольденбургскому тезису «несть ни Востока, ни Запада». Сыгравший решающую роль в унификации представлений о Древнем Востоке как рабовладельческой формации, в целом идентичной с античными Грецией и Римом, В.В. Струве (1889–1965) строил свою общую аргументацию по тем же лекалам, что и Ольденбург, в том числе прямо отсылал к опыту старшего коллеги.

В заключительных абзацах своего поворотного для советского востоковедения доклада 1933 г. Струве рассуждал следующим образом: если исходить из того, что на Востоке не было рабовладения, то придется признать, что там был «вечный феодализм», но такой тезис, «по сравнению с быстро преодоленным феодализмом Запада, подчеркивал бы исключительную специфичность истории Востока и в одинаковой степени удовлетворял бы и националистически настроенные элементы на Востоке, и европейских империалистов. Для первых вечный феодализм доказывал бы, что Восток может идти иными путями развития, нежели Запад, а для вторых вечный феодализм доказывал бы абсолютную застойность Востока и тем самым невозможность без помощи мессианической Европы выйти из тупика этой застойной феодальной формации» [7. С. 90].

В статье, посвященной более частному вопросу и опубликованной в юбилейном сборнике в честь Ольденбурга, Струве уже конкретизирует образы врага «правильной» теории и ее защитников: «Мое исследование, таким образом, доказывает, что и в Сумире, т.е. на Востоке, существовала рабовладельческая формация, как она существовала и на Западе, в Греции и в Италии. Само собой понятно, что она в Сумире имела свои специфические особенности, поскольку сумерийское общество покоилось на весьма своеобразном ирригационном хозяйстве, но факт наличия в Сумире рабовладельческой формации целиком уничтожает положение Эдуарда Мейера о том, что “на Востоке в противоположность Западу рабство в хозяйственном отношении никогда не играло более или менее крупной роли”. Если мое исследование действительно уничтожает положение Мейера, основанное на столь характерном для буржуазного востоковедения противопоставлении Востока и Запада, то я счастлив принести этот скромный дар советскому исследователю, который для советского востоковедения столь ярко и сильно покончил с противопоставлением Востока и Запада» [8. С. 506–507]³. Далее Струве приводит соответствующую цитату из речи Ольденбурга, в то время как другая была предпослана статье в качестве эпиграфа.

Таким образом, идея равенства Востока и Запада была сравнительно быстро сведена к идее единства их формационной принадлежности, а само это единство было изначально аргументировано преимущественно на материале древности и, если быть еще более точным, на примере древних ближневосточных обществ. Это и было подано в качестве рецепта, который избавил советскую науку от проблем как современной западной («буржуазной»), так и предшествующей дореволюционной традиции.

Учитывая генетику произошедших изменений, в которой явно видны следы полусознательной манипуляции и самоубеждения, перетекающего в мифотворчество, логично задаться следующими вопросами: вне зависимости от того, насколько изначально был справедлив заявленный тезис, последовали ли за ним в действительности провозглашенные результаты; произошло ли в советской исторической литературе довоенного периода заявленное обновление взглядов на Восток, и если да, то в чем оно выражалось.

Чтобы рассмотрение этого вопроса осталось в рамках реализуемого небольшого исследования, далее будет раскрыт только пример Ближнего Востока в древности, и преимущественно на материале советских учебников. Тем не менее такое сужение исследовательского поля не является лишь данью экономии читательского времени: акцент на учебной литературе оправдан тем, что в ней всегда выше требования обобщения и объяснения наличествующих знаний и ниже требования к оригинальности исследования или полноте фактографии. Именно учебная литература позволяет в наилучшей мере передать основные идеи исторического нарратива в конкретной принятой исследователями и обществом парадигме.

Для того, чтобы видеть особенности советской науки, нужна точка отсчета, которая находится в первую очередь в предшествующей традиции. Правда, буквального разрыва между дореволюционной и советской научными традициями не было, что связано, пожалуй, не столько с тем, чего желали советские политические институты, сколько с тем, что они могли (или не могли) себе позволить. Отсутствие должного количества или качества научных кадров, падение издательской активности и специфические ориентиры ранней советской власти в деле издания учебников привели к тому, что к 1934 г., когда было решено открыть исторические факультеты в университетах и возродить полноценные уроки истории в школах, советской исторической учебной литературы практически не было. Поэтому в университетах пользовались лекционными курсами Б.А. Тураева (1868–1920) и М.М. Хвостова (1872–1920), которые переиздавались в 1920-е гг., иногда многочисленными дореволюционными переизданиями Г. Масперо (1846–1916) [9]. Как студенты, так и школьники читали пособия Р.Ю. Виппера, другие гимназические учебники или старинные научные и популярные книги⁴.

Следовательно, то противопоставление прежнего и нового востоковедения, которое легло в основу программных заявлений как Ольденбурга, так и Струве, было вовсе не сухой констатацией некогда свершившегося факта, а буквально выполняемым на ходу разведением двух традиций⁵. Можно возразить на это, что так всегда и бывает в истории науки: смена парадигм на деле предстает растянутым, а часто даже разнонаправленным процессом, и это не отменяет принципиального характера изменений. Но такое соображение является чистой воды абстракцией, построенной на том, что мы уже возводим расхождение мировоззрений в разряд аксиомы и не пытаемся всерьез рассматривать, было ли оно одинаково принципиальным во всех возможных проявлениях. В нашем конкретном случае важно учитывать, что учебные пособия условно «дореволюционных» авторов существовали в одном пространстве со столь же условно «советскими» учебниками в период 1920–1930-х гг.: ряд как бы советских пособий по истории или политэкономии был написан впервые еще до революции русскими марксистами (самым очевидным примером здесь являют труды М.Н. Покровского, но также можно сказать об А.А. Богданове, который писал и о древней истории), а немало авторов находились в столь сложных отношениях с марксистской теорией, что их можно относить одновременно и к «старым» ученым (В.В. Струве, отчасти С.А. Жебелёв⁶). Хотя дополнения в переиздания дореволюционных текстов вносились, но обычно были незначительными по объему и несущественными с точки зрения принципиальной позиции⁷ – показательная деталь, свидетельствующая, опять же, об отсутствии если не представления о разрыве, то уж точно навыков его реализации.

Соответственно, если мы обратимся к условно «дореволюционной» традиции освещения древней ближневосточной истории, то следует выделить в ней несколько характеристик, которые позволят сравнить ее с тем «новым» предложением, которое наконец

смогла сформировать советская наука на протяжении 1930-х гг.: удельный вес древнего Востока в отношении древнего «Запада» (Европы), степень внимания к Востоку (полнота освещения по странам и регионам), основные характеристики, которые давались авторами древним ближневосточным обществам. Для реализации этих задач наилучшим образом подходят курсы Виппера и Хвостова – поскольку они касались Древнего мира в целом, то это позволяет сравнить освещение восточной и античной истории; также университетский курс Тураева – из дореволюционной литературы он пользовался наибольшим уважением.

Все дореволюционные авторы подразумевали под историей Древнего Востока именно Ближний Восток – это лежало целиком в русле научной традиции того времени, некоторые тенденции к расширению понятия проявлял только курс Тураева [17. С. 776–782].

В лекционном курсе Хвостова излагалась история только двух стран, Египта и Месопотамии, причем с заметным перевесом в пользу первого (более 66% текста в издании 1927 г.⁸). Курс Виппера (1913 г.) оказался более сбалансированным: уделено внимание также Малой Азии, побережью Эгеиды и Израилю, так что доля египетской истории – около 29%, а месопотамской (включая Халдею) – чуть более 30% текста; в издании 1916 г. соотношение осталось принципиально тем же. При этом определение «древнего Востока» у Хвостова как раз включало весь Ближний Восток, а также Иран, часть Средней Азии и Эгеиду в микенское время, а завершением периода лектор предлагал считать VI в. до н.э., когда создание державы Ахеменидов и выход греков на авансцену истории покончили с относительно изолированностью восточных народов [18. С. 5–6]. Хвостов объяснял изъятие им из курса истории древних Индии и Китая тем, что географическая отдаленность от Средиземноморья predeterminedли их меньший вклад в «сокровищницу человеческих знаний» [18. С. 14].

В древневосточных обществах Хвостов видел стадии эволюции от родового общества через феодализм (под которым понимал военную власть на местах крупных землевладельцев, формально связанных между собой иерархическими отношениями, т.е. аристократическую монархию) к централизованной бюрократической монархии, правда, на самых ранних ее стадиях. Отмечал он также и то, что формирование основных классов в этих обществах уже произошло (особо отмечается раннее появление рабовладения), но при этом не успел развиваться особый класс торговцев (за исключением Финикии) [18. С. 11–13]. Следует отметить, что эти наблюдения Хвостова не находились в принципиальном противоречии с современными ему марксистскими воззрениями на историю – наибольшее сходство можно проследить со взглядами Н.А. Рожкова (1868–1927) [20].

В пособии Виппера и вовсе поставлена цель преодоления акцента на греко-римских древностях, правда, обосновано это эволюцией знаний: «всюду в пособиях и, за немногими исключениями, в более крупных сочинениях по истории древности, Восток в собственном смысле по-прежнему резко отделен от исто-

рии Европы, хотя археологические открытия последних 15–20 лет решительно изменили наши представления как о старинности, так и о географических пределах исторических связей и культурных воздействий в кругу античного мира» [21. С. 3]. Далее сформулирована еще более важная мысль: эгейская культура сопоставима по древности с египетской и месопотамской, а «слияние Востока и Европы», т.е. объединение Древнего мира (под которым подразумевается область Средиземноморья) «в хозяйственном, религиозном и международно-политическом отношении», свершается не в результате походов Александра и римских императоров, а лишь завершает процесс, начавшийся в III–II тыс. до н.э. [21. С. 3].

В противоположность Випперу, Тураев подчеркивал своеобразие древневосточного мира по сравнению с греко-римским. Переиздавая труд Тураева уже в новых условиях середины 1930-х гг., Струве, дав общую уважительную характеристику русскому ученому, указал на два недостатка его подхода: отделение Индии и Китая как регионов с принципиально другой историей по сравнению с древним Ближним Востоком; идеалистический метод Тураева, не позволивший тому увидеть единство формационной характеристики Древнего мира [22. С. VIII–IX].

Если мы обратимся к началу формирования «советской» традиции, то своеобразным ее прологом служит сравнительно радикальная попытка создания школьного учебника по древней истории [23], осуществленная Н.М. Никольским (1877–1959), которая стала возможной благодаря объявленному Наркомпросом конкурсу. Никольский привел основные части своего 200-страничного учебника в практически строгое равновесие, при котором разделы первобытности, Востока, Греции и Рима получили равные доли. Расставив с гимназической традицией следует считать и то, что в учебник истории была включена история Китая (до революции она изучалась в курсе географии), хотя по-прежнему не было раздела по Индии [24].

Учебник попал в школы и даже был переведен на несколько языков народов Союза, при этом даже его совокупный тираж оказался недостаточным для того, чтобы он мог стать событием для всей системы школьного образования. Причина была в том, что скоро обнаружили методические недостатки, фактические неточности и – по сути, это было главное – теоретические сложности в освещении древней истории. Все это заставило приостановить дальнейшие переиздания и уже с помощью коллектива авторов запустить процесс переработки учебника, который занял почти семь лет.

В исходном тексте Никольский определял восточные общества (включая древневосточные) как феодальные, а античные – как рабовладельческие. Поскольку для помощи авторам учебника был приглашен В.В. Струве, редактирование стало еще одним полем боя между двумя учеными за разное понимание восточной истории, а больше всего споров вызывала история Шумера, по поводу которой между ними параллельно развернулась научная полемика. Несмотря на то что Никольский в целом отступал, признав в

середине 1930-х гг., что Восток следует отнести к рабовладельческой формации, он упрямо пытался отстоять акцент на важности крестьянства (и сельской общины как формы его организации) в восточной истории.

Результатом этого противостояния стало то, что в издании 1940 г., которое было провозглашено в печати «первым советским учебником по древней истории» [25], исчезло упоминание имен авторов (на обложке был обозначен лишь редактор – А.В. Мишулин), была резко сокращена история древнейшей Месопотамии, а при упоминании массовых движений стандартно использовалось сочетание «рабы и крестьяне» (именно в таком порядке). Кроме того, изменилось соотношение частей: первобытности уделялась буквально пара страниц, Древний Восток в целом составлял около 27% текста. Соответственно, введение в учебник истории Индии и Китая, наряду с Восточным Средиземноморьем (полторы страницы текста на Финикию⁹, чуть больше на Израиль и Иудею) и Ираном (менее трех страниц на Персию), привело к фактической невозможности рассказать историю этих стран в связном виде. Изначально это было сделано только для Египта и Месопотамии, но поскольку шумерская история пала жертвой полемики, то древневосточный раздел приобрел явные черты египтоцентризма – треть раздела или 9,5% от общего текста учебника. История древнего Ближнего Востока в итоге заняла около 20% текста.

Советские университетские курсы довоенного времени шли по пути специализации, поэтому не появлялись учебников по истории древности в целом, написанных одним автором¹⁰. Но там, где речь шла о любого рода серии, созданной коллективом, обычное соотношение истории Древнего Востока и Античности представало как один к двум (Восток примерно равен Греции, которая примерно равна Риму) либо как в плане «Всемирной истории», работа над которой началась в 1937 г.: Восток должен был занять один том, а Греция и Рим – по два [28. С. 1015, прим. 6]. В случае с последним проектом для написания глав по истории некоторых древних стран не находилось специалистов, так что пришлось временно перепрофилировать на эту работу нескольких египтологов: так, Н.А. Шолпо (1903–1941) писал главы по Индии, Эламу и Митанни [29. С. 168, 178].

Параллельно изданию этих трудов, начиная с 1934 г. улучшал свой университетский курс В.В. Струве. В 1941 г. он выпускает большой университетский учебник, над созданием которого работали еще несколько специалистов (прежде всего по истории Индии и Китая), которых привлек автор. Именно этот труд позволяет увидеть некоторые итоги манифестированного преодоления дихотомии Запада и Востока.

Общий смысл заявлений остался тем же самым: по мнению Струве, объективно нет никакой пропасти между Западом и Востоком – более того, самые эти слова заключаются им в кавычки, как отжившие свой век условности [30. С. 3]. Правда, даже те характеристики древневосточных обществ, которые историк относил к локальным особенностям, оказываются достаточно весомыми: долгое сохранение черт перво-

бытнообщинного строя, значительная роль сельской общины (Струве и на протяжении последующих двадцати лет, формально не уступая ни Никольскому, ни позднее включившемуся в обсуждении проблемы Дьяконову, постепенно признавал все большую роль общин в восточной истории), застойный характер развития. Другим советским ученым (прежде всего А.И. Тюменеву) этого было вполне достаточно, чтобы говорить как раз о том, что восточные общества являлись собой не локальную, а принципиальную версию древней истории [31].

Конечно, если говорить о сбалансированности материала, то в этом отношении курс Струве производит, на первый взгляд, гораздо лучшее впечатление благодаря большему количеству рассмотренных стран, но реальное соотношение основных частей в нем не слишком отличалось, например, от учебника Виппера: примерно 27,5% было отведено истории Египта, 23,5% – Месопотамии (включая историю Ассирии и Митанни), а таким регионам, как Индия и Китай, было уделено 8 и 6,4% соответственно. Если учитывать и факт накопления знаний о народах Ближнего Востока за приблизительно четверть века, которые отделяют итоговый вариант издания от курсов Виппера, Тураева и Хвостова, и что в учебнике Струве вводные главы составляют примерно 13,5% текста, прогресс в том, чтобы уйти от сведения древневосточной истории не просто к ближневосточной, а к истории двух регионов, оказывается в общем незначительным.

Но главный индикатор здесь – это эволюция содержания. Советская наука гордилась – совсем не без оснований – тем, что ее видение истории было хорошо отрефлексированным, ориентированным на выявление существенных характеристик социума, и при этом выражалось с помощью терминов, которые были прозрачными для читателя благодаря однозначному соотношению с общей теорией, в которой и сейчас видят потенциал для изучения древней истории [32]. Но задача нашей статьи – не оценивать абстрактные достоинства советской системы мысли, а посмотреть, насколько она была способна реализовывать конкретные интеллектуальные задачи, осознаваемые ей самой в качестве важных, в данном случае – преодоление европоцентризма в сфере древней истории.

«Поворот» к Востоку в том виде, в котором он совершился в учебниках 1940-х гг. – если говорить

прежде всего об учебнике Струве для вузов и учебнике под редакцией А.В. Мишулина для школ, – был реализован через один и тот же прием: самоценность Востока заключалась в том, что он прошел приблизительно те же этапы развития рабовладения, что и Запад; причем если в университетском учебнике изначально хотя бы предполагалось, что на Востоке была самая ранняя переходная стадия общинного рабовладения, которой не было у греков и римлян, то в школьном учебнике принципиальных отличий не было уже никаких. Чтобы слабость этой конструкции не бросалась в глаза, потребовалось совершить несколько манипуляций, которые никак нельзя признать соответствующими стандартам научности: во-первых, при любых сведениях о народных движениях и волнениях древности упоминать не только о крестьянах, но также и о рабах в качестве равноправных участников (чего советская наука не могла доказать ни при появлении своих первых обобщающих трудов, ни позднее), во-вторых, свести к минимуму вопросы об аналогиях в развитии древневосточных обществ с другими – как с античными, так и со всеми прочими.

Можно предположить, что такое решение было результатом насильственного ускорения развития исторической науки в 1930-е гг., когда от историков в той или иной форме требовалось дать марксистские («правильные») ответы на базовые вопросы истории, и в данном случае, после мучительных поисков обозначенных ответов, были даны такие, которые более или менее подходили в данной ситуации, с некоторой надеждой на улучшение аргументации по мере эволюции знаний. Но, во-первых, в интеллектуальной жизни «как бы доказанная» идея очень легко превращается в «уже доказанную», чем снижается возможность ее безболезненного пересмотра и доработки, а ее корректоры по большей части перерождаются в защитников. Во-вторых, каким бы слабым ни оказывался ход, при котором лучший способ сделать равноправными Запад и Восток – это вообще не сравнивать их, отказ от него порождал множество теоретических проблем для советской науки. Периодические попытки их разрешить начинаются уже с 1950-х гг., но так и не приведут к формированию какого-либо нового консенсуса. Все это говорит о том, что широко анонсированное ранней советской наукой преодоление старинной дихотомии свелось в итоге к нескольким формальным операциям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Впрочем, современный специалист дает трудам Смита ту же оценку, что и Ольденбург [3. С. 34].

² Обобщающее исследование деятельности Ольденбурга (с обзором предшествующей библиографии о нем) [6].

³ В статье дана устаревшая хронология Месопотамии, позже скорректированная в том числе самим Струве, а написания «Сумир» вместо «Шумер» историк придерживался вплоть до 1950-х гг.

⁴ На совещании в Институте истории АН СССР в мае 1936 г. педагогом упоминался ученик, который пользовался «атласом Вольфа». Стенограмма совещания в Институте (кабинет истории народов СССР) по составлению пособий и о преподавании истории в начальной и средней школе // АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 36. Т. 2. Л. 20. Видимо, речь идет об издании, осуществленном товариществом М.О. Вольфа (1825–1883) [10]. И.М. Дьяконов в начале 1930-х гг. приобрел у букиниста «Реальный словарь классической древности» Ф. Любкера (1811–1867) (издавался в русском переводе в 1880-е гг.). По контексту воспоминаний Дьяконова можно понять, что речь идет об однотомном издании, в таком случае это была книга 1885 г. [11. С. 257; 12].

⁵ См., например, полемику А.В. Мишулина с Хвостовым и Виппером (именно как с актуальными авторами!) [13. С. 5].

⁶ Отношения Жебелёва с советской властью ныне являются объектом пристального внимания исследователей, и сейчас уже понятно, что его путь от порицаемого в печати изгоя до уважаемого советского академика был результатом сложной конфигурации компромиссов (см., например: [14]).

⁷ Относительно заметные изменения (включая сокращение вводной части) были произведены при переиздании курса Хвостова [15. С. 3]. Гимназические учебники Виппера особенно активно переиздавались в 1923–1924 гг. (см.: [16. С. 269]).

⁸ При этом некоторая часть истории других стран (хеттов, Вавилонии и Ассирии) в обновленном издании была дописана Г.М. Приговорским (1884–1937), что позволило немного уменьшить египтоцентризм дореволюционного издания (см.: [18. С. 145–150, 235–236, 251–252, 254, 268–270]. Следует уточнить, что какие-то правки вносились с помет покойного автора, но неясно, какие именно (подробнее см.: [19. С. 317–318, 321]).

⁹ Еще одну страницу заняло целиком изображение финикийского корабля [26. С. 47].

¹⁰ Обзорные курсы, которые читались в партийных учебных заведениях, следует квалифицировать как периферические явления: они издавались ограниченным тиражом и не были результатом особой методической работы (см., например: [27]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ольденбург С.Ф. Восток и Запад в советских условиях. М.; Л., 1931.
2. Smith V.A. The Early History of India. Oxford, 1924.
3. Алаев Л.Б. Историография истории Индии. М., 2013.
4. Ольденбург С.Ф. «Связи Запада с Востоком старинные...» // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1982. С. 5–8.
5. Adler C. East and West // Journal of the American Oriental Society. Vol. 44 (1924). P. 177–185.
6. Каганович Б.С. Сергей Фёдорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб., 2013.
7. Струве В.В. Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока // Известия ГАИМК. 1934. Вып. 77. С. 32–111.
8. Струве В.В. Рабовладельческая латифундия в Сумире III династии Ура (ок. XXIII в. до н.э.) // Сергею Фёдоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932 : сб. ст.. Л., 1934. С. 495–507.
9. Масперо Г. Древняя история народов Востока. М., 1911.
10. Картинный атлас всемирной истории / сост. Л. Вейссер. Т. I. История древнего мира. СПб.; М.: Изд. М.О. Вольфа, 1866.
11. Дьяконов И.М. Книга воспоминаний. СПб., 1995.
12. Реальный словарь классических древностей по Любкеру / под ред. Гельбке Ф. и др. СПб., 1885.
13. Мишулин А. К вопросу о рабстве на Востоке // Струве В.В. История древнего Востока : краткий курс. М., 1934. С. 3–14.
14. Карпюк С.Г., Кулишова О.В. Академик С.А. Жебелёв, последние годы : стенограмма заседания академических институтов в Ташкенте 31 января 1942 г. // Вестник древней истории. 2018. Т. 78, № 1. С. 88–112.
15. Приговорский Г. От редактора // Хвостов М.М. История древнего Востока. М.; Л., 1927. С. 3–4.
16. Алмазова Н.С. Единая концепция истории древности Р.Ю. Виппера в его работах дореволюционного периода // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. М., 2019. Т. XX. С. 264–287.
17. Ладьянин И.А. Понятие «древний Восток» в отечественной историографии XX в. // Вестник древней истории. 2019. Т. 79, № 3. С. 772–796.
18. Хвостов М.М. История древнего Востока. М.; Л., 1927.
19. Алмазова Н.С. На рубеже эпох: лекционные курсы М.М. Хвостова по древней истории в преподавании 1900–1920-х гг. // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. М., 2017. Т. VI. С. 313–326.
20. Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). Т. I–XII. Л.; М., 1925–1928.
21. Виппер Р. Древний Восток и эгейская культура. Пособие к университетскому курсу. М., 1913.
22. Струве В., Снегирёв И. Предисловие // Тураев Б.А. История древнего Востока / под ред. В.В. Струве, И.Л. Снегирёва. Л., 1936. Т. I. С. V–XII.
23. Никольский Н.М. История. Доклассовое общество. Древний Восток. Античный мир : учебник для средней школы, 5-й год обучения. М., 1933.
24. Krikh S.B. A Textbook and Its Author: The Pre-Revolutionary Russian Tradition and Soviet Innovations in Nikolay M. Nikolsky's Work // Quaestio Rossica. 2019. Vol. 7, № 4. P. 1299–1308.
25. Ранович А.Б. Первый советский учебник древней истории // Вестник древней истории. 1940. № 3–4. С. 15–23.
26. История древнего мира: учебник для 5–6 классов средней школы / под ред. А.В. Мишулина. М., 1943.
27. Авдиев В.И. Курс всеобщей истории. Древняя история. Лекция 1-я. Древняя Месопотамия. Стенограмма лекции, прочитанной 19 ноября 1939 г. М., 1939.
28. Карпюк С.Г., Крих С.Б. Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: поиски управленческой модели // Вестник древней истории. 2018. № 4 (78). С. 1011–1031.
29. Абрам Борисович Ранович: документы и материалы / сост. А.И. Клюев, О.В. Метель. Омск, 2018.
30. Струве В.В. История древнего Востока. Л., 1941.
31. Тюменев А.И. Передний Восток и античность (особенности социально-экономического развития) // Вопросы истории. 1957. № 6. С. 50–70.
32. Vlassopoulos K. Marxism and Ancient History // How to Do Things with History: New Approaches to Ancient Greece. Oxford, 2018. P. 209–235.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 июня 2020 г.

Overcoming the “West”: The Originality of the Ancient Near East History in Soviet Textbooks

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 19–25.

DOI: 10.17223/15617793/473/3

Sergey B. Krikh, Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: krikh@rambler.ru

Keywords: Soviet historiography; textbooks; history of ancient Near East.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-09-41014.

The article aims to outline and analyze the “turn to the East” in early Soviet historiography on the example of the history of the ancient Near East. In the first part of the article, the author discusses statements of leading Soviet Orientalists about the “East and West” problem from the Marxian point of view. Analyzing the report “The East and West in the Soviet Circumstances” by one of the most famous Russian and Soviet Orientalist Sergei Oldenburg, the author concludes that Oldenburg constructed the image of the Soviet scholarship led by a better theory that could solve the problem of objective knowledge about the Orient. Both Oldenburg and other researchers claimed that Soviet Oriental studies could reach a really new stage of knowledge about the East, in contrast to Western, “bourgeois”, scholars who could not get rid of the colonial attitude to eastern countries. However, in the early 1930s, such statements were wishful thinking: Soviet exploration of the East was in its infancy and a new narrative of Eastern history has not yet been created. The greatest influence on the formation of new approaches to the history of the ancient Near East had Vasilii Struve, who in the 1930s created not only a number of papers but also textbooks in which he defended the slaveholding conception. Struve, starting from the logic of Oldenburg, motivated the preference for the slave-owning conception from the point of view of difference from the “bourgeois” views, according to which “eternal feudalism” existed in the East. In the second part of the article, the author

compares, on the one hand, textbooks before the 1930s (both pre-revolutionary and Soviet) and, on the other hand, publications written in terms of the declared solution to the problem of the originality of the East. The main conclusions are that there were no fundamental differences in the correlation between the main parts: the sections on the history of the ancient East continued to focus on Near Eastern societies, and from all the ancient countries Mesopotamia and Egypt were covered in the most detailed way. The main meaning of the “turn to the East” from the point of view of the content of the texts was to emphasize the thesis that Eastern societies went through the same forms of slavery as the Greco-Roman ones. To maintain the illusion that this position is supported by factology, several manipulations with the text were required from historians: for example, the constant mention of the participation of slaves in all major mass disturbances in the ancient East and the minimization of questions about analogies between Greco-Roman and Near Eastern societies.

REFERENCES

1. Ol'denburg, S.F. (1931) *Vostok i Zapad v sovetskikh usloviyakh* [East and West in Soviet conditions]. Moscow; Leningrad: Ogiz; Gos. sots.-ekon. izd-vo.
2. Smith, V.A. (1924) *The Early History of India*. Oxford: The Clarendon press.
3. Alaev, L.B. (2013) *Istoriografiya istorii Indii* [Historiography of the History of India]. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS.
4. Ol'denburg, S.F. (1982) “Svyazi Zapada s Vostokom starinnye...” [“Ties of the West with the East ancient...”]. In: *Vostok – Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publikatsii* [East – West. Researches. Transfers. Publications]. Moscow: GRVL. pp. 5–8.
5. Adler, C. (1924) East and West. *Journal of the American Oriental Society*. 44. pp. 177–185.
6. Kaganovich, B.S. (2013) *Sergey Fedorovich Ol'denburg. Opyt biografii* [Sergey Fedorovich Oldenburg. Biography experience]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
7. Struve, V.V. (1934) Problema zarozhdeniya, razvitiya i razlozheniya rabovladel'cheskikh obshchestv drevnego Vostoka [The problem of the origin, development and decomposition of slave-owning societies of the ancient East]. *Izvestiya GAIMK*. 77. pp. 32–111.
8. Struve, V.V. (1934) Rabovladel'cheskaya latifundiya v Sumire III dinastii Ura (ok. XXIII v. do n.e.) [Slaveholding latifundia in Sumire of the 3rd dynasty of Ur (ca. 23rd century BC)]. In: *Sergeyu Fedorovichu Ol'denburgu. K pyatidesyatiletiyu nauchno-obshchestvennoy deyatel'nosti. 1882–1932* [To Sergei Fedorovich Oldenburg. To the fiftieth anniversary of scientific and social activity. 1882–1932]. Leningrad: USSR AS. pp. 495–507.
9. Maspero, G. (1911) *Drevnyaya istoriya narodov Vostoka* [Ancient History of the Peoples of the East]. Translated from French. Moscow: tip. Vilde.
10. Veysser, L. (ed.) (1866) *Kartinnyy atlas vseмирnoy istorii* [Atlas of World History]. Vol. I. Saint Petersburg; Moscow: Izd. M.O. Vol'fa.
11. D'yakonov, I.M. (1995) *Kniga vospominaniy* [The Book of Memories]. Saint Petersburg: Evropeiskii dom.
12. Gel'bke, F. (ed.) (1885) *Real'nyy slovar' klassicheskikh drevnostey po Lyubkeru* [The Real Dictionary of Classical Antiquities by Lübker]. Translated from German. Saint Petersburg: [s.n.].
13. Mishulin, A. (1934) K voprosu o rabstve na Vostoke [To the question of slavery in the East]. In: Struve, V.V. *Istoriya drevnego Vostoka: kratkiy kurs* [History of the ancient East: A brief course]. Moscow: Gos. sots.-ekon. izd-vo. pp. 3–14.
14. Karpyuk, S.G. & Kulishova, O.V. (2018) Akademik S.A. Last years of S.A. Zhebelyov, member of the Academy: shorthand record of the Academic meeting in Tashkent, January 31, 1942. *Vestnik drevney istorii – Journal of ancient history*. 1 (78). pp. 88–112. (In Russian). DOI: 10.7868/S0321039118010077
15. Prigorovskiy, G. (1927) Ot redaktora [From the editor]. In: Khvostov, M.M. *Istoriya drevnego Vostoka* [History of the Ancient East]. Moscow; Leningrad: Gosizdat. pp. 3–4.
16. Almazova, N.S. (2019) A general concept of ancient history of Robert Yu. Vipper in his works of the pre-revolutionary years. *Aristey. Vestnik klassicheskoy filologii i antichnoy istorii – Aristeyas. Philologia classica et historia antiqua*. Moscow. 20. pp. 264–287. (In Russian).
17. Ladynin, I.A. (2019) The concept of the “Ancient Orient” in Russian and Soviet scholarship of the twentieth century. *Vestnik drevney istorii – Journal of Ancient History*. 3 (79). pp. 772–796. (In Russian). DOI: 10.31857/S032103910007713-7
18. Khvostov, M.M. (1927) *Istoriya drevnego Vostoka* [History of the Ancient East]. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
19. Almazova, N.S. (2017) Na rubezhe epokh: lektsionnye kursy M.M. Khvostova po drevney istorii v prepodavanii 1900–1920-kh gg. [At the turn of the epochs: M.M. Khvostov's lecture courses on ancient history in the teaching of the 1900s–1920s]. *Scripta antiqua. Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury. Al'manakh. – Scripta Antiqua. Ancient History, Philology, Arts and Material Culture*. 6. pp. 313–326. (In Russian).
20. Rozhkov, N.A. (1925–1928) *Russkaya istoriya v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii (Osnovy sotsial'noy dinamiki)* [Russian History in comparative historical coverage (Fundamentals of Social Dynamics)]. Vols 1–12. Leningrad; Moscow: Kniga.
21. Vipper, R.Yu (1913) *Drevniy Vostok i egeyskaya kul'tura. Posobie k universitetskoyu kursu* [The Ancient East and the Aegean Culture. Manual for the university course]. Moscow: skl. izd. v kn. mag. V.S. Spiridiniva i A.M. Mikhailova.
22. Struve, V. & Snegirev, I. (1936) Predislovie [Preface]. In: Turaev, B.A. *Istoriya drevnego Vostoka* [History of the Ancient East]. Vol. 1. Leningrad: Sotsekonimizdat. pp. V–XII.
23. Nikol'skiy, N.M. (1933) *Istoriya. Doklassovoe obshchestvo. Drevniy Vostok. Antichnyy mir: uchebnik dlya sredney shkoly, 5-y god obucheniya* [History. Pre-class society. The Ancient East. The ancient world: a textbook for high school, 5th year]. Moscow: Uchpedgiz.
24. Krikh, S.B. (2019) A Textbook and Its Author: The Pre-Revolutionary Russian Tradition and Soviet Innovations in Nikolay M. Nikolsky's Work. *Quaestio Rossica*. 4 (7). pp. 1299–1308. (In Russian). DOI: 10.15826/qr.2019.4.439
25. Ranovich, A.B. (1940) Pervyy sovetskiy uchebnik drevney istorii [The First Soviet textbook of ancient history]. *Vestnik drevney istorii – Journal of Ancient History*. 3–4. pp. 15–23. (In Russian).
26. Mishulin, A.V. (ed.) (1943) *Istoriya drevnego mira: uchebnik dlya 5–6 klassov sredney shkoly* [The History of the Ancient World: A textbook for grades 5–6 of secondary school]. Moscow: Uchpedgiz.
27. Avdiev, V.I. (1939) *Kurs vseobshchey istorii. Drevnyaya istoriya. Lektsiya 1-ya. Drevnyaya Mesopotamiya. Stenogramma lektsii, pročitannoy 19 noyabrya 1939 g.* [Course of General History. Ancient history. Lecture 1. Ancient Mesopotamia. Transcript of a lecture delivered on November 19, 1939]. Moscow: [s.n.].
28. Karpyuk, S.G. & Krikh, S.B. (2018) Work on “The World History” before World War II: searching for a management model. *Vestnik drevney istorii – Journal of Ancient History*. 4 (78). pp. 1011–1031. (In Russian). DOI: 10.31857/S032103910002917-1
29. Klyuev, A.I. & Metel', O.V. (eds) (2018). *Abram Borisovich Ranovich: dokumenty i materialy* [Abram Borisovich Ranovich: Documents and materials]. Omsk: Omsk State University.
30. Struve, V.V. (1941) *Istoriya drevnego Vostoka* [History of the Ancient East]. Leningrad: OGIZ, GOSPOLITIZDAT.
31. Tyumenev, A.I. (1957) Peredniy Vostok i antichnost' (osobennosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya) [The Front East and antiquity (features of socio-economic development)]. *Voprosy istorii – Issues of History*. 6. pp. 50–70. (In Russian).
32. Vlassopoulos, K. (2018) Marxism and Ancient History. In: Allen, D.S., Christesen, P. & Millett, P. (eds) *How to Do Things with History: New Approaches to Ancient Greece*. Oxford: Oxford University Press. pp. 209–235.

Received: 06 June 2020

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЬЯМ ФРОНТОВИКОВ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

На материалах регионального архива Красноярского края анализируется, как вырабатывались, осуществлялись меры социальной поддержки семей фронтовиков, эвакуированных в Красноярский край или призванных с территории края в годы Великой Отечественной войны. Делается вывод, что социальная политика в исследуемый период была осложнена рядом причин: дефицитом материальных средств в Красноярском крае, отсутствием в составе органов государственного обеспечения специалистов, обладавших опытом руководства социальной политикой, и т.д. Вместе с тем принятые меры позволили создать необходимые условия труда и жизни семьям фронтовиков, пережить им лишения военной поры и активно включиться в активную деятельность по приближению Победы.

Ключевые слова: социальная помощь; месячники; пособия; общественные организации; трудоустройство; обеспечение жильем

Осуществление социальной политики в годы Великой Отечественной войны сопровождалось поиском оптимального баланса между сокращением финансовых расходов и необходимостью в удовлетворении основных социальных потребностей граждан в условиях нестабильной экономической и политической ситуации. В статье ставятся задачи – на примере тылового Красноярского края проанализировать механизм формирования конкретных практик удовлетворения основных потребностей семей фронтовиков в военный период, определить характер взаимодействия государственных органов и социума.

Вклад советского тыла в период Великой Отечественной войны изучался десятилетиями, в первую очередь исследовались роль военно-промышленного и аграрного потенциала, изменения в социально-демографической сфере. В советской историографии были рассмотрены некоторые аспекты материального положения населения в Сибири в обобщающей работе «Советский тыл в годы Великой Отечественной войны» [1], трудах А.М. Синицына, С.С. Букина, М.С. Зинич [2–4]. Внимание исследователей было сосредоточено на освещении деятельности партийно-советских органов по реализации социальной политики военного времени. Недостатки, противоречия, встречавшиеся в этой сфере, раскрывались в виде исключения, так как упор делался на достигнутых позитивных результатах. Проблемы семей военнослужащих рассматривались преимущественно в работах, посвященных социальной политике военного времени и проблемам эвакуированного в край населения. Одними из первых обратили внимание на региональные особенности материального положения семей военнослужащих в годы войны исследователи Урала. В работе Н.П. Палецких [5] приведена численность учтенных семей военнослужащих, инвалидов войны, рассмотрены система государственного обеспечения семей начсостава, налоговая политика и пр.

В работе А.В. Шалака изучены условия жизни, быта и социальные проблемы населения в военные и послевоенные годы в Восточной Сибири [6]. В статье Т.А. Кискидосовой [7] анализируется характер и объемы материально-бытовой помощи семьям фронтовиков на материалах Хакасии. Автор достаточно объективно показала безынициативность ряда местных ру-

ководителей и большую помощь комсомольских, профсоюзных организаций в шефстве над семьями фронтовиков. Проблеме, связанной с властными отношениями в годы Великой Отечественной, посвящены работы А.Е. Любецких, Е.Н. Семеновой [8, 9].

К.А. Насонова, К.А. Шалатова и др. [10, 11], используя историко-антропологический подход, анализируют преимущественно вопросы социально-бытового обеспечения эвакуированных семей военнослужащих (трудоустройство членов семей, обеспечение жильем, топливом, продовольствием и т.п.). Однако обобщающей работы по заявленной теме на материалах региона пока не создано. Таким образом, проблема социальной поддержки семей военнослужащих требует дальнейшего исследования и является актуальной ввиду ее недостаточной разработанности.

Одним из важных направлений государственной социальной политики военной поры была помощь семьям военнослужащих. Основным документом, который регламентировал взаимоотношения органов власти и семей военнослужащих, был указ Президиума ВС СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время». Согласно указу, семьям военнослужащих, в которых имелись иждивенцы, ежемесячно выплачивались денежные пособия в зависимости от количества нетрудоспособных (от 100 до 200 рублей в месяц; в сельской местности в два раза меньше) [12].

5 августа 1941 г. СНК СССР принял постановление «О сохранении жилой площади за военнослужащими и о порядке оплаты жилой площади семьями военнослужащих в военное время». Площадь, которую занимали военнослужащие, не оплачивалась, а члены их семей платили за квартиру и коммунальные услуги по льготным ставкам. Семьи погибших на фронте получали пенсии согласно постановлению СНК СССР от 16 июля 1940 г. № 1269 «О пенсиях военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава срочной службы и их семьям». Одним из источников материальной помощи семьям военнослужащих были денежные аттестаты. Это денежное содержание направлялось военкоматами по месту эвакуации семьи военнослужащего. Из-за того что допускались ошибки в определении местонахождения семьи, возможно, что и

сами родственники военнослужащего несвоевременно уведомляли о перемене места пребывания, получение денежного довольствия по аттестатам задерживалось, имели место и случаи бюрократических проволочек на местах с выплатой средств по аттестатам; это вызывало озабоченность военнослужащих и недовольство членов их семей [13. Л. 307].

Система организации государственной помощи семьям военнослужащих была осложнена Приказом Ставки Верховного Главнокомандования № 270, согласно которому тысячи солдат и офицеров, оказавшихся в плену, были причислены к изменникам Родины, а их семьи лишены всех положенных выплат и льгот.

В соответствии с общесоюзным законодательством на местах принимались собственные решения по реализации мер социальной поддержки семей военнослужащих. Постановлением бюро крайкома ВКП(б) от 18 июля 1941 г. был разработан порядок обслуживания призванных в РККА по мобилизации воинов. Забота о семьях военнослужащих была возложена на военкоматы, отделы социального обеспечения, комсомольские и профсоюзные организации, военные отделы партийных комитетов.

2 августа 1941 г. было принято постановление исполкома краевого совета народных депутатов об обеспечении топливом семей военнослужащих.

13 августа 1941 г. крайисполком принял решение по обслуживанию семей военнослужащих через колхозные кассы взаимопомощи.

18 августа 1941 г. было вынесено решение исполкома крайсовета о трудоустройстве семей военнослужащих, призванных в РККА по мобилизации и эвакуированных из прифронтовой полосы [14. Л. 2, 3]. Партийные, советские органы систематически контролировали реализацию данных решений.

Вместе с тем, по мере увеличения категорий лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, забота о семьях военнослужащих оставляла желать лучшего. Не был организован должный учет семей фронтовиков, органами социального обеспечения допускались недочеты по выплате пособий семьям военнослужащих, либо несвоевременно создавались комиссии по назначению пособий семьям фронтовиков (Саралинский район), задерживалось рассмотрение заявлений и жалоб, пособия выплачивались без рассмотрения комиссией (Ирбейский район), допускались переплаты или занижение размера пособий (Емельяновский, Большемуртинский, Канский районы).

Из-за нечеткой работы органов краевого управления связи и конторы госбанка в ряде районов (Таштыпском, Ширинском, Б. Муртинском) задерживалась выплата пособий и их доставка семьям военнослужащих [13. Л. 49–51].

Семьям солдат, офицеров предоставлялись льготы (жилищная, налоговая и т.п.). Однако реализация постановлений партии и правительства не всегда происходила в установленные сроки и в полном объеме. Решение жилищной проблемы осложнялось дефицитом жилых помещений в крае, массовым притоком эвакуированного населения. Расселение семей военнослужащих было приоритетной проблемой местных

властей, но решалась не всегда успешно. По материалам обследования крайвоенкомата, проведенного в январе 1942 г., 12 969 семей фронтовиков жили в отдельных квартирах, 754 семей – с подселением. Однако многие помещения были не приспособлены для проживания. В Назаровском районе семья полковника Малчева, состоявшая из 6 человек, проживала в холодной квартире без плиты [15. Л. 2]. Семьи фронтовиков, призванных с территории края, не нуждались в предоставлении жилья, но нуждались в помощи в проведении ремонта жилых помещений, подвозе топлива.

В Ачинске начальник пожарной команды Передерий выселил из квартиры семью красноармейца Мавлина. Коммунист Алиферчук выселил из своей квартиры семью красноармейца Хоменко. После вмешательства прокурора района семьи были вселены, но обидчики не понесли никакого наказания [13. Л. 46].

В 1943 г. помощник начальника крайвоенкомата обратился в военный отдел с заявлением по поводу улучшения его жилищных условий после смерти трехгодовалого сынишки. В квартире 14 кв. м проживали две семьи численностью 7 человек. Комнаты были маленькие и сырые, вследствие чего у детей обратившегося развилась астма [16. Л. 114]. За 1943 г. семьям фронтовиков было предоставлено 2 695 квартир и отремонтировано 8 325 квартир, подвезено дров 198 263 куб м, угля – 5 566 т. [15. Л. 80].

Однако не всегда государственные органы своевременно и качественно осуществляли решение проблем семей военнослужащих.

В Черногорске в столовых для семей военнослужащих периодически происходили перебои с поступлением продуктов, поэтому детям выдавали только первые блюда. Из-за отсутствия теплой одежды и неспособности местных артелей ее изготовить (главным образом из-за отсутствия сырья) не все дети военнослужащих посещали школьные занятия [16. Л. 46].

Все это потребовало организационной перестройки деятельности по оказанию помощи семьям военнослужащих. С 1941 г. решением их вопросов занимались отделы Наркомата социального обеспечения, работавшие с другими категориями населения.

На основе постановления ЦК ВКП(б) от 22 января 1943 г. «О мерах по улучшению работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих» при исполкомах был создан специальный отдел по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих [17. Л. 45]. Для семей военнослужащих был создан, хоть и совместно с инвалидами войны, специальный отдел. Его создание было необходимо для налаживания работы с семьями военнослужащих, чтобы справиться с постоянно возрастающей нагрузкой на органы социального обеспечения. В задачи отдела входило: а) обеспечение пособиями и пенсиями семей военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава Красной Армии и Военно-Морского Флота, в соответствии с законодательством; б) трудовое устройство и проведение мероприятий по удовлетворению материально-бытовых нужд семей военнослужащих рядового и начальствующего состава; в) обеспечение семей во-

еннослужащих установленными для них законом льготами; г) рассмотрение заявлений и жалоб, поступающих от семей военнослужащих, и принятие по ним необходимых мер» [18. Л. 67, 68]. За органами собеса сохранялась работа по социальному обеспечению, протезированию и трудоустройству инвалидов Великой Отечественной войны.

Уже к 1944 г. отделы государственного обеспечения края кардинально изменили организацию учета контингента семей фронтовиков. Были разработаны критерии, по которым осуществлялся этот учет, ввели единые учетные карточки, которые упрощали делопроизводство, однако в ряде районов (Ирбейском, Иланском и других) этого сделано не было [19. Л. 6]. В большинстве районов края над остро нуждавшимися семьями было установлено шефство (тимуровцев, женсоветов, внештатных инспекторов, сотрудников отделов государственного обеспечения, комсомольцев) с целью оказания оперативной помощи. В 1944 г. в крае действовали 482 отряда тимуровцев (4 017 человек), которые систематически шефствовали над семьями военнослужащих [19. Л. 8].

К 1944 г. отделам государственного обеспечения удалось выстроить взаимодействие с госбанком, отделениями связи по краю, что упорядочило и гарантировало своевременную выдачу пенсий, пособий семьям фронтовиков [19. Л. 9, 41].

С созданием отделов гособеспечения улучшилась работа комиссий по назначению пенсий и пособий. Они систематически (в соответствии с нормативами) проводили обследование семей военнослужащих, рассматривали их заявления и жалобы. Существенно увеличился контингент внештатных помощников данных отделов. В 1944 г. в крае увеличился до 4 500 человек контингент внештатных инспекторов, которых комиссии по назначению пособий и пенсий привлекали к проведению обследований [19. Л. 44].

Сведения, приведенные ниже в таблице, позволяют представить изменения численности семей военнослужащих на территории края. Сокращение в 1944 г. эвакуированных семей военнослужащих на 9 тыс. свидетельствовало об их возвращении в прежние регионы проживания.

Таблица 1
Выплата пенсий и пособий семьям фронтовиков

Год	1941	1942	1943	1944	1945
Пособия (семей)	32 415	16 202	104 600	107 972	96 632
Пенсии (семей)			25 928	21 992	28 884
Число семей фронтовиков/эвакуированные		52 446/ 13 573	289 928	301 057/ 6 985	277 556/ 5 098

Сост. автором по [15. Л. 1; 17. Л. 3; 21. Л. 109; 22. Л. 27].

Большое внимание уделялось трудоустройству членов семей военнослужащих. К сентябрю 1942 г. в крае было трудоустроено 22 567 членов семей фронтовиков, кроме занятых в колхозах. Из числа трудо-

устроенных многие жены военнослужащих выдвинулись на руководящую работу (председателями сельских советов, заведующими детскими садами и пр.). В ряде районов жены военнослужащих утроились работать шоферами, трактористами, комбайнерами и т.п. [13. Л. 12]. Усилиями комсомольцев завода им. Ворошилова были обучены 69 членов семей фронтовиков, трудоустроенные на этот оборонный завод [20. Л. 63]. При обследовании семей фронтовиков отдел государственного обеспечения установил, что основными причинами нетрудоустройства членов семей фронтовиков были престарелость (более 30% от числа нетрудоустроенных), многосемейность (15%) и др. [21. Л. 401].

Из-за перебазирования в край большого числа сирот проблема первоочередного предоставления семьям военнослужащих мест в детских учреждениях решалась с трудом. Комиссии жен фронтовиков по собственной инициативе организовали детские сады на дому, в которых (с разрешения местных органов власти) дети находились под присмотром не занятой на производстве женщины, выполнявшей функции воспитателя. В 1942 г. военный совет Сибирского военного округа выделил средства для организации новогодних праздников детям комсостава. На елках, организованных Ачинским райвоенкомом и поссоветом, побывало 6 795 детей, им раздали подарки, содержащие карамельки, игрушку, булочку и кусочек сливочного масла [22. Л. 9].

В 1943 г. в ходе проведенной летней оздоровительной кампании поправили здоровье 58 122 детей военнослужащих. В пионерских лагерях отдохнули 19 800 ребят, на школьных площадках побывали 36 719 детей. Санатории приняли 1 663 человека [15. Л. 47].

В 1944 г. 100% детей фронтовиков школьного возраста посещали школу, 196 детей военнослужащих не посещали ни детский сад, ни ясли, но это было связано с тем, что проживали они в удаленных территориях, где не было подобных детских учреждений [23. Л. 144 об.].

Кроме того, 20 февраля 1944 г. в ходе очередного воскресника была оказана помощь детям фронтовиков: поступило 727 пар валенок, 200 штук кожаной обуви, 337 пар разной детской обуви, 227 кг разных продуктов и т.п. Заработано и передано в фонд помощи семьям фронтовиков денежных средств в размере 173 472 руб. и 533 руб. золотом. В период месячника были возвращены в школу дети фронтовиков, не посещавшие ее из-за отсутствия обуви и одежды – 1985 человек, 190 детей-сирот погибших фронтовиков определили в детские дома [24. Л. 220].

С целью улучшения материального положения рабочих и служащих, в том числе членов семей военнослужащих, на промышленных предприятиях были созданы отделы рабочего снабжения (ОРСы), организованы подсобные хозяйства, развивалось индивидуальное и коллективное огородничество. Решением Черногорского горкома ВКП(б) от 10 февраля 1943 г. руководителей трестов обязывали выделять 25% поступивших товаров ширпотреба для семей военнослужащих, а также организовывать детские столовые для детей фронтовиков. К этому времени в городе

насчитывалось 2 976 семей военнослужащих. Из них были выявлены особо нуждающиеся, которым помощь оказывалась в первую очередь. В марте 1943 г. от треста «Хакасуголь» было получено 87 пар дамских туфель, 2 100 пар детских носков, 5 125 м хлопчатобумажных тканей. Все эти товары были распределены между особо нуждающимися семьями военнослужащих. Для детей фронтовиков была оборудована столовая с охватом 400 человек. В 1943 г. на единовременную помощь в Черногорске было выделено 1 565 рублей [7. С. 69].

Весной 1944 г. семьям фронтовиков в крае были предоставлены земельные участки от 0,05 га до 0,3 га, выделен семенной картофель в среднем на каждую семью 0,10 ц. Кроме того, силами общественности было посеяно при военкоматах 40 га картофеля, овощей для фонда оказания помощи семьям фронтовиков [25. Л. 63].

Значительное развитие в годы войны получило общественное питание, которое сыграло большую роль для организации помощи семьям военнослужащих. В 1943 г. в г. Красноярске были открыты две столовые для семей фронтовиков на 1 700 человек. [15. Л. 81]. К 1944 г. в Красноярске было оборудовано 4 специализированных магазина для семей военнослужащих [15. Л. 59].

Особо нуждающимся семьям фронтовиков, согласно обследованию отделами социального обеспечения, а с 1943 г. – государственного обеспечения, выплачивалась единовременная помощь. В 1942 г. комиссиями Красноярского крайкома ВКП(б) было проведено 33 125 обследований на дому военнослужащих, выявлено 1 307 семей крайне нуждающихся, им была оказана единовременная помощь на сумму 70 222 руб. [13. Л. 44–48].

В 1943 г. в большинстве районов края случился неурожай зерновых. В результате всем жителям региона, в том числе семьям военнослужащих, была урежена норма выдачи хлеба: трудящимся до 300 г, иждивенцам до 200 г. Семьи красноармейцев, призванных по мобилизации в действующую армию, по трудодням получили от 150 до 600 г на трудодень и тоже бедствовали [18. Л. 57].

Наиболее драматическая ситуация сложилась в Краснотуранском районе. По сведениям заведующей райздравом на 19 февраля 1944 г. в больницах района на стационарном лечении находилось 175 лиц, страдающих дистрофией, среди которых 109 детей. Переполненные больницы не имели достаточного запаса продовольствия. В 20 колхозах, совхозах района из 51 не было никаких продовольственных запасов, люди питались истолченной древесиной, были очень истощены [26. Л. 14].

Военный отдел Красноярского крайкома ВКП(б) обратился в вышестоящие органы с просьбой увеличить централизованные фонды снабжения краю, чтобы не допустить массового голодомора. В 1943 г. нуждающимся семьям фронтовиков было выплачено единовременное денежное пособие на сумму 2 182 830 руб., выделено 2 914 т хлеба и круп, 1 086 т мяса, 1 499 т картофеля, общественным питанием было охвачено 22 649 человек [15. Л. 79].

При исполкомах советов народных депутатов созданы комиссии из жен фронтовиков по оказанию помощи особо нуждающимся семьям фронтовиков. Совместно с местными комсомольскими организациями комиссия организовала индивидуальное шефство над такими семьями. Комсомолки Шмелева, Комарова завода им. Ворошилова постоянно посещали престарелых родителей красноармейца Зуева, помогали им в обеспечении топливом, приносили обед из столовой, покупали хлеб, писали письма сыну о том, как живут его родители. Комсомольцы кирпичного завода (Казачинский район) в свободное время изготовили дополнительно 3 тыс. штук кирпичей, которые передали на нужды семей военнослужащих для починки печей [20. Л. 63–65].

Комиссии жен фронтовиков проводили разъяснительную работу по оказанию помощи семьям фронтовиков среди руководителей предприятий, колхозов. Так, промышленные предприятия Кировского района г. Красноярска отчисляли в фонд семей фронтовиков 10% своего запаса топлива. Комсомольцы завода им. Ворошилова обучили рабочих профессиям 69 членов семей фронтовиков. Через колхозные кассы взаимопомощи семьям фронтовиков выдали около 3 тыс. ц хлеба и деньгами 113 тыс. руб. В Боготольском районе семьям военнослужащих было выдано и подвезено 3 076 куб. м дров и несколько сот тонн угля; устроено на работу 961 членов семей военнослужащих; 105 детей были устроены в детские сады и ясли города. Колхозными кассами взаимопомощи района семьям военнослужащих выдано 223 ц хлеба и деньгами 8 820 руб. [13. Л. 49–51].

Озабоченность фронтовиков реальным положением своих близких была основным предметом ходатайств, которые поступали от фронтовиков в местные органы власти, и влияла на боеспособность воинов. Краевой комитет ВКП(б) постоянно контролировал выполнение постановления ЦК ВКП(б) по оказанию помощи семьям военнослужащих. Только в 1944 г. было проведено 48 проверок районных и городских отделов гособеспечения, в 30 районах края внештатные инспекторы проследили выполнение ранее принятых решений по улучшению положения семей фронтовиков [24. Л. 250].

Удовлетворение жалоб семей военнослужащих являлось важной задачей советов всех уровней. Анализ обращений членов семей фронтовиков за 1943–1944 гг. позволяет установить, что наибольшее число обращений было связано с необходимостью оказания материальной помощи (23% от общего числа обращений), назначением пособий, пенсий, касалось ремонта и предоставления жилья, освобождения от налогов [15. Л. 55; 17. Л. 17].

Серьезной и неразрешимой проблемой края весь военный период была высокая текучесть кадров в органах социального обеспечения. Так, за первое полугодие 1944 г. в 49 районах из 71 были смещены с должности руководители отделов, не справляющиеся со своими обязанностями, по этой причине и комиссии по назначению пособий заседали нерегулярно, а рассмотрение обращений членов семей фронтовиков затягивалось [15. Л. 49].

Из-за высокой текучести кадров в системе социального обслуживания и государственного обеспечения весь военный период квалификация значительной части служащих оставалась низкой. Они не всегда понимали, как выполнить норму закона в конкретном (нетипичном) случае. Поэтому в районах органами прокуратуры, партийных и советских органов фиксировались случаи нарушения законов. Так, в Аскизском районе Хакасской автономной области не были предоставлены по государственными поставкам льготы 99 семьям фронтовиков, по Балахтинскому району – 83 семьям, по Канскому району – 35 семьям. В Дзержинском районе семьи восьми фронтовиков, в том числе семья одного Героя Советского Союза Лазарева, были обложены всеми налогами и госпоставками, от которых были освобождены только в ходе проверки прокуратурой [15. Л. 52]. Крайсобес регулярно осуществлял проверку решений комиссий по назначению пособий семьям военнослужащих и указывал на несоответствия и допущенные ошибки, требующие срочного исправления [27. Л. 15, 104].

Самым распространенным преступлением по отношению к семьям фронтовиков были подлоги, хищения средств, предназначенных государством для оказания им помощи. В Назаровском районе было выявлено разбазаривание значительной части круп и муки, отпущенных семьям военнослужащих, до семей фронтовиков не дошли и вещи из американских подарков. Даже прокурор района получил из этого фонда вещи для своей семьи. В Долгомостовском районе сахар, выделенный для ослабленных детей фронтовиков, был использован на обеспечение партийного актива [15. Л. 57].

Серьезным недостатком в работе учреждений, ответственных за оказание помощи семьям фронтовиков, стала неспособность правильно организовать работу. Вплоть до 1944 г. государственная помощь многодетным и остро нуждающимся семьям военнослужащих в районах реализовывалась очень слабо. Так, в 1943 г. из 140 тыс. руб., выделенных для приобретения скота семьям военнослужащих, освоено было только 27 тыс. руб. (Абанский, Балахтинский, Дзержинский, Саралинский, Каратузский районы) [15. Л. 88].

В годы Великой Отечественной войны на территории Красноярского края было сосредоточено значи-

тельное число семей фронтовиков, забота о которых была продекларирована как первоочередная задача государственных органов и общественных организаций. К началу Великой Отечественной войны в государственной политике не существовало отдельного направления по всестороннему обеспечению семей военнослужащих, были лишь элементы политики, которые не являлись системными. Именно поэтому структура и механизм работы органов, всецело отвечавших за материально-бытовое обеспечение семей военнослужащих, до 1943 г. не в полной мере были приспособлены к условиям военного времени. Создание в январе 1943 г. отдела по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих позволило четко выделить основные направления работы, выявить причины неудач и определить способы их решения, что позволило в соответствии с принятым общесоюзным законодательством создать необходимые условия труда и жизни семьям, чьи кормильцы выполняли воинский долг на фронте, и помогло пережить им лишения военной поры.

Среди наиболее острых вопросов оставалась проблема кадров. Можно согласиться с Е.Н. Семеновой, что кадровая политика во многом предопределила просчеты, ошибки, недостаточную эффективность проводимых мероприятий. Основными препятствиями в решении кадрового вопроса были: призыв в армию работников, снятие и перемещение ответственных работников, низкий в целом уровень грамотности населения, отсутствие четкой кадровой политики (на первоначальном этапе), недостаточное стимулирование работников, эвакуация захватчиков районов [9. С. 33]. Поэтому такие направления партийно-государственной политики, как трудоустройство, организация тимуровского движения и движения жен-общественниц, организация подсобных хозяйств, идеологическая работа, успешно развивались на протяжении всей войны. Другие же ее направления – работа с жалобами, прием и рассмотрение заявлений, выплата пособий и пенсий, улучшение материально-бытового обеспечения, организация контроля – получили свое развитие только в последние ее годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советский тыл в годы Великой Отечественной войны. М. : Наука, 1974. Кн. 1. 300 с.
2. Сеницын А.М. Всенародная помощь фронту и ее роль в укреплении боевой мощи действующей армии в годы Великой Отечественной войны. М., 1973. 319 с.
3. Букин С.С. Обеспечение продовольствием городского населения Сибири // Сибирь в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск : Наука, 1986. С. 43–53.
4. Зинич М.С. Будни военного лихолетья : в 2 вып. М. : Русская прессслужба ИРИ РАН, 1994.
5. Палецких Н.П. Помощь семьям военнослужащих в годы войны // Южноуральцы в боях и труде. Челябинск : Книга, 1995. С. 128–144.
6. Шалак А.В. Условия жизни и быт населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Иркутск : ИГЭА, 1998. 183 с.
7. Кискидосова Т.А. Материально-бытовая помощь семьям военнослужащих в городах Хакасии в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 11 (37) : в 2 ч. Ч. II. С. 68–70.
8. Любецкий А.Е. Государственная политика по отношению к семьям военнослужащих на Урале в годы Великой Отечественной войны : дис. ... канд. ист. наук. Магнитогорск, 2006. 247 с.
9. Семенова Е.Н. Образование органов государственного обеспечения и бытового устройства семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны (на материалах Западной Сибири) // Вестник ТГПУ. 2015. № 2 (155). С. 31–35.
10. Насонов К.А. Социальное обеспечение военнослужащих Красной Армии в годы Великой Отечественной войны : сущность, содержание и современное значение // Вестник Военного университета. 2010. № 3 (23). С. 65–70.

11. Шалатова К.А. Социально-бытовое обеспечение эвакуированных семей военнослужащих в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляды молодых ученых : сб. материалов II Всерос. молодежной науч. конф. Новосибирск : Наука, 2012. С. 244–250.
12. Правда. 1941. 27 июня.
13. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-26. Оп. 3. Д. 284.
14. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 6.
15. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 565.
16. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 13. Д. 518.
17. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 14. Д. 622.
18. ГАКК. Ф. П-1474. Оп. 3. Д. 527.
19. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 14а. Д. 93.
20. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 14. Д. 83.
21. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 14а. Д. 637.
22. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 14а. Д. 623.
23. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 549.
24. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 14а. Д. 631.
25. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 14а. Д. 1.
26. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 4. Д. 21.
27. ГАКК. Ф. Р-1430. Оп. 1. Д. 358.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 апреля 2020 г.

Organizing Social Support for Families of Front-Line Soldiers in Krasnoyarsk Krai During the Great Patriotic War

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 26–32.

DOI: 10.17223/15617793/473/4

Lyudmila E. Mezit, Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail mezit@yandex.ru

Keywords: social assistance; month's campaigns; benefits; public organizations; employment; housing.

The article analyzes the mechanism of formation of specific practices to meet the basic needs of families of front-line soldiers who found themselves in a difficult life situation in the remote Siberian region. The period of the Great Patriotic War chosen for the study is of interest from the point of view of the nature of changes in the Soviet system of social protection of the population caused by military factors. Documents from the State Archive of Krasnoyarsk Krai and published sources were used to show that the scope and content of social support measures for soldiers' families at the local level were carried out in accordance with the all-Union legislation, public organizations were widely involved, decentralized funds were sought for the needs of families of front-line soldiers, members of soldiers' families were employed, subsidiary farms were organized, etc. Locally, there were cases of indifference and formal attitude to the needs of this category of population. Limited resources (material and technical) in the sphere of social assistance and services required conducting campaigns, Sunday fundraisers for soldiers' families, organizing patronage over soldiers' families in urgent need, providing them with one-time assistance, etc. However, the lack of a clear personnel policy at the initial stage in the region led to numerous miscalculations, mistakes, and insufficient effectiveness of the activities carried out. It is concluded that the separation in 1943 of special departments of state support and household arrangement of soldiers' families from the social security bodies made it possible to improve the effectiveness of legislation: to establish records of families of front-line soldiers, to pay pensions and benefits in a timely manner, to form commissions from among soldiers' wives that interacted with local authorities to solve problems, to satisfy complaints from soldiers' families, to create the necessary working and living conditions for families whose breadwinners performed military duty at the front, to survive the deprivations of wartime.

REFERENCES

1. Kukushkin, Yu.S. (ed.) (1974) *Sovetskiy tyl v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Soviet rear during the Great Patriotic War]. Book 1. Moscow: Nauka.
2. Sinitsyn, A.M. (1973) *Vsenarodnaya pomoshch' frontu i ee rol' v ukreplenii boevoy moshchi deystviyushchey armii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Nationwide assistance to the front and its role in strengthening the combat power of the army in the years of the Great Patriotic War]. Moscow: Voenizdat.
3. Bukin, S.S. (1986) Obespechenie prodovol'stviem gorodskogo naseleniya Sibiri [Provision of food for the urban population of Siberia]. In: *Sibir' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Siberia during the Great Patriotic War]. Novosibirsk: Nauka. pp. 43–53.
4. Zimich, M.S. (1994) *Budni voennogo likholet'ya: v 2 vyp.* [Weekdays of military hard times: in 2 vols]. Moscow: Russkaya presssluzhba IRI RAN.
5. Paletskikh, N.P. (1995) Pomoshch' sem'yam voennosluzhashchikh v gody voyny [Help to the families of military personnel during the war]. In: *Yuzhnoural'tsy v boyakh i trude* [South Urals in battles and labor]. Chelyabinsk: Kniga. pp. 128–144.
6. Shalak, A.V. (1998) *Usloviya zhizni i byt naseleniya Vostochnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945)* [Living conditions and way of life of the population of Eastern Siberia during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Irkutsk: IGEA.
7. Kiskidosova, T.A. (2013) Material'no-bytovaya pomoshch' sem'yam voennosluzhashchikh v gorodakh Khakasii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Financial and household assistance to the families of military personnel in the cities of Khakassia during the Great Patriotic War]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 11 (37):II. pp. 68–70.
8. Lyubetskiy, A.E. (2006) *Gosudarstvennaya politika po otноsheniyu k sem'yam voennosluzhashchikh na Urale v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [State policy in relation to the families of military personnel in the Urals during the Great Patriotic War]. History Cand. Diss. Magnitogorsk.
9. Semenova, E.N. (2015) Formation of the Organs of the State Support and Everyday Guaranteeing of the Families of Servicemen During the Great Patriotic War (On Basis of the West Siberian Materials). *Vestnik TGPU – TSPU Bulletin*. 2 (155). pp. 31–35. (In Russian).
10. Nasonov, K.A. (2010) Sotsial'noe obespechenie voennosluzhashchikh Krasnoy Armii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: sushchnost', sodержание i sovremennoe znachenie [Social security of the military personnel of the Red Army during the Great Patriotic War: essence, content, and significance today]. *Vestnik Voennogo universiteta*. 3 (23). pp. 65–70.
11. Shalatoва, K.A. (2012) [Social and welfare provision of evacuated military families in Krasnoyarsk Krai during the Great Patriotic War]. *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyady molodykh uchennykh* [Topical issues of historical research: views of young researchers]. Conference Proceedings. Novosibirsk: Nauka. pp. 244–250. (In Russian).
12. *Pravda*. (1941) 27 June.
13. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-26. List 3. File 284.

14. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-26. List 3. File 6.
15. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-26. List 3. File 565.
16. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-26. List 13. File 518.
17. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-26. List 14. File 622.
18. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-1474. List 3. File 527.
19. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-26. List 14a. File 93.
20. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-26. List 14. File 83.
21. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-26. List 14a. File 637.
22. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-26. List 14a. File 623.
23. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-26. List 3. File 549.
24. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-26. List 14a. File 631.
25. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-26. List 14a. File 1.
26. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1386. List 4. File 21.
27. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1430. List 1. File 358.

Received: 18 April 2020

Е.А. Осташова, Ж.А. Рожнева, Г.Н. Алишина

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЛИЧНЫХ АРХИВОВ УЧЕНЫХ: К ЧЕМУ ГОТОВИТЬСЯ ИСТОРИКАМ И АРХИВИСТАМ?

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00827.

Рассматриваются персональные цифровые архивы ученых – комплексы цифровых материалов, откладываемых в процессе профессиональной и иной деятельности представителей академического сообщества. Анализируются архивы с точки зрения их использования в качестве источников для проведения исторических исследований, а также обеспечения их долговременной сохранности как в рамках институциональной системы хранения, так и в «естественных условиях».

Ключевые слова: личные архивы; персональные цифровые архивы; цифровые источники; исторические источники; долговременная сохранность; история науки

Введение

Проведение исследований по истории науки, научных школ и институций, написание научных биографий и корпоративных историй, изучение творческого наследия деятелей науки и образования традиционно подразумевает обращение к архивным фондам ученых. Основной таких фондов являются документальные следы профессиональной, общественной и частной жизни фондообразователя, однако нередко их дополняют собранные им материалы по истории региона и страны, учебных заведений, отдельных событий и явлений в жизни общества. Сохранившиеся личные архивы дают возможности исследовать само академическое сообщество и отдельных его представителей, попытаться понять, как формировалась идентичность того или иного ученого [1. С. 135].

Приметой современности является масштабная и быстрая цифровизация, которая приводит к тому, что практики работы с информацией также цифровизируются, а документальные материалы, отражающие профессиональную деятельность, творческий поиск, личные и научные интересы, повседневную жизнь представителей академического сообщества, откладываются в цифровом формате. Эти накопленные, сохраняемые в силу разных причин и хранящиеся на различных носителях и в различных средах цифровые объекты образуют персональные цифровые архивы ученых и преподавателей. В состав таких архивов могут входить как документы, созданные самим фондообразователем в ходе повседневных практик, так и документы, собранные им. Несмотря на то что сегодня архивы уже принимают на хранение цифровые документы, личные цифровые фонды пока являются *Terra incognita* и для самих архивистов, и для историков, использующих архивные материалы в качестве источниковой базы для исследований.

В отечественной исторической науке изучение личных архивов происходит преимущественно в рамках традиционных тематик и практически не затрагивает их трансформацию под влиянием цифровых технологий. В комплексе подобных исследований можно выделить две основные группы. Во-первых, это источниковедческие работы, авторы которых фокусируются на традиционных фондах личного происхождения и их

использовании в качестве исторических источников [2–6]. Количество работ в данной группе невелико. Помимо детального рассмотрения информационного содержания документов, в них делается акцент на необходимости осмысления и самого личного фонда как комплекса материалов, его внутренней организации, истории и особенностях его формирования.

Во вторую группу входят биографические исследования, для которых материалы фондов личного происхождения и комплекс документов о человеке вообще являются основной источниковой базы. В данных работах нас интересовали прежде всего типичные задачи, которые ставили перед собой исследователи, изучавшие биографии представителей академического сообщества. В качестве таковых можно выделить реконструкцию жизненного и творческого пути ученого; составление или уточнение библиографии; прослеживание развития научных идей; описание истории научных школ и направлений; выявление путей и методов создания и трансляции научного знания («лаборатория», «ремесло» ученого); оценку вклада исследователя в развитие определенной отрасли науки, а также его роли в общественной, культурной, политической жизни страны или региона [7–11].

Обращение к данным группам исследований важно, так как позволяет понять, каков типичный состав традиционных личных фондов и какие вопросы истории задают к таким архивным материалам.

В зарубежной науке, в отличие от отечественной, персональные цифровые архивы и их отдельные составляющие (электронная переписка, социальные сети и т.д.) активно изучаются уже более 20 лет на стыке разных исследовательских полей: компьютерных и информационных наук, персонального информационного менеджмента, истории и архивоведения. В фокусе большинства исследований находятся описания конкретных кейсов приема-передачи на архивное хранение цифровых архивов личного происхождения [12] или отдельных видов документов (например, аккаунтов в социальных сетях, творческих материалов [13–16]), обеспечения сохранности документальных комплексов, хранящихся в «естественных условиях», проведения обучающих мероприятий по персональному цифровому архивированию [17]. Большое внимание уделяется не только техническим вопросам

выбора адекватного инструментария, но и юридическим, этическим, методологическим аспектам, проблемам доступности архивов для исследователей и их востребованности ими [18]. Проблематика персональных цифровых архивов изучается и в контексте долговременной сохранности цифровых документальных комплексов как таковых [19].

Количество исследований, где материалы персональных цифровых архивов рассматривались бы именно как исторический источник [20–21], пока относительно невелико. Однако уже сформировалось четкое понимание того, что исследователи (в первую очередь историки) могут и должны быть не просто пассивными пользователями, а принимать активное участие во всех этапах передачи персональных документальных комплексов на хранение в институты памяти [18. Р. 288–289]. Привлечение исследователей к работам по обеспечению долговременной сохранности персональных цифровых материалов позволяет не просто сохранить такие объекты, но и сделать их действительно ценным ресурсом для науки.

Целью данной статьи является выявление особенностей персональных цифровых архивов и их потенциала как источников по истории науки. В этой связи мы сосредоточились на нескольких исследовательских вопросах:

1. Что из себя представляет персональный цифровой архив ученого? Отличается ли он по составу от традиционных личных фондов?

2. Каким образом должны измениться понимание исследователем источника и его инструментарий для полноценной работы с таким источником?

3. Возможна ли передача материалов персональных цифровых архивов в институты сохранения памяти без потери их информационного потенциала?

Основными источниками для исследования являются собранные авторами 53 полуструктурированных интервью с представителями академического сообщества, работающими в вузах и научных учреждениях Томска (26 интервью с кандидатами и 27 интервью с докторами наук).

Поиск информантов велся на основе открытых данных, опубликованных на сайтах университетов и факультетов, а также на основе личных контактов. Критериями для отбора информантов стали их академический статус (наличие степени доктора или кандидата наук), а также согласие на интервью. Кроме того, мы пытались соблюсти примерно равное участие в интервью представителей социогуманитарных, технических и естественных наук, а также разнообразие возрастного состава участников.

Выбор в пользу полуструктурированных интервью был сделан, исходя из того, что этот метод позволяет фокусировать внимание информанта на определенных аспектах, интересующих исследователя; обеспечивает между исследователем и информантом степень доверия, необходимую для обсуждения такой личной темы, как персональные информационные практики; дает исследователю необходимую свободу маневра и позволяет обеспечивать единообразие исследовательского подхода в условиях работы нескольких интервьюеров (в нашем случае – четырех) [22. С. 21].

С согласия участников интервью были записаны на диктофон, позже расшифрованы и проанализированы. В статье полученные данные используются исключительно в обобщенном виде.

Состав, исследовательские практики и сохранение персональных архивов в контексте цифровизации

Представление о типичном видовом составе фонда личного происхождения можно составить на основе схем классификации фондов, предложенных в «Методических рекомендациях по работе с документами личного происхождения» [23], а также в методических документах, подготовленных региональными архивами на их основе [24]. Документальные материалы личного происхождения отличает разнообразие, поэтому схемы, используемые в архивах для систематизации документов фондов личного происхождения, не являются жесткими и допускают адаптацию к особенностям конкретного фонда. Как правило, в фонде личного происхождения откладываются биографические документы фондообразователя; материалы его творческой, профессиональной и общественной деятельности; переписка; документы, относящиеся к членам семьи фондообразователя и третьим лицам; документы о фондообразователе, созданные другими людьми (воспоминания, некрологи), изобразительные документы; коллекции, собранные фондообразователем. Кроме того, в фонде личного происхождения могут оказаться имущественно-хозяйственные документы, генеалогические таблицы и др.

Основой фонда личного происхождения представителя академического сообщества являются документы о научной, преподавательской деятельности и личной жизни фондообразователя. Однако часто фонды ученых этим не ограничиваются, в большинстве из них также присутствуют документы, отражающие общественную жизнь фондообразователя, материалы по истории региона, учебных заведений, отдельных событий и явлений, собранные держателями фондов и представляющие ценность с точки зрения содержащейся в них информации.

Личные фонды, как правило, используются в исследованиях, связанных с изучением истории научных школ и институций, написанием биографий представителей академического сообщества. При этом необходимо отметить, что источниковая база таких работ – это почти всегда своего рода конструктор, который собирается исследователем из различных документальных элементов, находящихся не только в разных фондах, но и в разных местах хранения (в архивных учреждениях или в частной собственности). Часто ядром такого конструктора является один или несколько фондов определенного лица, но нередки случаи, когда документы, отражающие жизненный путь ученого, рассредоточены между фондами учреждений, органов власти, личными фондами других деятелей.

Особенности жизни человека и задачи конкретного исследования могут изменять круг источников для науковедческого или биографического исследования, но, как правило, для них привлекаются научные тру-

ды и отзывы на них, материалы научных дискуссий, делопроизводственная документация, документы, отражающие творческую и педагогическую деятельность, документы личного происхождения, изобразительные материалы [3. С. 57–59]. Каждый из этих видов источников имеет для исследователя собственную ценность и позволяет придать необходимую глубину, четкость и реалистичность реконструируемой исторической картине.

Результаты интервью показывают, что видовой состав материалов персонального цифрового архива в значительной степени воспроизводит состав традиционных фондов, но при этом некоторые его составляющие подверглись существенной трансформации. Появились и принципиально новые виды документов.

Ядром цифрового архива ученого и преподавателя, как и в традиционных личных фондах представителей академического сообщества, являются документы, связанные с их научной и преподавательской деятельностью: научные статьи, монографии, рецензии, отзывы, конспекты лекций, материалы к ним, а также грантовая и делопроизводственная документация, связанная с избранием по конкурсу или трудоустройством. По-прежнему в персональных архивах откладывается научная литература (как на различных устройствах, находящихся в пользовании фондообразователя (в памяти компьютера или смартфона, внешних накопителей), так и в онлайн-сервисах и приложениях для чтения и личных кабинетах интернет-магазинов, например Amazon Kindle, ЛитРес и др.).

Для исследователей, занимающихся историей науки и научных школ, традиционно большой интерес представляют черновики, заметки, записные книжки ученых, поскольку позволяют проследить, как развивалась мысль, оттачивались формулировки, как процесс научного творчества переплетался с другими сферами жизни. Установление последовательности возникновения идей в бумажном архиве – задача, требующая тщательного и кропотливого сопоставления документов, время и место возникновения которых подчас установить можно, только если они указаны напрямую или упомянуты в других записях (в письмах, дневниках). Таким образом, даже если исследователь имеет дело с относительно полным личным фондом, отражающим различные стороны жизни и деятельности фондообразователя, восстановить внутренние связи крайне сложно и в силу того, что их закрепление не происходит по умолчанию, а требует усилий от создателя (надписать, датировать документ), и в силу того, что сама процедура отбора на институциональное хранение, проведение экспертизы ценности, внутренняя организация документов в архивном фонде подразумевают реорганизацию естественного порядка.

Казалось бы, в цифровую эпоху, когда хранение многочисленных версий документа практически не требует ни пространства, ни усилий, когда существуют сервисы, отслеживающие и сохраняющие версию (например, Google-документы), и текстовые редакторы фиксируют количество созданных версий, время, затраченное на редактирование документа и т.д., у исследователя гораздо больше шансов полу-

чить коллекцию черновиков и редакций, которые детально позволили бы воссоздать процесс создания научного текста. Но это далеко не всегда так. Как показывают и существующие исследования [13], и анализ ответов наших информантов на вопрос об их практиках работы над текстом, большинство современных пользователей предпочитают создавать тексты в редакторах, установленных на их персональных компьютерах (MS Word), и не сохраняют черновики, выполняя все виды правки и корректуры в одном документе.

Записки и заметки, содержащие творческие идеи, сегодня, как правило, создаются в специальных сервисах и приложениях (Evernote, OneNote, Google Keep, Apple Notes), устанавливаемых на смартфон или используемых в браузере, и находятся на других носителях и в других программных средах. Таким образом, они часто оказываются физически разобщены с другими материалами персонального цифрового архива, которые хранятся в памяти персонального компьютера или ноутбука. Однако практически все подобные сервисы и программы автоматически фиксируют метаданные и предоставляют широкие возможности для связывания документов, например, через систему тэгов, гиперссылки, вложения и т.д. Все это позволяет более точно «вписать» конкретную заметку в общий контекст деятельности. Кроме того, сервисы для хранения и организации заметок часто имеют не только мобильную, но и десктопные версии, таким образом, имея в своем распоряжении компьютер или браузер фондообразователя с сохраненными паролями как «точку входа», исследователь или архивист имеет возможность получить доступ к подобным заметкам.

Важной составляющей персонального цифрового архива остается переписка, но с содержательной, стилистической, структурной точек зрения этот традиционный источник существенно изменяется. По-видимому, традиция написания длинных, обстоятельных писем останется тесно связанной именно с бумажной эпохой. Электронные письма сегодня исчисляются тысячами, но часто не столько содержат информацию в тексте, сколько становятся пояснительной запиской к вложенным файлам. При этом почтовые программы, с помощью которых ведется переписка, могут быть синхронизированы с календарем, списком контактов, аккаунтами в социальных сетях, автоматически делая отметки о событиях (а часто и о месте и людях, принимающих в них участие) в календаре, превращаясь, фактически в полноценную записную книжку или ежедневник.

Содержательная и эмоциональная составляющие эпистолярного жанра в большей степени проявляются сегодня в переписке в социальных сетях и до некоторой степени – в сервисах обмена мгновенными сообщениями (WhatsApp, Viber, Telegram и др.). Результаты проведенных интервью показывают, что такого рода переписка далеко не всегда осмысливается как часть персонального информационного наследия.

Важным для исследователя может оказаться и тот факт, что электронный эпистолярный архив часто выполняет функции хранилища файлов. Выше было от-

мечено, что многие исследователи не сохраняют версии, которые отражали бы различные стадии работы над научным текстом, из-за чего на жестком диске компьютера часто остаются лишь «стерильные», лишённые правок и комментариев чистовики. Возможность выявить и сопоставить различные варианты текста может дать обращение к электронной переписке. Как показывают ответы наших информантов, даже те респонденты, которые правят свои тексты в одном файле или удаляют черновики после публикации статьи/монографии, не удаляют переписку (например, с коллегами или редакциями), в которой могут сохраниться файлы, отражающие разные стадии работы над текстом. Более того, работая с текстами самих писем, исследователь может восстановить не только авторский ход мысли, но и понять, кто (какие корреспонденты) и как влиял на него. Кроме того, некоторые информанты используют электронную почту в качестве хранилища резервных копий, сохраняя в черновиках или пересылая самому себе собственные тексты.

Представители академического сообщества продолжают хранить фотографии и другие изображения причем сюжетно они становятся более разнообразными: наряду с личными и семейными фотографиями в архивах начинают откладываться скриншоты экрана с разнообразной информацией, мемы, которые позже используются, например, в презентациях к лекциям или при оформлении курсов в электронных образовательных средах, фотографии документов и книг, сделанные в архивах и библиотеках. Эти комплексы чаще всего имеют минимальную атрибуцию (метаданные и объединение в тематические папки) или остаются совсем не атрибутированы. Широкое использование изображений из интернета (как иллюстративного материала в презентациях к лекциям), далеко не всегда сопровождающееся ссылкой на источник публикации, может создавать дополнительные нюансы при урегулировании вопроса об авторских правах при передаче документов на хранение в архив.

Количество накопленных фотодокументов варьируется и зависит как от личных качеств человека (склонность к фотофиксации разнообразных моментов в жизни, сентиментальность), так и от привычных ему практик работы с информацией (снятие бумажных копий документов в архиве или фотографирование этих документов, сохранение ссылок на ресурсы, скриншотов и др.).

Изменяется и сама фотография: из источника, который фиксировал знаменательные события, она превращается в одну из самых массовых примет современности. Возможности модификации фотографий, которые ранее использовались в основном профессионалами-фотографами, сегодня доступны практически каждому владельцу смартфона или персонального компьютера. Таким образом, фотографические источники могут дать исследователю потенциальную возможность буквально увидеть повседневность ученого так, как он ее видит сам, или так, как он хочет ее видеть (отредактированные снимки), при этом в распоряжении исследователя окажутся автоматически фиксируемые хронологические и геолокационные метки, что упрощает машинную обработку материала.

Машинная обработка всего комплекса фотодокументов личного цифрового архива и их метаданных может помочь выявить связи фотодокументов с другими материалами архива, в буквальном смысле проиллюстрировать с помощью фотографий те или иные события из жизни фондообразователя, о которых исследователь узнает из писем, дневниковых записей, сохранившейся делопроизводственной документации. При этом важно понимать, что массовость фотографий и широкие возможности их обработки изменили и характер постановочности. На смену фотоснимкам, запечатлевшим специально позирующих для них людей, пришли «случайные», «естественные» фотографии, хотя их естественность и реальность также могут быть постановочными.

Результаты интервью говорят о том, что в цифровых архивах представителей академического сообщества не часто откладываются значительные массивы личных фотографий, а те фотографии, которые хранятся на персональных устройствах, довольно редко просматриваются. Однако при этом из документов, отражающих именно личную, а не профессиональную жизнь, фотографии, по-видимому, являются одной из самых ценных для самих фондообразователей составляющих архива, утрата которой неизменно воспринимается болезненно.

Значительную часть цифрового архива некоторых опрошенных (как правило, это люди, занимающие не только преподавательские, но и административные должности) составляет делопроизводственная или нормативная документация. Так, в личном архиве может оседать даже информация служебного пользования или персональные данные третьих лиц (например, в виде сканированных копий документов). В случае передачи комплексы документов на архивное хранение, наличие подобных материалов потребует принятия дополнительных решений и со стороны фондообразователя, и со стороны архивистов. Фондообразователь, зная о том, что в его архиве присутствуют такие документы, может отказаться от передачи своего архива на институциональное хранение. Если же решение о передаче будет принято, архивистам придется осуществить дополнительные действия по проверке материалов архива и исключению из него документов, содержащих персональные данные, документы служебного пользования или любые документы, содержащие информацию, не подлежащую разглашению. Как показывает практика [12. Р. 31], выявление таких документов – кропотливая работа, требующая значительных временных затрат, поскольку она не всегда может быть осуществлена только с использованием программных средств и иногда может потребовать просмотра документов архивистом. Такие работы необходимо проводить и при передаче на хранение бумажных документов, но в случае с электронными материалами речь идет ократно возросшем их количестве.

Сравнение типичных документов – традиционных и цифровых – личных архивов показывает, что их видовой состав во многом постоянен. Но существует один вид документов, который не вписывается в рамки традиционной классификации, – это веб-документы, которые могут содержать целую совокупность объектов (изображения, анимацию, видео, текст, звуковые файлы, ссылки на другие документы) и в силу этого имеют довольно размытые границы.

Собственный веб-сайт или блог, как показывают результаты интервью, – довольно экзотические составляющие персонального цифрового архива, но персональные страницы в социальных сетях как профессионально ориентированных (LinkedIn, Research Gate), так и широкого профиля (Vkontakte, Facebook, Instagram) есть у подавляющего большинства опрошенных.

Этот вид документов в составе персонального цифрового архива обладает значительным информационным потенциалом в плане реконструкции контекста, в котором разворачивается жизнь и деятельность ученого. Становится возможным не просто восстановить этот контекст, например, через репосты новостей, публикаций других авторов, но и выяснить отношение автора к ним. С другой стороны, работа с этим источником с необходимостью требует от исследователя большей критичности, так как, несмотря на формальную персональность страницы, это транслируемый во вне образ себя, который каждый конструирует по-своему.

Являющиеся активными пользователями социальных сетей респонденты часто разделяют свои страницы в социальных сетях на «рабочие» (как правило, это страницы в Facebook) и «личные» и следят за тем, какого рода публикации появляются на них. В некоторых случаях это проявляется в отказе от публикации личных или семейных фотографий, неоднозначных постов, но иногда имеет форму целенаправленного формирования собственного имиджа как профессионала в определенной сфере.

Можно сказать, что этот синкретический, содержащий различные информационные объекты (от личных сообщений и фотографий до репостов новостей и комментариев к ним) документ является своего рода архивом в архиве, а механизмы его формирования и курирования, его влияние на формирование личной и профессиональной идентичности и одновременно способность отражать ее еще предстоит изучить [16, 25].

Несмотря на то, что видовой состав документов персонального цифрового архива незначительно отличается от видового состава архива традиционного, для историка важно осознавать те особенности цифровых документов, которые заданы их цифровой природой, поскольку понимание их технических характеристик становится существенным в определении путей работы с ними как с объектами культурного наследия [19]. Это связано с несколькими особенностями такого рода источников.

Во-первых, любой цифровой объект принципиально многослоен. Эта многослойность определяется не только и не столько тем, какие методы использует исследователь при работе с источником, как в случае с аналоговыми материалами, которым также присуща информационная глубина, создающая широкое поле для постановки разных исследовательских вопросов и появления различных интерпретаций. В случае с цифровыми документами их многослойность задана самими технологическими характеристиками «цифры». В своей основе они имеют двоичный код (исходная цифровая матрица), программный слой, информационный слой, представляемый в человекочитаемом виде, а также метаданные, описывающие документ.

Во-вторых, несмотря на то что цифровой объект физически существует и связан с определенным носителем, его отображение на экране не является неизменным. При каждом обращении оно «конструируется» заново через взаимодействие программного и аппаратного обеспечения, бинарного кода, протоколов и др. [19] В зависимости от того, как и посредством чего произошло конструирование, документ может выглядеть совершенно по-разному.

Опираясь на свой опыт работы с бумажными документами, историк, как правило, основной акцент делает на работу с информационным слоем, игнорируя другие слои и полагая, что цифровой объект – это то, что он видит на экране [26]. Такое явление получило название «экранного эссенциализма» (screen essentialism) [27–28]. В реальности, просматривая на современном оборудовании с использованием современного браузера архивные копии электронного почтового сообщения или веб-сайта, созданного в 1995 г., историк будет видеть и воспринимать их не совсем так (а возможно, и совсем не так), как видел и воспринимал свое сообщение его автор или первые посетители веб-сайтов 25 лет назад [29. Р. 115]. Изменяя формат документа, обращаясь к его техническим слоям, исследователь может узнать не только ту информацию, которая скрыта от пользователя, но и те данные, которые были стерты или изменены [19. Р. 34–53], что принципиально отличает цифровой источник от традиционного. Привлекая в качестве источниковой базы своего исследования цифровые документы, историк должен как минимум осознавать наличие разных слоев документа, а лучше – уметь с ними полноценно работать, так как текст лишь малая часть того, чем цифровой объект является на самом деле [19. Р. 140].

Не менее сложная задача стоит и перед архивистом, так как, проводя экспертизу ценности и определяя возможности долговременной сохранности того или иного цифрового артефакта, он должен понять, как технологически и технически был создан тот или иной объект, и решить, что именно целесообразно и необходимо сохранять, что будет востребовано историками: цифровой документ во всей его многослойности, его текст, структура, скриншот [19].

В-третьих, для полноценного использования цифровых документов в качестве исторических источников огромное значение имеет работа с метаданными. Например, по результатам исследования главы управления цифрового контента Библиотеки Конгресса США, архивиста Тревор Оуэнса (Trevor Owens), в стандартном 140-символьном сообщении в социальной сети Twitter сам текст составляет лишь около 3% от заключенной в нем информации, а 97% информации приходится на машиночитаемые метаданные: время публикации, часовой пояс, сведения об авторе (bio), ссылка на веб-сайт автора публикации и его/ее электронный адрес, время создания аккаунта, количество подписчиков к моменту запроса информации о метаданных и т.д. [19. Р. 140].

Метаданные электронного документа позволяют историку изучать не только те процессы, которые породили тот или иной источник, но и внимательнее рассмотреть личную историю создателя персонального цифрового архива. Выше мы отмечали, что информационный

потенциал текстов электронных писем снижается в силу того, что сами тексты становятся все более лапидарными. Однако набор метаданных, который на технологическом уровне фиксируется почтовыми программами (корреспонденты, количество писем, частота переписки, темы, объединяющие одних и тех же корреспондентов, очередность установления контактов), позволяет во многом компенсировать это, превращая электронную переписку «в летопись профессиональной и личной жизни», ее «моментальный снимок» [29. Р. 129].

Такого рода сведения историк, работающий с бумажными документами в архиве, устанавливал по крупным, часто теряя неудачу; технические особенности цифрового источника дают возможность получить их несколькими командами компьютеру. Для цифровых архивов ученых это может быть особенно перспективным, поскольку, несмотря на то что личная переписка «уходит» в мессенджеры и соцсети, значительная часть деловой переписки представителей академического сообщества все-таки ведется посредством электронной почты.

Наконец, для цифровых документов гораздо более сложным становится определение их границ. Традиционные объекты, присутствующие в физическом пространстве комнаты, письменного стола или дела из архивного фонда, разграничить довольно просто, выделив отдельные копии и экземпляры. Ответ на вопрос о границах цифрового объекта должен даваться, во-первых, с учетом их многослойности, о чем было сказано выше, а во-вторых, с учетом технических связей между ними. Так, персональный веб-сайт ученого через гиперссылки может быть связан с веб-сайтом организации, где он работает, базой или перечнем его публикаций, страницей в социальной сети, которая в свою очередь сама является частью большой совокупности других личных страниц, а использование такого объекта в качестве исторического источника позволяет легче выявлять широкие контексты жизни и деятельности представителя академической среды, устанавливать и проверять факты, сопоставлять различные виды и типы источников.

Заключение

Эмпирический материал, собранный в ходе нашего исследования, позволяет описать персональные цифровые архивы, хранящиеся в «естественных условиях», т.е. у создателей. И именно к архивам в этом качестве относятся наши основные выводы и оценки. Мы полагаем, что максимальный информационный потенциал персональные цифровые архивы имеют лишь тогда, когда исследователь может работать с ними в «естественных условиях». Однако в реальности сохранить их в таком виде и сделать доступными для исследователей, по всей видимости, невозможно. При передаче в архив естественные связи, сложившиеся в таком ком-

плексе материалов, его целостность, как правило, разрушаются, и значительная часть информационного потенциала утрачивается. Это происходит в силу существующих на данный момент традиционных методик отбора, институциональных ограничений, неготовности или нежелания фондообразователя сделать свои цифровые материалы публичными. В этой ситуации нам видятся два возможных варианта развития событий, которые условно можно обозначить как «пессимистический» и «оптимистический».

Пессимистический сценарий предполагает отказ от идеи сохранения более или менее полных персональных цифровых архивов в рамках институциональной системы хранения, смену историками подходов к работе с ними и сосредоточение в основном на изучении той части персонального цифрового наследия, которая оседает в публичном пространстве (сайты учреждений, социальные сети, блоги, архив Интернета и др.).

Оптимистический сценарий предусматривает, во-первых, изучение закономерностей, по которым происходит создание и накопление цифровых материалов на персональном уровне. Эти закономерности могут быть заданы на программном (то, что позволяет пользователю делать со своими материалами определенный сервис или среда), культурном, языковом уровнях. Это необходимо для того, чтобы, понимая круг используемых технологий и культурные особенности, в которых формируются академические практики, и то, как они документируются, можно было бы прогнозировать состав архива с точки зрения того, на каком аппаратном и программном обеспечении и как он сделан. Во-вторых, принципиальное значение имеет проведение модельных передач на архивное хранение как можно более полных комплексов персональных цифровых материалов, в которых принимали бы участие и фондообразователи, и архивисты, и историки. Такие мероприятия необходимы, чтобы выявить, какие документы, какие связи являются наиболее ценными и информационно наполненными, в силу чего их принципиально важно сохранить в архиве, и каким образом это можно сделать.

На данный момент архивное сообщество во всем мире пока не имеет опыта приема на хранение от фондообразователя всей совокупности накопленных им цифровых материалов, случаи передачи обширных комплексов, которые бы включали в себя и электронную переписку, и контент, созданный и сохраненный в публичном пространстве, и материалы, хранимые на различных устройствах и в облачных средах, пока единичны. Однако без совместных усилий историков и архивистов в этом направлении существовавшая на протяжении десятилетий традиция использования в научных исследованиях фондов ученых личного происхождения, вероятно, действительно может быть прервана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крайнева И.А. Персональный архив ученого как феномен исторической идентичности // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2015. № 2 (18). С. 135–142.
2. Ходякова О.А. Материалы фонда графов Шереметевых Российского государственного исторического архива как источник по истории культурной жизни России первой половины XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. 18 с.
3. Крайнева И.А. Личный архив физика Ю.Б. Румера как источник по истории науки // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2014. № 1. С. 56–65.
4. Кобак И.В. Семейная переписка Гаевских 1820-х – 1880-х гг. как исторический источник : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. 25 с.

5. Сиротина О.А. Методы изучения личных и семейных архивов. По материалам фонда Уваровых : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 31 с.
6. Качин Н.А. Архив и коллекции В.М. Флоринского: опыт источниковедческого анализа : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2019. 27 с.
7. Казакова Е.А. П.В. Вологодский: личность и общественно-политическая деятельность (1863–1920 гг) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008. 31 с.
8. Бен Е.Н. Научная биография исследователя Сибири Вячеслава Петровича Косованова : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2011. 28 с.
9. Ковеля В.В. М.Н. Тихомиров и его научное наследие: развитие научных концепций и влияние политико-идеологического фактора : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016. 24 с.
10. Слепцова Т.В. Н.К. Шильдер – археограф и историк : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2016.
11. Якупов Р.И. Именные фонды в Центральном государственном архиве Республики Башкортостан: Н.Н. Барсов // Вестник ВЭГУ. 2011. № 5 (55). С. 157.
12. Sloyan V. Born-digital archives at the Wellcome Library: appraisal and sensitivity review of two hard drives // Archives and records. 2016. Vol. 37, Is. 1. P. 20–36.
13. Becker D., Nogues C. Saving-over, over-saving, and the Future Mess of Writers' Digital Archives: A Survey Report on the Personal Digital Archiving Practices of Emerging Writers // American Archivist. 2020. № 75. P. 482–513.
14. Molloy K. Literary archives in the digital age: issues and encounters with Australian writers // Archives and Manuscripts. 2019. Vol. 47, Is. 3. P. 327–342.
15. Schneider J., Adams C., DeBauche S. et al. Appraising, processing, and providing access to email in contemporary literary archives // Archives and manuscripts. 2019. Vol. 47, Is. 3. P. 306–326. doi: 10.1080/01576895.2019.1622138
16. Zhao X., Lindley S. Curation through use: understanding the personal value of social media // CHI'14: CHI'15: Proceedings of the conference on human factors in computing systems. 2014. P. 2431–2440. URL: https://www.researchgate.net/publication/266655669_Curation_through_Use_Understanding_the_Personal_Value_of_Social_Media (дата обращения: 17.08.2020).
17. The complete guide to personal digital archiving / ed. by B.H. Marshall. Chicago : ALA Editions, 2018. 298 p.
18. Jaillant L. After the digital revolution: working with emails and born-digital records in literary and publishers archives // Archives and Manuscripts. 2019. Vol. 47, Is. 3. P. 285–304.
19. Owens T. The theory and craft of digital preservation. Baltimore : John Hopkins University Press, 2018. 242 p.
20. Fostikov A., Mandić S. New categories of historical sources, E-mail and forum: Internet communication and history // Pregled nacionalnog centra za digitalizaciju. 2007. № 10. P. 40–46.
21. Hangal S., Chan P., Piratla V. et al. Historical research using email archives // CHI'15: Proceedings of the 33rd annual ACM conference on human factors in computing systems, April 2015. 2015. P. 735–742. URL: <https://dl.acm.org/doi/10.1145/2702613.2702976> (дата обращения: 17.08.2020).
22. Браймен А. Интервью в качественных исследованиях // Социология власти. 2007. № 4. С. 15–32.
23. Методические рекомендации по работе с документами личного происхождения. М., 1990. URL: <http://archdelo.rusarchives.ru/data/docs/html/291d6.html> (дата обращения: 20.08.2020).
24. Методические рекомендации по работе с документами личного происхождения в архивных учреждениях Республики Тыва. Кызыл, 2018. URL: <http://gosarhivrt.ru/?p=3507> (дата обращения: 20.08.2020).
25. Hogan B. The presentation of self in the age of social media: distinguishing performances and exhibitions online // Bulletin of science, technology and society. 2010. Vol. 30, Is. 6. P. 377–386.
26. Owens T. Glitching files for understanding: avoiding screen essentialism in three easy steps // The Signal [blog]. 2015. Nov. 5. URL: <https://blogs.loc.gov/thesignal/2012/11/glitching-files-for-understanding-avoiding-screen-essentialism-in-three-easy-steps/> (дата обращения: 25.08.2020).
27. Шаропова Н.Р. По ту сторону визуального: к критике ориентированных на вывод подходов в исследованиях новых медиа // Медиа-скоп : электрон. науч. журн. 2017. № 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2390> (дата обращения: 25.08.2020).
28. Montfort N. The early materiality and workings of electronic literature // Nick Montfort [site]. 2005. URL: https://nickm.com/writing/essays/continuous_paper_mla.html (дата обращения: 25.08.2020).
29. Milligan I. History in the age of abundance? : how the web is transforming historical research. Montreal & Kingston. London ; Chicago : McGill-Queen's University Press, 2019. 310 p.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 августа 2021 г.

Digitalization of Personal Archives: What Should Historians and Archivists Be Ready For?

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 33–40.

DOI: 10.17223/15617793/473/5

Evgeniya A. Ostashova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: evgeniya.ostashova@gmail.com

Zhanna A. Rozhneva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zhar@ido.tsu.ru

Galina N. Alishina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: galinaalishina@gmail.com

Keywords: personal archives; personal digital archives; digital primary sources; historical primary sources; long-term preservation; history of science.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-011-00827.

Traditionally, it seemed to be a must for a historian to address personal archival funds of academicians when researching the history of science and education. Today, the situation is changing. Archives still acquire such funds, accumulating digital traces of the professional and personal lives of the academic community. Moreover, the materials of these funds are becoming more numerous and diverse. However, under the influence of the open data policy, a great part of records that used to be stored in personal archival funds can now be freely accessed online. Prospects for the long-term preservation of personal digital materials are unclear, and their value is not obvious even for their creators. In these circumstances, a question arises: will it be possible and necessary to preserve personal digital archives of academicians in memory preservation institutions, or are the archival and scientific community about to see this tradition end? This article aims to identify the main features of personal digital archives of academicians and their potential as primary sources. To reach this aim, we need to complete the following tasks. Firstly, it is necessary to describe the content of a personal digital archive of a scientist or a university instructor and to identify what makes it different from a traditional personal fund. Secondly, we need to understand what changes should happen in scientific tools and techniques to allow the researcher to use the information potential of these records to the fullest. Finally, we will try to answer the question: is it possible to transfer personal digital archives to memory institutions without losing their informational potential? To collect the empirical data for this research, we

conducted semi-structured interviews with 27 candidates and 26 doctors of sciences from the universities and research institutes located in Tomsk. The interview data show that both traditional and digital archives of the interviewees have a core that remains stable, but the digital turn changes the nature of some documents. Some new types of records emerge as well. Historians and archivists need to be aware of and consider the specific features of digital materials to preserve and use them effectively. Among these features are the following: technologies make digital objects multi-layered; any digital object is re-constructed with every opening to be presented in a human-readable form in a certain software; metadata are essential; borders of digital records are hard to mark. At this point, we have to admit that personal digital archives reveal their full potential only when stored “in the wild”. But this way, they cannot be accessed by researchers. For that reason, a collaborative work of historians and archivists on experimental transferring of personal digital records to archives becomes very important. It will help to understand what must be preserved and stored in the archive and how it can be done in a way that personal digital archives keep most of their information potential.

REFERENCES

- Krayneva, I.A. (2015) A Scholar's Personal Archive as a Historical Identity Phenomenon. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2 (18). pp. 135–142. (In Russian).
- Khodyakova, O.A. (1995) *Materialy fonda grafov Sheremetevykh Rossiyskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva kak istochnik po istorii kul'turnoy zhizni Rossii pervoy poloviny XIX veka* [Materials of the Count Sheremetevs Fund of the Russian State Historical Archive as a source on the history of the cultural life of Russia in the first half of the 19th century]. Abstract of History Cand. Diss. Saint Petersburg.
- Krayneva, I.A. (2014) Physicist Yuri Rumer's Personal Files as a Source on the History of Science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 1. pp. 56–65. (In Russian).
- Kobak, I.V. (2015) *Semeynaya perepiska Gaevskikh 1820-kh – 1880-kh gg. kak istoricheskii istochnik* [Family Correspondence of the Gaevskys in the 1820s–1880s as a historical source]. Abstract of History Cand. Diss. Saint Petersburg.
- Sirotnina, O.A. (2015) *Metody izucheniya lichnykh i semeynykh arkhivov. Po materialam fonda Uvarovykh* [Methods of studying personal and family archives. According to the materials of the Uvarovs' fund]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
- Kachin, N.A. (2019) *Arkhiv i kollektzii V.M. Florinskogo: opyt istochnikovedcheskogo analiza* [Archive and collections of V.M. Florinsky: the experience of source analysis]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
- Kazakova, E.A. (2008) *P.V. Vologodskiy: lichnost' i obshchestvenno-politicheskaya deyatelnost' (1863–1920 gg.)* [P.V. Vologodsky: personality and sociopolitical activity (1863–1920)]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
- Ben, E.N. (2011) *Nauchnaya biografiya issledovatelya Sibiri Vyacheslava Petrovicha Kosovanova* [Scientific biography of the researcher of Siberia Vyacheslav Petrovich Kosovanov]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
- Kovelya, V.V. (2016) *M.N. Tikhomirov i ego nauchnoe nasledie: razvitiye nauchnykh kontseptsiy i vliyaniye politiko-ideologicheskogo faktora* [M.N. Tikhomirov and his scientific heritage: the development of scientific concepts and the influence of the political and ideological factor]. Abstract of History Cand. Diss. Saint Petersburg.
- Sleptsova, T.V. (2016) *N.K. Shil'der – arkhograf i istorik* [N.K. Schilder – archeographer and historian]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
- Yakupov, R.I. (2011) Imennoye fondy v Tsentral'nom gosudarstvennom arkhive Respubliki Bashkortostan: N.N. Barsov [Personal funds in the Central State Archive of the Republic of Bashkortostan: N.N. Barsov]. *Vestnik VEGU*. 5 (55).
- Sloyan, V. (2016) Born-digital archives at the Wellcome Library: appraisal and sensitivity review of two hard drives. *Archives and Records*. 37 (1). pp. 20–36.
- Becker, D. & Nogue, C. (2020) Saving-over, over-saving, and the Future Mess of Writers' Digital Archives: A Survey Report on the Personal Digital Archiving Practices of Emerging Writers. *American Archivist*. 75. pp. 482–513.
- Molloy, K. (2019) Literary archives in the digital age: issues and encounters with Australian writers. *Archives and Manuscripts*. 47 (3). pp. 327–342.
- Schneider, J. et al. (2019) Appraising, processing, and providing access to email in contemporary literary archives. *Archives and Manuscripts*. 47 (3). pp. 306–326. DOI: 10.1080/01576895.2019.1622138
- Zhao, X. & Lindley, S. (2014) Curation through use: understanding the personal value of social media. *CHI'14: CHI'15: Proceedings of the conference on human factors in computing systems*. pp. 2431–2440. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/266655669_Curation_through_Use_Understanding_the_Personal_Value_of_Social_Media (Accessed: 17.08.2020).
- Marshall, B.H. (ed.) (2018) *The complete guide to personal digital archiving*. Chicago: ALA Editions.
- Jaillant, L. (2019) After the digital revolution: working with emails and born-digital records in literary and publishers archives. *Archives and Manuscripts*. 47 (3). pp. 285–304.
- Owens, T. (2018) *The theory and craft of digital preservation*. Baltimore: John Hopkins University Press.
- Fostikov, A. & Mandić, S. (2007) New categories of historical sources, E-mail and forum: Internet communication and history. *Pregled nacionalnog centra za digitalizaciju*. 10. pp. 40–46.
- Hangal, S. et al. (2015) Historical research using email archives. *CHI'15: Proceedings of the 33rd annual ACM conference on human factors in computing systems*. April 2015. pp. 735–742. [Online] Available from: <https://dl.acm.org/doi/10.1145/2702613.2702976> (Accessed: 17.08.2020).
- Braymen, A. (2007) Interv'y u v kachestvennykh issledovaniyakh [Interviews in qualitative research]. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 4. pp. 15–32.
- Archdelo.rusarchives.ru. (1990) *Metodicheskie rekomendatsii po rabote s dokumentami lichnogo proiskhozhdeniya* [Guidelines for working with documents of personal origin]. [Online] Available from: <http://archdelo.rusarchives.ru/data/docs/html/291d6.html> (Accessed: 20.08.2020).
- Gosarhivrt.ru. (2018) *Metodicheskie rekomendatsii po rabote s dokumentami lichnogo proiskhozhdeniya v arkhivnykh uchrezhdeniyakh Respubliki Tyva* [Guidelines for working with documents of personal origin in archival institutions of the Republic of Tyva]. [Online] Available from: <http://gosarhivrt.ru/?p=3507> (Accessed: 20.08.2020).
- Hogan, B. (2010) The presentation of self in the age of social media: distinguishing performances and exhibitions online. *Bulletin of science, technology and society*. 30 (6). pp. 377–386.
- Owens, T. (2015) Glitching files for understanding: avoiding screen essentialism in three easy steps. *The Signal* [blog]. Nov. 5. [Online] Available from: <https://blogs.loc.gov/thesignal/2012/11/glitching-files-for-understanding-avoiding-screen-essentialism-in-three-easy-steps/> (Accessed: 25.08.2020).
- Sharopova, N.R. (2017) Beyond Visual: Toward the Criticism of Output-Oriented Approaches in New Media Research. *Mediascope – Mediascope*. 4. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/2390> (Accessed: 25.08.2020). (In Russian).
- Montfort, N. (2005) *The early materiality and workings of electronic literature*. [Online] Available from: https://nickm.com/writing/essays/continuous_paper_mla.html (Accessed: 25.08.2020).
- Milligan, I. (2019) *History in the age of abundance?: How the web is transforming historical research*. Montreal & Kingston. London; Chicago: McGill-Queen's University Press.

Received: 30 August 2021

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1

Л.В. Воронина

К ВОПРОСУ О СОПРЕДЕЛЬНОСТИ СМЕЖНЫХ ПАР ВОПРОСНО-ОТВЕТНОГО ТИПА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ФАКТОРЫ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ, КОГНИТИВНОЙ И СТРУКТУРНОЙ РЕЛЕВАНТНОСТИ

Рассматриваются минимальные структуры вопросно-ответного комплекса, реализующие семантику цели в политическом дискурсе. На языковом материале стенограмм интервью посредством методов разговорного анализа диалога и интроспекции выявлены структурно-грамматические индикаторы степени сопредельности адъясцентных пар, установлены объективные (языковые) и субъективные (когнитивно-прагматические) факторы, детерминирующие понимание адресатом вопроса, его интерпретацию, последующие этапы порождения и экспликации ответной реплики.

Ключевые слова: адъясцентные пары; сопредельность; предпочтительность; семантика цели; порождение; экспликация

Введение

Манифестация цели имеет несколько особенностей и зависит от ряда факторов, формирующих дискурсивную среду – сферу функционирования текстовой единицы, включающую форму дискурса (устную или письменную), тип, жанр, специфику коммуникантов (роли, статус, установки на коммуникацию), аудиторию и др.

Типичной ситуацией для экспликации цели выступают вопросы *зачем? для чего?* Они организуют речевое взаимодействие, задают соответствующее направление поиска: именно вопрос выступает показателем семантики, регламентирует модальность общения, обуславливает иллюкативную силу ответной реплики, стимулируя тем самым образование вопросно-ответного комплекса (ВОК), или – с позиции теории разговорного анализа – смежных пар, – базовых структурных единиц разговора [1. С. 231].

Ситуативный подход к анализу речевого взаимодействия коммуникантов, признание ведущей роли социального контекста, определяющего семантическую репрезентацию вопроса адресантом (отправителем, по Д.Х. Хаймсу [2]) и уяснение его семантики адресатом (получателем) [3. С. 266], исследование интервью как особого жанра политического дискурса, специфика которого не ограничивается «формой институционального взаимодействия» [4. С. 125], а определяет его выход за рамки заданных (термин конврсаналитиков) речевых формул, приближение к естественному языку, включение факторов, детерминирующих порождение высказываний – ответных реплик в составе ВОК, – перемещает данную работу в плоскость известных направлений современной научной лингвистической мысли – теорию речевых актов, разговорный анализ и социолингвистику.

В свете теории речевых актов интерес вызывает выявление «первичных намерений высказывания» [5. С. 145], осуществляемых адресатом на известных уровнях понимания текста [6. С. 95], специфика его интерпретации [7. С. 163] адресатом; с точки зрения разговорного анализа актуальным представляется исследование особенностей адъясцентных (термин

Г. Сакса), или соседствующих, пар – вопросов и ответов – в рамках непризнаваемого конврсаналитиками в качестве объекта исследования интервью как жанра, противоречащего своими заданными формулировками естественному языку [4. С. 125; 8. С. 38]. Кроме того, рассмотрение ВОК как вида социального взаимодействия, исследование социальных функций вопросов в аспекте их сопряженности с ответными репликами как более или менее соответствующими реализуемому социальному контексту [3], анализ фокуса внимания адресата при понимании вопроса и его интерпретация в соответствии с социальной рамкой намечают точки пересечения указанных выше лингвистических направлений в плоскости изучения диалога вопросно-ответного типа, реализующего семантику цели в жанре политического интервью.

Цель настоящей статьи – обозначить особенности речевого поведения коммуникантов в устной форме дискурса, выявить языковую, коммуникативную и прагматическую специфику текстовых единиц с семантикой цели, образующих вопросно-ответный комплекс, обнаружить специфику в процессе их моделирования, обусловленную типом и жанром институционального дискурса.

В фокусе нашего внимания – анализ минимальных структур ВОК, реализующих семантику цели в направлениях: 1) поиска информации о целевом событии (*с какой целью? зачем? для чего?*); 2) установления целесообразности действия (*что надо сделать, чтобы...?*); 3) выявления субъекта целесообразного действия, а также порождение и экспликация искомой информации в жанре политического интервью средствами языка, имеющими коммуникативную значимость.

Ключевым в рамках данного исследования выступает понятие предпочтительности (*предпочтительный* – «преимущественный», «лучший из ряда» [9]): такого рода вопросительные реплики и реакция на них в рамках ВОК должны быть исследованы в разных ракурсах – с точки зрения когнитивных предпосылок к экспликации, специфики материальной реализации (выбор грамматической оболочки), прагматических условий коммуникации в количественном

(в значении «преимущественный») и качественном (как «лучший из ряда») аспектах. Кроме того, необходимо обозначить предпочтительные языковые средства в ситуации выявления информации о цели и ее аспектах (ресурсах, субъектах) в политическом дискурсе, обнаружить их предпочтительные вторые части – реплики, отвечающие языковым и когнитивным аспектам экспликации высказывания о цели, пояснить условия, детерминирующие выбор предпочтительных / неpreferred вариантов второго компонента ВОК.

Структурно-грамматические индикаторы степени сопредельности адъядцентных пар: коммуникативный и функциональный аспекты

Понятие смежных пар, в которых наличие одной реплики предполагает другую [1. С. 231], в рамках данной научной работы требует своего уточнения. Так, в традиционном направлении конверсационного анализа оно охватывает достаточно широкий спектр парных действий-высказываний: приглашение – согласие/отказ, просьба, приказ – выполнение/отказ, вопрос – ответ и т.д. Их ряд достаточно открыт, а типология легко моделируется в соответствии с функциями общения, которые С.М. Эрвин-Трипп изложила в своей работе «Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия» [10. С. 336–363].

Оперируя понятием *смежные пары*, мы будем иметь в виду минимальные структуры диалога – вопросно-ответные реплики, первая из которых демонстрирует отсутствие у адресанта необходимой информации о цели, что предопределяет ее иллюкутивную функцию – направлять на поиск неизвестного, вторая представляет собой реакцию адресата на вопрос, которая в ситуативном (коммуникативном) аспекте выступает как речевое действие, в языковом (грамматическом) демонстрирует выбор «упаковки» суждения о цели, который осуществляет адресат под действием факторов когнитивно-прагматического порядка.

Для квалификации степени сопредельности компонентов ВОК с точки зрения иллюкутивной силы – релевантности намерений адресанта и получаемой им ответной реакции адресата – целесообразно прибегнуть к терминологии Ленерта, который, анализируя вопросно-ответные диалоги как «разновидность социального взаимодействия между людьми» [3. С. 260] и исследуя их на фоне социальных контекстов, предложил понятие *стандартных* (соотносимых) и *нестандартных* (несоотносимых) пар.

Выделяя четыре вида вопросно-ответного сопряжения, функционал которого формирует первая реплика, Ленерт закрепляет за каждой определенную функцию – «социальный контекст», через который осуществляется диалог и вне которого полноценный семантический анализ и интерпретация разговора невозможны» [3. С. 260]. Вопрос, таким образом, обусловливает иллюкутивное сопряжение ответной реплики (стандартные пары) – выход же за рамки социального контекста воспринимается как «бессмысленное, либо как неестественное, либо... как смешное»

взаимодействие [3. С. 261], а образуемые в результате него пары следует считать нестандартными. Вопросно-ответные диалоги, реализующие семантику цели, в этой связи следует квалифицировать как стандартные в формате справочно-информационного взаимодействия.

Дискурсивные комплексы, представляющие собой последовательность двух действий разных субъектов, упорядоченные, примыкающие друг к другу, типологизированные в том смысле, что вопросительная реплика определяет ответную, Г. Сакс называет адъядцентными (соседствующими) парами, подчеркивая тем самым их линейную связанность. Уточним: понятие *адъядцентные* (от англ. *смежный*) Г. Сакс применяет исключительно к вопросно-ответным репликам [8. С. 41]. И если между компонентами смежных пар по умолчанию устанавливаются иерархически организованные отношения с доминантной первой частью, то в рамках адъядцентных пар вопросительный компонент еще в большей степени «принуждает собеседника к выбору формы действия» [1. С. 230] – ответить на вопрос / уклониться от ответа.

В зависимости от выбранной стратегии вторые части квалифицируются как предпочтительные или неpreferred. В аспекте нашего исследования предпочтительной, или уместной, выступает вторая часть, восполняющая информационный вакуум (специальный вопрос о цели) или утверждающий ее наличие (общий вопрос). В то время как отказ отвечать, равно как и уклонение от ответа, следует квалифицировать как неpreferred варианты сопредельной второй части ВОК. К примеру, идентичные в ситуативном аспекте интенции могут иметь в качестве продолжения действия-высказывания, констатирующие готовность субъекта к коммуникации (пример 1) – предпочтительные пары – или его нежелание (пример 2) – неpreferred:

1) А. Гамов: *И каковы Ваши цели?*

В.В. Путин: *Цели – благо России* (Большая пресс-конференция В.В. Путина. 23.12.2016);

2) Д. Кнорре: *Владимир Владимирович, зачем Вы идете на выборы? Какова Ваша цель, Ваша миссия?*

В.В. Путин: *Я бы не хотел сейчас говорить о предвыборной программе, которая у меня, так же как и у других кандидатов, наверняка будет, должна быть. Она у меня практически уже есть* (Большая пресс-конференция В.В. Путина. 14.12.2017).

Существуют дискурсивные и языковые маркеры ситуативно предпочтительных и неpreferred пар: первые «не требуют дополнительного пояснения и появляются как структурно более простые реплики» [1. С. 231]. Кроме того, предпочтительность подкрепляется структурно-грамматическими средствами:

– параллелизмом реплик:

Вопрос: *После вашего военного вмешательства в сентябре 2015 года на сегодняшний день какие, по Вашему мнению, основные решения существуют для того, чтобы эта страна вышла из многих лет войны?*

В. Путин: *Прежде всего, я бы хотел отметить конструктивный подход Турции и Ирана, которые*

вместе с нами добились **прекращения огня**, ну и, конечно, **сирийского правительства**. И второй, не менее важный шаг – это **договоренность о создании так называемых зон деэскалации** (Интервью В.В. Путина французской газете «Le Figaro» 31.05.2017);

– повторами:

С. Шахов: **Считаете ли Вы необходимым провести налоговую реформу, чтобы дать регионам больше собираемых ими средств?**

В. Путин: **Да, я так считаю** (Большая пресс-конференция В.В. Путина. 14.12.2017);

– дублированием грамматических структур:

Е. Глушакова: **Может быть, стоит уже сделать фактически их [США] участие формальным, чтобы они стали пятым членом «нормандского формата»?**

В. Путин: **Нужно ли их формально включать в «нормандский формат», я не знаю** (Большая пресс-конференция В.В. Путина. 14.12.2017).

Напротив, факты смены модальностей в ВОК маркируют неpreferred вторые части – их следует считать примером коммуникативного неподчинения и воспринимать как один из способов попытки доминирования адресатом над отправителем информации:

1) Вопрос: **Не могли бы Вы рассказать, какие меры, на Ваш взгляд, будут предприняты и могут быть предприняты, чтобы выполнить Вашу задачу?**

В.В. Путин: **Во-первых, нужно всех дольщиков выявить, окончательно понять, кто и где является дольщиком, кто и как пострадал...** (Ответы В.В. Путина на вопросы журналистов по итогам «Прямой линии». 20.06.2020);

2) В. Соловьёв: **Владимир Владимирович, мы живем в очень неспокойное время: теракт в Турции, множество погибших, много раненых. К каким выводам можно прийти, что можно сделать, чтобы остановить эту волну террора?**

В.В. Путин: **Нужно объединять усилия в борьбе с этим злом** (Интервью В.В. Путина В. Соловьёву. 10.10.2015).

В ситуации противопоставления двух «диалектически связанных, взаимодействующих противоположностей» [11. С. 57] адресат намеренно выбирает *надо*-модальность, сигнализирующую о «безальтернативном и непременном превращении потенциального в актуальное» [12. С. 8] в противовес менее категоричной *можно*, сообщающей о ситуации, «ирреальной в настоящий момент, но имеющей предпосылки и условия для того, чтобы стать фактической» [13. С. 99].

Второй вариант смены модальности – переосмысление адресатом вопросительной реплики и как следствие – ее логико-грамматическая трансформация в более сильную – интенциональную – плоскость ответной реплики:

Вопрос: **В России говорят об экспансии НАТО. Многие европейские страны, особенно из Восточной Европы, утверждают, что опасаются возможных агрессивных проявлений со стороны Москвы. Как можно преодолеть эти взаимные страхи?**

В. Путин: **Для того чтобы преодолеть нынешнюю нездоровую ситуацию, необходимо отказаться от**

архаичных, времен холодной войны концепций сдерживания, блоковой философии (Интервью В.В. Путина газете «Коррьере делла Сера». 04.07.2019).

Коммуникативное неподчинение имеет различные проявления в структурно-смысловом оформлении ответного высказывания. Обычно ситуацию несогласия маркируют лексические (пример 1) и морфологические (пример 2) антонимы:

1) А. Черемисов: **И в оправдание говорят, что от Байдена мало что зависит, что якобы не все он там решает. У меня такой вопрос к Вам: зачем тогда встречаться с Президентом Байденом, если от него мало что зависит?**

В.В. Путин: **Андрей Николаевич, от Президента Соединенных Штатов много зависит, хотя там своя политическая система, есть определенные сдержки и противовесы, но от него много зависит** (Прямая линия с В.В. Путиным. 30.06.2021);

2) С.Д. Алессандри: **Что мы можем сделать для того, чтобы большее число итальянских компаний могли приехать в Россию и открыться там?**

В.В. Путин: **Это скорее вопрос к нам: что мы можем и должны сделать для того, чтобы большее количество итальянских компаний работало?** (Встреча В.В. Путина с руководителями международных информагентств. 4.06.2021).

Когнитивно-прагматические факторы экспликации сопредельной части в ВОК

В языковом отношении сопредельность проявляется в семантико-грамматической релевантности второго компонента ВОК первому. Зависимость определяется в объективном и субъективном форматах: первый обнаруживает себя во влиянии указанных признаков вопросительной части комплекса на организацию сопредельной реплики, второй – в ее (вопросительной части) восприятии, осознании и интерпретации адресатом.

Вопрос не просто принуждает второго коммуниканта к речевому действию – он регламентирует ожидание высказываний о цели с привычными для данной семантики способами экспликации: на вопросы о цели *зачем? для чего?* в норме должны последовать ответы в соответствующей грамматической оболочке: *чтобы / для того чтобы / с тем чтобы / для*, оформляющие дискурсивную единицу средствами соответствующего языкового уровня: предложениями, словосочетаниями. Такие структуры следует считать предпочтительными строго объективного, нормативного, академического (в сугубо лингвистическом плане) порядка, в то время как в устной форме дискурса частотны ситуации, когда субъект коммуникативно откликается на целевую ситуацию, заданную адресантом, эксплицируя собственные суждения в лучшем случае средствами, отчасти соответствующими облигаторным признакам целевой семантики, а иногда и разнящимися с ней. Развертывание такого рода ВОК, точнее выбор второй части, обусловлен факторами субъективного характера – особенностями восприятия и осознания адресатом запрашиваемой информации и выбором речевой стратегии при экспликации ответа.

Понимание текста, как известно, происходит на нескольких уровнях – фонетическом, синтаксическом, семантическом и контекстуальном [6. С. 95]. На поверхности первый из возможных, по мнению Т.А. ван Дейка [14. С. 15], идентификаторов понимания высказывания – его грамматическая структура (в аспекте нашего исследования вопросительный компонент), угадывания свойств которой должно быть достаточно для того, чтобы идентифицировать иллюкутивную силу, выявить семантику и обозначить свое понимание релевантным в семантико-грамматическом отношении высказыванием – вторым компонентом ВОК.

Моделирование ответа – реакция на вопрос – показатель степени понимания адресатом полученной информации: «речь есть процесс превращения мысли в слово, материализация мысли» [15. С. 94]. Его формирование обусловлено актуализацией той части воспринимаемой адресатом информации, которую он осознает и квалифицирует как важную в зависимости от своего опыта, эмоционального состояния и прочего и эксплицирует в заданном модальном формате и исходя из собственных установок на коммуникацию, осуществляя тем самым предпочтительный для себя выбор.

Высокую степень понимания воспринимаемой информации маркирует проявляющаяся в семантико-грамматической сопряженности вопроса и ответа активизация в ответных репликах облигаторных признаков целевой семантики. Таковыми выступают:

1) футуральность:

Вопрос: *Намерены ли мы и далее добиваться передачи памятки нам?*

С.В. Лавров: *Будем добиваться полного выполнения обязательств чешских коллег по Договору 1993 г.* (Интервью С.В. Лаврова российским и иностранным СМИ. 14.04.2020);

2) потенциальность:

Ч. Роуз: *Давайте перейдем к следующему вопросу – Прибалтийские государства и Ваши намерения в отношении них.*

В. Путин: *Мы бы хотели строить с ними дружественные, партнерские отношения* (Интервью В.В. Путина для телеканалов CBS и PBS. 29.09.2015).

Схема такова: отправитель формулирует вопрос, направляющий формирование ответной реплики в плоскость интенциональности, моделирует ситуацию ее подконтрольности, подчеркивает собственную доминирующую позицию по отношению к отвечающему субъекту, навязывает модальность общения; получатель со своей стороны улавливает такой посыл и, интуитивно актуализируя тот или иной аспект целевой семантики, выбирает предпочтительную – соответствующую, – по его мнению, упаковку смысла.

Безусловно, понятие предпочтительности предполагает высокую степень семантической и, как следствие, грамматической соотнесенности вопросно-ответных реплик, в основе которой желание сторон к коммуникативному взаимодействию. Однако в ситуации, когда на вопрос о цели *зачем?* следует ответ вне заданной семантической плоскости, было бы преждевременным (и даже ошибочным) считать его непредпочтительным: когнитивная прагматика, объясняющая «способности совершать и понимать речевые акты, а также «влиять на это

понимание» [14. С. 13], устанавливать прямые связи между «содержанием мысли и содержанием высказывания» [14. С. 14], способна дать внятное объяснение подобного рода ситуациям.

В этой связи достаточно частотна ситуация совмещения двух семантических плоскостей – целевого и причинного значений. Такие конструкции, кроме политического, максимально востребованы в устном разговорном дискурсе, современной художественной прозе:

– *Мне надо с вами встретиться.*

– *Зачем?*

– *Я не могу по телефону* (О. Робски).

В сознании говорящего репрезентуются две ситуации – *необходимость встретиться и нежелание разговаривать по телефону*, которые соотносятся между собой как желаемое действие (цель) и его обоснование. Линейку суждений говорящего «разрывает» вопрос о цели, который не вписывается в логику развертывания его мыслей: вопрос задает направление перспективы, но для говорящего ответ *чтобы поговорить/увидеть* тривиален, в то время как причина представляется в большей степени актуальной, а потому подлежащей экспликации.

Нами был проведен эксперимент по «распознаванию» контекстов «зачем» и «почему» и реагированию на них. Результат показал, что зачастую адресаты не дифференцируют модальность вопросительных реплик, эксплицируя суждения нетипичными для целевого контекста средствами, которые тем не менее оказываются не менее информативными. Грамматическая компиляция в рамках ВОК становится возможной (и даже естественной), так как обе ситуации ассоциируются у субъекта с модальностью нужды, потребности, репрезентуются в его сознании через одинаковую ситуацию, в которой актуализируется один из аспектов, формирующих разницу в семантике: потенциальность и футуральность – цель, обоснование и ретроспектива – причина.

Когнитивно-прагматический аспект речевого взаимодействия обуславливает неожиданный с точки зрения классической грамматики и понятный с позиций психолингвистики выбор грамматических конструкций:

1) Ч. Роуз: *Какова ваша цель присутствия в Сирии, и как это относится к борьбе с ИГИЛ?*

В.В. Путин: *...Оно [присутствие] выражается на сегодняшний день в поставках оружия сирийскому правительству, в обучении персонала, в оказании гуманитарной помощи сирийскому народу* (Интервью В.В. Путина для телеканалов CBS и PBS. 29.09.2015);

2) В. Соловьёв: *Каковы наши реальные цели нахождения в Сирии? И каковы критерии успешности?*

В. Путин: *Мы оказываем – я уже это сказал дважды в ходе нашей беседы, могу повторить в третий раз – мы оказываем поддержку легитимным властям Сирии* (Интервью В.В. Путина В. Соловьёву. 10.10.2015).

Вопросительная реплика обеспечивает модальную плоскость развертывания комплекса в целом, однако адресант игнорирует данный посыл: нахождение ВС РФ в САР и осуществление там ряда конкретных действий ассоциируется в сознании адресата не с будущим пла-

ном, потенциальностью действий, а с процессом реализации целей в настоящий момент – этим определяется и выбор грамматических средств, не типичных для целевого контекста. По всей видимости, то же самое имели в виду Ван Дейк и Кич, которые применительно к восприятию и интерпретации текста читателем указывали, что субъект «пытается реконструировать не только предполагаемое значение текста, но и... значение, наиболее релевантное с точки зрения его интересов и целей» [7. С. 163]. Это очевидно и в следующем примере:

Н. Левинский: *Стоит ли нам ожидать блокировку зарубежных социальных сетей, сайтов, медиа-хостингов, таких как TikTok, Telegram, Twitter, YouTube и другие?*

В.В. Путин: *Нет. У нас нет таких планов. Мы никоим образом не собираемся блокировать. Собираемся работать с ними* (Прямая линия с В.В. Путиным. 30.06.2021).

Отсутствие прямого утверждения цели в вопросе вовсе не исключает его интерпретации реципиентом как содержащего возможные (потенциальные) намерения. Соответственно реагируя, он эксплицирует собственное суждение в типичных для целевого контекста формулах.

Заключение

Понятие смежных, или сопредельных, пар в рамках ВОК, реализующего семантику цели, может быть уточнено введением термина *адъяснительные пары*, предполагающего исследование порождения и функционирования определенного типа минимальных структур диалога – вопросно-ответных реплик.

В свете теории речевых актов вопрос – это речевой акт, успешность которого регламентируется рядом условий, в числе которых пропозициональность, подготовка, искренность и назначение [16. С. 293]. Сопряженная с ним реплика – ответ – выступает смежной локально, степень же собственно языковой сопредельности обусловлена семантико-прагматическими свойствами вопросительного компонента.

Анализ специфики сопряженности компонентов дискурсивных комплексов указанного структурно-функционального типа показал высокую степень ситуативной подчиненности второй реплики первой, ее зависимость от семантико-грамматических характеристик, выступающих в качестве объективных факторов моделирования ответной реплики.

Если принять во внимание регламентированную локальную сопредельность компонентов и их функциональную релевантность – соответствие запрашиваемой информации ответной реакции, исследуемые ВОК с целевой семантикой выступают как смежные пары с предпочтительной (при позитивном действии-высказывании) или неpreferируемой (при отказе от ответа, уклонения от него) второй частью в формате стандартной комбинации компонентов справочно-информативного типа взаимодействия.

Понятие смежности не должно ограничиваться исследованием только в линейном (как последовательность расположения компонентов) и деятельностном (речевая ситуация, речевое событие, речевое взаимодействие коммуникантов) аспектах, и быть проанализированным, как предлагается конверсаналитиками, в аспекте ожидаемого позитивного действия, следующего за первой частью ВОК: в этом контексте предпочтительность понимается в реактивном формате, обусловлена речевым поведением адресата, которое определяется нормой успешности речевой коммуникации, и степень удаленности от этой нормы определяет степень предпочтительности ответа.

Смежность, или сопредельность, проявляется в собственно лингвистическом плане и определяется спецификой диалога как принуждения (феном), во-первых, к общению – реагированию, а во-вторых, к экспликации суждения в заданной вопросом грамматической оболочке. Это предпочтительность условная, так как регламентируется правилами формального соответствия, в то время как устный дискурс характеризуется спонтанностью, которая отнюдь не предполагает следования известным нормам в отношении употребления грамматических средств, традиционно закрепленных за той или иной семантикой: устный дискурс в этом смысле, как правило, за рамками жесткой грамматики. При этом предпочтительность ответной реплики всегда имеет когнитивные предпосылки.

Таким образом, «узнавание» иллокутивной функции и семантической наполненности первого компонента ВОК предопределяет последующий выбор ответственной, максимально сопредельной (по мнению получателя) в языковом отношении и прагматической установке пары. Ключевым в данном умозаключении следует считать ссылку на мнение получателя, так как вопрос о том, насколько верно он оценил предметно-функциональный смысл реплики, соотносит его с собственными установками на коммуникацию и в конце концов подверг манифестации, решается в плоскости субъективного.

Восприятие и осознание вопроса адресатом подчиняется иным правилам, имеющим косвенное отношение к языку: получая информацию, субъект осознает ее частями, помещая в фокус своего внимания не все высказывание, а только его часть – актуальной представляется информация, которая, возможно, таковой не является с точки зрения ее адресанта (отсюда примеры неpreferируемых вторых частей ВОК). Таким образом, ответная реплика моделируется под комплексным воздействием двух факторов – объективных (языковых) и субъективных (когнитивно-прагматического порядка), и степень сопредельности пар в рамках ВОК в ситуации ответа на вопрос в когнитивном аспекте всегда маркирует особенности восприятия адресатом вопроса, его понимание, интерпретацию и последующую экспликацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Улановский А.М. Феноменология разговора: метод конверсационного анализа // Вопросы психолингвистики. 2016. Т. 27, № 1. С. 218–237.
2. Хаймс Делл Х. Этнография речи // Новое в зарубежной лингвистике. Социология. М.: Прогресс, 1975. Вып. XII. С. 42–95.
3. Ленерт У. Проблемы вопросно-ответного монолога // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. Вып. XXIII. С. 258–280.

4. Турчик А. Конверсационный анализ институционального взаимодействия: коммуникативные стратегии участников «прерванного» телефонного интервью // Социология власти. 2013. № 1-2. С. 122–154.
5. Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. М. : Прогресс, 1986. Вып. XVII. С. 130–150.
6. Бирвиш М. Насколько линейно упорядоченной является языковая обработка // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. М. : Прогресс, 1988. Вып. XXIII. С. 93–152.
7. ван Дейк Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. М. : Прогресс, 1988. Вып. XXIII. С. 153–211.
8. Исупова О.Г. Конверсационный анализ: представление метода // Социология: 4М. 2002. № 15. С. 33–51.
9. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2000. URL: <http://www.lexicography.online/expiratory/efremova/>
10. Эрвин-Трипп С.М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия // Новое в зарубежной лингвистике. Социология. М. : Прогресс, 1975. Вып. XII. С. 336–362.
11. Смирнов Л.В., Штоф В.А. Соотношение возможности, вероятности и необходимости // Проблема возможности и действительности. М. ; Л., 1964. С. 57–62.
12. Гапонова Ю.В. Средства выражения модальных значений возможности и необходимости в текстах печатной рекламы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2007. 25 с.
13. Гатина Р.Г. О семантической структуре модальности возможности и невозможности // Вестник Башкирского университета. 2007. Т. 12, № 3. С. 98–100.
14. ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск : БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
15. Лазуткина Л.Н. Лингвopsихологические индикаторы профессионального отбора в военном вузе // Мир образования – образование в мире. М. : Изд-во МСПУ, 2011. № 4 (44). С. 93–101.
16. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М. : Эдичорнал УРСС, 2000. 352 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 16 августа 2021 г.

Factors of Pragmatic, Cognitive, and Structural Relevance of Components Within Question-Answer Complexes in Modern Political Discourse

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 41–47.

DOI: 10.17223/15617793/473/6

Lyubov V. Voronina, Ryazan State Agrotechnological University named after P.A. Kostychev (Ryazan, Russian Federation); Ryazan Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: lv-voronina@rambler.ru

Keywords: adjacency pairs; contiguity, preference; purpose semantics; generation; explication.

The article aims to reveal the linguistic, communicative, and pragmatic sequences of questions and answers in a dialog identity, discover the specifics in the process of their modeling, describe the features of the communicants' speech behavior in the oral use of discourse. The focus is the analysis of the minimal structures of the question-answer complex (QAC) that implement the purpose semantics in the direction of searching information about the target event, revealing the action purposiveness, identifying its subject, as well as generating and explicating the required information in the genre of political interviews by more or less typical linguistic means that have communicative significance. The preference – the key concept in this research – determined the direction of linguistic thought: to designate the preferred linguistic means in the situation of revealing information about the target event and its aspects (resources, subjects), to find their preferred second parts – conversational turns that correspond to the linguistic and cognitive aspects of the purpose statement explication, to explain some conditions that determine the choice of preferred/non-preferred options for the second component of the sequence of questions and answers in a dialogue. Using methods of introspection, observation on textual example and process of developing dialogue, based on a continuous sampling from transcripts of interviews with political leaders, the author identified sequences of questions and answers with the purpose semantics and analyzed them from the viewpoint of cognitive prerequisites to explicate the answer (the addressee's perception, understanding, and interpretation of questions), the material realization of the judgment (factors of choosing the grammatical form), and pragmatic communication conditions in quantitative and qualitative aspects. The author revealed conditions that form the discursive environment (the sphere of the text units' functioning including the form of discourse, type, genre, specificity of communicants – role, status, attitudes towards communication, audience, etc.) as typical for the explication of purpose judgments, the trigger of which is the questions “why?”, “for what?”. As an indicator of semantics, these questions regulate the modality of communication, determine the illocutionary force of the response, thereby stimulating the formation of adjacent pairs – minimal structures within the QAC – the object of this research. The realization of a situational approach to the analysis of speech interaction in the genre of political interviews, as well as the recognition of the leading role of the social context, which determines the semantic representation of the question by the addresser and the clarification of its semantics by the addressee, made it possible to detect the factors that determine the generation of a response – objective (linguistic, grammatical) and subjective (cognitive-pragmatic order). The author found that the degree of contiguity of pairs within the sequence of questions and answers in a dialogue always marks the peculiarities of the addressee's perception of the question, its understanding, interpretation and subsequent explication, and is coherent with the local (linear arrangement of components), situational (speech interaction of communicants), and linguistic (“lexico-grammatical packaging”) aspects of communication.

REFERENCES

1. Ulanovskiy, A.M. (2016) Phenomenology of conversation: method of conversation analysis. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of psycholinguistics*. 1 (27). pp. 218–237. (In Russian).
2. Hymes, D.H. (1975) Etnografiya rechi [Ethnography of speech]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Sotsiologiya*. 12. pp. 42–95.
3. Lehnert, U. (1988) Problemy voprosno-otvetnogo monologa [Problems of a question-and-answer monologue]. Translated from German. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Kognitivnye aspekty yazyka*. 23. pp. 258–280.
4. Turchik, A. (2013) Konversatsionnyy analiz institucional'nogo vzaimodeystviya: kommunikativnye strategii uchastnikov “prervannogo” telefonnogo interv'yū [Conversational analysis of institutional interaction: communicative strategies of participants in an “interrupted” telephone interview]. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 1–2. pp. 122–154. (In Russian).
5. Strawson, P.F. (1986) Namerenie i konventsiya v rechevykh aktakh [Intention and convention in speech acts]. Translated from English. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Teoriya rechevykh aktov*. 17. pp. 130–150.

6. Bierwisch, M. (1988) Naskol'ko lineyno uporyadochennoy yavlyaetsya yazykovaya obrabotka [How linearly ordered is language processing]. Translated from German. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Kognitivnye aspekty yazyka*. 23. pp. 93–152.
7. Van Dijk, T.A. & Kinch, V. (1988) Strategii ponimaniya svyaznogo teksta [Strategies for understanding a coherent text]. Translated from English. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Kognitivnye aspekty yazyka*. 23. pp. 153–211.
8. Isupova, O.G. (2002) Konversatsionnyy analiz: predstavlenie metoda [Conversational analysis: method presentation]. *Sotsiologiya: 4M – Sociology: 4M*. 15. pp. 33–51. (In Russian).
9. Efremova, T.F. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New explanatory and word formation dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk. [Online] Available from: <http://www.lexicography.online/expiaratory/efremova>.
10. Ervin-Tripp, S.M. (1975) Yazyk. Tema. Slushatel'. Analiz vzaimodeystviya [Language. Topic. The listener. Interaction analysis]. Translated from English. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Sotsiologiya*. 12. pp. 336–362.
11. Smirnov, L.V. & Shtof, V.A. (1964) Sootnoshenie vozmozhnosti, veroyatnosti i neobkhodimosti [The correlation of possibility, probability and necessity]. In: *Problema vozmozhnosti i deystvitel'nosti* [The problem of possibility and reality]. Moscow; Leningrad: [s.n.]. pp. 57–62.
12. Gaponova, Yu.V. (2007) *Sredstva vyrazheniya modal'nykh znacheniy vozmozhnosti i neobkhodimosti v tekstakh pechatnoy reklamy* [Means of expressing modal meanings of possibility and necessity in the texts of print advertising]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kaliningrad.
13. Gatina, R.G. (2007) A semantic structure of the modality of the possibility and impossibility. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of Bashkir University*. 3 (12). pp. 98–100. (In Russian).
14. Van Dijk, T.A. (2000) *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Translated from English. Blagoveshchensk: BGK im. I.A. Boduena de Kurtene.
15. Lazutkina, L.N. (2011) Linguo-psychological indicators for the professional selection at a military college. *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire – The World of Education – Education in the World*. 4 (44). pp. 93–101. (In Russian).
16. Kobozeva, I.M. (2000) *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic Semantics]. Moscow: Editorial URSS.

Received: 16 August 2021

О.Н. Зюзина, Д.В. Ильина, И.Е. Ким

КАТЕГОРИЯ РОДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ПОНЯТИЙНО-ЦЕННОСТНЫЙ РЯД «МУЖСКОЕ/ЖЕНСКОЕ»: ОТ ЭТНОСЕМАНТИКИ К НОВОЙ ГЕНДЕРНОЙ СЕМАНТИКЕ

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Обсуждается отношение морфологической категории рода в русском языке к вербально-культурной универсалии «мужское/женское». Показано отношение асимметрии родовой оппозиции к социальным различиям лиц женского и мужского пола. Рассмотрена современная практика выравнивания родовой оппозиции за счет последовательного использования феминитивов и ее роль в изменении соответствующего фрагмента языковой картины мира.

Ключевые слова: род русского существительного; универсалия вербальной культуры «мужское/женское»; феминитив; этносемантика

Термин «этносемантика» применяется в этнолингвистических исследованиях, в частности в «этнографии речи» [1. С. 292]. А. Вежбицкой [2] он был использован для объяснения применения разрабатываемой ею теории семантических примитивов к описанию воспроизводимых феноменов поведения в некоторых этнических культурах. Применим он также и к этнокультурной интерпретации языковых фактов, в частности лексической семантики и культурных концептов [3], а также грамматических категорий.

Одним из феноменов русской этносемантики, имеющим параллели и в грамматике других языков, является асимметрия в функционировании слов мужского и женского родов, обозначающих лиц. Опирается этот феномен на морфологическую категорию рода, в которой отражены половые различия лиц и животных.

В 1900 г. И.А. Бодуэн де Куртенэ писал, что наличие категории рода в индоевропейских языках (он их называет ариевропейскими) говорит о «сексуализации всего мира субстанциального» [4. С. 10], которая приводит к тому, что «человеку, говорящему на одном из ариевропейских языков, род напоминает о себе непрерывно и беспрестанно, наяву и во сне... Мозг проникается сексуальностью и уже со своей стороны содействует этому после голода самому могущественному рычагу человеческих действий» [4. С. 9–10]. Таким образом, по мнению И.А. Бодуэна де Куртенэ, закрепление в морфологической категории рода делает различие мужского и женского в сознании носителей индоевропейских языков постоянно воспроизводимым и чрезвычайно устойчивым.

Нас в данном случае волнует в большей мере не сексуальный аспект этого различия, а социальный, связанный с понятием гендера, т.е. полоролевая составляющая отношений полов, фиксирующая социальное равноправие/неравноправие женщин и мужчин, различие набора их социальных функций, типических черт характера и мышления и т.п.

Мужское/женское как понятийно-ценностный ряд в семиотике культуры

Мужское/женское (с потенциальным промежуточным или не охарактеризованным членом) образу-

ет понятийно-ценностный ряд в вербальных культурах мира.

Понятие понятийно-ценностного ряда было введено для описания феноменов вербальных культур в рамках большого исследования в ИФЛ СО РАН, посвященного универсалиям вербальных культур Сибири и Дальнего Востока. К таким рядам относятся пары или более длинные последовательности понятий и (или) ценностей культуры, претендующих на универсальность или чрезвычайно широкое распространение: сопричастность/чуждость; хорошее/плохое; сакральное/профанное; добро/зло и т.п. Понятийно-ценностные ряды составляют содержательную сторону мира универсалий, в то время как материальная составляющая культуры может быть представлена культурными кодами в понимании С.М. и Н.И. Толстых [5–7], которые делятся по большим классам реалий: пространственный, темпоральный, социальный, вербальный, акциональный и другие коды [8]. Более точно следует говорить о тематических областях, связанных, с одной стороны, с практикой обрядового фольклора и, соответственно, с планом реального исполнения фольклорных произведений (прагматика обрядового фольклора), а с другой стороны, с номинативными классами слов и референтным миром текстов. Таким образом, с термином «культурный код» мы связываем явления действительного мира прагматической ситуации и реалии референтного мира языка и текста. Комбинация культурных кодов и понятийно-ценностных рядов позволяет выделять более конкретные общекультурные и этноспецифичные конструкты – концепты, мотивы, мифологемы, обладающие планом содержания – отношением к понятийно-ценностному ряду/рядам – и планом выражения – отношением к культурному коду/кодам [8. С. 16].

Различие мужского и женского начал претендует на статус культурной универсалии, имеющей глубокую биологическую основу. Так, в природе и среди домашних животных распространен половой диморфизм, см., например, [9, 10], присущ он и *Homo sapiens* [11]. Более того, на объективные биологические различия в традиционных и цивилизационных культурах нанизано большое количество культурных различий, от длины волос и покрова одежды до манеры

исполнения действий и речевого поведения. Объективные и социально-ролевые различия полов отразились в виде морфологической категории некоторых древних языков, сохранившейся в их современных потомках (ср. категорию рода в индоевропейском праязыке и в современных русском, французском, немецком и других современных индоевропейских языках). Во многих других вербальных культурах различие мужского и женского проявляется не на морфологическом уровне, а реализуется как скрытая категория, «растворенная» в лексической и синтаксической сочетаемости, в отборе лексики, в функционировании других грамматических категорий, см., например, [12, 13]. Все это дает некоторым исследователям возможность заявлять об универсальности, архетипичности этой оппозиции (ср. архетипы анима и анимус в психологии бессознательного К.-Г. Юнга) [14]. Сравним также и современные исследования, например, работу [15], в которой на примере английской фразеологии и паремииологии демонстрируется сформировавшееся в Средние века представление о порочности женщины, связи представления о женщине с телесным началом. Совсем не обязательна связь оппозиции мужского и женского с последовательным противопоставлением хорошего и плохого, духовного и материально-телесного. Так, различие Инь (женского начала) и Ян (мужского начала) в традиционной китайской культуре не носит антагонистического характера, а представляет две силы, между которыми должен быть установлен баланс в космосе, обществе и внутреннем мире человека [16].

А.Ф. Бусыгина описывает универсальную природу и взаимоотношение начал Инь и Ян: «Согласно космогоническим представлениям, в основе всего сущего находится недифференцированное Единое (эта категория также может именоваться Беспредельное, Хаос, Единое Ци и др.). Однажды в Едином проявляются противоположные по характеру силы, а затем они разделяются. Эти полярности именуют силами инь и ян. Разделившись, инь и ян взаимодействуют, переходя друг в друга. Сила ян достигает своего предела и превращается в инь, а инь – в ян» [17. С. 85].

В европейской и русской культуре, которая опирается на индоевропейскую категорию рода и связана с доминированием в истории многих народов мужского начала (ср. понятие патриархата), идеи асимметрии мужского и женского реализуются в самых разных пластах культуры и в разных ее проявлениях [18, 19]. Несомненно, гендерная проблематика в исследованиях культуры актуализируется феминистскими движениями и претерпевает изменения в оценках и интерпретации культурных феноменов разной природы в работах в рамках феминистской идеологии.

Морфологическая категория рода в русском языке и ее отношение к понятийно-ценностным рядам

Морфологическая семантика, равно как и устройство морфологических категорий, очень удобна для соотнесения с понятийно-ценностными рядами и прежде всего с бинарными ценностными оппозиция-

ми, поскольку в морфологии в качестве единицы фигурирует не атомарное явление, а ряд – оппозиция или более сложно устроенное неопозитивное различие.

Особенностью русского языка, как и многих других, имеющих морфологическую категорию рода, в частности французского и немецкого, является асимметрия категории рода при обозначении лиц.

Суть асимметрии заключается в формировании бинарной привативной оппозиции мужского/женского рода. При симметричном выражении и, соответственно, эквиполентной оппозиции слова мужского рода должны обозначать лиц мужского пола, а слова женского рода – лиц женского пола. Однако у существительных, обозначающих лиц, слова женского рода действительно в общем случае обозначают лиц женского пола, а «формой мужского рода подчёркивается не столько идея пола, сколько общее представление о лице, отнесение к классу или разряду людей, обозначение социальной роли человека» [20. С. 57]. В связи с этим имена существительные, являющиеся названиями лиц, особенно характеризующими их по должности, профессии, часто «сохраняют форму мужского рода и в тех случаях, когда соответствующие обозначения применяются к женщинам» [20. С. 60]. Таким образом, в существительных, обозначающих женщин, идея пола выражается более отчетливо. Следовательно, в современном русском языке существует бинарная привативная оппозиция, в которой маркированным членом, характеризующимся положительным признаком (женский пол), является именно женский род, а мужской род оказывается немаркированным, т.е. не характеризующимся положительным признаком.

Языковая асимметрия, связанная с родом имён существительных, обозначающих лиц, имеет социальную природу. До XIX в. мужчины существенно преобладали во многих профессиональных кругах и для их обозначения использовались слова исключительно мужского рода (например, *врач, профессор*). Со временем экстралингвистическая ситуация изменилась: женщины всё больше проникали в различные сферы профессиональной деятельности, стали выполнять более разнообразные социальные роли, чему в том числе способствовали Первая мировая и особенно Вторая мировая войны. Однако языковая система, как можно заметить, на произошедшие экстралингвистические перемены должным образом не отреагировала.

Рассматриваемая асимметрия, свойственная, как отмечают многие исследователи, не только русскому языку, получила в гендерной лингвистике название «андроцентризм». «**Андроцентризм** – глубинная культурная традиция, сводящая общечеловеческую субъективность (общечеловеческие субъективности) к единой мужской норме, репрезентируемой как универсальная объективность, в то время как иные субъективности, и прежде всего женская, репрезентируются как собственно субъективности, как отклонение от нормы, как маргиналия. Таким образом, андроцентризм – это не просто взгляд на мир с мужской точки зрения, а выдача мужских нормативных представлений и жизненных моделей за единые универсальные социальные нормы и жизненные модели» [22]. Дру-

гими словами, язык с андроцентризмом «фиксирует картину мира с мужской точки зрения и от лица мужского субъекта, где женское обычно нивелируется и уничижается» [22. С. 67].

Однако есть еще один аспект родовой асимметрии в обозначении лиц. Это наличие у существительных со значением лица, помимо гендерной семантики, еще и общей семантики лица, условно представленной формулой 'лицо вне половых различий'. Для языков с морфологической категорией рода обозначение лица вне половых различий оказывается важным, поскольку родовая семантика встроена в словоизменение существительного: род является классификационной категорией и распределяет существительные по трем классам. Фактическая бинарность категории рода по отношению к существительным со значением лица требует, чтобы «чистая» семантика лица была совмещена с одним из членов оппозиции, которым стал именно мужской род. Устранение асимметрии, какими бы причинами оно ни было вызвано, приведет к потере возможности обозначения лица вне половых различий.

Русский род и феминистская лингвистика

Отметим, что проблема асимметрии категории рода и ее несправедливости рассматривается в рамках именно гендерной лингвистики – направления социолингвистики, сформировавшегося в конце XX в., которое изучает все виды языкового и речевого варьирования, обусловленного полом носителей языка. Важным понятием здесь является **гендер**, который определяется как «социокультурный конструкт, связанный с предписыванием индивиду определённых качеств и норм поведения на основе его биологического пола» [23. С. 32].

Внутри гендерной лингвистики выделяется особое направление – феминистская лингвистика, или феминистская критика языка, зародившееся в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. в США и в Германии, которое «ставит перед собой цель выявить и изменить патриархальную природу языка» [24. С. 173]. Таким образом, представители феминистской лингвистики через язык стремятся изменить мышление общества, опираясь на гипотезу Сепира–Уорфа, которая гласит, что язык является не только средством общения в обществе, но и оказывает существенное влияние на его мышление. Как отмечает В.А. Кривошеина, «любая ущемляемая в правах группа (раса, пол, сексуальная ориентация, класс) подходила к вопросу о своих правах со всех сторон, и в том числе и с лингвистической» [25. С. 150].

Феминистская лингвистика сложилась в рамках **феминизма**. Данный термин имеет два значения. Во-первых, это «теория равенства полов, лежащая в основе движения женщин за освобождение, а также разного рода действия в защиту прав женщин» [21. С. 188], а во-вторых, само это «политическое движение, связанное с борьбой женщин за равноправие» [24. С. 172]. Феминизм как политическое движение делится на три волны:

– конец XIX – начало XX в. – первая волна, характеризующаяся борьбой женщин за получение права

голоса и иных гражданских прав (движение суфражисток);

– начало 60-х – конец 80-х гг. XX в. – вторая волна, определяющаяся более мощным и разносторонним движением;

– начало 90-х гг. XX в. – настоящее время – третья волна феминизма, отмеченная появлением «множества течений феминизма, которые уже не характеризуются единством идей» [26].

В России феминизм отличался от подобного движения в США и странах Европы. Как пишет А.Д. Головина, в России «активистки женского движения боролись за политические права, за право на образование и профессиональную деятельность наравне с мужчинами, а также занимались благотворительной и просветительской деятельностью» [24. С. 172–173].

Исследователи выделяют два способа борьбы с гендерной асимметрией в языке: феминизацию и нейтрализацию. При этом для языков, имеющих грамматическую категорию рода, как русский язык, более характерна феминизация, а языкам, в которых грамматическая категория рода отсутствует, например английскому, более свойственна нейтрализация. Языки без категории рода стремятся к «половому безразличию», устранению фиксации пола в наименованиях. Языки с категорией рода требуют отказа от родовой асимметрии.

В английском языке нейтрализация затрагивает прежде всего морфему *-man* («мужчина» и «человек»), которая заменяется морфемой *-person* или другим полноценным словом или опускается. Рассмотрим некоторые примеры: *businessman – businessperson, cameraman – camera operator, policeman – police officer*.

Нейтрализация проявляется и в русском языке в употреблении существительных мужского рода, обозначающих лиц, по отношению к женщинам, т.е. для обозначения лица вообще, что было описано нами выше. Но наличие категории рода делает нейтрализацию не вполне эффективной с точки зрения феминизации, поскольку реализуется в мужском компоненте оппозиции.

Итак, главным средством борьбы за гендерное равенство в русском языке в настоящее время является феминизация – внедрение феминитивов. **Феминитивы** (от лат. *femina* – «женщина»; также существуют термины **феминативы**, **феминизмы** и **феминистские неологизмы**) – слова женского рода, обозначающие «лиц женского пола по профессиональной, социальной, религиозной принадлежности» [27], «которые являются альтернативными или парными аналогичным существительным мужского рода» [22. С. 67]. В.В. Беркутова отмечает, что «большую часть феминитивов составляют слова женского рода категорий *nomina agentis* (наименования деятеля) и *nomina attributiva* (наименования носителя признака), но к ним также можно отнести различные термины родства и свойства, обозначения религиозной, национальной, возрастной, социальной принадлежности и др.» [27].

Как пишет В.А. Кривошеина, «проблема использования феминитивов зародилась в 1970-х гг. в США, когда феминистки второй волны добились не только уравнивания в правах с мужчинами, но и превратили феминистскую проблематику в значимый обществен-

ный дискурс» [25. С. 147], а в России она стала актуальной лишь в 1990-х гг. Итак, репертуар социальных ролей, выполняемых женщинами в обществе, расширился, так как они стали заниматься различными видами труда, ранее не входившими в круг их деятельности. В связи с этим возникла необходимость в отдельных наименованиях для них, средством создания которых стала феминизация. Таким образом, как справедливо отмечает Е.Н. Василенко, «феминизация языка представляет собой не только (и, вероятно, не столько) лингвистическое, но и культурное, общественно-экономическое явление» [28. С. 77].

В русском языке, на что обращают внимание В.В. Беркутова, Е.А. Челак и другие исследователи, существует историческая тенденция к образованию феминитивов, что вместе с эксплицитностью категории рода в нём обуславливает особый интерес к изучению данной группы имён существительных. Охарактеризованная выше «тенденция употребления слов мужского рода в “обобщенном” значении – относительно новая и впервые зафиксирована в языке только в середине XIX века» [27], а позже была поддержана большевиками. Действительно, некоторые из феминитивов существуют в русском языке с очень давних времён (например, *княгиня, графиня, царица, императрица, принцесса, баронесса* и др.).

В русском языке феминитивы образуются от имён существительных мужского рода с помощью суффиксов. Продуктивными являются суффиксы *-к-* (*студентка, фигуристка*), *-иц-* (*певица, мастерица*), *-ниц-* (*учительница, воспитательница*), *-щиц-/-щиц-* (*продащица, гонщица*), *-ин-* (*героиня*). Суффиксы *-ис-* (*актриса, директриса*), *-есс-* (*поэтесса*), *-их-* (*повариха, пловчиха*), *-и-* (*бухгалтерша*) оказываются менее продуктивными. Также в русском языке издавна существуют феминитивы, не имеющие аналогов в мужском роде (например, *гадалка, сиделка, няня*), так как подобным трудом в прошлом занимались только женщины.

В современном русском языке феминитивы-неологизмы активно используются в интернет-дискурсе, который «является очень открытым и восприимчивым» [29. С. 199] в связи с распространением и развитием этого вида коммуникации, который занимает огромное место в жизни общества. Именно с этим связан всплеск изучения данной группы слов в последние пять-десять лет. Как пишет Н.Д. Стрельникова, «именно сейчас, в связи с демократизацией языка, доминированием разговорной речи вопрос о феминитивах-неологизмах становится всё более актуальным» [30. С. 299]. Существуют многочисленные форумы, сообщества и группы в социальных сетях, посвящённые феминизму и феминитивам. Посты на эту тему в социальных сетях часто вызывают большую дискуссию¹. Однако изучение наименований женщин имеет более длительную традицию. Например, «Голковый словарь названий женщин» Н.П. Колесникова [31] издан в 2002 г.

В.В. Беркутова обращает внимание на «своеобразное стилистическое расщепление» [27] феминитивов: эта группа имён существительных практически не употребляется в официально-деловом стиле, но активно используется в публицистическом, художе-

ственным и разговорном стилях. Исследовательница также отмечает такую особенность феминитивов в русском языке, как их несистемное, непоследовательное образование и употребление. Например, существуют такие официально признанные пары слов мужского и женского рода, как «студент» – «студентка», «дикарь» – «дикарка», но отсутствуют пары «президент» – «президентка», «дирижёр» – «дирижёрка», которые образованы по той же словообразовательной модели [27].

Е.А. Бурдина, которая сделала выборку феминитивов из различных словарей и проанализировала её, отмечает, что слово *истица*, зафиксированное в словарях с пометами, «позволяющими использовать его в официальной речи» [32. С. 75], до сих пор не употребляется в юридическом подстиле языка.

В связи с вышесказанным интересным оказывается факт, на который обращают внимание многие лингвисты, что в некоторых других языках, например в белорусском, немецком, чешском, феминитивы представляют собой регулярное явление: каждое существительное, обозначающее лицо по профессии или роду занятий, «имеет параллельные формы мужского и женского рода» [24. С. 176]. При этом во многих странах рассматриваемый вопрос решается на государственном уровне. Таким образом, можно утверждать, что феминизация в современном мире представляет собой социолингвистический и лингвополитический процесс.

Сложности в преодолении асимметрии мужского и женского рода в современном русском языке

Многие исследователи справедливо отмечают, что активное внедрение феминитивов в русский литературный язык в настоящее время крайне затруднительно. Государственные органы пока не поддерживают идею официального признания данной группы имён существительных. Так, Е.А. Бурдина приводит в пример обращение «Депутата законодательного собрания Ленинградской области Владимира Петрова к министру культуры РФ Владимиру Мединскому с просьбой ввести штрафы за использование неклассических феминитивов в СМИ и на иных коммуникативных площадках» [32. С. 77]. Для непринятия феминитивов в современном российском обществе и отсутствия их в литературном языке есть сразу несколько причин.

Во-первых, многие феминитивы в русском языке носят разговорный или просторечный характер, что вызывает негативное отношение к ним со стороны общества: они воспринимаются как оскорбления, приобретая отрицательную коннотацию (например, *врачиха, повариха*). Так, известен факт, что А.А. Ахматова и М.И. Цветаева не желали, чтобы в их адрес употреблялось слово *поэтесса*, отдавая предпочтение слову «поэт». Рассматриваемая причина непринятия феминитивов обществом подтверждается в исследовании Е.А. Бурдиной, которая выявила, что «практически во всех словарях коррелирующая форма женского рода стилистически окрашена и либо находится на периферии литературного языка, либо выходит за его пределы, либо относится к пассивному запасу» [32. С. 75].

В.В. Беркутова [27] в этой связи говорит о стилистических ограничениях на образование новых слов, существующих в языке, которые заключаются в стилистической несовместимости словообразовательной основы и суффикса. Однако Е.А. Земская утверждает, что стилистические ограничения представляют собой лишь «тенденции сочетаемости-несочетаемости, а не строгие, ненарушаемые законы» [33. С. 207]. Так, наиболее часто оказываются просторечными и уничижительными феминитивы, образованные с помощью стилистически окрашенных суффиксов *-их-* (*врачиха*) и *-ш-* (*блогерша*), а также *-к-* (*авторка*). Однако, как справедливо замечает В.В. Беркутова [27], в современном русском языке существуют стилистически нейтральные феминитивы с данными суффиксами (*ткачиха, секретарша, артистка, спортсменка*), причём для суффикса *-к-* пренебрежительно-уничижительное значение не является основным, а образования феминитивов с его помощью представляет собой устойчивый словообразовательный тип в русском языке.

Во-вторых, исторически многие имена существительные женского рода, образованные от наименований мужского рода по профессии, обозначали женщин как жен мужчин, выполняющих соответствующие роли, т.е. называли женщин по их семейной роли (например, *докторша, профессорша, генеральша*). Также в некоторых случаях от подобных слов мужского рода уже существуют образованные суффиксальным способом слова женского рода, которые обозначают различные предметы (например, *капитанка* – фуражка капитана). Следовательно, при функционировании этих слов как наименований женщин по роду деятельности или образовании новых подобных имён существительных развиваются омонимия и многозначность, которые вызывают сложности с пониманием конкретных значений данных слов и поэтому препятствуют образованию феминитивов-неологизмов. Подобные ограничения на образование новых слов называются лексическими ограничениями. Однако достоверно известно, что многие омонимы и многозначные слова успешно существуют в русском языке в течение очень долгого времени. Поэтому и лексические ограничения, по утверждению В.В. Беркутовой, «не следует рассматривать в качестве абсолютных запретов на образование новых слов» [27].

В-третьих, в русском языке, как и в любом другом, действует принцип экономии речевых усилий, констатируемый многими лингвистами. Он препятствует самому образованию феминитивов (так как возможно употребление слов мужского рода по отношению к женщинам, феминитивы оказываются лишними), а также их употреблению в форме множественного числа при обращении к разнополым группам, что отмечает В.И. Ладыгина [34. С. 484]. При этом исследовательница пишет о том, что в настоящее время в Германии вопреки указанному закону употребительно обращение, которое на русском языке звучало бы так: «Дорогие студенты и студентки». Однако подобные конструкции делают предложения слишком громоздкими, вызывая сложности как для говорящих и пишущих, так и для читающих и слушающих.

В-чвёртых, активной феминизации имен лица мешает инертность словообразовательной системы

русского языка. Именно этот факт в качестве главной причины проблемы введения феминитивов-неологизмов в современный русский литературный язык рассматривает В.А. Кривошеина. Она пишет: «Словообразование как социокультурный процесс претерпевает изменения по мере исторического развития общества и, в полной мере, может быть “барометром” такого развития. Однако оно обладает и явной инерционностью» [25. С. 148]. Ситуация с феминитивами также осложняется тем, что эта «отрасль словообразования претерпевает сильное давление как со стороны консервативных лингвистов и филологов, так и со стороны профеминистских групп» [25. С. 148].

По мнению Е.А. Бурдиной, изменить отношение к феминитивам в российском обществе можно благодаря «особой государственной лингвистической политике и поддержке грамматических преобразований элитарными языковыми личностями» [32. С. 77].

Обратим внимание также на тот факт, что часто от одного существительного мужского рода образуется несколько феминитивов с помощью разных суффиксов. Например, *авторка* – *авторша* – *авторесса*, *блогерка* – *блогерша* – *блогиня*, *докторка* – *докторша* – *докториня* – *доторица*. Какие-то из этих слов входят в язык, а какие-то отвергаются им. При этом «то, какой феминитив примут или не примут члены социума, зависит от ряда факторов: сочетаемости морфем в составе производного слова, наличия в языке модели построения подобных феминитивов, т.е. “привычности” звучания образуемого феминитива для носителей языка, и др.» [35. С. 106–107].

Важно также, что во многих случаях употребление феминитива устраняет «общечеловеческую» составляющую профессии или другой социальной деятельности.

Рассмотрим традицию обозначения лица по творческой или педагогической профессии. Выше мы уже упоминали стремление А. Ахматовой и М. Цветаевой к использованию по отношению к ним слова *поэт*. В интернете регулярно обсуждается эта тема². Профессионального наставника называют *учителем* вне зависимости от пола. Нейтрализация в лексеме мужского рода в силу немаркированного характера этого члена категории позволяет ей выразить «идею» лица в творческой социальной роли безотносительно к полу. Ср., например: *Режиссер* (Лариса Шепитько. – И.К., О.З., Д.И.) снимала кинофильм «Прощание» близ озера Селигер³.

Возможно, полное устранение асимметрии приведет к тому, что общая семантика лица вне половых различий перестанет быть актуальной и перейдет из разряда категориальных в разряд интегральных значений. Однако в настоящий момент употребление феминитива как маркированного члена оппозиции во многих контекстах актуализирует семантику женского пола и часто мешает общечеловеческой, вне половых различий, интерпретации понятия.

Отметим, что практика интернет-коммуникации, наиболее ориентированная на языковые новации и эксперименты, отреагировала на необходимость обозначать лиц вне пола с учетом равноправия полов. За модель выбран способ обозначения реалий с нейтра-

лизацией категории числа, когда автору не важно, речь идет об одной или нескольких реалиях одного вида, например: *корректор(-ы)*. Для гендерно приемлемого обозначения лица используется наименование следующего вида: <Авторка: Арина Гундырева //> **Редактор_ки:** Екатерина Мороко, Киломяу </// Иллюстрации: Саша Булякова >⁴. Как видим, позиция автора отмечена феминитивом *авторка*, а вот позицию редактора занимают имена двух лиц, гендер которых непонятен. В этом случае корень отделяется от суффикса знаком подчеркивания, который показывает, что речь идет о комплексном обозначении социальной роли. С учетом того, что в посте речь идет о разных гендерных типах наименований (феминитивы, гендергэпы), автор(ка) попытался в одном слове объединить разные гендеры и, соответственно, разный грамматический род для выражения лица вне половых различий.

Важно также отметить, что, как справедливо утверждает В.А. Кривошеина [25], проблема отсутствия равноправия полов не решается суффиксами. По убеждению исследовательницы, для этого «требуются изменения правового поля, информационного контекста, сознания людей» [25. С. 152].

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать следующий вывод: несмотря на перечисленные проблемы, за которыми скрываются психологические и идеологические причины неприятия феминитивов-неологизмов, данных слов в русском языке с каждым годом становится больше, они активно используются в интернет-пространстве, журналистских текстах. В связи с этим, по мнению многих исследователей, литературный язык рано или поздно отреагирует на произошедшие изменения.

Практика обозначения лиц женского пола в нетипичной социальной роли: зона риска для феминитива

Представим результат наблюдения за практикой использования существительных со значением преимущественно мужской социальной роли при обозначении лиц женского пола.

В настоящее время в соцсетях и на сайтах журналов довольно часто появляются рассказы или другого рода материалы о том, как женщины овладевают профессиями, традиционно считающимися сугубо или преимущественно мужскими, или уже проявили себя в таких профессиях. В нашей выборке материала отмечены наименования лиц женского пола, относящиеся к мужским профессиям (по мере убывания количества употреблений наименований): водолаз; спасатель; пожарный, капитан (корабля); пилот гоночного автомобиля; ученый (для событий XIX – середины XX в.); авиатехник; матрос; моряк; прокурор; руководитель тушения пожаров и другие (всего 45 професий).

Рассказы, повествующие о преодолении гендерных стереотипов общества при освоении женщиной мужской профессии, содержат и собственную коллизию преодоления номинативных затруднений при обозначении женщины в сугубо или преимущественно мужской роли.

Большую сложность в таких случаях представляет то, что наименования профессий настолько тесно связываются с мужчинами как носителями этих профессий, что использование феминитива, даже уместного по структурным и стилистическим причинам, чрезвычайно затруднено.

Так, основное название социальной роли пожарного – субстантивированное прилагательное *пожарный*. При кажущейся простоте использования для обозначения пожарного женского пола части парадигмы женского рода мотивирующего прилагательного *пожарная* такая номинация оказывается неприемлемой, в отличие, например, от слов *дежурный/дежурная, потерпевший/потерпевшая*. Возможно, это связано и с тем, что *пожарная* используется для замены выражения *пожарная машина*. Очень похожа ситуация и со словом *спасательница*. Несмотря на то, что сочетание суффикса лица *-тель-* и суффикса женского пола *-ниц-* вполне гармонично, феминитив крайне неупотребим. В Национальном корпусе русского языка 14.09.2021 отмечено семь вхождений этого слова, при 1 135 вхождениях для слова *спасатель*. Ср также *водолазка* (есть омонимичное название для предмета одежды); **авиатехничка* или **авиатехница* и т.п.

Для употребления существительных со значением социальной роли лица важным оказывается различение субстантивного (чаще референтного) и предикатного использования. Дело в том, что такие существительные обозначают социальный статус – «типизированную функцию лица в идеальной структуре общества. Эта функция характеризуется набором идеальных же действий и идеальным поведением» [36. С. 139]. Такие имена могут обозначать социальный статус как таковой, роль, которую может исполнять человек. Часто в этом случае существительное оказывается в синтаксической позиции именной части сказуемого. Существительное выступает в предикатном денотативном статусе [37. С. 99]. Чаще всего в качестве связки используется полузнаменательный глагол *работать*, например: *Обидно, что я могу работать водолазом в любой точке мира, даже в Кувейт зовут, но только не на родине, так как здесь это «слишком опасно»⁵; Моя подруга была первой женщиной-добровольцем в России, которая работала свальщиком⁶; часто также используется связка *быть*, например: *Она была руководителем Института мозга человека РАН и исследователем, внесшим громадный вклад в область изучения человеческого мозга⁷; В законе есть одна дыра: женщина в России не может быть пожарным, но может быть руководителем тушения пожара!⁸. В этой позиции существительное со значением социального статуса может выступать без связки (нулевая реализация связки *быть*), например: *Джорджия Босколо – единственный венецианский гондольер среди 424 мужчин⁹; В законе есть сноска, что руководитель может взять на работу женщину под свою ответственность. А вот показать ему, что она ценный сотрудник, может только она сама¹⁰*. Используются также связки *стать, остаться, являться* и др.**

Социальный статус может быть зафиксирован в позиции, тяготеющей к предикатной, с помощью слов

со значением социального статуса или близких по функции, например: *Когда начала работать в «Авиалесоохране», я решила выучиться на руководителя тушения пожаров, чтобы была возможность летать и тушить*¹¹; *Женщины даже занимают пост главы некоторых государств*¹²; *У нас учатся и девочки, их где-то 30 процентов от общей массы. С устройством на работу в Москве у них будут проблемы: взять могут только в аквапарк или бассейн, профессия водолаза для девушек все еще остается запрещенной в России*¹³; *Софья Ковалевская. Первая женщина в мире, которая получила статус профессора, а также первая женщина-учёный в России*¹⁴; *В итоге, вооружившись фотоаппаратом, я 10 лет ездила в опасные командировки с «Авиалесоохраной» и жду отпуск, чтобы отправиться на пожар в качестве добровольца «Гринпис», где принимаю непосредственное участие в тушении пожаров*¹⁵.

Для обозначения профессии в предикатной позиции может использоваться метафора карьеры с разными сферами-источниками: *Свою карьеру она начинала на должности матроса и смогла вырасти до капитана уже к 27 годам*¹⁶; как видим, использована органическая метафора роста. А вот метафора пути: *Путь от матроса до капитана прошла за шесть лет*¹⁷.

Как видим, в позиции предиката и тяготеющей к ней позиции имени статуса в высказываниях, обозначающих события, связанных с лицами женского пола, крайне часто используются существительные мужского рода, поскольку в позиции предиката выступает социальный статус, свободный от реального пола лица.

В позиции сказуемого возможны и глагольные конструкции со значением выполнения социальной роли, например: *Я намерена и дальше заниматься тушением пожаров*¹⁸; *Идея создать школу пришла, еще когда я работала в спасательной службе; Планирую в скором времени брать контракты на водолазные работы по миру, потому что предложения поступают постоянно; Сейчас спасаю людей на аквабайке в Италии*¹⁹; *В 1884 году Ковалевскую пригласили преподавать математику в Стокгольмском университете*²⁰; *Ведь какое-то время назад трудно было себе представить, что представительница слабого пола может руководить корпорацией*²¹.

В субстантивном же употреблении существительных со значением лица в таких высказываниях проблема взаимодействия пола и рода встает очень остро. В этом случае возможны следующие решения:

1) аналитическое выражение, в котором женский пол обозначается словом *женщина* или *девушка*: *Стихия огня: честная история женщины-пожарного; И это смешно и несправедливо: ведь в реальности женщины-лесники, например, тушат пожары*²²; *«Не мешай мужчинам работать»: как уволенная женщина-водолаз уехала спасать людей в Италию; [При устройстве на работу] мне сразу ска-*

*зали, что девушек-спасателей не бывает*²³; *Новость о двадцатисемилетней девушке-капитане моментально разлетелась по всему миру*²⁴; *Начальник техникума, в котором Анна училась морскому делу, отговаривал от поступления, говоря, что испокон веков «баб-моряков» не было*²⁵;

2) гораздо реже встречается сочетание нарицательного имени статуса с женским собственным именем, например: *Добровольный пожарный «Гринписа» Анна Барне – о том, как непросто женщине получить право тушить огонь*²⁶. Связано это с тем, что такое полное наименование лица встречается, как правило, один раз в начале части текста о данном лице.

Возможны и другие способы обойти острую номинативную коллизию. Интересная стратегия наименования в позиции сказуемого применена в следующей фразе: *Там было 16 направлений, в том числе и альпинизм, который преподавали для нас спасатели МЧС. Я познакомилась и подружилась с ними и, когда они рассказывали о своей работе, тоже хотела стать одной из них*²⁷. В данном случае используется конструкция *один из N_{2PI}*, где *один* используется в женском роде для обозначения лица женского пола, а позиция для *N_{2PI}* должна заполняться существительным мужского рода *спасатель (МЧС)*. Важно, что вообще существительное в мужском роде со значением социального статуса в общем случае обозначает лицо вне отношения к полу, а во множественном числе такое существительное может обозначать смешанное множество лиц мужского и женского пола. Вспомним, однако, что существительное *спасатель* обозначает преимущественно мужскую профессию (см. выше) и поэтому сочетание *одна из спасателей* кажется сомнительным. Но автор применяет субститутивную технику – вместо существительного использует в этой позиции местоимение *он*, которое во множественном числе вообще не выражает рода. Таким образом, автору удалось косвенно обозначить лицо женского пола по сугубо мужской профессии в женском роде.

Итак, процесс «феминитивизации» в русском языке происходит, пока в основном в устной речи, в интернет-коммуникации и в научных исследованиях по феминистской лингвистике. В текстах, ориентированных на широкую публику, при обозначении лица женского пола по его профессии автор старается избегать прямых наименований женского рода, прибегая к аналитическим наименованиям, к перемещению имени социального статуса в позицию предиката, к стратегиям «ухода» от коллизии рода и пола в пределах одной номинации. Тем не менее сдвиг в пользу феминитивов заметен. Особенно он касается слов, пришедших в русский язык совсем недавно. В совокупности с удачной словообразовательной моделью именно недавнее появление пары слов *колумнист/колумнистка* позволяет последнему функционировать в русском языке без вкусовых ограничений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: URL: https://zen.yandex.ru/media/velimira_temnaya/ne-nujny-eti-vashi-fepeliativy-ne-uroduite-iazzyk-pol-nevajen-krichali-oni-aporotom-ocherednaia-avtoledi-ustroila-dtp-602bf066f499182940830f8f (дата обращения: 21.03.2021).

² URL: <https://zen.yandex.ru/media/badfem/pochemu-ahmatova-ne-liubila-slovo-poetessa-a-seichas-nabiraiut-populiarnost-feminitivy-5d0b6c507fc34f00af9104c3> (дата обращения: 20.12.2020); URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/747095-pochemu-ahmatova-ne-ljubila-tak-nazyvaemoj-zhenskoj-poezii-o-ljubvi.html> (дата обращения: 11.06.2021); URL: <https://knigi.mirtesen.ru/blog/43179957130/ZHenschina-poet-Anna-Ahmatova> (дата обращения: 15.06.2021) и др.

- ³ URL: <https://zen.yandex.ru/media/kulturologia/5-znameniyh-vdovcovodnoliubov-kotorye-ne-jenilis-posle-poteri-jeny-612b8b754b943d646e0-db592> (дата обращения: 04.09.2021).
- ⁴ URL: https://doxajournal.ru/call_me_by_my_name (дата обращения: 24.08.2021).
- ⁵ URL: https://zen.yandex.ru/media/daily.afisha.ru/ne-meshai-mujchinam-rabotat-kak-uvolennaia-jenscinavodolaz-uehala-spat-liudei-v-italiiu-6055c28f89855f0fde686181?&disable_feed_under_article=false (дата обращения: 25.03.2021).
- ⁶ URL: <https://www.marieclaire.ru/stil-zjizny/stikhiya-ognya-chestnaya-istoriya-zhenshiny-pozharnogo/> (дата обращения: 01.03.2021).
- ⁷ URL: <https://mel.fm/blog/sofia-shchebenkova/13765-oni-izmenili-mir-4-istorii-zhenshchin-v-muzhskikh-professiyakh> (дата обращения: 19.10.2021).
- ⁸ URL: <https://www.marieclaire.ru/stil-zjizny/stikhiya-ognya-chestnaya-istoriya-zhenshiny-pozharnogo/> (дата обращения: 01.03.2021).
- ⁹ URL: <https://zen.yandex.ru/media/synergyuniversity/jensciny-vse-chasce-vybiraiut-mujskie-professii-i-naoborot-5fb23db01064d30b6c40de20> (дата обращения: 17.11.2020).
- ¹⁰ URL: https://zen.yandex.ru/media/daily.afisha.ru/ne-meshai-mujchinam-rabotat-kak-uvolennaia-jenscinavodolaz-uehala-spat-liudei-v-italiiu-6055c28f89855f0fde686181?&disable_feed_under_article=false (дата обращения: 25.03.2021).
- ¹¹ URL: <https://www.marieclaire.ru/stil-zjizny/stikhiya-ognya-chestnaya-istoriya-zhenshiny-pozharnogo/> (дата обращения: 01.03.2021).
- ¹² URL: <https://zen.yandex.ru/media/synergyuniversity/jensciny-vse-chasce-vybiraiut-mujskie-professii-i-naoborot-5fb23db01064d30b6c40de20> (дата обращения: 17.11.2020).
- ¹³ URL: https://zen.yandex.ru/media/daily.afisha.ru/ne-meshai-mujchinam-rabotat-kak-uvolennaia-jenscinavodolaz-uehala-spat-liudei-v-italiiu-6055c28f89855f0fde686181?&disable_feed_under_article=false (дата обращения: 25.03.2021).
- ¹⁴ URL: <https://mel.fm/blog/sofia-shchebenkova/13765-oni-izmenili-mir-4-istorii-zhenshchin-v-muzhskikh-professiyakh> (дата обращения: 19.10.2021).
- ¹⁵ URL: <https://www.marieclaire.ru/stil-zjizny/stikhiya-ognya-chestnaya-istoriya-zhenshiny-pozharnogo/> (дата обращения: 01.03.2021).
- ¹⁶ URL: <https://zen.yandex.ru/media/synergyuniversity/jensciny-vse-chasce-vybiraiut-mujskie-professii-i-naoborot-5fb23db01064d30b6c40de20> (дата обращения: 17.11.2020).
- ¹⁷ URL: <https://mel.fm/blog/sofia-shchebenkova/13765-oni-izmenili-mir-4-istorii-zhenshchin-v-muzhskikh-professiyakh> (дата обращения: 19.10.2021).
- ¹⁸ URL: <https://www.marieclaire.ru/stil-zjizny/stikhiya-ognya-chestnaya-istoriya-zhenshiny-pozharnogo/> (дата обращения: 01.03.2021).
- ¹⁹ URL: https://zen.yandex.ru/media/daily.afisha.ru/ne-meshai-mujchinam-rabotat-kak-uvolennaia-jenscinavodolaz-uehala-spat-liudei-v-italiiu-6055c28f89855f0fde686181?&disable_feed_under_article=false (дата обращения: 25.03.2021).
- ²⁰ URL: <https://mel.fm/blog/sofia-shchebenkova/13765-oni-izmenili-mir-4-istorii-zhenshchin-v-muzhskikh-professiyakh> (дата обращения: 19.10.2021).
- ²¹ URL: <https://zen.yandex.ru/media/synergyuniversity/jensciny-vse-chasce-vybiraiut-mujskie-professii-i-naoborot-5fb23db01064d30b6c40de20> (дата обращения: 17.11.2020).
- ²² URL: <https://www.marieclaire.ru/stil-zjizny/stikhiya-ognya-chestnaya-istoriya-zhenshiny-pozharnogo/> (дата обращения: 01.03.2021).
- ²³ URL: https://zen.yandex.ru/media/daily.afisha.ru/ne-meshai-mujchinam-rabotat-kak-uvolennaia-jenscinavodolaz-uehala-spat-liudei-v-italiiu-6055c28f89855f0fde686181?&disable_feed_under_article=false (дата обращения: 25.03.2021).
- ²⁴ URL: <https://mel.fm/blog/sofia-shchebenkova/13765-oni-izmenili-mir-4-istorii-zhenshchin-v-muzhskikh-professiyakh> (дата обращения: 19.10.2021).
- ²⁵ URL: <https://mel.fm/blog/sofia-shchebenkova/13765-oni-izmenili-mir-4-istorii-zhenshchin-v-muzhskikh-professiyakh> (дата обращения: 19.10.2021).
- ²⁶ URL: <https://www.marieclaire.ru/stil-zjizny/stikhiya-ognya-chestnaya-istoriya-zhenshiny-pozharnogo/> (дата обращения: 01.03.2021).
- ²⁷ URL: <https://www.marieclaire.ru/stil-zjizny/stikhiya-ognya-chestnaya-istoriya-zhenshiny-pozharnogo/> (дата обращения: 01.03.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. М. : Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 239–320.
2. Вежбицкая А. Русский язык // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание : пер. с англ. М. : Рус. словари, 1997. С. 33–88.
3. Червинский П.П. Фольклор и этимология. Лингвоконцептологические аспекты этносемантики. Тернополь : Крок, 2010. 420 с.
4. Бодуэн де Куртенэ И.А. О связи грамматического рода с мирозерцанием и настроением людей, говорящих языками, различающимися род [Лингвистические заметки] («Журнал министерства народного просвещения». Ч. 331. 1900. Октябрь. С. 367–374) // Бодуэн де Куртенэ. Ученый. Личность : докл. науч.-практ. конф. «Лингвистическое наследие И.А. Бодуэна де Куртенэ на исходе XX столетия». Красноярск, 2000. С. 9–12.
5. Толстая С.М. О семантическом единстве обряда // Фольклор: проблемы сохранения, изучения, пропаганды. М., 1988. С. 146–148.
6. Толстая С.М. Образ мира в тексте и ритуале. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 528 с.
7. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. 2-е изд. М. : Индрик, 1995. 512 с.
8. Дампилова Л.С., Силантьев И.В., Ким И.Е., Кузьмина Е.Н., Шатин Ю.В. Универсалии вербальной культуры: в поисках общего понятия // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 9–28. doi: 10.17223/18137083/73/1
9. Тарасов П.П. Причины полового диморфизма у хищных птиц // Русский орнитологический журнал. 2012. Т. 21. Экспресс-выпуск 759. С. 1177–1179 (Второе издание. Первая публикация в 1959).
10. Остапенко В.И., Бондаренко Ю.В. Половой диморфизм сельскохозяйственной птицы и его влияние на продуктивность // Актуальные проблемы интенсивного развития животноводства. 2017. Вып. 20 (1). С. 77–84.
11. Евтеев А.А. Проблема полового диморфизма в краниологии : автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 2008. 26 с.
12. Мамажакыпова А.Ж. Женские и мужские личные имена как единицы культурного кода (на материале киргизского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2009. Вып. 557. С. 131–140.
13. Сундуева Е.В. Специфика реализации диады «мужское – женское» в монгольских языках // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2. С. 121–126.
14. Jung C.G. Die Beziehungen zwischen dem Ich und dem Unbewußten. Darmstadt : Reichl-Verlag, 1928. 207 S.
15. Мукова М.Н. Истоки архетипической оппозиции «Мужчина-женщина» // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. № 13. С. 58–60.
16. Кобзев А.И. Инь – ян // Духовная культура Китая: энциклопедия : в 5 т. / ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. М. : Вост. лит., 2006. Т. 1: Философия. С. 271–273.
17. Бусыгина А.Ф. Фундаментальные категории духовной культуры Китая: Тай цзи и Инь-ян // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2018. № 3. С. 84–94.
18. Алпатова Т.А. Оппозиция «Мужское/женское» в художественном мире Н. М. Карамзина // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2010. № 56. С. 12–15.
19. Митрофанова А.В. Мужчина и женщина в русской философской культуре: «преодоление пола» // Мужчина и женщина. Диалог или соперничество? Книга 1. М., 2004. С. 49–76.
20. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) : учеб. пособие для вузов / отв. ред. Г.А. Золотова. 3-е изд., испр. М., 1986. 640 с.
21. Словарь гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой. М., 2002. 256 с. URL: <http://www.owl.ru/gender/alphabet.htm> (дата обращения: 22.09.2021).
22. Федотова Т.В., Кулик И.В. Парадигматика и прагматика феминитивов в русском и английском языках // Евразийский союз ученых. 2016. № 28-2. С. 67–69.

23. Гриценко Е.С. Язык как средство конструирования гендера : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2005. 48 с.
24. Головина А.Д. Особенности перевода феминитивов с английского и французского языков на русский // Актуальные вопросы филологической науки XXI века. 2018. С. 171–180.
25. Кривошеина В.А. Феминитивы в современных языковых практиках // Актуальные проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. М., 2019. С. 146–153.
26. Бороздина Е. Феминизм: чем различаются три волны? // Постнаука. 07.03.2016. URL: <https://postnauka.ru/faq/61274> (дата обращения: 22.09.2021).
27. Беркутова В.В. Феминитивы в русском языке: лингвистический аспект // Филологический аспект. 2019. № 1 (45). С. 7–26. URL: <https://www.psypart.com/feminitivy-lingvisticheskii-aspekt> (дата обращения: 22.09.2021).
28. Василенко Е.Н. Феминитивы в современном русскоязычном и белорусскоязычном интернет-дискурсе // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – V : сборник научных статей по материалам V Международной научной конференции / под ред. Е.Е. Иванова. 2018. С. 74–78.
29. Челак Е.А. Феминитивы в дискурсе интернет-коммуникации // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 12-2 (78). С. 197–200.
30. Стрельникова Н.Д. К вопросу о феминитивах // Русский язык в поликультурном мире. Сборник научных статей III Международного симпозиума : в 2 т. / отв. ред. Е.Я. Титаренко. 2019. С. 294–302.
31. Колесников Н.П. Толковый словарь названий женщин. Более 7 000 единиц. М., 2002. 608 с.
32. Бурдина Е.А. Язык и общество в рамках категории рода: феминитивы в современной ортологии // Филологический аспект : международный научно-практический журнал. 2020. № 6 (62). С. 72–78.
33. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование : учеб. пособие. М., 2011.
34. Ладыгина В.И. Кому без феминитивов жить хорошо? // Современные научные исследования и разработки. 2017. № 7 (15). С. 483–485.
35. Крень О.А., Стефановская Е.И. Особенности функционирования феминитивов в поликультурном пространстве // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. О.И. Уланович. 2018. С. 105–109.
36. Ермаков С.В., Ким И.Е., Михайлова Т.В., Осетрова Е.В., Суховольский В.Г. Власть в русской языковой и этнической картине мира. М. : Знак, 2004. 408 с.
37. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М. : Наука, 1985. 271 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 22 сентября 2021 г.

The Grammatical Category of Gender in Russian and the Conceptual and Axiological Row “Masculine – Feminine”: From Ethnosemantics to New Gender Semantics

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 48–57.

DOI: 10.17223/15617793/473/7

Olga N. Zyuzina, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: 8olechka@mail.ru

Daria V. Ilina, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: dviljjina@gmail.com

Igor E. Kim, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kimkim27601@yandex.ru

Keywords: gender of Russian noun; “masculine – feminine” universal of verbal culture; feminitive; ethnosemantics.

This research is carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences “Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language” supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, Contract No. 075-15-2019-1884.

The grammatical category of gender is associated with the cultural universal “masculine – feminine”. In modern Russian, changes in this relation occur. The aim of the article is to show these changes on the material of Russian nouns and other expressions of persons that describe their occupation and social status. The cultural universal “masculine – feminine” is a conceptual and axiological row, a binary opposition of concepts. It has a biological basis – sexual dimorphism among animals and people. Correlation between the conceptual opposition “masculine – feminine” and the grammatical gender is partial when referring to names of persons, which, in their turn, appears to be another binary privative opposition, where the marked member of opposition is the feminine. Masculine nouns express general semantics, irrespective to gender. Thus, the gender opposition is asymmetric in respect to social differences between men and women. In modern Russian, the opposition tends to become more symmetrical with a consistent use of feminitives. Among young Russian speakers, especially in online communication, there is a trend and even deliberate practice of the consistent use of nouns of feminine gender – feminitives – to name women by indicating their occupation or other social status. This practice has two consequences. On the one hand, it leads to a kind of a parity of nominative means of masculine and feminine genders. On the other hand, it tends to destroy the Russian ethno-linguistic feature – asymmetry of the grammatical category of gender. In the literature on the issues of feminitives, several limitations in the Russian language system that the consistent use of feminitives faces are described: the inertia of the lexical system, stylistic connotations of suffixes with feminine gender meaning, a part of Russian society’s rejection of these words, etc. The analysis of feminitives’ usage in mass media texts about women who do predominantly “men’s” work and difficulties of such work revealed the authors’ main strategy. As a rule, authors use nouns of masculine gender in the predicative position (*Ya rabotala pozharnym* ‘I was a fireman’), in phrases with nouns with a general “female” meaning (*zhenshchina-pozharnyy* ‘woman-fireman’), or in phrases with proper names (*pozharnyy “Grinpisa” Anna Barne* ‘Greenpeace fireman Anna Barne’).

REFERENCES

1. Dem’yankov, V.Z. (1995) Dominiruyushchie lingvisticheskie teorii v kontse XX veka [Dominant linguistic theories at the end of the 20th century]. In: Stepanov, Yu.S. (ed.) *Yazyk i nauka kontsa 20 veka* [Language and Science of the Late 20th Century]. Moscow: Institute of Linguistics of RAS. pp. 239–320.
2. Wierzbicka, A. (1997) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Translated from English. Moscow: Rus. slovari. pp. 33–88.

3. Chervinskiy, P.P. (2010) *Fol'klor i etimologiya. Lingvokontseptologicheskie aspekty etnosemantiki* [Folklore and Etymology. Linguoconceptological aspects of ethnosemantics]. Ternopol': Krok.
4. Baudouin de Courtenay, I.A. (2000) O svyazi grammaticeskogo roda s mirosozertsaniem i nastroyeniem lyudey, govoryashchikh yazykami, razlichayushchimi rod [Linguisticheskie zametki] ("Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya". Ch. 331. 1900. Oktyabr'. S. 367–374) [On the connection of grammatical gender with the worldview and mood of people speaking languages that distinguish gender [Linguistic notes] (Journal of the Ministry of Public Education, part 331. 1900. October. pp. 367–374)]. In: Grigor'eva, T.M. (ed.) *Boduen de Kurlene. Uchenyy. Uchitel'. Lichnost'*. [Baudouin de Courtenay. Scholar. Teacher. Person]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University. pp. 9–12.
5. Tolstaya, S.M. (1988) O semanticheskoy edinstve obryada [On the semantic unity of a rite]. In: *Fol'klor: problemy sokhraneniya, izucheniya, propagandy* [Folklore: Problems of preservation, study, propaganda]. Moscow: GMPI. pp. 146–148.
6. Tolstaya, S.M. (2015) *Obraz mira v tekste i rituale* [The Image of the World in the Text and Ritual]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke.
7. Tolstoy, N.I. (1995) *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike* [Language and Folk Culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. 2nd ed. Moscow: Indrik.
8. Dampilova, L.S. et al. (2020) Universals of verbal culture: in search of a common concept. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 4. pp. 9–28. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/73/1
9. Tarasov, P.P. (2012) The causes of sexual dimorphism in birds of prey. *Russkiy ornitologicheskii zhurnal*. 759 (21). pp. 1177–1179. (In Russian).
10. Ostapenko, V.I. & Bondarenko, Yu.V. (2017) Polovoy dimorfizm sel'skokhozyaystvennoy ptitsy i ego vliyaniye na produktivnost' [Sexual dimorphism of poultry and its effect on productivity]. *Aktual'nye problemy intensivnogo razvitiya zhivotnovodstva*. 20 (1). pp. 77–84.
11. Evteev, A.A. (2008) *Problema polovogo dimorfizma v kraniiologii* [The problem of sexual dimorphism in craniology]. Abstract of Biology Cand. Diss. Moscow.
12. Mamazhakypova, A.Zh. (2009) Male and female personal names as units of cultural code (on the material of kyrgyz). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – Bulletin of MSLU*. 557. pp. 131–140. (In Russian).
13. Sundueva, E.V. (2010) The specific character of "masculine–feminine" dyad's realization in Altaic languages. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 2. pp. 121–126. (In Russian).
14. Jung, C.G. (1928) *Die Beziehungen zwischen dem Ich und dem Unbewußten*. Darmstadt: Reichl-Verlag.
15. Mukova, M.N. (2011) The origin of the archetypal opposition "man–woman". *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki – Current issues in philology and pedagogical linguistics*. 13. pp. 58–60. (In Russian).
16. Kobzev, A.I. (2006) In' – yan [Yin–Yang]. In: Kobzev, A.I. & Luk'yanov, A.E. (eds) *Dukhovnaya kul'tura Kitaya* [Spiritual Culture of China]. Vol. 1. Moscow: Vostochnaya literatura. pp. 271–273.
17. Busygina, A.F. (2018) Fundamental'nye kategorii dukhovnoy kul'tury Kitaya: Tay tsi i In'-yan [Fundamental category of spiritual culture of China: Tai Chi and Yin Yang]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University journal*. 3–1. pp. 84–94. (In Russian).
18. Alpatova, T.A. (2010) Oppozitsiya "Muzhskoe/zhenskoe" v khudozhestvennom mire N.M. Karamzina [Opposition "Male/female" in the artistic world of N. M. Karamzin]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo – Vestnik NovSU*. 56. pp. 12–15. (In Russian).
19. Mitrofanova, A.V. (2004) Muzhchina i zhenshchina v russkoy filosofskoy kul'ture: "preodolenie pola" [Man and woman in Russian philosophical culture: "overcoming gender"]. In: Ksenofontova, N.A. (ed.) *Muzhchina i zhenshchina. Dialog ili sopernichestvo?* [Man and Woman. Dialogue or Rivalry?]. Vol. I. Moscow: Institute for African Studies RAS. pp. 49–76.
20. Vinogradov, V.V. (1986) *Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian Language (Grammatical teaching about the word)]. 3d ed. Moscow: Vyshaya shkola.
21. Denisova, A.A. (ed.) (2002) *Slovar' gendernykh terminov* [Dictionary of Gender Terms]. Moscow: Inform.-XXI v. [Online] Available from: <http://www.owl.ru/gender/alphabet.htm> (Accessed: 22.09.2021).
22. Fedotova, T.V. & Kulik, I.V. (2016) Paradigmatika i pragmatika feminitivov v russkom i angliyskom yazykakh [Paradigmatics and pragmatics of feminitives in Russian and English languages]. *Evroziyskiy soyuz uchenykh*. 28-2. pp. 67–69.
23. Gritsenko, E.S. (2005) *Yazyk kak sredstvo konstruirovaniya gendera* [Language as a means of constructing gender]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tambov.
24. Golovina, A.D. (2018) [Translation peculiarities of feminine words from the English and French languages into Russian]. *Aktual'nye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka* [Topical Issues of Philological Science of the 21st Century]. Proceedings of the 7th International Conference. Pt. 2. Yekaterinburg. 9 February 2018. Yekaterinburg: UMTs-UPI. pp. 171–180. (In Russian).
25. Krivosheina, V.A. (2019) Feminitivy v sovremennykh yazykovykh praktikakh [Feminitives in modern language practices]. In: *Aktual'nye problemy novoy i noveyshey istorii zarubezhnykh stran* [Actual Problems of the New and Modern History of Foreign Countries]. Moscow: Moscow State Pedagogical University. pp. 146–153.
26. Borozdina, E. (2016) Feminizm: chem razlichayutsya tri volny? [Feminism: what is the difference between the three waves?]. *Postnauka*. [Online] Available from: <https://postnauka.ru/faq/61274> (Accessed: 22.09.2021).
27. Berkutova, V.V. (2019) Feminitives in the Russian language: linguistic aspect. *Filologicheskii aspekt*. 1 (45). pp. 7–26. [Online] Available from: <https://www.psyart.com/feminitivy-lingvisticheskii-aspekt> (Accessed: 22.09.2021). (In Russian).
28. Vasilenko, E.N. (2018) [Feminitives in the modern Russian-speaking and Belarusian-speaking Internet discourse]. *Vostochnoslavyanskii yazyki i literaturnyy v evropeyskom kontekste* [East Slavic Languages and Literatures in the European Context]. Proceedings of the 5th International Conference. Mogilev. 27–28 October 2017. Mogilev: Mogilev State A. Kuleshov University. pp. 74–78. (In Russian).
29. Chelak, E.A. (2018) Feminitives (gender-specific nouns of feminine gender) in Internet communication. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal – International research journal*. 12-2 (78). pp. 197–200. (In Russian). DOI: 10.23670/IRJ.2018.78.12.079
30. Strel'nikova, N.D. (2019) [On the question of feminitives]. *Russkiy yazyk v polikul'turnom mire* [Russian Language in the Multicultural World]. Proceedings of the 3rd International Symposium. Yalta. 08–12 June 2019. Yalta: Arial. pp. 294–302. (In Russian).
31. Kolesnikov, N.P. (2002) *Tolkovyy slovar' nazvaniy zhenshchin. Bolee 7 000 edinit* [Explanatory Dictionary of Women's Names. More than 7,000 units]. Moscow: Astrel': AST.
32. Burdina, E.A. (2020) Language and society within the category of gender: feminitives in modern orthology. *Filologicheskii aspekt*. 6 (62). pp. 72–78. (In Russian).
33. Zemskaya, E.A. (2011) *Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian Language. Word formation]. Moscow: Flinta.
34. Ladygina, V.I. (2017) Komu bez feminitivov zhit' khorosho? [Who lives well without feminitives?]. *Sovremennyye nauchnye issledovaniya i razrabotki*. 7 (15). pp. 483–485. (In Russian).
35. Kren', O.A. & Stefanovskaya, E.I. (2018) [Feminitives functioning in the multicultural world]. *Yazykovaya lichnost' i effektivnaya kommunikatsiya v sovremennom polikul'turnom mire* [Language Personality and Effective Communication in the Modern Multicultural World]. Proceedings of the 4th International Conference. Minsk. 25–26 October 2018. Minsk: Kolorgrad. pp. 105–109. (In Russian).
36. Ermakov, S.V. et al. (2004) *Vlast' v russkoy yazykovoy i etnicheskoy kartine mira* [Power in the Russian Language and Ethnic Picture of the World]. Moscow: Znak.
37. Paducheva, E.V. (1985) *Vyskazyvanie i ego sootnesennost's deystvitel'nost'yu* [Utterance and Its Correlation with Reality]. Moscow: Nauka.

Received: 22 September 2021

П.А. ВЯЗЕМСКИЙ И В.А. ЖУКОВСКИЙ В 1830–1852 гг.: ИСТОРИЯ ЛИЧНЫХ И ТВОРЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ)

Исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX века: текстология, комментарий, публикация»).

На материале подготовленной к изданию взаимной переписки П.А. Вяземского и В.А. Жуковского реконструируется история личных и творческих контактов двух выдающихся представителей русской литературы. Определяется место переписки в эпистолярном наследии П.А. Вяземского и В.А. Жуковского и характеризуется тип их дружеских отношений. Выделяются основные этапы общения, обусловленные биографическими обстоятельствами корреспондентов, обозревается диалог литературно-эстетических и общественных взглядов на протяжении 1830–1852 гг.

Ключевые слова: В.А. Жуковский; П.А. Вяземский; переписка; личные отношения; биография; творческие отношения

Настоящая статья продолжает экскурс в историю личных и творческих отношений двух выдающихся представителей русской литературы золотого века, предпринятый в нашей предыдущей статье «П.А. Вяземский и В.А. Жуковский в 1807–1829 гг.».

Переписка Вяземского и Жуковского 1830–1841 гг. (до отъезда последнего в Германию) невелика по объему (чуть более 60 писем) и имеет эпизодический характер, поскольку в основном велась в периоды путешествий или разлуки двух корреспондентов. Несмотря на то что оба писателя продолжали активно заниматься литературной деятельностью и сотрудничали в периодических изданиях, эта сфера в письмах оказалась существенно потеснена другими жизненными проблемами. Вяземский впервые оказался погружен в стихию повседневной чиновничьей службы, ирония над ней не оставит его и позднее, в 1840-е гг. Служба началась не сразу, поскольку, проведя в Петербурге весну 1830 г., князь 3 июня получил серьезную травму, выпав из коляски и повредив ногу. «Мне полегче, то есть менее или почти вовсе не страдаю, но все-таки не легче, потому что ходить не могу и сижу невольником в своих креслах» [1. С. 389], – писал он Жуковскому 9 июня. Для лечения потребовалась реабилитация и пребывание на водах в Ревеле (см. письма Жуковского от 10–12 июля 1830 г. [2. Л. 27–27 об.] и Вяземского от 14 июля [3. Л. 122]), а затем устройство домашних дел, совпавшее с наступлением холерной эпидемии в Москве (осень–зима 1830 г.) и в Петербурге (лето 1831 г.). Только в 1832 г. Вяземский окончательно перебрался в столицу, где 21 сентября был назначен вице-директором Департамента внешней торговли, осенью этого же года в Петербург переехала и его семья, ранее остававшаяся в Москве.

Своими домашне-служебными впечатлениями князь поделился в письме от 11–13/23–25 декабря 1832 г.:

Я сделан вице-директором нашего департамента и из вице-мужа стал действительный муж и отец семейства. Все мои здесь на житье. <...> По публике довольно хорошо; жену и Машу приняли в обществе довольно гостеприимно и милостиво, но все это сухо и холодно, как все и вся. <...> Ты спросишь у меня, что я делаю? <...> Сижу по несколько дообеденных часов в своей вице-директорской келье, подписываю

иногда до четырехсот раз имя свое, так что меня тошнит от него. <...> А вот у меня сюжет для послания к Овидию. Я на днях подписал книг с тридцать для Овидиопольской таможни. Это продолжение превращений. Овидий передает имя свое таможне, а я, то есть имя мое, сблизается с его именем по поводу конфискации (и рифма *граций*) и штатных сумм (и рифма *дум*) [1. С. 364, 367].

Адаптация на службе¹ и в светской среде, впрочем, прошла вполне успешно, 5 августа 1831 г. Вяземский получил звание камергера², был принят членами царской фамилии, чьи приветы передавал Жуковскому в письмах 1833 г. Однако и здесь не обошлось без сложностей. В 1833 г. Вяземскому случилось пошутить по поводу петербургского военного генерал-губернатора П.К. Эссена, возведенного в графское достоинство в тот год, когда в Петербурге участились пожары. Вяземский отметил, что «следовало бы по справедливости его пожаловать не графом, а князем Пожарским» (гр. П.А. Толстой – А.А. Муханову, письмо от 12 июля 1833 г. [6. С. 191]). Шутка стала известна императору и привела к тому, что Николай I отказался присваивать Вяземскому следующий ему по службе чин. Вяземский записал: «По приглашению графа Бенкендорфа явился я к нему сегодня 8 числа августа в 11 часов утра, и он объявил мне от имени государя, что государь не утвердил представления обо мне за то, что при пожаловании Эссена графом, сказал я, что напрасно не пожаловали его князем Пожарским» [7. С. 330]. Более того, император высказал сомнение в целесообразности пребывания Вяземского на государственной службе. Вяземский смог добиться своего оставления на службе лишь ценой униженного письма А.Х. Бенкендорфу [8], о котором и Жуковский писал в конце апреля 1834 г.: «Вчера вечером у меня был разговор с Бенкендорфом о тебе. Я сказал ему, что у тебя готово к нему письмо. А он, с своей стороны, изъявил готовность показать это письмо государю. Итак, приготовь письмо и не откладывай в длинный ящик. Одно замечание: нужно ли то, что ты говоришь в конце письма? Ты даешь чувствовать, что подобные прорухи могут с тобою и вперед случаться, но что никогда не будет злого намерения» [2. Л. 5–5 об.].

Однако самыми трагическими событиями в жизни Вяземских стали смерти от туберкулеза двух

дочерей – Прасковьи в 1835 г. и Надежды в 1840 г. Полная хроника путешествия в Германию и Италию для лечения Прасковьи отразилась в письмах Вяземских к сыну Павлу, учившемуся в пансионе, к Карамзиным и Жуковскому, присматривавшим за ним [9. Р. 265–309]. Жуковский принял в горе друга искреннее участие – помогал со сборами в дорогу (июнь-июль 1834 г.), предложил услуги опытных немецких врачей, хлопотал о продлении отпуска Вяземского (декабрь 1834 г. – январь 1835 г.). Когда заболела другая дочь, Жуковский находился в Германии, сопровождая цесаревича и уча русскому языку его невесту. Переписка 1840 г. между Баден-Баденом, где обосновались В.Ф. и Н.П. Вяземские, и Франкфуртом-на-Майне, где жил Жуковский, с одной стороны, и Петербургом, где остался Вяземский, – с другой, наполнена перипетиями неудачного лечения в Киссингене и попытками исправить его последствия в Бадене, на что наложились бедствия в поместьях Вяземских – пожары и голод, невозможность князя выехать к родным. Помощь Жуковского мало что могла исправить. Вяземский же воспринял новый удар с неожиданной для друга стойкостью, о чем свидетельствует дневниковая запись от 9 декабря 1840 г.: «Письмо <...> от княгини Вяземской. Послал за Валуевым (у меня Иоакимф); к Карамзиной и с К<атериной> А<ндреевну> к Вяземскому. Его холодность при получении вестей; феномен души замечательной. Плач Павлуши. У меня самого есть что-то каменное в сердце» [10. С. 230]. Сборы самого Жуковского в Москву для последнего свидания с друзьями и родными перед отправлением в Германию соединились с переживанием за друга, как в письмах от декабря 1840 г. и января 1841 г.:

Что делается теперь в тюрьме твоей души, в которую ты так накрепко заперся с своим тюремщиком, безотрадным горем. Выложи его хоть на письме. Говорили мы друг с другом мало – и что и как говорить? Утешать тебя и нечем, и я бы не стал, если бы и нашел какой-нибудь palliatif³. Но именно твоя душа, которая способна и рваться, и негодовать, в свой час и возвысится на тот возвышенный пункт горы, с которого виден величественный, широкий горизонт и не подозреваемый теперь в том глубоком дольном ущелье, по которому бредешь, больной, усталый, безнадежный и окруженный со всех сторон мраком [2. Л. 62] (16 января 1841 г.).

Домашняя жизнь Жуковского отразилась в переписке достаточно скупо: пребывание в Царском Селе холерным летом 1831 г. («Вы хлопчете о том, не съела ли меня холера? Нет! не съела! Жив, жив курилка! Еще не умер! Да и, кажется, не дойдет до меня очередь!» [11. С. 255], начало августа; «А мы здесь с Пушкиным пописываем и заглядываем по вечерам к Россети» [2. Л. 59], 23 августа); морской путь до Любека (24 июня / 6 июля 1832 г. [12. Л. 1–2]), лечение в Швейцарии и Германии в 1832–1833 гг., наполненное заботами о здоровье, двумя хирургическими операциями, таможенными хлопотами, и короткий вояж в Италию («Здравствуй, милый, я кончил свой бег по Италии и вот уж неделя, как возвратился на берега Женевского озера, усталый, но здоровый и набитый, как тюфяк, впечатлениями всякого рода,

которые теперь слишком во мне теснятся, чтобы выйти порядком на волю» [2. Л. 39], 12–15/24–27 июня 1833 г.); поездка в Эллистфер в июне-июле 1836 г., а затем два визита в Москву в ноябре-декабре 1837 г., после завершения путешествия по России с цесаревичем, и январе-феврале 1841 г., накануне женитьбы.

Переезд Вяземского в Петербург способствовал возникновению того, что получило название «литературная аристократия»⁴. В письмах к Жуковскому конца 1828–1829 гг. князь вполне отчетливо определил своих литературных противников, из лагеря которых, в том числе, исходил донос о его «развратном поведении» [14]. В докладных записках Ф.В. Булгарина также фигурировала «партийная» тема: круг литераторов, близких ко двору, как он представлял, собирався влиять на общественное мнение [15. С. 104–114, 192–196, 205–206 и др.]. Подобное мышление категориями партии, «своего круга» во многом определило формат литературного процесса 1830-х гг. и совместное участие в нем Вяземского и Жуковского. В статье, опубликованной в «Литературной газете», князь так определил позицию «литературной аристократии», в которую включал своих друзей: «Союз людей, возвышенных по своим дарованиям и нравственности» [16. С. 111]. Эта полемическая терминология отозвалась и в письме Жуковского от начала сентября 1830 г.: «Да перестань связываться с Полевым. <...> Я еще не заглянул в нужник его второго тома, но читал невзначай его объявление в “Телеграфе” и выходку против аристократов литературы. Досадно, что газета ваша не удержалась и вступила в бой с этими замаранными пролетериями так называемой русской литературы. Пользы нет, а вы позапачкались» [2. Л. 32–32 об.].

Равная заинтересованность друзей в развитии «высокой» литературы, в пропаганде европейского просвещения не отменяла разницу темперамента: Вяземский выступил активным участником «Литературной газеты» и затем «Современника» [4. С. 186–201, 231–258], автором публицистических и полемических материалов; Жуковский, сосредоточенный на воспитании великого князя Александра Николаевича, в журнальной деятельности участия почти не принимал, но был «домашним» организатором жизни пушкинского круга – через свои «субботы», на которых собирались петербургские литераторы, через свои разветвленные дружеские контакты.

В переписке эта сторона взаимоотношений отразилась не очень широко, уйдя в повседневное общение. Самой важной ее частью стало заступничество за друзей, способствовавшее сплочению «своего» круга. Так, в 1830 г. Вяземский и Жуковский старались защитить С.Н. Глинку (см. их письма от 3 сентября [17. Л. 44–45 об.] и начала сентября [2. Л. 32–32 об.]), который по представлению куратора Московского университета князя С.М. Голицына был отставлен от должности цензора за допуск к печати в «Московском телеграфе» фельетона «Утро в кабинете знатного барина», в коем увидели указание на князя Н.Б. Юсупова. Попытки отменить эту отставку, обратившись к министру просвещения К.А. Ливену, к успеху не при-

вели, что поставило С.Н. Глинку в очень тяжелое положение, в результате он решил переехать в Петербург, где Жуковский старался оказывать ему помощь. В 1832 г. оба друга выступили активными ходатаями перед А.Х. Бенкендорфом и императором за И.В. Киреевского, чей журнал «Европеец» оказался закрыт [18. С. 120–135; 19]. В начале 1841 г. Вяземский будет узнавать, не означало ли это для И.В. Киреевского запрета заниматься журнальной деятельностью вообще: «Сделай одолжение, узнай, получил ли Киреевский письмо мое (через Шевырева посланное), в котором извещаю его, по собранным здесь справкам, что ему не возбраняется писать и печататься» [17. Л. 88–89] (24 января). Весной 1834 г. Жуковский и Вяземский хлопотали перед министром просвещения С.С. Уваровым о месте профессора для М.А. Максимова в создаваемом Киевском университете. Вместе с ним ехать в Киев собирался Н.В. Гоголь, обсуждавший эти планы в письмах к нему от декабря 1833 – марта 1834 г. [20. С. 288–289, 291–292, 296–298, 301–302]. Хлопоты увенчались успехом, и 4 мая 1834 г. состоялось назначение М.А. Максимова. Позднее, в октябре 1839 г. Жуковский просил Вяземского поддерживать его альманах «Киевлянин» [21. С. 39]. В июне 1834 г. друзья пытались помочь смертельно больному Н.М. Рожалину, вернувшемуся в Петербург из-за границы (письма Вяземского от 14 и 15 июня [1. С. 374–375; 21. С. 109]). В 1835 г. поддержка потребовалась А.И. Тургеневу, который работал по поручению правительства во французских архивах и просил друзей получить одобрение его трудов от князя А.Н. Голицына, благодаря чьей помощи был командирован в Рим и Париж. В октябре-ноябре 1837 г. предметом совместных забот выступило литературное наследие И.И. Дмитриева, чья смерть вызвала скорбную рефлексию Жуковского в письме от 30 октября:

Карамзин и Дмитриев, около них сосредотачиваются все те дни, в которые и мы сами как-то были лучше и все около нас было лучше. Пустоты, которая после них в нашем быту осталась, ничем не наполнишь. Первый визит мой в Москве был на погребенье – уже не предсказать ли это какое? Уж и меня не придется ли вам хоронить в нынешнем году? Оно было бы и кстати: представитель лучшего старого времени и литературе и представитель лучшего нового времени (А.С. Пушкин. – В.К.) сошли со сцены; я стою в промежутке, как будто ни на что не опираясь – поневоле надобно повалиться [22. С. 43].

В 1840 г. за помощью в нахождении места чиновника в Москве обратился поэт-сибиряк Е.Л. Милькев, с которым Жуковский познакомился в Тобольске в ходе путешествия по России с цесаревичем в 1837 г. и которому покровительствовал после его переселения в Москву в 1838 г. (письмо Вяземского от 17/29 августа 1840 г. [17. Л. 84–87 об.]).

Наконец, отдельной темой стали дела «Современника», где в 1836 г. Вяземский был посредником в доставлении материалов от А.И. Тургенева. Так, 29 июня князь сообщал Жуковскому: «Тургенев написал нам ругательное письмо, и тебе также, за напечатание “Хроники” его, и требует, чтобы впредь ничего его не печатали, что и остановило выход “Современника”, в котором уже была отпечатана большая статья

из него» [1. С. 380–381]⁵. После смерти А.С. Пушкина заботы по продолжению журнала легли на плечи друзей, которые в письмах 1837 г. активно обсуждали состав номеров и дальнейшую судьбу издания (письма Жуковского от конца марта [24. Л. 15–16] и 10 ноября [2. Л. 48–48 об.] и Вяземского от 3 и 23 ноября [1. С. 381, 381–383]). 3 ноября Вяземский даже предлагал: «...я охотно бы взялся за этот журнал с кем-нибудь пополам. Вероятно, ты мог бы выпросить эту милость у государя. Тогда нужно было бы придать к заглавию “Современника” другое, *ретроспективное*, придумав что-нибудь, и я всю мою *старину* стал бы тут печатать. Подумай об этом и уведоми о том, что придумаешь. Главное дело: положить прочное, *родовое* основание пушкинскому журналу. За это я стою, как за мою мысль полезную, а прочее воля ваша» [1. С. 383].

Собственные литературные замыслы в переписке 1830–1841 гг. занимали скромное место. В 1829–1830 гг. Вяземский готовил к изданию перевод романа Б. Констан «Адольф», о котором сообщал другу 5 ноября 1829 г.: «Я перевел роман “Адольф”: хочется мне его печатать, будет от меня предисловие и посвятельное письмо к Пушкину. <...> Если мне удалось хорошо его перевести, то, право, дело немаловажное. Много труда. Поговори с Пушкиным: он вдавался в доверенность книгопродавцов, и сводничество его должно быть успешно» [25. Л. 62]. 7 декабря 1829 г. Жуковский отвечал: «Я не знаю “Адольда” в оригинале, но рад буду познакомиться с ним в твоём переводе» [26. Л. 1]. Издание, однако, затормозилось, и холерной осенью 1830 г. Вяземский вспоминал, сообщая и о другом своем большом замысле – книге о Д.И. Фонвизине: «Победи свою лень и мою скуку: то есть прочти моего “Адольда” и напиши мне несколько слов о себе. Я весь в Фонвизине и по поводу его комедии написал большую статью о нашем театре, которого нет» [1. С. 360] (26 октября). В конце концов «Адольф» вышел в свет в Петербурге в 1831 г. с посвящением А.С. Пушкину. Издателем выступил П.А. Плетнев, а корректуру держал Жуковский. Работа над монографией «Фонвизин» заняла еще больше времени. В предисловии к первому изданию книги 1848 г. Вяземский сообщал: «По первоначальной смете, сочинение мое о Фонвизине должно было ограничиться пределами статьи, то есть краткого введения к творениям его. От обстоятельств статья разрослась в книгу. Холера, свирепствовавшая в 1830 году, застигла и заперла меня с семейством в подмосковной моей. После первых опасений и беспокойств в виду роковой посетительницы, для развлечения и успокоения своего я почувствовал потребность в постоянном занятии. Фонвизин явился мне тогда на помощь и в отраду» [27. С. VI]. Книга в целом была закончена к 1835 г., прошла цензуру и готовилась к печати, но в свет так и не вышла. О ее судьбе Вяземский периодически сообщал другу вплоть до 1848 г. [4. С. 180–185, 202–215].

Жуковский о своих литературных занятиях писал еще более лапидарно. Так, в начале июля 1831 г. Вяземский, наслышанный от А.С. Пушкина о совместном царскосельском уединении и об обилии творческих замыслов, просил: «Что твои стихотвор-

ческие припадки? Ты, сказывают, написал прелести. Пушкин писал мне, что только твоими стихами и можно утешаться в нынешнее грустное время. Пришли что-нибудь: дай и нам хоть чему-нибудь порадоваться из того, что у вас делается и пишется в Питере» [1. С. 361]. На это Жуковский в начале августа 1831 г. отозвался, подразумевая двухчастное издание «Баллад и повестей»: «Петр Андреевич, ты просишь от меня стихов! Нет, голубчик, переписывать скучно! Вся эта сволочь продана уже гуртом Смирдину и теперь печатается: думаю, что печатание через полтора месяца кончится; тогда получишь все в благопристойном виде» [11. С. 256]. Во время третьего заграничного путешествия, пребывая в Швейцарии, Жуковский просил друга 27 января / 8 февраля 1833 г.: «Я на досуге написал несколько стихов, то есть перевел; для *своего* нет еще довольно жизни в душе; но кое-что вертится в голове. <...> Я оставил у Плетнева все мои стихотворные рукописи. Там начал перевод “Монастыря” из Вальтера Скотта; я желал бы его здесь докончить и для того желал бы иметь начало. Попроси Плетнева списать это начало как можно мельче и прислать ко мне в письме. Там же есть начало перевода “Ундины” гекзаметрами, нельзя ли и его доставить» [2. Л. 37 об.]. Работа над переводом «Ундины» продлилась до 1836 г. («Я здоров; живу в прекрасном сельском месте; хочу приниматься за “Ундину” [28. Л. 85 об.], 22 июня 1836 г.), а его экземпляр Жуковский преподнес Вяземскому в начале марта 1837 г. с сопроводительной запиской: «Вот тебе “Ундина”, и с надписью. Да поможет сие твоим новым амурам» [2. Л. 60].

Отдельный любопытный эпизод поэтической жизни отразился в совместном письме Вяземского и А.С. Пушкина к Жуковскому от 26 марта / 7 апреля 1833 г. [29. Л. 17–20]. В него впервые с 1810-х гг. оказалось включено коллективное стихотворение «Надо помянуть, непременно помянуть надо...», которое совместно создавали весной И.П. Мятлев, А.С. Пушкин, П.А. и П.П. Вяземские. А.О. Смирнова вспоминала:

Гоголь давал своим героям имена все вздорные и бессмысленные... Он всегда читал в «Инвалиде» статью о приезжающих и отъезжающих. Это он научил Пушкина и Мятлева вычитывать в «Инвалиде», когда они писали памятки. У них уже была, напр<имер>, довольно длинная рацея:

Михаила Михайловича Сперанского
И почт-директора Ермоланского,
Апраксина Степана,
Большого болвана,
И князя Вяземского Петра,
Почти пьяного с утра.

Они давно искали рифм для Юсупова. Мятлев вбежал рано утром с восторгом: «Нашел, нашел»:

Князя Бориса Юсупова
И полковника Арапупова [30. С. 310–311].

Полностью это стихотворение до нас не дошло, но сохранившийся в письме к Жуковскому текст позволил И.Ю. Винницкому сделать интересные выводы о его связи с «партийно-групповой» семантикой и по-

лемиками 1820–1830-х гг. [31]. В ходе комментирования письма выяснилось, что почти все упоминаемые фамилии принадлежали реальным людям, что в совокупности создавало насыщенное поле отсылок к актуальным политическим, культурным, литературным и светско-бытовым феноменам и превращало произведение в шуточную хронику современности.

Хроникальный характер имели и многие письма Вяземского, сообщавшего периодически находившемуся в отъезде другу новости текущей литературной и светской жизни – женитьбы, помолвки, назначения, выход новых книг, эпизоды журнальных полемики (письма от 11–13/23–25 декабря 1832 г., от 29–30 января / 10–11 февраля и 14–15/26–27 апреля 1833 г., от 3 ноября 1837 г. [1. С. 364–370, 372–374, 381–383], от 8/20 апреля [25. Л. 65–66] и 17/29 августа 1840 г. [17. Л. 84–87 об.]). После переселения Жуковского в Германию это определило основной модус переписки. Она включила чуть менее 70 сохранившихся писем 1842–1852 гг., половину которых в свое время опубликовал М.И. Гиллельсон, по цензурным условиям вынужденный выпустить многие письма политического и религиозного содержания [32].

Оба корреспондента оказались на периферии деятельной общественной и литературной жизни, Жуковский из-за географической удаленности от России, а Вяземский из-за постепенного распада дружеского круга, составлявшего основу союза «литературной аристократии». Мотивы уединения или отстраненности постоянно сопровождали их эпистолярное общение. 9/21 февраля 1844 г. Жуковский писал другу: «Как мне ни хочется всех вас увидеть, но я желал бы остаться еще несколько времени так, как я теперь, ограниченный беззаботно огородом маленького моего дома, из-за которого выхожу только по необходимости и где мне так хорошо с женою, дочерью и с старым бородачом Гомером» [32. С. 44]. Домашнее уединение, семья и литературные занятия – все это и Вяземскому, обремененному служебными хлопотами, казалось идеалом, как в письме от 25 ноября / 7 декабря 1842 г.: «Постигаю твое счастье и благодарю Провидение, которое тебе его даровало. Тебе непременно должно было так дописать последние главы своей жизни. Дюссельдорф сливается прекрасными оттенками с Белевым. Промежуток есть блестящее и, отчасти, назидательное странствие Одиссея, из коего вышел ты героически чист и невредим – это прекрасно!» [32. С. 39]. В подобной ситуации, только с обратным знаком, оказался и Вяземский: «У кого семейство прибывает, а у нас все убывает, если не смертью, то самую жизнь, которая нас не соединяет, а разлучает. Мы теперь с женою совершенно одни доживаем свой век Филемоном и Бавкидою. Ты, вероятно, знаешь, что Валуевы в Варшаве на службе по назначению государя, а Павлуша по своему желанию и нашему в Константинополе при Титове. Слава богу, и они и он довольны своею участью, следовательно, и мы должны быть довольны своею скуке и своему одиночеству» [32. С. 42] (1/13 января 1844 г.).

Дистанция и уединенность способствовали размышлениям, у Жуковского поначалу сосредоточенным в эстетико-философской и нравственно-

религиозной сфере, а с 1848 г. – и в сфере политики и историософии; рефлексия Вяземского не имела столь программного характера, но отличалась быстрой и широкой реакцией на современные события государственной, общественной и литературной жизни. Домашние обстоятельства, малые происшествия в семейном кругу своей камерностью специфически обрамляли и завершали этот насыщенный диалог, питая его экзистенциальными мотивами, как в письме Жуковского от 2/14 июля 1847 г.:

Мы с тобой огрызки нашего особенного мира и валяемся далеко друг от друга на лице земли. Меня принял уютный уголок, в котором все для меня новое, но его все *мое* собственное, родное; им я отгорожен от пустыющего мира, в котором жил до сих пор, и эта пустота не столько мне ощутительна, зато за мой теперешний живой забор не залетает воспоминание о прошедшем; оно здесь чужой гость. Тебе тяжело меня сносить такое запустение: много, много у тебя взяла жизнь, самые тяжкие опыты посетили твою душу, тем более тяжкие, что ты не охотник делиться своею ношею и тащишь ее молча на одних собственных плечах своих [33. Стб. 1070–1071].

Для Жуковского главными событиями стало рождение и воспитание дочери Александры и сына Павла, заботы о здоровье жены, подготовка и откладывание возвращения в Россию, переезд из Дюссельдорфа во Франкфурт-на-Майне, а затем побег от революции в Баден. Семейный круг Вяземского был шире, в него входили Валуевы, Карамзины, Мещерские, позднее семья сына Павла. Нередко письма князя строились как живые картины этой семейной панорамы, например, письмо от 25 ноября / 7 декабря – 1/13 декабря 1842 г. [32. С. 39–41] или зарисовка в письме от 1/13 января 1844 г.: «В день Нового года у Андрея Карамзина был *arbre de Noël*⁶ для детей Мещерских, на которое Александр Карамзин явился с семейством своим, то есть он провинциалом с *огромным* брюхом, *огромным* галстуком и *огромным* вычесанным тупе-ем. Александр Мещерский в женском платье женою его и Рябинина их дочерью с раскрытыми плечами и грудью. Ты можешь представить себе все, что сцена эта имела смешного под предводительством Александра. И все в один голос говорили: «Жаль, что нет здесь Жуковского» [32. С. 42–43]. Свое место в описании домашней жизни занимали помолвки и женитьбы, рождение детей и внуков, подвиги и ранения (Ан.Н. Карамзин в 1844–1845 гг.), болезни и выздоровления, назначения на новые должности и отставки.

Конец 1840-х гг. принес Вяземским и горестное, и радостное событие. В 1848 г. П.П. Вяземский встретил свою любовь и создал семью, о чем отец с гордостью уведомлял Жуковского в письме от 18/30 октября – 22 октября / 3 ноября 1848 г.:

<...> наш Павлуша со вчерашнего дня, вероятно, уже супруг. Он женился, или женится на вдове Бек, урожденной Столыпной, которая заехала в Константинополь к сестре своей Голицыной и там нашла судьбу свою и судьбу нашего Павла. Она, говорят, красавица лицом и душою благонравная, благочестивая, воспитанная в семействе деда своего графа Мордвинова, недолго бывшая замужем за Бек, который умер, и в течение нескольких лет вдовства своего не возбудившая ни малейшего упрека, ни ма-

лейшего слуха о себе. Вот письмо Павлуши, уведомляющее нас о намерении его. Ты легко вообразишь, как оно должно было тронуть нас. Я принял эту весть с умилением и благодарностью как глагол, как знамение святого промысла и с полным упованием, что он благословит этот брак [32. С. 62].

Искренняя радость за сына вскоре, однако, оказалась омрачена внезапной смертью последней дочери Вяземских Марии Валуевой, об обстоятельствах которой князь рассказал другу в мрачном и насыщенном мистикой письме от 17–18/29–30 марта 1849 г.:

Что сказать мне от себя о себе, мой милый друг? Одно: что мы с женою живы и здоровы. Прочее поймешь без моих слов. Новая скорбь, которая поразила нас, грянула на нас, как гром <...> Я, между тем, себе дома преспокойно спал, т<о> е<сть> не совсем спокойно, потому что весь день неясная какая-то неотразимая тоска тяжелым камнем лежала у меня на сердце, но все-таки не приходило мне ни в голову, ни в сердце, что жестокий удар так близок и так неотразим – ночью во сне или между сном и бдением, точно не знаю, промелькнула мимо глаз моих женщина с черным платьем, обшитым плерезами, но и это видение (обыкновенно у меня перед сном мелькает разнообразная фантазмагория, и я к этому привык) не оставило во мне особенного впечатления. Несчастливая жена моя, возвратившись домой, должна была часа два ожидать пробуждения моего, готовясь встретить меня этою ужасною вестью. Вообрази себе ее положение. И человек все это выносит, не сходит с ума, сердце его не разрывается вдребезги. Добрая София говорит, что я принял и несу этот удар с христианскою покорностью. Не могу похвалиться этим. Бог не дал мне до того очиститься и возвыситься. Благодарение Ему, не чувствую ни отчаяния, ни ожесточения. Плачу, молюсь, но нет ничего животворного и плодоносного в слезах моих и молитвах. Во мне какое-то смирение забитого. Видны мои на будущее, свидание с Павлушею здесь в России или в Константинополе как-то не ясны и неосуществительны для чувства моего. Ни в жизнь, ни во что живое верить не могу. Верую в одну смерть и одно мертвое и одних мертвых признаю своими. Это по моей части. А жизни и живых я недостоин или неспособен к ним. В жизни я чужой и не чувствую никакой силы, никакой воли располагать ею. На одном кладбище я дома и сознаю, что оно моя собственность, мое призвание, назначение мое. Ясное, существенное в жизни моей есть смерть детей моих. Все прочее в ней не имеет никакого смысла [25. Л. 124 об., 125 об.–126 об.].

Этот мрачный колорит определил последние годы общения с Жуковским, который, терзаясь от болезни жены, погружаясь в слепоту и тревожась о невозможности вернуться в Россию, сохранял твердость духа и стремился поддержать последнего своего задушевно-го друга: «...я весьма надеюсь на твое выздоровление; болезнь твоя сидит в расстроенных нервах, которые чернят и окружающий тебя свет и твои мысли. Воюй крепко с этим врагом и не давай ему над тобою воли: сила воли есть самое верное лекарство против демонического действия нерв, и в то же время употребление воли есть гимнастика для души, ее целящая и укрепляющая» [34. Л. 49] (1/13 декабря 1851 г.). После смерти дочери Вяземские отправились в Константинополь на встречу с сыном Павлом, а затем посети-

ли Палестину, вернувшись в Россию осенью 1850 г. На это время переписка с Жуковским прервалась, а возобновившись, оказалась наполнена скепсисом и тяжелыми сожалениями: «Как я завидую светлости и бодрости духа твоего и твоим постоянным занятиям. Я никогда не был действительно деятелен, а теперь я совершенно вяну, если не совершенно увял. Нервы мои в жалком положении» [25. Л. 135–135 об.] (17/29 мая 1851 г.). Это нервное расстройство заставило отправиться во Францию на лечение, что совпало с переворотом Наполеона III и не принесло существенно облегчения: «Худо кончаю 1851 год – и, вероятно, худо начну и 1852. Но как кончу его и кончу ли? Или он меня до конца своего докончит? Вот вопросы, на которые нет теперь ответа. <...> Все во мне наглухо наколочено. По старой привычке, однако же, обнимаю тебя и желал бы согреться у груди твоей, в которой еще светится и теплится святой огонь. Помолись за меня» [32. С. 69] (30 декабря 1851 г. / 11 января 1852 г. – 1/13 января 1852 г.). Столь же горячим было и желание Жуковского, выраженное в последнем письме 45-летней переписки: «Поживем вместе и, бог даст, друг другу поможем. <...> Обнимаю тебя мыслями в надежде скоро прижать к сердцу руками» [34. Л. 55 об.] (25 марта / 6 апреля 1852 г.). К сожалению, встретиться друзьям уже не довелось.

Главным предметом литературных занятий Жуковского в 1840-е гг. стал перевод «Одиссеи», о котором он уведомлял друга едва ли не в каждом письме, что поначалу вызывало у Вяземского желание обратиться к более актуальным, по его мнению, темам – сохранению памяти своего литературного поколения («Признаюсь, по мне лучше было бы, если ты занялся чем-нибудь другим, например романом в прозе, записками, воспоминаниями своими о Карамзине, Дмитриеве. Тут могла бы войти вся общественная, литературная жизнь последнего пятидесятилетия» [32. С. 47], 21 марта / 2 апреля 1844 г.), но затем перешло в полное приятие. «Одиссея» мыслилась поэтом не только величественным посмертным памятником, но и прививкой современной словесности классического ясного мировосприятия и простого глубокого языка: «...полагаю, что мой перевод “Одиссеи”, мое лучшее, обработаннейшее произведение, будет моим народным памятником и в то же время внесет в нашу поэтическую литературу новый элемент, которого еще нет в ней, элемент классический, элемент простоты древней» [35. С. 125] (21 февраля / 5 марта 1845 г.).⁷ Из размышлений над различием античного и современного (христианского) отношения к миру выросла программная статья «О меланхолии в жизни и в поэзии», первоначально представлявшее огромное письмо к Вяземскому от 3–8/15–20 марта 1845 г. [2. Л. 94–102 об.]. Первоначальный же толчок дало высказывание князя в письме от 13–17/25–29 февраля 1845 г. с оценкой статьи Жуковского о поэзии Гомера, напечатанной в «Москвитянке» [37]:

Религия древности есть наслаждение: ему строили алтарь, и вся жизнь древних была служением ему. Религия наша – страдание, оно первое и последнее слово христианства на земле. Следовательно, с Евангелием должно было войти уныние в поэзию,

стихия, совершенно чуждая древнему миру, по крайней мере, в этом отношении. Не будь бессмертной души, не будет и сомнения, и тоски. Смерть тогда – сон без пробуждения, и прекрасно! О чем тут тосковать? Все уныние, вся тоска в том, что, засыпая, не знаешь, где и как проснешься, тоска в том, что на жизнь смотришь как на лоскуток чего-то, как на программу, как на лотерейный билет, не зная, что вынется [25. Л. 90 об.].

За словами Вяземского стоял его трагический семейный опыт, смерть детей и ощущение непрочности земной жизни. Жуковский противопоставил этому чувству, которое назвал меланхолией, христианский стоицизм, предполагающий постоянную внутреннюю работу души по преодолению трагизма бытия:

Что такое меланхолия? Грустное состояние души, происходящее от *невозвратной* утраты, или уже совершившейся, или необходимо долженствующей совершиться. Причины меланхолии суть причины *внешние*, истекающие из всего того, что нас окружает и что на нас извне действует. *Скорбь* или *печаль* есть состояние души, томимой внутреннею болезнью, из самой души истекающею; и хотя причины скорби могут быть внешние, но они, поразив душу, предают ее ей самой, и скорбь в ней тогда так же присутственна, как и сама жизнь. *Меланхолия* питается извне; без внешнего влияния она исчезает. *Скорбь* питается изнутри, и если душа, ею томимая, не одолеет ее, то она обращается в уныние, ведущее, наконец, к отчаянью; если же, напротив, душа с нею сладит, то враг обращается в друга-союзника, и из расслабляющей душу силы (то есть силы этой скорби, ее гнетущей) вдруг рождается в ней великое могущество, удваивающее жизнь [2. Л. 94–94 об.].

Впоследствии эти идеи нашли продолжение в статье Жуковского «О внутренней христианской жизни», вызвавшей восхищение друга («Плетнев давал мне читать твою статью о внутренней христианской жизни. Завидую, то есть любуюсь настроением души твоей. Ты не только веруешь, но можешь объяснить себе веру свою и сделать ее предметом своих исследований» [25. Л. 135 об.], 17/29 мая 1851 г.), и в его письмах-утешениях от конца марта и 3/15 апреля 1849 г. [38. С. 234–246], написанных после смерти Марии Валуевой:

Во всем этом есть какой-то отеческий намек скрыться во глубину души от всего житейского и там час от часу более обрабатывать главное, мысль о Боге, – час от часу с нею сродняться, час от часу жить с нею уединеннее, независимее от того, что шумит и гудит кругом этого душевного приюта. Таково таинство земных страданий! Оно открывает нам вход в святую святых души нашей; их голос есть херувимская песнь жизни; в нем раздастся нам великое слово: всякое ныне житейское отложим попечение. И этот голос слышнее, когда кладем в землю наших милых [38. С. 240].

Вяземский даже в самые трагические моменты был глубоко погружен в перипетию общественной жизни. Его письма к Жуковскому отозвались на многие государственные начинания 1840-х гг., чаще всего осмысляемые скептически по причине их непродуманности, бессистемности, властного произвола и незнания действительного положения вещей. В письме от 25 ноября / 7 декабря – 1/13 декабря 1842 г. [32. С. 39–41] такими предметами стали слухи о больших

налогах для граждан империи, живущих за границей, смена престарелого петербургского военного генерал-губернатора П.К. Эссена на А.А. Кавелина, который вскоре впал в сумасшествие и был отстранен от службы (см. письма от 12/24 апреля [39] и 17/29 мая 1846 г. [32. С. 54]), начальственный деспотизм главноуправляющего путями сообщения П.А. Клейнмихеля. В письме от 21 марта / 2 апреля 1844 г. негодование Вяземского вызвал указ от 15 марта 1844 г. «О дополнительных правилах на выдачу заграничных паспортов»: «Каждый видит, что меры пагубны, каждый говорит о том наедине, но ни один из них не имеет духа отойти от зла, идти в отставку и протестовать добросовестно и в истинном смысле верноподданнически – против направления, которое всех пугает. Никогда еще общее уныние не было так разительно и глубоко как ныне» [32. С. 48]. 30 августа / 11 сентября 1844 г. его беспокойство вызывали кавказские дела: «О Кавказе тоже положительного и достоверного не знаем. Правительство ничего не обнаруживает, а частные письма из отдельных отрядов не могут дать полное понятие. Вообще, кажется, ничего особенно дурного не было, но не было ничего и хорошего» [32. С. 49]. Позднее, 30 января / 11 февраля 1845 г. Вяземский сообщал свои сомнения по поводу назначения главнокомандующим на Кавказ М.С. Воронцова [32. С. 50–51]. Отсылка Жуковскому книги «Записок» С.А. Порошина 4/16 ноября 1844 г. вызвала пессимистическую констатацию князя: «Истории, преданий своих не знают, языка не знают, нравов, обычаев также, русского духа и различать не могут. Для иного отечество его – департамент, министерство, для другого – и этот еще благодразнее – его саратовская деревня, для некоторых – военная слава России. Но тут еще нигде нет отечества. <...> О смерти чиновника говорить будут с жаром и умилением, хотя со смертью его только и разницы, что мундир его впялят на другие плеча» [32. С. 50]. 5/17 мая 1845 г. Вяземский скептически оценивал назначение на пост министра финансов пожилого И.М. Ореуса: «Он человек умный, деловой и честный; но он стар и хвор, но в нем нет стихий государственного человека: все это производители текущих дел, а России потребны люди самостоятельные, люди с видами на будущее. Нигде этого нет» [17. Л. 105–105 об.]. Письмо от 21 апреля / 3 мая – 4/16 мая 1847 г. рисовало панораму распространившегося казнокрадства: «Все эти вдруг огласившиеся беспорядки очень огорчили государя; он сказал, что краснеет не только как русский император, но и как русский дворянин. <...> А, между тем, жадность к корысти, к прибыли сделалась повальною лихорадкою, всеувлекающим потоком. Общество духовно умерло, чувство личной независимости, личной гордости смято, убито: мертвые срама не имут» [32. С. 56]. 30 ноября / 12 декабря 1847 г. негодование Вяземского вызвал указ от 24 ноября 1847 г. «О представлении крестьянам именов, продающихся с публичных торгов за долги, право выкупать себя с землею»: «Сей закон может – и нет сомнений, что в некоторых местностях оно так и отзовется – потрясти сношения между помещиком и крестьянами и потрясти не с тем, чтобы из потрясения родился законный

порядок и законный переворот, а родится только беспорядок, который должно будет укрощать строгими мерами и наказаниями» [32. С. 59]. В письме от 12/24 мая 1848 г. князь скептически оценивал перспективы деятельности учрежденного секретного комитета по делам печати в лице Д.П. Бутурлина, М.А. Корфа и П.И. Дега [32. С. 59–60].

Между тем картина глубокого упадка государственной жизни, выраставшая из совокупности писем Вяземского, не подрывала его веру в саму страну, представлявшуюся самостоятельным организмом, существующим независимо от внешних и внутренних воздействий: «Россия – баба здоровая. То ли выдержать может? О ней нельзя сказать, что дух бодр, а плоть немощна. Нет, в ней и дух бодр, да и плоть хоть куда, закалена, залита медью. Ничем не проймешь ее, ни Наполеоном, ни Кавелиным. Стоит себе, да крепится и не унывает. Отрицательная ее сила, способности и ум неимоверны. Есть и действительные, но о них речь впереди» [39. С. 208] (12/24 апреля 1846 г.).

Революционные события 1848 г. подтолкнули и Вяземского, и Жуковского к приданию этой организационной метафоре нового идеологического смысла. Его определила, во-первых, семантика постоянства и устойчивости, результат удаленности не только от европейских смут, но и от европейских цивилизационных влияний, по Жуковскому, в основном религиозных, по Вяземскому, общественных, а во-вторых, разделение государства и нации, России-империи и Святой Руси, причем назначение самодержавия заключалось прежде всего в охране и консервации самобытного национального тела. В поэтической форме диалог Вяземского и Жуковского воплотился в перекличке стихотворений «Святая Русь» и «К русскому великану», к нему подключился и Ф.И. Тютчев, по своему отредактировавший текст Жуковского при публикации в «Санкт-Петербургских ведомостях», и дополнивший их собственным стихотворением «Море и утес»: «На другой день после чтения Тютчев принес нам несколько стихов, которыми дополнил он твои» [32. С. 61] (18/30 октября – 22 октября / 3 ноября 1848 г.). Публицистическую версию предложил Жуковский в письме от 23 июля / 5 августа 1848 г. [34. Л. 11–12 об.; 40. Л. 1–2, 6–8], преобразованном в статью «Письмо к князю П.А. Вяземскому о стихотворении “Святая Русь”» и опубликованном при посредничестве Вяземского и с цензурными сокращениями в «Русском инвалиде» (см. то же письмо князя [32. С. 61–63])⁸. Параллелью его идей выступили мысли Вяземского о вреде преобразований и сохранении консервативного курса, высказанные в письме от 12/24 мая 1848 г.:

У нас пока тихо и хорошо. <...> Русский Бог не Бог минуты. Ему надобно время, чтобы собраться с силами и надуматься. Он неповоротлив, а зато изворотлив, и когда окрепнет и примется за дело, то его с ног не собьешь. Не один 12-й год подтверждает это. Вся наша история и древняя и новейшая служит тому доказательством. Конечно, и у нас есть стихии беспорядка, но они очень незначительны в сравнении с плотною стихиею порядка, которая держится у нас и все поддерживает. Поэтому всякие попытки, всякие нововведения у нас, а особенно в настоящее

время, могут быть только вредны. Нам дана сила созревания. <...> Оставить бы русскую землю лет на десять под пар, было бы гораздо лучше. Злоупотребления, какие у нас есть, еще терпят [32. С. 60]⁹.

Подобная переоценка существенно изменила отношение Вяземского к европейским влияниям, образом которых он приводил другу, в частности, Великобританию в письме от 25 ноября / 7 декабря – 1/13 декабря 1842 г. [32. С. 39–41], и ослабила космополитический скепсис по отношению к примитивно понимаемому «патриотизму», выразившийся в неоднократном одобрении жизни Жуковского за границей, но не сблизила со славянофилами, чья позиция представлялась мечтательной и схожей с преобразовательным волонтаризмом правительства:

Это враждебство новой школы к так называемому влиянию Запада похоже на нынешнее враждебство к нам пруссаков, которые простить нам не могут, что мы им помогли, выручили их, поставили на ноги. Неужели в них эта реакция – знамение внутренней силы, достоинства и благородной независимости? Нимало, а напротив, это малодушие, закоснение. Конечно, мы Западу многим обязаны. <...> Выдумывать какое-то новопросвещение на славянских началах, из славянских стихий смешно и нелепо. Да и где эти начала, эти стихии? Отказаться от того просвещения, которое имеем, в чаянии другого просвещения, которое будет более к нам приурочено, то же, что ломать дом, в котором мы кое-как уже обжились и обзавелись, потому что по каким-то преданиям, гаданиям, ворожейкам, где-то, в какой-то потаенной, заветной каменоломне должен непременно скрываться камень-самородок, из которого можно построить дивные палаты, перед которыми все нынешние дворцы будут казаться просто нужниками. Вот наши господа и ходят все кругом этого места, где, по их гаданиям и чутью, должен лежать этот клад: припевают, заговаривают, произносят разные заклятья и проклятья Западу, а все ничего осуществить не могут. Один пар бьет столбом из-под обеганной их земли. Вот отчего и говорю, что эти отчаянные руссословы – более всего немцы и что коренная Русь, верно, их не понимает и не признает. Вот, например, Уваров, тот другое дело: он запряг себя в тройку самодержавие, православие и народность и дует по всем по трем. А они чего хотят? Право, не знаю, да и они знают не более моего [32. С. 57–58] (20 июля / 1 августа – 12/24 августа 1847 г.).

Сблизала двух друзей и позиция в литературном процессе: наследники культуры дружеских сообществ, они не приняли обозначившуюся в 1840-е гг. группировку по идейной близости, по общности направления. Круг их литературного общения определялся личными связями, часто сложившимися еще в 1820–1830-е гг. Для Жуковского он был более ограничен: А.И. Тургенев и Н.В. Гоголь, подолгу гостившие в его доме, А.С. Хомяков, Ф.И. Тютчев и А.И. Кошелев, навещавшие его во Франкфурте и Бадене, П.А. Плетнев, наследник пушкинского журнала, И.В. Киреевский, возвратившийся к активной журнально-литературной деятельности, В.А. Соллогуб, породнившийся с Виельгорскими, переписка связывала его с С.С. Уваровым, А.С. Стурдзой, С.П. Шевыревым, Е.П. Ростопчиной. За жизненными перипетиями друзей-писателей Жуковский старался следить, обращаясь с соответствующими просьбами к

А.И. Тургеневу, А.Я. Булгакову, П.А. Плетневу, А.П. Елагиной. Так, сквозной нитью в переписке с Вяземским стала судьба Н.В. Гоголя. И новые произведения Жуковского печатались в основном из желания поддержать издания товарищей и часто по их личной просьбе, как в случае «Москвитянина» и постепенно хиреющего «Современника». Можно с полным правом сказать, что восприятие поэтом современной литературы было всецело персоналистично, завязано на конкретные индивидуальности. Знаменательно, что переписка с Вяземским, регулярно сообщавшим другу литературные новости, присылавшим свежие книги и журналы, не включила в себя почти никаких отзывов Жуковского на текущие полемики, будь то обсуждение «Мертвых душ» и «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя, идеи разnochинцев-демократов или судьбы славянофильства. Иногда же реакция друга и вовсе удивляла Вяземского, как случилось с восприятием «Гарантаса» В.А. Соллогуба:

Я очень удивился письму твоему Соллогубу о его «Гарантасе». Конечно, в нем есть остроумие и дарование, – но более всего подражания Гоголю и, следовательно, недостатка в оригинальности. Ты, кажется, подобно Дидероту, читаешь *свое* между строками печатанных книг и добавляешь и воссоздаешь автора по своему подобию. В Соллогубе до сей поры нет ничего самородного, самобытного, задушевного, и, зная его, нельзя и надеяться того и в будущем. Он довольно ловкий, с некоторою живостью, с некоторыми блесками французский фельетон. Все это, прошу тебя, между нами [32. С. 53] (17/29 ноября 1845 г.).

Вяземский дистанцировался от современной словесности не потому, что был, как товарищ, индифферентен к борьбе направлений, но потому, что не разделял их взгляды. Так, в письме от 17/29 мая 1846 г. он приводит слова В.Г. Белинского об изживании карамзинского направления и цитату из рецензии А.А. Григорьева о Лермонтове и Гоголе как представителях западного и славянского влияний, заключая: «Что сделалось с нашею литературою и что в ней делается, неизмеримо. Нелепая анархия, подобная той, которая свирепствовала в Галиции, восстание невежества и мужиков, и все это не без вредного направления не в одном литературном отношении». Столь же неприемлемым оказалось для князя и наследие прежней «торговой словесности»: «Молчание в таком случае людей, имеющих право и, следовательно, обязанность говорить, есть прискорбный признак равнодушия нашего к отечественной литературе. Мы сами, удалившись от места действия и от непосредственного участия, виноваты в упадке ее. Мы без боя уступили поле Булгариным, Полевым и удивляемся и негодуем, что невежество и *свинтусы*, как говорит Гоголь, торжествуют» [32. С. 39] (21 ноября / 3 декабря 1842 г.). Впрочем, и новая консервативная журналистика не вызвала его сочувствия: «А хочешь ли знать, что о тебе говорится на святой и православной Руси? На, читай. Это извлечение из “Маяка”. Этот журнал ныне уже не издается и, как слышно, запрещен за излишнее свое православие. <...> Этот-то Бурачек и

кидает на вас, еретиков, громы православия» [39. С. 207] (12/24 апреля 1846 г.).

В этих условиях Вяземский воспринимал себя как представителя уходящего литературного поколения, интересующегося современной словесностью, но занятого в первую очередь мемориальной деятельностью. Пожалуй, единственным исключением здесь стала не законченная и не опубликованная при жизни статья о книге А. де Кюстина «La Russie en 1839»: «Я было написал довольно обширное и довольно удачное, – по свидетельству тех, которым прочел, – опровержение Кюстина и готовился отправить в Париж для напечатания. Но указ окатил меня холодной водою, и, вероятно, не решусь напечатать» [32. С. 48] (21 марта / 2 апреля 1844 г.)¹⁰. Схожую критическую реакцию вызвала у Вяземского и Жуковского и книга Н.И. Тургенева «Россия и русские», о которой они обменялись мнениями в письмах от 21 апреля / 3 мая – 4/16 мая [32. С. 55–57] и 2/14 июля – 21 июля / 2 августа 1847 г. [34. Л. 3–10 об.]. Эти всплески, однако, имели публицистический характер, ориентированный скорее на западное общественное мнение и репутацию России.

Вехами усилий Вяземского по сохранению памяти потомства стала подписка на сооружение памятника И.А. Крылову в 1844 г. (30 января / 11 февраля 1845 г. [32. С. 50–51]), для которой он подготовил объявление, содействие в открытии памятника Н.М. Карамзину в Симбирске в 1845 г. (17/29 ноября 1845 г. [32. С. 51–54]), участие в праздновании юбилея Д.Н. Блудова в 1851 г., где исполнялась его «Песня» (31 декабря 1850 г. / 12 января 1851 г. – 13/25 января 1851 г. [25. Л. 130–133 об.]). В свою очередь московские литераторы устроили Вяземскому 21 октября 1850 г. празднество после его возвращения из Палестины: «Вчера 21-го октября московские приятели, литераторы и дамы, праздновали меня обедом. Вероятно, провозгласят о том журналы, и ты все подробно узнаешь. А между тем тебе должно было икаться, и звенело в ушах твоих, потому что много речей было и о тебе» [44. Л. 8 об.] (18/30 октября – 25 октября / 6 ноября 1850 г.). Во многом такой же характер защиты от нападков критики представителей своего поколения представляла статья «Языков и Гоголь», опубликованная в «Санкт-Петербургских ведомостях» и вскоре посланная Жуковскому и Гоголю: «...не отвечаю пока и Гоголю, а передай ему, что, по-христиански, нет сомнения, что я слишком сурово напал в статье моей на тех, которые прежде восхваляли его, но в литературном и в житейском отношении, я полагаю, что я прав. Нужно было им и ему, Гоголю, сказать начисто правду. Все, что у нас было написано о Гоголе, нанесло вред и ему и общему мнению о литературе нашей» [32. С. 57] (18/30 июня 1847 г.).

Мало печатаясь сам, Вяземский стал активным посредником Жуковского в России – мимо его внимания не прошло ни одно произведение и замысел друга – стихотворные повести и сказки, которые должны были войти в последнее собрание его сочинений, поэмы «Наль и Дамаянти» и «Рустем и Зораб», высоко оцененные в письмах от 1–14 / 13–26 января 1844 г. и 20 июля / 1 августа – 12/24 августа 1847 г. [32. С. 41–

44, 57–58], политическая публицистика и религиозно-философская проза, собранная Жуковским в 1850 г. и предполагавшаяся к печати, но отозванная по цензурным соображениям, начало перевода «Илиады», перевод Нового завета, опыт создания целостного учебного курса для начального образования, наконец, поэма «Странствующий жид» и последняя поэтическая брошюра 1852 г. «Стихотворения, посвященные Павлу Васильевичу и Александре Васильевне Жуковским»: «Ах ты, мой старый лебедь, пращур лебединый, да когда же твой голос состарится? Он все свеж и звучен, как и прежде. Не грешно ли тебе дразнить меня своими песнями, меня, старую кукушку, которая день и ночь только кукует тоску свою. Стихи твои – прелесть» [45. С. 129] (20 февраля / 3 марта 1852 г.). Но, безусловно, венцом этой деятельности по увековечиванию памяти Жуковского стала помощь в подготовке его пятого собрания сочинений, в составлении, прохождении через цензуру, получении в России отпечатанных экземпляров. Эта издательская эпопея началась в 1847 г. и продолжалась до 1851 г., когда при содействии Вяземского и Плетнева, ходатайствовавших перед великим князем Александром Николаевичем и императором, отпечатанный тираж был куплен в казну, а полученные деньги обеспечили будущее семьи поэта.

На этот же период, 1847–1849 гг., пришлось и подготовка литературного юбилея Жуковского, призванного закрепить в сознании современников его роль патриарха русской литературы. Идея была высказана Вяземским и оказалась подхвачена министром просвещения С.С. Уваровым (см. письмо от 18/30 июня 1847 г. [32. С. 57]), дабы широко отпраздновать возвращение поэта в Россию. Жуковский ее принял, но высказал сомнение в точности времени своего приезда: «Для меня было бы душеусладительнее, когда бы этот акт воспоминания и благоволения отечества совершился в отсутствии моем – для меня было бы тогда одно чистое, не смешанное ни с какими тревогами самолюбия чувство благодарности» [34. Л. 5] (2/14 июля – 21 июля / 2 августа 1847 г.). Так и случилось. Жуковский не смог вернуться ни в 1848-м, ни в 1849 г., поэтому чествование не прошло официально: 29 января 1849 г. друзья-литераторы и великий князь Александр Николаевич собрались в доме Вяземского. К сожалению, не сохранилось письмо князя с описанием юбилея.

Но за невозможностью торжественного и официального празднества, – вспоминал впоследствии Вяземский, – друзья и близкие лица к Жуковскому отпраздновали сей день у меня домашним образом. Его императорское высочество государь наследник, ныне благополучно царствующий император, почтил милостивым присутствием своим это семейное торжество во изъявление сердечного сочувствия и уважения к бывшему своему наставнику. На этом вечере граф Блудов прочитал стихи, мною написанные по поводу юбилея; граф Михаил Вельгорский пел куплеты мои на день рождения Жуковского; Михаил Глинка, тогда только что возвратившийся из-за границы, оживил музыкальную часть этого вечера [33. Стб. 1064].

Ответное письмо Жуковского от 19 февраля / 3 марта 1849 г. стало и гимном благодарности за ока-

занную честь, и провозглашением торжества дружеского над официальным:

Я в чистом выигрыше. Теперь не нужно *публично* праздника, главный представитель отечества присутствовал на твоём *домашнем* своим одобрением, и в этом одобрении присутствовали на нем все соотечественники *отсутственно*; *налицо* же были избранные, близкие, те именно, которых голос доходит непосредственно до слуха и сердца, которые стоят на первом плане отечества и жизни. И все это было *без меня*, то есть *без всякой* примеси для меня материального; мне достались одни свежие, благовонные цветы сердечного наслаждения, в которые не замешался дурман самолюбия [32. С. 64–65].

Однако звучали в письме и ноты сожаления об ускользающем времени, превращающем старое поколение в отжившее и уходящее: «И для вас в этом отсутствии было что-то более поэтическое; такое торжество похоже на поминки, только не по мертвом, а по живом, которому его отсутствие придает какую-то идеальность, подливая каплю грусти по нем в пировую чашу веселья и давая живому, невидимому лицу его ту таинственность, какую получает для нас образ живущих за гробом» [32. С. 65].

История 45-летней дружбы не закончилась со смертью Жуковского. Вяземский более чем на четверть века пережил старшего друга, и постскриптумом их отношений стало сохранение его наследия и памяти. Еще в 1830-е гг. в записных книжках Вяземский сформулировал принцип: «Это наше дело: мы можем собирать материал, а выводить результаты еще рано» [7. С. 205]. В 1850–1870-е гг., следуя ему, он подготовил и представил широкому читателю большой комплекс творческих и биографических документов Жуковского. Нельзя сказать, чтобы эти материалы укладывались в цельную панораму, они, как правило, подбирались на тот или иной случай, но старый друг неизменно предстал в них образцом ушедшей в прошлое высокой культуры, человеком богатой души, разнообразным в своих проявлениях – от бытовых до творческих: «И тут не нужны воспоминания ярко определившиеся, – писал князь П.А. Бартенева в 1876 г., – не нужны следы, глубоко впечатлевшиеся в почву. Довольно безделицы, одного слова, одной строки, чтобы вызвать из нее полный образ, всего человека, все минувшее» [46. С. 249].

Эта деятельность началась вскоре после смерти друга. В 1855 г. Вяземский вошел в состав комитета, занимавшегося изданием неопубликованных, по преимуществу прозаических сочинений Жуковского. А.В. Никитенко записал в своем дневнике 18 октября 1855 г.: «Получил высочайшее повеление о назначении меня членом комитета под председательством Д.Н. Блудова для рассмотрения посмертных сочинений Жуковского, которые хотят издать. Другие члены: Плетнев, князь Вяземский, Корф (Модест Андреевич) и Тютчев» [47. С. 423]. Работа продолжалась до 1857 г., когда вышли из печати четыре дополнительных тома (Т. 10–13) к девяти томному последнему прижизненному изданию поэта, включившие в себя поздние поэтические произведения и переводы, политические статьи и очерки, религиозную прозу. Этим Вяземский выполнил намерение Жуковского в 1850 г.

опубликовать том своей прозы, произведения к которому были подготовлены, но отозваны автором из-за цензурных опасений. В 1856 г. князь принял участие в разработке проекта памятника на могиле друга, о чем А.В. Никитенко записал 3 июня: «Вечером в субботу приглашал меня к себе граф Блудов вместе с бароном Клодтом, князем Вяземским и Тютчевым для обсуждения проекта памятника, который собираются воздвигнуть на могиле Жуковского» [47. С. 443]. Открытие его состоялось 25 декабря 1857 г.

В 1866–1876 гг. в «Русском архиве» П.И. Бартенева Вяземский опубликовал многие материалы из наследия Жуковского, часто в сопровождении собственных комментариев. В 1866 г. под рубрикой «Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива» был напечатан большой комплекс писем и стихотворений, отложившихся в семейных бумагах: письма друзей от 1812 г., где регулярно упоминался Жуковский, находившийся в ополчении (№ 2. Стб. 217–254), разнообразные арзамасские материалы (№ 3. Стб. 473–489), письма Д.В. Дашкова 1813–1815 гг. (№ 3. Стб. 489–502), стихотворные послания Жуковского к Вяземскому и В.Л. Пушкину (№ 6. Стб. 863–873). Последние сопровождалась «объяснением», где поэт со своими «домашними» стихами противопоставлялся современному «реалистам»: «Впрочем поэт здесь отыскивается и в *почтовых* стихах. Вместе с поэтом отыскивается хладнокровный и дельный прозаик, тонкий и верный критик, грамматик, педагог, не только ценитель и судия содержания, но и строгий браковщик каждого выражения, придирчиво внимательный до мелочи к каждому отдельному слову. <...> В них Жуковский, поэт-мечтатель, поэтидеалист, явился поэтом *реальным*, гораздо ранее эпохи процветания так называемой *реальной* или *натуральной* школы» [48. Стб. 873–874]. В следующем номере Вяземский представил материалы, относящиеся к подготовке 50-летнего юбилея литературной деятельности Жуковского: письма С.С. Уварова и П.А. Плетнева с проектом празднества и ответное письмо самого Жуковского (№ 7. Стб. 1065–1077). В конце 1867 г. благодаря князю был опубликован почти весь корпус писем Жуковского к великому князю Константину Николаевичу. В преамбуле Вяземский представлял читателю Жуковского – политического мыслителя, достойно предстоящего трону и чуждого какой бы то ни было сервильности: «В Жуковском доселе знали поэта и нравственно-чистого человека. <...> Но для многих могло быть неизвестным и даже невероятным, чтобы он так пронизательно, так глубокомысленно мог обнимать и так верно оценивать события и важные вопросы, которые озвучивали и волновали современную жизнь. <...> Скажем и мы: дай бог для блага России поболее таких царедворцев, каковы были Карамзин и Жуковский!» [49. Стб. 1386–1387]. В 1868 г. князь напечатал большое позднее письмо к нему поэта от 1851 г. как свидетельство напряженной творческой работы слепнувшего и пожилого человека: «В нем слышится сердце его и умственная его деятельность. В то самое время, когда он переводил Новый Завет, он готовился и к переводу Илиады. Между тем и педагогические

труды шли своим чередом. И все это, когда уже накопившиеся года и, более или менее, физические немощи могли бы требовать от него отдохновения» [50. Стб. 436–437]. В следующих номерах Вяземский опубликовал письма Н.М. Карамзина к Жуковскому, снабдив их биографическими комментариями (№ 11. Стб. 1827–1836). Свообразным постскриптумом к этой неустанной деятельности по сохранению памяти друга явились большие мемуарные статьи 1876 г., поводом для которых стала публикация П.И. Бартевым писем к Жуковскому разных лиц. И вновь поэт предстал под пером Вяземского лучшим воплощением высокого союза «литературной аристократии»: «Мы любили и уважали друг друга <...>, но мы и судили друг друга беспристрастно и строго, не по одной литературной деятельности, но и вообще. В этой нелюбимой, независимой дружбе и была сила и прелесть нашей связи. Мы уже были арзамасцами между собою, когда Арзамаса еще и не было» [46. С. 253]. Таким же защитником чести и свободы своих друзей Жуковский рисовался в следующем письме,

где речь шла об осуждении Н.И. Тургенева и судьбе А.И. Тургенева. Личные воспоминания Вяземского и выдержки из оправдательных записок, которые поэт подавал на высочайшее имя, вполне подтверждали независимость его мнений и смелость в отстаивании истины [46. С. 253–262]. С именем А.И. Тургенева оказалась связана и последняя биографическая статья князя «Жуковский в Париже. 1827 г.», где впервые были опубликованы выдержки из парижского дневника поэта и где он предстал в окружении напряженной литературной, общественной, интеллектуальной жизни Европы [51. С. 91–101].

Впрочем, даже смерть Вяземского не прервала диалог с другом – он продолжился с публикацией сочинений князя, куда вошли его послания к Жуковскому, критические статьи, где он упоминался, воспоминания о разных лицах из его окружения, записные книжки, в которых Жуковский – одно из самых частых имен, наконец, его неисчерпаемого эпистолярного наследия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. о журнальных проектах Вяземского, связанных с его служебной деятельностью [4. С. 217; 5. С. 170–209].

² На это Жуковский иронически отозвался в письме от 23 августа 1831 г.: «У тебя всегда была хороша голова, а нынче стала хороша и жопа. Бант спереди, бант сзади: бей задом и передом» [2. Л. 59].

³ Паллиатив (*фр.*).

⁴ М.И. Гиллельсон предложил иное название – «пушкинский круг писателей» [13].

⁵ См. подробнее [23. С. 483–484].

⁶ Рождественская елка (*фр.*).

⁷ См. подробнее [36].

⁸ См. подробнее [41].

⁹ Ср. также в письме от 1–5 / 13–17 января 1849 г.: «Дай бог немцам и французам <...> опомниться и образумиться, чего не надеюсь, а нам, православным, сидеть смиренно. В наше время нечего бояться отстать от других, напротив опасно гнаться за другими и догнать их. А многих наших все дергает не то чтобы вперед, а в сторону. Наши деятели думают, что дело только и состоит в вечных перестройках и переделках. А дело настоящее состоит в поддержке и соблюдении порядка. Порядок все сам собою исправит и обновит, что следует в свое время» [32. С. 63].

¹⁰ Статья была впервые опубликована в кн. [42. Р. 265–278]. Русский перевод см. [43].

ЛИТЕРАТУРА

1. Русский архив. 1900. № 3. С. 355–390.
2. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 195. Оп. 1. № 19096.
3. РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. № 21.
4. Гиллельсон М.И. Вяземский. Жизнь и творчество. Л.: Наука, 1969. 391 с.
5. Акульшин П.В. П.А. Вяземский: Власть и общество в дореформенной России. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 238 с.
6. Шукинский сборник. М.: Отд-ние Импер. Рос. ист. музея им. имп. Александра III – Музей П.И. Щукина, 1910. Т. 9. 453 с.
7. Вяземский П.А. Записные книжки (1813–1848). М.: Изд-во АН СССР, 1963. 513 с.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 1а. Секретный архив. № 1911.
9. Kauchtschischwili N. L'Italia nella vita e nell'opera di P.A. Vjazemskij. Milano: Vita e Pensiero, 1964. 390 p.
10. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 1999–2019. Т. 1–16.
11. Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М.: Изд. «Русского архива», 1895. 322 с.
12. РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 60.
13. Гиллельсон М.И. От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л.: Наука, 1977. 198 с.
14. Киселев В.С. «Вино, публичные девки и сарказмы против правительства...»: дело П.А. Вяземского 1828–1830 гг. по неопубликованным документам и переписке // Жуковский и другие: материалы Междунар. науч. чтений памяти Александра Сергеевича Янушкевича: К 75-летию со дня рождения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2020. С. 285–325.
15. Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтблата. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 703 с.
16. Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1984. 465 с.
17. Рукописный отдел Института Русской литературы. № 27985.
18. Вацуру В.Э., Гиллельсон М.И. Сквозь «умственные плотины». Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М.: Книга, 1986. 385 с.
19. Самовер Н.В. «Не могу покорить себя ни Булгариным, ни даже Бенкендорфу...». Диалог В.А. Жуковского с Николаем I // Лица: Биографический альманах. М.: Феникс; Atheneum, 1995. Вып. 6. С. 87–119.
20. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.
21. Русский библиофил. 1912. № 7/8.
22. Памяти В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1907. Вып. 1. Отд. 2. С. 42–45.
23. Гиллельсон М.И. А.И. Тургенев и его литературное наследство // Тургенев А.И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.). М.; Л., 1964. С. 441–504.
24. Российская национальная библиотека (РНБ). Ф. 539. Оп. 2. № 378.
25. РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. № 20.
26. РНБ. Ф. 167. № 118.
27. Вяземский П.А. Полное собрание сочинений: в 12 т. СПб.: Изд. гр. С.Д. Шереметева, 1878–1896.

28. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909.
29. Семь автографов А.С. Пушкина. 1816–1837. Из собрания к. П.П. Вяземского. СПб. : Фотолитограф. Н. Индугного, 1880. 24 л.
30. Смирнова-Россет А.О. Автобиография (неизданные материалы). М. : Мир, 1931. 364 с.
31. Виницкий И.Ю. Нет Panzerbitter. Из истории русской коллективной поэзии конца XVIII – первой трети XIX века // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 260–299.
32. Гиллельсон М.И. Переписка П.А. Вяземского и В.А. Жуковского (1842–1852) // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1979. Л. : Наука, 1980. С. 34–75.
33. Русский архив. 1866. № 7.
34. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909в.
35. Русская литература. 1975. № 1. С. 124–126.
36. Киселев В.С., Янушкевич А.С. Эстетические принципы и поэтика перевода «Одиссеи» В.А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 2 (10). С. 68–80.
37. Москвитянин. 1845. № 1. С. 37–42.
38. Старина и новизна. 1916. Кн. 20. С. 234–246.
39. Русская старина. 1902. № 10. С. 205–208.
40. РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 62.
41. Киселев В.С., Владимирова Т.Л. Творческая история статьи В.А. Жуковского «Письмо к кн. П.А. Вяземскому о его стихотворении “Святая Русь”»: публикация и комментарий // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 3 (29). С. 109–124.
42. Cadot M. L'image de la Russie dans la vie intellectuelle française (1839–1856). Paris : Fayard, 1967. 642 p.
43. Невелел Г.А. А. де Кюстин и П.А. Вяземский // Теоретическая культурология и проблемы отечественной культуры. Брянск, 1992. С. 66–75.
44. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1250а.
45. Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1895 г. СПб. : Синодальная тип., 1898. 269 с.
46. Русский архив. 1876. № 2.
47. Никитенко А.В. Дневник : в 3 т. М. : ГИХЛ, 1955. Т. 1. 543 с.
48. Русский архив. 1866. № 6.
49. Русский архив. 1867. № 12.
50. Русский архив. 1868. № 3.
51. Русский архив. 1876. № 5.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 5 октября 2021 г.

Pyotr Vyazemsky and Vasily Zhukovsky in 1830–1852: The History of Personal and Creative Relationships (Based on Correspondence)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 58–70.

DOI: 10.17223/15617793/473/8

Vitaly S. Kiselev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kv-uliss@mail.ru

Keywords: Pyotr Vyazemsky; Vasily Zhukovsky; correspondence; personal relationships; biography; creative relationships.

The research was conducted at Tomsk State University and supported by the Russian Science Foundation (RSF), Grant No.19-18-00083: Russian Epistolary Culture of the First Half of the 19th Century: Textology, Commentary, Publication.

The 45-year-long correspondence between Vyazemsky and Zhukovsky, which includes 437 surviving documents, is an indispensable part of the history of their personal relationships and of the epoch-making events of the time, of the development of Russian and European literature, of the context of social thought and ideological searches. Letters between Vyazemsky and Zhukovsky in 1830–1841 (before the latter left for Germany) are few (just over 60 letters) and rare, since they were mainly written during periods of the two correspondents' travels or separation. Despite the fact that the two writers continued to actively engage in literary activities and collaborated in periodicals, these topics in letters were covered much less than other life problems. Vyazemsky first found himself immersed in everyday bureaucratic service, the irony over which would not leave him even later, in the 1840s. Zhukovsky's home life was reflected in the correspondence rather sparingly. Vyazemsky's move to St. Petersburg contributed to the emergence of what became known as “literary aristocracy”. The equal interest of the friends in the development of “high” literature, in the propaganda of European enlightenment did not cancel the difference in their temperaments: Vyazemsky became an active participant in *Literaturnaya Gazeta* and then *Sovremennik* as the author of journalistic and polemical materials; Zhukovsky, focused on the upbringing of Grand Duke Alexander Nikolaevich and almost stopped participating in journalistic activities, yet he was the “home” organizer of the life of the Pushkin circle – through his “Saturdays”, which gathered St. Petersburg writers, through his ramified friendly contacts. Later correspondence included just under 70 surviving letters from 1842–1852. The correspondents found themselves at the periphery of the active social and literary life: Zhukovsky was geographically distant from Russia and Vyazemsky witnessed the gradual disintegration of the friendly circle that formed the basis of the alliance of “literary aristocracy”. The motifs of solitude or detachment constantly accompanied the writers' epistolary communication. Distance and solitude encouraged reflections. Zhukovsky's reflections were first concentrated in the aesthetic-philosophical and moral-religious sphere, and since 1848 in the sphere of politics and historiography. Vyazemsky's reflections did not have such a flagship character, but were distinguished by a quick and broad reaction to the contemporary events of state, public, and literary life. The position in the literary process brought the two friends closer together: the heirs of the culture of friendly societies, they did not accept the idea of grouping by ideological proximity, by a common direction that emerged in the 1840s. The circle of their literary communication was determined by personal ties, which often developed back in the 1820s and 1830s. Under these conditions, Vyazemsky perceived himself as a representative of the outgoing literary generation, interested in contemporary literature, but primarily engaged in memorial activities.

REFERENCES

1. *Russkiy arkhiv*. (1900) 3. pp. 355–390.
2. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 195. List 1. No. 1909b.
3. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 198. List 2. No. 21.
4. Gille'son, M.I. (1969) *Vyazemskiy. Zhizn' i tvorchestvo* [Vyazemsky. Life and art]. Leningrad: Nauka.
5. Akul'shin, P.V. (2001) *P.A. Vyazemskiy: Vlast' i obshchestvo v doreformennoy Rossii* [P.A. Vyazemsky: Power and Society in Pre-Reform Russia]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.

6. Anon. (1910) *Shchukinskiy sbornik* [Shchukin collection]. Vol. 9. Moscow: Otd-nie Imp. Ros. ist. muzeya im. imp. Aleksandra III – Muzei P.I. Shchukina.
7. Vyazemskiy, P.A. (1963) *Zapisnye knizhki (1813–1848)* [Notebooks (1813–1848)]. Moscow: USSR AS.
8. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 1a. *Sekretnyy arkhiv* [Secret archive]. No. 1911.
9. Kauchtschischwili, N. (1964) *L'Italia nella vita e nell'opera di P.A. Vjâzemsckij*. Milano: Vita e Pensiero.
10. Zhukovskiy, V.A. (1999–2019) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 volumes]. Vols 1–16. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
11. Zhukovskiy, V.A. (1895) *Pis'ma V.A. Zhukovskogo k Aleksandru Ivanovichu Turgenevu* [Letters from V.A. Zhukovsky to Alexander Ivanovich Turgenev]. Moscow: Izd. "Russkogo arkhiva".
12. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 198. List 1. No. 60.
13. Gillel'son, M.I. (1977) *Ot arzamasskogo bratstva k pushkinskomu krugu pisateley* [From the Arzamas brotherhood to the Pushkin circle of writers]. Leningrad: Nauka.
14. Kiselev, V.S. (2020) ["*Wine, girls of easy virtue, and sarcasms against the government ...*": the 1828–1830 case of P.A. Vyazemsky according to unpublished documents and correspondence]. *Zhukovskiy i drugie* [Zhukovsky and others]. Proceedings of the International Readings in Memory of Alexander Sergeevich Yanushkevich. Tomsk: Tomsk State University. pp. 285–325. (In Russian).
15. Reytblat, A.I. (1998) *Vidok Figlyarin: Pis'ma i agenturnye zapiski F.V. Bulgarina v III otdelenie* [Vidok Figlyarin: Letters and secret notes of F.V. Bulgarin to the III Department]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
16. Vyazemskiy, P.A. (1984) *Estetika i literaturnaya kritika* [Aesthetics and literary criticism]. Moscow: Iskusstvo.
17. *Rukopisnyy otdel Instituta Russkoy literatury* [Manuscript Department of the Institute of Russian Literature]. No. 27985.
18. Vatsuro, V.E. & Gillel'son, M.I. (1986) *Skvoz' "umstvennye plotiny"*. *Ocherki o knigakh i presse pushkinskoy pory* [Through "mental dams". Essays on books and the press of Pushkin's time]. Moscow: Kniga.
19. Samover, N.V. (1995) "Ne mogu pokorit' sebya ni Bulgarinym, ni dazhe Benckendorff...". *Dialog V.A. Zhukovskogo s Nikolaem I* ["I can subjugate myself neither to Bulgarin, nor even to Benckendorff...". V.A. Zhukovsky's dialogue with Nicholas I]. In: *Litsa: Biograficheskiy al'manakh* [Persons: Biographical Almanac]. Vol. 6. Moscow: Feniks; Atheneum. pp. 87–119.
20. Gogol', N.V. (1937–1952) *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 t.* [Complete Works: in 14 vols]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
21. *Russkiy bibliofil*. (1912) 7/8.
22. Veselovskiy, A.N. & Sobolevskiy, A.I. (eds) (1907) *Pamyati V.A. Zhukovskogo i N.V. Gogolya* [In memory of V.A. Zhukovsky and N.V. Gogol]. Vol. 1 (2). Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 42–45.
23. Gillel'son, M.I. (1964) A.I. Turgenev i ego literaturnoe nasledstvo [Turgenev and his literary heritage]. In: Turgenev A.I. *Khronika russkogo. Dnevnik (1825–1826 gg.)* [Chronicle of a Russian. Diaries (1825–1826)]. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 441–504.
24. National Library of Russia (RNB). Fund 539. List 2. No. 378.
25. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 198. List 2. No. 20.
26. National Library of Russia (RNB). Fund 167. No. 118.
27. Vyazemskiy, P.A. (1878–1896) *Polnoe sobranie sochineniy: v 12 t.* [Complete Works: in 12 volumes]. Saint Petersburg: Izd. gr. S.D. Sheremeteva.
28. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 195. List 1. No. 1909.
29. Pushkin, A.S. (1880) *Sem' avtografov A.S. Pushkina. 1816–1837. Iz sobraniya k. P.P. Vyazemskogo* [Seven autographs of A.S. Pushkin. 1816–1837. From the collection of P.P. Vyazemsky]. Saint Petersburg: Fotolitogr. N. Indutnogo.
30. Smirnova-Rosset, A.O. (1931) *Avtobiografiya (neizdannye materialy)* [Autobiography (unpublished materials)]. Moscow: Mir.
31. Vinit'skiy, I.Yu. (2020) Herr Panzerbitter: An Episode From the History of Russian Collaborative Poetry From the Late 18th Through the First Third of the 19th Century. *Literaturnyy fakt – Literary Fact*. 4 (18). pp. 260–299. (In Russian).
32. Gillel'son, M.I. (1980) *Perepiska P.A. Vyazemskogo i V.A. Zhukovskogo (1842–1852)* [Correspondence between P.A. Vyazemsky and V.A. Zhukovsky (1842–1852)]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Pamyatniki kul'tury: Novye otkrytiya. Ezhegodnik 1979* [Monuments of Culture: New Discoveries. Yearbook of 1979]. Leningrad: Nauka. pp. 34–75.
33. *Russkiy arkhiv*. (1866) 7.
34. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 195. List 1. No. 1909v.
35. *Russkaya literatura*. (1975) 1. pp. 124–126.
36. Kiselev, V.S. & Yanushkevich, A.S. (2010) Aesthetic principles and poetics of the translation of The Odyssey by V.A. Zhukovsky. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2 (10). pp. 68–80. (In Russian).
37. *Moskvityanin*. (1845) 1. pp. 37–42.
38. *Starina i novizna*. (1916) 20. pp. 234–246.
39. *Russkaya starina*. (1902) 10. pp. 205–208.
40. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 198. List 1. No. 62.
41. Kiselev, V.S. & Vladimirova, T.L. (2014) The Creative History of V.A. Zhukovsky's Article "Letter to Prince P.A. Vyazemsky About His Poem Holy Russia": Publication and Commentary. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (29). pp. 109–124. (In Russian).
42. Cadot, M. (1967) *L'image de la Russie dans la vie intellectuelle française (1839–1856)*. Paris: Fayard.
43. Nevelev, G.A. (1992) A. de Kyustin i P.A. Vyazemskiy [A. de Custine and P.A. Vyazemsky]. In: Nevelev, G.A. (ed.) *Teoreticheskaya kul'turologiya i problemy otechestvennoy kul'tury* [Theoretical cultural studies and problems of national culture]. Bryansk. pp. 66–75.
44. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 195. List 1. No. 1250a.
45. Imperial Public Library. (1898) *Otchet Imperatorskoy Publichnoy biblioteki za 1895 g.* [Report of the Imperial Public Library for 1895]. Saint Petersburg: Sinodal'naya tip.
46. *Russkiy arkhiv*. (1876) 2.
47. Nikitenko, A.V. (1955) *Dnevnik: v 3 t.* [Diary: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: GIKhL.
48. *Russkiy arkhiv*. (1866) 6.
49. *Russkiy arkhiv*. (1867) 12.
50. *Russkiy arkhiv*. (1868) 3.
51. *Russkiy arkhiv*. (1876) 5.

Received: 05 October 2021

Т.Г. Путилина

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЙ КОНЦЕПТ «СМЕРТЬ РОССИИ» (НА МАТЕРИАЛЕ ДНЕВНИКА Ю.В. ГОТЬЕ «МОИ ЗАМЕТКИ»)

Рассматривается индивидуально-авторский концепт «смерть России» в произведении Ю.В. Готье «Мои заметки». Анализируются языковые особенности описания прецедентного исторического периода, ярким примером которых является употребление лексем с семантикой смерти, метафор, сравнений. Выделение слоев концепта и описание их содержательного наполнения осуществлены с учетом структуры концепта «смерть» в русской языковой картине мира, а также словарных значений лексем «смерть», «страна», «государство».

Ключевые слова: концепт; лексическое значение; семантика смерти; прецедентный исторический период; метафора; автобиографический текст

Понятие «концепт» прочно вошло в лингвистику, однако до сих пор его определение остается объектом споров. Как отмечают С.Д. Попова и И.А. Стернин, «концепт – категория мыслительная, ненаблюдаемая, и это дает большой простор для ее толкования» [1. С. 21]. К концепту как понятию можно подходить с разных научных позиций: культурологической, исторической, философской и др. С точки зрения лингвистики, актуальным является вывод В.И. Карасика: «Выражение концепта – это вся совокупность языковых и неязыковых средств, прямо или косвенно иллюстрирующих, уточняющих и развивающих его содержание» [2. С. 91]. Коллективный характер языкового концепта бесспорен, что подчеркивает С.Г. Воркачев, для которого концепт – это «единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [3. С. 47]. Однако исследователями выделяется и индивидуальная составляющая концепта: «Концепт – это достояние индивида» [4. С. 6–9]. Если говорить о языковом выражении авторского концепта, то его содержание и структура зависят от специфики мышления конкретного человека. О связи данного вида концепта с особенностями личности пишет А.П. Митяева: «...объективация концепта носит индивидуальный характер, каждый человек в зависимости от пола, возраста или профессии по-разному вербализует тот или иной концепт» [5. С. 4]. Исходя из вышесказанного, мы будем учитывать профессиональные приоритеты автора при анализе.

Концепты формируются в процессе познания разных аспектов действительности и воплощаются в различных по своему роду дискурсивных практиках. Ученые выделяют типы концептов по признаку того, что за предмет или явление они отражают. Так, Г.Г. Слышкин в своем исследовании лингвокультурных концептов указывает, что «для обеспечения экземплификации мышления и коммуникации человеческое сознание порождает особый тип концептов – концепты прецедентных феноменов. Существуют концепты единичных прецедентных феноменов (личностей, событий, артефактов, географических объектов) и концепты прецедентных миров» [6. С. 7]. Языковое воплощение индивидуально-авторские концепты находят в художественных текстах, что отмечает К.В. Власова: «В любом тексте художественного про-

изведения возможно выделение текстовых концептов, объединенных личностным инвариантным смыслом, соответствующим миропониманию автора. О таких концептах мы говорим как об индивидуально-авторских» [7. С. 167]. В тексте историка Ю.В. Готье «Мои заметки» (1920–1922 гг.) [8], имеющем форму дневниковых записей, также можно выделить ряд концептов, отражающих картину мира автора (*проблема власти, бездарный политик, смерть России, историческая наука*). Проанализируем индивидуально-авторское воплощение концепта прецедентного исторического периода «смерть России» на основе анализа данного текста.

Научная значимость подобного исследования заключается в том, что на примере концепта «смерть России» демонстрируется, как может строиться авторский концепт: с одной стороны, в семантической преемственности с концептами «смерть», «Россия» в русской языковой картине мира, а с другой – в уникальной смысловой парадигме индивидуального понимания. Работа вносит вклад в концептологию, так как предлагает пример описания индивидуально-авторского концепта прецедентного исторического периода и доказывает правомерность выделения таких видов концептов. Актуальность работы состоит в том, что обращение к индивидуально-авторским концептам сейчас предпринимают многие ученые (Г.Г. Слышкин, А.П. Митяева, К.В. Власова), так как это сравнительно новая область исследований. Выбор материала для нашего исследования обусловлен тем, что именно в переломный исторический период появляются нетипичные коннотации известных слов и понятий, что способствует яркой языковой реализации в тексте авторских смыслов. Поэтому текст, написанный ученым, оставшимся в России в революционное время, представляет научный интерес как источник для описания индивидуально-авторского концепта, обусловленного сочетанием личностных, культурных и профессиональных качеств человека.

Цель работы – на основе анализа употребления лексем, принадлежащих к семантической области смерти, и языковых средств, наиболее ярко отражающих восприятие автором прецедентного исторического периода, выявить содержательную структуру концепта «смерть России» в произведении Ю.В. Готье «Мои заметки».

Объектом данного исследования является концепт прецедентного исторического периода (1917–1922 гг., революция и Гражданской война) «смерть России». Этот концепт представляет собой индивидуальное ментальное образование, основой которого являются концепты «смерть» и «Россия», модифицированные в соответствии с нюансами мышления и личности Ю.В. Готье. Предмет изучения – концепт «смерть России», описанный на основе особенностей употребления в исследуемом тексте лексем, принадлежащих к семантической области смерти, и характерных языковых средств, используемых с целью отражения авторского восприятия происходящих событий и выражающих смыслы, составляющие компоненты структуры исследуемого концепта.

Концепт можно описать как мыслительную единицу, состоящую из разноуровневых элементов. Как отмечает Г.Г. Слышкин, «наиболее актуальные для носителей языка ассоциации составляют ядро концепта, менее значимые – периферию. Четких границ концепт не имеет, по мере удаления от ядра происходит постепенное затухание ассоциаций. Языковая или речевая единица, которой актуализируется центральная точка концепта, служит именем концепта» [6. С. 11]. Полевую структуру концепта описывают также З.Д. Попова и И.А. Стернин: «Структура концепта образована когнитивными признаками разного ранга, которые различаются по степени яркости в сознании их носителей и упорядочиваются в структуре концепта по полевому признаку» [1. С. 15]. Мы будем придерживаться полевой модели концепта, группируя элементы с точки зрения их значимости.

В плане рассмотрения содержательных компонентов концепта мы будем опираться на следующие положения В.И. Карасика и Г.Г. Слышкина: «В составе лингвокультурного концепта можно выделить ценностный, образный (образно-перцептивный и образно-метафорический) и понятийный (фактуальный) компоненты. Фактуальный компонент концепта хранится в сознании в вербальной форме (это то, как мы можем обозначить концепт, раскрыть его место в системе концептов). Образный же компонент невербален и поддается лишь описанию и интерпретации» [9. С. 14]. Мы отметим данные компоненты по ходу анализа фрагментов.

В качестве источника общезыковых значений и понятийного ядра концепта мы опираемся на словарные статьи толковых словарей, так как словарь отражает наиболее характерные смыслы лексем, не зависящие от авторских особенностей говорящего. А.П. Бабушкин считает словари лучшим источником информации при описании концепта с общезыковым статусом: «Концепты, объективируемые словарем, даются без поправок на ментальные репрезентации, которые соответствуют тем или иным словам в голове конкретного носителя языка, без учета широты или узости его кругозора» [10. С. 65]. Мы будем опираться на «Словарь современного русского литературного языка» в 17 томах (БАС), так как этот словарь наиболее полно отражает языковые значения и по времени создания является наиболее близким к «Заметкам». Семантика лексемы *страна* важна для нашего исследова-

ния, так как Ю.В. Готье был привержен «стране в целом, “России единой и неделимой”, цементом которой было национальное государство» [8. С. 7]. Лексема *страна* имеет значения: «1. Местность, территория, край. <...> 2. Государство (во 2-м знач.) <...> 3. Устар. Сторона, бок» [11. Т. 14. С. 990]. Слово *страна* в первом значении определяется как территория, во втором значении тождественно слову *государство*. Уточним значения лексемы *государство* по словарю: «Государство. 1. Орган классового господства. 2. Страна и ее население, находящиеся под властью определенного правительства» [11. Т. 3. С. 338]. Для нашего исследования также необходимо привести энциклопедическую информацию о понятии *государство*, так как Ю.В. Готье, ученый-историк, воспринимал данное слово с профессиональной позиции. Думается, что для Ю.В. Готье близким является правовой аспект значения термина, так как он работал, в том числе, и в Московском архиве Министерства юстиции, а его диссертационное исследование посвящено истории управления областями в стране и называлось «История областного управления в России от Петра I до Екатерины II». Обратимся к «Большому юридическому словарю»: «Государство – 1) в теории права определенный способ организации общества <...>, имеет специальные органы для реализации своих полномочий – механизм государства, его аппарат; 2) <...> совокупность официальных органов власти (правительство, парламент, суды и др.) <...>; 3) как субъект международного права – основной участник международных отношений. Включает как политическую организацию власти и население с определенной территорией. Основным характеризующим качеством является суверенитет» [12]. Итак, в определениях отражено то, что государство является системой, управляющей обществом, которая включает органы власти. Кроме того, государство имеет свою территорию, населенную народом, и должно быть суверенным, т.е. другие государства не имеют права вмешиваться в его внутренние дела.

Опишем общезыковой концепт «смерть», который является базой для построения любого авторского концепта с аналогичным наименованием или его компонентом. Уточним значения лексемы *смерть*. *Смерть* в первом значении – это гибель организма, второе значение имеет помету *разг.* и обусловлено негативной коннотативной составляющей значения данной лексемы, что делает возможным метафорический перенос на все, вызывающее отрицательные ассоциации: «*О чем-либо очень неприятном, нехорошем, тяжком для кого-либо*» [11. Т. 13. С. 1356–1357]. «Семантический словарь» дает следующие значения: первое – аналогично предыдущему словарю. Второе значение (*конец, прекращение какой-либо деятельности*) может употребляться не только по отношению к живому организму, но и по отношению к тем предметам или явлениям, которые имеют свою систему функционирования, в том числе к государству [13. С. 13]. В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова значения таковы: первое аналогично представленным в двух предыдущих словарях, но с переносным вариантом, имеющем помету

книжн. (гибель, прекращение, уничтожение). Во втором значении лексема *смерть* является наречием со значением *сильно* [14]. Также в данном словаре зафиксировано выражение: «Смерть моя! (разг.) – восклицание, выражающее неприязненное отношение к чему-н.» [14].

Обратимся к результатам исследований, связанных с концептом «смерть» в русской языковой картине мира. А.А. Осипова проводит анализ словарных статей, выделяет ЛСВ (смерть – «1) ‘процесс прекращения жизнедеятельности и переход из одного состояния в другое’; 2) ‘смертная казнь’; 3) ‘конец, полное прекращение какой-нибудь деятельности; гибель, уничтожение чего-л.’; 4) ‘очень, в высшей степени, чрезвычайно’; 5) ‘плохо, нехорошо; горе, беда’; 6) ‘мор, моровая язва’; 7) ‘погибель’; 8) ‘умирание’; 9) ‘бессмертие души’» [15. С. 10]) и на основании этого формулирует ядро концепта: «Инвариант выглядит следующим образом: ‘прекращение жизнедеятельности и переход из состояния бытия в состояние небытия’. Соименами концепта “Смерть” являются синонимы *конец* и *кончина*. В целом синонимические парадигмы выделяют тройную культурную доминанту *смерть – кончина – конец*, которая в обыденном сознании составляет ядро концепта “Смерть”. <...> Явление смерти предполагает определенный процесс, манифестируемый глаголами *умирать/умереть*, которые считаем целесообразным включить в ядро анализируемого концепта» [15. С. 10].

И.И. Косинец описывает концепт «смерть» по отношению к человеку следующим образом: «К ядерной зоне относятся понятия о естественном и насильственном прекращении жизни, при этом доминирующее место занимает моральная семантика, вербализующая понятия насильственной гибели; в периферийную ассоциативную зону входят элементы, обозначающие похоронный обряд, влечение к смерти, бытие после смерти, а также смерть как антропоморфный субъект, приносящий гибель» [16. С. 96]. С таким описанием концепта можно согласиться, однако ученый не выделяет приядерный слой.

М.М. Логинова, изучавшая русские паремии, ядром концепта «смерть» считает словарный признак «прекращение существования». В приядерной зоне, по данным лингвиста, оказывается признак «неизбежности смерти», а в зоне ближней периферии – «внезапность смерти» и признак, который ему противоречит – «смерть как избавление». Признак же «смерть как нечто ужасное», заключает лингвист, не выражен в пословицах и поговорках [17].

В работе Ж.В. Салалькиной описан вариант членения концепта «смерть» на две семантические зоны, отражающие реальный и ирреальный компоненты языковой картины мира. Автор структурирует концепт «смерть» в виде иерархизированной модели языковых средств, в которой первая зона представлена средствами прямой номинации фреймов «смерть человека/животного/растения», а второй «представлен метафорическими мотивационными рядами: 1) “смерть животного > смерть человека”, 2) “смерть растения > смерть человека”, 3) “обретение покоя > смерть”, 4) “уход > смерть” (в ряде его конкретных разновид-

ностей), 5) “сон > смерть”» [18. С. 5]. Анализ этих работ позволяет уточнить только ядерный слой концепта, поскольку все ученые используют различный языковой материал, что обуславливает разные результаты при описании приядерного слоя и периферии. Как видим, к ядерному слою концепта «смерть» исследователи относят семантический признак «прекращение жизнедеятельности/существования».

Специфику авторского концепта и компоненты его структуры выявим на основании контекстуального анализа. Нами было проанализировано 150 контекстов, содержащих интересующие нас смыслы. Из них 58 непосредственных сочетаний лексемы *Россия* со словами, относящимися к семантической области *смерть* (например *гибель России, Россия погибла, умершей России, труп, называемый Россией*). Остальные фрагменты имеют общий смысл, связанный со смертью России. В данной статье приведем наиболее характерные для авторского стиля фрагменты, в которых не только ярко проявляется специфика языка Ю.В. Готье, но и отражены компоненты с семантикой смерти. Помимо лексем, нами будут проанализированы фразеологизмы, окказиональные слова и выражения, отдельные синтаксические конструкции и особенности стилистики текста.

«Смерть России» – индивидуально-авторский концепт и смысловая доминанта заметок Ю.В. Готье. Основания для моделирования его структуры мы выявили, опираясь на работу З.Д. Поповой и И.А. Стернина: «Номинативное поле концепта принципиально неоднородно – оно содержит как прямые номинации самого концепта непосредственно (ядро номинативного поля), так и номинации отдельных когнитивных признаков концепта, раскрывающих содержание концепта и отношение к нему в разных коммуникативных ситуациях (периферия номинативного поля)» [1. С. 47–48]. К **ядру данного концепта** отнесем смыслы высказываний о гибели России в целом. Соответственно, приядерную зону и периферию будут составлять смыслы, отражающие отдельные признаки, свидетельствующие о смерти России.

Понятийный компонент ядра концепта включает описание сложного процесса, имеющего неоднозначное отношение ко времени. «Смерть» государства – это не событие одного момента, а некоторый временной период, что отражено с помощью разных глагольных форм. Произведение имеет подзаголовок «Слово о гибели русской земли», который авторы примечаний комментируют так: “Слово о гибели русской земли” – заголовок сочинения неизвестного автора (вероятно, XIII столетия). В рукописи Готье это, скорее, первый эпиграф или подзаголовок дневника» [8. С. 60]. Отметим, что слово *погибель* в БАС считается устаревшим (помета «Устар.») [11. Т. 10. С. 165]. Выражение, употребленное в заголовке, актуализирует мысль о том, что речь идет о стране, ушедшей в прошлое. Однако глагол с тем же корнем используется автором в начале повествования в форме настоящего времени:

Россия погибает, подточенная Николаем II и добытая собственной революцией.

Данный контекст имеет противоречивый смысл. Исходя из того, что есть указание на предыдущие

проблемы (*подточенная*), мы понимаем, что процесс идет давно. В этом высказывании о ситуации проявляется позиция ученого, который видит причины революции. Слово *добитая*, вроде бы, свидетельствует об окончании процесса: «Добивать – бить кого-либо, доводя до смерти; приканчивать, уничтожать» [11. Т. 3. С. 835]. Но глагол *погибает* употреблен в настоящем времени, что противоречит предыдущему смыслу.

Следующий пример неоднозначен по временной отнесенности:

Более чем когда-либо Россия погибла.

Здесь глагол употреблен уже в форме прошедшего времени, выражение *более чем когда-либо* указывает на то, что подобное уже было, однако в момент написания проявляется в большей степени, но это значит, что, возможно, еще не все потеряно. Следовательно, глагол прошедшего времени употребляется в значении очень вероятного (с точки зрения автора) будущего. Процесс еще идет, что доказывает следующий пример:

И большевизм и германизм, как две петли, душат бедную, гаснущую русскую жизнь.

Как видим, глагол *душат* снова используется в форме настоящего времени, как и причастие. Эти различия времени глагольных форм свидетельствуют о сложности переживаний автора, о том, что он не уверен в окончательной гибели России.

Дополнительным понятийным компонентом ядра концепта является смысл «гибель России – научно обоснованный факт». Способом выражения данного смысла является научный стиль изложения, к элементам которого относятся такие приемы, как сопоставление исторических фактов и пронумерованные, оформленные в виде тезисов причины гибели страны. Автор выделяет семь причин гибели России и начало проблем связывает с воцарением Голштинской династии, которую характеризует, перечисляя негативные качества:

Главные причины гибели России: 1) Внутренняя политика Голштинской династии (эгоизм, деспотизм, жестокость и недалководность).

Понятийный компонент ядра концепта «утрата России в результате преобразования в другую страну» выражает следующий языковой факт. Вместе с названием *Россия* автор пользуется еще одним словом *Совдепия*, которое также обозначает страну, в которой он живет, но слова эти различны по семантике. Тем не менее, поскольку они используются для наименования одного государства, лексемы *Россия* и *Совдепия* находятся в сложных антонимо-синонимических отношениях. Слово *Совдепия* появляется в произведении не сразу, только с описания событий 1918 года. Это слово было в ходу в белогвардейской пропаганде. Для Ю.В. Готье оно действительно равно новой стране, но не равно России. По крайней мере, в следующем контексте:

...что деятельность в Совдепии никакая не мыслима и что отсюда, и во имя России, и во имя себя самого, надо уходить.

В другом случае с помощью термина *синонимы* Россия практически отождествляется с большевизмом, что по смыслу приравнивает ее к *Совдепии*:

Россия стала решительно большевистской, и для внешнего мира Россия и большевизм вероятно теперь почти синонимы, а отсюда выход такой: борьба с большевизмом будет борьбой с Россией.

Употребляя словосочетание *бывшая Россия*, автор, тем не менее, говорит о современном государстве:

...во мне борются две ненависти – к большевикам и к полякам. А вот при этом удастся хоть крошку сделать в пользу бывшей России!

Слово *Россия* употребляется и как наименование вероятного будущего государства:

...поляки остались и останутся врагами России и, защищаясь от них, мы, может быть, работаем для будущей гипотетической России.

В данном фрагменте сочетание *будущая гипотетическая Россия* свидетельствует о том, автор допускает гипотезу о будущем России. Поэтому, несмотря на использование слова *Совдепия*, автор не прекращает называть новое государство *Россией*, пусть и с определениями *большевистская, советская*.

В ядро концепта входит также ряд образов, выраженных в языке посредством метафор. Мы отнесем их к образному компоненту концепта. В этом мы следуем С.Г. Воркачеву, согласно которому образная составляющая концепта представлена языковыми и авторскими метафорами, «с помощью которых языковое сознание “овеществляет” абстрактные сущности» [19. С. 57]. Напомним, что первым значением лексемы *смерть* является прекращение жизнедеятельности организма. Особенность восприятия Ю.В. Готье страны как гибнущего единого организма доказывает то, что он метафорически называет Россию *большим человеком*:

Справили новоселье; были Каптеревы, Таня и серб Илич; разговор держался вокруг большого человека, т.е. России (Турция едва ли не умерла, да и Россия близка от того же).

Из данного фрагмента можно заключить, что для Ю.В. Готье понятия *страна* и *человек* сходны. Описывая Россию, автор часто применяет выражения, которые в общезыковом варианте употребляются по отношению к человеку:

Даже на душе как-то спокойнее; но это – спокойствие смерти. Родина умерла; нет больше родины. Ходил на выборы во всенародный кабак; беспрепятственно осуществил свою гражданскую обязанность и тем воздал последнее целование умершей дорогой России.

Отметим, что словосочетание *гражданская обязанность* маркирует официально-деловой стиль, что для автора может быть способом актуализировать свою гражданскую позицию.

Нередко Ю.В. Готье использует для описания происходящего зооморфизмы:

Участь России, околешнего игуанодона или мамонта – обращение в слабое и бедное государство.

Динозавры (*игуанодоны*) и мамонты – самые известные и самые сильные и крупные из вымерших травоядных животных. Можно предположить, что автор считает родную страну сильной, но не агрессивной, не нападающей первой. Следовательно, ослабев, страна будет беззащитна перед воинственными

соседями. И.А. Тарасова указывает, что «концепт возникает как образ и этот образ остается его ядром» [20. С. 180]. Поэтому данные антропо- и зооморфные метафоры имеют большое значение для описания концепта. Они представляют собой образ, с которым автор связывает смысл событий изображаемого периода, в котором Россия представлена сломанной системой, организмом, потерявшим способность к нормальному функционированию.

К ядру концепта относятся также смыслы, связанные с потерей боеспособности армии и угрозой иностранного вмешательства как возможной причиной утраты России. Важен смысловой компонент опасности того, что Россия перестанет быть *суверенным государством* (см. значение 3 в «Большом юридическом словаре»).

Автор описывает армию, сравнивая ситуацию со спорными в исторической науке событиями, приведшими к тому, что русское государство возглавили люди другого племени (Рюрик со своими братьями):

Армия, видимо, безнадежна, и вдали рисуется или немецкое, или общее международное вмешательство – иначе сказать, призвание варягов в новой форме 1 000 с лишком лет спустя после первого.

Данный фрагмент отражает понятийный компонент ядерной зоны концепта, так как лексемы *армия ... безнадежна* употреблены в прямом значении.

То, что Россия погибнет и будет разделена на сферы влияния иностранных государств, Ю.В. Готье описывает с помощью сравнения России с тушей свиньи. Эти высказывания дополняют образный компонент ядерной зоны концепта:

Вчера видел тушу Окси – пока она жила, была свиньей; теперь она туша, которой будут лакомиться. Не символ ли судьбы России, которой будут лакомиться немцы, как после Schweinschlacht.

Сходное высказывание процитировал в своей статье историк В.Л. Черноперов, отмечая, что Ю.В. Готье с помощью использования немецких слов подчеркивал неотвратимость господства Германии над Россией: «...выход в будущем разве только немецкий принц, посаженный при помощи немцев же, um die russischen Schweine zu frischen» [для того, чтобы освежевать (разделать) русскую свинью]]» [21].

Семантику германской агрессии усиливает сравнение с немецким словом *Schweinschlacht*, означающим «убой свиней» [8. С. 69]. Авторы комментариев отмечают, что «Готье, наверное, имеет в виду (как и в других местах дневника) выражение “русские свиньи”, употребительное среди антирусски настроенных немцев» [8. С. 69–70]. Сравним с использованием слова *падаль*:

Как отзовется все происходящее на ходе мировой борьбы, где русская падаль будет предметом общего дележа?

В этом контексте слово *падаль* является метафорой погибшей России. Выражение *предмет общего дележа* свидетельствует о том, что, по мысли автора, врагов у России больше, чем одна Германия.

По З.Д. Поповой и И.А. Стернину, к ядру не относятся «номинации отдельных когнитивных признаков концепта, раскрывающих содержание концепта и отношение к нему в разных коммуникативных ситуаци-

ях» [1. С. 47–48]. На основании этого к **приядерной зоне** концепта «смерть России» отнесем компоненты, отражающие отдельные явления, которые составляют прекращение деятельности государства. Это такие семантические компоненты, как недееспособность правительства (*дурак Керенский и его аггелы*), закрытие банков и университета (*банки закрыты, умер Московский Университет*), падение авторитета церкви (*попов, утолстевших и забывших бога*), деградация народа (*народ-пораженец*).

Правительство – главная составляющая государства. О Керенском и его правительстве автор высказывается резко негативно, экспрессия создается за счет модификации фразеологического оборота *на безрыбье и рак рыба*:

Керенский, этот соловей на бесптичь, и Ко., заседающая во временном правительстве, целую неделю все тянут переговоры о национальном правительстве: да здравствуют лозунги, пусть гибнет Россия!

Кризис власти также описан с помощью церковной или связанной с религиозной мифологией лексики с негативной семантикой:

Ну уж и дурак Керенский и его аггелы. Ведь они еще глупее даже, чем был Николай II и его клеветы. А ведь это не мало сказано.

Слово *аггелы* в обиходе не используется, оно относится церковному дискурсу: «Ангел – злой дух, дьявол, сатана» [22. С. 11]. Лексема *клевет* имеет менее негативную коннотативную окраску. Для усиления семантики *глупости* автор добавляет к сравнительной степени *глупее* слова *еще и даже*. Таким образом, здесь эксплицируется смысл ‘глупости в крайней степени’. Автор использует целый ряд синонимов, обозначающих отсутствие ума: слова и их производные *тупой, глупый, болван, дурак*. Семантика *глупость правительства* в данном концепте принадлежит к понятийной составляющей. Однако для усиления данного смысла привлечена метафора, что дополняет образный компонент концепта смыслом *злые духи у власти*.

Помимо кризиса власти описано прекращение деятельности других государственных структур. Лексика, употребляемая автором, имеет семантику неблагополучия различной степени (*переполох, катастрофа*). Понятийная составляющая концепта в приядерной зоне дополняется смыслами *закрытие банков и университета*:

Кажется, мы доходим до финальной катастрофы. Банки закрыты – это вносит еще больший переполох.

При описании гибели Московского университета автор использует выражение, отсылающее к завершению эпохи античности:

Умер великий Пан! Умер Московский Университет! И Бог знает, когда он воскреснет.

Т. Эммонс и С. Утехин, подготовившие к печати данные заметки, комментируют это так: «Выражение восходит к Плутарху, у которого смерть Великого Пана символизирует конец античного мира» [8. С. 439]. Следовательно, автор соотносит российскую науку с классической древней культурой, высокой, но

ушедшей в прошлое. Однако слово *воскреснет* вносит смысл надежды на возрождение этого культурного достояния. В приведенном фрагменте актуализирован смысловой компонент не только понятийной составляющей. Метафора *великий Пан* и антропоморфизация университета с помощью лексемы *воскреснет* относятся к образной части концепта.

Важным элементом государства является церковь. Автор прямо говорит о потере авторитета церкви, поэтому данный смысл входит в понятийный компонент концепта. При описании служителей церкви автор употребляет выражение *забывшие Бога*, которое является фразеологизмом с негативным значением: «Забывать бога. Забыть бога. Устар. Изменять вере, не бояться суда Божьего, делая что-либо предосудительное» [23]. Окказионализм *утолстевших* придает выражению дополнительную экспрессию и усиливает негативную оценку:

...думаю, однако, что нашу церковь и попов, утолстевших и забывших Бога, может вернуть к их обязанностям и вообще поднять церковь только некоторое гонение.

Лексема *поднять* употреблена в переносном значении. Однако в словаре данное значение подразумевается по отношению к отдельному человеку, а не к целому классу служителей культа.

Народ – важная компонента государства. Стремление народа и страны к собственной гибели является еще одним семантическим компонентом ядерной зоны:

Чувство сожаления, что народ, от которого мог бы выйти прок, совершает над собой самоубийство. Русский народ – народ-пораженец; оттого и возможно такое чудовищное явление, как наличность среди чисто русских людей – людей, страстно желающих конечного поражения России.

Слово *подлец* в русском языке употребляется по отношению к одному человеку: «Подлый человек, негодяй» [11. Т. 10. С. 432]. Лексема *самоубийца* также употребляется в языке по отношению к одному человеку. Авторская особенность в том, что Ю.В. Готье употребляет данные слова по отношению к народу:

Позор народу подлецу и самоубийце.

Ю.В. Готье также использует метафору самоубийства по отношению к России:

То, что было прежде Россией, погубило себя надолго.

Слово *надолго*, употребленное автором, указывает на неокончателность гибели.

Классовое господство – важнейший признак государства, согласно БАС (см. значение 1). Новым господствующим классом является простой народ. Ю.В. Готье часто использует слово *гориллы* для обозначения невежественной толпы. Авторы предисловия пишут о происхождении этого метафорического значения у Готье: «Слово “гориллы” для определения толпы или черни в революционных событиях Готье, вероятнее всего, заимствовал у И. Тэна (Hippolyte Taine), одного из его любимых писателей, который, как писали авторы предисловия к изданию, часто употреблял это слово (“les gorilles”) в работах, посвящен-

ных истории французской революции конца XVIII века» [8. С. 11]. Приведем пример употребления данного слова у Готье:

...надпартийное объединение на национально-демократической основе – это единственный путь к спасению. Но смогут ли что-либо сделать эти несколько сот человек с морем миллионов горилл?

Выражение *единственный путь к спасению* означает, что спасение, по мнению автора, возможно, но невежественных людей слишком много, о чем говорит окказиональное словосочетание *море миллионов*.

Засилье невежественных людей автор описывает с помощью метафоры *зверинец*. Один из приемов автора – противопоставление двух слов с негативной коннотативной окраской чтобы показать, что дела в государстве идут все хуже и хуже. Например, столкновение лексем *кабак* и *зверинец*:

Много слухов и данных о фальсификации выборов во всенародный кабак, который, по всем данным, обещает быть даже не кабаком, а зверинцем.

В данном случае понятийный компонент концепта, смысл *деградация народа*, выражен при помощи метафор, которые дополняют образный компонент ядерной зоны концепта смыслами *народ – самоубийца, люди – гориллы, выборы – зверинец*.

К *периферии* концепта «смерть России» относится эмоциональное состояние автора, вызванное событиями в стране. Оно передается выражениями со значением душевной подавленности, которые содержат слова с семантикой негативной оценки. Например:

Гнет на душе хуже, чем когда-либо. От неврастности или от предчувствия следующих очередных мерзостей? Ведь предел скорби нами еще далеко не достигнут. <...> все то же беспросветное состояние, без всякой надежды впереди, среди всеобщего разложения и гибели.

Выделенные сочетания слов указывают на состояние отчаяния, что подчеркивается словами *гибель* и *беспросветный*.

Смысл «тяжелые переживания» можно отнести к ценностному компоненту концепта по теории В.И. Карасика и Г.Г. Слышкина, так как ценности человека опираются на его эмоциональные переживания. Связь оценки и ценностей была отмечена еще в 1964 г. В.А. Василенко [24]; Н.А. Лукьянова вносит в эту идею следующее уточнение: «Чувственный уровень оценки осуществляется с помощью эмоций, которые оказываются вовлеченными в процесс познания» [25. С. 3–4].

При описании личных переживаний Ю.В. Готье также употребляет лексемы *дух, душа*:

На душе так тяжело, как давно не было. <...> Вчера опять усиленное тяжелое состояние духа от всяких разговоров о забастовках, беспорядках и т.п.

Обе лексемы *дух* и *душа* характеризуют человека с духовной стороны и именуют в структуре лексического значения семы «внутренний». Данный фрагмент актуализирует семантику высокой духовности, которая противопоставлена событиям, происходящим в стране, обозначенным конкретно (лексемы *забастовки, беспорядки*), и лексемами с негативными коннотациями (*мерзости, разложение, гибель*).

Подведем итоги. Индивидуально-авторский концепт «смерть России», реализованный в тексте дневника Ю.В. Готье «Мои заметки», моделируется на основании как полевой модели З.Д. Поповой и И.А. Стернина, определяющей значимость смысловых элементов (ядро, приядерная зона, периферия концепта), так и теории В.И. Карасика и Г.Г. Слышкина, сосредоточивающей внимание на характере этих элементов (понятийный, образный, ценностный компоненты). В структуре анализируемого концепта представлены все указанные зоны и компоненты.

Ядерным компонентом концепта «смерть России», по аналогии с ядром концепта «смерть» в русской языковой картине мира, является гибель России как единой системы, метафорически описанная Готье как смерть организма. Понятийный компонент ядерной зоны концепта содержит смыслы происходящего во времени процесса, для которого есть научное обоснование, но он не закончен и имеет варианты окончания, включающие полную утрату (*умирание*) или превращение в другую страну (*Совдепию*). Образный компонент ядерной зоны концепта включает метафорические соотношения России с большим человеком, с мертвым животным. Компонент насильственной смерти, отмеченный лингвистами, например И.И. Косинец, в русской языковой картине мира, в исследуемом нами концепте также относится к ядру и выражен семантикой опасности потери суверенитета

и грозящего России иностранного господства. Эти смыслы выражены при помощи метафор, сравнений, немецких слов и выражений, однокоренных или синонимичных глаголов с семантикой смерти в различных формах времени.

Приядерный слой концепта включает отдельные признаки, свидетельствующие о смерти России. Это описание прекращения деятельности либо деградации всех важнейших составляющих государства (*армия, правительство, университет, банки, церковь, народ*), что показано с помощью лексики с семантикой смерти, разрушения и общего неблагополучия, слов из церковного лексикона. Правительство описано однокоренными лексемами и синонимами с семантикой *глупости*. К понятийному компоненту концепта в приядерной зоне относятся смыслы *недееспособность армии и глупость правительства, закрытие банков и университета, потеря авторитета церкви и деградация народа*. Метафоры *помощники Керенского – аггелы, народ – самоубийца, гориллы, выборы-зверинец и Великий Пан – университет* дополняют образный компонент данной зоны концепта.

Периферийный слой концепта, связанный с оценкой происходящих событий, в тексте выражен лексикой со значением угнетенного душевного состояния автора (*на душе так тяжело, тяжелое состояние духа*). Негативная эмоциональная оценка относится к ценностному компоненту концепта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова С.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ : «Восток-Запад», 2007. 226 с.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
3. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт: монография. М. : Гнозис, 2004. 192 с.
4. Залевская А.А. Когнитивизм, когнитивная психология, когнитивная наука и когнитивная лингвистика // Когнитивная лингвистика. Современное состояние и перспективы развития. Тамбов, 1998. Ч. 1. С. 6–9.
5. Митяева А.П. Подходы к изучению концептов // Коммуникативные аспекты языка и культуры : сб. материалов XV Междунар. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых. Ч. II / под ред. С.А. Песоцкой. Томск : Изд-во ТПУ, 2015. С. 3–8.
6. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метакоцепты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 40 с.
7. Власова К.В. Репрезентация индивидуально-авторского концепта SOLITUDE в романах Дж.К. Роулинг о Гарри Поттере // Профессиональная коммуникация: актуальные проблемы преподавания и исследования. Тамбов : Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2016. С. 166–175.
8. Готье Ю.В. Мои заметки. М. : ТЕРРА, 1997. 592 с.
9. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов. Волгоград : Парадигма, 2005. Т. 1. С. 13–15.
10. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика : дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1997. 330 с.
11. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1966.
12. Большой юридический словарь / [В.А. Белов и др.] ; под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2002. URL: <https://gufo.me/dict/law/государство> (дата обращения: 05.11.2020).
13. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Азбуковник, 1998. Т. 3. 720 с.
14. Толковый словарь русского языка : в 4 т. М. : Сов. энциклопедия : ОГИЗ, 1935–1940. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 10.12.2020).
15. Осипова А.А. Концепт «смерть» в русской языковой картине мира и его вербализация в творчестве В.П. Астафьева 1980–1990-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 28 с.
16. Косинец И.И. Структурно-семантические особенности концепта «смерть» в русской смеховой картине мира // Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии : сб. ст. по материалам XLIII Междунар. заоч. науч.-практ. конф. М. : Интернаука, 2015. С. 89–96.
17. Логинова М.М. Структура концептов «жизнь» и «смерть» (на материале русских поговорок) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2016. № 1 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-kontseptov-zhizn-i-smert-na-materiale-russkih-paremyu> (дата обращения: 27.12.2020).
18. Салалыкина Ж.В. Понятие «смерть» в русском языке (опыт концептуального анализа семантического поля) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 23 с.
19. Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60, № 6. С. 47–58.
20. Тарасова И.А. Концептуальное моделирование как методологическая основа анализа корпусных данных // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 178–190.
21. Черноперов В.Л. Образы «Россия и русские», «Кайзеровская империя и немцы», «Антанта и народы стран Согласия» на страницах дневника Ю. В. Готье (1917–1918 гг.). URL: http://rosmir.iriran.ru/current.php?id=44#_ftn40 (дата обращения: 14.10.2020).

22. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. СПб. : Издание поставщиков двора его величества М.О. Вольф, 1903. Т. 1.
23. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М. : Астрель : АСТ, 2008. 878 с.
24. Василенко В.А. Ценности и оценка : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Киев : [б. и.], 1964. 21 с.
25. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. Новосибирск : Наука, 1986. 227 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 26 августа 2021 г.

The Individual Authorial Concept “Death of Russia” (Based on the Material of Yury Gauthier’s Diary *My Notes*)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 71–79.

DOI: 10.17223/15617793/473/9

Tatiana G. Putilina, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: push.lock2012@gmail.com

Keywords: concept; lexical meaning; semantics of death; precedent historical period; metaphor; autobiographical text.

The object of this study is the concept “death of Russia” of the precedent historical period (1917–1922, the Revolution and the Civil War). Based on the analysis of the use of lexemes belonging to the semantic field of death and linguistic means that most clearly reflect the author’s perception of the precedent historical period, the author aims to prove the presence and reveal the substantive structure of the concept “death of Russia” in Yury Gauthier’s *My Notes*. The nuclear zone of the concept “death of Russia”, by analogy with the nucleus of the concept “death” in the Russian language picture of the world, is the death of Russia as a single system, metaphorically described by Gauthier as the death of an organism. The conceptual component of the nuclear zone of the concept contains the meanings of a process, taking place in time, scientifically justified, but not completed and having options for its end – including a complete loss (dying) or transformation into another country (Sovdepia). The figurative component of the nuclear zone of the concept includes metaphorical correlations of Russia with a sick person, with a dead animal. The component of violent death in the concept belongs to the nucleus and is expressed by the semantics of the danger of losing sovereignty and threat of foreign domination over Russia. These meanings are expressed via metaphors, comparisons, German words and expressions, single-root or synonymous verbs with the semantics of death in various tense forms. The near-nuclear zone of the concept includes separate signs indicating the death of Russia. This is a description of the cessation of activity or degradation of all the most important components of the state (army, government, university, banks, church, people), which is shown using vocabulary with the semantics of death, destruction and general disadvantage, words from the church vocabulary. The conceptual component of the concept in the near-nuclear zone includes the meanings of the stupidity of the government, the closure of banks and the university, the loss of authority of the church, and the degradation of the people. The metaphors Kerensky’s assistants as evil angels; people as suiciders, gorillas; elections as a menagerie; and the university as the Great Pan complement the figurative component of this zone. The peripheral zone of the concept, associated with the assessment of the contemporary events, is expressed by vocabulary with the meaning of the author’s oppressed state of mind (*na dushe tak tyazhelo* [I am sick at heart], *tyazheloe sostoyanie dukha* [My heart is heavy]). Negative emotional assessment refers to the value component of the concept.

REFERENCES

1. Popova, S.D. & Sternin, I.A. (2007) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow: AST: “Vostok-Zapad”.
2. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
3. Vorkachev, S.G. (2004) *Schast'e kak lingvokul'turnyy kontsept* [Happiness as a Linguocultural Concept]. Moscow: Gnozis.
4. Zalevskaya, A.A. (1998) Kognitivizm, kognitivnaya psikhologiya, kognitivnaya nauka i kognitivnaya lingvistika [Cognitivism, cognitive psychology, cognitive science and cognitive linguistics]. In: *Kognitivnaya lingvistika. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Cognitive Linguistics. The current state and prospects of development]. Pt. 1. Tambov: Tambov State University, pp. 6–9.
5. Mityaeva, A.P. (2015) [Approaches to the study of concepts]. *Kommunikativnye aspekty yazyka i kul'tury* [Communicative Aspects of Language and Culture]. Proceedings of the 15th International Conference. Pt. 2. Tomsk. 9–21 May 2015. Tomsk: Tomsk Polytechnical University. pp. 3–8. (In Russian).
6. Slyshkin, G.G. (2004) *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty* [Linguocultural concepts and metaconcepts]. Abstract of Philology Dr. Diss. Volgograd.
7. Vlasova, K.V. (2016) Rezentatsiya individual'no-avtorskogo kontsepta SOLITUDE v romanakh Dzh.K. Rouling o Garri Pottere [Representation of the individual author’s concept of SOLITUDE in J.K. Rowling’s Harry Potter novels]. In: Dronova, O.A. (ed.) *Professional'naya kommunikatsiya: aktual'nye problemy prepodavaniya i issledovaniya* [Professional Communication: Actual problems of teaching and research]. Tambov: Izd-vo TROO “Biznes-Nauka-Obshchestvo”, pp. 166–175.
8. Gauthier, Yu.V. (1997) *Moi zametki* [My Notes]. Moscow: TERRA.
9. Karasik, V.I. & Slyshkin, G.G. (2005) Bazovye kharakteristiki lingvokul'turnykh kontseptov [Basic characteristics of linguocultural concepts]. In: Karasik, V.I. & Sternin, I.A. (eds) *Antologiya kontseptov* [Anthology of concepts]. Vol. 1. Volgograd: Paradigma. pp. 13–15.
10. Babushkin, A.P. (1997) *Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazyka, ikh lichnostnaya i natsional'naya spetsifika* [Types of concepts in lexical and phraseological semantics of language, their personal and national specifics]. Philology Dr. Diss. Voronezh.
11. Chernyshev, V.I. (ed.) (1950–1966) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of Modern Russian Literary Language]. Vols 1–17. Moscow; Leningrad: USSR AS.
12. Sukharev, A.Ya. & Krutskikh, V.E. (eds) (2002) *Bol'shoy yuridicheskyy slovar'* [Large Legal Dictionary]. 2nd ed. Moscow: INFRA-M. [Online] Available from: <https://gufo.me/dict/law/gosudarstvo> (Accessed: 05.11.2020).
13. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1998) *Russkiy semanticheskyy slovar'*. *Tolkovyy slovar', sistematizirovannyy po klassam slov i znacheniy* [Russian Semantic Dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings]. Vol. 3. Moscow: Azbukovnik.
14. Ushakov, D.N. (ed.) (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Sov. entsiklopediya: OGIZ. [Online] Available from: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (Accessed: 10.12.2020).
15. Osipova, A.A. (2005) *Kontsept "smert'" v russkoy yazykovoy kartine mira i ego verbalizatsiya v tvorchestve V.P. Astaf'eva 1980–1990-kh gg.* [The concept of “death” in the Russian language picture of the world and its verbalization in the work of V.P. Astafiev in the 1980s and 1990s]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.
16. Kosinets, I.I. (2015) [Structural and semantic peculiarities of the concept “death” in the Russian comic world view]. *Nauchnaya diskussiya: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii* [Scholarly Discussion: Problems of philology, art criticism and culturology]. Proceedings of the XLIII International Conference. 12 (39) Moscow. December 2015. Moscow: Internauka. pp. 89–96. (In Russian).

17. Loginova, M.M. (2016) Structure of the concept “life” and “death” (in Russian proverbs). *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*. 1 (20). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-kontseptov-zhizn-i-smert-na-materiale-russkih-paremiy> (Accessed: 27.12.2020). (In Russian).
18. Salalykina, Zh.V. (2003) *Ponyatie “smert’” v russkom yazyke (opyt kontseptual’nogo analiza semanticheskogo polya)* [The concept of “death” in the Russian language (experience of conceptual analysis of the semantic field)]. Abstract of Philology Cand Diss. Volgograd.
19. Vorkachev, S.G. (2001) Kontsept schast’ya: ponyatiynyy i obraznyy komponenty [The concept of happiness: conceptual and figurative components]. *Izvestiya RAN. Seriya literaturny i yazyka – Bulletin of the Russian Academy of Sciences: studies in literature and language*. 6 (60). pp. 47–58.
20. Tarasova, I.A. (2020) Conceptual modeling as a methodological basis for the analysis of corpus data. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University journal of philology*. 63. pp. 178–190. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/63/10
21. Chernoperov, V.L. (n.d.) *Obrazy “Rossiya i russkie”, “Kayzerovskaya imperiya i nemtsy”, “Antanta i narody stran Soglasiya” na stranitsakh dnevnika Yu. V. Got’e (1917–1918 gg.)* [Images of “Russia and the Russians”, “The Kaiser’s Empire and the Germans”, “The Entente and the peoples of the countries of Consent” on the pages of the diary of Yu.V. Gauthier (1917–1918)]. [Online] Available from: http://rosmir.iriran.ru/current.php?id=44#_ftn40 (Accessed: 14.10.2020).
22. Dal’, V.I. (1903) *Tolkovyy slovar’ zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 1. Saint Petersburg: Izdanie postavshchikov dvora ego velichestva M.O. Vol’f.
23. Fedorov, A.I. (2008) *Frazeologicheskiy slovar’ russkogo literaturnogo yazyka: ok. 13 000 frazeologicheskikh edinit* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language: Approx. 13,000 phraseological units]. 3d ed. Moscow: Astrel’: AST.
24. Vasilenko, V.A. (1964) *Tsennosti i otsenka* [Values and Evaluation]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kiev.
25. Luk’yanova, N.A. (1986) *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya: Problemy semantiki* [Expressive Vocabulary of Colloquial Use: Problems of semantics]. Novosibirsk: Nauka.

Received: 26 August 2021

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ А.Я. БУЛГАКОВА В ЕГО ПЕРЕПИСКЕ С В.А. ЖУКОВСКИМ (НА МАТЕРИАЛЕ ДВУХ ПИСЕМ А.Я. БУЛГАКОВА В.А. ЖУКОВСКОМУ 1830–1835 ГГ. ИЗ АРХИВА ИРЛИ РАН)

Исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX века: текстология, комментарий, публикация»).

В научный оборот вводятся два письма 1830–1835 гг., принадлежащих перу московского почт-директора А.Я. Булгакова и адресованных В.А. Жуковскому. Эти письма интересны репрезентацией личности А.Я. Булгакова, известного широкой общественности преимущественно в возмутительной роли почтмейстера, вскрывавшего письма А.С. Пушкина. Реальная фигура А.Я. Булгакова, нашедшая отражение в его переписке с В.А. Жуковским, оказывается более сложной и значительной.

Ключевые слова: А.Я. Булгаков; В.А. Жуковский; русская эпистолярная культура; текстология

На первый взгляд, публикация двух писем 1830–1835 гг., принадлежащих перу московского почтового директора А.Я. Булгакова и адресованных В.А. Жуковскому, что хранятся в архиве Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук (ИРЛИ РАН), вряд ли может почитаться реализацией одной из наиболее актуальных тенденций, отличающих современное состояние отечественной филологической мысли, и предстает скорее результатом достаточно частных наблюдений – как и выход в свет 17-томного булгаковского дневника «Современные записки и воспоминания мои», фрагментарно опубликованного стараниями С.В. Шумихина [1–6], отмечавшего при том, что дневник этот «в настоящее время остается, пожалуй, единственным источником такого уровня и масштаба, который опубликован лишь частично (если сравнивать с полным объемом этого исторического айсберга, то в весьма небольшой своей части)» [7]. Справедливость столь высокой оценки публицистического и эпистолярного наследия московского почт-директора находит подтверждение и в публикуемых письмах, которые, не затрагивая столь судьбоносных для эпохи тем, как смерть Н.В. Гоголя, которую возвестил пребывавшему в Германии Жуковскому именно Булгаков [8. С. 510], вместе с тем представляют интерес с точки зрения не только репрезентации личных отношений двух адресатов, но и как историко-литературный факт, ибо, не присовокупляя чего-то значимого к известным фактам, все же весьма показательны в том, что касается характеристики личности московского почт-директора.

Александр Яковлевич Булгаков (1781–1863), памятный без малого четвертьвековой службой в должности московского почтового директора, как отмечает С.В. Шумихин, «нашим современникам, знакомым с XIX веком <...> известен преимущественно по эпизоду с перлюстрацией письма Пушкина к жене в 1834 году, когда Булгаков служил в должности московского почт-директора. Эпизод, безусловно, возмутительный, и Пушкин был взбешен. Этот случай заглох в общественном сознании реальную фигуру Булгакова. В то же время, не отличаясь “выспренним” умом и бывший в высшей степени земным и практи-

ческим человеком, он все же был и сложней и значительней, чем человек с репутацией вскрывателя чужих писем» [7]. Аккурат этим атрибуция Булгакова зачастую и исчерпывается – а между тем московский почт-директор был близким приятелем, помимо В.А. Жуковского, также «звезды разрозненной плеяды» и «декабриста без декабря» П.А. Вяземского, без усилий которого «в области поэзии мысли картина русской поэзии 1820–1830-х годов лишилась бы важной и необходимой краски – интеллектуального блеска. Каламбуры, афористические стихи, эпиграмматические остроты, куплетные рефрены – во всем этом мастерство Вяземского неоспоримо, и все это входило как в повседневный быт русского общества, так и в арсенал русской словесной культуры» [9. С. 202], и А.И. Тургенева – полуопального автора «Хроники русского», чей «“кипяток, сочный бульон из животрепещущей утробы настоящего” (как Пушкин определил публицистику Тургенева) формировал новый взгляд на жизнь и окружающий мир» [9. С. 17]. Это дает повод счесть, что «ловкий, любезный, “всеобщий одолжитель”, как его именовали в кругу пушкинских приятелей» [10. С. 157], «н<егодай> Булгаков» [11. С. 219], согласно презрительному именованию самого Пушкина в предупреждении жене тщательно выбирать слова в эпистолах, могущих попасть в руки «Сашки Булгакова», был хоть и спорной, но все же куда более неоднозначной личностью, нежели исключительно соответствовал расхожему представлению о нем как о человеке, что «соединял в одном лице Шпекина и Загорецкого» [10. С. 157].

Записной вельможа, А.Я. Булгаков имел «в обществе обеих столиц репутацию образованнейшего человека» [7], чья «светская ловкость и любезность в обхождении, дополняющаяся личным благоволением государя Николая Павловича (император особенно отличал младшую дочь Булгакова Ольгу, а старшая, Екатерина, до замужества была фрейлиной императрицы), открывали ему доступ в великосветские московские и петербургские салоны и во дворец» [7]. Именно это обстоятельство снискало московскому почт-директору славу «“ходячей хроник[и]” новостей, всезнающ[его] коллекционер[а] пикантных подробностей из жизни обеих столиц» [12. С. 116]. Отличав-

шийся широчайшей осведомленностью относительно того, что происходило в стране и мире, А.Я. Булгаков был прилежным, вдумчивым (пусть суждения верно-подданного отставного дипломата и отличаются известной одиозностью) и не лишенным остроумия летописцем и хроникером «стенографической и живо-трепещущей истории текущего дня» [13. С. 184], зафиксированной в его ежедневной переписке с младшим братом Константином [14–16]. Неслучайно Вяземский, характеризую Булгакова, цитирует письмо к тому Жуковского и говорит, что «ты рожден гусем, т.е. все твое существо утыкано гусиными перьями, из которых каждое готово без усталости писать с утра до вечера очень любезные письма» [13. С. 189], имея в виду, что московский почт-директор «любил писать письма, зачастую – весьма пространные, изобиловавшие многоразличными подробностями, был мастером эпистолярной и стремился как первым сообщать московскому свету о петербургских происшествиях, о которых он узнавал сначала от брата, с 1819 года являвшегося почтовым директором в Петербурге, а после смерти последнего в 1835 году – от иных многочисленных своих корреспондентов, так и держать друзей, находящихся далеко, в курсе событий, имевших место в Москве, да и не только в Москве (так, например, собственно Жуковский, который после женитьбы на Елизавете Рейтерн в 1841 году поселился в Дюссельдорфе, а в 1844 году чета переселилась во Франкфурт-на-Майне, узнавал о том, что происходит в России, во многом благодаря письмам Булгакова, правда, не всегда удостоивавшимся ответа)» [17. С. 23].

Всем посланиям московского почт-директора свойственна подчеркнутая направленность на адресата, апеллированием к духовной жизни последнего интимизирующая даже изложение реалий обыденной жизни русской аристократии XIX столетия и великосветских комеражей. Поэту, долгое время пребывавшему вне России, крайне повезло иметь в лице Булгакова столь искренне расположенного к нему «исправнейшего корреспондента», как тот сам рекомендует себя в письме Жуковскому от 21 декабря 1843 г. [18. Л. 37], поскольку он не только, «исполняя должность московского почт-директора <...> из года в год пересылал адресатам Жуковского нужные письма, отыскивая его родных и знакомых в самых разных городах России. Жуковский не уставал благодарить Булгакова за доставление писем и вновь пересылал ему пакеты и пакеты, которые Александр Яковлевич переправлял по назначению», но и, как уже было сказано выше, усердно и безотказно снабжал поэта новостями, оставаясь «в последние годы жизни Жуковского <...> одним из немногих, кто рассказывал Василию Андреевичу о том, что происходит в России» [8. С. 510]. Разумеется, обширная переписка Жуковского со множеством конфиденциальных не позволяет утверждать, что восприятие поэтом происходящего в жизни московского и петербургского высшего света определялось исключительно призмой повествуемого ему Булгаковым, однако то, что это в некоторой степени соответствует действительности, представляется вполне вероятным; и это влияние на великого поэта, сыгравшее

го одну из ведущих ролей в становлении национального своеобразия русской словесной культуры ее золотого века, выявляет ценность публикуемых писем как источника биографической и историко-литературной информации.

Публикуемые письма А.Я. Булгакова написаны на листах серой почтовой бумаги, сложенных вдвое. Второе послание, от 10 августа 1835 г., предваряется цветным изображением Московских триумфальных ворот (Триумфальной арки) (лист 5), причем изображение находит отражение в тексте письма: подробное «Москва, даже Крухмальные ворота» (каковое обозначение напоминает о владении собеседником Жуковского инструментарием и лексикой XVIII столетия). Московский почт-директор никогда не отличался образцовым почерком, что не раз когда иронически, а когда и с подлинной обидой обыгрывается в его переписке в том числе с Жуковским (так, в письме от 31 января 1842 г. он пишет: «Я готов к тебе писать не столько исполняя желание твое, как по собственному побуждению сердца, но ты поставил меня в тупик: ты не разбираешь моей руки, а мне уже поздно в 60 лет опять начать учиться писать. Ежели ты так глуп сделался с того времени, что переселился на берега Рейна, то выучи жену свою русской грамоте, она, верно, в три месяца будет уметь меня читать, и не быв, как ты, завистлива, верно скажет, что я чрезвычайно умен, мил и любезен и имею прекраснейший почерк. У моего князя Александра Николаевича Голицына глаза и хуже и старее твоих, да он разбирает мою руку; ты просто блажишь, по линейкам и следующим шрифтом Я, ПРАВО, К ТЕБЕ ПИСАТЬ НЕ СТАНУ (написано каллиграфическим почерком. – *Е.Т.*). Времени не станет. Надобно полагать, что добрая твоя жена ужасно тебя избаловала. Я уже жаловался Вяземскому на тебя, а теперь жалуюсь тебе самому на претензии твои, а между тем по сродному душе моей милосердию пишу тебе вновь. Пошли письмо мое в Париж к Мицкевичу или в Прагу богемскую, там найдутся мастера разобрать зашифрованную мою депешу. Я не знаю, не шутка ли все, что ты мне наврал, но я тебе серьезно подтверждаю, что лучше этого писать не могу – но оставим это» [18. Л. 13–13 об.]), однако в данном случае Булгаков весьма аккуратен, строчки выписаны довольно ровно. В письме от 10 августа 1835 г. наличествует сделанная рукой Булгакова помета, маркирующая указание на прилагаемые материалы (здесь – расписки в получении двух писем, что просил доставить Жуковский). Также на страницах обоих писем присутствуют карандашные пометы, имеющие место на двух листах: в первом случае – на листе 3 (подчеркнутое «1830» в левом верхнем углу и «А.Я. Булгаков» вверху справа), во втором – на листе 5 («1835» в левом верхнем углу); очевидно, все указанные пометы связаны исключительно с решением функциональных задач каталогизации посланий, и потому ныне установление авторства данных обозначений представляется практически неосуществимым.

Первое письмо, датированное 31 октября 1830 г., начинается шутивным приветствием, что характерно для эпистолярной манеры общения Булгакова с Жу-

ковским, после чего московский почт-директор извещает приятеля о комиссии, полученной от Вяземского. Затем Булгаков успокаивает поэта, обеспокоенного первой в истории России вспышкой холеры, самого смертоносного в XIX в. инфекционного заболевания, в чем проявляется известная внутренняя стойкость пребывающего в Москве верного друга и корреспондента Жуковского. Первые признаки болезни появились в Петербурге лишь в апреле 1831 г., тогда как в «белокаменную» «моровое поветрие» пришло в сентябре 1830 г. И если в случае Жуковского зловещие слухи противились вдохновению и не располагали к творчеству, повергая тонко чувствующего поэта в уныние, то Булгаков, находящийся непосредственно в охваченном «собачьей смертью» городе, делает оптимистические прогнозы относительно того, что «мы скорее все выздоровеем, нежели умрем», и верноподданнически восхищается мужественным поступком императора Николая I, что «полетел в матушку Москву делить скорбь и опасности» и тем предотвратил распространение паники. Здесь Булгаков, который, по словам С.В. Шумихина, «был наделен своего рода “архивным инстинктом”» [7] (не зря в письме от 1 мая 1843 г. он пишет: «Я ужасно люблю рассказы старых людей, кои играли некоторую роль сами или были свидетелями достопамятных происшествий: вот истинные и лучшие источники для истории!» [18. Л. 33]), иронично приводит прямо противоположное поведение высших московских кругов во время эпидемии чумы 1770–1772 гг. и упоминает Вяземского, который «пишет <...> дельно», и приводит его бонмо: «бывало, близ царя – близ смерти, а государь переменил пословицу для себя: близ народа, близ смерти». Далее автор письма жовиально предвкушает то, что «на Большом театре будет комедия и дивертисман», сопровождая это остроумным, пусть и невеселым по сути сопоставлением культурной жизни Москвы с состоянием помпейского театра после извержения Везувия, уведомляет о помолвке своей младшей дочери, красавицы Ольги, с князем А.С. Долгоруковым, кокетливо пеняет 47-летнему Жуковскому, мол, «ты все еще церемонишься в мужья записаться», тогда как сам он «того и гляди что в дедушки» попадет (напомним, что московский почт-директор не намного старше поэта – ему в то время было без малого 49 лет)¹, и, наконец, жизнерадостно завершает послание очередным уверением в том, что «холера не пристанет», и с редкой диалектичностью упоминает «Пустынника» как один из ярчайших примеров балладного «театра страстей» Жуковского, «где в экстремальных обстоятельствах обнажались страсти, в драматических ситуациях проявлялись характеры» [9. С. 87], – и это удивительно уместное напоминание звучит как призыв к неизменному жизнелюбию, к тому, чтобы не подчиняться обстоятельствам, но преобразовать их творчеством. В этом письме представлен абрис жизненного пространства Булгакова – от искреннего преклонения перед императором до пристрастия к культуре, – в коем дружба занимает значимое место, что очевидно как в самом тоне собственно письма Жуковскому, так и, скажем, в упоминаниях Вяземского.

В отличие от письма от 31 октября 1830 г., открывающегося мягким упреком адресата в манкировании им долгом корреспондента («Между нами давно заведено любить друг друга нежно, но молча»), датированное 10 августа 1835 г. после обязательной юмористической преамбулы, увенчивающейся воззванием активно писать, ибо «при сих верных оказиях» и на долю Булгакова «парочка слов перепадает», следует изъяснение признательности «за строки от 4 авг<уста>», в которых Жуковский как раз и просит доставить несколько писем, об исполнении чего Булгаков ему и рапортует, наряду с этим высказывая свое как почтового директора мнение относительно оптимального способа доставки корреспонденции определенному получателю. Завершается письмо выражением надежды на то, что путешествие царской четы в Германию в сопровождении генерала-адмирала, второго сына императора Николая I и Александры Федоровны, будет благоприятным, дружеской подколкой по поводу затянувшейся холостяцкой жизни Жуковского, непременно «Обнимаю тебя душевно. Христос с тобою», остротой, включающей практически обязательное французское «вкрапление», и замечанием о том, что «А<лександр> Тур<генев> умолк!». Между этим размещается краткая обмолвка о горе, постигшем Вяземского (подразумевается смерть его дочери от чахотки (см. примеч.)), и наказ «Обними его за нас всех и скажи ему, что ушко об нем вспоминает и горюет, что не слышит его голоса давно» (речь идет об одной из красавиц-дочерей Булгакова, которую насмешник Вяземский наградил означенным прозвищем из-за ее краснеющих в случаях стеснения ушей (см. примеч.)). Как и в предыдущем послании, жизнь и смерть соседствуют на страницах этого письма, но и тон его, и убежденность в благотворном воздействии времени, наконец, указанная интимная деталь, вводящая контекст человеческого общения, служащего противовесом мрачным мыслям о неизбежности и внезапности смерти, – все это свидетельствует о присущей Александру Яковлевичу Булгакову «непринужденной легкости, что была отличительным свойством его замечательной переписки с Жуковским» [17. С. 26] и что находит отражение и в слоге, отличающем его письма: живом, откровенном и задушевном, выдающем неподдельное умение заразительно жить и желание этим умением делиться с нуждающимися в поддержке друзьями.

Два представленных далее письма печатаются по автографам с учетом современных правил грамматики, орфографии и пунктуации. Расшифровка и перевод иноязычных «вкраплений» в публикуемых письмах выполнены д-ром филол. наук, проф. О.Б. Лебедевой.

1

Москва 31 октября 1830.

Здравствуй, душа моя! Я как грешники: как занемогут, так поскорее за попом. Нас холера навестила, и я принимаюсь к тебе писать. Но нет! Пишу оттого, что имею для доставления к тебе письмо от Вяземского¹. Между нами давно заведено любить друг друга

нежно, но молча. Я знаю от брата, что с тобою происходит. Холеру никто не понимает: но дело в том, что это болезнь не прилипчивая, потому что почти ни один прислужник в больницах не занемогал и не умер, это сильное поветрие, и я той веры, что в ком нет расположения в теле, к тому болезнь не пристанет, а у кого есть, так делай себе что хочешь – не уйдешь! Несмотря на скверную погоду, благодарение Богу, идет лучше: 28^{то} было 48 только умерших и 98 выздоровевших. По этой прогрессии мы скорее все выздоровеем, нежели умрем. Мы до сих пор тронуты приездом сюда императора²⁾. Экая ангельская черта! Восстаньте из мертвых, великие мужи: градоначальник граф Салтыков, об<ер> полицмейстер Бахметев, губернатор Юшков! Помните, как показалась чума в Москве? Вы дай Бог тягу из нее³⁾, а государь наш, обожающий жену и детей, оставил их и полетел в матушку Москву делить скорбь и опасности. Вяземский пишет мне дельно: бывало, близ царя – близ смерти, а государь переменял пословицу для себя: близ народа, близ смерти; но Бог его помиловал, а нас ободрил, успокоил, охранил одним его появлением здесь. В Москве грустно, пусто, а газеты все публикуют, что на Большом театре будет комедия и дивертисман⁴⁾. Оно кстати. Холера не опустошила Москву, как некогда Везувий Помпею, но театры наши очень похожи теперь на тамошний стиль прекрасно сбереженный, в них все есть, кроме зрителей и актеров! Прости, что поздненько, но возвещаю тебе помолвку Ольги моей с князем Ал<ександром> Сер<геевичем> Долгоруким⁵⁾; что более его узнаю, то более имею причин любить его и радоваться этому союзу, от коего ожидаю утешение для старости моей! Ох да какое слово скверное! А нечего делать, того и гляди что в дедушки попаду, а ты все еще церемонишься в мужья записаться. Искать тебе, что ль, невесту? Обнимаю тебя душевно! Что ты боишься! Холера не пристанет. Все мои тебе усердно бьют челом и часто вспоминают, напевая *Пустынника*⁶⁾. Прощай, любезнейший мой. Будь здоров и не забывай душевно тебя любящего

и преданного
А. Булгакова

Автограф: ИРЛИ. № 27942. Л. 3–4 об.
Публикуется впервые.

¹⁾ *Пишу оттого, что имею для доставления к тебе письмо от Вяземского.* Вяземский, Петр Андреевич (1792–1878) – поэт и литературный критик, оставивший след также в исторических штудиях эпохи, переводческой деятельности, публицистике и мемуаристике. Имя *В.* называется в числе тех, кто составил круг поэтов, который принято называть теперь пушкинским, и в русле того, что «в русской лирике 1820–1830-х годов новые методы, суммарно определяются понятием – *поэзия мысли*» [19. С. 51], «облик лирического героя Вяземского <...> определяется его установкой на воспроизведение современной жизни, современного человека и современного сознания, текущей реальности. Разнообразные сферы общественного бытия, так волновавшие поэта, требовали их выражения в оригинальных формах, близких к журнальной публицистике. <...> Поэт-журналист, он формировал вкус публики к мысли как предмету лирики и приучал саму поэзию сопрягать мысль и чувство, чудные звуки и высокие мысли. Ему самому это не

всегда удавалось, он это понимал и высоко ценил поэзию своих друзей – Жуковского и Пушкина за этот дар» [9. С. 199, 202]. Ввиду этого неудивительно, что *В.* был близким другом и состоял в активной переписке с А.С. Пушкиным; понятна и его многолетняя дружба с В.А. Жуковским; куда более любопытно, что он являлся и верным корреспондентом братьев Булгаковых, свои воспоминания о которых начинает словами о том, что старший из братьев, «хотя собственно и не принадлежал ни *Арзамасу*, ни литературной деятельности нашей, был не менее того общим нашим приятелем, то есть Жуковскому, Тургеневу, Дашкову, мне и другим. Он был, так сказать, членом-корреспондентом нашего кружка» [13. С. 183].

²⁾ *Мы до сих пор тронуты приездом сюда императора.* 29 сентября 1830 года Николай I прибыл в Москву, в которой свирепствовала эпидемия холеры, и, пробыв в первопрестольной 10 дней, уехал успокоенным и уверенным в скорой победе над холерой. О его встрече с военным генерал-губернатором Дмитрием Владимировичем Голицыным сохранилось довольно ироничное по отношению к главе московской администрации свидетельство А.Я. Булгакова: «Государь изволил прибыть 29-го сентября в 10 часов утра и вышел из коляски прямо в наместнический дом на Тверской. <...> Можно себе представить удивление князя, увидя в зеркале лицо государя, тогда как он еще накануне имел от Е<го> В<еличества> приказание письменное посылать всякий день куриеров! <...> Замешательство его было еще более умножено страхом: что должен был Государь подумать, найдя наместника своего в столь смутное время в 10 часов еще не одетого! Но милосердный Николай, обняв его, начал разговор сими словами: “J’espere, mon Prince, que tout le monde Moscou se porte aussi bien que vous”. Потом, запрета князю одеваться наскоро, сел возле него и более полчаса говорил о вещах самонужнейших, изъявляя благоволение свое за содействие, <оказанное> князю высшим <и> низшим классами <...> одобрял взятые меры, кроме крестных ходов...» [2]. Отметим также, что в конце текста программного в болдинской лирике стихотворения «Герой» А.С. Пушкин выставляет дату «29 сентября 1830» и место – «Москва», что очевидным образом соотносится с прибытием императора в охваченную смертельной болезнью Москву.

³⁾ *Восстаньте из мертвых, великие мужи: градоначальник граф Салтыков, об<ер> полицмейстер Бахметев, губернатор Юшков! Помните, как показалась чума в Москве? Вы дай Бог тягу из нее...* Ирония Булгакова связана с известными событиями, сопутствовавшими эпидемии чумы 1770–1772 гг., которая была занесена в Москву во время Русско-японской войны. В 1771 году, в разгар эпидемии, город оставили главнокомандующий Петр Семенович Салтыков [20. С. 45] и гражданский губернатор Иван Иванович Юшков, а вслед за ними – и обер-полицмейстер Николай Иванович Бахметев. После отъезда должностных лиц руководство зараженным городом перешло к генерал-поручику Петру Дмитриевичу Еропкину, присланному из Северной столицы для помощи московским властям для того, чтобы чума «не могла и в самый город С.-Петербург вкратиться» [20. С. 46]. П.Д. Еропкин столкнулся с Чумным бунтом 15–17 сентября 1771 г. (разразившимся на следующий день после того, как Салтыков уехал в свое подмосковное имение Марфино), сопровождавшимся убийством архиепископа Амвросия. Непосредственным поводом к восстанию стало наложение упомянутым архиепископом Амвросием запрета на проведение молебнов у чудотворной Боголюбской иконы Божией Матери, которая, согласно поверью, могла исцелить от «моровой язвы». Вскоре все московские руководители, устыдившись проявленного малодушия, поспешили вернуться в Москву, но репутация их в глазах императрицы была подмочена в столь значительной степени, что в ноябре 1771 г. Салтыков был уволен в отставку; в том же

году обер-полицмейстером вместо Бахметева стал Николай Петрович Архаров; спустя два года должность гражданского губернатора оставил Юшков.

⁴⁾ В Москве грустно, пусто, а газеты все публикуют, что на Большом театре будет комедия и дивертисеман. Предположительно речь идет о состоявшемся 10 февраля 1831 года бенефисе Марии Дмитриевны Львовой-Синецкой, в рамках которого ставилась романтическая мелодрама в 3 действиях Сент-Амана и Дюлона «с хорами, пением, танцами, фламандскими картинами и великолепным спектаклем» «Пебло, прекрасный садовник Валенсии».

⁵⁾ Прости, что позднею, но возвецаю тебе помолвку Ольги моей с князем Ал<ександром> Сер<геевичем> Долгоруким... Булгакова, Ольга Александровна (1814–1865) – дочь А.Я. Булгакова, фрейлина двора Александры Федоровны, жены Николая I (с 1831 года), и фаворитка самого императора. В январе того же 1831 года вышла замуж за князя А.С. Долгорукова; на празднике, устроенном в доме молодоженов, присутствовал и А.С. Пушкин, оставшийся, по словам отца новоиспеченной княгини, «в восхищении от нее; говорил, что невозможно лучше Ольги соединять вместе роль девушки, только что поступившей в барыни, и хозяйки». Как отмечает И. Грачева, «в увлечении Пушкин признавался: “Я бы ее воспел, да не стихи на уме теперь”. Действительно, более чем неуместным было бы для поэта воспевать в стихах чужую жену накануне собственной свадьбы. Вскоре на одном из московских вечеров чета Пушкиных и супруги Долгоруковы, сидевшие рядом, оказались в центре всеобщего внимания. Булгаков с гордостью сообщил брату 23 февраля 1831 года: “Беспрестанно подходили любопытные смотреть на двух прекрасных молодых. Хороша Гончарова бывшая, но Ольге все отдают преимущество”. <...> Оказалось, что ранее всех прелесть Оленьки успел оценить сам государь. Юную красавицу царь заметил на одном из маскарадов... Восторженные комплименты по поводу ее маскарадного костюма, видимо, вскоре повлекли за собой особые царские милости, которые в то время одни считали великой честью, другие – бесчестьем. Что касается отца Оленьки, то он, как образцовый подданный, с благоговейным почтением воспринял монаршее внимание. С гордостью рассказывал брату в письмах, как царь, посетивший Москву в 1831 году, интересовался подробностями жизни и замужества Оленьки и спрашивал: “Помнит ли она маскарад князя Волконского?” В этом, скорее всего, скрывался интимный намек... <...> Узнав, что Оленька в положении, царь с заботливым вниманием следил за состоянием ее здоровья, давал советы. <...> Николай стал крестным отцом девочки, которую нарек Александрой. <...> Брат царя, великий князь Михаил Павлович, относился к молодой княгине запросто, словно к человеку, близкому их домашнему кругу, и заезжал к ней, когда хотелось. <...> Но в то же время Ольга с присущим ей тактом сумела поставить себя так, что не потеряла ни уважения общества, ни симпатий друзей дома» [21]. Так или иначе, это послужило основанием для оскорбительного заявления Пушкина, который в одном из адресованных жене писем утверждает, что «н<егодя>й Булгаков» «не считает грехом ни распечатывать чужие письма, ни торговать собственными <дочерьми>» [11. С. 219].

Долгоруков (Долгорукий), Александр Сергеевич (1808/1810–1873) – представитель княжеского рода Долгоруковых, внесенного в Бархатную книгу. Службу начал чиновником канцелярии Министерства иностранных дел, но, прослужив весьма недолго, вышел в отставку для устройства хозяйства и управления имениями; впоследствии становится последовательно камер-юнкером (с 1832 года), действительным статским советником, церемониймейстером (с 1856 года); наконец, с 1871 года состоял на службе в Министерстве внутренних дел. В 1831 году же-

нился на О.А. Булгаковой, младшей дочери московского почт-директора А.Я. Булгакова (отметим, что Д. с 1856 года в течение некоторого времени состоял при почтовом департаменте); в этом браке родились дочь Александра (1831–?), крестница императора, в замужестве Львова, и сын Николай (1833–1873), который окончил медицинский факультет Московского университета и принимал участие в Крымской войне и обороне Севастополя.

⁶⁾ Все мои тебе усердно бьют челом и часто вспоминают, напевая Пустынника. Речь идет об одной из наиболее известных баллад В.А. Жуковского «Пустынник», опубликованной в 1813 году. Текст ее был положен на музыку немецким композитором Людвигом Вильгельмом Маурером, который с 1821 г. занимал должность композитора и капельмейстера Императорских театров в Петербурге. Как отмечает И.А. Поплавская, «в сознании современников поэта баллада “Пустынник” в значительной степени выразила “сущность и характер романтизма средних веков” [22. С. 175]», а также «оказала воздействие на нравственное образование новых поколений» [23. С. 279]; подробнее об этом см. в: [23. С. 277–280].

2

Москва, даже Крухмальные ворота¹⁾
10 августа 1835 ____

Я ли не верую и правдою тебе служу? Я ли не исполняю твои комиссии? А ты все-таки редко мне даешь препоручения, редко посылаешь грамотки в белокаменную сторонку, а послушай, что в народе говорят: вить Жуковский-то первый писака на Руси! вить он и наследника-то учит азбуке... Так, упаси Боже, долго ли до беды? Как сам разучишься писать, так как же учить станешь других? А от лени до поглупения долго ли? Да тебе что пользы, спросит иной, что Жуковский будет писать другим? А вот та польза, что при сих верных оказиях и на мою долю парочка слов перепадает. Благодарю тебя, добрый человек, за строки от 4 авг<уста>²⁾. Доношу, что два письма доставлены, в чем вот тебе и расписки, а как Елагина нет в Москве, то я, по инструкции твоей сделав надпись, отправлю письмо сегодня же в Белев³⁾, адресую почтмейстеру Чижову и рекомендую особенно. Не короче ли бы из Петербурга на Елагин, чем посылать через Москву и Белев? Ну что поделяет наш добрый Вяземский. Время – великое лекарство, заживит и его рану глубокую⁴⁾. Зачем не пишет никому? Обними его за нас всех и скажи ему, что ушко об нем вспоминает и горюет, что не слышит его голоса давно⁵⁾. Да благословит Бог плавание наших ангелов! Я покоен, ибо с Их Величествами генерал-адмирал, все будет идти как по маслу⁶⁾. Когда же ты женишься? Когда я буду прадедом! Нет, брат, тогда поздно уже будет. Обнимаю тебя душевно. Христос с тобою. Будь здоров и помни твоего товарища, ты поэт, а я и брат, как говаривал покойный Ланжерон⁷⁾, мы des hommes de lettres²⁾. Свой своему брат поневоле. А<лександр> Тур<генов> умолк!⁸⁾

Булгаков

Автограф: ИРЛИ. № 27942. Л. 5–6.
Публикуется впервые.

¹⁾ *Москва, даже Кружмальные ворота.* Имеются в виду Московские Триумфальные ворота (Триумфальная арка). Так, Николай Сергеевич Ашукин, бывший нарядом с Сергеем Ивановичем Ожеговым автором «Словаря к пьесам А.Н. Островского», «мог дать полезный совет, например, и по такому необычному вопросу, который возник у его соавтора в связи с необходимостью расшифровать выражение *кружмальные ворота*: “Не знаете ли, где найти материалы о постройках в Москве Триумф<альных> ворот деревянных, начиная с Петра, чтобы узнать, стояли ли на них статуи (Нептуна или других)”» [24. С. 116].

²⁾ *Благодарю тебя, добрый человек, за строки от 4 авг<уста>.* Имеется в виду краткое послание В.А. Жуковского, действительно насчитывающее лишь несколько строк, в котором он, именуя Булгакова «дитя мое дитятское, душа моя милая», обращается к почт-директору Москвы с обычной просьбой разослать по адресам «несколько пакетцов» [25. Л. 1].

³⁾ *...а как Елагина нет в Москве, то я, по инструкции твоей сделав надпись, отправлю письмо сегодня же в Белев...* В том же письме от 4 августа 1835 г. Жуковский предписывает адресату, «если паче чаяния нет Елагина в Москве, то благоволи написать на пакете следующий адрес: В Белев, в село Долбино. Очень обяжешь. Письмо нужное» [25. Л. 1]. Речь идет о письме Алексею Андреевичу Елагину от 2 августа 1835 г., в котором Жуковский по просьбе Авдотьи Петровны Елагиной выражает ее беспокойство по поводу того, что «ни от кого нет писем», уведомляет о том, что «при отъезде своем отсюда она получила <...> кредитив в 5 000 рублей», и просит выслать ему эти деньги для возвращения Сегию, одному из совладельцев петербургского банкирского дома “Duval et Séguin”, наконец, оговаривает сложности пересылки экземпляра своих сочинений [26. Л. 1–1 об.], о презентации которого мужу хлопотала Елагина в письме от 24 июня 1835 г.: «Еще просьба: напишите несколько слов в Белев к моему мужу, если можно, пошлите ему экземпляр ваших сочинений с портретом, подписавши его имя вашей рукой. Ему будет это награда за все пожертвования, которые он сделал для меня и за которые, если не я, то ласка родных моих, должна заплатить ему» [27. С. 405–406].

Елагин, Алексей Андреевич (1790–1846), литератор, поклонник немецкой идеалистической философии. Поручик 13 артиллерийской бригады, участник Отечественной войны 1812 года. Уйдя в отставку в чине штабс-капитана артиллерии, поселился в своем белевском имении. В 1817 году женился на Евдокии (Авдотье) Петровне Юшковой (1789–1877), бывшей его троюродной сестрой, вдове Василия Ивановича Киреевского, мать которой, Варвара Афанасьевна Юшкова (урожденная Бунина), являлась родной сестрой (по отцу) В.А. Жуковского; свою единокровную сестру поэт «хранителем своего детства» [28. С. 13–15].

⁴⁾ *Ну что поделявает наш добрый Вяземский. Время – великое лекарство, заживит и его рану глубокую.* Подразумевается глубокая скорбь и тяжелейшее душевное состояние Вяземского, связанные с переживанием смерти его дочери. Вяземская, Прасковья Петровна (1817–1835) – вторая дочь П.А. Вяземского, умершая от чахотки 11 марта 1835 года. Пушкин сообщал жене в конце июля 1834 года: «Княгиня едет в чужие края, дочь ее больна не на шутку; боится чахотки. Дай бог, чтоб юг ей помог. Сегодня видел во сне, что она умерла, и проснулся в ужасе» [29. С. 395]. Гоголь, по словам которого «нет лучшей участи, как умереть в Риме», ибо «целой верстой здесь человек ближе к божеству» (письмо П.А. Плетневу от 2 ноября 1837 года) [30. С. 114], будучи в Италии, навещил ее могилу на Римском некатолическом кладбище, о чем пронзительно писал Вяземскому в письме от 25 июня 1838 г.: «Еще не так давно был я вместе с княгиней Зин<аидой> Волхонской на знако-

мой и близкой вашему сердцу могиле. Кусты роз и кипарисы растут; между ними прокрались какие-то незнакомые два-три цветка. Я уважаю те цветы, которые вырастают сами собою на могиле. Мне все кажется, что это речи усопшего к нам, но мы глядим, силимся и не можем понять их. Потом я был еще один раз с одним москвичом, знающим вас, – и вновь уверился, что эта могила не сирота: в Италии нельзя быть сиротою ни живущему, ни усопшему» [30. С. 156–157].

⁵⁾ *...ушко об нем вспоминает и горюет, что не слышит его голоса давно.* Булгакова, Екатерина Александровна (1811–1880) – старшая дочь А.Я. Булгакова, фрейлина двора Александры Федоровны, жены Николая I (с 1830 г.), впоследствии статс-дама. С 1835 года замужем за Павлом Дмитриевичем Соломирским, офицером лейб-гвардейского Гусарского полка. Подобно сестре Ольге, слыла одной из московских красавиц (так, Пушкин сообщает жене в письме от 27 августа 1833 г., что «вчера, приехав поздно домой, нашел я у себя на столе карточку Булгакова, отца красавиц, и приглашение на вечер» [29. С. 343], а по словам графа Михаила Дмитриевича Бутурлина, она «нечто вроде греческого типа, с блестящим цветом лица» [31. С. 237]); при этом у нее была одна особенность внешности: от застенчивости или смущения краснело не лицо, а уши, и Вяземский со свойственным ему остроумием прозвал ее *ушко* [32. С. 110–111].

⁶⁾ *Да благословит Бог плавание наших ангелов! Я покоен, ибо с Их Величествами генерал-адмирал, все будет идти как по маслу.* Речь, вероятно, идет о том, что в августе 1835 г. Николай I с супругой отправились в Теплиц, где император должен был участвовать во встрече с австрийским императором Фердинандом I и прусским королем Фридрихом Вильгельмом III для обсуждения закладки памятника в честь русской гвардии на поле Кульмского боя: «14/26 сентября поутру приехал в Теплиц император Николай, в тот же вечер – императрица Александра Федоровна и король Прусский. <...> 17/29 сентября, в годовщину битвы при Кульме, состоялась закладка памятника» [33. С. 82, 83, 85]. Об этом упоминает и Жуковский в уже цитированном письме от 4 августа 1835 года: «Мы осиротели. Царь и царица уехали. Живем смиренно в Царском Селе и работаем потихоньку» [25. Л. 1]. Сопровождавший императорскую чету в Германию генерал-адмирал – это великий князь Константин Николаевич (1827–1892), второй сын императора Николая Павловича и супруги его императрицы Александры Федоровны, который с раннего детства предназначен был своим родителем стать во главе русского военного флота и морского управления, и потому, когда ему не исполнилось еще четырех лет, он был назначен, 22 августа 1831 г., генерал-адмиралом и шефом гвардейского экипажа [34. С. 120]. Так что выраженное Булгаковым верноподданническое упование на то, что путешествие будет благополучным ввиду того, что родителей сопровождает семилетний генерал-адмирал, вряд ли оправдано и, желал того автор послания или нет, представляется довольно ироничным.

⁷⁾ *...как говаривал покойный Ланжерон...* Ланжерон, Александр Федорович (1763–1831) – граф, русский военачальник эпохи Наполеоновских войн, генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии с 1815 по 1822 годы. Цитирование его Булгаковым в приведенном контексте может быть связано, во-первых, с тем, что во время Французской революции Л., пребывая в Лондоне, сочинил несколько пьес («Масаннэлла», «Розамонда», «Мария Стюарт») и одну комедию («Притворное столкновение»), а также вел дневники, в которых фиксировал свое видение и оценку каждой из военных кампаний, в которых ему довелось участвовать, и оставил пространные мемуары; таким образом, не будучи литератором, ставший в 1811 году генералом от инфантерии Л. был не чужд литературы, каковую роль и примеряет на себя и брата Константина московский почт-директор. Во-

вторых, Булгаков вполне может иметь в виду то, что французский эмигрант Л. до конца жизни отличался не лучшим знанием русского языка, что вышучивается Пушкиным в письме Елизавете Михайловне Хитрово от 19–24 мая 1830 года: “J’ai le dégoût des affaires et *des boumagui*, comme le dit le comte Langeron” [29. С. 226]. В «Примечаниях», которыми снабжено это издание, приводится перевод иронической пушкинской фразы на русский язык: «Я питаю отвращение к делам и к *des boumagui*, как выражается граф Ланжерон» [29. С. 639].

⁸⁾ *А<лександр> Тур<гев> умолк!* Тургенев, Александр Иванович (1784–1845) – один из четырех братьев Тургеневых – Андрея, Александра, Сергея, Николая, – ставших воплощением «нового типа человеческой личности, людей совести и чести» [9. С. 20]. Философия внутренней свободы, впитанная им во время воспитания в Московском университетском пансионе вместе с Жуковским, дружба с которым длилась до самой кончины Т., привела к тому, что после вынесения обвинения его брату декабристу Николаю Ивановичу Тургеневу, ставшему государственным преступником первого разряда и оказавшемуся вынужденным эмигрантом, «почти 20 лет он скитался по Европе, лишь на короткое время возвращаясь в Россию», являясь «свободным русским литературным корреспондентом, несмотря на цен-

зурные условия времени Николая I» [35. С. 339], и стал автором скандальной «Хроники русского». Все это не мешало его дружбе и активной переписке с А.Я. Булгаковым. Именно московский почт-директор сообщил Жуковскому о смерти их общего друга в скорбном письме от 4 декабря 1845 года: «Ежели письма мои доставляли тебе некоторое удовольствие, любезнейший друг, то сегодняшнее, к крайнему моему соболезнованию, несказанно тебя огорчит, ибо возвестит тебе общее горе: нашего доброго Тургенева не стало!» [26. Л. 65]. Замечание Булгакова «*А<лександр> Тур<гев> умолк!*», венчающее письмо Жуковскому от 10 августа 1835 года, вероятно, связано с тем, что 27 января 1835 года Т. покинул Москву и отправился в очередное заграничное странствие, из коего вернулся летом 1836 года. И несмотря на то, что его путевые впечатления зафиксированы в многочисленных публикациях, появившихся в журналах от «Московского наблюдателя» до пушкинского «Современника» (см. об этом пребывании А.И. Тургенева за границей подробно: [36. С. 476–486]), переписка с Булгаковым в течение этого времени вполне могла перестать быть интенсивной. В «Письмах Александра Тургенева Булгаковым» послание Т. старшему из братьев, напрямую следующее за датируемым 1831 годом, писано 8/20 февраля 1836 года (см.: [37. С. 188–189]).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иронично, что спустя 11 лет, в 1841 г., Булгаков овдовел, а спустя еще 4 года сам стал «церемон[иться] в мужья записаться» и за две недели до своего 64-летия заключил новый брак, с Емерикой Адамовной Мацневой.

² Литераторы (*фр.*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков А.Я. Современные записки и воспоминания мои: отрывки из дневника. Междоцарствие // Московский журнал. История государства Российского. 2010. № 4 (232). С. 55–67.
2. Булгаков А.Я. Современные записки и воспоминания мои: отрывки из дневника // Московский журнал. История государства Российского. 2010. № 5 (233). С. 76–90.
3. Булгаков А.Я. Современные записки и воспоминания мои: отрывки из дневника. Лопухин, Витберг, Аракчеев. Сентябрь 1826 г.; 1827 г. // Московский журнал. История государства Российского. 2010. № 6 (234). С. 59–72.
4. Булгаков А.Я. Современные записки и воспоминания мои: отрывки из дневника. Холера морбус, 1830 г. // Московский журнал. История государства Российского. 2010. № 7 (235). С. 68–81.
5. Булгаков А.Я. Современные записки и воспоминания мои: отрывки из дневника // Московский журнал. История государства Российского. 2010. № 8 (236). С. 74–90.
6. Булгаков А.Я. Москвич в Петербурге. Из «Современных записок и воспоминаний моих» // Наше наследие. 2014. № 112. URL: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/bulgakov01.php (дата обращения: 31.10.2021).
7. Шумихин С.В. Предисловие // Булгаков А.Я. Москвич в Петербурге. Из «Современных записок и воспоминаний моих»: Наше наследие. 2014. № 112. URL: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/bulgakov01.php (дата обращения: 31.10.2021).
8. Петров А.В. Два письма А.Я. Булгакова В.А. Жуковскому о смерти Гоголя // Жуковский: Исследования и материалы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. Вып. 1. С. 510–515.
9. Янушкевич А.С. История русской литературы первой трети XIX века : учеб. пособие. М. : Флинта, 2013. 748 с.
10. Лотман Ю.М. Пушкин Биография писателя. Статьи и заметки. 1960–1990. «Евгений Онегин». Комментарий. СПб. : Искусство-СПб, 1995. 847 с.
11. Русская старина. 1880. № 9.
12. Шумихин С.В., Юрьев К.С. Из дневника московского почт-директора // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. СПб. : Наука, 1991. Вып. 24. С. 116–127.
13. Вяземский П.А. Полное собрание сочинений : в 12 т. СПб. : Изд. гр. С.Д. Шереметева, 1882. Т. 7. 520 с.
14. Булгаков А.Я., Булгаков К.Я. Письма : в 3 т. М. : Захаров, 2010. Т. 1. 752 с.
15. Булгаков А.Я., Булгаков К.Я. Письма : в 3 т. М. : Захаров, 2010. Т. 2. 672 с.
16. Булгаков А.Я., Булгаков К.Я. Письма : в 3 т. М. : Захаров, 2010. Т. 3. 624 с.
17. Третьяков Е.О. Сюжет смерти А.И. Тургенева в письмах А.Я. Булгакова В.А. Жуковскому 1845 года // Gaudeamus Igitur. 2019. № 3. С. 23–27.
18. Институт русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ). № 27942.
19. Гинзбург Л.Я. О лирике. Л. : Советский писатель, 1974. 409 с.
20. Пыляев М.И. Старая Москва: Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. М. : Московский рабочий, 1990. 416 с.
21. Грачева И. Соперницы прекрасной Натали // Наука и жизнь. 2006. № 2. С. 40–45.
22. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Изд-во АН СССР, 1953–1959. Т. 7. 799 с.
23. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Языки славянской культуры, 2008. Т. 3: Баллады. 456 с.
24. Никитин О.В. «Оказывается, что “Словарь Островского” в Главлите еще не подписан...» (из переписки Н.С. Ашукина и С.И. Ожегова 1940–1960-х годов) // Научный диалог. 2021. № 6. С. 113–135.
25. Российская национальная библиотека (РНБ). Оп. 2. № 82.
26. ИРЛИ. № 29403.
27. Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной: 1813–1852. М. : Знак, 2009. 728 с.
28. Афанасьев В.В. Жуковский. М. : Молодая гвардия, 1986. 398 с.
29. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Л. : Наука. Ленингр. отд., 1977–1979. Т. 10: Письма. 711 с.

30. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений : в 14 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 11. Письма, 1836–1841. 484 с.
31. Бутурлин М.Д. Записки графа М.Д. Бутурлина. М. : Русская усадьба, 2006. Т. 1. 651 с.
32. Русский Архив. 1879. Кн. II.
33. Татищев С.С. Император Николай и иностранные дворы. Исторические очерки. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1889. XV, 459 с.
34. Русский биографический словарь. СПб. : Имп. Рус. ист. о-во, 1896–1913. Т. 9: Кнаппе–Кюхельбекер. 708 с.
35. Шикман А.П. Деятели отечественной истории : в 2 т. : биографический словарь-справочник. М. : АСТ, 1997. 448 с.
36. Гиллельсон М.И. А.И. Тургенев и его литературное наследство // Тургенев А.И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.). М. ; Л. : Наука, 1964. 441–504.
37. Письма Александра Тургенева Булгаковым. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1939. 378 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 20 ноября 2021 г.

Representation of Alexander Bulgakov’s Personality in His Correspondence With Vasily Zhukovsky (Based on Two Letters From Bulgakov to Zhukovsky in 1830–1835 From the Archive of the Ras Institute of Russian Literature)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 80–88.

DOI: 10.17223/15617793/473/10

Evgeniy O. Tretyakov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shvarcengopf@mail.ru

Keywords: Alexander Bulgakov; Vasily Zhukovsky; Russian epistolary culture; textology.

The research was conducted at Tomsk State University and supported by the Russian Science Foundation (RSF), Grant No. 19-18-00083: Russian Epistolary Culture of the First Half of the 19th Century: Textology, Commentary, Publication.

This article introduces into scholarly discourse two letters from the Moscow postal director Alexander Bulgakov to Vasily Zhukovsky. The letters were written in 1830–1835 and are interesting for the representation of the personality of Bulgakov, who is known to the general public mainly in the outrageous role of the postmaster who opened letters written by Alexander Pushkin. Bulgakov’s real figure, reflected in his correspondence with Zhukovsky, turns out to be more complex and significant. The first letter begins with a humorous greeting, which is characteristic of Bulgakov’s epistolary manner of communication with Zhukovsky. Then Bulgakov tells his friend about the fee he received from Vyazemsky. After that he calms Zhukovsky, who is worried about the outbreak of cholera, first in the history of Russia. The latter manifests the inner resilience of Bulgakov, Zhukovsky’s loyal friend and correspondent in Moscow: he makes optimistic predictions that “we would rather all get well than die”; loyally admires the courageous deed of Emperor Nicholas I, who arrived in the city; cheerfully anticipates a theatrical performance at the Bolshoi Theater; announces the engagement of his youngest daughter, the beautiful Olga, to Prince A.S. Dolgorukov; flirtatiously blames the 47-year-old Zhukovsky for his resisting to get married while Bulgakov himself is about to become a grandfather (being 48 years old at the time); and, finally, life-lovingly completes the message with another assurance that cholera will not affect him. This letter presents an outline of Bulgakov’s living space – from sincere admiration for the emperor to a passion for culture – where friendship occupies a significant place, which is obvious both in the tone of the letter to Zhukovsky and in the mentions of Vyazemsky. Unlike the first letter, which opens with a mild reproach of the addressee for ignoring the correspondent’s duty, the second letter, after the obligatory humorous preamble crowned with an appeal to actively write, contains an expression of gratitude “for the lines of August 4”, in which Zhukovsky asks to deliver several letters. The second letter ends with an expression of hope that the trip of the royal couple to Germany will be pleasing, a friendly joke about Zhukovsky’s protracted bachelor life, the indispensable “I embrace you sincerely. Christ is with you”, a witty remark that includes an obligatory French inclusion, and a comment “Alexander Turgenev is silent!”. Between these, Bulgakov mentions the grief that befell on Vyazemsky (implying his daughter’s death from phthisis), and the order to hug him. Like in the previous message, life and death coexist on the pages of this letter, but its tone, the expressed belief in the beneficial effects of time, finally, the indicated intimate detail that introduces the context of human communication, which serves as a counterbalance to gloomy thoughts about the inevitability and suddenness of death, – all this testifies to Alexander Bulgakov’s inherent “lightness”, a distinctive feature of his remarkable correspondence with Zhukovsky.

REFERENCES

1. Bulgakov, A.Ya. (2010) Sovremennye zapiski i vospominaniya moi: otryvki iz dnevnika. Mezhdutsarstvie [Modern notes and memoirs of mine: excerpts from the diary. Interregnum]. *Moskovskiy zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo*. 4 (232). pp. 55–67.
2. Bulgakov, A.Ya. (2010) Sovremennye zapiski i vospominaniya moi: otryvki iz dnevnika [Modern notes and memoirs of mine: excerpts from the diary]. *Moskovskiy zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo*. 5 (233). pp. 76–90.
3. Bulgakov, A.Ya. (2010) Sovremennye zapiski i vospominaniya moi: otryvki iz dnevnika. Lopukhin, Vitberg, Arakcheev. Sentyabr’ 1826 g.; 1827 g. [Modern notes and memoirs of mine: excerpts from the diary. Lopukhin, Witberg, Arakcheev. September 1826; 1827]. *Moskovskiy zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo*. 6 (234). pp. 59–72.
4. Bulgakov, A.Ya. (2010) Sovremennye zapiski i vospominaniya moi: otryvki iz dnevnika. Kholera morbus, 1830 g. [Modern notes and memoirs of mine: excerpts from the diary. Cholera morbus, 1830]. *Moskovskiy zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo*. 7 (235). pp. 68–81.
5. Bulgakov, A.Ya. (2010) Sovremennye zapiski i vospominaniya moi: otryvki iz dnevnika [Modern notes and memoirs of mine: excerpts from the diary]. *Moskovskiy zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo*. 8 (236). pp. 74–90.
6. Bulgakov, A.Ya. (2014) Moskvich v Peterburge. Iz “Sovremennykh zapisok i vospominaniy moikh” [A moscovite in Petersburg. From “Modern notes and memoirs of mine”]. *Nashe nasledie*. 112. [Online] Available from: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/bulgakov01.php (Accessed: 31.10.2021).
7. Shumikhin, S.V. (2014) Predislovie [Preface]. *Nashe nasledie*. 112. [Online] Available from: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/bulgakov01.php (Accessed: 31.10.2021).
8. Petrov, A.V. (2010) Dva pis’ma A.Ya. Bulgakova V.A. Zhukovskomu o smerti Gogolya [Two letters of A.Ya. Bulgakov to V.A. Zhukovsky about Gogol’s death]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and materials]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 510–515.
9. Yanushkevich, A.S. (2013) *Istoriya russkoy literatury pervoy treti XIX veka* [History of Russian Literature of the First Third of the 19th Century]. Moscow: Flinta.
10. Lotman, Yu.M. (1995) *Pushkin Biografiya pisatelya. Stat’i i zametki. 1960–1990. “Evgeniy Onegin”. Kommentariy* [Pushkin Biography of the Writer. Articles and notes. 1960–1990. “Eugene Onegin”. Commentary]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB.
11. *Russkaya starina*. (1880) 9.

12. Shumikhin, S.V. & Yur'ev, K.S. (1991) Iz dnevnika moskovskogo pocht-direktora [From the diary of the Moscow post director]. In: Alekseev, M.P. (ed.) *Vremennik Pushkinskoy komissii* [Chronicle of Pushkin Commission]. Vol. 24. Saint Petersburg: Nauka. pp. 116–127.
13. Vyazemskiy, P.A. (1882) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 7. Saint Petersburg: Izd. gr. S.D. Sheremeteva.
14. Bulgakov, A.Ya. & Bulgakov, K.Ya. (2010) *Pis'ma* [Letters]. Vol. 1. Moscow: Zakharov.
15. Bulgakov, A.Ya. & Bulgakov, K.Ya. (2010) *Pis'ma* [Letters]. Vol. 2. Moscow: Zakharov.
16. Bulgakov, A.Ya. & Bulgakov, K.Ya. (2010) *Pis'ma* [Letters]. Vol. 3. Moscow: Zakharov.
17. Tret'yakov, E.O. (2019) Plot of the death of A.I. Turgenev in the letters of A.Ya. Bulgakov to V.A. Zhukovsky 1845. *Gaudeamus Igitur*. 3. pp. 23–27. (In Russian).
18. Institute of Russian Literature of RAS (IRLI). File 27942. (In Russian).
19. Ginzburg, L.Ya. (1974) *O lirike* [On Lyrics]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
20. Pylyayev, M.I. (1990) *Staraya Moskva: Rasskazy iz byloy zhizni pervoprestol'noy stolitsy* [Old Moscow: Stories from the former life of the First Capital]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
21. Gracheva, I. (2006) Sopernitsy prekrasnoy Natali [Rivals of the beautiful Natalie]. *Nauka i zhizn'*. 2. pp. 40–45. (In Russian).
22. Belinskiy, V.G. (1953–1959) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 7. Moscow: USSR AS.
23. Zhukovskiy, V.A. (2008) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 3. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
24. Nikitin, O.V. (2021) ““It turns out Glavlit has not yet signed off on Ostrovsky dictionary...” (correspondence of N.S. Ashukin and S.I. Ozhegov 1940–1960s). *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*. 6. pp. 113–135. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-113-135
25. National Library of Russia (RNB). List. 2. File 82. (In Russian).
26. Institute of Russian Literature of RAS (IRLI). File 29403. (In Russian).
27. Zhilyakova, E.M. (ed.) (2009) *Perepiska V.A. Zhukovskogo i A.P. Elagina: 1813–1852* [Correspondence between V.A. Zhukovsky and A.P. Elagina: 1813–1852]. Moscow: Znack.
28. Afanas'ev, V.V. (1986) *Zhukovskiy* [Zhukovsky]. Moscow: Molodaya gvardiya.
29. Pushkin, A.S. (1977–1979) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 10. Leningrad: Nauka.
30. Gogol', N.V. (1937–1952) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 11. Moscow; Leningrad: USSR AS.
31. Buturlin, M.D. (2006) *Zapiski grafa M.D. Buturlina* [Notes of Count M.D. Buturlin]. Vol. 1. Moscow: Russkaya usad'ba.
32. *Russkiy Arkhiv*. (1879) 2.
33. Tatishchev, S.S. (1889) *Imperator Nikolay i inostrannye dvory. Istoricheskie ocherki* [Emperor Nicholas and Foreign Courts. Historical essays]. Saint Petersburg: Tip. I.N. Skorokhodova.
34. Polovtsov, A.A. (ed.) (1896–1913) *Russkiy biograficheskiy slovar'* [Russian Biographical Dictionary]. Vol. 9. Saint Petersburg: Imp. Rus. ist. o-vo.
35. Shikman, A.P. (1997) *Deyateli otechestvennoy istorii* [Figures of National History]. Moscow: AST.
36. Gille'son, M.I. (1964) A.I. Turgenev i ego literaturnoe nasledstvo [A.I. Turgenev and his literary legacy]. In: Turgenev, A.I. *Khronika russkogo. Dnevnik (1825–1826 gg.)* [Chronicle of a Russian. Diaries (1825–1826)]. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 441–504.
37. Turgenev, A.I. (1939) *Pis'ma Aleksandra Turgeneva Bulgakovym* [Letters of Alexander Turgenev to Bulgakov]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo.

Received: 20 November 2021

А.А. Хустенко, Н.А. Мишанкина

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС ЮРИСТОВ: НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ ФОРМЫ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СООБЩЕСТВ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-90049\20.

Ставится вопрос о границах профессионального юридического дискурса. Анализ текстов, опубликованных в социальных сетях (в том числе интернет-мемов), позволил выявить параметры, определяющие эти тексты как часть неофициального юридического дискурса. Установлено, что модель профессиональной коммуникации юристов реализуется в неофициальной коммуникации неполно – на основе принципа «фамильного сходства», что позволяет говорить о прототипической организации дискурса в целом.

Ключевые слова: профессиональный дискурс; профессиональный юридический дискурс; неофициальный юридический дискурс; дискурс-анализ

Постановка проблемы исследования

Профессиональная коммуникация, как социальная практика, занимает особое место в жизни каждого человека, ведь именно так максимально реализуется его социальность. В современном мире эта деятельность представляет собой базовую самореализацию человека и, соответственно, профессиональная речь составляет значительную часть речевой продукции в целом. Вместе с тем профессиональная коммуникация как отдельная дискурсивная область только начинает изучаться. И здесь, как представляется, стоит целый ряд проблем как общего, так и более частного свойства. Обозначим их.

Современные представления о речевой деятельности основаны на работах, в соответствии с которыми конструирование дискурсивных практик и идентичностей является продуктом социальной деятельности (М. Фуко, В. Барр, К. Герген, Т. ван Дейк, Н. Фэркло, Р. Водак, Л. Филиппс, М.В. Йоргенсен).

Вместе с тем далеко не все дискурсивные области попадают в фокус внимания исследователей. Профессиональная коммуникация, с одной стороны, вызывает интерес ученых на протяжении нескольких десятилетий и является объектом исследования таких областей науки, как психология, социология, социолингвистика, дискурс-анализ. Лингвистика же обращает внимание в первую очередь на ядерную зону – профессиональный язык – и активно исследует терминосистемы.

Дискурсивный аспект профессиональной деятельности привлекает внимание лингвистов только в последние два десятилетия. Его изучению посвящены работы ряда западных ученых: С. Саранги и Ч. Робертс [1], М. Готти [2], П. Дрю [3]. Функциональный подход отражен в работах П. Линелл [4], Е. Мертц [5], К. Конг [6] и др.

Интерес к дискурсивному аспекту профессиональной коммуникации можно отметить также и со стороны российских исследователей Л.С. Бейлисон [7], Е.И. Головановой [8], А.П. Наумовой [9], Ч.В. Биче-оол [10]. Основываясь на функциональном подходе, Л.С. Бейлисон определяет профессиональный дискурс «как общение специалистов между собой или с теми, кто к ним обращается для получения консультации

либо профессиональной помощи» [7. 145]. Социолингвистический и коммуникативно-действенный подходы обусловили определение профессионального дискурса в исследованиях Е.И. Головановой как «вербально опосредованную коммуникацию, как процесс контролируемого взаимодействия субъектов профессиональной деятельности, характеризующийся определенным комплексом норм, стереотипов мышления и поведения. Профессиональный дискурс представляет собой род институционального, или социально-ориентированного, дискурса» [8. С. 32]. Подобным образом определяет профессиональный дискурс Ч.В. Биче-оол [10. С. 27]. А.П. Наумова фокусируется на параметрах институциональности профессионального дискурса [9]. Однако во всех приведенных исследованиях профессиональный дискурс противопоставляется непрофессиональному на основании отсутствия компонентов институционального (=профессионального) дискурса [10. С. 28].

Таким образом, анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что большинство исследователей соотносят понятие профессионального дискурса лишь с совокупностью произведенных текстов в рамках исследуемого ими профессионального сообщества, ограничиваясь лишь изучением особенностей речи профессиональных сообществ. В редких случаях учитываются экстралингвистические, коммуникативные и прагматические параметры профессионального языка. Профессиональное сообщество рассматривается в узком смысле как сообщество, вписанное в рамки института, что определяет понимание профессионального дискурса как сугубо институциональной формации. При этом существенными дискуссионными вопросами остается проблема границ профессионального дискурса (как, впрочем, и границ дискурсов в целом!).

С другой стороны, открытость вопроса о статусе профессионального дискурса влечет за собой существование многочисленных определений этого понятия и отсутствие однородных критериев в его описании. П. Линелл [4] предлагает трехмерную модель для представления его организации: 1) внутрипрофессиональный дискурс осуществляется в рамках конкретной профессии, например общение между юристами,

инженерами; 2) межпрофессиональный дискурс – это взаимодействие представителей разных профессий, например общение между врачами и продавцами фармацевтических препаратов или между бухгалтерами и инженерами; 3) профессиональный дискурс – общение между субъектами и объектами дискурса: инженерами и потребителями технологий, юристами и их клиентами [6. С. 3].

Однако, рассуждая о статусе профессионального дискурса, Л.С. Бейлисон утверждает, что «профессиональный дискурс в определенной мере пересекается с институциональным, но весьма распространенной является ситуация, когда профессионалы хорошо знакомы между собой и общаются неформально, тем не менее, ведя речь на профессиональную тему» [7. С. 145]. Автор выделяет следующие параметры профессиональной речи: 1) профессионально осмысленная предметная сфера; 2) инструментарий; 3) профессиональные оценки качества работы; 4) профессионально маркированные стратегии коммуникативного поведения; 5) профессиональная самопрезентация. Более широкое понимание профессионального дискурса принадлежит Ю.С. Елагиной, которая предлагает включить в него любую по своей форме и тональности коммуникацию между специалистами [11. С. 51]. Параметрами установления границ неофициального дискурса в рамках социолингвистического подхода, по мнению Ч.В. Биче-оол, являются: отсутствие типичных событий, типичных участников, хронотопа, а также в неофициальном дискурсе «не подтверждены статусные отношения, не соблюдаются официально принятые нормы коммуникации, или регламент, и традиционные формы общения» [10. С. 28].

Таким образом, на сегодняшний день вопрос о статусе неофициальных профессиональных дискурсов остается нерешенным. Несмотря на то, что исследование профессиональных языков было начато достаточно давно, неофициальная профессиональная коммуникация представляет собой наименее разработанную область. Немногочисленные исследователи этой области решают его по-разному. Отдельные попытки исследования неофициальной коммуникации в русских профессиональных дискурсах представлены в работах О.В. Фельде, Д.В. Казаковой, Е.В. Воеводы, Э.В. Абрамовой, И.И. Орловой, А.В. Алексеевой, О.В. Полевой.

О.В. Фельде, рассуждая о категории комического в профессиональной коммуникации, выделяет стилистические регистры и относит неофициальную разновидность к нижнему [12]. Д.В. Казакова, исследующая медицинский дискурс, разграничивает язык специальных целей и социальное измерение, связанное с профессиональной деятельностью. Кодифицированная разновидность соотносится с официальной коммуникацией, а профессиональный субстандарт, включающий *профессиональное просторечие* и *жаргонизированное профессиональное просторечие*, соотносится, соответственно, с полуофициальным и неофициальным общением. «Неофициальная профессиональная речь медицинских сотрудников обслуживается профессиональным просторечием, доминантными единицами которого являются профессионализмы (в

том числе и стилистически нейтральные). Кроме того, в этой форме возможны единичные вкрапления профессиональных жаргонизмов» [13].

В рамках нашего исследования мы обращаемся к материалу одного из институционально оформленных профессиональных дискурсов – юридическому. Поэтому представим историю его изучения более подробно. Юридический дискурс (ЮД) изучается с позиций когнитивного (Л.В. Колесникова), социолингвистического (М.Н. Федулова, О.В. Косоногова), коммуникативно-деятельностного (Л.А. Борисова, А.В. Чернышев), культурологического подхода (Е.А. Кожемякин), дискурс-анализа (А.В. Богатырева и М.В. Коновалова) и др. Предложенные в указанных выше работах определения ЮД можно обобщить следующим образом: ЮД – это институциональный дискурс, цель которого состоит в регулировании общественных отношений, а участники действуют в соответствии со статусными ролями.

Работа Л.В. Колесниковой посвящена проблемам категоризации и концептуализации юридического знания [14]. В работах М.В. Коноваловой и А.В. Богатырева рассматривается специфика реализации в юридическом дискурсе категорий когерентности и интертекстуальности [15, 16]. В основе определений и принципов описания юридического дискурса в большинстве исследований лежит алгоритм, разработанный В.И. Карасиком: 1) участники; 2) цели; 3) ценности; 4) стратегии соответствующего типа дискурса; 5) подвиды и жанры; 6) прецедентные (культурогенные) тексты и дискурсивные формулы [17. С. 33]. Однако во многих работах данная модель применяется лишь частично. В исследовании Е.А. Кожемякина нашли отражение только некоторые параметры участники, цель, ценности, стратегии, прецедентные тексты. Новыми критериями выступают функции, описание деятельности, язык [18]. В работе М.Н. Федуловой отражены такие параметры, как участники, ценности, жанры, прецедентные тексты [19]. Дифференцирующими критериями в статье О.В. Косоноговой выступают: статус участников, цель, место общения [20]. Наиболее полно и последовательно анализ ЮД реализован в исследовании Л.А. Борисовой, которая выделяет следующие категории: участники ЮД – государство и граждане; хронотоп – обстановка, характерная для правового диалога; цель – урегулирование правоотношений посредством применения правовых норм; ценности выражены в его базовых концептах: «право» и «закон»; стратегии – формулирование правовой нормы, ее применение на практике и ее истолкование. Тематику ЮД автор соотносит с отраслями права. Вопрос интертекстуальности в ЮД автор решает сугубо через призму юридических понятий, таких как тексты конституции страны, кодексы, международные декларации и конвенции. Дискурсивные формулы разнообразны и обусловлены жанровыми особенностями [21. С. 135–141]. В исследовании А.В. Чернышева для описания ЮД используются другие параметры: а) сфера функционирования – область права; б) тема и ведущий мотив юридического дискурса – содержание закона и соответствие закону того или иного рассматриваемого события; в) коммуника-

тивная направленность юридического дискурса – регулирование общественных отношений; г) общая когнитивная специфика юридического дискурса – примат фактов над ценностями [22. С. 27]. В работах И.В. Палашевской и О.А. Крапивкиной представлено описание жанровых особенностей юридического дискурса [23, 24]. Наиболее комплексное исследование, с точки зрения анализируемых источников и интегрированного подхода к изучению ЮД, представляет собой работа Т.Н. Хомутовой и Е.А. Шефер [25].

Анализ научной литературы, посвященной ЮД, позволяет сделать вывод, что неофициальные формы коммуникации юристов еще не выступали объектом лингвистического анализа. Однако изменение социальных параметров, развитие дистанционных технологий, ведущих к новым формам профессиональной коммуникации, являются решающими факторами, влекущими значительные изменения в строе дискурсов [26–28]. В профессиональной среде активно развивается неофициальный профессиональный дискурс, о чем свидетельствует большое число профессиональных групп и сообществ во всех социальных сетях. Это непосредственно касается и юристов. Например, поиск сообществ по запросу «юрист» в социальной сети «ВКонтакте» обнаруживает 35 499 таковых. Как и всякое новое явление, неофициальный дискурс юристов нуждается во всестороннем изучении. Наблюдение над эмпирическим материалом, отражающем коммуникацию в интернет-среде, показывает, что в профессиональных сообществах неофициального типа, например в сообществах социальных сетей, профессиональных форумах, наблюдается коммуникация типичных участников дискурса, а содержание коммуникаций выступают типичные события. Исследование ставит целью ответить на ряд наиболее остро стоящих вопросов. Какова связь между неофициальным профессиональным дискурсом и соответствующим профессиональным? На каких основаниях можно его типизировать и каковы параметры его описания?

Цель настоящего исследования состоит в описании корпуса текстов интернет-коммуникации, функционирующих в профессиональных группах и личных профилей юристов в социальных сетях, как части неофициального юридического дискурса (далее НЮД).

Выделение НЮД как части профессиональной коммуникации юристов составляет гипотезу исследования, основанную на наблюдении о существующем сходстве между текстами неофициального юридического дискурса и текстами соответствующего профессионального дискурса. Эти тексты, на наш взгляд, несмотря на существенные различия в плане выражения, соотносятся на уровне общности когнитивной модели дискурса юристов. Мы полагаем, что достаточным условием для квалификации высказывания как НЮД является знаковая реализация части параметров юридического дискурса по принципу «фамильного сходства» [29. С. 31–34] и, в целом, считаем, что можно говорить о «протогипотетической организации» юридического дискурса [29. С. 68–69].

Методология, методика и модель анализа

Все исследователи при выделении неофициального профессионального дискурса отталкиваются от

дифференциальных признаков соответствующего профессионального дискурса. Однако определение в качестве дифференцирующих текстовых, стилистических, жанровых и собственно языковых характеристик, например факт использования терминов ЮД в соответствующем неофициальном дискурсе, не выдерживает верификации, поскольку указанные параметры выступают наименее устойчивыми и выражаются в каждом высказывании в различных комбинациях.

Опираясь на представленные теоретические источники, разработанные в рамках социально-конструктивистского и критического дискурс-аналитического подходов [30–33], профессиональный дискурс в настоящем исследовании будет интерпретирован как когнитивная модель, отражающая экстралингвистические параметры и реализующаяся в форме профессиональной практики, включающая совокупность вербальных и невербальных высказываний, которая конституирует профессиональную среду и конституируется в других профессиональных практиках. Целесообразным для определения критериев разграничения официальной и неофициальной профессиональной коммуникации видится обращение к теоретическим аспектам дискурс-анализа, разработанными Т. ван Дейком, в частности обращение к когнитивным моделям в понимании языка и дискурса, которые обуславливают способы коммуникации. Когнитивная ситуационная модель в терминологии автора – это «специфический вид структурной организации знания в памяти» [30. С. 68]. Тён ван Дейк предлагает модель для анализа, учитывающую когнитивные, прагматические и текстовые показатели [30. С. 21–31].

Приведенные теоретические основания позволили сформулировать основные критерии для анализа НЮД и представить модель, которая когерентна представлениям о дискурсе, выработанным в рамках критического дискурс-анализа [31. С. 116]. При разработке модели, содержащей параметры неофициального юридического дискурса, мы частично опираемся на модель, представленную в трудах Т. ван Дейка, но в соответствии с поставленными целями и задачами исследования и специфическим материалом, обобщаем контекстные и прагматические параметры, представив их как единый уровень, соотносящийся с социальным и коммуникативным измерением (таблица).

Модель анализа неофициального юридического дискурса

Уровень	Параметр
Социально-коммуникативный	Статус/социальная роль участников
	Взаимоотношения участников
	Профессиональные действия
	Хронотоп
	Объекты
	Репертуары тем
Текстовый	Мнения, оценки
	Форма речи (устная/письменная)
	Жанровые характеристики
	Стилистические: синтаксические, семантические, морфологические, фонетические характеристики

Уровни представленной модели находятся в иерархичных отношениях, социальное измерение и коммуникативные установки определяют текстовую реализацию: стилистическое, жанровое оформление,

выбор тех или иных языковых структур. Тён ван Дейк справедливо замечает, что «за каждым типичным социальным контекстом закреплён набор возможных фреймов, которые в свою очередь задают множество позиций, функций, свойств и отношений для участников коммуникации – членов социума» [30. С. 38]. Коммуникация (трактуемая как совокупность речевых актов) «является составной частью социального взаимодействия» и определяется единицами более высокого уровня» [30. С. 22]. Однако именно анализ текстового уровня даёт возможность описать социально-коммуникативный. В настоящем исследовании мы обращаемся к анализу корпуса текстов интернет-коммуникации юристов для определения степени реализации социально-коммуникативных параметров.

Итак, мы квалифицируем НЮД в сопоставлении с соответствующим профессиональным юридическим дискурсом. Исходя из принципа «фамильного сходства», отнесение текста к НЮД возможно при выполнении двух условий: 1) он должен реализовать как минимум одну из категорий, составляющих социальное и коммуникативное измерение когнитивной модели профессионального юридического дискурса (тема, участники, действия, объекты, ситуация, место, оценки); 2) при этом он может значительно отклоняться от стереотипных форм и способов выражения на текстовом уровне от шаблонов официального дискурса.

Ведущим методом в исследовании является дискурс-анализ, включающий стандартные приемы коммуникативно-прагматического и семантического анализа; контент-анализ, семантическими категориями которого выступают параметры социально-коммуникативного уровня модели, а единицами – их типичные лексические маркеры.

Корпус эмпирического материала исследования

Отбор материала осуществлялся в профессиональных юридических группах в социальных сетях Instagram, Facebook: юридические новости (advgazeta – адвокатская газета), (fra_rf – Федеральная палата адвокатов); юридический форум (juridicheskiy_forum – всероссийский юрфорум), iur_hack. Профессиональных групп в Facebook: «Адвокаты и юристы», «Московский клуб адвокатов», «Адвокаты шутят». Личных профилях профессионалов и юридических фирм (tvoye_pravo63, kosnyrevaanna, legal_spb, legalsb.ru, evs44 Вадим Еременко, jurist_suhovoy, iustvesko, pishchaeв.praveks – адвокат Пищаев Вадим – юристы и юридические фирмы; Личных профилях юристов и адвокатов (_legal_aid_voen.com_ военный юрист, advokatshashkin – Денис Шашкин: арбитраж, advokat.podolskiy – адвокат Дементий Подольский, юридическая помощь, представительство в суде, drakinaolga – юрист, Москва, shergina.vostoria – юрист, финансовый советник (блог про законы и безопасные инвестиции) advocat.murat.mustafin, advocat_anna_shinke – эксперт по гражданскому праву, интернет-адвокат; v.aldokhin – адвокат Виктор Алдохин). Основным критерий отбора – соответствие тематике юридического дискурса. Сформированный корпус включает в себя интернет-мемы; нарративы,

представляющие описание случаев из профессиональной практики, рассмотрение проблемных ситуаций с точки зрения права; советы экспертов, включающие указание на порядок действий, интерпретацию и разъяснение законов и прав для широкого круга адресатов. Размер выборки составил 300 текстов различных по протяженности, стилистической и жанровой принадлежности (в тексте статьи в качестве иллюстративного материала приводится только один тип текстов – интернет-мемы. – А.Х., Н.М.).

Результаты анализа текстов НЮД в соответствии с параметрами представленной модели

Контент-анализ исследуемого корпуса текстов показал, что в нем представлены все категории когнитивной модели профессионального юридического дискурса: социальные роли участников, взаимодействие участников, мнения и оценки, профессиональные действия, хронотоп, объекты и тематический репертуар.

Уже на этапе сбора данных было выявлено, что **тематика ЮД** находит непосредственное соответствие в репертуаре тем неофициального формата коммуникации, так как именно этот критерий был основным при отборе материала. Этот аспект получил отражение в работах [34–36] Специфика реализации данной категории состоит в том, что при тематическом сходстве были обнаружены значительные различия в стилистическом, жанровом выражении, обусловивших, в свою очередь, выбор языковых единиц от соответствующих высказываний. Сравним, например, фрагменты двух текстов, представляющих юридический (1) и неофициальный юридический дискурс (2):

- (1) *О превышении пределов необходимой обороны;*
- (2) *Как не «сесть» за превышение необходимой обороны?*

Во втором заголовке, соответствующем НЮД, используется перен. разг. «сесть» в значении «подвергнуться заключению, лишению свободы» [37]. На синтаксическом уровне в тексте НЮД то же самое высказывание выражено в форме вопросительного предложения, что указывает на активный диалог с читателем. Далее в тексте ЮД дается разъяснение понятия: «Преступление, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, предполагает, что виновный действовал, имея право на необходимую оборону, однако превысил ее пределы», при этом используются: причастный оборот, девербаты, сложные предложения в соответствии с нормой юридического дискурса. В тексте НЮД представлен разговорный вариант: «Для начала нужно пояснить: отвечать насильем можно только на сопоставимое насилие. Например, если вас толкнули в автобусе, а вы за это ударили человека ножом – это не оборона. Необходимой обороной считается нанесение вреда агрессору, действия которого угрожают жизни и здоровью – вашему или третьего лица». Дано развернутое пояснение: «для начала нужно пояснить», с объяснениями и примерами из бытовой сферы, используются простые предложения, разговорные глаголы (толкнуть, ударить).

Лексический состав текстов НЮД, в целом, неоднороден, в отличие от ЮД представлены лексические слои, характерные для общенационального языка: термины профессионального юридического дискурса (*иск, взыскание ущерба, претензия, договор, взыскать*); нейтральная лексика, разговорно-просторечная лексика и коллокации (*не видели в упор, нас они послали, сотню штук, земля его не носит, на испуг, писулька*); профессиональный жаргон (*платежка*).

Распределение остальных категорий представлено на рис. 1.

Как можно видеть, наиболее активно реализуемый параметр – социальная роль. Подобное распределение представляется вполне убедительным, так как одним из наиболее важных параметров дискурса, по мнению М. Фуко, выступает его субъект, идентифицируемый в первую очередь с социальной ролью [38]. Большое внимание механизмам дискурсивной организации идентичности уделяется в теории Лакло и Муфф, согласно которой каждый субъект занимает определенную позицию, диктуемую разными, порою конфликтующими дискурсами, именно отождествление индивидуума с определенной позицией в структуре дискурса определяет его идентич-

ность [31. С. 80]. Дискурс конституирует субъекты, объекты и социальную практику, а «идентичности сконструированы на базе различных, изменчивых дискурсивных ресурсов – таким образом, они рациональны, незавершенны и нестабильны, но не полностью открыты» [31. С. 189]. Профессиональная идентичность рассматривается как разновидность социальной, и выражает, с одной стороны, представление человека о своем месте в профессиональном сообществе, с другой стороны, о месте своего профессионального сообщества в системе социальных отношений [39]. При этом анализ корпуса дал представление о том, что категории могут быть задействованы как единично, так и комплексно в различных комбинациях, определяемых фреймовыми структурами, связанными с различными аспектами профессиональной деятельности юристов.

Рассмотрим далее представленные в корпусе параметры.

Статус/социальная роль участников. Категории участников юридического дискурса (всего 179) представлены в НЮД достаточно широко и обусловлены социальной ролью. В корпусе были выявлены социальные роли, представленные на рис. 2.

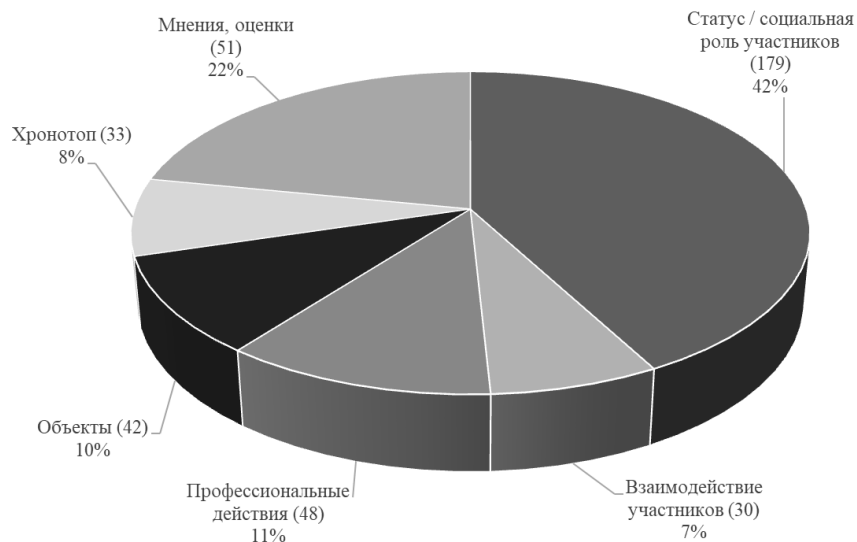

Рис. 1. Количественное распределение категорий в корпусе

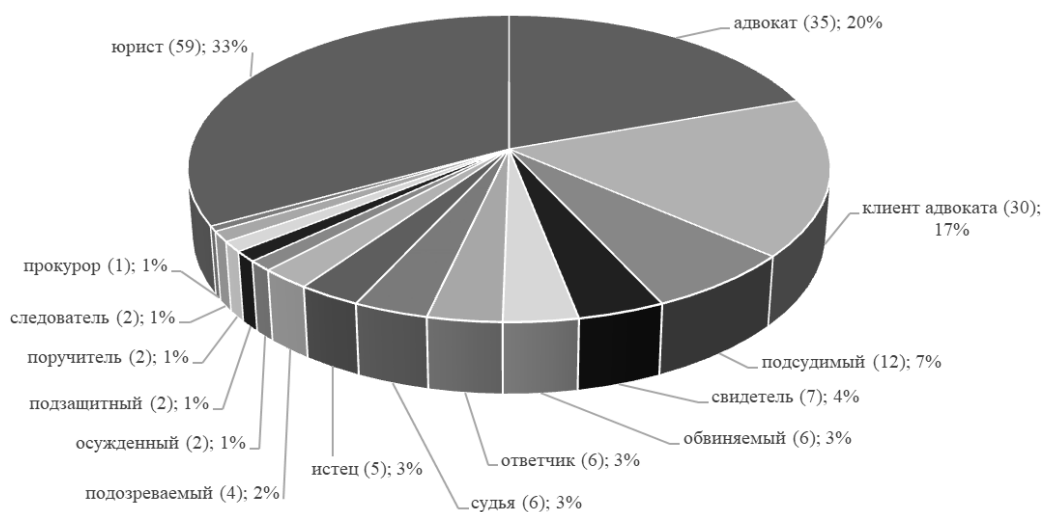

Рис. 2. Количественное распределение социальных ролей участников

Как можно убедиться, в неофициальном юридическом дискурсе наиболее объемно реализованы роли *юриста, адвоката и клиента адвоката*, что дает основание считать их ядерными, другие субъекты имеют статус периферийных. Специфика данной категории состоит в том, что она дает возможность на основе фреймовой структуры «субъект дискурса» воссоздать другие «невывраженные» элементы и идентифицировать их с более обширным профессиональным юридическим контекстом. Мы верно интерпретируем ситуацию и надстраиваем недостающие элементы: место – суд, действие – судебный процесс, успешный/неуспешный результат действия.

Профессиональная идентичность, как и другие ее виды, зачастую дискурсно реализуется посредством оценок, определенных стереотипных установок, формиру-

Рис. 3. Социальная роль «юрист»

В обоих случаях актуализируется одно из базовых качеств профессионального статуса – высокая стоимость услуг, оказываемых в рамках профессиональной деятельности. При этом выстраивается оппозиция: «качественный» субъект дискурса – высокооплачиваемый vs «некачественный» субъект дискурса – низкооплачиваемый, бесплатный. В первом случае эксплицируется оценка (*хороший*) и свойство субъекта (*не говорит даром*). Во втором эксплицировано дискурсивно неприемлемое свойство субъекта (*бесплатный*), имплицитно противопоставленное необходимому – оплачиваемый. Дискурсивная неприемлемость свойства *бесплатный* реализована на фоне ситуации, представляющей профессионально неприемлемое действие – *поможет отнести вещи в камеру*, так как профессиональная задача адвоката как субъекта профессионального дискурса – обеспечить, чтобы его подзащитный не попал в камеру. Номинация *камера* актуализирует фреймовую структуру, связанную с одним из дискурсивно маркированных локусов – тюрьмой.

Таким образом, выраженность определенной социальной роли участника позволяет соотнести все высказывание со стереотипными ситуациями профессионального общения, стереотипными представлениями и более широким профессиональным контекстом. Приведенный анализ и умозаключения вполне подтверждаются теоретическими и эмпирическими данными, представленными в работах Т. ван Дейка в том, что текстовые репрезентации не совпадают с моделью, они «обеспечивают фоновое знание для понимания дискурса» [30. С. 101].

Юридическую идеологию, создаваемых индивидуумами в процессе профессионального взаимодействия [31]. Как писал М. Фуко, «идентичность всегда относительна: субъект является чем-то, потому что он противопоставлен чему-то, чем не является» [37. С. 84]. Поэтому ключевым понятием для анализа выступает противоречие как показатель категориальной оппозиции, которое находит свое материальное выражение в ряде оппозиций, представленный широким спектром языковых средств, с помощью которых эти противопоставления актуализируются в дискурсе. В рамках нашего материала функция такой оппозиции состоит в экспликации неприемлемых для субъекта дискурса свойств, нивелирующих его профессиональные качества. Например, на рис. 3, 4 представлены интернет-мемы, в тексте которых эксплицитно выражены субъекты дискурса – юрист и адвокат.

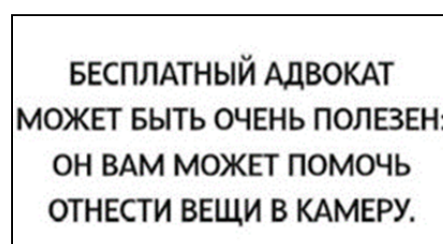

Рис. 4. Социальная роль «адвокат»

1. **Мнения, оценки.** 51 высказывание из выборки содержит эксплицитную оценку. Этот параметр тесно связан с ценностями дискурса: они выражаются, как правило, с помощью положительной оценки. Отрицательная оценка маркирует недопустимые действия, характеристики. При этом оценка является ведущей стратегией идентификации субъекта. Например, на рис. 5 представлен интернет-мем, содержащий эксплицитную положительную оценку категории «юрист» (*великолепный*), хотя при этом не обозначен оцениваемый признак и оценка носит общий характер. Несмотря на организацию высказывания в виде оксюморона, можно говорить о стратегии прямого оценивания.

На рис. 2 также представлен вариант эксплицированной оценки (*хороший, дар*), но в этом случае оцениваемый признак – умение продавать свои услуги, при этом высокая стоимость юридических услуг выступает как принципиально важная аксиологическая составляющая дискурсивной идентичности субъекта.

Оценка может быть выражена образно, с опорой на позитивный образ, даже зооморфный (см. рис. 6). В этом случае она реализуется имплицитно посредством номинации социально одобряемого действия: *спасают утопающих*. Образ дельфина считается в европейской культуре позитивным и прочно ассоциируется с доброжелательностью, дружелюбностью и любовью к человеку.

Отметим, однако, что не всегда оценка может быть проинтерпретирована однозначно и одно и то же качество, например, желание получить финансовую прибыль, оценивается амбивалентно. На рис. 7, 8 представлены мемы, демонстрирующие латентную негативную оценку юристами субъектов своего дискурса.

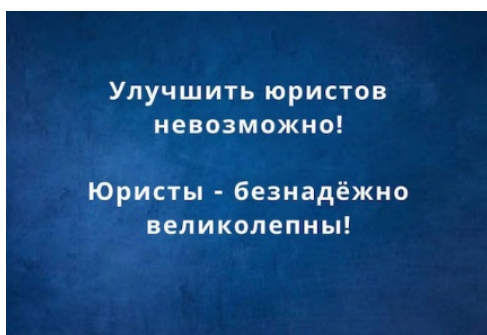

Рис. 5. Оценка роли «юрист»

Рис. 6. Оценка роли «юрист»

Рис. 7. Оценка роли «судья»

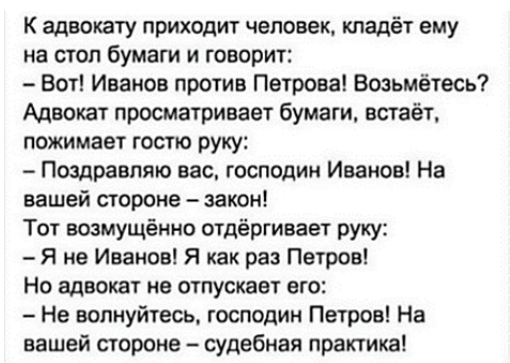

Рис. 8. Оценка роли «адвокат»

На рис. 7 изображен судья с занесенным судебным молотком, ниже находится текст, представляющий его реплику. При этом реплика, с одной стороны, соответствует системе дискурсивных формул, связанных с речевым поведением судьи, с другой – противоречит им за счет замены глагола *сказать* глаголом *заплатить*. Профессиональная норма требует, чтобы эффективность и результативность работы судьи не зависели от финансового вознаграждения со стороны подсудимых. Нарушение этой нормы свидетельствует о несоответствии субъекта профессионального дискурса необходимым требованиям. На рис. 8 представлен интернет-мем, содержащий только вербальную информацию. Текст описывает ситуацию взаимодействия адвоката с клиентом, в которой адвокат проявляет профессионально одобряемую, но этически неприемлемую беспринципность, связанную с необходимостью удержания клиента. Оценка реализуется, во-первых, на основе качественного «сдвига» базово-

го сценария на противоположный, в котором субъектом неожиданно становится другой участник, вскрывается недоразумение; во-вторых, диалогичности, в процессе которой раскрываются истинные намерения и позиции участников коммуникации.

Анализ показывает, что аксиологическая рефлексия представителей профессионального сообщества направлена по преимуществу именно на соответствие нормам профессионального поведения. Именно они и являются основными ценностями дискурса. В результате вскрываются стереотипные оценки субъектов дискурса, являющиеся частью когнитивной модели и известные носителям языка: продажность судьи (рис. 7), находчивость и беспринципность адвоката (рис. 8). В целом, в соотношении оценок можно говорить о том, что оцениваются по преимуществу именно профессиональные качества, в меньшей степени – личные. Кроме того, в область оценки попадает язык юристов и гендерный аспект (см. рис. 9, 10).

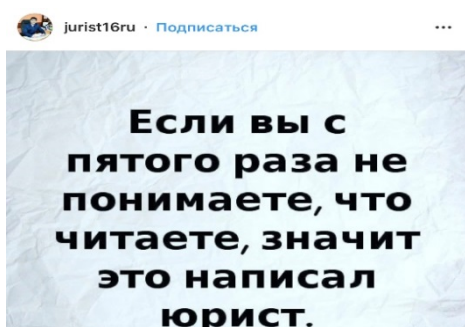

Рис. 9. Оценка языка

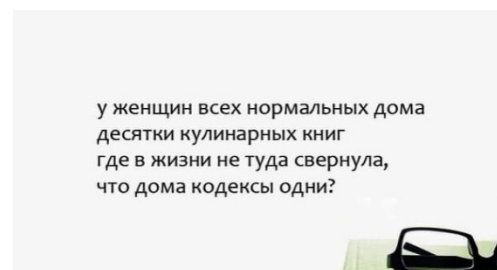

Рис. 10. Оценка гендерной принадлежности и профессиональной роли

Если говорить о качестве оценки, то в представленной выборке наблюдается следующее распределение: чаще всего оценка амбивалентная, она представлена в половине случаев. Негативная и позитивная оценка представлена в равном количестве случаев. Такое распределение свидетельствует об одновременном понимании специфики профессиональных качеств и их неприемлемости в обычной жизни и, наоборот, этических норм профессии, ее сложности и необходимости в современном обществе.

2. Профессиональные действия. Спецификой юридических действий, на которую указывают исследователи, является их прогнозируемость и непосредственная связь с социальным статусом субъекта и его социальной ролью [20. С. 56]. Эта категория отражена в 48 текстах. В рамках представленной модели действие занимает главенствующую роль, поскольку в силу предикативности наиболее исчерпывающе передает информацию о ситуации, в которой осуществляется действие, позволяет дополнить другими элементами, такими как характер действия, субъекты, объект, цели, хронотоп.

В рамках категории действий можно выделить подкатегории, например *процессуальные действия*: допрос

свидетеля, экспертиза, апелляция и т.д. В выборке представлены как позитивные действия: *взыскание неустойки, защита прав, подача/удовлетворение иска* (см. например, рис. 11), так и негативные, вернее, неисполнение или ненадлежащее исполнение профессиональных действий: *мошенничество, нарушение прав, пропуск срока исковой давности* (рис. 12). Количественный анализ выборки показывает, что в большей части случаев (40) представлены позитивные профессиональные действия.

3. Объект дискурса. Объекты юридического дискурса представлены в 42 текстах. Это преимущественно юридические акты и документы: повестка в суд, доказательства, заявление, уголовный кодекс, завещание, договор, закон, права и обязанности (например, рис. 13).

4. Хронотоп. Хронотоп, представленный в НЮД, практически совпадает с хронотопом ЮД в описании Л.А. Борисовой, которая соотносит его с обстановкой, характерной для правового диалога. Среди наиболее характерных мест для устной юридической коммуникации, исследователь называет: Парламент, зал судебных заседаний, кабинет юриста, полицейский участок [21. С. 136]. В корпусе НЮД нами были выявлены следующие **традиционные места** (рис. 14).

Рис. 11. Позитивное профессиональное действие

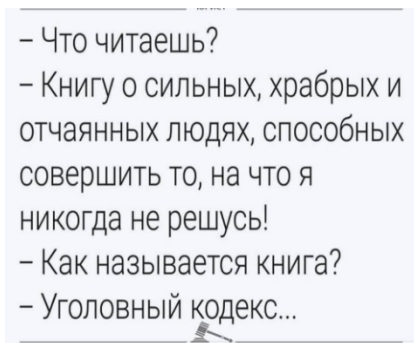

Рис. 13. Объект дискурса

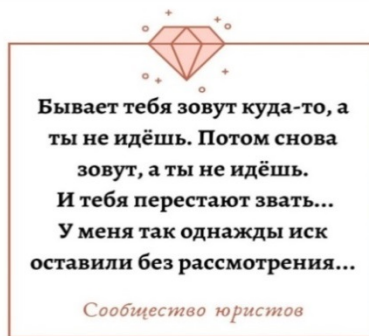

Рис. 12. Негативное профессиональное действие

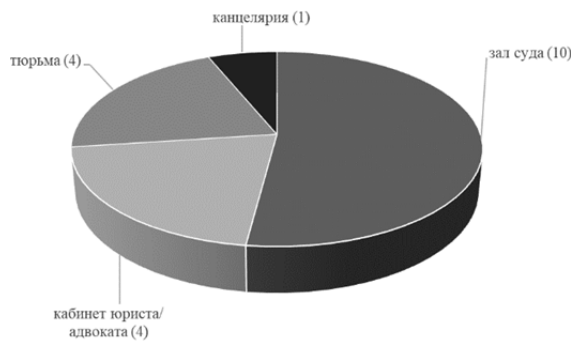

Рис. 14. Топос дискурса

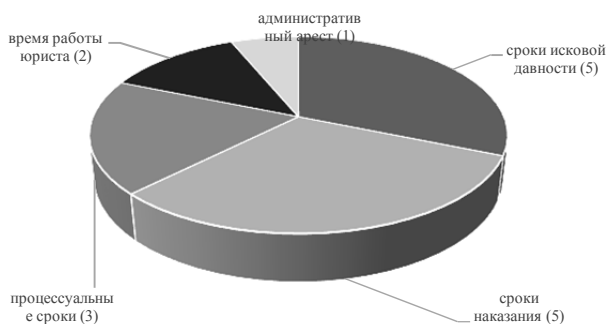

Рис. 15. Время дискурса

Рис. 16. Время дискурса

Время НЮД представлено следующими специфическими категориями (рис. 15, 16).

5. **Взаимодействие участников.** Эта категория представлена в различных комбинациях, однако все

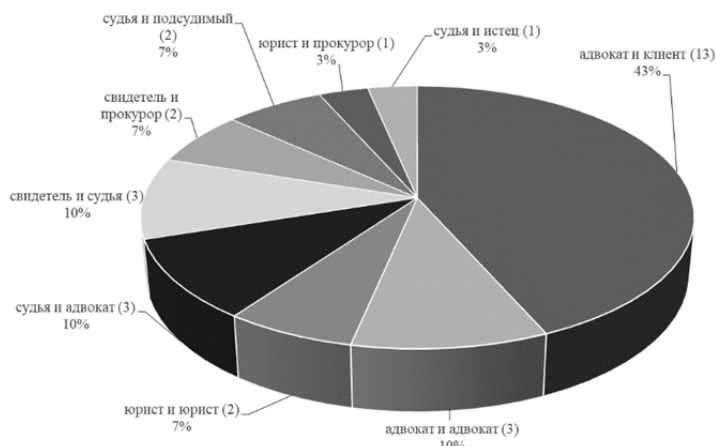

Рис. 17. Количественное распределение вариантов взаимодействия участников

они отражают взаимодействие в профессиональной коммуникации. Количественно взаимодействия в корпусе представлены следующим образом (рис. 17).

— *Никогда не жалею о том, что сделал, если в этот момент ты был по-настоящему счастлив.*
— *Извините, но адвокат Вы так себе.*

Рис. 18. Взаимодействие «адвокат-клиент»

Рис. 19. Взаимодействие «адвокат – клиент»

Рис. 20. Взаимодействие «адвокат – клиент»

Наиболее часто в корпусе представлено взаимодействие адвоката и клиента, при этом, как правило, акцентируются либо слабые профессиональные качества адвоката, либо желание клиента получить бесплатную консультацию (рис. 18–20). В последнем случае взаимодействие это пропекает как вербальное состязание, целью которого выступает финансовое вознаграждение.

Таким образом, можно говорить о том, что в рамках НЮД отражаются практически все формы дискурсивных взаимодействий его участников. Однако специфичным является фокусирование на отношениях адвокатов (агентов дискурса) и клиентах (клиентах дискурса).

Заключение

Итак, взгляд на дискурс со стороны более высоких уровней организации позволил абстрагироваться от текстовой составляющей, что дает возможность рассматривать совокупность разных по жанровым, стилистическим и лингвистическим особенностям тексты как составляющие единого дискурса.

К базовым и независимым категориям, которые могут быть выражены единично и не требуют обязательного присутствия других категорий, можно отнести тематическое содержание, социальные роли участников и объекты. Наиболее выраженными и самодостаточными выступают категории «Тематический репертуар» и «Социальные роли участников», именно они подчиняют и выстраивают отношения с другими категориями. В рамках категории «Социальные роли» наиболее объемно представленными и разработанными являются *юрист*, *адвокат* и *клиент*, что дает основание считать их ядерными («прототипическими»). Другие категории, такие как взаимодействия участников, мнения и оценки, хронотоп являются субординатными.

Профессиональные действия непосредственно зависят от социальных ролей субъектов, прогнозируемы и количественно ограничены. В то же время в рамках представленной модели категория «Профессиональные действия» играет главенствующую роль, поскольку в силу предикативности наиболее исчерпывающе передает информацию о модели, позволяя дополнить модель недостающими элементами, таки-

ми как характер действия, субъекты, объект, цели, хронотоп.

Соответствие тематического репертуара НЮД с репертуаром ЮД, на наш взгляд, является эмпирическим доказательством существования более высоких уровней организации информации и ее категоризации. Для каждого текста НЮД, несмотря на значительные отклонения на всех уровнях языка, не составило труда найти эквивалентное тематическое соответствие в профессиональном юридическом дискурсе. При этом план выражения не соответствует нашим ожиданиям в жанровом, стилистическом, прагматическом, стилистическом и лексическом плане. На текстовом уровне в НЮД перечисленные категории юридического дискурса реализуются иначе, в корне отличаясь от при-

нятых шаблонов в юридическом профессиональном дискурсе.

Таким образом, отвечая на вопросы, поставленные ранее, можно констатировать, что в случае юридического дискурса связь между официальной и неофициальной разновидностью прослеживается на уровне тематического и субъекта как базовых, прототипических параметров. Реализация остальных параметров носит факультативный характер. В качестве оснований для типологии могут выступать параметры социально-коммуникативного уровня. Именно они позволяют выйти за пределы «поля высказываний» к взаимодействию субъектов профессионального дискурса и «уловить высказывание в ограниченности и единичности (*singularité*) его события [38. С. 74].

ЛИТЕРАТУРА

1. Sarangi S., Roberts C. Talk, Work and Institutional Order: Discourse in Medical, Mediation and Management Settings // Walter de Gruyter (Language, Power and Social Process Series). 1999. 530 p.
2. Gotti M. Specialized Discourse. Bern : Peter Lang, 2003. 354 p.
3. Drew P., Heritage J. Talk at Work: Interaction in Institutional Settings // Studies in interactional sociolinguistics. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 1992. 580 p.
4. Linell P. Approaching dialogue: Talk, interaction and contexts in dialogical perspectives // Impact: Studies in language and society. Amsterdam ; Philadelphia : Benjamins, 1998. 330 p.
5. Mertz E. The language of law school: learning to think like a lawyer. Oxford University Press, USA, 2007. 308 p.
6. Kong K. Professional Discourse. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. 288 p.
7. Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс как предмет лингвистического изучения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2009. № 1 (9). С. 145–149.
8. Голованова Е.И. Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: Соотношение понятий // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). Филология. Искусствоведение. Вып. 73. С. 32–35.
9. Наумова А.П. Институциональность профессионального дискурса переводчиков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2013. № 2 (18). С. 104–109.
10. Биче-оол Ч.В. Профессиональный и непрофессиональный дискурс: к определению понятий // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2017. Вып. 21. С. 25–29.
11. Елагина Ю.С. Специфика перевода терминов и профессионализмов в контексте профессионального дискурса программистов // Вестник Оренбургского государственного университета. 2016. № 7 (195). С. 50–54.
12. Фельде О.В. Комическое в профессиональном дискурсе // Речевое общение: специализированный вестник. Вып. 13 (21): Категория комического в аспекте теории и практики речевого воздействия. Красноярск, 2011. С. 210–211.
13. Казакова Д.В. Категория комического в медицинском дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2013. 20 с.
14. Колесникова Л.В. Юридический дискурс как результат категоризации и концептуализации действительности (на материале предметно-терминологической области «Международное частное право») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007. 19 с.
15. Коновалова М.В. Глобальные категории когерентности и интертекстуальности в юридическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008. 25 с.
16. Богатырев А.В. Функционирование фигур интертекста в современном юридическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2016. 168 с.
17. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 476 с.
18. Кожмякин Е.А. Юридический дискурс как культурный феномен: структура и смыслообразование // Юрислингвистика. 2011. С. 131–145. URL: <http://konference.siberia-expert.com/publ/>
19. Федулова М.Н. Юридический дискурс как социокультурный и языковой феномен: уровни научной интерпретации // Филологические науки в МГИМО. 2015. № 4. С. 47–59.
20. Косоногова О.В. Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7, № 1. С. 61–68.
21. Борисова Л.А. Юридический дискурс: основные характеристики // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж, 2016. С. 133–151.
22. Чернышев А.В. Юридический дискурс и его основные характеристики // Слово.ру: Балтийский акцент. 2016. С. 22–28.
23. Палашевская И.В. Жанры юридического дискурса: форматы, сценарии, тексты // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2010. № 6. С. 28–32.
24. Крапивкина О.А. Жанровое пространство юридического дискурса // Вестник ИрГТУ. 2014. № 1. С. 218–225.
25. Хомутова Т.Н., Шефер Е.А. Юридический дискурс: проблемы и перспективы исследования // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2019. Т. 16, № 3. С. 44–53. doi: 10.14529/ling190308
26. Мишанкина Н.А. Аспекты взаимодействия медиасреды и профессиональных сообществ (к постановке проблемы) // Вопросы журналистики. 2019. № 6. С. 45–59. doi: 10.17223/26188422/6/2
27. Тубалова И.В., Эмер Ю.А., Ершова В.Е. Коммуникативные стратегии продвижения профессионального имиджа врача в социальных медиа (на материале Facebook) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 73–82.
28. Волкова Е.В. Реализация информационно-просветительской стратегии врача в медиадискурсе социальной сети // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 463. С. 15–24. doi: 10.17223/15617793/463/2
29. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б. Шапуновского. М. : Языки славянской культуры, 2004. 792 с. (Язык. Семиотика. Культура).
30. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989. 310 с.
31. Филиппс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков : Гуманитарный Центр, 2004. 336 с.
32. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011. 256 с.
33. Wenger E. Communities of practice: learning, meaning, and identity. Cambridge University Press, 1999. 318 p.

34. Хустенко А.А. Конструирование идентичности адвоката в неофициальном юридическом дискурсе // Русская речевая культура и текст: материалы XI Междунар. науч. конф. (Томск, 22–23 октября 2020 г.) / под общ. ред. проф. Н.С. Болотновой. Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2020. С. 79–87.
35. Хустенко А.А. Идеализированный субъект юридического неофициального дискурса. Категория «тьжюрист» в аспекте профессиональной идентификации // Сервис Plus. 2021. Т. 15, № 2. С. 97–102. doi: 10.24411/2413-693X-2021-10211
36. Хустенко А.А. Новые формы профессиональной коммуникации юристов в медиасреде (на материале публикаций интернет-сообществ) // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2021. Вып. 6 (218). С. 97–104. doi: 10.23951/1609-624X-2021-6-97-104
37. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Рус. яз., 2000
38. Фуко М. Археология знания : пер. с фр. / общ. ред. Бр. Левченко. К. : Ника-Центр, 1996. 208 с.
39. Микляева А.В., Румянцева П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. С. 8–47.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 7 декабря 2021 г.

Professional Discourse of Lawyers: Informal Forms of Communication (Based on Social Network Communities)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 89–100.

DOI: 10.17223/15617793/473/11

Anastasia A. Khustenko, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: khustenko@tpu.ru

Natalia A. Mishankina, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mna@tpu.ru

Keywords: professional discourse; professional legal discourse; informal legal discourse; discourse analysis.

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-312-90049\20.

The article aims to describe the corpus of Internet texts functioning in professional communities and personal profiles of lawyers in social media, as part of an informal legal discourse. The theoretical background and methodology for this study are based on socio-constructivist and critical discourse analysis approaches. We define professional discourse in this study as a cognitive model that reflects extralinguistic parameters, is implemented in the form of professional practice, includes a set of verbal and non-verbal statements, constitutes the professional environment, and is constituted in other professional practices. For a text to qualify as belonging to informal legal discourse, it must meet the following criteria: 1) the text implements one of the categories that set up the social and communicative dimension of the cognitive model of professional legal discourse; 2) at the same time, the text can significantly deviate from stereotypical forms and ways of expression on the textual level. The leading approach applied is discourse analysis, which includes standard methods of communicative-pragmatic and semantic analysis, as well as content analysis, which provides semantic categories as parameters of the socio-communicative level of the model and units as typical lexical markers. The data include 300 texts of various styles and genres, constituting the content of professional legal groups on the Instagram and Facebook social networks: Internet memes, narratives representing the description of cases of professional practice. The data analysis revealed that the basic and independent categories, which can be expressed singly and do not require the presence of other categories, include thematic content and social roles of participants and objects. The most expressed and independent categories are “thematic repertoire” and “social roles of participants”, as they are the ones that subordinate and build relationships with other categories. Within the “social roles” category, the lawyer and client are the most widely presented and developed, which allows us to consider them nuclear. Professional actions directly depend on the social roles of the subjects, they are predictable and quantitatively limited. At the same time, within the framework of the presented model, the category “professional actions” plays a dominant role. This is because, by virtue of predicativity, it most exhaustively conveys information about the model and allows us to supplement the model with missing elements, such as the nature of the action, subjects, object, goals, time and place. The analysis revealed that the model of professional communication of lawyers is implemented incompletely in informal communication, based on the principle of “family resemblance”. This leads us to suggest the prototypical organization of discourse.

REFERENCES

1. Sarangi, S. & Roberts, C. (eds) (1999) *Talk, Work and Institutional Order: Discourse in Medical, Mediation and Management Settings* De Gruyter Mouton.
2. Gotti, M. (2003) *Specialized Discourse*. Bern: Peter Lang.
3. Drew, P. & Heritage, J. (1992) *Talk at Work: Interaction in Institutional Settings*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
4. Linell, P. (1998) *Approaching dialogue: Talk, interaction and contexts in dialogical perspectives*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
5. Mertz, E. (2007) *The Language of Law School: Learning to think like a lawyer*. Oxford: Oxford University Press.
6. Kong, K. (2014) *Professional Discourse*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Beylinson, L.S. (2009) Professional discourse as the subject of linguistic investigation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie – Science journal of Volgograd State University. Linguistics*. 1 (9). pp. 145–149. (In Russian).
8. Golovanova, E.I. (2013) Professional'nyy diskurs, subdiskurs, zhanr professional'noy kommunikatsii: Sootnoshenie ponyatiy. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskuststvedenie – Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art history*. 1 (292). pp. 32–35. (In Russian).
9. Naumova, A.P. (2013) Institutionalality of professional translators' discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie – Science journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2 (18). pp. 104–109. (In Russian).
10. Biche-ool, Ch.V. & Pelevina, N.N. (2017) On woman's image in Tuvianian and German proverbs. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova*. 21. pp. 25–29. (In Russian).
11. Elagina, Yu.S. (2016) The specifics of translation of terms and professionalisms in the context of professional programmers' discourse. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of the Orenburg State University*. 7 (195). pp. 50–54. (In Russian).
12. Fel'de, O.V. (2011) The category of comic in professional discourse. *Rechevoe obshchenie: spetsializirovanny vestnik*. 13 (21). pp. 210–211. (In Russian).
13. Kazakova, D.V. (2013) *Kategoriya komicheskogo v meditsinskom diskurse* [The category of the comic in medical discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kemerovo.

14. Kolesnikova, L.V. (2007) *Yuridicheskiy diskurs kak rezul'tat kategorizatsii i kontseptualizatsii deystvitel'nosti (na materiale predmetnoterminologicheskoy oblasti "Mezhdunarodnoe chastnoe pravo")* [Legal discourse as a result of categorization and conceptualization of reality (based on the material of the subject-terminological field "Private international law")]. Abstract of Philology Cand. Diss. Stavropol.
15. Konovalova, M.V. (2008) *Global'nye kategorii kogerentnosti i intertekstual'nosti v yuridicheskom diskurse* [Global categories of coherence and intertextuality in legal discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.
16. Bogatyrev, A.V. (2016) *Funktsionirovanie figur interteksta v sovremennom yuridicheskom diskurse* [Functioning of intertext figures in modern legal discourse]. Philology Cand. Diss. Volgograd.
17. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
18. Kozhemyakin, E.A. (2011) *Yuridicheskiy diskurs kak kul'turnyy fenomen: struktura i smysloobrazovanie* [Legal discourse as a cultural phenomenon: structure and meaning formation]. *Yurilingvistika – Legal Linguistics*. pp. 131–145. [Online] Available from: <http://konferencia.siberia-expert.com/publ/>.
19. Fedulova, M.N. (2015) Legal discourse as a social, cultural and linguistic phenomenon: the levels of scientific interpretation. *Filologicheskie nauki v MGIMO – Linguistics & Polyglot Studies*. 4. pp. 47–59. (In Russian).
20. Kosonogova, O.V. (2015) Characteristics of discourse of law: boundaries, content, parameters. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and social educational idea*. 1 (7). pp. 61–68. (In Russian).
21. Borisova, L.A. (2016) Legal discourse: general characteristics. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda – Language, Communication and Social Environment*. 14. pp. 133–151. (In Russian).
22. Chernyshev, A.V. (2016) Legal discourse and its main characteristics. *Slovo.ru: Baltiyskiy akcent – Slovo.ru: Baltic accent*. 2. pp. 22–28. (In Russian).
23. Palashevskaya, I.V. (2010) Juridical discourse genres: formats, scripts, texts. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya "Filologicheskie nauki" – Ivestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 6 (50). pp. 28–32. (In Russian).
24. Krapivkina, O.A. (2014) Genres of legal discourse. *Vestnik IrGTU – Proceedings of Irkutsk State Technical University*. 1. pp. 218–225. (In Russian).
25. Khomutova, T.N. & Shefer, E.A. (2019) Legal discourse: problems and perspectives of research. *Vestnik YuUrGU. Seriya "Lingvistika" – Bulletin of the South Ural State University. Series: linguistics*. 3 (16). pp. 44–53. (In Russian). DOI: 10.14529/ling190308
26. Mishankina, N.A. (2019) Mass media content and professional communities' interaction aspects (the problem statement). *Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies*. 6. pp. 45–59. (In Russian). DOI: 10.17223/26188422/6/2
27. Tubalova, I.V., Emer, Yu.A. & Ershova, V.E. (2019) Communicative strategies for promoting the professional image of a doctor in social media (based on Facebook). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 447. pp. 73–82. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/447/9
28. Volkova, E.V. (2021) Communicative tactics of the doctor's informational and educational strategy in the media text of the social network Instagram. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University journal*. 463. pp. 15–24. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/463/2
29. Lakoff, G. (2004) *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind]. Translated from English by I.B. Shapunovskiy. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
30. Van Dijk, T.A. (1989) *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Translated from English by V. I. Gerasimov et al. Moscow: Progress.
31. Philipps, L. & Jorgensen, M. (2004) *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse Analysis. Theory and method]. Translated from English. Kharkiv: Gumanitarnyy Tsentr.
32. Skrebtsova, T.G. (2011) *Kognitivnaya lingvistika: Kurs lektsiy* [Cognitive Linguistics: Course of lectures]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
33. Wenger, E. (1999) *Communities of Practice: Learning, meaning, and identity*. Cambridge: Cambridge University Press.
34. Khustenko, A.A. (2020) [The discursive construction of lawyer identity in an informal legal discourse]. *Russkaya rechevaya kul'tura i tekst* [Russian Speech Culture and Text]. Proceedings of 11th International Conference. Tomsk. 22–23 October 2020. Tomsk: Izd-vo Tomskogo TsNTI. pp. 79–87. (In Russian).
35. Khustenko, A.A. (2021) The idealized subject of legal informal discourse. "tyzhyurist" in terms of professional identity. *Servis Plus – Service Plus*. 2021. 2 (15). pp. 97–102. (In Russian). DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10211
36. Khustenko, A.A. (2021) New forms of lawyers' professional communication in the media (analysis of internet communities content). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 6 (218). pp. 97–104. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2021-6-97-104
37. Efremova, T.F. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New explanatory and word-formation dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk.
38. Foucault, M. (1996) *Arkheologiya znaniya* [Archeology of Knowledge]. Translated from French. Kiev: Nika-Tsentr.
39. Miklyaeva, A.V. & Romyantseva, P.V. (2008) *Sotsial'naya identichnost' lichnosti: sodержanie, struktura, mekhanizmy formirovaniya* [Social Identity of a Person: Content, structure, mechanisms of formation]. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University. pp. 8–47.

Received: 07 December 2021

В.В. Черткова

ПОВЕСТЬ А.П. ЧЕХОВА «СТЕПЬ» В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДАХ К. ГАРНЕТ И Р. ХИНГЛИ: СТРАТЕГИИ ДОМЕСТИКАЦИИ И ФОРЕНИЗАЦИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-90031.

Исследуется англоязычная рецепция повести А.П. Чехова «Степь» в аспекте проблемы переводной множественности. Показывается, что, являясь каноническими, переводы К. Гарнет и Р. Хингли определяют основной вектор восприятия чеховской повести, который направлен на читателя принимающей культуры. Сравнительный анализ переводов позволил выявить доместикацию как общую и доминирующую стратегию, но реализованную переводчиками различными способами, в том числе в различных комбинациях со стратегией форенизации.

Ключевые слова: А.П. Чехов; повесть «Степь»; англоязычная рецепция; переводная множественность; стратегии перевода; доместикация; форенизация

Изучение англоязычной переводческой рецепции прозы А.П. Чехова является актуальным направлением современного чеховедения. Существующий корпус переводов произведений А.П. Чехова на английский язык, накопленный за более чем 130 лет рецепции его творчества, свидетельствует о значительных показателях переводной множественности и предлагает большой объем недостаточно исследованного и интересного материала. В англоязычной культуре отсутствует единый взгляд на «переводимость» чеховских текстов: одни видят причину популярности русского писателя в универсальном, легко преодолеваемом границе языков и культур содержании творчества [1], другие называют его имя первым в иерархии наиболее сложно поддающихся переводу авторов [2]. Множественность переводов является не только очевидным показателем востребованности Чехова в англоязычной культуре, но и «ключом» к рецепции [3. С. 73], т.е. эффективным инструментом изучения истории и специфики восприятия его произведений, что подтверждают современные исследования, посвященные этому вопросу [4, 5]. В частности, переводная множественность создает условия для сопоставления стратегий, которые использовали переводчики, транслируя чеховские произведения в свою культуру и эпоху. В центре внимания современной теории художественного перевода находятся две такие стратегии – доместикация, нацеленная на восприятие текста перевода как изначально созданного в принимающей культуре, и форенизация, сохраняющая лингвистическую и культурную «инаковость» оригинала¹.

В данной работе доместикация и форенизация рассматриваются как стратегии, определившие характер англоязычной переводческой рецепции повести А.П. Чехова «Степь», в которой писатель «описывал не широкие дороги и бесконечные просторы, а раскрывал русскую ментальность, русскую душу, русскую сущность» [7. С. 15]. Сочетание национально-культурной специфики заглавного образа чеховской повести с «высотой больших философских обобщений», т.е. его универсальным содержанием, позволяет рассмотреть переводы «Степи» в аспекте обозначенных стратегий.

Англоязычные переводы повести А.П. Чехова «Степь» рассматриваются нами в аспекте переводной

множественности. Под переводной множественностью (в англоязычном переводоведении для обозначения данного явления используется термин «*rettranslation*» (повторный перевод, ретрансляция); в немецкоязычном – «*Neuuebersetzung*»), т.е. новый перевод) понимается факт функционирования в национальной культуре нескольких переводов одного и того же оригинала, как правило, произведения художественной литературы.

Сформулированные в работах 1970–1990-х гг. положения и принципы переводной множественности активно осмысливаются и развиваются в современной отечественной и зарубежной теории художественного перевода, а также пересматриваются с учетом новых социокультурных контекстов [8–11]. Осуществленные в первое десятилетие XXI в. исследования переводной множественности существенно дополнили и скорректировали так называемую гипотезу ретрансляции, в основу которой был положен тезис французского переводчика, историка и теоретика перевода А. Бермана о первом и втором (повторном) переводе. По мысли ученого, первый перевод неизбежно имеет характер доместикации, лишь открывая дорогу повторным переводам, которые «возвращаются к исходному тексту» и действительно могут быть верны его «чужому» духу [12]. Последующие исследования переводной множественности показали более сложный характер взаимосвязи между стратегиями доместикации и форенизации в переводе как формами диалога отдающей и принимающей культур. Так, Л. Венути высказал идею о том, что любой перевод по своей природе является доместикацией, более того, каждый повторный перевод «возводит доместикацию в двойную степень», добавляя все новые способы репрезентации «чужого» как «своего» к использованным в предшествующих переводах [13. Р. 25]. Также исследователь подчеркивает, что оппозиция двух стратегий не является бинарной. В рамках одного перевода одни аспекты оригинального текста могут подвергаться доместикации, тогда как другие – форенизации, за счет чего достигается компромисс между эквивалентностью перевода и его приемлемостью в иной культуре [6].

Основным методом данного исследования является сравнительно-сопоставительный анализ оригинала

и переводов повести Чехова «Степь» на английский язык с целью изучения стратегий доместикации и форенизации, использованных переводчиками в реализации главного образа в произведении – образа степи [14]. Результаты анализа позволяют говорить о доместикации как преобладающем векторе восприятия повести «Степь» в переводах, охватывающих самый значительный период ее англоязычной рецепции (с 1910-х по 1980-е гг.). В то же время анализ показывает сложный характер взаимодействия стратегий доместикации и форенизации в переводах Констанс Гарнет (Constance Garnett) и Рональда Хингли (Ronald Hingley), что позволяет рассматривать их как индивидуальные интерпретации оригинала.

Выбор переводов чеховской повести на английский язык, выполненных Гарнет в 1919 г. и Хингли в 1980 г., для целей нашего исследования не случаен. Обладая статусом канонических, именно данные переводы в своей совокупности определяют переводческое прочтение чеховской повести в англоязычной культуре. Канонический перевод выделяется из ряда существующих в принимающей культуре в качестве основного, что выражается «в предпочтении, отдаваемом этому переводу при публикациях или других видах его воспроизведения» [15. С. 18–19]. Переводы Гарнет, сформировавшие первое собрание сочинений Чехова на английском языке «The Tales of Tchekhov» [16], стали в 1910–1920-х гг. открытием русского писателя для широкого читателя, хотя многие его произведения, в том числе рассматриваемая нами повесть «Степь», уже переводились и ранее. Переводы Хингли, автора академического издания «The Oxford Chekhov» [17], в свою очередь, ознаменовали этап «присвоения» Чехова англоязычной культурой в 1970–1980-х гг.

Несмотря на появление ряда последующих англоязычных версий повести, переводы Гарнет и Хингли до сих пор не потеряли своей актуальности. Так, именно к ним отсылают читателя авторы статьи о Чехове в справочнике по английской литературе «The Oxford Companion to English Literature». Перевод Гарнет обозначен в справочнике как «первый крупный перевод» Чехова на английский язык, перевод Хингли – как «главный современный» [18. Р. 194]. Таким образом, данные переводы следует рассматривать как пример активной переводной множественности, подразумевающей повторные переводы, которые многократно переиздаются и функционируют в переводной литературе параллельно и одновременно. Вместе с тем переводы Гарнет и Хингли появились с разницей

в шестьдесят лет, что обуславливает обнаруженное в них различие в принципах использования стратегий доместикации и форенизации.

Значение повести «Степь» (1888) для творчества Чехова и особенности ее поэтики были раскрыты в фундаментальных исследованиях чеховедов второй половины XX – начала XXI в. [14; 19–22]. По наблюдениям исследователей, «Степь» стала «поворотной» для писателя и русской литературы. По мнению Л.П. Громова, повесть вобрала в себя в концентрированном виде все основные творческие идеи, характерные для Чехова как писателя и гражданина [14]. Свообразным эпитафием к последующему творчеству Чехова называет повесть И.Н. Сухих: «...здесь даны некоторые константы, постоянные и глубинные свойства его (Чехова. – В. Ч.) художественного мира» [21]. Образ степи выступает как определяющий пространственный ориентир в творчестве Чехова [22]. Впервые он возникает в чеховском творчестве 1880-х гг., что связано с активными духовными исканиями писателя в переломный период его творческой биографии, проходит через ряд произведений, сформировавших «степной цикл» («Шампанское», «Счастье», «Огни», «Красавицы»), и получает свое законченное воплощение в повести «Степь».

Повесть «Степь» представлена на данный момент в шести переводах на английский язык. Первый ее перевод появился в сборнике «The Steppe and Other Stories», опубликованном в 1915 г. в Англии, а годом позже в США. Перевод выполнила Эделин Листер Кэй (Adeline Lister Kaye), о которой известно очень немного. В частности, она выступила переводчицей нескольких очерков русских авторов на английский язык в книге «The Soul of Russia», увидевшей свет в Лондоне в 1916 г. Однако других переводов художественной литературы, выполненных Кэй, нам обнаружить не удалось.

Первый перевод чеховской «Степи» получил невысокую оценку критиков за буквализм и искажение русских реалий, что указывает на доместикацию как определенный «горизонт ожиданий», связанный с восприятием произведения иноязычной литературы. В переводе Кэй доместицирующая стратегия проявилась, прежде всего, в замене сложных смыслов обобщенно-философского характера, заключенных в чеховском образе степи, иными, переводящими его в более понятный для читателя, конкретный план восприятия. Глубокие трансформации оригинала очевидны, например, в переводе лирического отступления, помещенном в четвертой главе «Степи»:

Оригинал	Перевод Кэй
<p>И тогда в трескотне насекомых, в подозрительных фигурах и курганах, в глубоком небе, в лунном свете, в полете ночной птицы, во всем, что видишь и слышишь, начинают чудиться торжество красоты, молодость, расцвет сил и страстная жажда жизни; душа дает отклик прекрасной, суровой родине, и хочется лететь над степью вместе с ночной птицей. И в торжестве красоты, в излишке счастья чувствуешь напряжение и тоску, как будто степь сознает, что она одинока, что богатство ее и вдохновение гибнут даром для мира, никем не воспетые и никому не нужные, и сквозь радостный гул слышишь ее тоскливый, безнадежный призыв: певца! певца! [23. С. 46]</p>	<p>And then in the buzz of the insects, in the suspicious figures and tumuli, in the azure sky, in the light of the moon, in the flight of night-birds, in all that which you see and hear, is discernible a great beauty, youth, revival of strength and passionate thirst for life. The soul responds to lovely stern nature, and is desirous of flying over the steppe together with the night-birds. But in its solemn beauty and its excess of joy you are aware of tension and grief, as if the steppe acknowledges she is lovely, that her richness and inspiration perishes for the universe in vain, her praises celebrated by no one, she is needed by no one, and amid her joyous accents you detect the melancholy, hopeless call for: «A bard! a bard!» [24. P. 48]</p>

Можно указать не только на невнимательность первой переводчицы повести на английский язык («одинокая» степь превращается в «красивую» (в английском написании «lovely» (красивый, прекрасный) и «lonely» (одинокий) различается лишь в одной букве, т.е., вероятно, речь идет об опечатке), а «глубокое» небо в «голубое», точнее, в «лазурное» («azure»)), но и на очевидную трансформацию идейно-тематического комплекса оригинала, концентрированное представление в понятиях «природа», «родина», «счастье», «красота» [14]. Счастье, под которым понимается, прежде всего, полнота и осмысленность жизни, трансформируется в «радость» («joy»), радостный гул – мощный, многоголосый, сливающийся шум, выражающий общее мироощущение степи – в «акценты» («accents»), а родина – в «природу» («nature»). В результате в переводе значительно редуцируются основные мотивы повести, а также практически «снимается» ее главная лирическая тема.

Практически одновременно со сборником переводов Кэй, в 1916 г. в лондонском и нью-йоркском издательствах вышли в свет два первые тома издания «The Tales of Tchekhov», подготовленные Констанс Гарнет, которая, начиная с 1910-х гг., пользовалась непрекращаемым авторитетом как переводчица русской литературы у большинства англоязычных читателей и критиков. Как в случае с Достоевским, она стала ключевой фигурой в рецепции Чехова. Переводы Гарнет стали основой того значительного влияния, которое писатель оказал на английскую литературу. Также можно говорить о том, что Гарнет повлияла на всю дальнейшую традицию переводов Чехова на английский язык, одни переводчицы (Р. Эдмондс, Д. Магаршак) видели в ее работах образец для подражания, для других (Р. Хингли, дуэт Р. Пивер и Л. Волхонская) они становились объектом критики, которая определила характер новых переводов. По общему мнению современных исследователей, переводы Гарнет характеризуются стратегией доместикации, неизбежным следствием которой стала их «стилистическая гомогенность», проявившаяся в стирании национального и индивидуального своеобразия творчества русских авторов. При этом «одомашнивающий» подход был продиктован культурными установками эпохи, в которую возникли эти переводы. Так, по замечанию Т.Н. Красавченко, Гарнет «викторианизировала» русских писателей, руководствуясь английскими переводческими нормами ясности и плавности [25. С. 42].

Подготовленное Гарнет издание «The Tales of Tchekhov» в 13 томах – первое собрание сочинений писателя на английском языке – включало 201 прозаическое произведение писателя, более 100 рассказов благодаря переводчице впервые увидели свет на английском языке. Перевод выполнялся Гарнет по русскому прижизненному («марксовскому») собранию сочинений писателя. Гарнетовское собрание сочинений представляло Чехова, прежде всего, как объективного художника русской жизни, дающего в своих произведениях «срез» русского общества через обширную галерею разнообразных типов героя. «Если Вы хотите ознакомиться с жизнью в современной России, особенно с жизнью образованного класса,

Вам обязательно нужно прочитать Чехова», – таким обращением к читателю заканчивалось вступление Э. Гарнета к изданию [16. V. I. P. IX]. Перевод «Степи» был включен Гарнет в седьмой том издания, опубликованный в 1919 г. и представлявший англоязычному читателю образ русского духовенства. Заглавие тома «The Bishop and Other Stories» и вошедшие в него, помимо «Степи», рассказы «Архиерей» (1902), «Святой ночью» (1886), «Кошмар» (1886) и другие задавали определенный ракурс восприятия повести. В центре внимания читателя оказался не главный ее образ – степь, а выведенная Чеховым «на равных правах» с другими персонажами фигура отца Христофора.

Не менее масштабным проектом в англоязычной переводческой рецепции чеховского творчества стал «Оксфордский Чехов» (The Oxford Chekhov) – девятитомное академическое издание прозаических сочинений и пьес писателя в переводах слависта Рональда Хингли, увидевшее свет в период с 1964 по 1980 г. Автор двух монографий о Чехове и его творчестве [26, 27], Хингли, в отличие от большинства критиков, считал самой ценной частью наследия русского писателя его зрелую прозу, а не драматургию. Признавая неопределимую роль гарнетовских переводов в знакомстве англоязычных читателей с творчеством русского писателя, Хингли, тем не менее, видел в этом издании два существенных недостатка.

Первым являлось произвольное, без соблюдения хронологии, расположение чеховских прозаических произведений в издании. То, что «образцы зрелого, обдуманного стиля» писателя «шли вперемежку с разного рода ранними юморесками, набросанными наспех» [28. С. 395], по мнению ученого и переводчика, стало основной причиной непонимания и, как следствие, ограниченного интереса англоязычного читателя к прозе Чехова. В своем издании Хингли следовал структуре русского Полного собрания сочинений и писем писателя в 20 томах, опубликованного в 1944–1951 гг., по нему же выполнялись переводы. Хронологический порядок позволял читателю получить представление об этапах творческой эволюции художественного метода писателя. Перевод «Степи» открывал четвертый том издания (1980), включавший рассказы и повести 1888–1889 гг. Тем самым в издании впервые в истории англоязычной рецепции адекватно было отражено место повести как рубежного произведения, разделяющего раннее и зрелое творчество писателя.

Хингли также подверг критике в переводах Гарнет элементы форенизации, воссоздававшие формальную языковую форму оригинала. «Переводизмы» (англ. «translationese»), возникшие вследствие излишнего буквального следования оригиналу как на лексическом, так и на синтаксическом уровне, придавали переводам Гарнет «неестественность» и «экзотическую окраску», которые трактовались англоязычными читателями как особенность языка Чехова. Избежать такого «ненатурального», «нарочитого, специфического звучания» Чехова на английском языке Хингли считал своей основной задачей. Учитывая горизонт ожидания читателя, в своих переводах Хингли использовал современный английский язык в его разго-

ворной форме и активно перестраивал синтаксическую структуру оригинала в соответствии с нормами языка перевода, что указывает на стратегию доместикации и, в ее рамках, модернизацию.

Таким образом, исследователями, которые обращались к переводам Чехова, выполненным Гарнет и Хингли, отмечена стратегия доместикации, присутствующая в них, главным образом, на уровне языкового выражения. В нашем исследовании в центре внимания находится уровень перевода «из культуры в культуру» (Венути)², что связано, в первую очередь, со спецификой главного образа повести Чехова «Степь».

Как стратегии перевода доместикация и форенизация направлены, прежде всего, на «чужое» – отличительные особенности языка и культуры текста оригинала. Это ярко проявляется в репрезентации образа степи в изученных нами переводах одноименной повести А.П. Чехова. Безусловно, в центре внимания сразу же оказывается проблема перевода ее «заглавного слова». Как отметил Л.П. Громов, чеховское слово «степь» «само по себе есть целый художественный мир, сохраняющий оттенки и стилистические отзвуки всех предшествующих произношений и написаний» [29]. Другие исследователи также характеризуют образ степи как сложный с точки зрения его насыщенности многоплановым ассоциативным содержанием, что является отличительной особенностью Чехова на фоне традиции русской литературы. Так, С.Ю. Николаева подчеркивает, что писатель, в отличие от своих литературных предшественников, поставил на первый план не предметное значение образа степи, а «в полной мере реализовал его семантику и ассоциативные связи в философской, религиозной, исторической, мифологической, нравственной, психологической сферах» [7. С. 16]. «Степь» рассматривается как «национальный словообраз» [30], так как входящие в него ассоциации глубоко укоренены в русском национальном сознании и русской культуре. Все это ставит вопрос о границах «переводимо-

сти» главного образа чеховской повести в «чужую» культуру.

Заглавие указывает на главный художественный стержень повести, ее сюжетный план отражен лишь в подзаголовке («история одной поездки»). Далее по тексту слово «степь» и его формы («степняк», «степной») встречаются 52 раза, постоянно удерживая образ степи как главный в фокусе восприятия. Основным эквивалентом данных лексических единиц в переводах Гарнет и Хингли выступает слово «steppe». Являясь заимствованием из русского языка, оно представляет собой для англоязычного читателя маркер «чужого», типично русского пространства, так как образ степи относится к основополагающим элементам русской национальной картины мира. Лексема «степь» означает такой тип местности, которая на протяжении столетий оставался в сознании русского человека неизменным. Особенной характеристикой пространства степи в русской языковой картине мира является его неограниченность, бесконечность. В русском степном пейзаже проявилась связь географического фактора с фактором ментальным, что получило свое отражение в литературе. В произведениях русских классиков степной пейзаж олицетворяет, с одной стороны, свободолюбие русского человека, удаль, широту его души, а с другой – передает всепоглощающую и неутолимую его тоску, рожденную бесконечным величием степных просторов [31. С. 15]. Опираясь на существующую в русской литературе традицию изображения степи, Чехов представил свою авторскую концепцию этого образа.

Сравнительный анализ позволил выявить следующую общую особенность в передаче наименования образа степи в переводах Гарнет и Хингли. Если в заглавии повести сохраняется форма единственного числа существительного («The Steppe»), то далее в тексте переводов она чередуется с формой множественного – «the steppes», при этом какой-либо закономерности в таком употреблении не обнаруживается. Приведем несколько характерных примеров:

Оригинал	Перевод Гарнет	Перевод Хингли ³
...и мало-помалу на память приходят степные легенды , рассказы встречных, сказки няньки-степнячки и всё то, что сам сумел увидеть и постичь душою [23. С. 46]	... and little by little those legends of the steppes , the tales of men you have met, the stories of some old nurse from the steppe , and all the things you have managed to see and treasure in your soul, come back to your mind [16. V. VII. P. 212]	... And the prairie legends, the travellers' yarns, the folk tales told by some old nurse from the steppes , together with whatever you yourself have contrived to see and to grasp in spirit – you gradually recall all these things [32. P. 29]
...душа дает отклик прекрасной, суровой родине, и хочется лететь над степью вместе с ночной птицей [23. С. 46]	the soul responds to the call of her lovely austere fatherland, and longs to fly over the steppes with the nightbird [16. V. VII. P. 212]	Your spirit responds to its magnificent, stern homeland and you long to fly above the steppe with the night bird [32. P. 29]
это видел всякий, проезжавший степью [23. С. 56]	everyone crossing the steppes could see them [16. V. VII. P. 227]	anyone crossing the steppes saw those [32. P. 38]
Молодая баба дома спит, а он по степу шатается, – засмеялся Кирюха. – Чудак! [23. С. 75]	«His young wife sits at home while he rambles about the steppe ,» laughed Kiruha. «Queer chap!» [16. V. VII. P. 258]	«His young wife sleeps at home while he's a-wandering the steppes ,» laughed Kiryukha. «Strange doings!» [32. P. 56]

Появление в переводах формы множественного числа существительного «степь» можно рассмотреть в нескольких аспектах. С лингвистической точки зрения, формы множественного числа могут привносить в значение названий пространства оттенки большей обширности или большей протяженности.

В связи с этим можно предположить, что в переводах Гарнет и Хингли дополнительно акцентируется одна из наиболее характерных черт степного (русского) пространства, получившая отражение в повести – его значительная протяженность, неограниченность.

Но данная трансформация затрагивает и саму концепцию художественного пространства, представленного в повести Чехова. В частности, форма множественного числа, использованная Хингли и Гарнет, придает степи черты условного пространства. Между тем известно, что в основу повести был положен «интимно-близкий» Чехову материал, сознательно выбранный писателем для первого серьезного произведения крупного масштаба. Хотя география «Степи» – обобщенная, а пространство дается без конкретной топографической локализации, для Чехова, «копировавшегося в своем творчестве на научные знания и факты», его изображение всегда было основано на реальных впечатлениях [33. С. 51]. Описанную им Приазовскую степь Чехов знал с детства, это подтверждается, например, тем, что в художественную картину повести органично включены ландшафтные реалии, растительный и животный коды именно этого региона.

Форма единственного числа в номинации образа степи также коррелирует с особым местом, которое ему отведено в повести. Впервые в русской литературе степь выступила «грандиозным целостным образом-персонажем» [21], что определило сюжетно-стилевое своеобразие произведения. Пейзажные картины скреплены не событием или действием, а сквозным символично-философским образом, в котором заключено единство всех смыслов. В чеховской повести степь – это пространство «самостоятельное», живущее по своим законам, пространство одушевленное и одухотворенное. В рассматриваемых переводах чередование форм единственного и множественного числа в номинации главного образа нарушает чеховский принцип единства и целостности образа, так как степное пространство «распадается» в восприятии персонажей повести на два измерения: «the steppes» и «the steppe», что влияет, с нашей точки зрения, на по-

нимание пространства степи как бытийного, объединяющего общей несчастливой судьбой всех его обитателей. Поэтому можно заключить, что новаторские принципы Чехова в изображении степи в повести не получили в переводах Гарнет и Хингли в полной мере адекватного воплощения.

В отношении номинации образа степи доместицирующая стратегия в переводе Хингли трансформирует оригинал глубже, чем в переводе Гарнет. Переводчик вводит в текст, наряду с существительным «the steppe»/«the steppes», второе наименование пространства – «the prairie», ассимилирующее его для восприятия англоязычного читателя. Слово «prairie» в английский язык было заимствовано из французского и используется для обозначения североамериканской формы степи, в некоторых своих частях имеющей достаточно схожий ландшафтный облик со степью русской. Представляется, что именно это «внешнее» сходство стало в переводе Хингли основанием для проведенной параллели. Очевидно, что «прерия» имеет в англоязычной культуре свой круг ассоциативных значений, которые мало пересекаются с закрепленными в русской национальной картине мира представлениями о степи.

В использовании сразу двух номинаций в тексте перевода Хингли не придерживается единого принципа, они могут чередоваться в пределах одного эпизода, т.е. выступают равноправными эквивалентами. Помимо этого, обнаруживаются примеры других номинаций образа оригинала (степь – «the heath»), а также случаи, когда переводчик заменяет «степь» другими лексическими единицами с пространственным значением общего плана (the area, outside), что ведет к снижению количества маркеров «чужого» пространства. Всего в тексте перевода Хингли «steppe» (в форме ед. и мн. ч.) встречается в 32 случаях, «prairie» – в 16.

Оригинал	Перевод Хингли
<p>Но вот, наконец, когда солнце стало спускаться к западу, степь, холмы и воздух не выдержали гнета и, истощивши терпение, измучившись, попытались сбросить с себя иго. Из-за холмов неожиданно показалось пепельно-седое кудрявое облако. Оно переглянулось со степью – я, мол, готово – и нахмурилось. Вдруг в стоячем воздухе что-то порвалось, сильно рванул ветер и с шумом, со свистом закружился по степи. Тотчас же трава и прошлогодний бурьян подняли ропот, на дороге спирально закружилась пыль, побежала по степи и, увлекая за собой солому, стрекоз и перья, черным вертящимся столбом поднялась к небу и затуманила солнце. По степи, вдоль и поперек, спотыкаясь и прыгая, побежали перекасти-поле, а одно из них попало в вихрь, завертелось, как птица, полетело к небу и, обратившись там в черную точку, исчезло из виду [23. С. 28–29]</p>	<p>But then at last, as the sun began setting in the west, the prairie, the hills and the air could stand the strain and torment no longer, lost patience and tried to cast off the burden. Behind the hills, a fleecy ash-grey cloud unexpectedly appeared. It exchanged glances with the steppe, as if to say «I'm ready», and frowned. In the stagnant air something suddenly snapped, and a violent squall of wind swirled, roaring and whistling, about the area. At once the grass and last year's vegetation raised a murmur, while a dust spiral eddied over the road and sped along the prairie, sweeping straw, dragonflies and feathers behind it in a gyrating black column, soared up into the sky, and obscured the sun. Hither and thither, over the heath, tufts of loose herbage raced off, stumbling and bobbing. One of them was caught by the whirlwind, pirouetted like a bird, flew aloft, turned into a black speck and vanished [32. P. 14–15]</p>

В результате совмещения стратегий доместикации и форенизации текст перевода Хингли становится «креолизированным» (термин А. Поповича [34]), в нем возникает культурное «межпространство», в котором в восприятии англоязычного читателя происходит присвоение «чужого» образа через «свой». Можно предположить, что так переводчик ищет баланс между культурным отчуждением и освоением, который, очевидно, предполагает рефлексивную позицию современного читателя перевода, его работу по соотне-

сению образов-анalogий, присутствующих в исходной и принимающей культурах.

Аналогичный подход Хингли применяет при передаче ещё одного значимого для семантики степи образа, появляющегося в самом начале повести – образа брички, на которой путешествует Егорушка. В описании брички в «Степи» открываются аллюзии, обогащающие чеховскую степь комплексом ассоциаций с образом Руси из «Мертвых душ» Гоголя. В «Степи» бричка становится символом скудости и бедности жизни степных обитате-

лей. Кроме основного своего значения данное слово, наряду с другими («оженился», «по степу», «клуня», «шлях»), передает и украинский колорит повести. Хотя Чехов не выступал в ней «бытописателем определенной местности», как уже упоминалось, для него было важно реалистично изобразить степную жизнь.

В переводе Хингли «бричка» передана двумя эквивалентами, каждый из которых используется при-

мерно в равном количестве случаев. Первый представляет собой транскрипцию, которая сохраняет исторический и национальный колорит, а также интертекстуальную отсылку, заключенную в слове («the britzka»), второй же образован по принципу расширения исходного значения и раскрывает основную семантику брички как средства передвижения («the carriage» – транспорт, коляска, экипаж).

Оригинал	Перевод Хингли
Мальчик всматривался в знакомые места, а ненавистная бричка бежала мимо и оставляла всё позади [23. С. 14]	While the boy gazed at the familiar sights the hateful carriage raced on and left them all behind [32. P. 2]
Около полудня бричка свернула с дороги вправо, проехала немного шагом и остановилась [23. С. 20]	Towards midday the britzka turned off the road to the right, went on a little at walking pace, then stopped [32. P. 7]
С тупым удивлением и не без страха, точно видя перед собой выходцев с того света, он, не мигая и разинув рот, оглядывал кумачовую рубаху Егорушки и бричку . Красный цвет рубахи манил и ласкал его, а бричка и спавшие под ней люди возбуждали его любопытство [23. С. 25]	Open-mouthed, unblinking, with a blank stare and in some fear – as if contemplating a ghost – he inspected Yegorushka's crimson shirt and the britzka . The red colour attracted and beguiled him, while the carriage and the men asleep under it stirred his curiosity [32. P. 11]

В совокупности два эквивалента более полно выражают смыслы оригинала, сохраняя возможность прочтения гоголевского интертекста, как минимум, для «компетентного» читателя. В то же время такой нестандартный способ перевода оказывает влияние на эстетическую функцию текста, которая частично подменяется «аналитической», непосредственно в тексте перевода эксплицируются межкультурные различия, над которыми читателю необходимо задуматься, т.е. текст перевода берет на себя и функции лингвокультурологического комментария. Это свидетельствует о том, что как исследователь и переводчик Че-

хова Хингли осознавал сложности восприятия чеховской повести в чужом культурном контексте и искал для нее пути «культурного трансфера».

Различные принципы реализации общей для переводов Гарнет и Хингли стратегии доместикации можно обнаружить в передаче образов и деталей, которые характеризуют степное пространство как историческое. Как символы прошлого в него включены автором курганы и каменные бабы. Символизируя вечность, курганы особенно подчеркивают чувство затерянности человека в необъятном степном пространстве, в котором время останавливается:

Оригинал	Перевод Гарнет	Перевод Хингли
Едешь час-другой... Попадается на пути молчаливый старик-курган или каменная баба , поставленная бог ведает кем и когда, бесшумно пролетит над землей ночная птица, и малопомалу на память приходят степные легенды, рассказы встречных, сказки няньки-степнячки и всё то, что сам сумел увидеть и постичь душою [23. С. 46]	You drive on for one hour, for a second... You meet upon the way a silent old barrow or a stone figure put up God knows when and by whom; a nightbird floats noiselessly over the earth, and little by little those legends of the steppes, the tales of men you have met, the stories of some old nurse from the steppe, and all the things you have managed to see and treasure in your soul, come back to your mind [16. V. VII. P. 212]	You drive on for an hour or two. On your way you meet a silent barrow or menhir – God knows who put them up, or when. A night bird silently skims the earth. And the prairie legends, the travellers' yarns, the folk tales told by some old nurse from the steppes, together with whatever you yourself have contrived to see and to grasp in spirit – you gradually recall all these things [32. P. 29]

Гарнет и Хингли передают «курган» сходным по своему значению английским словом «barrow» («могильный холм», «курган»), при этом дополнительно подчеркивают их значение как хранителей прошлого степи добавлением прилагательного «ancient» («древний, старый, многовековой»). Более сложную задачу перевода представляет собой словосочетание «каменная баба», являющееся названием антропоморфных изваяний, оставленных в южнорусских степях древними скифами и половцами. При переводе словосочетания Гарнет прибегает к калькированию, при этом заменяя национально-культурный компонент «баба» на нейтральное «figure» («каменная фигура»); Хингли выбирает родовое понятие «menhir» («менгир»), которое используется для обозначения всей группы таких археологических памятников на территории Европы, Азии и Африки, в том числе на Британских островах, тем самым отсылка к древним временам становится для англоязычного читателя более

прозрачной. В данном случае Хингли, реализуя стратегию доместикации, вновь активно использует межкультурные параллели, в отличие от Гарнет, которая через обобщение значения нейтрализовала национально-специфический контекст оригинала.

Следует отметить, что наряду со значением, которое «курган» и «каменная баба» несут как знаки прошлого, не меньшую роль здесь играет прием олицетворения, ярко иллюстрирующий один из главных принципов изображения степи Чеховым. Связь человека с природным, их глубинное родство и даже чисто внешнее сходство ощущаются в повести повсеместно, поэтому в приведенном отрывке в одном смысловом ряду оказываются «молчаливый старик курган», «каменная баба», «нянька-степнячка» и «сам» повествователь [30]. В силу различий в русской и английской языковой картине мира (в русском языке категория рода является более значимой для культуры) единственным сохранившимся средством олицетворения в

переводах является прилагательное «молчаливый» («silent»), в то время как в оригинале в персонифицированных словосочетаниях «старик-курган» и «каменная баба» актуализируется не только значение живого лица, но и сема пола. Данный пример демонстрирует, что перевод слова-образа «степь», насыщенного национально-культурными смыслами и ассоциациями разных уровней, неизбежно сопряжен с определенными потерями.

Тему прошлого Чехов вводит в повесть в легендарно-историческом ключе. «Свидетели» славных времен русской степи – это былинные герои Илья Муромец и Соловей-разбойник, чьи образы возникают в «сказоч-

ных мыслях» Егорушки, пораженного открывшейся ему грандиозной картиной степного шляха. Богатырская дорога представляет одну из сторон степного пространства как образа «прекрасной, суровой родины». С ним связаны философские размышления автора-повествователя о судьбе современной ему России, которой недостает «широко шагающих людей»: «И как бы эти фигуры были к лицу степи и дороге, если бы они существовали!» [23. С. 48]. Реальные путники в степи несообразны ее масштабам, это простые и «маленькие» люди, каждый из которых по-своему несчастен. Пассаж о богатырской дороге передан в переводах Гарнет и Хингли следующим образом:

Оригинал	Перевод Гарнет	Перевод Хингли
Что-то необыкновенно широкое, размашистое и богатырское тянулось по степи вместо дороги; то была серая полоса, хорошо выезженная и покрытая пылью, как все дороги, но шириною в несколько десятков сажен. Своим простором она возбудила в Егорушке недоумение и навела его на сказочные мысли . Кто по ней ездит? Кому нужен такой простор? Непонятно и странно. Можно, в самом деле, подумать, что на Руси еще не перевелись громадные, широко шагающие люди, вроде Ильи Муромца и Соловья Разбойника , и что еще не вымерли богатырские кони [23. С. 48]	Something extraordinarily broad, spread out and titanic , stretched over the steppe by way of a road. It was a grey streak well trodden down and covered with dust, like all roads. Its width puzzled Yegorushka and brought thoughts of fairy tales to his mind. Who travelled along that road? Who needed so much space? It was strange and unintelligible. It might have been supposed that giants with immense strides, such as Ilya Muromets and Solovy the Brigand , were still surviving in Russia, and that their gigantic steeds were still alive [16. V. VII. P. 215]	Straddling the prairie was something less a highway than a lavish, immensely broad, positively heroic spread of tract – a grey band, much traversed, dusty like all roads and several score yards in width. Its sheer scale baffled the boy, conjuring up a fairy-tale world . Who drove here? Who needed all this space? It was strange and uncanny. One might suppose, indeed, that giants with seven-league boots were still among us , and that the heroic horses of folk myth were not extinct [32. P. 31]

Переводчики используют разные приемы доместикизации. При передаче эпитета «богатырский» Гарнет обращается к универсальному слою культуры, объединяющему читателя оригинала и перевода, – древнегреческой мифологии («titanic», «giants», «gigantic»), но в то же время сохраняет и национальную «привязку» используя транскрипцию и, частично, семантический перевод для передачи имен «Илья Муромец» и «Соловей-разбойник» («Ilya Muromets and Solovy the Brigand»). Хингли же сохраняет отсылку именно к фольклорным источникам. Ключевым словом здесь выступает «heroic», которое служит эквивалентом для русского «богатырский» и означает в английском не только «героический», но и «эпический». Однако, в первую очередь, в переводе Хингли обращает на себя внимание прием доместикизации, сокращающий дистанцию во времени и пространстве между оригиналом и читателем перевода: «в России» заменено на «среди нас», а вместо имен былинных героев вводится другая реалья, функционирующая как в славянских, так и европейских сказках. «Широко шагающие люди» Хингли переводит как «ги-

ганты в сапогах-скороходах». Осуществленная в целях доместикизации замена образа привела к потере заложенного автором метафорического плана соотношения степных просторов с такой же широкой, т.е. полноценной и творческой деятельностью человека.

Выступая в чеховской повести воплощением всей широкой России, степной мир отражает и такую ее характеристику, как «мультиэтничность». Помимо евреев, которые держат в «Степи» постоянный двор, в ней фигурируют поляки, армяне, но коренным в Приазовской степи было украинское население. В качестве обозначения этноса в повести несколько раз встречается бытовавшее в русском языке слово «хохол». Варианты его перевода также показывают различие в реализации стратегии доместикизации переводчиками. Гарнет прибегает к приему генерализации и использует в качестве эквивалента исторический этноним «малоросс» («Little Russian»), Хингли, в свою очередь, указывает на принадлежность жителей к определенной местности, региону: «хохлы» – «locals» («местные»), «хохол» – «southerner» («южанин»).

Оригинал	Перевод Гарнет	Перевод Хингли
Далеко впереди белели колокольни и избы какой-то деревни; по случаю воскресного дня хохлы сидели дома, пекли и варили – это видно было по дыму, который шел изо всех труб и сизой прозрачной пеленой висел над деревней [23. С. 48]	The belfries and huts of some village showed white in the distance ahead; as it was Sunday the Little Russians were at home baking and cooking – that could be seen by the smoke which rose from every chimney and hung, a dark blue transparent veil, over the village [16. V. VII. P. 214–215]	Far ahead were the white belfries and huts of a village. As it was a Sunday the locals were at home cooking – witness the smoke issuing from all the chimneys and hanging over the village in a transparent blue-grey veil [32. P. 31]
Это был высокий хохол , длинноносый, длиннорукий и длинноногий; вообще всё у него казалось длинным и только одна шея была так коротка, что делала его сутуловатым [23. С. 74]	He was a tall Little Russian , with a long nose, long arms and long legs; everything about him seemed long except his neck, which was so short that it made him seem stooping [16. V. VII. P. 256]	He was a southerner – tall, with a long nose, long arms and long legs. Everything about him seemed long except his neck – so short that it gave him a stooped look [32. P. 54–55]

Наконец, ещё один пример доместикации в рассматриваемых переводах связан с антропонимами, которые в силу «концентрированной ассоциативности» в смысловом отношении относятся к узловым точкам повествования в «Степи» [35. С. 48]. Антропонимы также формируют этнокультурное поле образа степи. Ядром антропонимического пространства повести является имя главного героя, парадигма его номинаций самая полная и разнообразная, так как каждый персонаж обращается к мальчику по-своему: Егорушка, Егор, Егорка, Егорий, Георгий, Егоргий, Егор Николаич, Ера, Ломоносов. В речи повествователя всегда сохраняется один и тот же вариант имени – Егорушка. Каждое из имен главного персонажа

реализует в разных ситуациях разновекторные и разнохарактерные ассоциации, которые могут тяготеть как к позитивному, так и негативному полюсу. Так, ласковое «Егорушка» отсылает к матери мальчика, персонажу, вынесенному «за скобки» повествования, «Георгий» актуализирует сакральные смыслы, а нейтральное, на первый взгляд, «Егор» может прочитываться как палиндром, переходя в слово «горе» [35. С. 59], и, тем самым, на ассоциативном уровне включается в «многоголосие горевания», охватившего степь [36. С. 14]. Приведем только несколько примеров, характеризующих различия в стратегиях переводчиков при передаче имени главного персонажа повести:

Оригинал	Перевод Гарнет	Перевод Хингли
Егорушка в последний раз оглянулся на город, припал лицом к локтю Дениски и горько заплакал... [23. С. 15]	Yegorushka looked at the town for the last time, pressed his face against Deniska's elbow, and wept bitterly [16. V. VII. P. 164]	Yegorushka took a last look back at the town, pressed his face against Deniska's elbow and wept bitterly [32. P. 2]
– Ничего, ничего, брат Егор , ничего... – забормотал скороговоркой о. Христофор [23. С. 15]	«Never mind, never mind, Yegor boy, never mind, » Father Christopher muttered rapidly [16. V. VII. P. 164]	«Never mind, Yegorushka , old son, it's all right, » Father Christopher rapidly muttered [32. P. 3]
Сестра – женщина непонимающая, норовит всё по благородному и хочет, чтоб из Егорки ученый вышел, а того не понимает, что я и при своих занятиях мог бы Егорку на век осчастливить [23. С. 15]	My sister is a woman who does not understand; she is set upon refinement, and wants to turn Yegorka into a learned man, and she does not understand that with my business I could settle Yegorka happily for the rest of his life [16. V. VII. P. 165]	She has no sense, my sister – wants to be like gentlefolk, she does, and make a scholar of the boy . And she can't see that I could set him up for life, doing the business I do [32. P. 3]
– Стало быть, Егорий ... Святого великомученика Егоргия Победоносца числа двадцать третьего апреля. А мое святое имя Пантелей... Пантелей Захаров Холодов... Мы Холодовы будем... [23. С. 51]	Yegory , then... The holy martyr Yegory, the Bearer of Victory , whose day is the twenty-third of April. And my christian name is Panteley,... Panteley Zaharov Holodov... We are Holodovs... [16. V. VII. P. 219]	Yegorushka – « George », properly speaking. So your name-day's the twenty-third of April, seeing as how that's the day of the holy martyr St. Georgie-Porgie what killed the Dragon . Now, my name's Panteley – Panteley Kholodov. Aye, Kholodov's the name [32. P. 33]
– Как его звать? – Егорий ... – ответил Пантелей. – Ёра! – сказал он тихо. – На, бей! [23. С. 83–84]	«What's his name? » « Yegory ,» answered Panteley. « Yera! » he said softly, «here, hit me! » [16. V. VII. P. 271]	«What's his name? » he asked quietly. « Yegorushka ,» answered Panteley. «Hey, boy! » he said quietly. «Go on, hit me!» [32. P. 63–64]
– Нет, ему бы чего-нибудь горяченького покушать... Георгий , хочешь супчику? А? [23. С. 95]	«No; he ought to have something hot... Yegory , have a little drop of soup? Eh?» [16. V. VII. P. 287]	«No, he should eat something nice and hot. How about a nice bowl of soup, boy? » [32. P. 73]

Гарнет и Хингли используют разные подходы. В переводе Гарнет преобладающей является стратегия форенизации. Переводчица адекватно воссоздает авторский принцип номинации персонажа, включая закрепление за повествователем одного варианта имени, и сохраняет практически всю парадигму антропонимов, которые она передает с помощью транскрипции (**Yegorushka**, **Yegor**, **Yegorka**, **Yegory**, **Yera**). Расхождение с оригиналом обнаруживается в двух моментах. Во-первых, это единственный утерянный Гарнет вариант имени, который использует в своей речи только Пантелей («Егоргий»). Во-вторых, греческое «Георгий» переводчица заменяет на «Егорий», т.е. выбирает именно русский фонетический вариант имени. Хингли выбирает в качестве основной стратегию доместикации. Переводчик предельно редуцирует антропонимический ряд, в переводе остаются только два варианта именованного главного героя, при этом «**Yegorushka**» перестает быть прерогативой повествователя. Второй эквивалент – «**George**» – представляет

собой англоязычный вариант имени святого, которое, однако, передано переводчиком со значительными трансформациями (**the holy martyr St. Georgie-Porgie what killed the Dragon**). С одной стороны, Хингли эксплицирует для англоязычного читателя ассоциацию с мифом о Георгии-змееборце («**what killed the Dragon**»), но с другой – применительно к Егорушке как возможному «будущему народному защитнику» она подается с явной иронической окраской, так как «**George**» трансформируется далее в «**Georgie-Porgie**» – персонажа английской народной потешки, широко известной в англоязычной культуре. Таким образом, в целях доместикации христианский подтекст подменяется в переводе фольклорным. В ряде случаев Хингли также заменяет антропоним на существительное «**boy**» (мальчик) или «**lad**» (парень).

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Переводы «Степи» на английский язык, выполненные Гарнет и Хингли, являются наиболее репрезентативными для изучения особенно-

стей восприятия чеховской повести в англоязычной культуре в силу их канонического статуса. Результаты сравнительного анализа позволяют охарактеризовать как проблему перевода представленный в повести образ степи, в котором в сложной системе ассоциативных переключек и коннотаций тесно переплетаются русская национальная и чеховская индивидуально-авторская картины мира. Об этом свидетельствуют, в частности, обнаруженные трансформации при передаче переводчиками номинации главного образа повести. В качестве доминирующей в переводах Гарнет и Хингли можно выделить стратегию доместикации, это дает представление об общем векторе англоязычной переводческой рецепции произведения, который направлен на читателя принимающей культуры.

В то же время стратегия доместикации реализована в рассмотренных переводах разными способами и в различной комбинации со стратегией форенизации, что связано как со временем их появления, так и с индивидуальными установками переводчиков. Переводы Гарнет в 1910–1920-х гг. открыли англоязычной публике Чехова как русского писателя, поэтому в переводе «Сте-

пи» закономерно сохраняются основные культурные коды оригинала (антропонимы, имена фольклорных персонажей, наименования национальностей), доместикация реализуется, главным образом, через нейтрализацию более глубоких и специфичных национально-культурных контекстов, включенных в образ степи. Хингли реализует доместикацию как «глобальную» стратегию, что соотносится с этапом «присвоения» творчества Чехова англоязычной культурой в 1970–1980-е гг., которое, как убедительно показал анализ, активно совершалось в переводах. Соответственно, основным приемом доместикации в его переводе «Степи» выступает поиск функциональных аналогов и параллелей в англоязычной культуре, в результате значительно редуцируются маркеры, указывающие на связь степного пространства с русской национальной картиной мира, а, вместе с ними, и авторские смыслы. Наиболее показательной в этом плане выступает двойная номинация образа степи (*steppe / prairie*), которая указывает, вероятно, на попытку переводчика интерпретировать этот образ как имеющий не только национально-специфическую, но и универсальную семантику.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Термины, введенные Л. Венути в 90-е гг. XX в. (см. [6]).

² Л. Венути выделяет три уровня перевода: 1) «из языка в язык»; 2) «из эпохи в эпоху»; 3) «из культуры в культуру» (см. [6]).

³ Здесь и далее текст перевода цитируется по изданию «*The Steppe and Other Stories*» (1998) [32], в которое вошли 22 перевода прозаических произведений, выполненных Р. Хингли и впервые опубликованных в «Оксфордском Чехове».

ЛИТЕРАТУРА

1. Голицына Н. Как Чехов стал своим для Британии // Радио Свобода. 29.01.2010. URL: <https://www.svoboda.org/a/1943114.html> (дата обращения: 30.08.2021).
2. Калашникова Е. Переводчик должен передавать не слово, а суть // Русский журнал. 21.06.2006. URL: <http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=1234> (дата обращения: 30.08.2021).
3. Никонова Н.Е. Подстрочный перевод: типология, функции и роль в межкультурной коммуникации. Томск : ТГУ, 2008. 112 с.
4. Аленькина Т.Б. Комедия А.П. Чехова «Чайка» в англоязычных странах: феномен адаптации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 30 с.
5. Селзенева Е.В. Повесть А.П. Чехова «Скучная история» в англоязычной рецепции : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2018. 19 с.
6. Venuti L. *The translator's invisibility: A history of translation*. L. ; N.Y. : Routledge, 1995. 353 p.
7. Николаева С.Ю. Чеховское начало в концептосфере «Степных» произведений А.А. Ганина и П.Н. Васильева // Филологическая регионалистика. 2014. № 2 (12). С. 14–27.
8. Чайковский Р.Р., Лысенкова Е.Л. Перевод поэзии: типология и множественность. М. : ИУУ МГОУ, 2013. 194 с.
9. Шерстнева Е.С. Переводная множественность художественной прозы как проблема теории перевода (на материале переводов романа Р.М. Рильке «Записки Мальте Лауридса Бриге» на английский язык) : дис. ... канд. филол. наук. Магадан, 2009. 214 с.
10. Desmidt I. (Re)translation revisited // *Meta: Translator's Journal*. 2009. Vol. 54, № 4. P. 669–683.
11. Koskinen K., Paloposki O. Retranslations in the Age of Digital Reproduction // *Cadernos de Tradução*. 2003. Vol. 11. P. 19–38.
12. Berman A. *La retraduction comme espace de la traduction* // *Palimpsestes*. 1990. № 4. P. 1–8.
13. Venuti L. *Retranslations: The Creation of Value* // *Bucknell Review*. 2004. № 47(1). P. 25–38.
14. Громов Л.П. Этюды о Чехове. Ростов н/Д : Ростовское областное книгоиздательство, 1951. URL: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000037/st004.shtml> (дата обращения: 05.09.2021).
15. Чайковский Р.Р. Канонизация переводов и проблема качества межкультурной коммуникации // Перевод и переводчики: науч. альманах кафедры нем. языка Северо-Восточного государственного университета (г. Магадан). Вып. 9: Язык, перевод, коммуникация / гл. ред. Р.Р. Чайковский. Магадан : Кордис, 2013. С. 16–36.
16. *The Tales of Tchekov* / tr. by C. Garnett. L. ; N.Y., 1916–1922. Vol. I–XIII.
17. *Oxford Chekhov* / tr. and ed. by R. Hingley. L. ; N.Y. : Oxford University Press, 1964–1980. Vol. I–IX.
18. *Oxford Companion to English Literature* / ed. by M. Drabble. N.Y. : Oxford University Press, 2000. 1172 p.
19. Громов Л.П. Реализм А.П. Чехова второй половины 80-х годов. Ростов н/Д : Ростовское книжное издательство, 1958. 218 с.
20. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. М. : Наука, 1971. 291 с.
21. Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1987. URL: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000039/st004.shtml> (дата обращения: 10.09.2021).
22. Разумова Н.Е. Творчество А.П. Чехова в аспекте пространства. Томск : ТГУ, 2001. 521 с.
23. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения : в 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М. : Наука, 1974–1982. Т. 7. 1977. 735 с.
24. Chekov A. *The Steppe and Other Stories* / tr. by Adeline Lister Kaye. Freeport, N.Y. : Books for Libraries Press, 1970. 296 p.
25. Красавченко Т.Н. Теория и практика перевода: русская классика в Великобритании и США в прошлом и настоящем // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: Реферативный журнал. 2019. № 2. С. 41–55.
26. Hingley R. *Chekhov. A Biographical and Critical Study*. L. : George Allen & Unwin Ltd., 1950. 278 p.
27. Hingley R. *A New Life of Chekhov*. N.Y. : Knopf, 1976. 352 p.
28. Шершевская М.А. Переводы (проза и письма) // Чехов и мировая литература : в 3 кн. / ред.-сост. З.С. Паперный, Э.А. Полоцкая ; отв. ред. Л.М. Розенблюм. М. : Наука, 1997–2005. (Лит. наследство; Т. 100). Кн. 1. 1997. С. 369–405.

29. Громов М.П. Книга о Чехове. М. : Современник, 1989. URL: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000021/st029.shtml> (дата обращения: 12.09.2021).
30. Ваганова А.К. Чеховская степь как национальный словообраз // XX Чеховские чтения: Материалы лингвистической секции. Таганрог : Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2001. URL: <http://taglib.ru/step-chekhova.html> (дата обращения: 12.09.2021).
31. Пыхтина Ю.Г. Функционально-семантическая типология пространственных образов и моделей в русской литературе XIX – начала XXI в. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 30 с.
32. Chekhov A. *The Steppe and Other Stories* / transl. and ed. by R. Hingley. N.Y. : Oxford University Press, 1998. 253 p.
33. Горячева М.О. Категория пространства у Чехова: смысловые константы и авторские рецепции // Мир Чехова: пространство и время. Чеховские чтения в Ялте. Симферополь, 2010. Вып. 15. С. 43–58.
34. Попович А. Проблемы художественного перевода М. : Высш. шк., 1980. 199 с.
35. Кубасов А.В. Ассоциативный потенциал антропонимов в повести А.П. Чехова «Степь» // Десять шагов по «Степи» (Ten steps along the «Steppe»). Charles Schlacks, Jr. Publisher Idyllwild, CA, 2017. С. 48–60.
36. Зубарева В.К. Настоящее и будущее Егорушки: «Степь» в свете позиционного стиля. // Десять шагов по «Степи» (Ten steps along the «Steppe»). Charles Schlacks, Jr. Publisher Idyllwild, CA, 2017. С. 6–33.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 19 октября 2021 г.

Anton Chekhov's Novella *The Steppe* in English Translations by Constance Garnett and Ronald Hingley: Strategies of Domestication and Foreignization

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 101–111.

DOI: 10.17223/15617793/473/12

Viktoriya V. Chertkova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vv.chertkova@mail.ru

Keywords: Anton Chekhov; *The Steppe*; English-language reception; translation plurality; translation strategies; domestication; foreignization.

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-312-90031.

The article analyses the English-language translations of Chekhov's *The Steppe* by Constance Garnett (1919) and Ronald Hingley (1980) in the aspect of domestication and foreignization translation strategies. These translations are considered canonical; they cover the most significant period of the novella's reception, and determine the novella's interpretation in the English-language culture. A comparative analysis of the translations shows that the dominant strategy in the translations by Garnett and Hingley is that of domestication: it gives an idea of the general vector of the novella's interpretation in translation, which targeted at the reader of the host culture. This is evidenced, first of all, by the transformations found in the translations of the main image of the story – the image of the steppe, in which the Russian national and Chekhov's individual authorial worldviews are closely intertwined in a complex system of associative similarities and connotations. A striking example of this is the translators' transformation of the nomination of the image of the steppe: the steppe/the steppes. The domestication strategy in the translations is used in different ways and in various combinations with the foreignization strategy, which is connected both with the time the translations were made and with the translators' individual attitudes. Garnett's translations in the 1910s and 1920s introduced Chekhov as a Russian writer to the English-speaking public; therefore, her translation of *The Steppe* naturally retains the main cultural codes of the original (anthroponyms, names of folklore characters, names of nationalities), and domestication is realized mainly through the neutralization of deeper and more specific national-cultural contexts included into the image of the steppe. Hingley uses domestication as a "global" strategy, which correlates with the stage of active, as the analysis convincingly showed, "appropriation" of Chekhov's works by the English-language culture in the 1970s–1980s. The main technique of domestication in Hingley's translation of *The Steppe* is the search for functional analogues and parallels in the English-language culture. As a result, markers indicating the connection of the steppe space with the Russian national picture of the world, and, along with them, the author's meanings, are significantly reduced in Hingley's translation. The most indicative in this regard is the double nomination of the steppe image (steppe/prairie), which probably indicates an attempt by the translator to interpret this image as having not only national-specific, but also universal semantics.

REFERENCES

1. Golitsyna, N. (2010) Kak Chekhov stal svoim dlya Britanii [How Chekhov became "native" for Britain]. *Radio Svoboda*. [Online] Available from: <https://www.svoboda.org/a/1943114.html> (Accessed: 30.08.2021).
2. Kalashnikova, E. (2006) Perevodchik dolzhen peredavat' ne slovo, a sut' [The translator should convey not the word, but the essence]. *Russkiy zhurnal – Russian Journal*. [Online] Available from: <http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=1234> (Accessed: 30.08.2021).
3. Nikonova, N.E. (2008) *Podstrochnyy perevod: tipologiya, funktsii i rol' v mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Interlinear Translation: Typology, functions and role in intercultural communication]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Alen'kina, T.B. (2006) *Komediya A.P. Chekhova "Chayka" v angloyazychnykh stranakh: fenomen adaptatsii* [A.P. Chekhov's comedy "The Seagull" in English-speaking countries: the phenomenon of adaptation]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
5. Selezneva, E.V. (2018) *Povest' A.P. Chekhova "Skuchnaya istoriya" v angloyazychnoy retseptsii* [A.P. Chekhov's novella "Boring story" in the English-language reception]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
6. Venuti, L. (1995) *The translator's invisibility: A history of translation*. London; New York Routledge.
7. Nikolaeva, S.Yu. (2014) Chekhov's beginning in a sphere of concepts of "steppe" works by A.A. Ganin and P. N. Vasilyev. *Filologicheskaya regionalistika – Philological Regional Science*. 2 (12). pp. 14–27. (In Russian).
8. Chaykovskiy, R.R. & Lysenkova, E.L. (2013) *Perevod poezii: tipologiya i mnozhestvennost'* [Translation of Poetry: Typology and multiplicity]. Moscow: Moscow Region State University.
9. Sherstneva, E.S. (2009) *Perevodnaya mnozhestvennost' khudozhestvennoy prozy kak problema teorii perevoda (na materiale perevodov romana R.M. Ril'ke "Zapiski Mal'te Lauridsa Brige" na angliyskiy yazyk)* [Translational multiplicity of fiction as a problem of translation theory (based on the material of translations of the novel by R.M. Rilke "Notes of Malte Laurids Brige" into English)]. Philology Cand. Diss. Magadan.
10. Desmidt, I. (2009) (Re)translation revisited. *Meta: Translator's Journal*. 4 (54). pp. 669–683.
11. Koskinen, K. & Paloposki, O. (2003) Retranslations in the Age of Digital Reproduction. *Cadernos de Tradução*. 11. pp. 19–38.
12. Berman, A. (1990) La retraduction comme espace de la traduction. *Palimpsestes*. 4. pp. 1–8.
13. Venuti, L. (2004) Retranslations: The Creation of Value. *Bucknell Review*. 47 (1). pp. 25–38.
14. Gromov, L.P. (1951) *Etyudy o Chekhove* [Etudes about Chekhov]. Rostov-on-Don: Rostovskoe oblastnoe knigoizdatel'stvo. [Online] Available from: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000037/st004.shtml> (Accessed: 05.09.2021).

15. Chaykovskiy, R.R. (2013) Kanonizatsiya perevodov i problema kachestva mezhkul'turnoy kommunikatsii [Canonization of translations and the problem of the quality of intercultural communication]. In: Chaykovskiy, R.R. (ed.) *Perevod i perevodchiki* [Translation and Translators]. Vol. 9. Magadan: Kordis. pp. 16–36.
16. Garnett, C. (1916–1922) *The Tales of Tchekhov*. Translated from Russian by C. Garnett. Vols 1–13. London; New York.
17. Hingley, R. (ed.) (1964–1980) *Oxford Chekhov*. Vols 1–9. London; New York: Oxford University Press.
18. Drabble, M. (ed.) (2000) *Oxford Companion to English Literature*. New York: Oxford University Press.
19. Gromov, L.P. (1958) *Realizm A.P. Chekhova vtoroy poloviny 80-kh godov* [A.P. Chekhov's Realism of the Second Half of the 1980s]. Rostov-on-Don: Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
20. Chudakov, A.P. (1971) *Poetika Chekhova* [Chekhov's Poetics]. Moscow: Nauka.
21. Sukhikh, I.N. (1987) *Problemy poetiki A.P. Chekhova* [Problems of A.P. Chekhov's Poetics]. Leningrad: Leningrad State University. [Online] Available from: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000039/st004.shtml> (Accessed: 10.09.2021).
22. Razumova, N.E. (2001) *Tvorchestvo A.P. Chekhova v aspekte prostranstva* [A.P. Chekhov's Creativity in the Aspect of Space]. Tomsk: Tomsk State University.
23. Chekhov, A.P. (1977) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 7. Moscow: Nauka.
24. Chekov, A. (1970) *The Steppe and Other Stories*. Translated from Russian by Adeline Lister Kaye. Freeport, New York: Books for Libraries Press.
25. Krasavchenko, T.N. (2019) Teoriya i praktika perevoda: russkaya klassika v Velikobritanii i SShA v proshlom i nastoyashchem [Theory and practice of translation: Russian classics in the UK and USA in the past and present]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 7, Literaturovedenie: Referativnyy zhurnal – Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 7: Literary Studies*. 2. pp. 41–55.
26. Hingley, R. (1950) *Chekhov. A Biographical and Critical Study*. London: George Allen & Unwin Ltd.
27. Hingley, R. A (1976) *New Life of Chekhov*. New York: Knopf.
28. Shereshevskaya, M.A. (1997) Perevody (proza i pis'ma) [Translations (prose and letters)]. In: Rozenblyum, L.M. (ed.) *Chekhov i mirovaya literatura* [Chekhov and World Literature]. Vol. 1. Moscow: Nauka. pp. 369–405.
29. Gromov, M.P. (1989) *Kniga o Chekhove* [A Book about Chekhov]. Moscow: Sovremennik. [Online] Available from: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000021/st029.shtml> (Accessed: 12.09.2021).
30. Vaganova, A.K. (2001) Chekhovskaya step' kak natsional'nyy slovoobraz [Chekhov's steppe as a national word image]. In: *XX Chekhovskie chteniya* [20th Chekhov Readings]. Taganrog: Taganrog State Pedagogical University. [Online] Available from: <http://taglib.ru/step-chekhova.html> (Accessed: 12.09.2021).
31. Pykhtina, Yu.G. (2014) *Funktsional'no-semanticheskaya tipologiya prostranstvennykh obrazov i modeley v russkoy literature XIX – nachala XXI v.* [Functional and semantic typology of spatial images and models in Russian literature of the 19th – early 21st centuries]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
32. Chekhov, A. (1998) *The Steppe and Other Stories*. Translated from Russian by R. Hingley. New York: Oxford University Press.
33. Goryacheva, M.O. (2010) Kategoriya prostranstva u Chekhova: smyslovye konstanty i avtorskie retseptsii [Chekhov's category of space: semantic constants and author's receptions]. In: *Mir Chekhova: prostranstvo i vremya. Chekhovskie chteniya v Yalte* [Chekhov's World: Space and Time. Chekhov's readings in Yalta]. Vol. 15. Simferopol: DOLYA. pp. 43–58.
34. Popovich, A. (1980) *Problemy khudozhestvennogo perevoda* [Problems of Literary Translation]. Moscow: Vysshaya shkola.
35. Kubasov, A.V. (2017) Assotsiativnyy potentsial antroponimov v povesti A.P. Chekhova "Step'" [Associative potential of anthroponyms in A.P. Chekhov's novella The Steppe]. In: Larionova, M.Ch. & Ryl'kova, G.S. (eds) *Desyat' shagov po "Stepi"* [Ten Steps along The Steppe]. Idyllwild, CA: Charles Schlacks Publisher. pp. 48–60.
36. Zubareva, V.K. (2017) Nastoyashchee i budushchee Egorushki: "Step'" v svete pozitsionnogo stilya [The present and future of Egorushka: Epy Steppe in the light of positional style]. In: Larionova, M.Ch. & Ryl'kova, G.S. (eds) *Desyat' shagov po "Stepi"* [Ten Steps along The Steppe]. Idyllwild, CA: Charles Schlacks Publisher. pp. 6–33.

Received: 19 October 2021

Чжао Сюе, Ю.А. Говорухина, В.А. Суханов

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КИТАЕ: КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ, ЕГО ПРИЧИНЫ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЦЕПЦИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КИТАЙСКИМ ЧИТАТЕЛЕМ). Статья I

Статья посвящена проблеме медиации, необходимость которой объясняется конфликтом интерпретаций, возникающим в ситуации восприятия инокультурного текста. Изучаются причины непонимания китайским читателем нереалистических произведений русских писателей. Основная причина связана с уровнем владения языком, разностью социокультурных и историко-литературных контекстов, непониманием специфического эстетического языка, который используют писатели-нереалисты, с действием ментальных и ценностных установок, которые определяют процесс интерпретации текста китайским читателем.

Ключевые слова: комментирование; конфликт интерпретаций; медиация; рецепция текста; герменевтика

Существующие модели рецепции текста включают обязательные компоненты (автор, текст, читатель), а в зависимости от методологических оснований моделирования и дополнительные: области пред-знания, контекст, разного рода «шумы», влияющие на акт восприятия и осмысления текста. В этот ряд могут быть включены и метатексты, способные направлять процесс интерпретации и оценки: учебная литература, научные исследования, персональные отклики и отклики в Сети, анонсы и т.д. В роли посредника выступают издательская платформа с ее эстетическими, политическими, религиозными и иными принципами, система рейтинга, формирующая первичное представление о ценности, популярности, новизне книги. Существующие как данность, «посредники» либо осознанно привлекаются читателем (например, чтобы понять прочитанную, но не понятую книгу, сравнить свою интерпретацию с интерпретацией эксперта), либо игнорируются.

Если читатель не остается на позиции вкусового прочтения, обращение к тексту-посреднику оказывается не только осознанным выбором, но и необходимым условием читательской стратегии, входящим в целеполагание и требующим действия. Особую актуальность эта деятельность приобретает в ситуации с любым инокультурным произведением, что доказывает анализ рецепции русской литературы китайским читателем, заинтересованным в ее профессиональном освоении (в качестве репрезентативной фокус-группы объектом изучения стала студенческая аудитория). Несмотря на заложенное в образовании целеполагание, эта аудитория сталкивается с существенными проблемами: конфуцианские и марксистские идеи коллективизма как установки предпонимания не коррелируют с идеями постсоветской литературы; китайская традиция биографического и тематического подхода к представлению учебного материала не формирует представление о поэтике изучаемых произведений; высокая интенсивность учебного процесса вынуждает читать переводы, а не оригиналы. Рецепция, осложненная разностью культур, сопряжена с непониманием литературных произведений, непродуктивным конфликтом интерпретаций. Это особенно отчетливо проявляется при восприятии китайскими студентами-русистами нереалистических произведений,

написанных на рубеже XIX–XX – XX–XXI вв. На наш взгляд, комментарий-медиатор способен снять ряд трудностей в истолковании инокультурного текста, в том числе убрать те «встречные инициативы» (У. Эко), которые могут привести к ложным интерпретациям.

Цель данной статьи – исследовать причины, порождающие сложности в понимании нереалистических произведений русской литературы китайской читательской аудиторией (студентами, изучающими русскую литературу), выработать и предложить теоретическое описание модели медиативного текста-комментария, способного в значительной мере «снять» возникающие проблемы.

Сложность исследования связана с недостаточностью материала, вербально фиксирующего моменты непонимания/затрудненного понимания текста. Как правило, это устные некорректные суждения студентов, мнения и оценки непрофессиональных читателей, не публикуемые и поэтому не поддающиеся сбору и полноценной верификации, что затрудняет их научную обработку. В качестве материала были привлечены высказывания студентов, изучающих русский язык и литературу, собранные преподавателями Сычуаньского университета, которые анализировали их письменные работы и фиксировали ошибки учащихся. Использовались также публикации китайских русистов, суждения преподавателей русской литературы. На материале ставших доступными источников мы реконструировали причины конфликта интерпретаций, непонимания нереалистических художественных произведений, с тем чтобы, последовательно разрешая их, создать модель эффективного медиативного текста.

Теоретические и методологические основания исследования

Исследование осуществлялось в рамках методологических подходов теории дискурса (в частности, теории М. Фуко, который определял дискурс как форму социального поведения [1]), межкультурной коммуникации, герменевтики и рецептивной эстетики как основных объяснительных и прогностических ресурсов моделирования конструктивной медиации в

условиях межкультурного взаимодействия. На этапе освоения эмпирического материала использовался прагматический дискурс-анализ, привлеченный в качестве инструмента познания и посреднического разрешения межкультурно осложненных конфликтов. Кроме того, осуществлялся интерпретативный анализ рецептивного читательского опыта, аналитическое моделирование медиативного текста.

Явление сбоя, конфликта коммуникации исследуется в теории коммуникации, семиотике, психологии. В результате, в научный оборот вводятся термины «коммуникативная неудача» (Б.Ю. Городецкий, И.М. Кобозева, О.П. Ермакова), «коммуникативный провал» (Т.В. Шмелева), «коммуникативный сбой» (Е.В. Падучева), «языковой/речевой конфликт» (С.Г. Ильенко). Понятие «конфликт» используют социологи, лингвисты, юристы, психологи, педагоги, изучая разные формы столкновений во всех сферах жизни человека. Самая общая структура конфликта включает следующие компоненты: участники конфликта, условия, предмет, действия участников, исход [2]. Эта модель с некоторой вариативностью применяется в различных областях знания. Непрямое конфликтное состояние, необязательно предполагающее столкновение и противостояние, изучает, в том числе, герменевтика, осмысливая причины интерпретационных расхождений. Герменевтика представляет компонент «участники конфликта» осложненным предрассудками, несовпадением которых порождает множественность интерпретаций.

Эту множественность предполагает понятие «конфликт интерпретаций», в котором конфликтность не тождественна столкновению противоречивых смыслов. По мнению М.М. Бахтина, конфликт интерпретаций в процессе восприятия текста возникает в результате несовпадения способов структурирования мира автором и читателем [3], по Г.Г. Гадамеру, – в результате разности установок предпонимания [4]. Важно для нашего исследования и понятие дискурса медиации, под которым вслед за Л.В. Куликовой понимается «управление процессом когнитивной, вербальной и эмоциональной трансформации субъектов конфликтного общения в рамках континуума от коммуникативного диссонанса к коммуникативному консенсусу» [5. С. 247].

Осознавая причины условной конфликтности, возможно редуцировать ее к разности установок, которыми осознанно или неосознанно руководствуются читатели. Это делает, в свою очередь, возможным создание такого текста-посредника, который бы снимал конфликтность, сопряженную с непониманием/ложным пониманием произведения. Мы предполагаем, что при посредничестве медиативного текста иностранный читатель должен перейти от ситуации «рассогласованной интеракции», смыслового «разночтения» к пониманию текста и контекста.

В ходе исследования мы исходим из следующих теоретических и методологических установок:

– воспринимаемый текст – динамическая система потенций смыслов, порождаемых в диалоге под влиянием социокультурных и психокультурных и иных факторов; он наполнен обширными участками «ком-

муникативной неопределенности», от конкретизации которых зависит (не)успех интерпретации [6, 7].

– литературное произведение «возникает» в момент «встречи» с читателем, и этот факт возникновения обусловлен «горизонтом ожидания» реципиента, т.е. совокупностью социальных, культурно-исторических, психологических и других представлений и установок [4, 8].

– процессу рецепции сопутствует частичная трансформация смысла текста, что объясняется действием национальных культурных установок, которые определяют направление интерпретации и оценки русского текста. Объективное понимание *требует как минимум частичного совпадения кодов, которые используют автор и читатель, а также признания или критического обсуждения разности установок* [4].

Проблема рецепции русского текста: ошибки китайского читателя и их причины

Типологически проблемы рецепции русского текста можно разделить на две основные группы причин: языковые и культурно-исторические и институциональные.

В первой группе учитывается то обстоятельство, что русская классическая и соцреалистическая литература оказала мощное влияние на китайскую культуру. Она не только эстетически осваивалась (копировалась, адаптировалась, творчески осмысливалась), но и формировала рецептивный опыт у читателя (своего рода «сценарии» интерпретации произведений).

Чтение оригинальных текстов вызывает определенные трудности (как при чтении любого иноязычного текста) у современного читателя в Китае. Особенно сложно воспринимаются нереалистические произведения. К числу рецептивных трудностей здесь можно отнести следующие:

1. Непонимание отдельных слов и словосочетаний, идиом. Это сложности перевода, с которыми сталкивается, так или иначе, каждый иностранный читатель. Речь идет о многозначных словах, которые в контексте предложения имеют неосновное значение, о словах и словосочетаниях, которые употреблены метафорически, о фразеологизмах. Так, читая «Generation “П”», студенты толкуют словосочетание «свободный копейщик» как «свободный человек, который имеет копейку» или «свободный человек, который делает копейки», в то время как имеется в виду фрилансер. Выражение «канул в Лету» студенты понимают как «ушел в лето, дожил до лета». Выражения «мал да удал», «деньги пахнут», «как гробы после вояж» интерпретируются буквально, без отсылки к идиомам. Еще один пример ошибочного понимания слова преподаватели фиксируют при чтении стихотворения «Русь советская» С. Есенина. «Шестая часть земли» для студентов – это часть России, которая находится на юго-западе и называется Русь.

2. Непонимание социокультурного контекста, который находит отражение в произведении. Студенты не понимают и не вычитывают разного рода аллюзии, которые играют важную роль в смыслообразовании и сознательно включаются писателем в текст. Комяга,

персонаж из «Дня опричника» В. Сорокина, не согласен с «циником Мандельштамом»: «Власть вовсе не “отвратительна, как руки брадобрея”». Власть прелестна и притягательна, как лоно нерожавшей златошвейки». Магистранты не понимают, почему писатель говорит о Мандельштаме, не видят связи фразы со стихотворением «Ариост», историей его создания. Слова «перерожденцы», «санитарь», «голубчики», «прежние» из романа Т. Толстой «Кысь» также не «опознаются» как аллюзии.

3. Непонимание особенностей языка и миромоделирования русских писателей-нереалистов, представляющее наибольшую сложность для китайских студентов при знакомстве с модернистскими и постмодернистскими произведениями и вызывающее как непреодолимую растерянность при восприятии такой литературы, так и отказ от чтения.

Студенты, читающие рассказ А. Белого «Световая сказка», понимают, что этот текст символически насыщен. Они готовы к восприятию произведений, в которых встретится 2–3 символа. Однако присутствие множества символов для них уже «не красота, а недосягаемый смысл».

4. Сложность понимания не только таких понятий, как декаданс, мистицизм, иррационализм, но и мироощущения, например, декадентов. Так, при чтении стихотворений Ф. Сологуба китайские студенты часто поражаются частотностью слов «смерть», «труп», «могила», «злой», «насилыник», «кровь» и т.д. Нередко они задают вопросы: почему стихи Серебряного века так проникнуты пессимизмом? в чем заключается суть декаданта?¹ Русист У Юаньмай, редактор книги «История русской литературы XX века», считает, что адекватное понимание модернистского мироощущения невозможно без знания иррационализма А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, психоаналитической теории З. Фрейда и К. Юнга, феноменологии Э. Гуссерля, интуитивизма А. Бергсона, экзистенциализма М. Хайдеггера и франкфуртской школы [9. С. 9], в то время как китайские студенты не владеют достаточными знаниями европейской философии.

5. Сложность проникновения в чужую религию. Русская религиозная литература всегда была одной из самых сложных для китайских студентов и преподавателей. При чтении поэмы «Двенадцать» А. Блока студенты способны понять, что число двенадцать обозначает двенадцать апостолов в христианстве, понять значение образа Иисуса Христа в конце поэмы. Но им с трудом дается понимание произведений В. Соловьева и Д. Мережковского, для которых существенными являются незнакомые студентам понятия «богочеловечество», «соборность», «Троица». Трудности испытывают и профессиональные читатели. Так, русист Хэ Ливэй считает, что мысль о соборности Мережковского затрудняет понимание Антихриста. Он задается вопросами: Антихрист – это образ или мысль? Он является телом или духом? Или их слиянием? [10. С. 40].

6. Непонимание соотношения между авангардизмом, модернизмом и постмодернизмом. Студенты часто задают вопросы: можно рассматривать русскую постмодернистскую литературу как развитие модер-

нистской литературы? Какова связь между авангардизмом, модернизмом и постмодернизмом? Китайские студенты под авангардной литературой понимают такую литературу, которая «очень отличается от традиционного реализма и спорит с традицией»². Для них это достаточное основание, чтобы отнести русскую постмодернистскую литературу к авангарду. Причина ошибки, на наш взгляд, в социокультурной ситуации в Китае. Китайская авангардная литература появилась только в 1980-е гг., гораздо позже, чем в России, и получила характеристику постмодернистская [11].

Другая группа причин связана с институциональными особенностями. Так, объем и глубина изучения русской литературы в Китае определяется типовой учебной программой, утвержденной в 2012 г. Комитетом по преподаванию иностранных языков в национальных высших учебных заведениях [12]. Система формируемых компетенций в ней охватывает почти исключительно языковые навыки. Первый (фундаментальный) этап обучения (1–2-й курс) предполагает овладение базовыми знаниями, умениями и навыками в области русского языка, формирование начальных страноведческих знаний о России. На втором этапе (3–4-й курс) студенты должны продолжать овладевать базовыми навыками русского языка, осваивать другие соответствующие профессиональные знания в сочетании с русским языком. Дисциплина «История русской литературы» (72 часа), факультативный курс «Избранное чтение русской классической литературы» (36 часов) читаются на втором или третьем курсе, «Избранное чтение русской литературы XX–XXI веков»³ (36 часов) – на четвертом. Цель изучения дисциплины «История русской литературы» сформулирована следующим образом: «Научить студентов понимать и усваивать русскую литературу путем изучения классических произведений, основных литературных течений и направлений, укреплять литературную грамотность учащихся и способствовать совершенствованию их культурных качеств» [12. С. 14]. Программа включает перечень имен русских писателей, все они реалисты. Важным для осмысления нашей темы представляется методический совет, который дается в Учебной программе: «От студентов требуется только общее понимание длинных стихотворений, сценариев и романов: название произведения, автор, год создания, главное содержание» [12. С. 21].

Таким образом, сама образовательная стратегия, заявленная в стандартизирующем документе, ориентирована на формирование прежде всего языковой компетенции и самых начальных представлений о русской литературе. По сути, литературный материал используется как способ совершенствования языковых навыков.

Программа дисциплины «История русской литературы» в китайских вузах предусматривают минимальное количество учебного времени на изучение Серебряного века (8 учебных часов в бакалавриате (общий объем курса – 72 часа, из которых 36 часов изучается литература XX и XXI веков), 12–16 часов в магистратуре. Преподаватели имеют возможность сформировать у студентов лишь самые общие пред-

ставления об этом периоде. В учебные блоки включены следующие темы: социокультурная ситуация рубежа XIX–XX вв., символизм, акмеизм, футуризм. Студентам предлагается ознакомиться с переводами произведений В. Маяковского «Облако в штанах», «Левый марш», «Люблю» и др. Обучаясь в магистратуре, студенты работают с русскими текстами, выбор которых зависит от преподавателя. Чаще всего это произведения А. Белого, З. Гиппиус, В. Маяковского. Знакомство с символизмом начинается с В. Брюсова, А. Белого, Д. Мережковского, К. Бальмонта.

Китайские русисты и преподаватели осознают, что проблема обучения русской литературе сегодня стоит особенно остро. Русист Янь Цицин в статье «Размышления об оптимизации преподавания русской литературы в аудиториях» полагает, что огромная разница между отведенным объемом учебного времени и объемом содержания ставит преподавателей русской литературы в очень затруднительное положение [13. С. 150]. Бо Е в статье «Исследование форм преподавания русской литературы XX века» отмечает, что отсутствие дисциплин «Теория литературы», «Литературная критика» делает невозможным глубокое изучение русской литературы, что «литературная критика Н. Бердяева, В. Розанова и др., литературные теории М. Бахтина и В. Иванова, творчество Д. Мережковского и В. Соловьева редко упоминаются в учебниках, преподаватели должны знакомить студентов с ними» [14. С. 105].

Магистратура по направлению «Русская литература» предполагает изучение таких обязательных дисциплин, как «Идейные течения и направления в русской литературе XX века»⁴, «История русской художественной литературы»⁵, «Русская поэзия (XVII–XIX в.)», «Русская поэзия (XX в.)» и факультативных: «Чтение классиков русской литературы XIX века» и «Чтение классиков русской литературы XX века». Из 256 часов, предусмотренных на изучение русской литературы, 96 часов отводится на литературу XX в.⁶ Казалось бы, программа ориентирована на более глубокое изучение литературы и позволяет расширить представление студентов о модернизме и постмодернизме. Но традиционная методика проведения занятий оказывается малоэффективной для достижения этой цели. Обучение в магистратуре предполагает большую степень самостоятельности студентов в поиске материала: они находят биографические сведения, информацию об историческом периоде, научные исследования, но работают преимущественно с переводами русских произведений. Чтение оригинала отнимает большое количество времени, необходимого для выполнения учебной нагрузки. Заметим, что это не всегда переводы, сделанные профессионалами. Нередко сами преподаватели осуществляют перевод, осознавая его возможную неточность, не до конца понимая смысл и художественные особенности переводимого. На занятии студент должен сформулировать тему, идею произведения. Ему достаточно пересказать или процитировать научные или учебные материалы, освоенные дома. Кроме того, предполагается беседа о тексте, цель которой проверить знание фабулы, обозначить сюжетостроение, определить доми-

нанту характеров героев, функцию пейзажа. Беседа о стихотворном тексте предполагает определение смысла каждой строфы последовательно. Заключительный этап работы – написание доклада, в котором студент может представить результаты анализа любого аспекта содержания или формы изучаемого произведения.

При этом необходимо учитывать и социокультурные процессы XX в. в Китае, где продолжительное время русский модернизм игнорировался по политическим причинам. Не совпадающие с политическими предпочтениями, эстетически чуждые, произведения модернизма не переводились и не изучались. Долгое время китайские литературоведы рассматривали декадентскую литературу (русскую и китайскую) как литературу эстетически и мировоззренчески чуждую. Чжан Чиюй в монографии «Декаданс в китайской литературе конца XX века» [15] называет писателей-декадентов людьми «мелкого и среднего буржуазного происхождения», недовольными светлым и темным обществом, но не могущими измениться и изменить мир, писателями, занимающими нечеткую политическую позицию и выбирающими «неправильный» литературный путь индивидуализма и формализма. Гао Дао в статье «Основные направления европейской литературы и искусства конца XIX века: от идеологического направления конца века к неоромантизму» считает, что декаданс – это погружение в бездну материальной жизни без возможности возвысить ее, необходимость воспевать уродство, чтобы объяснить себя, это отвратительный побег от реальности [16].

Многолетнее ошибочное восприятие декадентства приводит к игнорированию эстетической ценности этой литературы.

Таким образом, китайский читатель не получил опыта восприятия модернистского художественного языка. Теперь, когда китайское литературоведение активно заполняет лакуны в представлении об истории русской литературы, неизбежно возникают сложности в понимании специфической художественности модернистских текстов, мировоззрения писателей рубежа XIX–XX в. Русист Чжоу Чичао в монографии «Изучение русской литературы Серебряного века» признается, что модернистская литература представляет собой значительное литературное наследие, однако ее общая картина еще смутна для китайских читателей. Он убежден в том, что «необходимо устранить эту лакуну и доказать достойное положение литературных произведений этого периода» [17. С. 2]. Ван Цзечжи называет русский формализм, теорию М. Бахтина и литературу Серебряного века главными лакунами в истории и теории русской литературы XX в. [18. С. 25].

В процессе изучения русской литературы Серебряного века китайские студенты (и преподаватели) сталкиваются со следующими проблемами: непонимание текстов символизма с их специфической образностью, сложность восприятия религиозных понятий и философских концепций. Типичные вопросы, которые задают студенты преподавателям: какую мысль хотел выразить автор? как литература Серебряного века влияла на дальнейшее развитие русской литера-

туры? какое место она занимает в истории русской литературы? почему на рубеже веков внезапно возник такой вид литературы, который столь сильно отличался от реализма?⁷ И еще несколько типичных высказываний: «Когда мы читаем произведения этого периода, мы можем понять каждое слово, но, когда складываем слова в предложения, смысл теряется», «В Серебряном веке было так много течений, что слишком сложно определить, к какому из них принадлежит тот или иной поэт»⁸. Нередко и преподаватели испытывают сложности в ответах на подобные вопросы. Во многом объясняет эту ситуацию русист Ли Юйчжэнь в монографии «История русской литературы XX века»: «В отличие от русских классических поэтов, русские символисты больше используют скрытое сравнение и переносное значение. Роза больше не является розой, а солнце – солнцем. Они обладают более глубоким значением. Все это затрудняет понимание смысла китайскими читателями» [19. С. 9].

Приведем примеры размышлений студентов о стихотворениях авторов-символистов.

В. Брюсов «Творчество»: «Это стихотворение написано символистом. В нем много образов-символов, которые сложно объяснить. Понятно, что оно посвящено теме творчества. Сам процесс творчества в стихотворении описан как нерациональный. Слова сравниваются с тенью на стене. Поэт латает (сшивает) из слов стихи. Он слышит звуки, это звуки будущего стихотворения, но они еле слышны в тишине. Эти звуки становятся все ближе, все слышнее. И наконец, поэтический текст появляется».

К. Бальмонт «Лунный свет»: «В русской поэзии есть произведения, в которых лирический герой убегает из общества (города, высшего света) в пространство природы. Бальмонт продолжает эту традицию. Душа героя летит к горам, лесам. Здесь он свободно дышит. Герой устал от окружающих его споров, хочет забыть обо всех заботах и погрузиться в лунный свет («людей родных мне далеко страданье», «чужда мне вся земля»)»⁹.

Очевидно, студенты не осмысливают предложенные тексты в их специфической символистской образности, ограничиваясь изложением сюжета с точечным комментированием чувств лирического героя.

Одной из главных причин сложности восприятия постмодернистских текстов, на наш взгляд, является разница социокультурного фона и отсутствие схожей литературной традиции в Китае. Китай не «знает» постмодернизма, писатели лишь используют постмодернистские игровые приемы, перенимая их из западной литературы. Отсутствие необходимой почвы для понимания и адекватной оценки постмодернистской литературы приводит к тому, что при знакомстве с постмодернистским текстом китайские студенты обычно теряются в игровых сюжетах, языковой игре. Так, типичным вопросом при чтении романа В. Пелевина «Чапаев и Пустота» является следующий: когда герой находится во сне, а когда в реальности? Китайскому читателю необходима определенность. Определенность студентам требуется и в ответе на вопрос,

противоречащий самой постмодернистской идее: «Каким видят постмодернисты правильный путь для России?», «Они не удовлетворены распространением западной массовой культуры (В. Пелевин «Generation П»), пародируют принцип героического советского воспитания (В. Пелевин «Омон Ра»), но какую альтернативу они предлагают?»¹⁰. Отвечая на вопрос «Какие черты постмодернизма можно увидеть в повести «День опричника» В. Сорокина?», магистранты называют деконструкцию традиционного образа женщин, использование интертекстуальности и языковой игры. Они обнаруживают интертекстуальность в названии повести, но не видят параллелей с «Преступлением и наказанием» Ф.М. Достоевского и другими произведениями русской литературы. Учащиеся сосредоточены исключительно на форме текста, используемых автором приемах, но не на содержании.

Одним из главных вопросов у китайских студентов является вопрос об отношении русских постмодернистов к традиции. Так, при чтении романа «Кысь» Т. Толстой они видят деконструкцию традиции в романе, например, деконструкцию образа женщин и русского языка, однако, интерпретируя образ А.С. Пушкина, воспринимают его как знак возвращения к русской литературной традиции, к классике. Приведем несколько суждений студентов: «В этом романе отражаются проблемы кризиса духовности в современной России», «Писательницу волнуют проблемы утраты многих культурных традиций прошлого, преемственности поколений», «Роман Толстой о сохранении традиции, в нем больше традиции, чем деконструкции», «Заголовки глав романа обозначаются буквами русского алфавита. Это потому, что автор стремится поддерживать русскую традиционную культуру»¹¹.

Для китайского читателя важен сам факт диалога с традицией, сохранение преемственности. Разрыв с традицией воспринимается как опасная тенденция, поражение. Так, Ли Синьмэй в исследовании «Поэтика русской постмодернистской литературы» указывает на то, что поглощение литературы игрой, экспериментом, что характерно для постмодернизма, способны убить красоту [20. С. 14]. Ценностная ориентация на традицию становится причиной оценивания современных русских произведений с точки зрения продуктивного либо непродуктивного отклонения от классики. А читательский опыт, настроенный на реалистическую литературу, приводит к «реалистическому» анализу содержания.

Таким образом, причины коммуникативных сбоев и трудности понимания произведений русской литературы, в том числе и нереалистических, связаны с большой группой причин: с уровнем владения языком, разностью социокультурных и историко-литературных контекстов, непониманием специфического эстетического языка, который используют писатели-нереалисты, с действием ментальных и ценностных установок, которые определяют процесс интерпретации текста китайским читателем, спецификой обучения в китайских вузах и формируемых в итоге «сценариями» чтения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ По данным преподавателей Сычуаньского университета, работающих со студентами, которые изучают литературу рубежа XX–XXI веков в рамках магистратуры.
- ² По данным преподавателей Сычуаньского университета, работающих со студентами, которые изучают современную литературу в рамках магистратуры. Цитируется ответ студента 3 курса магистратуры, обучающегося по программе «Русская литература», зафиксированный 16.04.2020.
- ³ Содержание дисциплины в Пекинском университете иностранных языков: «Незнакомка» А. Блока (2 уч.ч.), стихотворения А. Ахматовой (2 ч.), «Ночь» и «Прозаседавшиеся» В. Маяковского (2 ч.), «Письмо матери» и «Шаганэ ты моя, Шаганэ!» С. Есенина (2 ч.), «Родина» М. Цветаевой (1 ч.), «Февраль» Б. Пастернака (1 ч.), «Жди меня» К. Симонова (1 ч.), «Темные аллеи» И. Бунина (3 ч.), «Старуха Изергиль» М. Горького (4 ч.), «Судьба человека» М. Шолохова (5 ч.), «Чудик» В. Шукшина (3 ч.), «Прощание с матерой» В. Распутина (4 ч.), «Соня» Т. Толстой (3 ч.), «За стеной» Л. Петрушевской (3 ч.).
- ⁴ Изучается литература Серебряного века, реализм и соцреализм, эмигрантская и постмодернистская литература.
- ⁵ Изучаются произведения русской литературы XIX века.
- ⁶ На материале программы магистратуры Пекинского университета иностранных языков, которая является эталонной в Китае и используется в большинстве вузов.
- ⁷ По данным преподавателей Сычуаньского университета, работающих со студентами, которые изучают литературу рубежа XX–XXI века в рамках бакалавриата.
- ⁸ Цитируется ответ студента 3-го курса, обучающегося по программе бакалавриата, зафиксированный 18.11.2020.
- ⁹ Цитируются ответы студентов 4-го курса, обучающихся по программе бакалавриата, зафиксированные 18.11.2020.
- ¹⁰ Цитируются ответы студентов 4-го курса магистратуры, обучающихся по программе «Русская литература», зафиксированные в период 2020–2021 гг.
- ¹¹ Цитируются ответы студентов 3-го курса магистратуры, обучающихся по программе «Русская литература», зафиксированные 22.05.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Foucault M. Power/knowledge: Selected interviews and other writings 1972–1977. Brighton : Harvester, 1980. 271 p.
2. Гришина Н.В. Психология конфликта. 2-е изд. СПб. : Питер : ООО «Питер Пресс», 2008. 544 с.
3. Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб. : Азбука, 2000. 332 с.
4. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
5. Куликова Л.В. Дискурс межкультурной медиации: концептуальная модель исследования // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2019. Т. 16, вып. 2. С. 245–258.
6. Барт Р. От произведения к тексту. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1989. 615 с.
7. Ингарден Р. Исследования по эстетике / пер. А. Ермилова и Б. Федорова ; ред. А. Якушева. М. : Изд-во иностранной литературы, 1962. 572 с.
8. Яусс Г.Р. История литературы как вызов теории литературы // Современная литературная теория. Антология / сост. И.В. Кабанова. М., 2004. С. 192–200.
9. Ли Х., Чжан Ц. История русской литературы XX века (二十世紀俄罗斯文学史). / отв. ред. У Ю. Чиндао : Чинданское издательство, 2004. 507 с.
10. Хэ Л. Антихрист в произведениях Д. Мережковского : магистерская дис. Шанхай, 2015. 62 с.
11. Чень С. Постмодернизм в китайской авангардной литературе. Гуяньинь : Изд-во Гуансикского педагогического университета, 2015. 464 с.
12. Учебная программа для специальности «Русский язык» в высших учебных заведениях (бакалавриат). Пекин : Изд-во обучения и исследования иностранных языков, 2012. 388 с.
13. Янь Ц. Размышления об оптимизации преподавания русской литературы в аудиториях // Вестник Муданьцзянского университета. 2013. № 12. С. 149–151.
14. Бо Е. Исследование формы преподавания русской литературы XX века // Журнал Кадрового колледжа экономического управления провинции Цзилинь. 2015. № 29. С. 104–106.
15. Чжан Ч. Декаданс в китайской литературе конца XX века. Хэфэй : Изд-во Аньхуайского университета, 2005. 312 с.
16. Гао Д. Основные направления европейской литературы и искусства конца XIX века: от идеологического направления конца века к неоромантизму // Журнал центра культуры и образования Чжуншань. 1935. № 4. С. 1395–1416.
17. Чжоу Ч. Изучение русской литературы Серебряного века. Пекин : Изд-во Пекинского университета, 2003. 255 с.
18. Ван Ц. Рецепция русской литературы и ее современная интерпретация в контексте китайской литературы XX века. Пекин : Изд-во Пекинского педагогического университета, 2010. 322 с.
19. Ли Ю. История русской литературы XX века (二十世紀俄罗斯文学史). Пекин : Изд-во Пекинского университета, 2000. 431 с.
20. Ли С. Поэтика русской постмодернистской литературы // Русская литература и искусство. 2008. № 2. С. 9–14.

Статья представлена научной редакцией «Фитлология» 3 октября 2021 г.

Russian Literature in China: A Conflict of Interpretations, Its Causes and Ways of Overcoming (Based on the Material of the Reception of Russian Literature by Chinese Readers). Article I

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 112–118.

DOI: 10.17223/15617793/473/13

Zhao Xue, Sichuan University (Chengdu, China) E-mail: zhaoxue2018@163.com

Yuliya A. Govorukhina, Baltic Naval Institute (Kaliningrad, Russian Federation) E-mail: yuliya_govorukhina@list.ru

Vyacheslav A. Sukhanov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation) E-mail: suhss@rambler.ru

Keywords: commenting; conflict of interpretations; mediation; text reception; hermeneutics.

The article is dedicated to the phenomenon of the conflict of interpretations in the perception of a text by a foreign recipient. The study explores reasons for the difficulty of understanding non-realistic fiction by Chinese readers. The research is based on the methodological provisions of the discourse theory, the theory of intercultural communication, hermeneutics, and receptive aesthetics. Typologically, the problems of the reception of the Russian text by Chinese readers can be caused by two main groups of reasons: (1) linguistic and cultural-historical, and (2) institutional. As a result of the analysis of the judgments of Chinese students and specialists in Russian, we identified their main receptive difficulties: difficult understanding of the tropes, omission of allusions, lack of mastery of the language of a particular literary phenomenon. The reason for the latter is the absence of interpretive reading

models, which have not been formed due to the long-term ignorance in China of Russian modernist literature. The lack of understanding of Russian non-realistic writers' language and world-modeling presents the greatest difficulty for Chinese students when they get acquainted with modernist and postmodern fiction, and causes insurmountable confusion in the perception of such literature and refusal to read it. If foreign readers do not understand or contradictorily understand texts, the productive increment of meanings may not occur. The most important semantic elements are often lost or not recognized. As a result, there are conflicts of interpretations, attempts to interpret a non-realistic text in a realistic paradigm. The outdated, ideologically "correct" intermediary texts should be replaced by a new type of commentary. Its model, which we propose in this article, includes the following structural elements: information about the cultural and literary context; clarification of the semantics of words that are important for understanding the text; designation of national stereotypes that can lead to false interpretation and evaluation of the text; step-by-step algorithm for working with text; list of references. Such a commentary will not only remove lexical difficulties, but also form interpretation skills. The other group of reasons is associated with the institutional characteristics of the education system in China: the high intensity of training, preference for translations rather than original texts, the focus on the problem-thematic study of works, etc.

REFERENCES

1. Foucault, M. (1980) *Power/knowledge: Selected interviews and other writings 1972–1977*. Brighton: Harvester.
2. Grishina, N.V. (2008) *Psikhologiya konflikta* [Psychology of Conflict]. 2nd ed. Saint Petersburg: Piter: OOO "Piter Press".
3. Bakhtin, M.M. (2000) *Avtor i geroy. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Author and Hero. To the philosophical foundations of the humanities]. Saint Petersburg: Azbuka.
4. Gadamer, H.-G. (1988) *Istina i metod: osnovy filosofskoy germeneytiki* [Truth and Method: Fundamentals of philosophical hermeneutics]. Translated from German. Moscow: Progress.
5. Kulikova, L.V. (2019) Discourse of intercultural mediation: a conceptual research model. *Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura – Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2 (16). pp. 245–258. (In Russian). DOI: 10.21638/spbu09.2019.206
6. Barthes, R. (1989) *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected Works. Semiotics. Poetics]. Translated from French. Moscow: Progress.
7. Ingarden, R. (1962) *Issledovaniya po estetike* [Studies in Aesthetics]. Translated by A. Ermilov and B. Fedorov. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury.
8. Yauss, G.R. (2004) *Istoriya literatury kak vyzov teorii literatury* [The history of literature as a challenge to the theory of literature]. In: Kabanova, I.V. (ed.) *Sovremennaya literaturnaya teoriya. Antologiya* [Modern Literary Theory. Anthology]. Moscow: Flinta. pp. 192–200.
9. Li, H. & Zhang, Ts. (2004) *Istoriya russkoy literatury XX veka* [The History of Russian Literature of the 20th Century]. Qingdao: Chindanskoe izdatel'stvo.
10. He, L. (2015) *Antikhrisť v proizvedeniyakh D. Merezhkovskogo* [The Antichrist in the works of D. Merezhkovsky]. Master's Thesis. Shanghai.
11. Chen, S. (2015) *Postmodernizm v kitayskoy avangardnoy literature* [Postmodernism in Chinese avant-garde literature]. Guilin: Guangxi Normal University.
12. Anon. (2012) *Uchebnaya programma dlya spetsial'nosti "Russkiy yazyk" v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh (bakalavriat)* [Curriculum for the specialty "Russian language" in higher educational institutions (bachelor's degree)]. Beijing: Izd-vo obucheniya i issledovaniya inostrannykh yazykov.
13. Yan, Ts. (2013) *Razmyshleniya ob optimizatsii prepodavaniya russkoy literatury v auditoriyakh* [Reflections on the optimization of teaching Russian literature in classrooms]. *Vestnik Mudan'itsyanskogo universiteta*. 12. pp. 149–151.
14. Bo, E. (2015) *Issledovanie formy prepodavaniya russkoy literatury XX veka* [Research of the form of teaching Russian literature of the 20th century]. *Zhurnal Kadrovogo kolledzha ekonomicheskogo upravleniya provintsii Tszilin'*. 29. pp. 104–106.
15. Zhang, Ch. (2005) *Dekadans v kitayskoy literature kontsa XX veka* [Decadence in Chinese literature of the late 20th century]. Hefei: Anhui University.
16. Gao, D. (1935) *Osnovnye napravleniya evropeyskoy literatury i iskusstva kontsa XIX veka: ot ideologicheskogo napravleniya kontsa veka k neoromantizmu* [The main directions of European literature and art of the late 19th century: from the ideological direction of the end of the century to neo-Romanticism]. *Zhurnal tsentra kul'tury i obrazovaniya Chzhunshchan'*. 4. pp. 1395–1416.
17. Zhou, Ch. (2003) *Izucheniye russkoy literatury Serebryanogo veka* [The study of Russian literature of the Silver Age]. Beijing: Peking University.
18. Wang, Ts. (2010) *Retseptsiya russkoy literatury i ee sovremennaya interpretatsiya v kontekste kitayskoy literatury XX veka* [Reception of Russian literature and its modern interpretation in the context of Chinese literature of the 20th century]. Beijing: Beijing Pedagogical University.
19. Li, Yu. (2000) *Istoriya russkoy literatury XX veka* [The History of Russian Literature of the 20th Century]. Beijing: Peking University.
20. Li, S. (2008) *Poetika russkoy postmodernistskoy literatury* [Poetics of Russian postmodern literature]. *Russkaya literatura i iskusstvo – Russian Literature & Arts*. 2. pp. 9–14.

Received: 03 October 2021

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(091)

О.А. Власова

MEMORY STUDIES В ГОРИЗОНТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ЭКСПАНСИИ И ИХ РАЗВИТИЕ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 20–011–00616 «Самосознание истории философии в междисциплинарном контексте практик памяти»).

Анализируется экспансия исследований памяти на различные сферы гуманитарных наук, в частности их поворот от социальной антропологии к историческим наукам. Ставится вопрос о том, какие особенности теории Memory Studies способствуют ее выходу в междисциплинарное пространство. Демонстрируется продуктивность сведения перспектив истории философии и исследований памяти. Конкретизируются основные особенности развития дискурса памяти в истории философии.

Ключевые слова: дискурс памяти; Memory Studies; память; история; философия; традиция

Гуманитарные науки проходят этап построения общегуманитарного междисциплинарного поля. Целый ряд проблем связывает в дискуссиях историю и филологию, психологию и антропологию, теорию культуры и социологию. Одной из топовых тем таких дискуссий является проблема практики и политики памяти. Стремительно развивающиеся Memory Studies охватывают все новые и новые вопросы, институционализируются. Философия, особенно в последнее время, также активно обращается к этой проблематике: в плане социально-философских, философско-культурных, философско-антропологических дискуссий¹. Однако до настоящего времени, несмотря на очевидную плодотворность проблематики и методологии, эта традиция практически не вовлекает области истории философии.

При этом история философии последнего столетия пытается активно реагировать на методологические новации и актуальные дискуссии, стремясь уравновесить интерес к прошлому и необходимость поспевать за современностью. Казалось бы, будучи наукой о прошлом мысли, история философии как никакая другая наука может включиться в Memory-дискуссию и Memory Studies. Но на настоящий момент времени в этой области имеются лишь единичные исследования, которые касаются главным образом особенностей актуализации самой темы памяти в различные периоды развития философской мысли. В основном же философия памяти – это ее онтологические и социально-философские, социально-культурные исследования [3–9]. Продуктивность сведения перспектив истории философии и исследований памяти, тем не менее, приводит к вопросам: как история философии может проблематизоваться как память философии и в чем специфика ее практики как техники памяти.

Сразу же нужно отметить, что в настоящем исследовании мы не будем останавливаться на анализе классических и современных теорий Memory Studies: в настоящее время для решения этой задачи не хватит даже монографического объема. Нас здесь интересует именно экспансивный элемент: какие особенности теории Memory Studies способствуют ее выходу в междисциплинарное пространство исторических

наук, в частности переходу от социологии и социальной антропологии сначала к истории, а затем и к истории философии. Последнее смещение для нас особенно важно.

Память групп: от социологии и социальной антропологии к культурной истории

В настоящее время, будучи топовым направлением гуманитарных наук, Memory Studies охватывает сферы социального, политического, культурного. Множество (ставших уже классическими) сборников, профессиональные ассоциации, журналы – все это укрепляет современников в мысли о том, что Memory Studies есть один из наиболее востребованных современностью способов говорить о прошлом в исторических науках и в целом в гуманитарных [10–12]. При этом во всем своем многообразии (в социологии, антропологии, истории и др.) это тематическое поле предполагает определенный ракурс проблематизации, специфический взгляд, отличный от традиционного исторического взгляда на ушедшее, который сохраняется во всех дисциплинарных полях и способствует «междисциплинарности» дискурса памяти. Каковы же его особенности?

С самого начала следует признать (и это признание стало уже хорошим тоном работ по Memory Studies), что прошлое всегда интересовало науку, и вторая половина XX в. в своем акценте на памяти не изобрела нового объекта интереса. Однако важной стала сама концептуализация прошлого и истории как памяти, в особенности памяти, связанной с определенной социальной группой или общностью. Эту связь акцентировал в своей классической работе М. Хальбвакс. «Существует коллективная память и социальные рамки памяти, и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти» [13. С. 29], – писал он. Хальбвакс, конечно же, следует в этом утверждении за Э. Дюркгеймом и подчеркивает, что мы обращаемся к прошлому не напрямую, но всегда через «коллективные представления» общности (социальной группы или культуры), к которой принадлежим.

Связка «память – социальная группа» способствовала акцентированию многообразия образов памяти и активизации исследований социальных общностей с различными идентичностями. Плюрализм мировоззрений в современном мире, а главным образом неуверенность в идентичности, как подчеркивает Алан Мэгилл, стали основанием для проработки темы сплоченности группы и развития дискурса коллективной памяти. «Можно сформулировать правило: когда личность становится неопределенной, повышается ценность памяти» [14. Р. 40], – говорит он. При этом, как указывает Мэгилл, идентичность явилась проблемной точкой дискурса памяти. С одной стороны, в рамках его классической традиции, в том числе в работах Хальбвакса, память признается отражением некой коллективной идентичности, целостности идентичности, но с другой – современные практики памяти характеризуются трансформацией воспоминаний с целью формирования и управления идентичностью (при одновременном отсутствии устойчивой идентичности группы). Особенное внимание к идентичности характеризует социальные и социально-антропологические исследования памяти: когда предметом являются не социальные группы, а культуры и эпохи, вопрос об идентичности закономерно трансформируется в вопрос самосознания культурной (мировоззренческой) общности.

Кроме того, связывание истории как памяти с социальной группой приводит к акцентированию роли памяти в непрерывности группы, формированию «концепции групповой памяти как органа исторической преемственности» [15. Р. 12–13]. Разумеется, такое смещение с истории к памяти, с традиции и культуры к социальной группе явилось следствием осознания историчности истины, крушения традиций и выходом на историческую арену более раздробленных социальных и культурных целостностей. Осознание принадлежности традиции или противопоставления ей, вопрос прерывности или непрерывности в оставшихся воспоминаниях сохраняется на всех уровнях дискурса памяти: и по отношению к социальной, и по отношению к культурной памяти.

Как известно, акцент на социальной группе не долго доминирует в исследованиях памяти и начиная с 1980-х гг., наравне с исследованиями социальной памяти [16], появляются работы по ее культурной форме. В целом они разделяют ранее выработанные установки.

Сначала история сопротивляется экспансии социологического и социально-антропологического поля исследований памяти. Бурные дискуссии о памяти и истории отражают борьбу историков «против вторжения» и попытки отстоять чистоту и объективность своего предмета. Общий момент в них – представление истории и памяти «в различии», как двух различных форм работы с прошлым: память при этом признается способом слагать устную традицию группы, а история – нацеленной на объективность внегрупповой работой профессионалов, преимущественно имеющих дело с письменными текстами. Однако одновременно битва истории и социологии в поле памяти (с другой стороны «баррикад») яви-

лась попыткой расшатать основания взгляда на историю, и частично эта цель была достигнута.

Ангажированность интеллектуалов и интерпретация истории как идеологии способствовали сближению социологии и истории и выводу дискуссий из модальности «история/память» в модальность «история=память», и это стало органичным продолжением процесса социологизации и политизации истории. «...Современные исследования истории исторической практики смотрят на нее точно так же, как Хальбвакс смотрел на память: как на продукт социальных групп...» [17. Р. 45], – отмечает Питер Барк.

В пионерских исследованиях супругов Яна и Алейды Ассман (и в этом они следуют предшественникам Эби Варбургу и Юрию Лотману) сохраняется тот же предмет – это по-прежнему память, однако акцент делается не на носителе (социальной группе), а на основании и механизме. Они обращают внимание на то, что определенные воспоминания группы продуцируются с целью культурного посредничества и связываются с традиционными для культуры механизмами текстуализации и визуализации, ее традиционными каналами трансляции: текстами, образами, ритуалами [18, 19]. Переход от социальной памяти к культурной позволяет связать социально обусловленные процессы хранения и воспроизведения прошлого с исторической изменчивостью и изменчивостью культурных смыслов. Поэтому в культурном повороте в общем сохраняются прежние установки, но поле расширяется с носителя на механизмы, и после него дискурс памяти разрабатывается как в социальном, социально-антропологическом аспекте, так и в культурном, а иногда и одновременно.

В повороте от социологии к истории одним из важных факторов является политизация дискурса памяти. Связь памяти с социальной группой предполагает одновременно представление о группе как о включенной во властные отношения, поэтому отождествление практики памяти и практики власти здесь закономерно. «Одним из следствий этого является тенденция сводить память, которая, по сути, является понятием культуры, исключительно к политической памяти» [20. Р. 1393], – акцентирует эту проблему Алон Конфино. Политизация памяти и интерпретация Memory Studies как исследований политики памяти, конечно же, органична эпохе постмодерна с ее политизацией всех сфер, но влечет целый ряд проблем. Память становится всего лишь одним из аспектов политического, и политизированный взгляд распространяется в исследованиях памяти на все исторические периоды и все культуры и группы, в которых политика не является центром организации отношений. Эта же особенность затрудняет экспансию Memory Studies на другие науки и проблемные поля, не связанные с политической сферой. Получается, что политизация дискурса памяти способствует его популяризации и расширению, но одновременно она ограничивает его. Переход от области социального к области культурного и историзация памяти, по убеждению Конфино, как раз и позволяют избежать политизации.

Последнее десятилетие исследования по культурной истории меняют облик историографии как рефлексии методологии истории. По признанию Марека Тамма, интерпретация истории в рамках Memory Studies как «специфической символической формы, посредством которой знание прошлого транслируется в культуре» [21. Р. 464], расширяет область историографии и позволяет ей перейти от исследования событий прошлого к изучению их последующего восприятия и смысла в настоящем. В конце 1990-х гг. Ян Асман называет это новое проблемное поле мнемоисторией [22. Р. 9] и связывает ее интерес не с прошлым как таковым, а с прошлым, каким его помнят. По сути, это теория восприятия и рецепции применительно к истории, которую заботит актуальность и интерпретация прошлого.

Мнемоистория, как и предыдущие формы Memory Studies, обращается не столько к фактам, сколько к особенностям исторической работы (как раньше к особенностям функционирования социальной группы, ее основаниям). Таким образом, как подчеркивает Марек Тамм, она позволяет проблематизировать два методологических уровня истории: историзацию феномена прошлого и историзацию исторической интерпретации [21. Р. 464]. В этом случае история балансирует между стремлением к объективности и осознанием анахронизма. И здесь нет ничего удивительного, ведь история и память на нынешнем этапе развития дискурса памяти не противопоставляются, но рассматриваются в их близости и единстве.

В целом обращение к социальной, а затем к культурной памяти, переход от истории к мнемоистории позволяет вновь актуализировать дискуссии о методологии истории. Подобно рубежу XIX–XX вв. (дискуссиям об истории как науке о духе), рубеж XX–XXI вв. – время для осмысления историей собственной методологии. Дискурс памяти здесь является тем проблемным пространством, где постановка методологических вопросов оказывается продуктивной и понятной для специалистов других наук. Одной из таких наук является история философии.

История и память в истории философии

Учитывая имеющиеся исследования проблемы памяти в философии, обилие философско-исторических исследований (особенно в мировой традиции), методология истории философии может быть успешно осмыслена в контексте дискурса памяти.

Если обобщить описанные выше черты Memory-взгляда на ушедшее, то можно назвать следующие, которые отмечают специфику этого стиля проблематизации прошлого: 1) констатация поляриности между памятью и историей как искусственным и естественным прошлым и тем самым акцентирование проблемы Memory-дискурса; 2) связь памяти с социальной группой или общностью и признание посредничества «коллективных представлений» в фиксации и воспроизведении свершившихся событий; 3) проблемность идентичности на коллективном уровне как самосознания группы и на индивидуальном уровне как точки приложения социальных практик памяти; 4) связыва-

ние социально обусловленных процессов хранения и воспроизведения прошлого с исторической изменчивостью и изменчивостью культурных смыслов; 5) расширение историографии и переход от исследований событий прошлого, прошлого как такового к изучению его последующего восприятия и смысла в настоящем, т.е. прошлого как его помнят. Эти черты особым образом предстают в истории философии.

Начнем с того, что тематизация памяти в истории философии, несмотря на продуктивность ракурса, связана для осведомленного исследователя с явным противоречием «история/память», которое достаточно не просто снимается в пользу характерного для последних лет сближения «история = память». Самый главный вопрос в этом поле: почему мы можем заговорить об истории как памяти в отношении философии к своему прошлому. Проблемность здесь, как и в исторической науке, состоит в том, что память в классических Memory Studies предполагает соотносительность с социальной группой, внутреннюю необходимость для поддержания ее целостности именно таких практик работы с прошлым и такой его образ. Почему, хотя и с определенными оговорками, такой разговор можно вести в истории философии и что он нам дает?

«Память – это образ прошлого, созданный субъективностью настоящего» [14. Р. 56], – пронципально отмечает Алан Мэгилл. Кризис классической метафизики в философии и трансформация классической схемы истории философии приводят к развитию авторских интерпретаций наследия прошлого. Однако более важно то, что современная философия в стремительно изменяющемся и глобализирующемся мире испытывает насущную потребность переоценки прошлого как исходной точки своего современного проекта. Нынешняя философия не представляется как необходимая ступень развития философии прошлого, она устанавливает с этим прошлым новые связи: через историю философии, а также посредством исторического измерения философской антропологии, философии культуры, социальной философии, социологии философии и т.д. [23]

Мэгилл связывает акцентирование дискурса памяти с реакцией на тревогу, неизбежную при доминировании нового и стремлении к развитию. Современность, устремленная вперед, затосковала о прошлом как о приятном родном воспоминании и стала конструировать тот образ, к которому приятно вернуться в минуту слабости и усталости. Философия в ситуации стремительного обновления гуманитарных наук, их дифференциации и интеграции, словом, их реформирования, уже не может довольствоваться старым классическим образом прошлого, который не обеспечивает интерпретацию новых феноменов. Учитывая исконную связь философии с ее историей и статус истории философии как необходимой пропедевтики к философии, история философии, как и другие науки в ситуации плюрализма толкований и распада традиции всеобщей истории философии, начинает задействовать отдельные ходы и проблемное поле Memory Studies.

Вопрос о памяти для истории философии в общем виде звучит как вопрос о «местах памяти» и вопрос о

«мифогенности» [17. Р. 48–49] исторических и философских фигур и событий, движений: почему воспоминания концентрируются вокруг именно этих фигур и этих событий? Этот вопрос может стать первым этапом ответа на вопрос о самоидентификации и может быть сформулирован как вопрос о том, почему некоторые исторические направления становятся в периоды современности точками концентрации прошлого, исходными моментами его самосознания (как, например, античность для Возрождения или Новое время для современности европейской философии).

Связка с социальной группой и постулирование внутренней необходимости специфических практик памяти для поддержания целостности традиции по отношению к истории философии видна на примерах перехода от глобальной к локальным историям философии, в выходе на передний план национальных историй философии и темы национальной философии в целом. Специалист в области проблемы национальной традиции Л.Е. Яковлева в начале одной из своих статей совершенно справедливо отмечает: «Одной из важнейших проблем методологии историко-философской науки последних десятилетий является проблема соотношения общего и особенного, универсального и локального в историко-философском процессе» [24. С. 4]. Проблематика национальной философии как практики памяти некой социальной целостности вовлекает традиционные для этой области вопросы истории познания и истории культуры, традиции как факта и ценности. «Традиция связана с настоящим, она передается в настоящем и, исходя из настоящего, определяет то, что нужно делать. В этом смысле любая система традиций строится на современном фундаменте, хотя и опирается на постоянно возобновляемое прошлое. Именно настоящее задает обращение к прошлому, исходя из аксиологического значения непрерывности и культурного единства как характерных черт традиции» [24. С. 7], – подчеркивает Яковлева. К этим вопросам в ракурсе настоящего исследования можно добавить проблему возобновления/изобретения традиции [25], которую для истории философии можно сформулировать как проблему диалектики памяти и истории в историко-философской практике.

На диалектический характер подхода к прошлому указывает по отношению к историческим исследованиям П. Хаттон [26]. Резюмируя современные подходы, он говорит о постоянно присутствующей дилемме «память-история»: историческая наука всегда работает словно «поверх» традиции, сложившейся памяти отдельных групп и традиционных стереотипов. История так надстраивается над практикой памяти. В истории философии мы видим подобную же практику: устоявшиеся представления о преемственности традиций, история философии в парадигме школ часто становится исходной точкой историко-философских или историко-культурных исследований, которые показывают новые векторы развития и альтернативные сценарии.

Социально обусловленный характер памяти отчетливо заметен в попытках философии XX в. по-новому переосмыслить особенности и статус античной, сред-

невековой, возрожденческой, нововременной мысли. Историко-философские штудии М. Хайдеггера и М. Фуко, историко-культурные занятия Й. Хейзинги являются характерными примерами игры с памятью и историей. Так поступает, например, Й. Хейзинга в своей книге «Осень Средневековья», который показывает этот период не в предвкушении расцвета следующей (эпохи Возрождения), а в его собственном духе увядания. «Возникновение нового – не этого ли наш дух более всего ищет в минувшем! Нам хочется знать, как зародились и расцвели те новые идеи и формы жизненного уклада, сияние которых впоследствии достигло своего полного блеска. <...> Здесь делается попытка увидеть в XIV и XV вв. не возмещение Ренессанса, но завершение Средневековья; попытка увидеть средневековую культуру в ее последней жизненной фазе, как дерево, плоды которого уже перезрели, – полностью раскрывшейся и достигшей вершины в своем развитии» [27. С. 17–18], – пишет он. Подобную стратегию реализует (только не в культурном, а в социальном плане) Б. Латур в работе «Нового времени не было», стремясь не выстроить преемственность или постулировать разрыв с нововременным, а заглянуть словно за это различие древнего и нового, поскольку «в бесчисленных столкновениях Древних и Новых первые оказываются победителями столько же раз, сколько и последние, и ничто не позволяет нам сказать наверняка, подводят ли революции черту под старыми режимами или являются их окончательным воплощением» [28. С. 71]. Оба приведенных примера показывают возможность построения истории философии вне линейных схем историцистского развития, закрепленных в традиции истории философии.

Сближение Memory Studies и историко-философских исследований позволяет проработать поля глобальной и локальной истории философии, связи современности мысли и ее нововременных и античных истоков, по-новому поставить проблему ответственности философа и философии как политической, практической деятельности. Это позволяет также обсудить вопрос связи философии с обществом и политикой. Память здесь выступает тем понятием, которое позволяет выработать новые основания связи настоящего и прошлого философии. Как отмечает Алон Конфино, «достоинство памяти в том, что она достаточно неопределенна, чтобы исследоваться нетрадиционными подходами, чтобы связать казалось бы не связанные темы, чтобы по-новому объяснить старые проблемы» [20. Р. 1403].

Описывая проблемное поле мнемистории, Марек Тамм выделяет следующие основные вопросы: «...Что мы знаем в настоящее время о прошлом? Почему признаются одни версии прошлого и отвергаются другие? Какие события и другие явления прошлого выбираются и как они представляются в настоящем? Как посредством прошлого легитимизируют и объясняют происходящее в настоящем и планируемое в будущем? Почему мы выбираем тот или иной образ прошлого? Какие выработываем при этом памятные акты?» [29. Р. 4]. Логично задаться подобными вопросами только в области истории философии.

Дискурс памяти позволяет перейти от вопроса о том, что произошло в прошлом, к вопросу о том, посредством каких конкретных техник конструирования прошлого группы конституируют и поддерживают свое существование [30. Р. 5]. Для философской мысли этот разворот особенно важен. Существовая в необходимости диалога, философия настоящего полагает прошлое своим собеседником, отрезок между настоящим и прошлым выступает той необходимой дистанцией, исходя из которой возможно обращение мысли к самой себе и самоосмысление. Поэтому история философии, как и история культуры, изобилует примерами трансформации прошлого в настоящем и развития практик памяти. Это и классический пример, отмеченный еще А. Варбургом, с переосмыслением возрожденческой мыслью и искусством наследия античности [31, 32], и характерное для современности признание родства с нововременным дискурсом – источником современных проблем, переосмысление которого видится путем к разрешению кризиса культуры и философии.

Каким может быть примерный план Memory Studies в истории философии, какие проблемные точки в этой отрасли выходят на первый план? В качестве таковых проблемных моментов можно выбрать сформулированные выше вслед за Марекком Таммом вопросы. Для истории философии они будут звучать следующим образом: Во-первых, что мы можем узнать о прошлом мысли? Как и почему мы переосмысливаем философскую мысль прошлого в настоящем? Во-вторых, почему мы выбираем в качестве ценностных и мыслительных ориентиров для настоящего те или иные движения, идеи или фигуры прошлого, почему определенные тексты, фигуры акцентируются и затушевываются в историко-философской практике? И, в-третьих, каким образом прошлое может выступать путем к самосознанию нашей мысли в настоящем, что для истории философии и философии есть прошлое и память в ее связи с современностью?. Первый из сформулированных вопросов о специфике памяти (в отличие от истории) в современной истории философии, второй относит нас к классическому для Memory Studies концепту «мест памяти», третий поднимает проблему национальной традиции и особенностей «изобретения традиции» в истории философии.

Значимой для истории философии оказывается также проблематизация практики в рамках сформулированных П. Рикером вопросов «О чем мы вспоминаем?» и «Кому принадлежит память?» [33. С. 21]. Вопрос «кому принадлежит память» вовлекает также ранее уже исследованный нами вопрос фигуры историка философии [34, 35], а вот вопрос «что мы вспоминаем» и сам переход от «что» к «кто» как раз и обращает нас к практике памяти истории философии.

Как видим, в истории философии, как и в других науках, дискурс памяти наиболее органично предстает в деполитизированном и десоциализированном виде: с переходом от явной связи с социальной группой и малой группы вообще к широкому социальному контексту. При этом рабочими вопросами оказываются новая интерпретация «мест памяти» в истории философии, механизмов трансформации и изобретения ментальной традиции, переориентация с социального на национальное, на культурное и локальное. Духовные и ментальные практики истории философии должны быть контекстуализированы при этом подобно социальным практикам классических Memory Studies.

Таким образом, выделенные ранее черты Memory-взгляда на ушедшее могут быть конкретизированы в истории философии. Для истории философии как практики памяти (каковой она становится в XX в.) характерно: 1) признание искусственного характера прошлого истории философии, т.е. оценка прошлого, представляющего в исследовании, не как истории, а как памяти и осознание конструктивного характера историко-философской работы; 2) акцентирование противоречия «история/память» и трудности перехода от практики памяти социальных групп к практике памяти мысли, а также важность связки «память–история» для новых историко-философских и историко-культурных интерпретаций XX в.; 3) трансформация вопроса о «местах памяти» в вопрос о «мифогенности» исторических и философских фигур и событий, движений, который представляется этапом проблематизации самоидентификации современности философии; 4) связывание историко-философского процесса с процессом глобализации (в полях глобальных и локальных культур), собственными особенностями развития национальных культур и локальными социально-культурными особенностями, влияющими на характер историко-философской практики; 5) расширение философской историографии и переход от исследования прошлого философии к методологическим исследованиям особенностей историко-философской памяти.

Подобная контекстуализация истории философии в рамках дискурса памяти позволяет не только обратиться к междисциплинарным вопросам сохранения и интерпретации прошлого в гуманитарных исследованиях, но и активизировать самосознание истории философии. Она может осмыслить себя в дилемме «история/память», поставить вопрос о том, чем она является: продолжением истории в настоящем, развитием когда-то заданного импульса, или же специально продуцируемой практикой памяти, работы с прошлым (его фиксации, сохранения, трансформации) в конкретной социально-культурной ситуации. Наравне с другими путями, это путь – к активизации исследования и обновлению установок и методологии истории философии.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См., например, методологические работы [1, 2], а также другие материалы круглого стола «Индивидуальная и коллективная память в контексте современных социальных трансформаций», опубликованные в специальной рубрике журнала «Вопросы философии» № 6, 7 за 2020 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лекторский В.А. Индивидуальная и коллективная память: старые проблемы и новые вызовы // Вопросы философии. 2020. № 6. С. 11–17.
2. Пружинин Б.И., Шедрина Т.Г. Феномен коллективной памяти на пересечении методологических установок // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 15–19.
3. Nuzzo A. *Memory, History, Justice in Hegel*. New York : Palgrave Macmillan, 2012. 211 p.
4. Nietzsche on Memory and History: The Re-Encountered Shadow / eds. by A.K. Jensen, C. Santini. Berlin : De Gruyter, 2019. 350 p.
5. *The Routledge Handbook of Philosophy of Memory* / eds. by S. Bernecker, K. Michaelian. London ; New York : Routledge, Taylor & Francis Group, 2017. 589 p.
6. Peone D. *Memory as Philosophy : The Theory and Practice of Philosophical Recollection*. Stuttgart : Ibidem-Verlag, 2019. 383 p.
7. Fernández J. *Memory : A Self-Referential Account*. New York : Oxford University Press, 2019. 221 p.
8. Hutton P.H. Philosophical Reflections on the Ways of Memory and History // *History and Theory*. 2018. Vol. 57, № 2018. P. 292–305.
9. Шевцов К.П. Основные парадигмы концептуализации памяти в философии : дис. ... д-ра филос. наук. СПб. : СПбГУ, 2016. 437 с.
10. Романовский Н.В. Новое в социологии – «бум памяти» // *Социологические исследования*. 2011. № 6. С. 13–23.
11. Васильев А.Г. Memory Studies: единство парадигмы – многообразие объектов (обзор англоязычных книг по истории памяти) // *Новое литературное обозрение*. 2012. № 5 (117). С. 461–480.
12. Репина Л.П. «История события» в трансдисциплинарном пространстве. Memory Studies и истории исторической культуры // *Событие и время в европейской исторической культуре XVI – начала XX века*. М. : Аквилон, 2018. С. 9–54.
13. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. С.Н. Зенкина. М. : Новое издательство, 2007. 348 с.
14. Megill A. *History, Memory, Identity* // *History of The Human Sciences*. 1998. Vol. 11, № 3. P. 37–62.
15. Barash J.A. *Collective Memory and Historical Time* // *Práticas da História*. 2016. Vol. 1, № 2. P. 11–37.
16. Olick J., Robbins J. *Social Memory Studies. From «Collective Memory» to the Historical Sociology of Mnemonic Practices* // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. P. 105–140.
17. Burke P. *Varieties of Cultural History*. Ithaca, N.Y. : Cornell University Press, 1997. 256 p.
18. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. М.М. Сокольской. М. : Яз. слав. культуры, 2004. 363 с.
19. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. Б. Хлебникова. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
20. Confino A. *Collective Memory and Cultural History: Problems of Method* // *The American Historical Review*. 1997. Vol. 102, № 5. P. 1386–1403.
21. Tamm M. *Beyond History and Memory: New Perspectives in Memory Studies* // *History Compass*. 2013. Vol. 11, № 6. P. 458–473.
22. Assmann J. *Moses the Egyptian: The Memory of Egypt in Western Monotheism*. Cambridge, MA ; London : Harvard University Press, 1997. 276 p.
23. Normore C. *Doxology and the History of Philosophy* // *Canadian Journal of Philosophy*. 1990. Vol. 16. P. 203–226.
24. Яковлева Л.Е. Национальные философские традиции: компаративное измерение // *Хора. Журнал современной зарубежной философии и философской компаративистики*. 2008. № 4. С. 4–32.
25. Хобстбаум Э. Изобретение традиций / пер. С. Панарина // *Вестник Евразии*. 2000. № 1. С. 47–62.
26. Хаттон П.Х. История как искусство памяти / пер. В.Ю. Быстрова. СПб. : Владимир Даль, 2004. 422 с.
27. Хейзинга Й. *Осень Средневековья* / сост., предисл. и пер. Д.В. Сильвестрова. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 768 с.
28. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / пер. Д.Я. Калугина. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2006. 240 с.
29. Tamm M. Introduction: Afterlife of Events: Perspectives on Mnemohistory // *Afterlife of Events: Perspectives on Mnemohistory* / ed. by M. Tamm. Basingstoke, Hampshire : Palgrave Macmillan, 2015. P. 1–23.
30. Castelli E.A. *Martyrdom and Memory: Early Christian Culture Making*. New York : Columbia University Press, 2004. 335 p.
31. Варбург А. Великое переселение образов: исследование по истории и психологии возрождения античности / пер. Е. Козиной, Н. Булаховой, Д. Захаровой. СПб. : Азбука-классика, 2008. 381 с.
32. Торопыгина М.Ю. Иконология. Начало. Проблема символа у Аби Варбурга и в иконологии его круга. М. : Прогресс-Традиция. 2015. 366 с.
33. Рикер П. Память, история, забвение / пер. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной, О.И. Мачульской, Г.М. Тавризан. М. : Изд-во гуманит. лит., 2004. 725 с.
34. Власова О.А. «Революция относительности» и самосознание истории философии XX века // *Философские науки*. 2018. № 11. С. 114–125.
35. Власова О.А. Перспективизм в истории философии второй половины XX века: развитие самосознания и проблематика «первого» и «третьего» лица // *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*. 2019. № 3. С. 3–13.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 24 октября 2020 г.

Memory Studies in the Horizon of Interdisciplinary Expansion and Their Development in the History of Philosophy

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 119–125.

DOI: 10.17223/15617793/473/14

Olga A. Vlasova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: o.a.vlasova@gmail.com

Keywords: discourse of memory; memory studies; memory; history; philosophy; tradition.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20–011–00616.

The article analyzes the problem of the expansion of memory studies into various areas of the humanities, in particular, their turn from social anthropology to historical sciences. The question on features of memory studies theory, which contribute to its entry into the interdisciplinary field, is raised. The author emphasises that the appeal to social and then cultural memory, the transition from history to mnemohistory allow re-actualising discussions on the methodology of the humanities. The discourse of memory turns out to be a problematic field where the posing of methodological questions is understandable for specialists in different disciplines. The article aims to demonstrate the productivity of the interaction between the history of philosophy and memory studies, and to specify the main features of the development of the discourse of memory in the history of philosophy. The work is based on the analysis and interpretation of both classical works in the field of memory studies and modern critical studies in this area. The author also analyses works on philosophy and the history of philosophy. Three problematic issues of memory studies in the history of philosophy stand out: the representation of the past in the present; the status of movements, ideas, and figures of the past as values and mental guidelines in the present; memory as a path to the self-consciousness of modern philosophy. The first issue is the question of the specifics of memory (as opposed to history) in the modern history of philosophy; the second is related to the concept “place of memory”; the third involves the problem of national tradition and the peculiarities of the “invention of tradition” in the history of

philosophy. The history of philosophy of the 20th century recognizes the artificial nature of the past; it is evaluated not as history, but as memory. The contradiction “history / memory” and the difficulties of transition from the practice of memory of social groups to the practice of memory of thought, as well as the importance of the “memory–history” link, are accentuated. The question of “places of memory” is transformed into the question of the “mythogenicity” of historical and philosophical figures and events, movements, which seems to be a stage in the problematisation of the self-identification of modern philosophy. The historical and philosophical process is associated with the process of globalization (in the polarity of global and local cultures), with its own peculiarities of the development of national cultures and local socio-cultural characteristics that affect the nature of historical and philosophical practice. The author concludes that in the history of philosophy the discourse of memory appears in a de-politicised and de-socialised form: with the transition from a connection with a social group and a group in general to a wide social context. Mental practices of philosophy are contextualised like the social practices of classical memory studies.

REFERENCES

- Lektorskiy, V.A. (2020) Individual and Collective Memory: Old Problems and New Challenges. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 11–17. (In Russian).
- Pruzhinin, B.I. & Shchedrina, T.G. (2020) The Phenomenon of Collective Memory at the Intersection of Philosophical and Methodological Attitudes. *Voprosy filosofii*. 7. pp. 15–19. (In Russian).
- Nuzzo, A. (2012) *Memory, History, Justice in Hegel*. New York: Palgrave Macmillan.
- Jensen, A.K. & Santini, C. (eds) (2019) *Nietzsche on Memory and History: The Re-Encountered Shadow*. Berlin: De Gruyter.
- Bernecker, S. & Michaelian, K. (eds) (2017) *The Routledge Handbook of Philosophy of Memory*. London; New York: Routledge, Taylor & Francis Group.
- Peone, D. (2019) *Memory as Philosophy: The Theory and Practice of Philosophical Recollection*. Stuttgart: Ibidem-Verlag.
- Fernández, J. (2019) *Memory: A Self-Referential Account*. New York: Oxford University Press.
- Hutton, P.H. (2018) Philosophical Reflections on the Ways of Memory and History. *History and Theory*. 57 (2018). pp. 292–305.
- Shevtsov, K.P. (2016) *Osnovnye paradigmy kontseptualizatsii pamyati v filosofii* [The main paradigms of the conceptualization of memory in philosophy]. Philosophy Dr. Diss. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
- Romanovskiy, N.V. (2011) Novoe v sotsiologii – “bum pamyati” [New in sociology – “memory boom”]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 6. pp. 13–23.
- Vasil’ev, A.G. (2012) Memory Studies: edinstvo paradigmy – mnogoobrazie ob’ektov (obzor angloyazychnykh knig po istorii pamyati) [Memory Studies: the unity of the paradigm – the diversity of objects (a review of English-language books on the history of memory)]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 5 (117). pp. 461–480.
- Repina, L.P. (2018) “Istoriya sobytiya” v transdisciplinarnom prostranstve. Memory Studies i istorii istoricheskoy kul’tury [“History of the event” in the transdisciplinary space. Memory Studies and the history of historical culture]. In: Repina, L.P. (ed.) *Sobytie i vremya v evropeyskoy istoricheskoy kul’ture XVI – nachala XX veka* [Event and time in European historical culture of the 16th – early 20th centuries]. Moscow: Akvilon. pp. 9–54.
- Halbwachs, M. (2007) *Sotsial’nye ramki pamyati* [The social frameworks of memory]. Translated from French by S.N. Zenkin. Moscow: Novoe izdatel’stvo.
- Megill, A. (1998) History, Memory, Identity. *History of the Human Sciences*. 11 (3). pp. 37–62.
- Barash, J.A. (2016) Collective Memory and Historical Time. *Práticas da História*. 1 (2). pp. 11–37.
- Olick, J. & Robbins, J. (1998) Social Memory Studies. From “Collective Memory” to the Historical Sociology of Mnemonic Practices. *Annual Review of Sociology*. 24. pp. 105–140.
- Burke, P. (1997) *Varieties of Cultural History*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
- Assmann, J. (2004) *Kul’turnaya pamyat’: pis’mo, pamyat’ o proshlom i politicheskaya identichnost’ v vysokikh kul’turakh drevnosti* [Cultural Memory and Early Civilization Writing, Remembrance, and Political Imagination]. Translated from German by M.M. Sokol’skaya. Moscow: Yaz. slav. kul’tury.
- Assman, A. (2014) *Dlinnaya ten’ proshlogo: memorial’naya kul’tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Cultures of Memory and the Politics of History]. Translated from German by B. Khlebnikov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Confino, A. (1997) Collective Memory and Cultural History: Problems of Method. *The American Historical Review*. 102 (5). pp. 1386–1403.
- Tamm, M. (2013) Beyond History and Memory: New Perspectives in Memory Studies. *History Compass*. 11 (6). pp. 458–473.
- Assmann, J. (1997) *Moses the Egyptian: The Memory of Egypt in Western Monotheism*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press.
- Normore, C. (1990) Doxology and the History of Philosophy. *Canadian Journal of Philosophy*. 16. pp. 203–226.
- Yakovleva, L.E. (2008) Natsional’nye filosofskie traditsii: komparativnoe izmerenie [National Philosophical Traditions: A Comparative Dimension]. *Khora. Zhurnal sovremennoy zarubezhnoy filosofii i filosofskoy komparativistiki*. 4. pp. 4–32.
- Hobsbawm, E. (2000) The invention of tradition. *Vestnik Evrazii*. 1. pp. 47–62. (In Russian).
- Hutton, P.H. (2004) *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as an art of memory]. Translated from English by V.Yu. Bystrov. Saint Petersburg: Vladimir Dal’.
- Huizinga, J. (2011) *Osen’ Srednevekov’ya* [The Autumn of the Middle Ages]. Translated by D.V. Sil’vestrov. Saint Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha.
- Latour, B. (2006) *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoy antropologii* [We Have Never Been Modern]. Translated from French by D.Ya. Kalugin. Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg.
- Tamm, M. (2015) Introduction: Afterlife of Events: Perspectives on Mnemohistory. In: Tamm, M. (ed.) *Afterlife of Events: Perspectives on Mnemohistory*. Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan. pp. 1–23.
- Castelli, E.A. (2004) *Martyrdom and Memory: Early Christian Culture Making*. New York: Columbia University Press.
- Warburg, A. (2008) *Velikoe pereselenie obrazov: issledovanie po istorii i psikhologii vozrozhdeniya antichnosti* [The Great Migration of Images: A study on the history and psychology of the revival of antiquity]. Translated from German by E. Kozina, N. Bulakhova, D. Zakharova. Saint Petersburg: Azbuka-klassika.
- Toropygina, M.Yu. (2015) *Ikonologiya. Nachalo. Problema simvola u Abi Varburga i v ikonologii ego kruga* [Iconology. Inception. The problem of the symbol in Aby Warburg and in the iconology of his circle]. Moscow: Progress-Traditsiya.
- Ricoeur, P. (2004) *Pamyat’, istoriya, zabvenie* [Memory, history, forgetting]. Translated from French by I.I. Blauberg, I.S. Vdovina, O.I. Machul’skaya, G.M. Tavrizyan. Moscow: Izd-vo gumanit. lit.
- Vlasova, O.A. (2018) “The Revolution of Relativity” and Self-Consciousness in the History of Philosophy of the 20th Century. *Filosofskie nauki – Russian Journal of Philosophical Sciences*. 11. pp. 114–125. (In Russian). DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-114-125
- Vlasova, O.A. (2019) Perspectivism in the History of Philosophy of the XX Century: Development of Self-Consciousness and the Problems of “First” and “Third” Person. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya – Bulletin of Moscow University. Series 7: Philosophy*. 3. pp. 3–13. (In Russian).

Received: 24 October 2020

П.В. Волков

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ КУЛЬТУРОЛОГИИ: ПОЧЕМУ ОЧЕВИДНОЕ СТАЛО ЗАТРУДНЕНИЕМ

Рассматриваются философско-методологические причины затруднения, которое испытывает современная культурология в определении себя как отдельной самостоятельной науки. Дается критика проникновения культурологии в область других специальных наук, что лишает ее собственной специфики, а также критика абстрактных, односторонних представлений о предмете культурологии как о ценностно-нормативном модусе общественной жизни. С помощью диалектической логики и культурно-исторической, предметно-деятельностной методологии автор выводит из единства противоположностей природы и культуры, мира людей и мира вещей, духовной и материальной деятельности объект и предмет изучения науки культурологии.

Ключевые слова: культурология; объект; предмет; неокантианство; диалектика; деятельность; общество

Неочерченность или, если точнее, слабая очерченность границ культурологии как науки, неопределенность, точнее, слишком широкая определенность ее объекта, предмета и метода приводят к удивительному казусу – отсутствию общепринятой теории культуры, а значит, и научной системы, собственно, и превращающей набор отдельных знаний и сведений в науку. Нынешнее состояние культурологии в виде метания от обобщающей всю гуманитарную сферу «супернауки» до, по словам М. Кагана, «броунова движения» [1] разнообразных «точек зрения» мало кого удовлетворяет. Поэтому те, кто считает культурологию отдельной наукой (а есть и иные), не прекращают попытки определить ее границы, задать ее объект, предмет и метод.

Г.В.Ф. Гегель в созданной им системе логических категорий поясняет, что граница – это такая определенность, которая одновременно соединяет и разделяет два нечто [2. С. 129]. В нашем случае определенность одновременно отделяет культурологию от других наук и соединяет ее с ними.

Определенность культурологии – это ее отрицание. Например, очки – определенность человека с плохим зрением. Можно сказать, что Вася – человек в очках, он ими определен. Очки – это не сам Вася, они его отрицание, но это именно его очки, а не очки Пети. Сладость – определенность такого чая, в котором есть «не чай», отрицание чая, т.е. сахар. «То, что без отрицания, то неопределенно. Поэтому в абсолютном свете так же ничего не видно, как и в абсолютной тьме» [3. С. 32].

Популярный сегодня культуролог, теоретик, методолог и автор учебников, близкий по своему мировоззрению к неокантианцам и школе «Анналов», А. Флиер называет объектом научных интересов культурологов «любые виды и формы человеческой жизнедеятельности (точно так же, как у историков, психологов и социологов)» [4]. Под видами и формами человеческой жизнедеятельности Андрей Яковлевич вряд ли подразумевает биологические потребности – то, что характеризует человека как представителя царства животных, но очевидно, что он имеет в виду деятельность человека как общественного существа, культурную, исторически и психически обоснованную деятельность общества. «Культура, – утверждает он, – это конкретно – историческая форма бытия общества,

и как общество не может существовать вне институализированных форм своего бытия, так и форма (культура) не существует актуально (а только мемориально) вне своего живого носителя» [5]. А значит, момент границы, соединяющий культурологию с не культурологией – это объект ее научного интереса, общество. Поэтому культурология – социальная наука (культура не присуща индивидууму, только индивиду в общественных отношениях). Но поскольку не существует обществ воробьев или лягушек, а есть только человеческое общество, культурология – наука гуманитарная. С этим вроде бы никто не спорит. Итак, социальная и гуманитарная сущность культурологии роднит ее, соединяет в своей имманентной границе с другими обществоведческими и гуманитарными науками.

Однако определяет науку ее отрицание – что-то внутренне присущее ей самой, но ей самой не являющееся, определенность, которая, будучи умозрительно рассмотрена как бытие, а не как отрицание, становится качеством. Качеств, внутренне присущих признаков, всегда много. В случае культуры – это и порождение человеческой деятельности, и наследование методом обучения, и аксиологичность. Перечислять признаки можно бесконечно, никак не приближаясь к искомому определению. Ведь определить нечто – значит дать определение. Набор признаков определение не дает. Единственная работа, где дано определение определения, – «Наука логики» Гегеля: «Качество, которое есть “в себе” в простом нечто и сущностно находится в единстве с другим моментом этого нечто, с в-нем-бытием, можно назвать его определением [2. С. 126]».

Понять его не так уж сложно. «Качество, которое есть в себе» – это такое качество, которое сохраняется при всех изменениях. Честный человек честен всегда, а не только тогда, когда быть честным выгодно. Если при изменившихся обстоятельствах он начинает лгать, то честность – не его определение, оно не сохраняется в изменениях. Но качество не только должно быть устойчивым, оно находится в единстве с в-нем-бытием, т.е. выходит вовне и противостоит бытию-для-иного. Честный человек должен как-то проявлять свою честность и противостоять лжи и клевете. Если он этого не делает, а только говорит о своей честности, то верить ему не стоит. Значит определе-

ние – это сохраняющееся в изменениях и проявляющееся в деятельности качество. Одно качество.

То ли из-за недопонимания этого факта, то ли из-за методологического субъективизма теоретик и историк культуры Ю. Шор затрудняется выделить культурологию в особую науку, поскольку, с одной стороны, «культура охватывает собой все проявления человеческой жизнедеятельности», а с другой – «не существует культуры в единственном числе: она предстает как множество культур» [6].

Но не существует ли это «затруднение» лишь в головах «метафизиков», т.е. антидиалектиков в гегелевском понимании? Не все ли в мире предстает одновременно и как всеобщее, и как единичное? Понятие яблоко охватывает собой все яблоки, но абстрактного яблока не существует, оно предстает как множество конкретных яблок. Не существует царства растений, оно предстает в действительности как множество единичных растений и лишь в голове у ученого объединяется в царство. Не существует человечества, оно предстает как множество единичных людей, которых, тем не менее, мы все (кроме расистов и нацистов, конечно) прекрасно объединяем вместе в понятие. Не объединив, невозможно познать, отдельный феномен вне системы принципиально непознаваем. С ним можно делать что угодно: «ощущать», «схватывать», «образно мыслить» – познать нельзя. Потому и появились науки. И нет никаких проблем в предметном очерчивании науки ботаники из-за того, что царство растений предстает как множество растений. Почему такие затруднения вызывает культурология?

Объект изучения культурологии, который объединяет ее с другими гуманитарными и социальными науками, не просто понятен, он очевиден. Это общество. Но без предмета – момента границы, отделяющего культурологию от других наук, выделить ее в отдельную науку нельзя. Так, по сути, и выходит у Флиера, который в статье «Теория культуры вместо исторического материализма» утверждает, что предметом культурологии являются «исторические формы общественного бытия, воспроизводимые и развиваемые через систему социальной коммуникации, основанные на институализированных ценностях этого общества, воплощаемые в специфических чертах продуктов деятельности и именуемые для краткости словом культура» [5].

То, что культура – это предмет культурологии, пожалуй, трудно назвать открытием, которое бы проливало свет на нашу «тьму египетскую». И от того, что Флиер перечисляет «формы общественного бытия» (социальные, этнические, политические, экономические, языковые, религиозные, художественные, правовые, нравственные, ментальные и т.д.), которые можно перечислять бесконечно, поскольку «функциональное многообразие этих форм почти необозримо» [5] и «культура – не вещь, не конкретный предмет, а категория человеческого бытия (так же, как история или жизнь), и в этом статусе она онтологически неисчерпаема» [4], легче не становится. Не становится, потому что отсюда следует, что предмет культуры – это все на свете, что создано человеком, а значит, мы снова возвращаемся к «любимым формам человеческой

деятельности», т.е. теряем конкретный предмет науки. Правда, Флиер уточняет, что культурология изучает не «технологии деятельности (например, экономические отношения и сельскохозяйственное производство)», но «знание о них... место этого знания... в системе общественного сознания и «картине мира» того или иного общества, т.е. технологии как факторы, воздействующие на особенности культуры» [5]. Формулировка очень неконкретна, предметом изучения культурологии в ней называется то знание о технологиях, то место этого знания, то сами технологии, но как факторы, влияющие на культуру. Если интерпретировать «технологии» как способ окультуривания природы, а предложенную в примере агрокультуру как один из способов накопления человечеством духовного и материального опыта, то можно было бы предположить, что предметом изучения культурологии являются такие позволяющие человеку выживать и развиваться способы воздействия на природу, которые закрепляются в общественном сознании. Но это лишь интерпретация, а она всегда субъективна и не может быть основой для научного знания. В конце концов, каждый видит то, что он хочет увидеть.

Далее Флиер указанную мысль не развивает и не приводит ее к определению, но сводит «проблемное поле» (предмет?) культурологии к пяти направлениям [5], в бескрайних полях которых мы снова теряем тропинку к ответу на интересующий нас вопрос. Первым предметом культурологии он называет социогенез, который замечательно исследуют этнография и антропология. Вторым – информгенез (семиотика, герменевтика, коммуникация, языковедение и т.д.), которым занимаются разные направления лингвистики. Третьим – аксиогенез как теорию и историю развития ценностей и человеческого взаимодействия, что входит в компетенцию социальной психологии. Четвертый предмет – проблемы методологии культурологической науки – является вопросом философии культуры, т.е. философии. А вот пятое направление – культурогенез, теория и история культуры, кажется верным. Хотя, нельзя не отметить, что история культуры – это конечно история (со специальными историческими методами источниковедения, археологии и т.д.). Таким образом, остается теория культуры, которой до сих пор нет. Точнее, есть множество работ о теории культуры, но они не имеют единой методологии и являются по сути авторскими курсами культурологии, «точками зрения» разных культурологов.

Проблема заключается в том, что, если культура по Флиеру – это все формы общественной деятельности, значит, речь идет о теории всего. Смешного и глупого в этом ничего нет, но когда, исходя из такого понимания, Флиер пытается разграничить культурологию (науку обо всех формах человеческой деятельности) с философией и историей, получают ставящие в логический тупик результаты. Философию он называет наукой о смысле общественного бытия, хотя наука всегда о законах, а не о смысле. Наука ищет закономерности. А если нет, то это не наука, а эклектический мешок с набросанными туда разрозненными сведениями, знаниями, может быть даже верными, – знахарство. Поэтому наука философия изучает все-

общие законы природы, общества и мышления. А всеобщие законы не существуют без конкретно-исторических форм, явлений этих законов. Истории Флиер отдает изучение событийно-деятельностного содержания общественного бытия, что, собственно, и является его конкретно-историческими формами. Вообще вся человеческая деятельность является конкретно-историческими формами, в которых проявляются всеобщие законы. Смысл общественного бытия, т.е. его сущность, проявляется в событийно-деятельностной форме. Если не проявляется, то смысла никакого и нет, он остается таинственной и непознаваемой вещью-в-себе. Ну и вряд ли кто-то поспорит с тем, что события и деятельность совершаются в конкретно-исторических формах. Всеобщее, особенное и единичное – это одно понятие, как Святая Троица в христианстве – один бог, а не три. Невозможно изучать всеобщее без его единичных, нельзя изучить яблоко как таковое, не рассмотрев всевозможные сорта яблок. В то же время невозможно изучить яблоко «голден», если не знать, что оно в принципе яблоко. Политэкономика изучает как общие законы производства и воспроизводства жизни, так и конкретно-исторические их воплощения в экономических укладах разных стран и эпох. Лингвистика изучает как общие законы коммуникации, так и конкретно-исторические их воплощения в разных языках разных народов. Психология изучает как общие законы функционирования человеческой психики, так и конкретно-исторические их проявления в психике индивидов и разных общественных групп. Какие вообще науки изучают что-то другое? Поэтому, отдавая культурологии изучение конкретно-исторических форм общественного бытия (якобы в противоположность философии и истории), Флиер отдает ей экономику, политику, религию, язык, право, искусство и т.д. – все на свете, никак не решая, но лишь усугубляя то затруднение, в которое попал Ю. Шор. Правда со сноской, что изучать это все культуролог должен с помощью некоего «специфического культурологического метода» [4], специфика которого, впрочем, остается не менее таинственной, чем предмет культурологии. Многих до сих пор очень забавляет тезис «Экономика должна быть экономной», который уже очень молодой и перенесший несколько инсультов Брежнев зачитал с написанной для него бумажки на XXVI съезде КПСС в 1981 г. Действительно, тавтологическое суждение бессмысленно. Но почему же тогда ничего не объясняющая тавтология о культурологии как специфическом культурологическом методе считается глубокой теоретической мыслью, категорически непонятно. Затем, правда, «культурологический метод» исчезает как призрак отца Гамлета, а его место занимают «культурологический ракурс» и «культурологический подход». Флиер предлагает подходить ко всем формам общественного бытия с ракурса культуры (снова тавтология, поскольку культура у него и является всеми формами общественного бытия), однако неизвестно, на каком основании, вслед за неокантианцами редуцировав ее до одной единственной формы – ценностно-нормативной. Подход с указанного ракурса направляет внимание на «профессио-

нальные культуры»: экономическую, политическую, правовую, религиозную и т.д., что дает возможность заниматься «культурологией экономики», «культурологией политики», «культурологией права», «культурологией религии» в смысле изучения, скажем, политической культуры в противовес политическому бескультурью, варварству. Впрочем, ценности, а значит и культура, есть и у самых диких варваров, у племен, до сих пор живущих в условиях каменного века или в приближенных к нему условиях. Этнография неплохо справляется с изучением их ценностей и норм поведения, а психология худо-бедно справляется с поведением нас, современных людей. Нормами поведения, зафиксированными в виде юридических законов, занимается право, где ценность «не убий» прямо прописана в уголовном кодексе. Такое размытие границ культурологического исследования (культурология всего, ценности всего) напоминает происходившее в свое время с гештальтпсихологией. Л. Выготский остро шутил на тему того, что гештальты были «открыты в физике и химии, в физиологии и биологии, и гештальт, высушенный до логической формулы, оказался в основе мира; создавая мир, бог сказал: да будет гештальт – и стал везде гештальт» [7. С. 307–308].

Создатель научной системы в химии, Д. Менделеев, не был первым классификатором химических элементов. До него уже существовало несколько десятков «точек зрения», «ракурс» и «подходов» к этому вопросу. Заслуга Менделеева не в том, что он выдал еще один очередной «подход», а в том, что синтезировал единственно истинную химическую систему. Конечно, мир многообразен, как многообразны различающиеся в нем химические или культурные процессы. Но единство многообразного (наличие которого только и позволяет говорить о научном познании) не может не предполагать единство описывающей его научной системы. Называть же диалектический монизм абстракцией в противопоставление «конкретности» позитивизма или неокантианства, которые в массе своей используются культурологами как «специфический культурологический метод», мягко говоря, некорректно. Конкретность – не рассмотрение единичных уникальных явлений «здесь и сейчас» (это-то и есть абстрагирование), а познание явлений как противоречивых и исторически обусловленных. Гегель объяснял [8], что абстрактно мыслит рыночная торговка рыбой, для которой человек – это исключительно покупатель, а не многообразное единство его идей, переживаний, ценностей, практической деятельности и т.д. Так, мы часто говорим, что для политика человек превращается в избирателя, в электорат. Это и есть абстрагирование, редуцирование всего многообразия свойств человека до какого-то одного. Но ученый – не торговец рыбой или политическими обещаниями. Сводить многообразие культуры к ценностно-нормативной абстракции – значит принципиально отказать от попытки создать научную систему в культурологии.

Как понять Флиера, который сначала говорит, что «все существующие социальные и гуманитарные науки в конечном счете являются науками о культуре, т.е. знанием о видах, формах и результатах человече-

ской жизнедеятельности» [4], а затем утверждает, что «под культурологией... подразумевается прежде всего этноисторическая социология (и отчасти психология)» [9]? Этноисторическая социология – это социология, а не культурология, равно как молодой человек – это человек, а не муха, с чем вряд ли кто-то решится поспорить. Но если специальной науки о «культуре вообще» создать не получается, а под культурологией «подразумеваются» совсем другие науки, тогда для культурологов путь один – сдать свои дипломы и научные степени. Однако у нас иная точка зрения, которая требует отбросить как бесконечное и бесконечно бесполезное перечисление признаков, так и всякого рода «подразумевания» и наконец-то определить предмет культурологии, который только и может выделить ее в отдельную специальную науку.

Предмет знания является диалектическим отрицанием объекта знания, снятием его, т.е. отрицанием с удержанием. Это продукт познавательной деятельности, тождественный объекту как тождество различного. Не существует отдельно общества и отдельно его культуры, есть только культурное общество, которому культура имманентна как диалектическое отрицание. Общество как бытие, культура как его отрицание в нем самом, т.е. его определенность. Но культурология не может рассматривать общество с его культурой (тогда она превращается, как говорит Флиер, в этноисторическую социологию). Ее зона ответственности – культура общества, т.е. определенность, взятая не как отрицание, а как конкретное целое – качество. Культура – функция общества, как время (момент неравенства с собой) или пространство (момент равенства с собой) – функция материи. Культура порождает общество, но в то же время и общество порождает культуру. Поэтому общество и субъект тоже. Если общество – субъект, а культура – предикат, то культуролог должен изучать не общество «с точки зрения» культуры, а культуру как общественное явление, взятое как реальность, а не как отрицание. Поэтому стоит обратить внимание на суждение философа-постмодерниста В. Подороги: «Культура не субъект, а предикат, “качество”, модус существования сделанного в режиме присвоения» [6].

Общая форма любого суждения: субъект есть предикат. Одному субъекту могут соответствовать большое количество предикатов (роза – красная, роза – колючая, роза – красивая и т.д.), так и объекту научного знания могут соответствовать различные предметы. «Это объясняется тем, – пишет Г. Щедровицкий, – что характер предмета знания зависит не только от того, какой объект он отражает, но и от того, зачем этот предмет сформирован, для решения какой задачи» [10. С. 14]. Определение предмета научного знания дает Л. Науменко: «...“предмет” – это моделированное в знаковой системе одно из свойств (или группа отдельных свойств) многообразного объекта» [11. С. 82].

Гегель говорит, что «существующее нечто есть вещь» [2. С. 514]. Мир же вещей многообразен, и каждая особенная вещь отличается от других вещей своими свойствами. Свойство, являясь категорией сущности, а не бытия, глубже определения – это

устойчивость вещи, определенность, благодаря которой какая-то конкретная вещь есть именно эта вещь, а не другая. Свойства позволяют вещам взаимодействовать друг с другом – теплое передает тепло холодному, холодное нагревается от теплого, мокрое увлажняет сухое и т.д. «Вещь вне свойств, – пишет М. Булатов, – есть вещь в себе. Но такой вещи нет. Из этого следует несостоятельность трансцендентального идеализма Канта, который стоит на признании таких вещей в себе. В них нет ничего определенного, и потому, по Гегелю, тут нечего познавать. Это – абстракция, а не реальность» [12. С. 199].

Общество (культурное) как объект, субстанция абстрактно и многообразно, объект познания обязательно абстрактен, обобщение предполагает абстрагирование. Предмет же конкретен, т.е. взят в единстве со своими свойствами. Предметом изучения культурологии, таким образом, является такое свойство общества (объекта), которое: а) внутренне присуще ему, б) внешне выражается как взаимодействие с самим собой и иными свойствами. Это свойство – способность накапливать и передавать духовный и материальный опыт для выживания и развития человечества. Способность проявляется в различных способах освоения природы и самого человека в его предметно-чувственной деятельности. Такие способы во всем своем многообразии и есть предмет изучения науки культурология.

Принцип историзма в науке требует начала как неразвитого результата, сразу предполагающего результат как развернутое начало – системы. «Вне системы, в механической сумме отдельных теоретических категорий нет и не может быть “понятия”, понимания существа дела. Две железки с соединяющими их деревянными или железобетонными перемычками – еще не железная дорога» [13]. По железной дороге должны ездить поезда и что-либо перевозить, иначе это не действительная железная дорога, не выполняющая свою функцию железная дорога (как просроченный, недействительный билет, который вроде бы есть, но по нему нельзя пойти на концерт). Без функционального единства всех элементов системы железную дорогу изучить и понять невозможно. Отдельно рельсу – да, отдельно шпалу – да, отдельно локомотив – да, а железную дорогу – нет. Носитель культуры – общественный человек – особая система, живая, никаких элементов и частей механического агрегата в ней нет, но есть живое единство полагающих друг друга органов. «Основанием органического единства (органических) частей некоторого целого, – пишет А. Сурмава, – может быть только их противоположность» [13]. Имеется в виду, что органы объединяет в систему человеческого организма не сходство их химостава, а противоположные функции – легкие получают кислород, артерии разносят обогащенную кислородом кровь, а мозг ее потребляет. Самостоятельно друг от друга эти органы существовать не могут и организм погибает без любого из них. А вот без одной почки организм вполне жизнеспособен, поскольку почек две, и они функционально тождественны.

Поэтому в базисе культуры лежат не абстрактные ценности, а единство противоположностей духовной и материальной деятельности, практика. Только там, где есть предметная деятельность, можно говорить о субъекте и предмете, с которым он взаимодействует. А заглянув в чувственно-предметную деятельность, мы увидим «натуральную историю, породившую живых существ, способных к деятельности...» и «...человеческую историю, породившую... живых индивидов, владеющих человеческими орудиями деятельности (мышления) “и прежде всего” – орудиями труда» [14]. В единстве противоположностей мира людей и мира вещей, взаимодействие которых осуществляется посредством орудий труда, рождается культура.

В культурологическом сообществе десятилетиями не прекращаются дискуссии о том, что такое культура, что конкретно изучает наука культурология, каковы ее строго очерченные объект, предмет и метод, наука ли культурология вообще? Последний вопрос объективно вытекает, с одной стороны, из необходимости культурологов понять (понятно, а не интуитивно), чем конкретно они занимаются, а с другой – из, прежде всего, идеологически-мотивированного нежелания использовать для обретения этого понимания таких методологий, которые в принципе предполагают системность и не строятся при этом на предпосылках, которые принципиально невозможно доказать. Тридцатилетняя безуспешная попытка создания «теории культуры вместо исторического материализма» привела к тому, что сами культурологи уже сомневаются, а существует ли такая наука – культурология. И если в том, что объектом изучения науки о культуре является общество (только общественное животное – человек – может быть носителем культуры) сегодня мало кто сомневается, то с выделением предмета исследования происходит самая настоящая катастрофа. Как его вычленишь, если культура бесконечно многообразна и является по сути в любых формах человеческой деятельности? Но данное затруднение возникает только там, где нет понимания диалектического тождества формы и содержания, единичного и всеобщего, там, где господствуют субъективистские подходы к культурологической науке – волюнтаризм, позитивизм и неокантианство.

Следование таким подходам приводит к трем основным квазирешениям: либо уйти от вопроса, заявив, что гуманитарные науки слишком «личностны» и «субъективны», чтобы как-то ограничивать их, совершая насилие над творческой бесконечностью человеческой мысли, либо уйти от вопроса, заявив, что культурологий столько же, сколько культурологов, либо абстрактно и однобоко редуцировать предмет

культурологии к изучению морально-нравственных или, например, символических форм общественной жизни, что никак не охватывает все многообразие культурных феноменов. Необходимость же охватить всю культуру искушает сказать, что культурология изучает все на свете (политику, экономику, право, религию, искусство и т.д.), но только с помощью некоего таинственного «культурологического подхода», «культурологической точки зрения», о которых много рассуждают, но общепринятой системной теории которых как не было, так и нет. И это понятно, точки зрения могут сформировать лишь эклектическую совокупность точек зрения, но никак не систему.

Слишком широкое или, наоборот, слишком узкое определение предмета культурологии доводит культурологов до абсурда – по сути до отказа от специализации, до растворения своей области знания в социологии, психологии, этнографии, лингвистике. И приставка «культурологическая» к этим дисциплинам решает проблему не более, чем засовывание страусом головы в песок. В то же время исторический материализм, который вполне может быть методологическим компасом, ограничивающим рамки научного исследования и не позволяющим ему сбиться в абстрактно-субъективистские дебри, мыслится популярными теоретиками культуры как нечто, что в науке следует преодолеть.

Но если мыслить иначе, вдруг оказывается, что предмет – это всего лишь одно из свойств многообразного объекта, изучение которого заключается не просто в определении того, какой объект он отражает, но и того, зачем, с какой целью этот предмет формируется. Многообразии заключается в единстве функционально противоположных форм. Поэтому, если культура – это все формы общественной деятельности, то в ее базисе не может лежать одна форма (скажем, ценности), а только единство противоположностей основных форм деятельности: духовной и материальной. Культура вместе с обществом исторически рождается из развивающейся природы, становится очеловеченной природой, миром вещей. Между миром людей и миром вещей также возникает противоречивое взаимодействие, опосредствованное орудиями труда, с помощью которых эти вещи создаются. Предмет изучения культурологии – такое свойство общества (объекта), которое: а) внутренне присуще ему, б) внешне выражается как взаимодействие с самим собой и иными свойствами. Это свойство – выражающаяся в различных способах освоения природы и самого человека в его предметно-чувственной деятельности способность накапливать и передавать духовный и материальный опыт с целью выживания и развития человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каган М.С. Философия культуры : учеб. пособие. СПб. : Санкт-Петербург, 1996. 310 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М. : АСТ, 2019. 912 с.
3. Попов М.В. Диалектика как метод философии истории : учеб. пособие. Невинномысск : Изд-во Невинномыс. ин-та экон., упр. и права, 2010. 64 с.
4. Флиер А.Я. Современная культурология: объект, предмет, структура // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 124–145.
5. Флиер А.Я. Теория культуры вместо исторического материализма // Общественные науки и современность. 1993. № 2. С. 135–139.
6. Культурология как наука: за и против // Вопросы философии. 2008. № 11. С. 3–32.
7. Выготский Л.С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1: Исторический смысл психологического кризиса. М. : Педагогика, 1982. С. 291–436.

8. Гегель Г.В. Кто мыслит абстрактно? // Культурно-историческая психология. 2006. Т. 2, № 2. С. 29–31.
9. Флиер А.Я. Культурология как гуманитарная наука // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 160–168.
10. Щедровицкий Г.П. Проблемы методологии системного исследования. М., 1964. 48 с.
11. Науменко Л.К. Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата : Наука, 1968. 328 с.
12. Булатов М.А. Немецкая классическая философия : в 2 ч. Ч. II: Гегель. Фейербах. Киев : Стилос, 2006. 544 с.
13. Сурмава А.В. Диалектическая психология: драма становления // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 4. С. 25–39.
14. Сурмава А.В. Спиноза в науке о предметной деятельности. 2018. URL: https://www.academia.edu/38254667/31_01_19

Статья представлена научной редакцией «Философия» 9 ноября 2021 г.

Object and Subject of Cultural Studies: Why the Obvious Has Become a Perplexity

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 126–131.

DOI: 10.17223/15617793/473/15

Pavel V. Volkov, National Pedagogical Dragomanov University (Kyiv, Ukraine). E-mail: pvolkov84@yahoo.com

Keywords: cultural studies; object; subject; neo-Kantianism; dialectics; activity; society.

For decades, the culturological community has been holding discussions about what culture is, what exactly the science of culturology studies, what its strictly outlined object, subject, and method are, whether it is a science at all. A 30-year-long unsuccessful attempt to create a “theory of culture instead of historical materialism” has led to the fact that culturologists themselves are already doubting whether there is such a science – culturology. How to isolate a specific subject of cultural studies, if culture is infinitely diverse and presents itself, in fact, in any form of human activity? However, this difficulty arises only when there is no understanding of the dialectical identity of form and content, the individual and the universal, when subjectivist approaches to culturological science – voluntarism, positivism, and neo-Kantianism – dominate. Following such approaches leads to three main quasi-solutions: either getting away from the question, stating that the humanities are too “personal” and “subjective” to somehow limit them and committing violence against the creative infinity of human thought, or getting away from the question, saying that there are as many culturologies as there are culturologists, or abstractly and one-sidedly reducing the subject of cultural studies to the study of the moral, ethical, or, for example, symbolic forms of social life, which in no way covers the entire diversity of cultural phenomena. The need to cover the entire culture tempts to say that culturology studies everything in the world (politics, economics, law, religion, art, etc.), but only with the help of some mysterious “culturological approach”, “culturological point of view” about which they argue a lot, but the generally accepted systemic theory of which does not exist. This is understandable: points of view can only form an eclectic set of points of view, but not a system. Comprehending the problem with the help of dialectical logic, the author concludes that a subject is one of the properties of a diverse object. Diversity consists in the unity of functionally opposite forms. Therefore, if culture is all forms of social activity, then one form (say, values) cannot lie in its basis – only the unity of opposites of the main forms of activity: spiritual and material. Culture together with society is historically born from the developing nature, becomes a humanized nature, a world of things. A contradictory interaction also arises between the world of people and the world of things, mediated by the tools of labor, with the help of which these things are created. The subject of cultural studies is such a property of a society (object), which: a) is inherent in it, b) is externally expressed as interaction with oneself and other properties. This property is the ability to accumulate and transfer spiritual and material experience in order to survive and develop the humankind, expressed in various ways of mastering nature and people themselves in their objective-sensory activity.

REFERENCES

1. Kagan, M.S. (1996) *Filosofiya kul'tury: ucheb. posobie* [Philosophy of culture: textbook]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburg.
2. Hegel, G.W.F. (2019) *Nauka logiki* [Science of logic]. Translated from German. Moscow: AST.
3. Popov, M.V. (2010) *Dialektika kak metod filosofii istorii: ucheb. posobie* [Dialectics as a method of the philosophy of history: textbook]. Nevinnomyssk: Nevinnomyssk Institute of Economics, Management, and Law.
4. Flier, A.Ya. (1997) *Sovremennaya kul'turologiya: ob'ekt, predmet, struktura* [Modern Cultural Studies: Object, Subject, Structure]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2. pp. 124–145.
5. Flier, A.Ya. (1993) *Teoriya kul'tury vmesto istoricheskogo materializma* [Theory of Culture Instead of Historical Materialism]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2. pp. 135–139.
6. *Voprosy filosofii*. (2008) *Kul'turologiya kak nauka: za i protiv* [Culturology as a science: pros and cons]. 11. pp. 3–32.
7. Vygotskiy, L.S. (1982) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected works: in 6 volumes]. Vol. 1. Moscow: Pedagogika. pp. 291–436.
8. Hegel, G.W.F. (2006) *Kto myslit abstraktno?* [Who thinks abstractly?]. Translated from German. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*. 2 (2). pp. 29–31.
9. Flier, A.Ya. (2005) *Kul'turologiya kak gumanitarnaya nauka* [Culturology as a Humanitarian Science]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1. pp. 160–168.
10. Shchedrovitskiy, G.P. (1964) *Problemy metodologii sistemnogo issledovaniya* [Problems of system research methodology]. Moscow: Znanie.
11. Науменко, Л.К. (1968) *Monizm kak printsip dialekticheskoy logiki* [Monism as a principle of dialectical logic]. Алма-Ата: Наука.
12. Булатов, М.А. (2006) *Nemetskaya klassicheskaya filosofiya: v 2 ch.* [German classical philosophy: in 2 parts]. Part II. Kyiv: Stilos.
13. Surmava, A.V. (2007) *Dialekticheskaya psikhologiya: drama stanovleniya* [Dialectical psychology: the drama of formation]. *Metodologiya i istoriya psikhologii*. 2 (4). pp. 25–39.
14. Surmava, A.V. (2018) *Spinoza v nauke o predmetnoy deyatel'nosti* [Spinoza in the science of objective activity]. [Online] Available from: https://www.academia.edu/38254667/31_01_19

Received: 09 November 2021

Н.С. Розов

МАКРОСОЦИАЛЬНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Рассматриваются ранние этапы складывания и развития языков от завершения антропогенеза и выхода сапиенсов из Африки до переходов к письменности. Эпохи характеризуются отсутствием прямых данных о языковых реалиях, поэтому опорой для суждений служат общие социальные закономерности, а также этнографические аналогии, в частности, реконструированные социальные структуры и языковое состояние индейцев Северной Америки.

Ключевые слова: эволюционная лингвистика; макросоциальные закономерности; геополитика; геокультура; геоэкономика

Африканский «котел сапиентации» и эффект катастрофы «вулканической зимы»

Древнейшие гоминиды, затем протосапиенсы и ранние сапиенсы жили малыми группами, максимум альянсами групп. Это означает, что изначальное разнообразие групповых коммуникативных практик было весьма велико.

Африканские эректусы и протосапиенсы после уверенного освоения огня и прогресса охотничьих практик (ок. 350–200 тыс. лет назад), вследствие демографического роста, относительно быстрых изменений климата, ландшафтов, роста географической стесненности, все чаще мигрировали, сталкивались между собой, конфликтовали, воевали и образовывали союзы, подкреплявшиеся перекрестными браками. При этом число первых протоязыков закономерно сокращалось по мере межгруппового отбора и включения выживших групп в альянсы.

Климатические бедствия производили самый суровый отбор среди групп, их альянсов, а значит языковых сообществ. Самое узкое «бутылочное горлышко» ученые связывают с «вулканической зимой» после извержения индонезийского вулкана Тоба ок. 74 тыс. лет назад [1, 2]. Катастрофа резко сократила популяцию ранних сапиенсов. Выживали те, кто лучше приспособился, овладевал практиками межгрупповой поддержки и взаимопомощи. Этот «ценз» прямо связан с уровнем развития речевой коммуникации. Условно примем в качестве среднего числа членов сообщества с отдельным языком 50–100 чел. Тогда получается, что в период минимальной численности сапиенсов на всей планете (по средней оценке 15 тыс. чел.) в Африке существовало 150–300 языковых сообществ и столько же древнейших языков. Именно эти группы и альянсы ранних сапиенсов стали бурно плодиться при восстановлении климата и пищевой базы, заняли все ранее пригодные для жизни земли Африки, а многие стали по мере возможностей проникать в Евразию.

В результате «эффекта основателей» выжившие после «бутылочного горлышка» сообщества стали прародителями человечества, а их языки – прародителями всех последующих языков. Число современных языковых семей составляет примерно 200–250 (<https://www.ethnologue.com/browse/families>), что вполне соответствует числу древнейших языковых сообществ в эпоху самого узкого «бутылочного горлышка».

Дефицит данных о последующем развитии языков вынуждает с особым вниманием отнестись к общим принципам и закономерностям.

Закономерности языковой эволюции в преистории

Если численность языкового сообщества растет, то при росте демографического давления части его мигрируют, ищут безопасные, богатые ресурсами, привлекательные по остальным параметрам места для жизни, входят в конфликтные или мирные отношения с туземными сообществами.

Миграции приводят как к расхождению диалектов и языков, так и к их взаимопроникновению с соседними языками благодаря новым контактам переселившихся языковых сообществ.

В условиях долгой изоляции мигрантов от материнского сообщества и других мигрантов, ранее общий язык распадается на диалекты или даже на самостоятельные языки, но они остаются в одной семье, находятся между собой в «настоящем» – лингвогенетическом – родстве.

При *долгих тесных взаимодействиях*, политической, экономической и культурной (особенно религиозной) интеграции сообществ с разными диалектами, особенно при свободных и частых перекрестных браках, диалекты сливаются в общий язык или побеждает диалект господствующей группы.

Язык может также в своем развитии *отдаляться от соседних языков при отчуждении* (особенно религиозном) и рецидивизирующих войнах.

Языковая непрерывность и диглоссия вместо единого «праязыка»

Согласно классической концепции языковой непрерывности (Адольф Пикте), живущие на окраинах смежных сообществ понимают друг друга, а по мере удаленности языковых сообществ их способность к взаимопониманию ступенчато снижается. Такую картину в Новой Гвинее в 1870–1880-х гг. наблюдал Н.Н. Миклухо-Маклай. Исследователи обнаружили сходную языковую обстановку в ойкуменах Австралии, Африки, Океании. Данную модель подтверждают также *диалектные континуумы* – достаточно частое явление (в Западной Европе, на Балканах и не только).

Жизнь североамериканских индейцев Великих Равнин представляла более сложную картину, еще не деформированную европейским нашествием. Этот

случай интересен структурным сходством с более ранним заселением сапиенсами просторов Евразии.

Европейцы застали в Северной Америке ок. 600 индейских племен с 396 языками. Многие племена, особенно на Великих Равнинах, объединялись в военно-политические союзы – лиги, или конфедерации. Существовали и другие социальные формы, связывающие племена: фратрии, разнообразные открытые и закрытые, даже тайные, общества типа братств, клубов и др. [З. С. 103–106]. Происходили спорадические конфликты, проводились регулярные ритуальные встречи с переговорами, пирами, учреждением новых альянсов. Это был динамичный политический и культурный мир с богатством языков и мифов, изощренной брачной политикой, сложными системами родства. Сложная социальная структура была связана с тем, что многие индейцы владели не одним, а двумя и даже более языками. Остатки этого явления фиксируются по сию пору [З. С. 49].

Вернемся к эпохе заселения Евразии сапиенсами ок. 55–20 тыс. лет назад. Обе модели – языковая непрерывность контактирующих локальных сообществ и сложная динамичная структура с иерархиями – не противоречат друг другу, а скорее, взаимодополнительны.

В центральных богатых ресурсами областях следует ожидать большую плотность населения, частые контакты и сложные структуры альянсов. Здесь люди, особенно вожди и члены сквозных сообществ, связывающих племена, в том числе отдаленные, владели наряду с местным родным также одним, двумя или более языками соседей либо же *региональными* языками межплеменного общения. Здесь имела место, как минимум *диглоссия* – двуязычие.

На бедных ресурсами окраинах локальные поселения были более изолированы, общение ограничивалось контактами с соседями, поэтому здесь, скорее, следует ожидать близость к модели «языковой непрерывности».

Даже речи не может быть о каком-то едином «ностратическом» или даже «праиндоевропейском» языке, который будто бы разделился на десятки языковых семей.

Переход к неолиту, этногенез и политическая эволюция

Наиболее интенсивно практики животноводства и земледелия развивались в долине Нила и «плодородном треугольнике» (Средний Восток), в других плодородных долинах (Инд, Хуанхэ). С переходом к неолиту и оседлости ранее зачаточные процессы *этногенеза* обрели настоящую силу. Шла *политическая эволюция* (по Р. Карнейро) вначале в регионах наибольшей географической (долины Нила и Инда, Месопотамия, побережье нынешнего Перу) и социальной стесненности (долины Мехико и Хуанхэ).

Вследствие войн и образования союзов чифдомы, или вождества, сменялись сложными чифдомами, за которыми следовали протогосударства, государства и, наконец, империи [4].

Языки и диалекты, будучи в некотором смысле *симбионтами* языковых сообществ самого разного масштаба, эволюционировали в тесном сопряжении с геополитическими и другими макросоциальными процессами.

Формирование крупных общностей и миросистемные языки

С давних времен общества, государства, политики объединялись через завоевания, обмена и культурную диффузию (преимущественно религиозное мессианство) в *миросистемы* трех соответствующих типов:

– рыхлые, неустойчивые *мир-империи* и более централизованные, крепкие *империи* с военно-политическими принудительными связями;

– *мир-экономики* со товарным обменом, как правило несимметричным;

– *культурно-религиозные ойкумены* [5, 6].

Цивилизации как поликультурные общности складывались первоначально на основе миросистемы того или иного типа, но со временем дополнялись связями всех типов в силу всегда продолжавшейся геополитической, геоэкономической и геокультурной динамики.

В миросистемах складывались языки, охватывающие множество обществ, политий с их региональными языками и малыми местными языками, диалектами, говорами.

Таковыми были *имперские языки*, распространявшиеся из завоевательного хатленда, различные *lingva franca* в сети торговых узлов (наряду со языком средиземноморской сети, давшим это имя) и *священные языки*, на которых были написаны основополагающие книги прозелитических, в том числе мировых, религий.

Языки межэтнического и транснационального общения могут менять свой характер, соединять в себе разные черты (таковы египетский, шумерский, аккадский, койне, латынь, иврит, арабский, тюркский и турецкий, санскрит, авестийский, древнеперсидский, древнекитайский, древнерусский, древнескандинавский, древнегерманский, *науатль* – язык ацтеков, *кечуа* – язык инков и др.). Поэтому далее для простоты все языки, охватывающие крупную многоязычную ойкумену, будем называть *миросистемными*.

Макросоциальные факторы развития языков в эпоху государств, империй и первых мир-экономик

Укрупнение политий от вождеств до государств и империй должно было вести к ступенчатому уменьшению числа *региональных* языков. Действительно, одни политии проигрывали войны, уничтожались как целостные структуры, их правящие этнические группы теряли легитимность, рассыпались, что вело и к дискредитации, подавлению их языка. Другие политии подчинялись новому гегемону, встраивались в имперскую структуру, их элиты стремились или полностью перенять язык победителей, становящийся *миросистемным*, или приспособить к нему свой язык.

Геополитические процессы включают все изменения в структурах военно-политического контроля над территориями. Эти факторы языковых изменений являются самыми мощными, поскольку вызывают крупные сдвиги во всех остальных сферах (от миграций до социальных революций), формируют отношения солидарности, престижа, вражды, отчуждения.

Завоеватели навязывают свой язык, хотя бы для осуществления принудительных практик, но устранить языковое многообразие они не были способны до позднейших времен.

Большой и прочный успех языковой экспансии достигается только при достижении легитимности нового правления (обычно через прозелитическую религию). В противном случае к навязываемому языку-гегемону растет враждебность, а языки завоеванных окраин становятся мобилизующими знаменами тлеющих или разгорающихся национально-освободительных (сепаратистских) движений [5. С. 425–436].

Еще есть третий вариант, видимо, распространенный в эпоху, когда завоевания вели не столько государства с армиями, чиновниками и священством, сколько *подвижные орды, преимущественно состоявшие из мужчин*. Захватив власть в стране, они неизбежно оставляли смешанное потомство, растворялись в местной популяции, вероятно, составляя костяк местной элиты – правителей-военачальников, нобилей-землевладельцев и высшего священства. Без институциональной и семейной поддержки их язык исчезал, но *значительная лексическая инфильтрация, скорее всего, имела место*, причем на обширных пространствах.

Геокультурные процессы связаны, прежде всего, с распространением религий и идеологий, с динамикой престижа обществ, государств, народов, соответственно, со сменами направленности продвижения культурных образцов. Распространение разнообразных культов вполне можно считать легитимирующей частью военно-политических процессов. С появлением письменности и специализированных жреческих организаций, монастырских школ, центров, способных переписывать старые тексты и производить новые, готовить миссионеров, геокультура обрела автономную динамику, хотя еще долгое время тесно сопрягалась с геополитикой (неслучайно священники сопутствовали военным).

Геоэкономические процессы представляют собой коммерческие контакты (в самом широком смысле), пересекающие политические границы, а значит, почти всегда и языковые границы [6]. Вследствие этих контактов образуются пиджины, а также происходит инфильтрация одного языка (как правило, принадлежащего геоэкономическому гегемону как более престижному) в языки сообществ-партнеров (более бедных, периферийных, отсталых).

Факторы развития языков внутри обществ

Сообщества и государства реализуют языковые стратегии через контроль над образованием, а родители – через языковое обучение детей в семьях, принуждение к тому, чтобы они говорили на своем «пра-

вильном» языке, не говорили на чужом и чуждом языке «врагов», «угнетателей» или «дикарей».

Изменения в классовой, сословной и этнической сферах неизбежно сказываются на языковой конфигурации в обществе, но через сложные механизмы, пока что недостаточно изученные. Следующие принципы представляются важнейшими.

Формирование «основного языка», доминирующего в обществе (а иногда и в своей языковой семье), является закономерным следствием политического, экономического, культурного, а значит, и лингвистического господства одной группы, как правило, высших и средних слоев столицы или хартленда [5. С. 131–195].

Язык всегда является маркером статуса и принадлежности к слою или сообществу. Находящиеся «внутри» обычно стремятся утвердить свой статус, а следовательно, сохранить языковые особенности.

Стремящиеся попасть в более престижный круг подражают его языку.

Отвергнутые и испытывающие отчуждение к такому кругу склонны и отдалять от него свой говор (диалект) либо вовсе переходить на иной язык (например, язык потенциальной союзной державы или охватывающей державы для ирреденты).

Чем больше браков между представителями языковых сообществ, тем сильнее языки будут интегрироваться. Если браки между частями языкового сообщества прекращаются (из-за политического распада, религиозного раскола, серии войн), то будут расходиться и говоры вплоть до формирования диалектов. Минимизация остальных контактов (торговли, культурных обменов) ведет к обособлению диалектов в языки.

При относительной социальной стабильности вышеуказанные закономерности действуют вместе и ведут к сложным конфигурациям языкового разнообразия в каждом обществе и между ними.

В периоды социальных потрясений языки также переживают быстрые и существенные пертурбации. Так, язык, диалект и даже говор (характерный, для определенной профессиональной, этнической или конфессиональной группы) могут стать маркером «своих» в мятежах и революциях. При политической победе восставших именно этот вариант языка будет иметь лучшие шансы на распространение.

Уровни общности миросистемных, государственных, региональных языков не могли быть одинаковыми в разных ойкуменах, странах или местностях. Они были выше при более централизованном управлении, лучших коммуникациях, развитой бюрократии и торговле. При географической расчлененности (например, горами), низкой централизованности, слабой зачаточной бюрократии и при отсутствии межрегиональной торговли региональные языки сильнее отличались друг от друга и от доминирующего языка столицы (имперского, государственного).

Формирующая роль переходов к письменности

Неслучайно именно *миросистемные языки первыми получали письменную форму*. Содержание древнейших надписей на храмовых стенах, мемориалах, стеллах и других культовых сооружениях имеет рели-

гиозно-мифологический, генеалогический, имперско-административный, правовой характер (границы между этими аспектами были весьма зыбкими, если вообще присутствовали). Таким образом, самые ранние известные нам языки, представленные в записанных текстах (а не теоретически реконструированные), являются *языками империй и имперских религий*.

Письменность играла роль *структуры*, обеспечивавшей административные, фискальные, легитимационные *заботы империй*, *экономические заботы* фиксации торговых документов и бухгалтерских записей, *религиозные заботы* унификации и распространения священных текстов.

Позднейшие переходы к письменности региональных и местных языков всегда были связаны с *национальной и этнической политикой*: с появлением и заботами легитимации новых государств, с культурной политикой империй в отношении «варварских» провинций, с подъемами этнического самосознания и т.п.

Кодификация устной стихии в письме была во многих случаях *настоящим созданием самого языка*. Иными словами, каждому из современных языков (в частности, европейских), известных по первым зафиксированным текстам (например, глоссам – вкраплениям в латинские тексты, правовым кодексам, переводам Библии или ее частей), *не предшествовал какой-то готовый устный язык*, а предтечей была сложная языковая обстановка: множество говоров, диалектов, один или более языков межэтнического общения (региональных, «священных», администра-

тивных), уже записанные языки соседних сообществ, доступные конкурирующие азбуки и т.д.

Процесс обретения письменности всегда был творческим процессом, в котором к языку, выбранному в качестве базового, присоединялись разнородные элементы языкового окружения при огромном влиянии геополитических и геокультурных (конфессиональных, идеологических) факторов.

Следовало закрепить «правильное» написание вариантов каждого слова, «правильные» грамматические конструкции при наличии множества диалектных версий. Отчасти вследствие сложившейся политической, культурной конфигурации (на кого хочется быть более похожим, а от кого отдалиться), отчасти из-за случайных и субъективных факторов (кто именно взялся за создание письменного языка данного народа, его образование, геокультурные и политические предпочтения) выбирался тот или иной вариант либо, что наиболее вероятно, какой-то компромисс доступных вариантов.

Тем самым в новой национальной письменности закреплялись принятые ранее *местные варианты произношения* слов, написанных на более раннем *миросистемном* – имперском и/или священном языке. Именно зафиксированный таким образом вариант становился официальным национальным языком, а остальные варианты (ранее равноправные с ним) оставались в статусе диалектов, говоров.

Рассуждения и сформулированные принципы призваны стать полезными эвристиками в мультидисциплинарных исследованиях языковой эволюции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Williams M.A.J., Ambrose S.H., van der Kaars S., Ruehleman C., Chattopadhyaya U., Pal J., Chauhan P.R. Environmental impact of the 73ka Toba super-eruption in South Asia // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. 2009. № 284, Vol. 3–4. P. 295–314.
2. Osipov S., Stenichikov G., Tsigaridis K., LeGrande A.N., Bauer S.E., Fnais M., Lelieveld J. The Toba supervolcano eruption caused severe tropical stratospheric ozone depletion // *Communications Earth and Environment*. 2021. № 2. P. 71. URL: <https://www.nature.com/articles/s43247-021-00141-7>
3. Уайт Д.М. Индейцы Северной Америки. Быт, религия, культура. М.: Центрполиграф, 2006. 314 с.
4. Карнейро Р.Л. Теория происхождения государства // *Раннее государство, его альтернативы и аналогии*: сб. ст. / под ред. Л.Е. Гринина [и др.]. Волгоград: Учитель, 2006. С. 55–70.
5. Коллинз Р. Макроистория: опыты социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015. 499 с.
6. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. 248 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 9 ноября 2021 г.

Macrosocial Regularities of Language Evolution

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 132–136.

DOI: 10.17223/15617793/473/16

Nikolai S. Rozov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: nrozov@gmail.com

Keywords: evolutionary linguistics; macrosocial patterns; geopolitics; geoculture; geoeconomics.

The aim of the article is to unite into a single conceptual whole studies of glottogenesis as the origin and early evolution of languages during the formation of Homo Sapiens and in preliterate epochs of prehistory, studies of the political evolution of tribes, chiefdoms, polities, studies of the formation of states, empires, world-economies, civilizational analysis, historical sociolinguistics, reconstruction of proto-languages – areas of research that are very heterogeneous and still almost isolated from each other. The main difficulty of the approach is the lack of direct data (empirical material) about linguistic evolution in the preliterate era. Therefore, the construction of a holistic picture of linguistic evolution is forced to rely on general macrosocial patterns, ethnographic analogies, and their comparison with indirect data from such areas as paleoclimatology, paleogeography, archeology, sociolinguistics. Not so much the conclusions as the most probable scenarios and patterns of global linguistic evolution are reconstructed on these foundations as follows. The African “cauldron of sapientation” up to 80–70 thousand years ago functioned thanks to the interaction of many groups of hominids and strict selection between them. The effect of the “volcanic winter” catastrophe approximately 74 thousand years ago led to depopulation as a result of which groups and alliances of early Sapiens (about 200 linguistic communities) with the highest level of cognitive abilities survived in Africa. This level was distinguished by the already fully developed languages, with which the Sapiens began to settle in Eurasia, on other continents, on the islands of Oceania. Probably, these ancient languages became the

progenitors of all languages known today, traditionally united in 150–200 language families. It is shown that the further evolution of languages was closely associated with the political evolution according to Robert Carneiro (from villages and chiefdoms to states and empires). More or less well-known features of the societies and languages of North American Indians are used as an analogy for the social and linguistic evolution of the Sapiens in Eurasia. A summary of the known patterns of linguistic changes due to geopolitical, geocultural and geoeconomic shifts, as well as in connection with social dynamics within societies is presented. The main roles were played by conquests, resettlements, military-political alliances, religious and trade relations, and marriage policy. In societies, languages are influenced in a certain way by shifts in class and estate structure, in interethnic relations. Particular attention is paid to the transition to writing. Mastering writing has always been a creative process in which heterogeneous elements of the linguistic environment were used. Partly because of the prevailing political and cultural configuration, partly because of random and subjective factors, one or another language option was chosen, or, most likely, it was some kind of a compromise from the available options. It is this compromise variant that became the official national language, while the rest (previously equated to it) variants remained in the status of dialects.

REFERENCES

1. Williams, M.A.J. et al. (2009) Environmental impact of the 73ka Toba super-eruption in South Asia. *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. 3–4 (284), pp. 295–314.
2. Osipov, S. et al. (2021) The Toba supervolcano eruption caused severe tropical stratospheric ozone depletion. *Communications Earth and Environment*. 2. [Online] Available from: <https://www.nature.com/articles/s43247-021-00141-7>
3. White, J.M. (2006) *Indeytsy Severnoy Ameriki. Byt, religiya, kul'tura* [Everyday Life of the North American Indians]. Moscow: Tsentrpoligraf.
4. Carneiro, R.L. (2006) *Teoriya proiskhozhdeniya gosudarstva* [A theory of the origin of the state]. Translated from English. In: Grinin, L.E. et al. (eds) *Ranee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi* [Early state, its alternatives and analogues]. Volgograd: Uchitel'. pp. 55–70.
5. Collins, R. (2015) *Makroistoriya: opyty sotsiologii bol'shoy dlitel'nosti* [Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run]. Translated from English. Moscow: URSS.
6. Wallerstein, I. (2006) *Mirosistemnyy analiz: Vvedenie* [World-systems analysis: An introduction]. Translated from English. Moscow: Territoriya budushchego.

Received: 09 November 2021

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.6; 316.7

Т.Г. Бохан, М.В. Шабаловская, О.В. Терехина, А.Л. Ульянич

СУБЪЕКТИВНОЕ КАЧЕСТВО ЖИЗНИ КАК ИНДИКАТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Становление идентичности как психологического фактора субъективной оценки качества жизни у молодежи в поликультурной среде университетов (кросскультурные исследования)» (грант № 19-413-700007).

Представлены результаты эмпирического исследования когнитивного, эмоционального и мотивационного компонентов субъективного качества жизни у представителей студенчества различных культуральных групп. Выявлены типы характеристик компонентов субъективного качества жизни, указывающие на психологическую безопасность и риски ее нарушения. Обобщены результаты исследования опосредующих факторов связи представлений о счастье с удовлетворенностью жизнью с учетом культурального аспекта.

Ключевые слова: международная образовательная миграция; студенческая молодежь; субъективное качество жизни; компоненты субъективного качества жизни; психологическая безопасность; поликультурная образовательная среда

Высшее образование в Томской области – одна из самых динамично развивающихся отраслей. В дорожных картах томских университетов обязательно присутствует вектор интернационализации, который является критерием международного признания (Томская область : официальный интернет-портал Администрации Томской области. URL: <https://tomsk.gov.ru/Nauchno-obrazovatelnyiy-kompleks> (дата обращения: 24.11.2021)). Иностранцы студенты в условиях образовательной миграции оказываются под влиянием новых и непривычных для них природных, климатических, культуральных, социально-экономических особенностей среды, совокупность которых может определять их качество жизни [1, 2]. Когда объективные средовые факторы воспринимаются как депривирующие, нарушающие психологическую безопасность, происходит снижение качества жизни, которое имеет негативные последствия как для самих студентов (рост неудовлетворенности и отказ от образования), так и для реализации международных программ университетов, престижности российского образования [2].

В то же время использование уникальных особенностей среды и поликультурного пространства университета может предоставлять широкое поле возможностей для саморазвития и самореализации студентов, тем самым делая достижимыми их значимые цели, компенсируя дефициты среды и обеспечивая их психологическую безопасность. Таким образом, субъективное качество жизни может выступать индикатором психологической безопасности жизнедеятельности студентов в условиях образовательной миграции [3, 4]. Психологическая безопасность понимается как «состояние динамического баланса отношений субъекта (к миру, к себе, к другим), его активности и удовлетворенности, соответствующих различным (в том числе угрожающим) влияниям внешнего и внутреннего мира, которое позволяет субъекту сохранять целостность, саморазвиваться, реализовать собственные цели и ценности в процессе жизнедеятельности» [5. С. 88].

Как известно, качество жизни включает в себя объективные и субъективные параметры, указывая, что «проблема исследования качества жизни занимает пограничное место не только в системе отраслей психологического знания, но и в смежных с ней гуманитарных и социальных науках» [6. С. 96]. А.А. Кулик отмечает, что субъективный подход в разработке проблемы качества жизни «центрируется на “ощущаемом индивидом качестве жизни” и связан с изучением потребностей и интересов конкретных людей, которые отражаются в субъективных представлениях, переживаниях, личных мнениях и оценках» [6. С. 97]. А.В. Баранова и В.А. Хашенко в структуре субъективного качества жизни выделяют элементы психологического отношения личности к среде: когнитивные (представления, знания), конативные (мотивационно-потребностные состояния сознания), эмотивные (переживания, оценки, чувства) [6]. С позиции субъективного подхода субъективное качество жизни включает три структурных компонента: ценностно-смысловые ориентации (статический аспект – ядро личностного развития), цели и устремления личности (динамический аспект развития субъектности) и удовлетворенность жизнью (аспект результативности и контроля) [7]. На основе данной модели субъективное качество жизни характеризуется как совокупность ценностно-смысловых ориентаций, целей, устремлений и степень удовлетворенности ими субъектом в соответствии с основными параметрами биожизненных, материальных, духовных и социокультурных потребностей в различных сферах жизнедеятельности человека [8–10].

Учитывая, что этнокультурный мир служит для человека средством развития его этнической индивидуальности, в научной литературе исследуются культурные различия в восприятии субъективных ориентиров в оценке качества жизни, представленном в том числе и в сознании студенческой молодежи [11, 12]; показано, что основные критерии в оценке качества жизни молодежи связаны с возможностями реализации терминальных и инструментальных ценностей

[13]; отмечается, что наполнение представлений о счастье и благополучии может быть различным и зависеть от условий социализации личности, культурной принадлежности [14, 15]. В то же время появляются исследования, в которых показано, что критерии оценки субъективного благополучия в определенных культурах трансформируются в условиях глобализации, международной коммуникации [16].

В данном исследовании мы предположили, что под влиянием новых средовых условий субъективное качество жизни, представленное когнитивным, эмоциональным и мотивационным компонентами, может иметь определенные различия у студентов культуральных групп, что внутри культуральных групп могут быть выделены студенты с показателями субъективного качества жизни, указывающими на психологическую безопасность и риски ее нарушения. Цель: выявить особенности когнитивного, эмоционального и мотивационного компонентов субъективного качества жизни у студентов культуральных групп с последующим определением факторов психологической безопасности и рисков ее нарушения.

Выборка. В исследовании на добровольной основе приняли участие 255 человек в возрасте от 19 до 28 лет, студенты бакалавриата, специалитета и магистратуры разных курсов и направлений подготовки, обучающиеся в вузах г. Томска (НИ ТГУ, ТУСУР, СибГМУ). Выборка разделена на 5 групп по культурной принадлежности: 50 человек из стран Африки (средний возраст с учетом стандартного отклонения $22,7 \pm 3,68$ лет), 50 человек – представители стран Европы ($23,8 \pm 4,22$ лет), 55 участников – представители Индии ($20,5 \pm 1,44$ лет), 50 студентов из Китая ($21,1 \pm 2,64$ лет), 50 участников относятся к российским студентам ($21,9 \pm 1,75$ лет).

Методы. Для иностранных студентов были использованы варианты протоколов исследования на английском и китайском языках. Для определения эмоционального компонента субъективного качества жизни использована Шкала позитивного и негативного аффекта (PANAS) (Д. Уотсон, Л. Кларк, А. Телледжен; в адаптации Е.Н. Осина) [17], которая представляет собой опросник, направленный на изучение широкого спектра позитивных и негативных эмоциональных состояний. Респондент оценивает по 5-балльной шкале Лайкерта то, как он чувствовал себя в течение последних двух недель. Подсчет баллов осуществлялся на основании суммирования баллов и выведения среднего балла положительного аффекта и отрицательного аффекта. Условные критерии интерпретации: 1 – низкий показатель, 2 – пониженный, 3 – средний, 4 – повышенный, 5 – высокий показатель. Опросник использовался для определения эмоционального компонента субъективного качества жизни. Методика характеризуется достаточной согласованностью шкал (альфа Кронбаха – $0,75-0,90$).

Шкала удовлетворенности жизнью (SWL) (Е. Динер, Р. Эммонс, Р. Ларсен, С. Гриффин; в адаптации и валидации Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина) [18] измеряет когнитивный компонент субъективного качества жизни – удовлетворенность жизнью, отражающую общий уровень психологического благопо-

лучия. Респонденту предлагается по 7-балльной шкале оценить, насколько соответствуют ему данные утверждения. Вычисляется общий показатель удовлетворенности жизнью как сумма всех ответов: 0–7 баллов – низкий, 8–14 баллов – пониженный, 15–21 балл – средний, 22–28 баллов – повышенный, 29–35 баллов – высокий. Методика использовалась для выявления особенностей когнитивного компонента субъективного качества жизни, характеризуется достаточной согласованностью шкал (альфа Кронбаха – $0,68-0,81$).

Опросник «Ценности счастья» [15] определяет особенности мотивационного компонента субъективного качества жизни. Опросник состоит из 80 утверждений, объединенных в шкалы по направленности ценностей: ценности самоутверждения и саморазвития, ценности благополучия (физическое здоровье, психическое здоровье, материальное благополучие), группоцентрические (ценности близких социальных связей и социальных отношений), просоциальные (ценности помощи другим, обществу), религиозные (ценности близкой связи с Богом и религиозных убеждений). Респондентам предлагалось по шкале от 1 до 5 баллов оценить, в какой мере они согласны или не согласны с утверждением «Для меня счастье означает...». По каждой шкале определялся средний балл. Методика характеризуется достаточной согласованностью шкал (альфа Кронбаха – $0,71-0,94$).

Обработка данных проводилась в программе SPSS Statistics 23.0 с помощью методов описательной статистики, сравнительного анализа (критерии Крускала–Уоллиса, Т-Стьюдента, Манна–Уитни), иерархического кластерного анализа (метод межгрупповой связи, косинусное расстояние), корреляционного анализа (критерий Спирмена). Для проверки распределения показателей на нормальность использовался критерий Колмогорова–Смирнова. Для определения внутренней согласованности психологических шкал вычислялся коэффициент альфа Кронбаха.

Результаты исследования. Для определения особенностей эмоционального компонента субъективного качества жизни в группах студентов анализировались результаты описательной статистики и сравнительного анализа показателей Шкалы позитивного аффекта и негативного аффекта.

Результаты описательной статистики показывают (табл. 1), что у студентов всех групп доминируют позитивные эмоциональные состояния. У большинства студентов выраженность позитивного аффекта выше среднего, в то время как показатели негативного аффекта у многих студентов всех групп указывают на их пониженный уровень. При этом сравнительный анализ с помощью Н-критерия Крускала–Уоллиса позволил выявить значимые различия в показателях позитивного и негативного аффекта. Парное сравнение показало, что доминирование позитивного аффекта больше выражено в группе индийских студентов по сравнению с китайскими и российскими студентами. Африканские студенты значимо чаще указывают на положительные эмоциональные состояния, чем китайские, европейские и российские студенты. У европейских студентов более высокий показатель положи-

тельного аффекта, чем у китайских. Более выражены позитивные эмоции у российских студентов по сравнению с китайскими. Результаты сравнительного анализа (критерий Манна–Уитни) по Шкале позитивного аффекта и негативного аффекта показали значимо менее выраженные негативные эмоции у африканских студентов по сравнению с российскими и индийскими студентами.

Изучение когнитивного компонента субъективного качества жизни в эмпирических группах студентов с помощью описательной статистики и сравнительного анализа позволило выявить следующие результаты.

Во всех группах студентов (табл. 2) среднее значение общего показателя удовлетворенности жизнью находится в пределах показателей среднего уровня удовлетворенности.

Таблица 1

Показатели позитивного и негативного аффекта в группах студентов (результаты описательной статистики, сравнительного анализа)

Показатели (значения сравнительного анализа Крускала–Уоллиса)*	Группа	min	max	Среднее	Стандартное отклонение	Значения попарного сравнительного анализа Манна–Уитни*
Позитивный аффект N = 34,37; p = 0,00	1	2,63	4,90	3,77	0,59	U(1, 2) = 670,50; p = 0,04 U(1, 4) = 504,00; p = 0,00 U(1, 5) = 724,00; p = 0,04
	2	1,81	4,63	3,46	0,61	U(2, 3) = 698,50; p = 0,00 U(2, 4) = 798,00; p = 0,04
	3	2,27	5,00	3,93	0,61	U(3, 4) = 529,50; p = 0,00 U(3, 5) = 736,50; p = 0,00
	4	1,54	5,00	3,14	0,77	U(4, 5) = 804,00; p = 0,01
	5	2,36	4,72	3,50	0,54	U(1, 3) = 708,00; p = 0,00 U(1, 5) = 639,00; p = 0,00
Негативный аффект N = 11,62; p = 0,02	1	1,18	4,25	2,24	0,74	
	2	1,12	3,43	2,36	0,57	
	3	1,43	3,93	2,63	0,63	
	4	1,31	3,93	2,46	0,64	
	5	1,31	4,50	2,67	0,75	

Примечание: 1 – африканские студенты (n = 50); 2 – европейские студенты (n = 50); 3 – индийские студенты (n = 55); 4 – китайские студенты (n = 50); 5 – российские студенты (n = 50). * Указываются только значимые различия и различия на уровне тенденции; в скобках указаны номера групп, которые сравнивались.

Таблица 2

Показатели удовлетворенности жизнью в группах студентов (результаты описательной статистики, сравнительного анализа)

Показатели (значения сравнительного анализа Крускала–Уоллиса)*	Группа	min	max	Среднее	Стандартное отклонение	Значения попарного сравнительного анализа Манна–Уитни*
Общий показатель удовлетворенности жизнью N = 19,88; p = 0,00	1	9	35	20,92	6,933	U(1, 4) = 663,00; p = 0,01 U(2, 3) = 842,00; p = 0,00 U(2, 4) = 803,50; p = 0,03 U(3, 4) = 670,50; p = 0,00 U(3, 5) = 947,00; p = 0,00
	2	6	27	19,11	4,001	
	3	5	35	21,78	5,881	
	4	5	26	17,10	4,913	
	5	7	30	19,08	5,303	
1. Жизнь близка к идеалу N = 17,58; p = 0,00	1	1	7	4,25	1,750	U(1, 2) = 581,50; p = 0,00 U(1, 4) = 728,50; p = 0,04 U(1, 5) = 727,00; p = 0,04 U(2, 3) = 749,00; p = 0,00 U(3, 4) = 916,50; p = 0,00 U(3, 5) = 928,50; p = 0,01
	2	1	7	3,11	1,599	
	3	1	7	4,28	1,774	
	4	1	6	3,52	1,220	
	5	1	6	3,48	1,399	
2. Условия жизни замечательные N = 15,79; p = 0,00	1	1	7	4,30	1,588	U(1, 4) = 702,00; p = 0,02 U(2, 4) = 749,00; p = 0,00 U(3, 4) = 753,50; p = 0,00 U(4, 5) = 773,00; p = 0,00
	2	1	7	4,33	1,348	
	3	1	7	4,74	1,469	
	4	1	7	3,65	1,391	
	5	2	7	4,52	1,458	
3. Я доволен своей жизнью N = 15,39; p = 0,00	1	1	7	4,62	1,735	U(1, 4) = 651,00; p = 0,00 U(2, 4) = 777,00; p = 0,01 U(3, 4) = 793,00; p = 0,00 U(4, 5) = 765,50; p = 0,00
	2	1	7	4,36	1,417	
	3	1	7	4,80	1,847	
	4	1	7	3,60	1,581	
	5	1	7	4,54	1,529	
4. Получил от жизни все, чего хочу и считаю важным N = 44,78; p = 0,00	1	1	7	4,30	1,870	U(1, 5) = 443,50; p = 0,00 U(2, 3) = 888,00; p = 0,01 U(2, 5) = 500,00; p = 0,00 U(3, 4) = 779,50; p = 0,00 U(3, 5) = 438,50; p = 0,01 U(4, 5) = 737,00; p = 0,00
	2	1	7	4,00	1,508	
	3	1	7	4,83	1,851	
	4	1	7	3,54	1,611	
	5	1	6	2,54	1,288	
5. Если можно прожить жизнь заново, не изменил бы в ней ничего N = 9,63; p = 0,04	1	1	7	3,45	2,160	U(2, 5) = 818,00; p = 0,04 U(3, 5) = 912,00; p = 0,00 U(4, 5) = 761,00; p = 0,00
	2	1	7	3,31	1,743	
	3	1	7	3,13	1,874	
	4	1	6	3,02	1,466	
	5	1	7	4,10	1,871	

Примечание: 1 – африканские студенты (n = 50); 2 – европейские студенты (n = 50); 3 – индийские студенты (n = 55); 4 – китайские студенты (n = 50); 5 – российские студенты (n = 50). * Указываются только значимые различия и различия на уровне тенденции; в скобках указаны номера групп, которые сравнивались.

**Показатели ценностей счастья в группах студентов
(результаты описательной статистики, сравнительного анализа)**

Показатели (значения сравнительного анализа Крускала–Уоллиса)*	Группа	min	max	Среднее	Стандартное отклонение	Значения попарного сравнительного анализа Манна–Уитни*
Ценности самоутверждения и саморазвития N = 14,82; p = 0,00	1	0,03	0,96	0,53	0,28	U(1, 2) = 640,00; p = 0,00
	2	0,00	1,00	0,37	0,28	U(2, 3) = 760,00; p = 0,00
	3	0,00	1,00	0,56	0,29	U(2, 4) = 731,50; p = 0,00
	4	0,00	1,00	0,54	0,31	U(2, 5) = 733,50; p = 0,00
	5	0,03	0,86	0,47	0,18	
Ценности благополучия N = 12,65; p = 0,01	1	0,00	1,00	0,52	0,29	U(1, 2) = 637,50; p = 0,00
	2	0,00	0,96	0,34	0,28	U(2, 3) = 828,00; p = 0,00
	3	0,00	1,00	0,50	0,30	U(2, 4) = 721,00; p = 0,00
	4	0,03	1,00	0,50	0,30	U(2, 5) = 705,00; p = 0,00
	5	0,03	0,80	0,48	0,21	
Группоцентрические ценности N = 23,18; p = 0,00	1	0,00	1,00	0,62	0,31	U(1, 2) = 590,00; p = 0,00
	2	0,00	1,00	0,40	0,29	U(2, 3) = 787,00; p = 0,00
	3	0,00	1,00	0,62	0,33	U(2, 5) = 431,50; p = 0,00
	4	0,00	1,00	0,53	0,34	
	5	0,08	1,00	0,72	0,20	
Просоциальные ценности N = 24,09; p = 0,00	1	0,00	1,00	0,75	0,33	U(1, 2) = 489,50; p = 0,00
	2	0,00	1,00	0,41	0,37	U(1, 4) = 671,00; p = 0,00
	3	0,00	1,00	0,68	0,35	U(2, 3) = 745,50; p = 0,00
	4	0,00	1,00	0,55	0,35	U(2, 5) = 671,00; p = 0,00
	5	0,00	1,00	0,67	0,32	
Религиозные ценности N = 58,35; p = 0,00	1	0,00	1,00	0,70	0,35	U(1, 2) = 403,50; p = 0,00
	2	0,00	1,00	0,25	0,37	U(1, 3) = 757,50; p = 0,00
	3	0,00	1,00	0,45	0,39	U(1, 4) = 372,50; p = 0,00
	4	0,00	1,00	0,23	0,31	U(1, 5) = 255,50; p = 0,00
	5	0,00	1,00	0,13	0,25	U(2, 3) = 901,50; p = 0,01 U(3, 4) = 920,50; p = 0,00 U(4, 5) = 725,00; p = 0,00

Примечание: 1 – африканские студенты (n = 50); 2 – европейские студенты (n = 50); 3 – индийские студенты (n = 55); 4 – китайские студенты (n = 50); 5 – российские студенты (n = 50). * Указываются только значимые различия и различия на уровне тенденции; в скобках указаны номера групп, которые сравнивались.

При этом сравнительный анализ выявил, что значимо выше показатели удовлетворенности жизнью в группе индийских и африканских студентов по сравнению с европейскими, китайскими и российскими студентами. В меньшей степени по сравнению с другими группами удовлетворены жизнью китайские студенты. Африканские и индийские студенты значимо чаще (если сравнивать с европейскими, российскими и китайскими студентами) считают, что их жизнь близка к идеалу. Китайские студенты менее удовлетворены условиями своей жизни и менее довольны своей жизнью, чем студенты остальных эмпирических групп. Российские студенты, в отличие от остальных, значимо в меньшей степени считают, что получили от жизни все, чего хотели. В то же время они, если сравнивать их с европейскими, индийскими и китайскими студентами, при возможности что-то изменить в прошлом оставили бы все как есть, ничего не меняя.

Следующей задачей являлось выявление особенностей мотивационного компонента, представленного пониманием того, что дает ощущение счастья студентам культуральных групп. С этой целью анализировались и сравнивались значимые ценности респондентов (табл. 3).

Данные описательной статистики показывают (табл. 3), что у европейских, индийских, африканских и китайских студентов преобладают в структуре ценностей просоциальные ценности счастья – помощь другим людям и обществу. Российские студенты чувствуют себя счастливыми при реализации группоцен-

трированных ценностей – иметь близких друзей, эмоционально близкие отношения с окружающими, создать семью и т.п. Менее значимыми для переживания счастья в европейской, индийской, китайской и российской группах оказались религиозные ценности, в африканской – ценности физического, психологического и материального благополучия. Сравнительный анализ позволил выявить следующие значимые различия в группах: реализация ценности самоутверждения и саморазвития, собственного физического, эмоционального и материального благополучия, а также группоцентрированные и просоциальные ценности оказались менее значимыми для переживания счастья у европейских студентов. Реализация просоциальных ценностей вызывает переживание счастья у африканских студентов в большей степени, чем у студентов европейской и азиатской культур. Российские и индийские студенты больше испытывают счастье от реализации просоциальных ценностей, чем европейские. Религиозные ценности дают ощущение счастья в большей мере африканским и индийским студентам.

Для определения типов студентов с особенностями субъективного качества жизни как критерия психологической безопасности были использованы иерархический кластерный анализ данных с помощью метода межгрупповой связи (косинусное расстояние) и корреляционный анализ. На основании результатов проведенной кластеризации можно предположить, что выборки студентов всех групп целесообразно разделить на 2 кластера (типа). Сравнительный анализ

(непараметрический U-критерий Манна–Уитни) определил статистически значимые различия по некоторым параметрам субъективного качества жизни. В табл. 4 представлены результаты в группе африканских студентов.

Кластерная группа 1 (48% респондентов) в структуре субъективного качества жизни показала значимо большую представленность негативного аффекта и выраженности ценностей по сравнению с кластерной группой 2 (52% респондентов).

Т а б л и ц а 4

Значимые различия показателей субъективного качества жизни в кластерных группах выборки африканских студентов

Шкалы	Среднее значение/Стандартное отклонение		U-критерий Манна–Уитни	P
	Кластер 1 (n = 24)	Кластер 2 (n = 26)		
Негативный аффект	2,52 ± 0,82	1,98 ± 0,56	120,50	0,03*
Ценности самоутверждения и саморазвития	0,78 ± 0,15	0,33 ± 0,18	13,50	0,00**
Ценности благополучия	0,76 ± 0,16	0,30 ± 0,22	21,50	0,00**
Группоцентрические ценности	0,87 ± 0,10	0,42 ± 0,29	30,50	0,00**
Просоциальные ценности	0,99 ± 0,03	0,61 ± 0,34	42,50	0,00**
Религиозные ценности	0,87 ± 0,22	0,58 ± 0,40	116,50	0,00**

* – уровень значимости на уровне 0,05; ** – на уровне 0,01.

Т а б л и ц а 5

Значимые различия показателей субъективного качества жизни в кластерных группах выборки европейских студентов

Шкалы	Среднее значение/Стандартное отклонение		U-критерий Манна–Уитни	P
	Кластер 1 (n = 27)	Кластер 2 (n = 23)		
Позитивный аффект	3,14 ± 0,53	3,86 ± 0,48	76,50	0,00**
Ценности самоутверждения и саморазвития	0,19 ± 0,12	0,59 ± 0,26	43,00	0,00**
Ценности благополучия	0,14 ± 0,12	0,59 ± 0,23	17,50	0,00**
Группоцентрические ценности	0,23 ± 0,18	0,64 ± 0,24	49,00	0,00**
Просоциальные ценности	0,15 ± 0,19	0,76 ± 0,25	20,50	0,00**
Религиозные ценности	0,05 ± 0,12	0,51 ± 0,25	103,50	0,00**

* – уровень значимости на уровне 0,05; ** – на уровне 0,01.

Т а б л и ц а 6

Значимые различия показателей субъективного качества жизни в кластерных группах выборки индийских студентов

Шкалы	Среднее значение/Стандартное отклонение		U-критерий Манна–Уитни	P
	Кластер 1 (n = 25)	Кластер 2 (n = 30)		
Позитивный аффект	3,57 ± 0,61	4,21 ± 0,45	148,00	0,00**
Ценности самоутверждения и саморазвития	0,31 ± 0,17	0,77 ± 0,19	35,50	0,00**
Ценности благополучия	0,25 ± 0,15	0,71 ± 0,24	52,00	0,00**
Группоцентрические ценности	0,32 ± 0,25	0,87 ± 0,14	32,00	0,00**
Просоциальные ценности	0,35 ± 0,27	0,95 ± 0,11	26,00	0,00**
Религиозные ценности	0,33 ± 0,39	0,55 ± 0,37	232,00	0,04*

* – уровень значимости на уровне 0,05; ** – на уровне 0,01.

Т а б л и ц а 7

Значимые различия показателей субъективного качества жизни в кластерных группах выборки китайских студентов

Шкалы	Среднее значение/Стандартное отклонение		U-критерий Манна–Уитни	P
	Кластер 1 (n = 26)	Кластер 2 (n = 24)		
Ценности самоутверждения и саморазвития	0,27 ± 0,13	0,82 ± 0,16	3,000	0,00**
Ценности благополучия	0,24 ± 0,09	0,78 ± 0,17	0,500	0,00**
Группоцентрические ценности	0,25 ± 0,21	0,82 ± 0,16	16,00	0,00**
Просоциальные ценности	0,29 ± 0,25	0,82 ± 0,21	37,00	0,00**
Религиозные ценности	0,11 ± 0,21	0,37 ± 0,35	153,00	0,00**

* – уровень значимости на уровне 0,05; ** – на уровне 0,01.

Т а б л и ц а 8

Значимые различия показателей субъективного качества жизни в кластерных группах выборки русских студентов

Шкалы	Среднее значение/Стандартное отклонение		U-критерий Манна–Уитни	P
	Кластер 1 (n = 22)	Кластер 2 (n = 28)		
Негативный аффект	2,24 ± 0,60	3,02 ± 0,68	110,50	0,00**
Позитивный аффект	3,71 ± 0,59	3,34 ± 0,45	181,00	0,03*
Общий показатель удовлетворенности жизнью	20,9 ± 5,5	17,6 ± 4,74	180,00	0,03*
Ценности самоутверждения и саморазвития	0,36 ± 0,17	0,55 ± 0,15	121,50	0,00**
Ценности благополучия	0,39 ± 0,18	0,56 ± 0,21	156,50	0,00**
Группоцентрические ценности	0,56 ± 0,20	0,84 ± 0,10	56,50	0,00**
Просоциальные ценности	0,47 ± 0,32	0,82 ± 0,23	107,50	0,00**

* – уровень значимости на уровне 0,05; ** – на уровне 0,01.

В группе европейской выборки (табл. 5) студенты (54% респондентов), входящие в первый кластер, характеризуются менее выраженными показателями позитивного аффекта и ценностей счастья по сравнению с респондентами второй кластерной группы (46% респондентов).

Среди индийских студентов (табл. 6) респонденты первого кластера (50%) характеризуются менее выраженными показателями позитивного аффекта и ценностей счастья по сравнению с респондентами (60%) второй кластерной группы.

В группе китайской выборки (табл. 7) студенты (52% респондент), входящие в первый кластер, характеризуются более низкими показателями всех ценностей счастья по сравнению с кластером 2 (48% респондентов).

В группе русских студентов кластерная группа 1 (44% респондентов) в структуре субъективного качества жизни показала значимо меньшую представленность негативного аффекта, ценностей счастья и большую выраженность позитивного аффекта и удовлетворенности жизнью, чем в кластерной группе 2 (56% респондентов).

Выявлены значимые положительные корреляции: в африканской группе – между просоциальными ценностями и негативным аффектом ($r = 0,374, p \leq 0,05$); в группе европейских студентов – между позитивным аффектом и ценностями самоутверждения, саморазвития ($r = 0,407, p \leq 0,05$), собственного благополучия ($r = 0,478, p \leq 0,05$), группоцентрированными ($r = 0,383, p \leq 0,05$), просоциальными ($r = 0,471, p \leq 0,05$), религиозными ($r = 0,374, p \leq 0,05$); в группе индийских студентов – между позитивным аффектом и ценностями самоутверждения, саморазвития ($r = 0,312, p \leq 0,05$), собственного благополучия ($r = 0,347, p \leq 0,05$), группоцентрированными ($r = 0,372, p \leq 0,05$), просоциальными ($r = 0,310, p \leq 0,05$); в китайской группе – между позитивным аффектом и ценностями самоутверждения, саморазвития ($r = 0,387, p \leq 0,05$), собственного благополучия ($r = 0,316, p \leq 0,05$), группоцентрированными ($r = 0,424, p \leq 0,05$), просоциальными ($r = 0,414, p \leq 0,05$), между общим показателем удовлетворенности жизнью и ценностями самоутверждения, саморазвития ($r = 0,386, p \leq 0,05$), группоцентрированными ($r = 0,389, p \leq 0,05$), просоциальными ($r = 0,384, p \leq 0,05$); в группе российских студентов – слабая ($r = 0,286, p \leq 0,05$) значимая положительная корреляция между просоциальными ценностями и негативным аффектом.

Обсуждение результатов. Большинство студентов всех групп удовлетворены на среднем уровне разными сферами своей жизни (близостью ее к идеалу, условиями жизни и выстроенными взаимоотношениями), их эмоциональные состояния в большинстве случаев характеризуются доминированием положительных эмоций. На основании этих результатов мы можем говорить о психологической безопасности большинства студентов. В то же время средний уровень удовлетворенности жизнью как на уровне когнитивного, так и эмоционального компонентов определяет задачи повышения субъективного качества жизни

и предотвращения его снижения. Для этого важно понимать, реализация каких потребностей и ценностей приносит студентам удовлетворенность, переживание счастья.

Изучение мотивационного компонента субъективного качества жизни показало, что в иерархии ценностей в культуральных группах наиболее значимыми оказались просоциальные ценности для африканских, европейских, индийских и китайских студентов, группоцентрированные ценности доминируют в системе ценностей у российских студентов. У иностранных студентов приоритетной становится возможность оказания помощи другим, служение людям, обществу, что указывает на более зрелое психологическое возрастное новообразование; у российских студентов преобладают ценности позитивных и тесных межличностных отношений с близкими, друзьями.

Менее значимыми для переживания счастья в культуральных группах студентов оказались религиозные ценности, исключение составили африканские студенты, у которых религиозные ценности занимают второе место по значимости и значимо более выражены. Вероятно, что религиозность как вера в близость с Богом, чтение молитв имеет позитивное влияние на уровень психологического благополучия у студентов африканской и индийской групп, что отражается в более высоких показателях позитивного аффекта. Исследователями показано, что религия дает верующему человеку возможность удовлетворить базовую потребность в безопасности, а также помогает в переживании стрессов и кризисов [19]. Реализация просоциальных ценностей вызывает переживание счастья у африканских студентов в большей степени, чем у студентов европейской и азиатской культур, а у российских и индийских студентов – больше, чем у европейских. Важно отметить, что у европейских студентов по сравнению с другими группами значимо менее выражены ценности как эгоцентрированные, так и группоцентрированные. Данный факт не совпадает с мнением о том, что европейская культура – культура индивидуализма. Однако он согласуется с тем, что при выходе в широкое поликультурное пространство, в межкультурную коммуникацию у молодежи происходят определенные ценностные трансформации [16]. В данном случае, возможно, с этим связано снижение значимости эгоцентрированных ценностей и не столь выраженная значимость группоцентрированных ценностей. Такие изменения требуют внутренней работы по самоидентификации, позволяющей образовывать новые смыслы и использовать собственные ресурсы и ресурсы среды для их реализации, тем самым повышая качество жизни и его субъективную оценку [10, 16, 20].

Выявленные кластерные группы свидетельствуют о существовании значимо различающихся типов студентов по определенным компонентам субъективного качества жизни во всех группах. Общая тенденция выявлена в психологических характеристиках типов студентов в европейской и индийской группах, а также в африканской и российской выборках. Так, в группах европейских и индийских студентов один тип студентов отличается от другого более высокими по-

казателями позитивного аффекта и эгоцентрированных и группоцентрированных ценностей. Данный факт позволяет предположить, что студенты, жизнь которых более наполнена различными значимыми смыслами, чаще переживают положительные эмоции и имеют более позитивное настроение. Можно предположить, что эти ценности в большинстве своем могут реализовываться у студентов либо за счет собственных усилий, либо соответствующих им условий среды. У другого типа студентов в меньшей мере отмечаются ценности, которые связаны в их понимании с переживанием счастья, т.е. можно отметить более узкую смысловую сферу этих студентов, что, вероятно, может ограничивать их собственную деятельностную активность и, соответственно, переживание положительных эмоций. Результаты корреляционного анализа косвенно подтверждают предположение о связи более широкой системы значимых для переживания счастья ценностей с позитивным аффектом у европейских и индийских студентов.

В группах российских и африканских студентов наблюдается противоположная тенденция – один тип студентов отличается от другого тем, что более выражен отрицательный аффект, т.е. эти студенты чаще переживают отрицательные эмоции, у них более выражены эгоцентрированные и группоцентрированные ценности. В российской группе, наряду с более выраженным отрицательным аффектом, у студентов данного типа отмечаются более сниженные показатели позитивного аффекта и удовлетворенности жизнью. На основании этих данных можно предположить, что студенты с многочисленными выраженными значимыми ценностями, которые связаны с переживанием счастья, могут испытывать в силу разных причин и обстоятельств неудовлетворенность в их реализации, что и отражается в негативных эмоциях и снижении удовлетворенности жизнью. В качестве таких причин и обстоятельств могут выступать условия среды, дефицит личностных ресурсов, затрудняющие достижение желаемого, а также проблемы с самоидентификацией, проявляющиеся в невозможности выстроить иерархию ценностей, собственных приоритетов для целенаправленной концентрации усилий по их реализации. В этих культуральных группах корреляцион-

ный анализ не выявил прямых связей большинства ценностей с эмоциональным и когнитивным компонентами субъективного качества жизни, что указывает на необходимость изучения опосредующего фактора, который позволяет желаемое приводить к действительному.

Китайская группа студентов в результате кластерного анализа разделилась на две подгруппы, различающиеся выраженностью ценностей, но однородные по показателям когнитивного и эмоционального компонентов качества жизни. Однако корреляционные связи ценностей самоутверждения, личного благополучия, ценностей группоцентрированных и просоциальных с позитивным аффектом и удовлетворенностью жизнью указывают на общие особенности с теми типами, что определились в группах европейских и индийских студентов.

Выводы. Выявлено, что в эмоциональном компоненте субъективного качества жизни положительные эмоциональные состояния значительно доминируют над отрицательными, указывая на эмоциональное благополучие большинства студентов во всех группах. В когнитивной оценке субъективного качества жизни большинство студентов удовлетворены условиями своей жизни, жизнью в целом, реализацией того, что считают для себя важным (реализация у российских студентов оказалась значимо менее осуществленной). При этом установленный во всех группах средний уровень общей удовлетворенности жизнью, с одной стороны, задает потенциал актуализации стремлений студентов, с другой – ставит задачи поиска условий его повышения и предотвращения его снижения. Данные результаты могут свидетельствовать о психологической безопасности у большинства студентов всех групп. Определена типология студентов – по критерию структуры и особенностям взаимосвязи мотивационного, эмоционального и когнитивного компонентов субъективного качества жизни, – которая позволяет выделить индикаторы психологической безопасности в культуральных группах. Обьективирована необходимость изучения опосредующих факторов (личностных, средовых) связи ценностно-мотивационного компонента с удовлетворенностью жизнью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ловпаче Ф.Г. Социально-психологические аспекты образовательной миграции // Вестник АГУ. 2016. Вып. 4 (88). С. 149–153.
2. Азизова М.Н., Чкогуа Л.Г. Качество жизни иностранных студентов в России как фактор ее геополитического развития // Форсайт образования: академические свободы VS аккредитационные ограничения : международная научно-методическая конференция. М., 2019. С. 87–95.
3. Дыхан Л.Б., Коновалова Е.И., Шилкин Д.С. Субъективное качество жизни как индикатор безопасности жизнедеятельности студентов вуза // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=19279>
4. Динь Тхи Тхиен Ай. Психолого-акмеологические факторы обеспечения психологической безопасности иностранных студентов в процессе обучения в российских вузах // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 3. С. 46–47.
5. Эскакусто Т.В., Лызь Н.А. Психологическая безопасность в проблемном поле психологии // Сибирский психологический журнал. 2010. № 37. С. 86–92.
6. Кулик А.А. Субъективное качество жизни молодежи при разных типах атрибутивного стиля мышления // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (63), т. 1. С. 96–101.
7. Леонтьев Д.А. Качество жизни и благополучие: объективные, субъективные и субъектные аспекты // Психологический журнал. 2020. Т. 41, № 6. С. 86–95.
8. Симаккина М.А. Сущность концепции качества жизни в современных российских исследованиях // Молодой ученый. 2012. № 5 (40). С. 210–214.
9. Юдина Н.А. Психологические подходы к изучению субъективного качества жизни // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 23, № 2 (162). С. 104–110.
10. Галажинский Э.В., Бохан Т.Г., Ульянич А.Л., Терехина О.В., Шабаловская М.В. Связь субъективного качества жизни с представлениями о счастье (ценностной обусловленностью счастья, интенсивностью мотивации счастья и ответственностью за собственное счастье) у студенческой молодежи // Science for Education Today. 2019. № 6. С. 19–38. doi: 10.15293/2658-6762.1906.02

11. Шамионов Р.М. Теоретические подходы к этнопсихологическим и кросс-культурным исследованиям субъективного благополучия личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2016. № 1. С. 7–19.
12. Даниленко О.Д., Идандь Сью. Ценности китайских студентов: значимость и доступность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология, педагогика. 2018. Т. 8, № 1. С. 34–46.
13. Шмакова В.А. Критерии оценки качества жизни в сознании русских и китайских студентов // Проблема качества жизни современной молодежи. 2011. № 1. С. 206–217.
14. Джидарьян И.А. Психология счастья и оптимизма. М. : Ин-т психологии РАН, 2013. 268 с.
15. Ford B.Q., Dmitrieva J.O., Heller D., Chentsova-Dutton Y., Grossmann I., Tamir M., Uchida Y., Koopmann-Holm B., Floerke V.A., Uhrig M., Bokhan T., Mauss I.B. Culture shapes whether the pursuit of happiness predicts higher or lower well-being // Journal of Experimental Psychology: General. 2015. Vol. 144, Is. 6. P. 1053–1062. doi: 10.1037/xge0000108
16. Гусельцева М.С. Идентичность в транзитивном обществе: трансформация ценностей // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 54. С. 5.
17. Осин Е.Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9, № 4. С. 91–110.
18. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 117–142. doi: 10.14515/monitoring.2020.1.06
19. Козьмина Л.Б. Динамика психологического благополучия личности студентов-психологов : дис. ... канд. психол. наук. Иркутск, 2014. 215 с.
20. Митрофанова Е.Н. Активность индивидуальности, психологическое благополучие и удовлетворенность жизнью студентов // Сибирский психологический журнал. 2017. № 64. С. 94–105.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 15 февраля 2021 г.

Subjective Quality of Life as an Indicator of Psychological Safety Among Students in the Conditions of International Educational Migration

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 137–145.

DOI: 10.17223/15617793/473/17

Tatiana G. Bokhan, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: btg960@mail.ru

Marina V. Shabalovskaya, Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: m_sha79@mail.ru

Olga V. Terekhina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: doterekhina@mail.ru

Anna L. Ulyanich, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: fiale@ya.ru

Keywords: international educational migration; student youth; subjective quality of life; components of subjective quality of life; psychological safety; multicultural educational environment.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-413-700007.

In the conditions of international educational migration, when new objective environmental factors are perceived as depriving, the quality of life is declining, the psychological safety of students is violated. As a result, there may be an increase in dissatisfaction and rejection of education, which hinders the implementation of international university programs, reduces the prestige of Russian education. At the same time, the use of the unique features of the environment and the multicultural space of the university can provide a wide field of opportunities for self-development and self-realization of students, create conditions for achieving significant goals, compensate for the environment deficits, thereby ensuring their psychological safety. Thus, the subjective quality of life can act as an indicator of the psychological safety of students' life in the conditions of educational migration. In this study, hypotheses were tested: 1) under the influence of new environmental conditions, the subjective quality of life, represented by cognitive, emotional and motivational components, may have certain differences among students of cultural groups, 2) within cultural groups, students with indicators of the subjective quality of life, pointing out psychological safety and risks of its violation, can be distinguished. The study aims to identify the features of the cognitive, emotional and motivational components of the subjective quality of life among students of cultural groups and further to determine the factors of psychological safety and the risks of its violation. The study involved 255 people aged 19 to 28, students of Tomsk universities, representatives of countries in Africa, Europe, India, China, and Russia. The empirical study used psychological questionnaires: the scale of positive and negative affect, the scale of life satisfaction, and values of happiness. Data processing was carried out in the SPSS Statistics 26.0 program using the methods of Cronbach's Alpha, descriptive statistics, comparative analysis (Kruskal-Wallis test, Mann-Whitney test, Student's t-test), hierarchical cluster analysis (intergroup communication method, Cosine distance), correlation analysis (Spearman test), Kolmogorov-Smirnov test. As a result of the analysis of the obtained data, it was revealed that the dominance of positive emotional states and the average level of life satisfaction in the minds of the majority of students of all groups indicate psychological safety. The average level of satisfaction, on the one hand, sets the potential of students' aspirations; on the other, sets the task of finding conditions for its increase and preventing its decline. The presented typology of students with different structures of subjective quality of life and the relationship of motivational, emotional and cognitive components of subjective quality of life allowed determining the criteria for psychological safety among students in cultural groups. The necessity of studying the mediating factors (personal, environmental) of the relationship of ideas about happiness with life satisfaction is objectified.

REFERENCES

1. Lovpache, F.G. (2016) Social and psychological aspects of educational migration. *Vestnik AGU – The Bulletin of Adyge State University*. 4 (88). pp. 149–153. (In Russian).
2. Azizova, M.N. & Chkotua, L.G. (2019) [The quality of life of foreign students in Russia as a factor of its geopolitical development]. *Forsayt obrazovaniya: akademicheskie svobody VS akkreditatsionnye ogranicheniya* [Foresight of Education: Academic freedoms VS accreditation restrictions]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 20–27 April 2019. Moscow: Otechestvo. pp. 87–95. (In Russian).
3. Dykhan, L.B., Konovalova, E.I. & Shilkin, D.S. (2015) Subjective quality of life as an indicator of life safety in university students. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 1-1. [Online] Available from: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=19279>. (In Russian).

4. Dinh, Thi Hien Ai. (2016) Psychological and acmeological factors of support of foreign students' personal psychological security in the process of training in Russian universities. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 3. pp. 46–47. (In Russian).
5. Eksakusto, T.V. & Lyz', N.A. (2010) Psychological safety in the problem field of psychology. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 37. pp. 86–92. (In Russian).
6. Kulik, A.A. (2015) Subjective quality of life of young people in different types of attributive style of thinking. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 3–1 (63). pp. 96–101. (In Russian).
7. Leont'ev, D.A. (2020) Quality of life and well-being: objective, subjective and agentic aspects. *Psikhologicheskiy zhurnal*. 6 (41). pp. 86–95. (In Russian).
8. Simakina, M.A. (2012) Sushchnost' kontseptsii kachestva zhizni v sovremennykh rossiyskikh issledovaniyakh [The essence of the concept of quality of life in modern Russian studies]. *Molodoy uchenyy*. 5 (40). pp. 210–214.
9. Yudina, N.A. (2017) Psychological approach to study of subjective quality of life. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury – Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1: Issues in Education, Science and Culture*. 2 (162). pp. 104–110. (In Russian).
10. Galazhinskiy, E.V. et al. (2019) The connection between subjective well-being and ideas of happiness (the direction of values, intensity of the motivation and ideas about responsibility) among university students. *Science for Education Today*. 6. pp. 19–38. (In Russian). DOI: 10.15293/2658-6762.1906.02
11. Shamionov, R.M. (2016) Theoretical approaches to ethno-psychological and cross-cultural studies of subjective well-being of the personality. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika – RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 1. pp. 7–19. (In Russian).
12. Danilenko, O.D. & Yidan, Su (2018) The values of the Chinese students: the ratio of subjective significance-accessibility. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya, pedagogika – Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*. 1 (8). pp. 34–46. (In Russian).
13. Shmakova, V.A. (2011) Kriterii otsenki kachestva zhizni v soznanii russkikh i kitayskikh studentov [Criteria for assessing the quality of life in the minds of Russian and Chinese students]. *Problema kachestva zhizni sovremennoy molodezhi*. 1. pp. 206–217.
14. Dzhidar'yan, I.A. (2013) *Psikhologiya schast'ya i optimizma* [Psychology of Happiness and Optimism]. Moscow: Institute of Psychology of RAS.
15. Ford B.Q. et al. (2015) Culture shapes whether the pursuit of happiness predicts higher or lower well-being. *Journal of Experimental Psychology: General*. 6 (144). pp. 1053–1062. DOI: 10.1037/xge0000108
16. Gusel'tseva, M.S. (2017) Identity in a transitive society: the transformation of values. *Psikhologicheskie issledovaniya*. 54 (10). P. 5. (In Russian).
17. Osin, E.N. (2012) Measuring positive and negative affect: development of a Russian-language analogue of PANAS. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of Higher School of Economics*. 4 (9). pp. 91–110. (In Russian).
18. Osin, E.N. & Leont'ev, D.A. (2020) Brief Russian-language instruments to measure subjective well-being: psychometric properties and comparative analysis. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 1. pp. 117–142. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.06
19. Koz'mina, L.B. (2014) *Dinamika psikhologicheskogo blagopoluchiya lichnosti studentov-psikhologov* [Dynamics of psychological well-being of the personality of psychology students]. Psychology Cand. Diss. Irkutsk.
20. Mitrofanova, E.N. (2017) Activity of individuality, well-being and life satisfaction of students. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 64. pp. 94–105. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/64/6

Received: 15 February 2021

М.М. Иванова, О.И. Бородкина

СОЦИАЛЬНАЯ УЯЗВИМОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ МИГРАНТОВ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19 (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ)

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00246).

Отмечаются экономические и социальные последствия пандемии COVID-19 для международных мигрантов. Представлены результаты исследования, направленного на выявление и анализ основных предикторов уязвимости (правовой статус, доступ к медицинским услугам, жилищные условия и др.). Подчеркивается, что социальная уязвимость мигрантов влияет не только на социальное положение самих мигрантов, но и на состояние принимающего общества, что особенно важно учитывать в ситуации пандемии COVID-19.

Ключевые слова: международные мигранты; предикторы уязвимости; пандемия COVID-19; правовой статус мигрантов; медицинские услуги; Санкт-Петербург

Введение

Социально-экономический кризис, вызванный последствиями глобальной пандемии COVID-19, оказал беспрецедентное воздействие на различные сферы жизнедеятельности как представителей местного населения, так и миграционного сообщества. Во многих странах, и в России в том числе, мигранты составляют существенную часть трудовых ресурсов и вносят заметный вклад в благосостояние экономики и общества в целом. Эпидемия коронавирусной инфекции привела к существенному сокращению миграционных потоков. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в Российской Федерации в период с января по август 2020 г. чистый приток иностранных граждан сократился в 2,4 раза, до 69,1 тыс. человек, за тот же период годом ранее их численность составляла 166,7 тыс. человек [1]. Если число прибывших сократилось почти на 12%, примерно до 380 тыс. человек (из них 346 тыс. из стран СНГ), то число выбывших иностранных граждан, наоборот, выросло на 15% – почти до 311 тыс. человек. Сокращение миграционного потока подтверждают и данные Министерства внутренних дел: численность случаев постановки на миграционный учет иностранных граждан в России уменьшилось практически вдвое – с 14,9 млн до 7,5 млн [2].

В условиях пандемии COVID-19 в результате закрытия границ значительное число иностранных граждан оказались заблокированными в странах пребывания без средств к существованию и без доступа к социальной и медицинской помощи. По данным Международной организации по миграции, доходы многих мигрантов сократились даже при условии сохранения трудоустройства. Кроме того, неблагоприятные условия проживания иностранных граждан исключили возможность обеспечить социальное дистанцирование, увеличивая тем самым риск распространения коронавирусной инфекции [3].

В Российской Федерации потоки международных мигрантов распространяются неравномерно, и к наиболее востребованным городам традиционно относится Санкт-Петербург. За период пандемии COVID-19 в

Санкт-Петербурге количество зарегистрированных иностранных граждан резко снизилось. Так, по информации ГУ МВД России, в 2020 г. через пункты пропуска, находящиеся на территории Санкт-Петербурга, въехало 238 448 иностранных граждан (в 2019 г. – 2 052 040 человек), на миграционный учет было поставлено 808 771 человек (в 2019 г. – 3 210 600) [4]. При этом основные риски, связанные с международной миграцией (правовой статус, условия трудоустройства, доступ к медицинским услугам, социальная поддержка и др.) [5], усугубились в контексте эпидемиологической ситуации, связанной с коронавирусной инфекцией. Кризисная ситуация четко обозначила системное неравенство в отношении мигрантов и значительно повысила их уязвимость. Разработка эффективных мер реагирования на такую ситуацию требует анализа основных предикторов уязвимости мигрантов (правовой статус мигранта; доступ к системе услуг здравоохранения; условия проживания; профессиональные риски; образование детей; общественное осуждение, ксенофобия, дискриминация; меры социальной поддержки) в современных условиях, прежде всего в городах наибольшего притяжения мигрантов. Это обстоятельство и определило цели и задачи исследования, проведенного в Санкт-Петербурге в 2020–2021 гг.

Обзор исследований по проблематике влияния пандемии COVID-19 на миграцию

Исследователи отмечают, что период пандемии COVID-19 существенно изменил миграционную ситуацию во многих странах, в том числе и в России, где пандемия в первую очередь затронула сферу трудовой миграции, поскольку ограничительные меры, принимаемые государством, оказали влияние именно на те сферы бизнеса, в которых были задействованы иностранные граждане [6. С. 92]. Д. Полетаев отмечает, что большинство экспертов анализируют эффекты от пандемии для трудовых мигрантов в краткосрочной перспективе, тогда как существующая ситуация будет иметь долгосрочные последствия для международной миграции и российского рынка труда в целом [7].

А. Рочева, Е. Варшавер, Н. Иванова рассматривают стратегии мигрантов в России в контексте их реагирования на ситуацию пандемии и введения карантинных мер, отмечая, что среди мигрантов гораздо меньше распространена стратегия, предполагающая низкий уровень солидарности и недоверие к государству, а преобладают стратегии, в которых заложены высокий уровень солидарности и доверие государству – или как минимум один из этих элементов [8].

Зарубежный исследователь Бхопал делает акцент на непропорционально большом влиянии кризиса COVID-19 на иммигрантов и их детей с точки зрения здоровья, работы, образования, языковой подготовки и других мер интеграции [9]. Научные работы Виера Ц., Францо О., Рестрепо Ц. свидетельствуют об уязвимом положении мигрантов в условиях пандемии COVID-19, особенно с точки зрения эпидемиологических и экономических рисков, в различных странах, включая Россию [10. Р. 39–40].

В российской научно-исследовательской литературе нет материалов, в которых изучается поведение мигрантов, связанное с какими-либо вспышками заболеваний. В зарубежных исследованиях Е. Барнетта и П. Волкера миграция рассматривается как фактор риска при распространении вирусных заболеваний, а мигранты – как особо эпидемиологически уязвимая группа [11. Р. 1449], хотя в части случаев опасения местного населения относительно того, что мигранты несут в себе эпидемиологические угрозы, – не более чем проявление ксенофобии. По мнению Х. Биао, Т. Вонг, уязвимость мигрантов перед лицом пандемий может иметь, кроме того, экономическое измерение: мигранты теряют работу чаще остальных [12. Р. 2483]. В то же время, по мнению ученых, способность избежать инфекции, получить своевременную медицинскую помощь и преодолеть социально-экономические и психологические последствия пандемии обуславливается следующими факторами: состояние условий жизни и работы, наличие или отсутствие правового статуса, знание языка, наличие социальных сетей, уровень включенности в принимающее сообщество [13. Р. 595–617; 14. Р. 20].

Теоретические основы исследования Типология уязвимости мигрантов

Уязвимость личности рассматривается как склонность быть подверженным воздействию различных акторов и испытывать неблагоприятные последствия при воздействии опасных событий. Международная организация по миграции (МОМ) определяет уязвимую группу как «любую группу или часть общества, подверженную более высокому риску быть дискриминированной, подвергнутой насилию, природным или экологическим бедствиям или экономическим трудностям, чем другие группы в государстве...» [15].

В целом уязвимость связана с опасностью, в рамках которой определенные факторы, такие как бедность, отсутствие социальных сетей, механизмов социальной поддержки, будут усугублять или влиять на уровень уязвимости независимо от типа опасности. Уязвимость мигрантов предполагает следующие фор-

мы: индивидуальную, структурную и ситуативную. Значительное влияние на степень индивидуальной уязвимости оказывают так называемые индивидуальные факторы, связанные с социальным капиталом (родственные связи, круг друзей, соотечественников или коллег, которые можно задействовать в случае необходимости), человеческим капиталом (уровень образования, профессиональные навыки, коммуникабельность и владение языками, состояние здоровья) и экономическим капиталом (денежные средства, недвижимость и другое имущество), которые помогают находить выход из сложных ситуаций.

Структурная уязвимость мигранта характеризуется объективными возможностями социально-экономических (безработица, низкая зарплата и отсутствие рынка для услуг и навыков мигрантов), культурных и политических (сложная система легализации, отсутствие системы защиты прав мигрантов) условий жизни в стране пребывания. Стоит отметить, что в данном контексте к структурной уязвимости необходимо отнести эпидемиологическую ситуацию и принятие карантинных мер государством в связи с COVID-19. Структурная уязвимость также усиливается при наличии индивидуальной уязвимости: например, отсутствие правового статуса конкретного мигранта лишает его защиты законных прав и интересов, доступа к медицинскому обслуживанию.

Ситуационная уязвимость относится к обстоятельствам, которые могут внезапно произойти с мигрантами в период различных фаз миграционного процесса, где они могут подвергнуться воздействиям внешней среды.

Мигранты по своей природе относятся к числу уязвимых групп населения, для которых столкновение с такой неблагоприятной ситуацией, как пандемия COVID-19, сопряжено с более высокими рисками, нежели для принимающего населения. Эти риски могут быть минимизированы или, наоборот, усилены в зависимости от «исходной» уязвимости мигранта, при этом международные мигранты в условиях пандемии COVID-19 подвержены всем формам социальной уязвимости, т.е. индивидуальной, структурной и ситуационной.

Методы исследования

В целях описания и критической оценки социальных последствий для миграционного сообщества, вызванных пандемией COVID-19, в Санкт-Петербурге было проведено эмпирическое исследование, направленное на рассмотрение следующих предикторов уязвимости мигрантов: правовой статус мигранта; доступ к системе услуг здравоохранения; условия проживания; профессиональные риски; образование детей; общественное мнение по отношению к мигрантам (осуждение, ксенофобия, дискриминация); меры социальной поддержки. Исследование было проведено в два этапа. На первом этапе анализировалась исходная информация, полученная из имеющихся в открытом доступе стратегических и оперативных документов государственных структур, законодательных актов, официальной статистики относительно международ-

ной миграции, а также был проведен вторичный анализ ранее проведенных исследований [16].

Второй этап был связан преимущественно с качественными методами. С целью оценки общих условий кризиса пандемии COVID-19 и степени его влияния на миграционное сообщество в Санкт-Петербурге были проведены полуструктурированные экспертные интервью с руководителями некоммерческих общественных организаций, занимающимися проблемами миграции в Санкт-Петербурге (N = 3), а затем организованы глубинные интервью с представителями сообщества мигрантов, постоянно проживающих или временно пребывающих на территории Санкт-Петербурга (не менее 2 лет), в возрасте от 24 до 35 лет (N = 10).

Начальным этапом обработки интервью стала расшифровка записи беседы – создание письменного протокола. Обработка качественных интервью представляла собой контент-анализ, подразумевающий выделение в анализируемом материале категорий, группирующих данные, и приписывание частям текста, представляющим эти категории, соответствующих меток (кратких обозначений). Качественный контент-анализ транскриптов интервью осуществлялся с помощью словаря – списка кодов. Список кодов произведен и имеет инструментальный характер. Словарь включает 24 кода, организованных в 8 категорий: «правовой статус»; «доступ к медицинской помощи»; «профессиональные риски»; «условия проживания»; «образование»; «социальные сети»; «общественное осуждение»; «меры социальной поддержки».

Результаты исследования и обсуждение

Правовой статус международных мигрантов.

Отсутствие официального правового статуса мигранта является существенным предиктором уязвимости к последствиям пандемии COVID-19. Недокументированные мигранты зачастую исключены из государственных программ здоровья и профилактики заболеваний, программ социальной защиты населения. Это исключение затрудняет раннее выявление, тестирование и диагностику заболеваемости, отслеживание контактных лиц и последующее обращение за медицинской помощью, тем самым увеличивается риск дальнейшего распространения вируса. Вспышки заболеваемости среди мигрантов, находящихся в уязвимом положении, также могут остаться незамеченными, поскольку многие нелегальные мигранты опасаются риска быть выявленными и депортированными на родину. В целях недопущения роста числа мигрантов с неурегулированным правовым положением государство в лице МВД РФ оперативно приняло ряд мер по продлению пребывания иностранных граждан на территории России на период кризиса [17]. Кроме того, в связи с пандемией COVID-19 действие правила о необходимости нахождения иностранного гражданина в РФ не менее 180 дней в году по документам (разрешение на временное проживание, вид на жительство, разрешение на работу) было приостановлено.

Тем не менее завершение периода моратория 15 июня 2021 г. на выдворение недокументированных мигрантов привело к чрезвычайно напряженной ситуации в государственных миграционных органах. Кроме того, иностранные граждане испытывали и испытывают страх выдворения после снятия ограничений.

«У многих мигрантов просто нет денег, чтобы оплатить патент, другие занимаются поиском “принимающей стороны”, люди боятся, что если они придут в миграционный центр, то их тут же выдворят» (интервью с гр. Таджикистана).

Пытаясь избежать депортации, многие иностранные граждане предпочитают не обращаться в миграционные службы, что приводит к дальнейшему росту численности недокументированных мигрантов.

Доступ международных мигрантов к услугам здравоохранения. Мигранты в среднем моложе коренного населения (по данным ООН, медианный возраст международных мигрантов в 2019 г. составил 39 лет [18]), поэтому бытует мнение, что они менее подвержены серьезным осложнениям здоровья от перенесенного вируса COVID-19. Тем не менее общепризнанным фактом является то, что группы населения с неблагоприятными социально-экономическими условиями с большей вероятностью будут иметь плохое состояние здоровья и страдать от хронических заболеваний, а это повышает риск сопутствующих заболеваний в контексте COVID-19. Структура смертности лиц иностранного происхождения в условиях миграции широко варьируется среди различных групп населения и по сравнению с коренным населением с более высокими показателями смертности от инфекционных заболеваний и более низкой смертностью, связанной с онкологическими или сердечно-сосудистыми заболеваниями [19. P. 655; 20. P. 457–459]. В Российской Федерации иностранный гражданин имеет право на бесплатное лечение COVID-19, поскольку эта инфекция внесена в список общественно опасных заболеваний, но при условии наличия полиса обязательного медицинского страхования (ОМС). Однако на полис ОМС могут рассчитывать только иностранные граждане государств – членов Евразийского экономического союза, работающие по трудовому договору, а также имеющие разрешение на временное проживание или вид на жительство; иностранцы, пребывающие в РФ на основании трудового устройства по патентам, не могут претендовать на данный документ. Взамен они обязаны иметь полис добровольного медицинского страхования, при этом большинство международных мигрантов стараются приобрести наиболее дешевый полис, который не предусматривает лечение от инфекционных болезней, представляющих угрозу для окружающих, в том числе от COVID-19.

«Температура, аппетита нет, дышать тяжело. Я звонила в скорую один раз, мне плохо было. Сказали, что, если нету полиса, – все, “мы не можем ничего делать”» (интервью с гр. Узбекистана).

В итоге значительная часть миграционного потока остается за рамками получения необходимой медицинской помощи в период пандемии, что негативно

влияет не только на здоровье мигрантов, но и в целом на эпидемиологическую ситуацию.

Профессиональные риски международных мигрантов. В ситуации ограничительных мер мигранты столкнулись с рядом трудностей на рынке труда. Во-первых, по мнению экспертов, у многочисленного числа мигрантов трудовые отношения с работодателем до пандемии COVID-19 носили неформализованный характер. Значительное количество иностранных граждан работало по гражданско-правовому договору или в принципе без каких-либо юридически договорных отношений, что привело к массовым увольнениям и сокращениям рабочих мест. Во-вторых, для мигрантов, задействованным в различных сферах экономики, как правило, характерен более низкий уровень квалификации и образования по сравнению с местным населением, что также повысило риск потери работы. В условиях нестабильности рынка работодатели проявляют большую избирательность к соискателям, поскольку такие характеристики, как языковой барьер, издержки официального трудоустройства иностранной рабочей силы, могут снижать производительность труда и увеличивать затраты производства.

В-третьих, в ходе глубинных и экспертных интервью становится ясно, что пандемия преимущественно повлияла на занятость в ряде секторов услуг, где в основном работали мигранты.

«Сфера перевозок просела на 80% – это колоссальные суммы. Также сфера общественного питания, мы понимаем, что большинство мигрантов работает поварами, посудомойками, официантами и так далее – просела на 100%» (интервью с руководителем ПСП-фонда).

Согласно данным МВД России, сокращение иностранной рабочей силы в 2020 г. составило от 20 до 50% в разных регионах. Максимальный отток зафиксирован: сфера услуг – 33,5%, деятельность домашних хозяйств – 28,6%, работы по водоснабжению, водоотведению, организации сбора и утилизации отходов – 25,8%, строительство – 22,2% [21].

Кроме того, по мнению респондентов, мигранты заняты в таких сферах экономики, которые зачастую не предусматривают дистанционный характер работы, тем самым у иностранных граждан меньше шансов на удаленную работу, что также увеличивает степень социальной уязвимости в условиях последствий пандемии COVID-19.

«Я работаю в магазине, на фруктах, меня ковид не тронул, но мои знакомые, которые в кафе, ресторанах работали, без работы остались, и денег нет» (из интервью с гр. Узбекистана).

«Если у тебя интеллектуальная работа, ты еще как-то сможешь уйти на дистанционку, но вы понимаете, мигранты в основной массе заняты физической тяжелой работой» (интервью с гр. Таджикистана).

Условия проживания международных мигрантов. Особое беспокойство у экспертов вызывает характер проживания мигрантов, отличающийся высокой плотностью, что затрудняет соблюдение социального дистанцирования, повышая, таким образом, уязвимость иностранных граждан перед коронавирусной

инфекцией, одновременно возрастает и эпидемиологическая угроза для других.

Анализ данных, полученных в ходе интервью, позволяет определить основные характеристики проживания, например тип жилища, количество проживающих.

Обычно иностранные граждане проживают в отдельных квартирах, однако условия при этом достаточно стесненные.

«В карантин сложно было, мы живем впятером в 30 кв. м, я, муж, две дочки, сын взрослый, все в одной комнате, муж еще на работу ходил, а дети целый день дома, у них разница большая, так младшие не давали старшему учиться» (интервью с гр. Ирана).

Значительная часть мигрантов проживает в комнатах в общежитиях, неформально организованных в обычных квартирах. Кроме того, многие мигранты проживают в коллективном жилье, например беженцы и лица, ищущие убежища, представители определенных профессий (строители в бытовках на стройплощадке). По словам экспертов, проверки, проведенные органами внутренних дел в 2020 г., показали, что в большинстве случаев мигранты, проживающие в центрах временного содержания иностранных граждан (ЦВСИГ), жаловались на длительное пребывание «без надежды на скорое открытие авиасообщения со странами гражданства»; также им нужна была юридическая помощь по вопросам своего правового положения и законности решения судов о выдворении. Во время посещения ЦВСИГа представителями власти были выявлены нарушения санитарных норм (в учреждении содержался 441 человек, лимит наполняемости – 336 человек). Все эти данные, безусловно, повышают риск заражения COVID-19.

Отношение населения к международным мигрантам. Представители мигрантов утверждают, что за время пандемии столкнулись с резким ростом ксенофобии. Зачастую иностранные граждане получали обвинения в том, что являются источником пандемии в России. Дезинформация о распространении COVID-19 усугубляла ксенофобию и дискриминацию, с которыми уже сталкивались международные мигранты.

По мнению экспертов, данная реакция типична для российского общества, в котором и в относительно стабильное время уровень ксенофобии был достаточно высок. Нетерпимость подогревается общественным дискурсом и средствами массовой информации. К примеру, преступления, которые совершают мигранты, часто освещаются с броскими заголовками, в которых указывают этничность преступников.

«Мигранты из Узбекистана зарезали... Мы не увидим подобных заголовков, если речь идет о россиянах. По официальной статистике, мигранты совершают очень мало преступлений, но благодаря подобному освещению стереотип укреплен в общественном сознании» (интервью с руководителем ПСП-фонда).

Эксперты полагают, что фрустрация и страх перед будущим в условиях экономической неопределенности – основные причины вспышки ксенофобных настроений. В пандемию именно мигранты стали мишенью для усилившейся ненависти и нетерпимости.

Образование детей мигрантов. В условиях пандемии COVID-19 большинство учебных заведений было вынуждено перейти на дистанционный или смешанный характер обучения, что привело к интенсивному развитию различных форм онлайн-образования на всех уровнях. Как отмечают эксперты и сами мигранты, показатели доступности цифрового обучения среди мигрантов оказались ниже таковых местного населения. Респонденты отмечали, что не все дети мигрантов имеют доступ к компьютеру и интернету, поскольку зачастую это учащиеся из семей с более низким экономическим, социальным и культурным статусом по сравнению с детьми принимающего сообщества. Кроме того, учащиеся из мигрантского сообщества с меньшей вероятностью имеют доступ к тихому месту для учебы по причине плотного и компактного проживания.

Эксперты также замечали, что более низкий уровень образования и языковой барьер родителей детей-мигрантов усугубляют ситуацию домашнего обучения, поскольку онлайн-занятия требуют участия семьи в обучении детей. Кроме того, в режиме онлайн-обучения без ежедневных контактов со сверстниками и ограниченного взаимодействия с учителями детям-мигрантов сложнее преодолеть языковые барьеры и выучить язык принимающей страны.

Меры социальной поддержки международных мигрантов. На законодательном уровне право на социальную поддержку и социальное обслуживание имеют только постоянно проживающие в Российской Федерации иностранные граждане, т.е. имеющие разрешение на временное проживание или вид на жительство, что составляет незначительный процент от общего числа миграционного потока [23]. Многие иностранные граждане в пандемию остались без работы и средств к существованию, тем не менее на государственном уровне не были введены экстренные меры социальной поддержки иных групп мигрантов. Вопреки этому, представители мигрантов отмечают беспрецедентные масштабы акта солидарности соотечественников как коллективную стратегию во время пандемии, выражающуюся в продовольственной, медицинской и психологической помощи. Социальная поддержка была институциональной и саморганизованная. Во многих странах исхода специализированные фонды принимали пожертвования для соотечественников за рубежом, через дипломатические представительства передавали их нуждающимся, конвертировали в продовольственную помощь. Кроме того, социальная поддержка выражалась в самоорганизации низового уровня, когда отдаленно знакомые люди помогали деньгами или продуктами, все это стало ресурсом для миграционного сообщества в борьбе с кризисом пандемии COVID-19.

Более того, основную нагрузку в принимающих странах за социальное положение иностранных граждан приняли общественные организации, волонтеры, диаспоры. Ключевые формы поддержки трудовых мигрантов в период действия коронавирусной инфекции в Санкт-Петербурге в основном носили информационный характер и включали следующие мероприятия: распространение информационных материалов в

электронном и печатном виде через тематические информационные ресурсы профильных общественных (ПСП-Фонд, РОО «Дети Петербурга», Санкт-Петербургское региональное отделение РКК) и государственных организаций (Комитет по международным отношениям и реализации миграционной политики, Государственная инспекция труда), органов местного самоуправления, а также в местах проживания и нахождения мигрантов (информационные материалы распространялись при участии представителей как миграционного сообщества, так и местного населения); размещение актуальной информации по ситуации, связанной с пандемией (законодательные изменения, возможность получения медицинской и социальной помощи), на тематическом Межрегиональном интернет-портале «Миграция и мигранты», в информационных ресурсах партнерских организаций в России и Средней Азии, социальных сетях [23]. Сотрудниками некоммерческой общественной организации «ПСП-Фонд» были проведены тематические онлайн-консультации для мигрантов и специалистов, работающих с ними, по вопросам, связанным с пандемией COVID-19 и возможностями получения бесплатной поддержки от государственных и общественных организаций. Однако в целом государственная социальная поддержка мигрантов носит фрагментарный характер, и следует констатировать, что в настоящее время отсутствует системный подход к проблеме уязвимости миграционного сообщества в период пандемии.

Социальная поддержка мигрантов требует продуманных и скоординированных мер со стороны государственных структур и некоммерческого сектора, направленных не только на улучшение положения данной категории, но и на сохранение социальной стабильности общественных отношений с принимающим сообществом, что в дальнейшем приведет к созданию положительного социального и экономического эффекта.

Выводы и рекомендации

Результаты исследования продемонстрировали зависимость социальных последствий пандемии COVID-19 от целого ряда индивидуальных, структурных и ситуационных факторов уязвимости иностранных граждан. Одним из наиболее важных предикторов уязвимости является отсутствие правового статуса, поскольку неурегулированное пребывание лишает мигранта значительных гражданских, трудовых прав, в том числе права на медицинскую, юридическую помощь, и тем самым повышается риск неблагоприятных последствий пандемии коронавируса. Недоступность услуг здравоохранения для иностранных граждан становится фактором серьезных рисков для здоровья самих мигрантов, а также эпидемиологических рисков для общества в целом. Отчасти ввиду достаточно молодого возраста миграционного потока данный предиктор нивелируется в отношении мигрантов, тем не менее отсутствие доступа к диагностике и лечению заболеваний создает высокие риски распространения коронавирусной инфекции.

Условия проживания мигрантов рассматриваются как предиктор их уязвимости с точки зрения большей вероятности заражения вирусом по сравнению с принимающим сообществом, поскольку проживание мигрантов характеризуется многонаселенностью и компактностью.

Кроме того, в ходе исследования выявлено, что дети мигрантов в большей степени пострадали от карантинной фазы пандемии, так как переход на дистанционное обучение в образовательных учреждениях возможен только в домашней технической инфраструктуре онлайн-обучения. В этих условиях значительное число мигрантов оказалось не готово к онлайн-обучению ввиду своего неблагоприятного социально-экономического положения.

В условиях пандемии миграционное сообщество столкнулось с множеством социально-экономических проблем, требующих в том числе социальной поддержки: потребность в гуманитарной помощи, ограниченность доступа к информации о регулировании эпидемиологической ситуации на законодательном уровне, о мерах профилактики и медицинской помощи в условиях пандемии, невозможность вернуться в страну исхода. Тем не менее экстренных мероприятий со стороны как принимающего государства, так и со стороны страны исхода не последовало, что стало еще одним предиктором уязвимости мигрантов. Вопреки этим обстоятельствам (а возможно, отчасти и благодаря им), по результатам исследования, выявлен высокий уровень сплочения и солидарности в миграционной среде, что стало необходимым ресурсом в борьбе с последствиями пандемии коронавируса.

В существующих условиях необходимо проведение диагностики социального положения мигрантов и их детей со стороны уполномоченных органов, а также общественных организаций с целью выявления проблем и применения соответствующих мер миграционной политики.

Отсутствие доступа к услугам здравоохранения значительного числа мигрантов исключает возможность их тестирования и лечения от COVID-19. В данной ситуации, чтобы уменьшить непропорциональное воздействие на здоровье мигрантов, а также

уменьшить риск распространения инфекции в Санкт-Петербурге необходимо введение мер по вакцинированию, в том числе с привлечением средств стран исхода мигрантов. Стоит отметить, что с 27 июня 2021 г. на территории Москвы и Подмосковья в пилотном режиме осуществляется вакцинирование трудовых мигрантов по заявлениям работодателей, подпадающих под требования постановления главного государственного санитарного врача Москвы. Услуга по вакцинации оплачивается работодателем. По мере отработки механизма возможность вакцинации будет распространена и на другие группы иностранных граждан, включая самозанятых. Правительство Санкт-Петербурга приступило к сбору заявок от работодателей, желающих привить иностранных работников. Планируется вакцинация 600 тыс. мигрантов, что, несомненно, станет шагом к формированию коллективного иммунитета к вирусу COVID-19.

Со стороны государственных структур и работодателей требуется обеспечить соблюдение санитарных норм условий проживания и занятости мигрантов во избежание распространения вируса. Это крайне важно для некоторых групп мигрантов, проживающих в коллективном жилье (просители убежища, сезонные рабочие), и тех, кто работает в особо сложных условиях труда (мигранты, работающие на строительных объектах) и сталкивается с высокой уязвимостью здоровья из-за этих условий.

Через СМИ следует информировать общественность о положении мигрантов и предпринимать меры по борьбе с дискриминацией и ксенофобией.

В заключение еще раз отметим, что социальная уязвимость мигрантов влияет не только на социальное положение самих мигрантов, но и на состояние принимающего общества, особенно в ситуации эпидемиологических рисков. Решение структурных проблем уязвимости мигрантов, связанных в данном контексте и с правовым регулированием положения мигрантов, и с обеспечением доступа к услугам здравоохранения, включая вакцинацию от COVID-19, приведет к снижению уровня распространения заболевания и к скорейшему восстановлению рынка труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Информация о социально-экономическом положении России, январь–сентябрь 2020 г. Вып. 9 // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/a0oy0RLz/oper-09-2020.pdf> (дата обращения: 30.06.2021).
2. Статистические сведения по миграционной ситуации // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 30.06.2021).
3. Международная организация по миграции. URL: https://www.ilo.org/moscow/news/WCMS_749160/lang-ru/index.htm (дата обращения: 30.06.2021).
4. Письмо ГУ МВД России от 14.12.2020 № 15-500/20-0-42.
5. Borodkina O., Sokolov N., Tavrovskii A. Social Risks of International Immigration into Russia // *Economic and Social Changes – Facts, Trends, Forecast*. 2017. Vol. 10 (3). P. 114–133. doi: 10.15838/esc/2017.3.51.6
6. Разин М.В., Караваев Е.С., Стурова Н.А. Особенности миграционной ситуации в период пандемии COVID-19 // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2020. № 11 (1). С. 92–95.
7. Полетаев Д.Э. Миграционные последствия «идеального шторма»: каким будет влияние пандемии коронавируса на проблемы миграции? // *Российский совет по международным делам*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsionnye-posledstviya-idealnogo-shtorma-kakim-budet-vliyanie-pandemii-koronavirusa-na-problemy-migratsii/> (дата обращения: 30.06.2021).
8. Варшавер Е., Иванова Н., Рочева А. Положение мигрантов в России во время пандемии коронавируса (COVID-19): результаты опроса. РАНХиГС, 2020. doi: 10.2139/ssrn.3672397
9. Bhopal R. COVID-19: Immense Necessity and Challenges in Meeting the Needs of Minorities, Especially Asylum Seekers and Undocumented Migrants // *Public Health*. 2020. Vol. 182. P. 161–162. doi: 10.1016/j.puhe.2020.04.010
10. Vieira C., Franco O., Restrepo C., Abel T. COVID-19: The Forgotten Priorities of the Pandemic // *Maturitas*. 2020. Vol. 136. P. 38–41. doi: 10.1016/j.maturitas.2020.04.004

11. Barnett E., Walker P. Role of Immigrants and Migrants in Emerging Infectious Diseases // *Medical Clinics of North America*. 2008. Vol. 92, № 6. P. 1447–1458. doi: 10.1016/j.mcna.2008.07.001
12. Biao X., Wong T. SARS: Public Health and Social Science Perspectives // *Economic and Political Weekly*. 2003. Vol. 38, № 25. P. 2480–2483. doi: 10.2307/4413701
13. Onoma A. Epidemics and Intra-Communal Contestations: Ekeh, 'les Guineens' and Ebola in West Africa // *The Journal of Modern African Studies*. 2020. Vol. 56, № 4. P. 595–617. doi: 10.1017/S0022278X18000563
14. Liem A., Wang C., Wariyanti Y., Latkin C., Hall B. The neglected health of international migrant workers in the COVID-19 epidemic // *The Lancet Psychiatry*. 2020. Vol. 7 (4). P. 20. doi: 10.1016/S2215–0366(20)30076–6
15. ИОМ. Glossary on Migration 2nd Edition, International Migration Law No. 25, ИОМ, Geneva, 2011.
16. Международная миграция в России: профилактика социальных рисков / под ред. О.И. Бородкиной, А.В. Тавровского. СПб.: Скифия-принт, 2018.
17. Указ Президента Российской Федерации от 15.06.2020 № 392 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 18 апреля 2020 г. № 274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006150016> (дата обращения: 30.06.2021).
18. United Nations, Department of Economic and Social Affairs. Population Division (2019). International Migrant Stock 2019 (United Nations database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2019). Workbook. URL: [UN_Migrant StockByAgeAndSex_2019.xlsx](http://unstats.un.org/unsd/migration/stock/stock2019.xls)
19. Ikram U.Z., Mackenbach J.P., Harding S., Rey G., Bhopal R.S., Regidor E. et al. All-cause and cause-specific mortality of different migrant populations in Europe // *European Journal of Epidemiology*. 2016. Vol. 31. P. 655.
20. Reus-Pons M., Vandenheede H., Janssen F., Kibele E. Differences in mortality between groups of older migrants and older non-migrants in Belgium, 2001-09 // *European Journal of Public Health*. 2017. Feb. 26. URL: <http://dx.doi.org/10.1007/s00038-017-0949-6> (дата обращения: 30.06.2021).
21. Статистика и аналитика // Министерство Внутренних дел РФ. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/23955653/> (дата обращения: 30.06.2021).
22. Федеральный закон РФ от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // *Российская газета*. 2013. 30 декабря. № 6271.
23. Помощь мигрантам и членам их семей в условиях пандемии коронавируса // Национальная премия «Гражданская инициатива». URL: <https://premiagi.ru/initiative/5445> (дата обращения: 30.06.2021).

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 1 декабря 2021 г.

Social Vulnerability of International Migrants in the Context of the COVID-19 Pandemic (The Results of a Study in Saint Petersburg)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 146–153.

DOI: 10.17223/15617793/473/18

Maria M. Ivanova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: ivanova.mar-9308@yandex.ru

Olga I. Borodkina, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: o.borodkina@spbu.ru

Keywords: international migrants; predictors of vulnerability; COVID-19 pandemic; legal status of migrants; medical services; Saint Petersburg.

The research was conducted in Saint Petersburg State University with the support of the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00246.

The COVID-19 pandemic has a significant impact not only on the economies of countries but also on global migration processes. The article contains the results of a study conducted in Saint Petersburg in 2020–2021. In the introduction, economic and social consequences of the COVID-19 pandemic for international migrants are demonstrated, and the research task related to the analysis of the main predictors of migrant vulnerability in current conditions is identified. The next part of the article contains the academic literature review on the impact of the COVID-19 pandemic on migration. As a theoretical framework for the study, a typology of migrant vulnerability is proposed, which assumes individual, structural and situational forms of vulnerability. The main methods of research, in addition to analyzing statistics, published research data, and legal documents, include expert interviews and in-depth interviews with migrants. The results of the study are presented in the following thematic blocks. (1) The legal status of international migrants. The lack of an official legal status of a migrant is a key predictor of vulnerability to the consequences of the COVID-19 pandemic. (2) Access of international migrants to health services. Many migrants do not receive medical care during the pandemic, which negatively affects not only the health of migrants, but also the epidemiological situation in general. (3) Professional risks of international migrants. Significant difficulties in the labor market are associated with informal relations with employers. In addition, the pandemic mainly affected employment in the service sectors, where migrants are mostly represented. (4) The housing conditions of migrants. The housing conditions of migrants are characterized by a higher population density, which makes it difficult to ensure social distancing; thereby migrants are more vulnerable to the COVID-19 infection and at the same time pose an epidemic threat to others. (5) The public attitudes towards international migrants. Respondents among migrants claim that during the pandemic they faced an increase in xenophobia. (6) The education of migrants' children. Many children often do not have technical opportunities for online education; in addition, the low level of education and poor Russian language skills of their parents make home education difficult since online classes require the support of adult family members. (7) Social support for international migrants. Social support for migrants is fragmented; there is no systematic approach to reducing the social vulnerability of the migration community during the pandemic. The conclusion contains key findings and recommendations based on the study results. It is emphasized that the social vulnerability of migrants affects not only the social situation of migrants themselves but also the host society, which is especially important to take into account in the situation of the COVID-19 pandemic.

REFERENCES

1. Federal State Statistics Service. (2020) *Informatsiya o sotsial'no-ekonomicheskom polozhenii Rossii, yanvar'–sentyabr' 2020 g.* [Information on the Socioeconomic Situation of Russia, January–September 2020]. 9. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/a0oy0RLz/oper-09-2020.pdf> (Accessed: 30.06.2021).

2. The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (n.d.) *Statisticheskie svedeniya po migratsionnoy situatsii* [Statistical data on the migration situation]. [Online] Available from: <https://mvd.rf/Deljatelnost/statistics/migracionnaya> (Accessed: 30.06.2021).
3. *Mezhdunarodnaya organizatsiya po migratsii* [International Labour Organisation]. (n.d.) [Online] Available from: https://www.ilo.org/moscow/news/WCMS_749160/lang—ru/index.htm (Accessed: 30.06.2021).
4. Letter of the Ministry of Internal Affairs of Russia of December 14, 2020, No. 15-500/20-0-42. (In Russian).
5. Borodkina, O., Sokolov, N. & Tavrovskii, A. (2017) Social Risks of International Immigration into Russia. *Economic and Social Changes – Facts, Trends, Forecast*. 10 (3). pp. 114–133. DOI: 10.15838/esc/2017.3.51.6
6. Razin, M.V., Karavaev, E.S. & Sturova, N.A. (2020) Features of the migration situation in the Russian Federation during the COVID-19 pandemic. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 11 (1). pp. 92–95. (In Russian). DOI: 10.23672/q9915-2893-8497-e
7. Poletaev, D.E. Migratsionnye posledstviya “ideal'nogo shtorma”: kakim budet vliyanie pandemii koronavirusa na problemy migratsii? [Migration consequences of the “perfect storm”: what will be the impact of the coronavirus pandemic on migration problems?]. *Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam* [Russian International Affairs Center]. [Online] Available from: <https://russiancouncil.ru/analytics—and-comments/analytics/migratsionnye-posledstviya—ideal'nogo-shtorma—kakim—budet—vliyanie—pandemii—koronavirusa—na—problemy/> (Accessed: 30.06.2021).
8. Varshaver, E., Ivanova, N. & Rocheva, A. (2020) *Polozhenie migrantov v Rossii vo vremya pandemii koronavirusa (COVID-19): rezul'taty oprosa* [Migrants in Russia during the COVID-19 Pandemic: Survey Results]. Moscow: RANEP. DOI: 10.2139/ssrn.3672397
9. Bhopal, R. (2020) COVID-19: Immense Necessity and Challenges in Meeting the Needs of Minorities, Especially Asylum Seekers and Undocumented Migrants. *Public Health*. 182. pp. 161–162. DOI: 10.1016/j.puhe.2020.04.010
10. Vieira, C. et al. (2020) COVID-19: The Forgotten Priorities of the Pandemic. *Maturitas*. 136. pp. 38–41. DOI: 10.1016/j.maturitas.2020.04.004
11. Barnett, E. & Walker, P. (2008) Role of Immigrants and Migrants in Emerging Infectious Diseases. *Medical Clinics of North America*. 6 (92). pp. 1447–1458. DOI: 10.1016/j.mcna.2008.07.001
12. Biao, X. & Wong, T. (2003) SARS: Public Health and Social Science Perspectives. *Economic and Political Weekly*. 25 (38). pp. 2480–2483. DOI: 10.2307/4413701
13. Onoma, A. (2020) Epidemics and Intra-Communal Contestations: Ekeh, 'les Guineens' and Ebola in West Africa. *The Journal of Modern African Studies*. 4 (56). pp. 595–617. DOI: 10.1017/S0022278X18000563
14. Liem, A. et al. (2020) The neglected health of international migrant workers in the COVID-19 epidemic. *The Lancet Psychiatry*. 7 (4). P. 20. DOI: 10.1016/S2215-0366(20)30076-6
15. IOM. (2011) *Glossary on Migration. 2nd Edition. International Migration Law No. 25*. Geneva: IOM.
16. Borodkina, O.I. & Tavrovskiy, A.V. (eds) (2018) *Mezhdunarodnaya migratsiya v Rossii: profilaktika sotsial'nykh riskov* [International Migration in Russia: Prevention of social risks]. Saint Petersburg: Skifiya-print.
17. President of the Russian Federation. (2020) *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 15.06.2020 № 392 “O vnesenii izmeneniy v Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 18 aprelya 2020 g. № 274 “O vremennykh merakh po uregulirovaniyu pravovogo polozheniya inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva v Rossiyskoy Federatsii v svyazi s ugrozoy dal'neyshego rasprostraneniya novoy koronavirusnoy infektsii (COVID-19)”* [Decree of the President of the Russian Federation of June 15, 2020, No. 392 “On Amendments to the Decree of the President of the Russian Federation of April 18, 2020, No. 274 “On Temporary Measures to Regulate the Legal Status of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation in connection with the threat of further spread of a new coronavirus infection (COVID-19)”]. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006150016> (Accessed: 30.06.2021).
18. United Nations, Department of Economic and Social Affairs. Population Division (2019). *International Migrant Stock 2019 (United Nations database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2019). Workbook*. [Online] Available from: UN_Migrant StockByAgeAndSex_2019.xlsx.
19. Ikram U.Z. et al. (2016) All-cause and cause-specific mortality of different migrant populations in Europe. *European Journal of Epidemiology*. 31. P. 655. DOI: 10.1007/s10654-015-0083-9
20. Reus-Pons M. et al. (2017) Differences in mortality between groups of older migrants and older non-migrants in Belgium, 2001–09. *European Journal of Public Health*. February 26. DOI: 10.1007/s00038-017-0949-6
21. The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (n.d.) *Statistika i analitika* [Statistics and Analytics]. [Online] Available from: <https://mvd.rf/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/23955653/> (Accessed: 30.06.2021).
22. Rossiyskaya gazeta. (2013) *Federal'nyy zakon RF ot 28 dekabrya 2013 g. № 442-FZ “Ob osnovakh sotsial'nogo obsluzhivaniya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii”* [Federal Law of the Russian Federation No. 442-FZ of December 28, 2013 “On the basics of social services for citizens in the Russian Federation”]. *Rossiyskaya gazeta*. 30 December. 6271.
23. Natsional'naya premiya “Grazhdanskaya initsiativa” [Civic Initiative National Award]. (n.d.) *Pomoshch' migrantam i chlenam ikh semey v usloviyakh pandemii koronavirusa* [Assistance to migrants and their family members in the conditions of the coronavirus pandemic]. [Online] Available from: <https://premiagi.ru/initiative/5445> (Accessed: 30.06.2021).

Received: 01 December 2021

Е.А. Фролова, В.А. Маланина

ИНСТРУМЕНТЫ УКРЕПЛЕНИЯ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОЙ АКАДЕМИИ АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00282).

Представлена количественная оценка жизнестойкости пожилых людей, участвующих в программах Томской академии активного долголетия, проведенная в период пандемии коронавируса (2021, Томская область, N = 400). В регрессионной модели значимыми предикторами жизнестойкости являются уровень счастья, физическая активность и уровень доходов респондента ($R^2_{adj} = .344$). Не выявлена статистически значимая взаимосвязь жизнестойкости и возраста, образования, эмоционального состояния респондента в период пандемии.

Ключевые слова: старшее поколение; жизнестойкость; шкала жизнестойкости Коннора–Дэвидсона; COVID-19; субъективное благополучие; Томская академия активного долголетия

Введение

События, с которыми столкнулся мир в последние двадцать лет (террористические атаки 11 сентября 2001, финансовый кризис 2007–2009 гг., военные конфликты в Юго-Восточной Азии, природные катаклизмы в разных частях планеты, проблемы кибербезопасности, пандемия коронавируса), сформировали запрос на осмысление происходящего и разработку механизмов укрепления адаптационного потенциала субъектов в условиях риска и неопределенности как на национальном, так и мировом уровне.

Вследствие данных изменений социальные науки, в том числе экономические исследования, пополнились новыми категориями, которые позволяют описать объективную реальность. Еще в конце 1970-х гг. в ответ на экологические вызовы в экономических исследованиях стала актуальной проблематика устойчивого развития (sustainable development), которая отражала изменение приоритетов в обеспечении экономического прогресса общества, в том числе переход от количественных (стоимостных) измерителей благосостояния к качественным оценкам влияния человека на природу и инструментам снижения негативного антропогенного воздействия. Устойчивым принято было считать такое развитие, которое не разрушает целостность экосистемы в ходе хозяйственной деятельности человека, обеспечивает ее сохранность для будущих поколений. Однако в конце XX – начале XXI в. человечество столкнулось не только с экологическими, но и социальными (международный терроризм), политическими (распад биполярного мира, обострение военных конфликтов), климатическими (глобальное потепление) и эпидемическими (ВИЧ, COVID-19) вызовами.

Следствием этих изменений стало расширение предметного поля концепции устойчивого развития и постепенная ее эволюция в сторону более емкого феномена – комплексной устойчивости, жизнестойкости (resilience). С 2011 г. в международных библиографических базах фиксируется ежегодное кратное увеличение количества публикаций по проблемам комплексной устойчивости (жизнестойкости) как отдельных индивидов и социальных групп, так и различных

сфер экономической деятельности, субъектов предпринимательства, экономической системы в целом. Библиографический поиск по ключевым словам с использованием термина «resilience» в тематической области «Economics» базы данных Web of Science (Core Collection) дает более 2 700 публикаций с 1986 г., при этом более 1 500 из них изданы за последние пять лет.

Комплексная устойчивость (жизнестойкость) также представлена в актуальной тематической повестке Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Обсуждая вопросы укрепления устойчивости, эксперты стран большой семерки (G7) выделяют несколько ключевых направлений преодоления уязвимостей: укрепление всемирных цепочек создания ценностей, улучшение международного регулирования глобальных рынков, борьбу с рисками, вызванными цифровизацией при условии сохранения внимания к вопросам климатических изменений, социального неравенства, доверия к государственным институтам. Идея комплексной устойчивости экономики, позиционированная в отчете ОЭСР 2020 г., предусматривает систему мер, которые позволяют экономике без существенных потерь справиться с экзогенными и эндогенными шоками [1]. Оценка экономической устойчивости предполагает измерение уровня уязвимости отдельных сфер. Комплексная методика ОЭСР включает более 70 показателей, отражающих дисбалансы на внутреннем и внешнем рынке, в том числе в финансовой сфере, инвестиционных активах, общественном секторе [2].

Вместе с тем данный подход нельзя признать универсальным, так как включаются только финансовые и экономические параметры, а факторы, которые обеспечивают качество жизни и жизнестойкость отдельных экономических агентов (индивидов, фирм), исключены из внимания. А. Сен, Дж. Стиглиц, Ж.-П. Фитусси отмечают, что в современной экономике существует огромное количество действительно важных для жизни вещей, которые вместе с тем не подлежат денежной (стоимостной) оценке, поэтому традиционные подходы национальной статистики необходимо дополнять показателями, которые отражают мнения людей о том, насколько они удовлетво-

рены отдельными аспектами своей жизни, – субъективными индикаторами [3]. Цифровая трансформация предоставляет широкое поле возможностей для формирования банка данных о нестоимостных параметрах экономического развития – индивидуальных оценок, которые можно получить на основе регулярных обследований (панельные социологические опросы, комплексные обследования социально-экономического положения населения).

Концепции жизнестойкости и активного долголетия

В данной работе мы будем следовать определению сущности жизнестойкости и параметров ее оценки и измерения, представленных в работе [4]. Жизнестойкость рассматривается как способность индивида/общества/государства восстанавливаться после кризисов, шоков или разрушений, справляться со стрессовыми ситуациями или рисками. Авторы отмечают важность индивидуальных оценок жизнестойкости, когда человек, сталкиваясь с негативными событиями на протяжении своей жизни, успешно компенсирует их последствия и возвращается к первоначальному состоянию или даже улучшает свои позиции, используя имеющийся у него потенциал. Таким образом, по мнению авторов, подходы к измерению жизнестойкости должны оценивать не только и не столько сами уязвимости, сколько способность агентов с ними справиться. Ключевыми свойствами жизнестойкости являются эволюция и адаптация через обучение, что предполагает не только возврат к исходной точке после каких-либо шоков, но и переход на качественно новый уровень как реакция на раздражители, реализация способности к самоорганизации.

Именно в таком контексте жизнестойкость рассматривают эксперты Европейской комиссии – как способность индивида справляться со стрессовыми ситуациями в жизни, которые невозможно предусмотреть и предотвратить, без существенной потери ресурсов адаптации (трудности закаляют) [5]. Жизнестойкость представляет собой свойство индивида, обусловленное влиянием комплекса факторов среды и природы самого человека: характер и темперамент, воспитание, социальное окружение, стрессовые ситуации на протяжении всей жизни, ресурсы поддержки. Стратегии преодоления трудностей характеризуются большим разнообразием, начиная с опоры только на собственные силы/ресурсы поддержки местного сообщества/государственную социальную помощь и заканчивая моделями «смешанной ответственности», которые предусматривают участие разных субъектов в преодолении трудных жизненных ситуаций.

Естественный эксперимент, который можно наблюдать сейчас в мировой экономике (пандемия COVID-19), позволяет проверить, насколько различные субъекты хозяйственной деятельности способны адаптироваться к происходящим изменениям, сохранить и укрепить свой потенциал под влиянием современных вызовов. Традиционно самые уязвимые группы населения – многодетные семьи, сироты, лица с ограниченными возможностями и хроническими за-

болеваниями, старшее поколение, малообеспеченные группы населения – испытывают существенные трудности в адаптации в силу дефицита свободных ресурсов, которые могли бы компенсировать негативные последствия различных событий в их жизни. Представители старшего поколения в условиях пандемии оказались в числе наиболее уязвимых субъектов в силу как наличия хронических заболеваний, которые потенциально способны ухудшать течение инфекции, так и из-за дополнительных ограничений, введенных в целях их защиты, – запрет на посещение массовых мероприятий, ограничение мероприятий в сообществах ветеранов, запрет на посещение родственников в домах престарелых, проблемы в организации виртуального общения из-за слабого развития навыков в сфере компьютерной грамотности [6].

В современной социологии пожилого возраста доминирует концепция активного долголетия (active ageing), которая предусматривает создание условий на местах, чтобы как можно дольше продлить самостоятельность и независимость пожилого человека в решении повседневных вопросов, что предполагает формирование среды, ориентированной на нужды и потребности пожилого человека за счет укрепления его личного потенциала и предотвращения иждивенчества [7]. Ключевыми параметрами активного долголетия являются: трудовая активность в старшем возрасте, дружеские и родственные социальные контакты, участие пенсионеров в волонтерской и добровольческой деятельности, физическая активность, личная безопасность и предотвращение дискриминации по возрасту, достаточность доходов, возможности развития человеческого капитала и др.

По результатам Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ-2018), в России в среднем только 5,8% от общей численности населения старше 55 лет способны вести активный образ жизни [8]. Пандемия коронавируса также внесла существенные коррективы в эти возможности (отстранение от контактной работы сотрудников старше 65 лет, запрет на проведение мероприятий с участием пенсионеров, перенос некоторых форм социальной активности в онлайн, что недоступно для значительной части пожилых людей из-за низкого уровня грамотности в сфере информационных технологий или финансовых ограничений и др.).

В рамках программы «Старшее поколение» Национального проекта «Демография» во многих российских регионах реализуются проекты, направленные на поддержку активности в старшем возрасте. Данные программы ориентированы на лиц третьего возраста для продления их здоровой жизни и повышения уровня самостоятельности в повседневных делах, что позволяет экономить ресурсы служб социальной поддержки, делает жизнь человека на пенсии более яркой и насыщенной, укрепляет межпоколенческие контакты, способствует расширению кругозора и предотвращает когнитивные нарушения.

В Томской области при поддержке Фонда президентских грантов по инициативе Департамента социальной защиты населения Администрации Томской области и областного Совета ветеранов, при содей-

ствии всех региональных вузов и многих общественных организаций с 2018 г. реализуется проект «Томская академия активного долголетия» (ТААД). Цель данного проекта – это «создание условий для жителей региона старше 55 лет для здорового и активного долголетия» [9].

В рамках данного проекта реализован комплекс мероприятий, направленных на повышение образовательного уровня слушателей (компьютерная и финансовая грамотность, иностранные языки, просветительская деятельность в области охраны здоровья), уровня физической активности (регулярные и сезонные занятия физической культурой и спортом, танцевальные программы), преодоление эйджизма (фестивали старшего поколения), образовательные проекты по различным видам досуга (садово-огородные проекты, творчество и рукоделие и др.), агитация и пропаганда ценностей активного долголетия.

Участниками программ ТААД за 2019–2020 гг. стали более 7 тыс. представителей старшего поколения в Томской области, более 70% из этого числа были слушателями школы здоровья. В 2020 г. в программе ТААД появились новые направления – школа кулинарного мастерства и школа искусств. Мероприятия ТААД получили финансирование за счет грантовых фондов и средств областного бюджета на 8 млн руб. [10].

Вместе с тем, как и многие государственные программы, данный проект предусматривает оценку достигнутых результатов только через совокупность традиционных количественных индикаторов (количество участников и объемы финансирования), что не позволяет оценить ценностный, содержательный эффект реализации проекта. Можно ли считать, что участники различных мероприятий ТААД действительно стали более здоровыми, активными, счастливыми с учетом долгосрочного эффекта реализованных мероприятий?

Оценка жизнестойкости участников программ Томской академии активного долголетия

В целях измерения возможного эффекта от реализации программ ТААД была проведена оценка жизнестойкости, удовлетворенности и счастья слушателей Академии в период пандемии коронавируса. Социологическое исследование проведено коллективом Международной научно-образовательной лаборатории технологий улучшения благополучия пожилых людей совместно с Центром социологических и маркетинговых исследований «Контекст» в марте-апреле 2021 г. В выборку вошли 400 респондентов (247 женщин и 153 мужчины), проживающих на территории Томской области, в возрасте от 55 до 92 лет (средний возраст составил 66,25 лет). Для участия в опросе респонденты отбирались случайным образом путем квотной выборки. Очные структурированные интервью проводились по месту проживания респондентов на русском языке после получения устного информированного согласия и при соблюдении всех противоэпидемических мероприятий. Если в домохозяйстве проживало нескольких пожилых людей, опрашивался только один из них.

Оценка жизнестойкости проводилась по шкале Коннора–Дэвидсона (Connor–Davidson Resilience Scale, CD-RISC-25, баллы от 0 до 100, где 0 – самая низкая жизнестойкость, 100 – самый высокий уровень жизнестойкости) для трёх рандомизированных групп респондентов. Опросник включает 25 вопросов, ответы на которые оцениваются по 5-балльной шкале от 0 до 4 баллов (диапазон: 0 (совершенно неверно), 1 (правда, но редко), 2 (иногда правда), 3 (часто правда) и 4 (правда почти всегда)). Валидация данной шкалы проведена в работе [11]. Первая группа (ТААД_1) – это респонденты (N = 15), которые никогда не участвовали в каких-либо программах ТААД и не имеют желания участвовать. Вторая группа (ТААД_2) – это респонденты (N = 15), которые на момент исследования никогда не обучались по программам ТААД, но хотели бы принять участие в какой-либо программе. Третья группа (ТААД_3) – респонденты (N = 14), которые на момент исследования уже участвовали в одной или нескольких программах ТААД. Итого объем выборки (ТААД) составил 44 респондента.

Дополнительно по 10-балльной шкале Лайкерта (0 – самое слабое проявление свойства, 10 – самое сильное проявление свойства) оценивались степень религиозности респондентов, субъективное благополучие (subjective wellbeing), счастье, удовлетворенность социальными контактами, самооценка здоровья. Физическая активность и спорт оценивались как количество дней в неделю, когда респонденты были вовлечены в любые формы физической активности. Эмоциональное состояние в период пандемии оценивалось как сумма баллов негативных оценок за вычетом суммы баллов позитивных оценок (минимум 3 балла, максимум 29 баллов), где высокое итоговое значение свидетельствует об ухудшении эмоционального состояния. Доходы респондентов оценивались в соответствии с методикой Европейского социального исследования (European Social Survey) как принадлежность домохозяйства к соответствующей децильной группе (первая децильная группа – доходы домохозяйства менее 12 тыс. руб. в мес., десятая группа – доходы более 80 тыс. руб. в мес.) [12].

Для сравнения групп использовался однофакторный дисперсионный анализ (One-way-ANOVA). Также проведен корреляционный и регрессионный анализ. Вычисления были выполнены в среде R, версия 4.1.1. Описательная статистика по выборке представлена в табл. 1.

Сравнительный анализ социодемографических характеристик представленных групп респондентов демонстрирует устойчивые различия в профиле среднего респондента в каждой группе. Респонденты, которые принимали участие в программах Томской академии активного долголетия (ТААД_3), обладают более высоким уровнем жизнестойкости в сравнении с респондентами из остальных групп, также они оказались менее подвержены негативному влиянию последствий пандемии, демонстрируют сравнительно более высокий уровень физической активности, счастья, более оптимистичны в оценках состояния здоровья при отсутствии существенных различий в субъективной удовлетворенности жизнью и доходах.

Результаты однофакторного дисперсионного анализа (one-way-ANOVA) демонстрируют статистически значимую выявленную различий на доверительном интервале 95% ($F = 4,106$, $p\text{-value} = 0,0491$). Однако данные результаты не позволяют с уверенностью сделать вывод о влиянии именно программ ТААД. Возможно, что участники в каждой группе изначально отличались по своим характеристикам, а обучающиеся по программам ТААД априори были более счастливыми, активными, жизнестойкими.

Для оценки влияния именно программ ТААД на жизнестойкость старшего поколения в Томской области проведен корреляционно-регрессионный анализ. Рассчитаны коэффициенты парной корреляции по общей выборке для всех социодемографических характеристик (рис. 1).

Результаты корреляционного анализа демонстрируют сильную статистически значимую связь между жизнестойкостью респондентов и их участием в программах ТААД ($0,298^*$), уровнем доходов домашних хозяйств ($0,380^*$), уровнем физической активности ($0,357^*$) и субъективными оценками счастья ($0,518^{***}$).

Участие респондентов в программах ТААД, в свою очередь, статистически значимо связано с общим уровнем образования ($0,350^*$) и уровнем физической активности респондентов ($0,445^{**}$). Так как достигнутый уровень образования формируется в молодом возрасте, по результатам корреляционного анализа можно с уверенностью утверждать, что слушателями программ ТААД в основном становятся люди с более высоким уровнем образования.

Таблица 1

Описательная статистика по группам участников (Томск, 2021, N = 44)

	ТААД 1		ТААД 2		ТААД 3		ТААД	
	mean	sd	mean	sd	mean	sd	mean	sd
Возраст (лет) – age	68,5	8,13	65,9	7,10	65,7	4,34	66,7	6,73
Жизнестойкость (сумма баллов) – res_total	57,7	15,2	61,5	18,0	71,8	22,5	63,5	19,2
Религиозность (баллы) – spirit	4,73	2,96	6,67	2,06	5,07	2,56	5,5	2,64
Эмоциональное состояние в условиях пандемии (сумма баллов) – covidtotal	9,87	5,33	8,33	4,05	7,14	2,96	8,48	4,30
Субъективное благополучие (баллы) – swb	6,93	2,94	6,27	2,89	6,79	2,75	6,65	2,81
Счастье (баллы) – happy	6,33	2,64	6,73	2,28	7,93	1,59	6,98	2,28
Самооценка здоровья (баллы) – perhealth	5,33	1,40	5,33	1,80	6,43	1,74	5,68	1,70
Образование (баллы) – edu	3,93	1,44	4,67	1,23	5,07	1,14	4,55	1,34
Физическая активность и спорт (дней в неделю) – sport	2,73	2,52	4,13	2,72	5,5	1,56	4,1	2,55
Доход (децильные группы) – income	4,8	2,83	5,29	2,61	5,57	2,38	5,2	2,58
N	15		15		14		44	

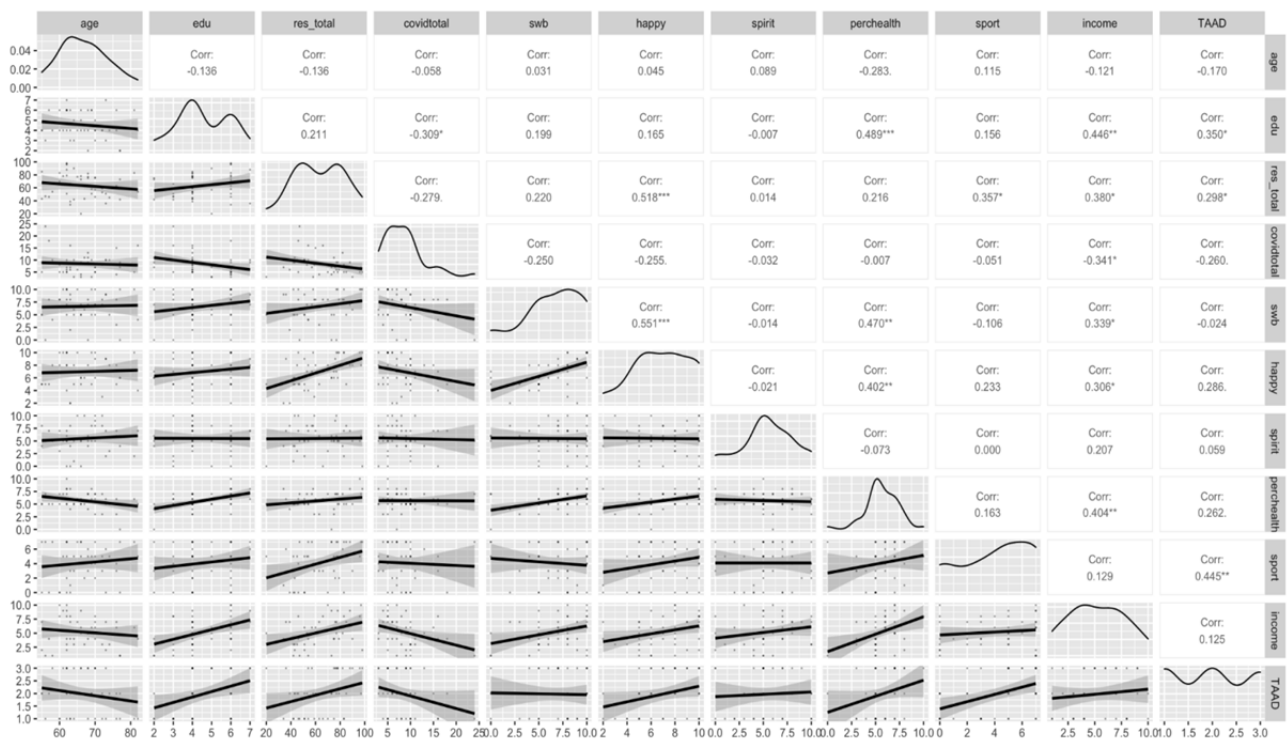

Рис. 1. Результаты корреляционного анализа по выборке ТААД (N = 44): * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$

При этом со своей стороны более высокий уровень образования обеспечивает высокую степень эмоциональной устойчивости респондентов в условиях пандемии (-0,309*) и более высокие субъективные оценки состояния здоровья (0,489***). Уровень образования также статистически значимо связан с доходом домашних хозяйств (0,446**).

Регрессионная модель

Для оценки степени влияния социодемографических факторов на жизнестойкость респондентов с использованием метода пошаговой множественной регрессии также построены линейные модели, которые

демонстрируют статистически значимую взаимосвязь между зависимой переменной – жизнестойкостью респондентов и их участием в программах ТААД (модель 1). Однако эта модель описывает только 8% вариации зависимой переменной, что позволяет сделать вывод о наличии иных предикторов жизнестойкости.

Расширение модели за счет включения в нее других предикторов (модель 2, модель 3, модель 4) позволяет выделить три наиболее значимых фактора жизнестойкости – субъективная оценка счастья, уровень дохода и уровень физической активности (табл. 2). В совокупности эти предикторы объясняют 34,4% вариации зависимой переменной.

Таблица 2

Коэффициенты линейной регрессии для модели жизнестойкости пожилых людей (Томск, 2021, N = 44)

Предикторы	Зависимая переменная – Жизнестойкость			
	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
ТААД	6,987** (3,448)	-0,647 (4,122)	1,779 (3,453)	
covidtotal		-0,565 (0,741)		
age		-0,569 (0,426)		
edu		0,636 (2,515)		
spirit		0,115 (1,049)		
swb		-0,176 (1,295)		
happy		3,973** (1,525)	3,648*** (1,240)	3,587*** (1,157)
perhealth		-1,293 (2,298)	-0,957 (1,713)	
sport		1,975 (1,207)	1,534 (1,082)	1,722* (0,971)
income		1,303 (1,331)	1,868* (1,070)	1,680* (0,991)
Constant	49,661*** (7,370)	70,297** (34,192)	24,270** (10,379)	23,034** (8,520)
Observations	44	43	43	43
R ²	0,089	0,441	0,399	0,391
Adjusted R ²	0,067	0,267	0,318	0,344
Residual Std. Error	18,563 (df = 42)	16,638 (df = 32)	16,050 (df = 37)	15,738 (df = 39)
F Statistic	4,106** (df = 1; 42)	2,528** (df = 10; 32)	4,911*** (df = 5; 37)	8,340*** (df = 3; 39)

*p < 0,1; **p < 0,05; ***p < 0,01.

К примеру, увеличение уровня счастья на 1 балл приводит к росту жизнестойкости на 3,6 балла, повышение уровня физической активности в среднем на 1 день способствует росту жизнестойкости на 1,7 балла, а переход в каждую следующую децильную группу по доходам также повышает жизнестойкость на 1,7 балла. Возраст респондента, достигнутый уровень образования, степень религиозности и эмоциональное состояние в период пандемии не оказывают существенного и статистически значимого влияния на зависимую переменную.

Таким образом, не сам факт участия респондента в тех или иных проектах, реализуемых региональными и местными органами власти, некоммерческими организациями или социальными предпринимателями, становится залогом более высокого уровня адаптации старшего поколения к трудным жизненным ситуациям (жизнестойкости). Важно, какие именно мероприятия реализуются в рамках данных проектов, могут ли они стать инструментом повышения жизнестойкости старшего поколения, в том числе способствуют ли они укреплению здоровья и социальных контактов, обеспечивают ли рост субъективной удовлетворенности и счастья, укрепляют ли трудовой потенциал, финансовую грамотность, компетенции, необходимые в условиях цифровой трансформации. Реализация подобных проектов за счет средств некоммерческих организаций позволяет привлечь наиболееязвимых

участников, которые не могут позволить себе аналогичные формы активности в силу материальных трудностей и являются основными потребителями услуг социальной защиты (в том числе долгосрочного социального обслуживания в стационарных учреждениях или на дому). Укрепление адаптационного потенциала данной категории населения позволяет повысить их самостоятельность и независимость в повседневной жизни, уверенность в собственных силах, расширить сеть социальных контактов взаимопомощи, что позволит более эффективно использовать финансовые ресурсы системы социальной защиты, будет способствовать снижению нагрузки на социальные службы и повышению качества обслуживания населения.

В процессе проектирования программы мероприятий необходимо учитывать научно обоснованные рекомендации специалистов в области социальной геронтологии и гериатрии в целях предотвращения нанесения вреда и роста продолжительности здоровой жизни. В условиях пандемии коронавируса при отсутствии возможности проводить массовые мероприятия и личные встречи особое значение приобретают информационные технологии, использование которых позволяет организовать удаленное взаимодействие участников программ, однако трудности в доступе и низкая скорость освоения новых информационных ресурсов существенно сокращают аудиторию подоб-

ных проектов. Личные контакты для старшего поколения все еще остаются предпочтительной формой организации социального взаимодействия.

Заключение

Жизнестойкость как комплексная характеристика адаптационного потенциала индивида может рассматриваться в качестве одного из операциональных подходов к оценке характеристик старшего поколения в контексте накопленных ресурсов, эффективности их использования, самостоятельности и независимости в принятии решений, способности справиться с рисками и неопределенностью, обусловленными индивидуальными причинами и глобальными процессами. Несмотря на тот факт, что научный интерес к этим аспектам появился относительно недавно, разработаны подходы к оценке индивидуальной жизнестойкости, устойчивости отдельных сфер деятельности, международные эксперты работают над вопросом методологии оценки устойчивости в страновом разрезе.

В данном исследовании впервые проведена оценка жизнестойкости старшего поколения по методике Коннора–Дэвидсона для респондентов, проживающих в Томской области, участвовавших в программах активного долголетия. В ходе исследования было установлено, что участники программ ТААД демонстрируют более высокий уровень жизнестойкости, чем те, кто не хотел участвовать, и те, кто хотел бы участвовать, но по каким-либо причинам не смог это сделать. Полученные результаты не позволяют сделать однозначный вывод о влиянии на жизнестойкость исключительно факта участия пожилого человека в каких-либо программах поддержки. Результаты регрессионного анализа дают возможность говорить о тесной взаимосвязи инструментов реализации стратегии активного долголетия и способности индивида справляться с возникающими трудностями без существенной потери ресурсов адаптации. Предложенная модель жизнестойкости пожилых людей предполагает, что значимое и сильное положительное воздействие

на комплексный уровень жизнестойкости оказывают уровни счастья, физической активности и доходов.

Таким образом, помимо традиционных количественных показателей оценки степени востребованности различных программ, направленных на повышение активности и жизнестойкости старшего поколения (количество участников и посещений, количество программ, в которых принимал участие каждый респондент, количество финансовых ресурсов, выделенных на реализацию программ), требуются индикаторы, динамика которых бы отражала эффективность данных программ с точки зрения их влияния на жизнестойкость.

К их числу можно отнести индикаторы физической активности, мониторинги удовлетворенности жизнью и счастья, самооценки здоровья. Для участников программ ТААД в возрасте от 55 до 75 лет одним из показателей эффективности программы укрепления жизнестойкости могли бы стать показатели, отражающие динамику доходов, так как представители данной возрастной группы демонстрируют достаточно высокий уровень трудовой активности как в формальном, так и неформальном секторе, а также занимаются другими видами оплачиваемой деятельности (производство продуктов питания в ЛПХ, работа по индивидуальным заказам и др.).

Жизнестойкость является комплексным психологическим феноменом, отражающим способность индивида выходить из трудных жизненных ситуаций без существенных потерь для самоконтроля, самооценки, умения ставить и достигать своих целей. Она формируется в течение жизненного цикла и не разрушается быстро даже перед лицом тяжелых и длительных испытаний и ограничений, каковым стала пандемия COVID-19. Высокая положительная корреляция уровня образования и эмоциональной устойчивости в период пандемии для обследованной выборки респондентов свидетельствует о значимости и эффективности таких инструментов, как повышение уровня образования в течение жизни, в укреплении жизнестойкости.

ЛИТЕРАТУРА

1. OECD, Development Co-operation Report 2020: Learning from Crises, Building Resilience. Paris : OECD Publishing. URL: <https://doi.org/10.1787/f6d42aa5-en> (дата обращения: 02.09.2021).
2. Röhn O., Sánchez A.C., Hermansen M., Rasmussen M. Economic resilience: A new set of vulnerability indicators for OECD countries // OECD Economics Department Working Papers. No. 1249. Paris : OECD Publishing, 2015. URL: <https://doi.org/10.1787/5jrxhgjw54r8-en> (дата обращения: 02.09.2021).
3. Sen A., Stiglitz J.E., Fitoussi J. Mis-measuring our lives : why GDP doesn't add up? New York : New Press, 2010.
4. Asheim G.B., Bossert W., D'Ambrosio C., Vögele C. The measurement of resilience // Journal of Economic Theory. 2020. Vol. 189. Art. № 105104. doi: 10.1016/j.jet.2020.105104.
5. Navracsis T., Sucha V., Wahlstroem M., Stigson B., Wijkman A., Lechner S., Masera M., Hubbard N., Bidoglio G., Fink-Hooijer F., Abousahl S., Regling K., Campolongo F., Ratto M., Nicholl C., Fischer G., Al Khudhairi D., Porter M., Luyckx O., Zampieri A., Nordvik J., Lenhart G., Campinos A., Giovannini E., Ammann W., Jacometti J. The Challenge of Resilience in a Globalised World. Publications Office of the European Union. EUR 27280. 2015. JRC96313. URL: https://ec.europa.eu/jrc/sites/default/files/jrc-resilience-in-a-globalised-world_en.pdf (дата обращения: 13.09.2021).
6. Zach S., Zeev A., Ophir M., Eilat-Adar S. Physical activity, resilience, emotions, moods, and weight control of older adults during the COVID-19 global crisis // European Review of Aging and Physical Activity. 2021. Vol. 18 (1). doi: 10.1186/s11556-021-00258-w
7. Фролова Е.А., Маланина В.А. Индекс активного долголетия в регионах Сибири // Экономика региона. 2021. Т. 17, № 1. С. 209–222.
8. Социальная активность граждан пожилого возраста // Росстат. URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/7-5\(2\).xlsx](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/7-5(2).xlsx) (дата обращения: 13.09.2021).
9. Томская академия активного долголетия // Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=D80E9960-1F40-4F77-8254-2B0545FDFCAA> (дата обращения: 14.09.2021).
10. Академия долголетия // Лучшие практики Национальных проектов России. URL: <https://практики.национальные-проекты.рф/demografiya/aktivnoe-dolgoletie/aktivnost-i-uchastie-v-zhizni-obschestva/akademiya-dolgoletiya> (дата обращения: 14.09.2021).

11. Connor K.M., Davidson J.R.T. Development of a new resilience scale: The Connor-Davidson resilience scale (CD-RISC) // *Depression and anxiety*. 2003. Vol. 18 (2). P. 76–82.
12. ESS Round 8 : European Social Survey (2020) : ESS-8 2016 Documentation Report. Edition 2.2. Bergen, European Social Survey Data Archive, NSD – Norwegian Centre for Research Data for ESS ERIC. doi: 10.21338/NSD-ESS8-2016

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 15 октября 2021 г.

Tools for Strengthening the Resilience of the Older Generation During the COVID-19 Pandemic on the Example of the Tomsk Academy of Active Ageing

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 154–160.

DOI: 10.17223/15617793/473/19

Elena A. Frolova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: frolova_ea@mail.tsu.ru

Veronika A. Malanina, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: milanskaya@mail.ru

Keywords: older generation; resilience; Connor-Davidson Resilience Scale; COVID-19; subjective wellbeing; Tomsk Academy of Active Ageing.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00282.

This article aims to identify factors which may contribute to the strengthening of the resilience of older adults through the times of the COVID-19 pandemic. Resilience is commonly interpreted as an ability to bounce back from adversity and stressful events throughout the life course. In April 2021 we ran a structured interview survey of 400 urban and rural older adults aged 55+ in Tomsk region. The mean age of the participants was 66.25; male participants accounted for 38.25%. Along with socio-demographic indicators, the questionnaire involved respondents' subjective assessments of their income, self-perceived health, religiousness, life satisfaction and happiness. Overall resilience was measured by the validated Russian version of the Connor-Davidson Resilience Scale (CD-RISC-25), ranging from a minimum of 0 to a maximum of 100 score points. The mean resilience in the whole sample was 62.5 points. The participants of Tomsk Academy of Active Ageing programmes demonstrated considerably higher mean levels of resilience (71.8 points), though the very fact of participation in educational programmes has weak correlation with resilience. Resilience correlates positively with income (0.380*), physical activity (0.357*) and happiness (0.518***). Interconnection here may work both ways: more resilient older adults may choose to participate in educational activities of the Tomsk Academy of Active Ageing, while educational activities may in turn contribute to higher resilience. To establish the causation, we suggested a linear regression model to reveal the probable predictors of resilience. The results suggest that happiness, physical activity and income proved to significantly affect the overall level of older adults' resilience. These variables explain 34.4% of resilience variability within the suggested model. We also tested three other models with different independent variable combinations, involving life satisfaction, age, religiousness, and self-perceived health; but they all proved to have lower explanatory power. High positive correlation between the level of education and emotional stability during the COVID-19 pandemic for the observed respondents indicates the importance and effectiveness of lifelong education in strengthening resilience. The emotional stability during the pandemic had a weak negative impact on the resilience of the participants of the Tomsk Academy programs, but due to the fact that it has already taken on a long-term nature, only further research will make it clear whether the impact of the pandemic is leveled or intensified over time.

REFERENCES

1. OECD, (2020) *Development Co-operation Report 2020: Learning from Crises, Building Resilience*. Paris: OECD Publishing. [Online] Available from: <https://doi.org/10.1787/f6d42aa5-en> (Accessed: 02.09.2021).
2. Röhn, O. et al. (2015) Economic resilience: A new set of vulnerability indicators for OECD countries. *OECD Economics Department Working Papers*. No. 1249. Paris: OECD Publishing. [Online] Available from: <https://doi.org/10.1787/5jrxhgw54r8-en> (Accessed: 02.09.2021).
3. Sen, A., Stiglitz, J.E. & Fitoussi, J. (2010) *Mis-measuring our lives: why GDP doesn't add up?* New York: New Press.
4. Asheim, G.B et al. (2020) The measurement of resilience. *Journal of Economic Theory*. 189. Art. 105104. DOI: 10.1016/j.jet.2020.105104.
5. Navracscs, T. et al. (2015) *The Challenge of Resilience in a Globalised World*. Publications Office of the European Union. EUR 27280. JRC96313. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/jrc/sites/default/files/jrc-resilience-in-a-globalised-world_en.pdf (Accessed: 13.09.2021).
6. Zach, S. et al. (2021) Physical activity, resilience, emotions, moods, and weight control of older adults during the COVID-19 global crisis. *European Review of Aging and Physical Activity*. 18 (1). DOI: 10.1186/s11556-021-00258-w
7. Frolova, E.A. & Malanina, V.A. (2021) Active Ageing Index in Siberian Regions. *Ekonomika regiona – Economy of Region*. 17 (1). pp. 209–222.
8. Rosstat. (2021) *Sotsial'naya aktivnost' grazhdan pozhilogo vozrasta* [Social activity of elderly citizens]. [Online] Available from: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/7-5\(2\).xlsx](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/7-5(2).xlsx) (Accessed: 13.09.2021).
9. Fond prezidentskikh grantov [Presidential Grants Foundation]. (2021) *Tomskaya akademiya aktivnogo dolgoletiya* [Tomsk Academy of Active Ageing]. [Online] Available from: <https://prezidentskiegranty.rf/public/application/item?id=D80E9960-1F40-4F77-8254-2B0545FDCAA> (Accessed: 14.09.2021).
10. Luchshie praktiki Natsional'nykh proektov Rossii [Best Practices of National Projects of Russia]. (2021) *Akademiya dolgoletiya* [Active Ageing Academy]. [Online] Available from: <https://praktiki.natsional'nye-proekty.rf/demografiya/aktivnoe-dolgoletie/aktivnost-i-uchastie-v-zhizni-obshchestva/akademiya-dolgoletiya> (Accessed: 14.09.2021).
11. Connor, K.M. & Davidson, J.R.T. (2003) Development of a new resilience scale: The Connor-Davidson resilience scale (CD-RISC). *Depression and Anxiety*. 18 (2). pp. 76–82.
12. ESS. (2016) *ESS Round 8: European Social Survey (2020): ESS-8 2016 Documentation Report*. Edition 2.2. Bergen, European Social Survey Data Archive, NSD – Norwegian Centre for Research Data for ESS ERIC. DOI: 10.21338/NSD-ESS8-2016

Received: 15 October 2021

ПЕДАГОГИКА

УДК 796.92.093.642

Н.В. Астафьев, Г.А. Куклева, Е.А. Панков

ОЦЕНКА У ЮНЫХ БИАТЛОНИСТОВ ЗНАНИЙ ПРАВИЛ СТРЕЛЬБЫ И УМЕНИЙ ИХ ПРИМЕНЯТЬ: МЕТОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Предложены задания для оценки у биатлонистов знаний правил стрельбы: «отметка» выстрела; «определение средней точки попадания»; «внесение поправок в прицел»; «стрельба с выносом точки прицеливания». В исследовании приняли участие юные биатлонисты квалификаций I разряд – МС. Результаты исследования показали актуальность обучения биатлонистов правилам стрельбы и обозначили перспектива использования симуляторов.

Ключевые слова: биатлон; правила стрельбы; знания и умения; оценка; методы и результаты

Введение

Прежде чем приступить к описанию исследования, поясним, почему нами использован термин «правило стрельбы». «Правило есть закономерность, устойчивая систематическая взаимосвязь между явлениями, а также высказывание, описывающее эту закономерность» (URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/ Правило](https://ru.wikipedia.org/wiki/Правило)). Правила стрельбы представляют собой описание основных положений и рекомендаций по подготовке и ведению стрельбы. Так, например, правила стрельбы из снайперской винтовки включают в себя: «... наблюдение за полем боя и целеуказание; выбор цели; выбор установок прицела, точки прицеливания и определение боковых поправок; выбор момента для открытия огня; ведение огня, наблюдение за его результатами и корректирование; стрельба по неподвижным и появляющимся целям; стрельба по движущимся целям; стрельба по воздушным целям; стрельба в горах; стрельба в условиях ограниченной видимости; стрельба в условиях радиоактивного, химического и бактериального заражения; питание патронами и расход их в бою» (Наставление по стрелковому делу. 7,62-мм снайперская винтовка Драгунова (СВД). М., 1971).

Важным компонентом стрелковой подготовленности биатлонистов являются знания правил стрельбы и умения их применять. Знание правила «отметки» выстрела и умение его применять позволяют биатлонисту анализировать ошибки в производстве выстрела. Знание правила определения средней точки попадания и умение его применять необходимы биатлонисту для пристрелки оружия. Спортсмен анализирует результат серии выстрелов путем определения расположения средней точки попадания относительно центра мишени. Если стрельба кучная, но не по месту, то с учетом конструкции прицела («цена» одного щелчка барабана прицела) вносятся поправки в прицел.

Во время проведения соревнований по биатлону достаточно часто бывает ветер, который в ходе гонки может менять направление и силу. В этой связи спортсмен должен знать правила стрельбы способом «вынос» точки прицеливания. Для этого надо научиться быстро (во время движения по огневому рубежу) сравнить ветровую обстановку, которая была

во время пристрелки, с текущей ветровой обстановкой и быстро рассчитать точку прицеливания.

В научно-методической литературе имеются публикации, в которых указывается на необходимость компьютеризации процесса обучения биатлонистов «отметке» выстрела по взаимному расположению прицельных приспособлений [1, 2]. Кроме того, результаты ряда исследований указывают на необходимость обучения спортсменов оценке качества стрельбы посредством определения средней точки попадания и относительного радиуса кучности пробоин [3]. Особое внимание исследователи уделяют методике обучения биатлонистов стрельбе в условиях ветра. Одна из первых работ в этом направлении – методические рекомендации А.В. Пилина и соавт. [4].

Для современного биатлона проведены исследования, посвященные стрелковой подготовке биатлонистов в условиях ветра на основе биологической обратной связи [5–7], обоснованы основные принципы пристрелки [8], показаны приоритеты в концентрации внимания при стрельбе [9, 10], разработан алгоритм обучения биатлонистов стрельбе способом «вынос точки прицеливания» на стрелковом тренажере «SCATT» [11, 12], обоснована методика совершенствования техники стрельбы способом «вынос точки прицеливания» в полевых условиях – на стрелковых и комплексных тренировках [13–15].

При достаточно большом разнообразии научных исследований по стрелковой подготовке биатлонистов в настоящее время нет современных компьютеризированных методик обучения таким правилам стрельбы, как «отметка» выстрела; определение средней точки попадания; внесение поправок в прицел; стрельба в условиях ветра способом «вынос» точки прицеливания.

В качестве средств обучения, в целях экономии патронов и времени, целесообразно использовать электронные устройства [16, 17]. В мире наблюдается тенденция к увеличению количества носимых электронных устройств. Интерес пользователей смещается от ноутбуков, планшетов и смартфонов в сторону носимых электронных устройств Wearable Technologies (WT) («носимые технологии») [18]. Поэтому разрабатываемые обучающие программы должны быть универсальными и работать как на компьютере, так и на планшете и смартфоне.

Цель исследования – изучить актуальность проблемы обучения юных биатлонистов правилам стрельбы и умениям их применять, а именно то, в какой мере подростки и молодежь, занимающиеся биатлоном, знают и умеют «отмечать» выстрел; определять среднюю точку попадания; вносить поправки в прицел; стрелять в условиях ветра способом «вынос» точки прицеливания.

Полученные результаты позволят определить, насколько проблема обучения юных биатлонистов правилам стрельбы является актуальной для тренерской практики.

Методы и организация исследования

Для оценки знаний правил стрельбы подростками и молодежью, занимающимися биатлоном, были разработаны практические задания. Практические задания предусматривали оценку знаний следующих правил стрельбы: «отметка» выстрела; определение средней точки попадания; внесение поправок в прицел; стрельба в условиях ветра способом «вынос» точки прицеливания.

В исследованиях приняли участие 16 биатлонистов, из которых 5 спортсменов имели спортивную квалификацию I разряд; 7 спортсменов – КМС и 4 спортсмена – МС, а также 9 тренеров по биатлону (представительства: Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Санкт-Петербург, Сахалинская область, Московская область).

Время на выполнение спортсменами заданий не ограничивалось. Анализ результатов позволил определить недостатки знаний в каждом правиле стрельбы. Результаты выполнения практических заданий у биатлонистов были проанализированы при помощи методов математической статистики.

Анкетный опрос тренеров проведен с целью определения того, какие трудности вызывало у их воспитанников выполнение предложенных нами заданий, и

того, какие средства тренировки используются ими для обучения юных биатлонистов правилам стрельбы.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ результатов выполнения юными биатлонистами практических заданий позволил определить недостатки в каждом изучаемом компоненте стрелковой подготовленности.

Результаты выполнения практических заданий «отметка» выстрела. В тесте «отметка» выстрела, когда намушник «ровный», а цель не находится в центре кольцевой мушки (было предложено выполнить девять визуализированных заданий с различными вариантами взаимного расположения прицельных приспособлений), общее количество неправильных ответов составило 78% (рис. 1), когда цель находится в центре кольцевой мушки, а намушник «неровный» (было предложено выполнить девять визуализированных заданий с различными вариантами взаимного расположения прицельных приспособлений), общее количество неправильных ответов составило 8% (рис. 2). Полученные результаты указывают на актуальность обучения юных биатлонистов, «отметке» выстрела, когда намушник «ровный», а цель не находится в центре кольцевой мушки.

Анкетный опрос показал, что 22% тренеров правильно указали, в каком случае их воспитанники делают ошибки при «отметке» выстрела – намушник «ровный», цель не находится в центре кольцевой мушки. Тренеры в анкете указали, что обучение биатлонистов «отметке» выстрела осуществляется только на стрелковых тренировках. Спортсменам квалификации III–I разряд после каждого выстрела тренеры задают вопрос, в каком направлении пуля отклонилась от центра мишени (по правилу циферблата), а спортсменам квалификации КМС – МС – не только в каком направлении пуля отклонилась от центра мишени (по правилу циферблата), но и на какое расстояние (9, 8, 7 и т.д.).

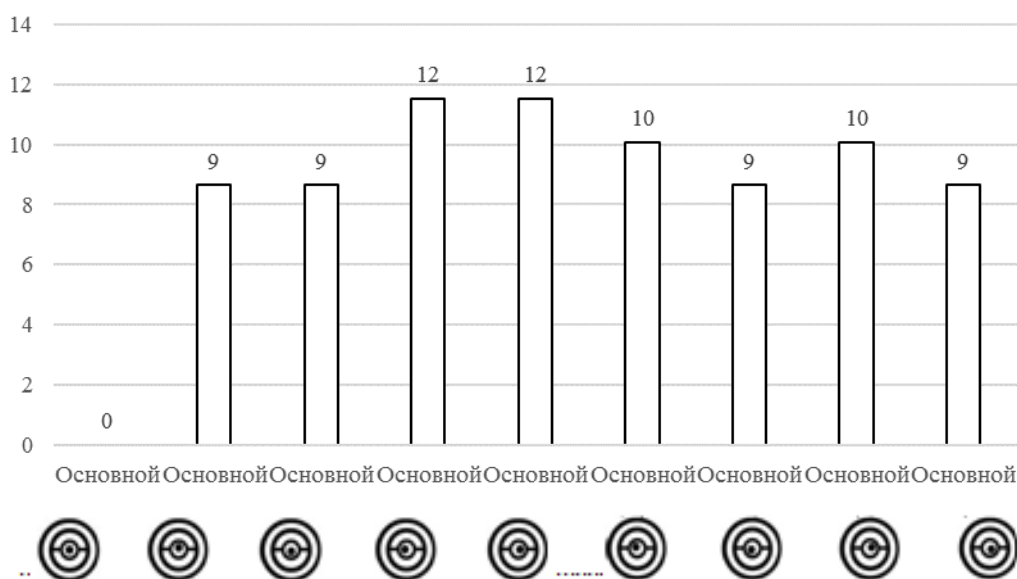

Рис. 1. Распределение ошибок по заданиям в тесте «отметка» выстрела при соблюдении условий: намушник «ровный», цель не находится в центре кольцевой мушки, %

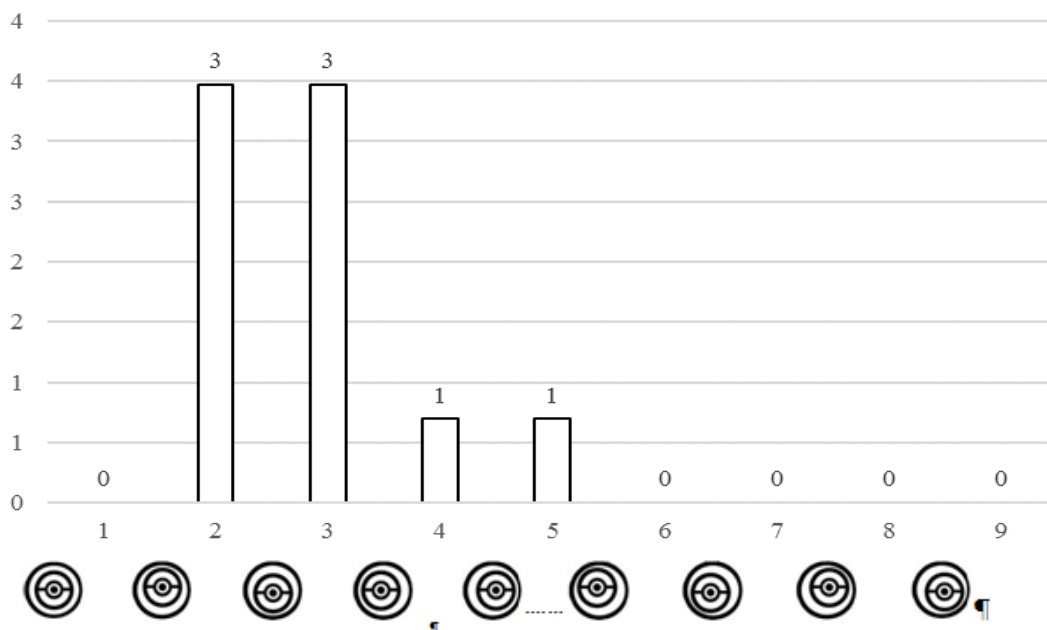

Рис. 2. Распределение ошибок по заданиям в тесте «отметка» выстрела при соблюдении условий: цель в центре кольцевой мушки, намушник «неровный», %

Результаты выполнения практических заданий «определение средней точки попадания». Общее количество ошибок, сделанных всеми спортсменами во всех заданиях (было предложено выполнить шесть визуализированных заданий по пять пробоин в каждой мишени), составило 2% (рис. 3).

Анкетный опрос тренеров показал, какими способами они формируют у своих воспитанников навык определения средней точки попадания (СТП). 56% тренеров *обучают этому вне тренировочных занятий* – на чистой мишени либо на чистом листе, в прямоугольной системе координат, обозначают точки (пробоины) и ставят задачу определить СТП путем последовательного деления отрезков. 44% тренеров делают это *в процессе пристрелки оружия* – после каждой

серии выстрелов предлагают спортсменам самостоятельно определить СТП для произведенной серии выстрелов.

Результаты выполнения практических заданий «внесение поправок в прицел». Условия: Расстояние между ближайшими габаритами мишени № 7 – 8 мм. «Стоимость» одного щелчка барабана прицела – 3 мм. Было предложено выполнить шесть визуализированных заданий с различным расположением средней точки попадания на мишени (рис. 4); юные биатлонисты не ошибались в правильности направления вращения барабана прицела, но количество щелчков барабана при оценке нами не учитывалось по причине того, что «стоимость» одного щелчка у винтовки каждого спортсмена различная.

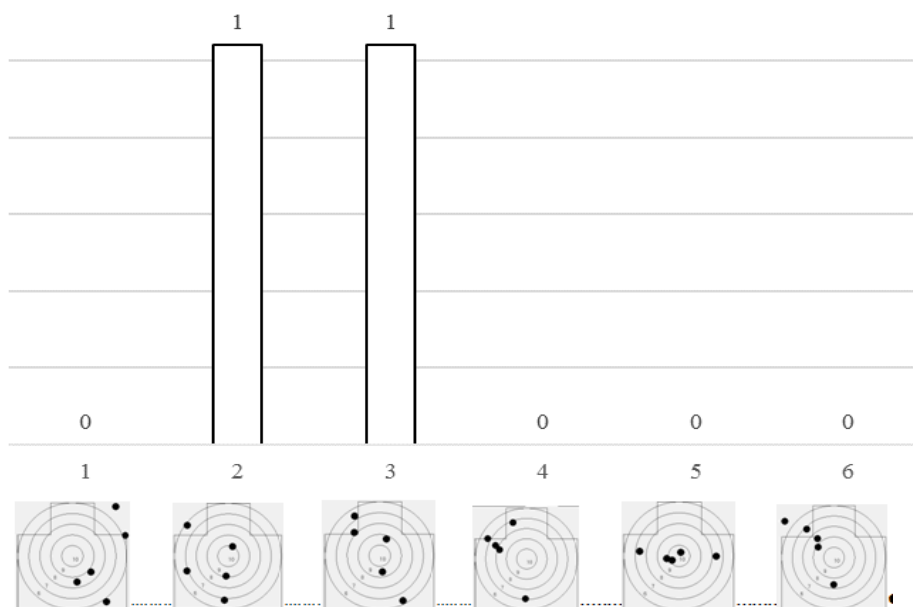

Рис. 3. Распределение ошибок по заданиям по определению средней точки попадания, в %

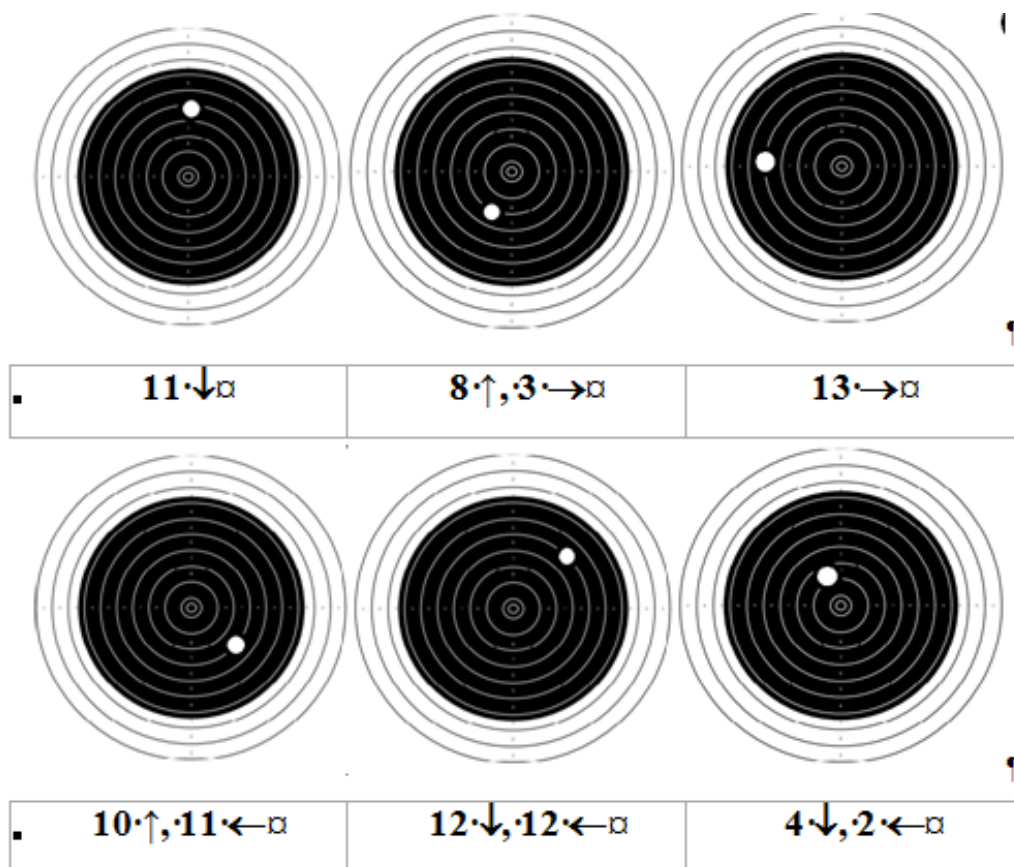

Рис. 4. Варианты расположения средних точек попадания на мишени

Анкетный опрос тренеров показал, что наиболее частой ошибкой при внесении поправок в прицел является то, что юные биатлонисты неправильно выбирали барабаны для вертикальной и горизонтальной поправок, а также неправильно выбирали направления вращения барабана. Кроме того, возникали ошибки при определении количества щелчков барабана. Это обстоятельство указывает на необходимость обучения биатлонистов стрельбе в условиях ветра способом «вынос» точки прицеливания.

Анкетный опрос показал, какими способами тренеры формируют у своих воспитанников навык внесения поправок в прицел. Все опрошенные тренеры используют следующий прием: отмечают на мишени СТП (например, «8 на 11») делают отметку в виде крестика и ставят спортсмену задачу определить количество щелчков барабана прицела по горизонтали (вправо–влево) и по вертикали («вверх–вниз»). Два тренера из девяти практикуют самостоятельную пристрелку оружия на тренировках.

Результаты выполнения практических заданий «вынос» точки прицеливания. Перед выполнением заданий по определению точки прицеливания при стрельбе в условиях ветра способом «вынос» точки прицеливания («пристрелка в штиль → стрельба при боковых ветрах различной силы») спортсменам была предложена следующая инструкция.

Инструкция. У используемых в современном биатлоне спортивных винтовок и патронов величины

отклонений пуль от центра мишени под воздействием боковых ветров различной силы определил Р.А. Зубрилов [12]. Так, слабый ветер (до 2 м/с) отклоняет пулю от центра мишени на 13,2 мм (до габарита «9»); умеренный (средний) ветер (до 4 м/с) – на 21,2 мм (до габарита «8»); сильный ветер (до 8 м/с) – на 29,2 мм (до габарита «7») [19].

На практике незначительная нелинейность отклонения пули от центра мишени игнорируется; условно принято, что под влиянием бокового ветра отклонение пули происходит от центра на «10 часов» (при ветре ветра слева) и от центра на «4 часа» (при ветре справа). Основные положения данной инструкции были закреплены юными биатлонистами при изучении рисунка с описанной выше информацией (рис. 5).

Кроме того, в лаконичной форме были разработаны правила стрельбы в положении «лежа» с «выносом» точки прицеливания для двух условий: «пристрелка в штиль – стрельба при боковом ветре» и «пристрелка в штиль – стрельба при продольном ветре», которые были сформулированы следующим образом.

Правила стрельбы с «выносом» точки прицеливания для условий «пристрелка в штиль – стрельба при боковом ветре» (рис.6). Выноси на ветер. Ветер справа → выноси на 4 часа. Ветер слева → выноси на 10 часов. Сильный ветер → выноси на 3 габарита. Средний ветер → выноси на 2 габарита. Слабый ветер → выноси на 1 габарит.

Правила стрельбы с «выносом» точки прицеливания для условий «пристрелка в штиль – стрельба при продольном ветре». Встречный ветер → выносы на 12 часов. Попутный ветер → выносы на 6 часов.

Задание 1. Пристрелка в безветрие (штиль) → стрельба при боковом ветре *слева* различной силы.

Юным биатлонистам было предложено выполнить три визуализированных задания (рис. 7) – определить точку прицеливания при ветре слева: слабой силы (правильный ответ «9 на 10»), средней силы (правильный ответ «8 на 10») и сильного ветра (правильный ответ «7 на 10»). Общее количество ошибок, сделанных всеми спортсменами во всех заданиях, составило 13%.

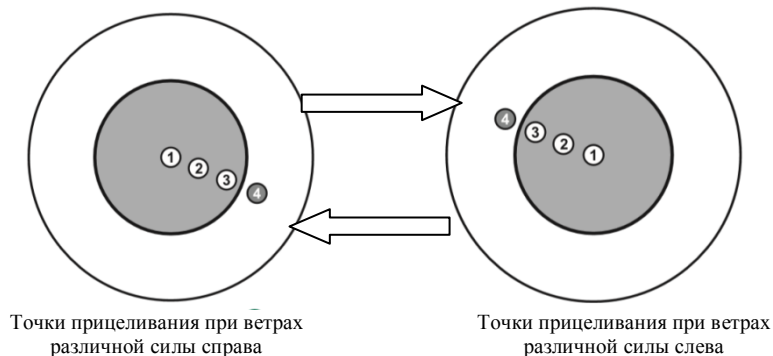

Рис. 5. Точки прицеливания в положении для стрельбы «лежа» при боковых ветрах различной силы (пристрелка в штиль) [2]

7 на 4	8 на 4	9 на 4	10	9 на 10	8 на 10	7 на 10

Рис. 6. Точки прицеливания в положении для стрельбы «лежа» в условиях: пристрелка в штиль → стрельба при боковых ветрах различной силы

9 на 10	8 на 10	7 на 10

Рис. 7. Задания для определения точек прицеливания в положении для стрельбы «лежа» в условиях: пристрелка в безветрие (штиль) → стрельба при боковом ветре *слева* различной силы

Задание 2. Пристрелка в безветрие (штиль) → стрельба при боковом ветре *справа* различной силы.

Юным биатлонистам было предложено выполнить три визуализированных задания (рис. 8) – определить

точку прицеливания при ветре справа: слабой силы (правильный ответ «9 на 4»), средней силы (правильный ответ «8 на 4») и сильного ветра (правильный

ответ «7 на 4»). Результаты тестирования показали, что юные биатлонисты при выполнении этого задания допустили 13% ошибок.

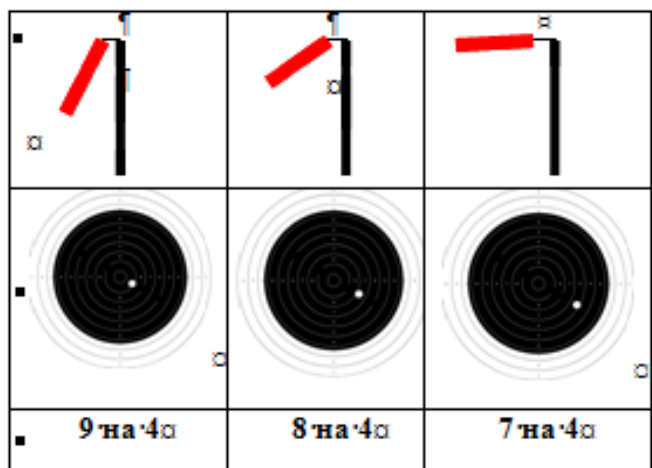

Рис. 8. Задания для определения точек прицеливания в положении для стрельбы «лежа» в условиях «Пристрелка в безветрие (штиль) → стрельба при боковом ветре *справа* различной силы»

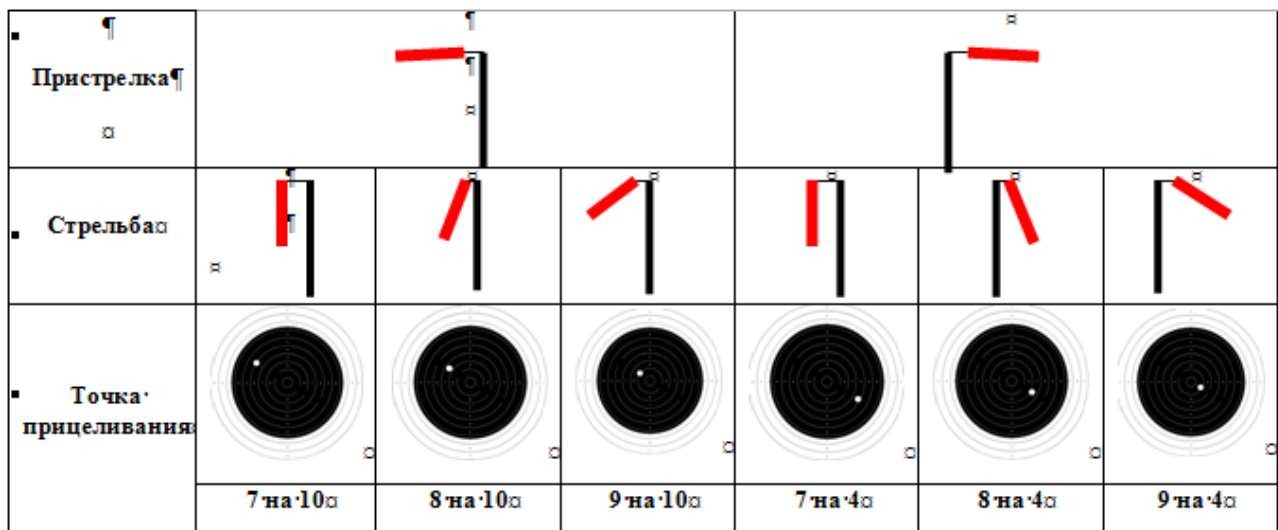

Рис. 9. Задания для определения точек прицеливания в положении для стрельбы «лежа» в условиях «Пристрелка при сильном боковом ветре → стрельба при ослаблении силы бокового ветра»

Задание 3. Пристрелка при сильном боковом ветре → стрельба при ослаблении силы бокового ветра.

Перед выполнением заданий по определению точки прицеливания, когда пристрелка была выполнена при сильном боковом ветре, а стрельба выполняется либо при ослаблении или усилении силы бокового ветра, либо при изменении направления ветра на противоположный спортсменам была предложено освоить следующий алгоритм расчета точки прицеливания (ТП).

1 – *рассчитать ТП при штиле*. От центра мишени по линии «10-4» переместиться по направлению ветра пристрелки на расстояние смещения пули ветром пристрелки.

2 – *рассчитать ТП стрельбы*. Из *расчетной ТП при штиле* по линии «10-4» переместиться *навстречу ветру* на величину смещения пули ветром стрельбы.

Юным биатлонистам было предложено выполнить шесть визуализированных заданий (рис. 9). Первые три

задания: 1 – пристрелка в ветер справа сильный → стрельба в штиль (правильный ответ «7 на 10»), 2 – стрельба в ветер справа слабый (правильный ответ «8 на 10»), 3 – стрельба в ветер справа средний (правильный ответ «9 на 10»). Следующие три задания: 1 – пристрелка в ветер слева сильный → стрельба в штиль (правильный ответ «7 на 4»), 2 – стрельба в ветер слева слабый (правильный ответ «8 на 4»), 3 – стрельба в ветер слева средний (правильный ответ «9 на 4»). Результаты тестирования показали, что юные биатлонисты при выполнении этого задания допустили 96% ошибок.

Задание 4. Пристрелка при боковом ветре → стрельба при изменившемся (противоположном) направлении ветра.

Юным биатлонистам было предложено выполнить четыре визуализированных задания (рис. 10): 1 – пристрелка в ветер слева средний → стрельба в ветер справа слабый (правильный ответ «7 на 4»); 2 – при-

стрелка в ветер справа слабый → стрельба в ветер слева средний (правильный ответ «7 на 10»); 3 – пристрелка в ветер справа средний > стрельба в ветер слева слабый (правильный ответ «7 на 10»); 4 – пристрелка в ветер справа слабый → стрельба в ветер слева средний (правильный ответ «7 на 10»). Результаты тестирования показали, что юные биатлонисты при выполнении этого задания допустили 72% ошибок.

Анализ анкетного опроса позволил установить, что для обучения стрельбе в положении «лежа» в условиях ветра способом «вынос» точки прицеливания

тренеры используют следующие упражнения: выполнение серии выстрелов в одну заданную точку мишени (например, в «8 на 4»); отработку упражнения в стрельбе при ветре различной величины справа – выполнение трех серий выстрелов по точкам прицеливания «7 на 4» → «8 на 4» → «9 на 4»; отработку упражнения в стрельбе при ветре различной величины слева – выполнение трех серий выстрелов по точкам прицеливания «9 на 10» → «8 на 10» → «7 на 10»; реже – выполнение четырех серий выстрелов в последовательности «8 на 9», «8 на 12», «8 на 3», «8 на 6».

Пристрелка	Стрельба	Пристрелка	Стрельба	Пристрелка	Стрельба	Пристрелка	Стрельба
7 на 4	7 на 10	7 на 10	7 на 10	7 на 10	7 на 10	7 на 10	7 на 10

Рис. 10. Задания для определения точек прицеливания в положении для стрельбы «лежа» в условиях: пристрелка при боковом ветре → стрельба при изменившемся (противоположном) направлении ветра

Кроме того, 44% тренеров считают, что стрельба в условиях ветра способом «вынос» точки прицеливания в положении «лежа» недоступна юным биатлонистам. 56% тренеров выразили уверенность, что юным биатлонистам доступна стрельба в условиях, когда пристрелка была в безветрие (штиль) и стрельба при боковом ветре различной силы.

Практически все опрошенные тренеры высказались за целесообразность использования игровой формы обучения юных биатлонистов «отметке» выстрела; определению средней точки попадания; внесению поправок на прицел; стрельбе в условиях ветра в положении «лежа» с «выносом» точки прицеливания с помощью симуляторов – девайсов и специального программного обеспечения к ним, при одновременном закреплении осваиваемых действий (правил стрельбы) на стрелковых и комплексных тренировках.

Для обсуждения. Тренерскому составу предлагается обсудить следующее положение: в связи с тем, что в процессе принятия решения о выборе точки прицеливания спортсмен вначале определяет направление отклонения точки прицеливания от центра мишени, а затем величину ее отклонения от центра мишени, возможно, имеет смысл изменить формулировку ответа по решению задач, т.е. вначале указывать направление отклонения точки прицеливания от центра мишени, а затем – величину отклонения точки прицеливания от центра мишени. Например, на 10 часов «9»; на 4 часа «7» и т.п. Основанием для этого предложения является описанная в настоящей ста-

тье методика обучения стрельбе в положении «лежа» с «выносом» точки прицеливания, так как в начале спортсмена обучают определять направление отклонения пробойны от центра мишени, а потом усложняют задание тем, что спортсмен должен еще и указать величину отклонения пробойны от центра мишени, измеряемую в габаритах.

Выводы

1. Исследования показали необходимость обучения юных биатлонистов правилам стрельбы и умениям их применять. Высокий эмоциональный фон соревнований, значительное ограничение времени на анализ обстановки и принятие решения способствуют тому, что количество ошибок кратно возрастет по сравнению с выполнением заданий в спокойном состоянии и в неограниченное время. Так, в современном биатлоне время на «отметку» выстрела составляет 2–3 с, время на оценку ветровой обстановки при подходе к огневому рубежу для стрельбы из положения «лежа» с «выносом» точки прицеливания составляет 5–10 с.

2. Имеется необходимость в разработке специального симулятора (компьютерного имитатора), предназначенного для обучения биатлонистов правилам стрельбы и умениям их применять. В качестве такого симулятора, на наш взгляд, целесообразно использовать носимые электронные устройства (девайсы) со специальным программным обеспечением.

3. Обучение правилам стрельбы с помощью симулятора должно завершаться в условиях, близких к соревновательным (соответствующие соревнования индивидуальная соревновательная частота сердечных сокращений при выполнении упражнения, время на анализ обстановки и принятие решения, высокий эмоциональный фон).

Многочисленное и образное восприятие взаимного расположения прицельных приспособлений, расположения пробоин на мишени, расположения средней точки попадания, маркеров силы и направления ветра (ветровых флажков), мыслительные процессы сравнения и анализа, позволяют сформировать на уровне автоматизма навык «отметки» выстрела, определения средней точки попадания, внесения поправок в при-

цел и стрельбы в положении «лежа» в условиях ветра способом «вынос» точки прицеливания.

Обучение правилам стрельбы при помощи симуляторов – носимых электронных устройств (девайсов) со специальным программным обеспечением – должно либо предшествовать практическому обучению в стрелковых тренировках в условиях тира или стрельбища, либо осуществляться одновременно с этими тренировками.

4. Результаты исследования предполагается использовать при разработке специального программного обеспечения для электронных носимых устройств, предназначенного для дистанционного обучения юных биатлонистов правилам стрельбы в положении «лежа» в условиях ветра способом «вынос» точки прицеливания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьев Н.В. Описание компьютеризированной педагогической технологии для обучения начинающих биатлонистов «отметке» выстрела // Современная система спортивной подготовки в биатлоне : материалы Всерос. научно-практ. конф. Омск : Изд-во СибГУФК, 2011. С. 28–32.
2. Романова Я.С. Методика совершенствования навыка прицеливания и способностей биатлонистов к оценке результата выстрела по взаимному расположению прицельных приспособлений // Вопросы функциональной подготовки в спорте высших достижений. 2015. Т. 3, № 1. С. 166–178.
3. Добрыдин А.А., Долгов В.А., Кочеткова С.В. Оценка качества стрельбы по относительному радиусу кучности // Ресурсы конкурентоспособности спортсменов: теория и практика реализации. 2019. № 1. С. 116–117.
4. Пилин А.В., Николаев Ю.В., Маркин В.П. Стрелковая подготовка биатлонистов в условиях ветра : методические рекомендации. М. : ГЦОЛИФК, 1990. 61 с.
5. Куделин А.И. Пути повышения качества стрельбы биатлониста // Современная система спортивной подготовки в биатлоне : материалы Всерос. научно-практ. конф. Омск : Изд-во СибГУФК, 2011. С. 140–145.
6. Куделин А.И., Ростовцев П.А., Загурский Н.С., Романова Я.С. К вопросу о стрелковой подготовке биатлонистов в условиях ветра // Современная система спортивной подготовки в биатлоне : материалы Всерос. научно-практ. конф. Омск : Изд-во СибГУФК, 2012. С. 164–173.
7. Куделин А.И. Методика подготовки биатлонистов высокой квалификации к стрельбе с учетом влияния ветра на основе биологической обратной связи : методические рекомендации. М. : ЛИТЕРА, 2012. 27 с.
8. Куделин А.И., Загурский Н.С. Основные принципы пристрелки в биатлоне // Современная система спортивной подготовки в биатлоне : материалы Всерос. научно-практ. конф. Омск : Изд-во СибГУФК, 2015. С. 108–125.
9. Куделин А.И., Загурский Н.С. Приоритеты в концентрации внимания при стрельбе // Современная система спортивной подготовки в биатлоне : материалы Всерос. научно-практ. конф. Омск : Изд-во СибГУФК, 2016. С. 124–142.
10. Куделин А.И., Загурский Н.С., Хайтович Ф. Стрелковые навыки в биатлоне: обучение и совершенствование техники стрельбы // Современная система спортивной подготовки в биатлоне : материалы Всерос. научно-практ. конф. Омск : Изд-во СибГУФК, 2018. С. 87–104.
11. Астафьев Н.В., Зубрилов Р.А. Алгоритм обучения биатлонистов стрельбе способом «вынос точки прицеливания» на стрелковом тренажере «SCATT» // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2015. № 3 (36). С. 7–16.
12. Зубрилов Р.А., Астафьев Н.В. Оптимизация методики обучения биатлонистов стрельбе способом «вынос точки прицеливания» с использованием стрелкового тренажера «SCATT» // Слобожанський науково-спортивний вісник. 2016. № 2 (52). С. 43–47.
13. Романова Я.С. Методика совершенствования техники стрельбы биатлонистов в условиях ветра способом «вынос точки прицеливания» // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2015. № 8 (126). С. 123–129.
14. Ростовцев П.А., Куделин А.И., Загурский Н.С., Романова Я.С. К вопросу о стрелковой подготовке биатлонистов в условиях ветра // Современная система спортивной подготовки в биатлоне : материалы Всерос. научно-практ. конф. Омск : Изд-во СибГУФК, 2012. С. 164–173.
15. Мальгина И.А. Средства подготовки биатлонистов к стрельбе в ветреную погоду // Актуальные проблемы физического воспитания, спортивной тренировки и оздоровления различных категорий населения ХМАО-Югры : сборник материалов I городской научно-практической конференции обучающихся г. Ханты-Мансийска. 2019. С. 44–47.
16. Романова Я.С., Загурский Н.С. Новый подход к обучению стрельбе в биатлоне // Современная система спортивной подготовки в биатлоне : материалы Всерос. научно-практ. конф. Омск : Изд-во СибГУФК, 2018. С. 132–143.
17. Романова Я.С., Загурский Н.С. Некоторые аспекты обучения и совершенствования стрельбы юных биатлонистов // Современная система спортивной подготовки в биатлоне : материалы Всерос. научно-практ. конф. Омск : Изд-во СибГУФК, 2019. С. 107–115.
18. Пономарева К.В. Тенденции рынка спортивных аксессуаров как зеркало социальных трендов общества // Экономические исследования и разработки. 2018. № 1. С. 17–24.
19. Зубрилов Р.А. Становление, развитие и совершенствование техники стрельбы в биатлоне. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Советский спорт, 2013. 352 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 12 ноября 2021 г.

Assessment of Young Biathletes' Knowledge of Shooting Rules and Their Application: Methods and Results

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 161–169.

DOI: 10.17223/15617793/473/20

Nikolay V. Astafiev, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (Tyumen, Russian Federation). E-mail: astnic@mail.ru

Galina A. Kukleva, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: astnic@mail.ru

Evgeniy A. Pankov, Noskova Regional Sports School of the Olympic Reserve in Cross Country Skiing and Biathlon (Tyumen, Russian Federation). E-mail: pankovea888@yandex.ru

Keywords: biathlon; shooting rules; knowledge and skills; estimation; methods and results.

An important component of marksmanship training of biathletes is the knowledge of shooting rules and the ability to apply them. Despite the significance of this component, the federal standard for athletic training in biathlon and sports training programs do not provide for teaching athletes the rules of shooting characteristic of biathlon. In order to teach biathletes the rules of shooting and corresponding skills, coaches practice shooting and complex training sessions, which are costly and, as a rule, would not make the goal of teaching achievable. Therefore, young biathletes do not have sufficient knowledge of the rules of shooting. The research objective is to study the relevance of the problem of teaching young biathletes the rules of shooting and their capabilities to employ them. To assess the young biathletes' knowledge of the rules of shooting and the ability to employ them, some practical exercises were developed, which included the evaluation of knowledge and skills of "marking" a shot, defining the central point of impact, adjusting the sight, locating the sight for windage. The studies were attended by young highly qualified biathletes. The time for performing the exercises was not limited. The young biathletes' results of the tests of "marking" of a shot, defining the central point of impact, and adjusting the sight were satisfactory. The results of the tests for shooting with adjusted aiming points were unsatisfactory. The research results showed the demand for developing a training simulator for teaching biathletes the rules of shooting in the prone position and the abilities to use them. As a simulator it is proposed to use a wearable electronic device with specific software programs. Teaching by means of training simulators should precede the shooting practice at the shooting range or at the shooting gallery.

REFERENCES

1. Astaf'ev, N.V. (2011) Opisaniye komp'yuterizirovannoy pedagogicheskoy tekhnologii dlya obucheniya nachinayushchikh biatlonistov "otmetke" vystrela [Description of a computerized pedagogical technology for teaching novice biathletes the "mark" of a shot]. In: *Sovremennaya sistema sportivnoy podgotovki v biatlone* [The Modern System of Sports Training in Biathlon]. Omsk: Siberian State University of Physical Culture and Sport. pp. 28–32.
2. Romanova, Ya.S. (2015) Metodika sovershenstvovaniya navyka pritselivaniya i sposobnostey biatlonistov k otsenke rezul'tata vystrela po vzaimnomu raspolozheniyu pritsel'nykh prisposobleniy [Methodology for improving the aiming skill and abilities of biathletes to evaluate the result of a shot by the relative location of sighting devices]. *Voprosy funktsional'noy podgotovki v sporte vysshikh dostizheniy*. 1 (3). pp. 166–178.
3. Dobrydin, A.A., Dolgov, V.A. & Kochetkova, S.V. (2019) Otsenka kachestva strel'by po otnositel'nomu radiusu kuchnosti [Evaluation of the quality of shooting by the relative radius of accuracy]. *Resursy konkurentosposobnosti sportsmenov: teoriya i praktika realizatsii*. 1. pp. 116–117.
4. Pilin, A.V., Nikolaev, Yu.V. & Markin, V.P. (1990) *Strelkovaya podgotovka biatlonistov v usloviyakh vetra: metodicheskie rekomendatsii* [Shooting Training of Biathletes in Wind: Methodological recommendations]. Moscow: GTsOLIFK.
5. Kudelin, A.I. (2011) Puti povysheniya kachestva strel'by biatlonista [Ways to improve the quality of biathlete shooting]. In: *Sovremennaya sistema sportivnoy podgotovki v biatlone* [The Modern System of Sports Training in Biathlon]. Omsk: Siberian State University of Physical Culture and Sport. pp. 140–145.
6. Kudelin, A.I. et al. (2012) K voprosu o strelkovoy podgotovke biatlonistov v usloviyakh vetra [On the question of shooting training of biathletes in wind conditions]. In: *Sovremennaya sistema sportivnoy podgotovki v biatlone* [The Modern System of Sports Training in Biathlon]. Omsk: Siberian State University of Physical Culture and Sport. pp. 164–173.
7. Kudelin, A.I. (2012) *Metodika podgotovki biatlonistov vysokoy kvalifikatsii k strel'be s uchetom vliyaniya vetra na osnove biologicheskoy obratnoy svyazi: metodicheskie rekomendatsii* [Methods of Training Highly Qualified Biathletes for Shooting Taking into Account the Influence of Wind on the Basis of Biofeedback: Methodological recommendations]. Moscow: LITERA.
8. Kudelin, A.I. & Zagurskiy, N.S. (2015) Osnovnye printsipy pristrelki v biatlone [Basic principles of targeting in biathlon]. In: *Sovremennaya sistema sportivnoy podgotovki v biatlone* [The Modern System of Sports Training in Biathlon]. Omsk: Siberian State University of Physical Culture and Sport. pp. 108–125.
9. Kudelin, A.I. & Zagurskiy, N.S. (2016) Prioritety v kontsentratsii vnimaniya pri strel'be [Priorities in concentration of attention when shooting]. In: *Sovremennaya sistema sportivnoy podgotovki v biatlone* [The Modern System of Sports Training in Biathlon]. Omsk: Siberian State University of Physical Culture and Sport. pp. 124–142.
10. Kudelin, A.I., Zagurskiy, N.S. & Khaytovich F. (2018) Strelkovyye navyki v biatlone: obucheniye i sovershenstvovanie tekhniki strel'by [Shooting skills in biathlon: training and improvement of shooting techniques]. In: *Sovremennaya sistema sportivnoy podgotovki v biatlone* [The Modern System of Sports Training in Biathlon]. Omsk: Siberian State University of Physical Culture and Sport. pp. 87–104.
11. Astaf'ev, N.V. & Zubrilov, R.A. (2015) Algorithm of teaching biathletes shooting carrying-out the aiming mark at a shooting simulator "SCATT". *Pedagogiko-psikhologicheskie i mediko-biologicheskie problemy fizicheskoy kul'tury i sporta – Russian Journal of Physical Education and Sport*. 3 (36). pp. 7–16. (In Russian). DOI: 10.14526/01_1111_24
12. Zubrilov, R.A. & Astaf'ev, N.V. (2016) Optimizatsiya metodiki obucheniya biatlonistov strel'be sposobom "vynos tochki pritselivaniya" s ispol'zovaniem strelkovogo trenazhera "SCATT" [Optimization of biathlete training methods for shooting by the method of "taking out the aiming point" using the shooting simulator "SCATT"]. *Slobozhans'kiy naukovno-sportivniy visnik*. 2 (52). pp. 43–47.
13. Romanova, Ya.S. (2015) Technique for perfection of shooting in wind conditions "aiming mark carrying out". *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 8 (126). pp. 123–129. (In Russian). DOI: 10.5930/issn.1994-4683.2015.08.126.p123-129
14. Rostovtsev, P.A. et al. (2012) K voprosu o strelkovoy podgotovke biatlonistov v usloviyakh vetra [On the question of shooting training of biathletes in wind conditions]. In: *Sovremennaya sistema sportivnoy podgotovki v biatlone* [The Modern System of Sports Training in Biathlon]. Omsk: Siberian State University of Physical Culture and Sport. pp. 164–173.
15. Mal'gina, I.A. (2019) [Means of preparing biathletes for shooting in windy weather]. *Aktual'nye problemy fizicheskogo vospitaniya, sportivnoy trenirovki i ozdorovleniya razlichnykh kategoriy naseleniya KhMAO–Yugry* [Actual problems of physical education, sports training and health improvement of various categories of the population of Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Yugra]. Proceedings of the 1st city conference. Khanty-Mansiysk. 28–29 May 2019. Khanty-Mansiysk: Yugra State University. pp. 44–47. (In Russian).
16. Romanova, Ya.S. & Zagurskiy, N.S. (2018) Novyy podkhod k obucheniyu strel'be v biatlone [A new approach to shooting training in biathlon]. In: *Sovremennaya sistema sportivnoy podgotovki v biatlone* [The Modern System of Sports Training in Biathlon]. Omsk: Siberian State University of Physical Culture and Sport. pp. 132–143.
17. Romanova, Ya.S. & Zagurskiy, N.S. (2019) Nekotorye aspekty obucheniya i sovershenstvovaniya strel'by yunyykh biatlonistov [Some aspects of training and improving shooting of young biathletes]. In: *Sovremennaya sistema sportivnoy podgotovki v biatlone* [The Modern System of Sports Training in Biathlon]. Omsk: Siberian State University of Physical Culture and Sport. pp. 107–115.
18. Ponomareva, K.V. (2018) Trends in the market of sports accessories as a mirror of social trends in society. *Ekonomicheskie issledovaniya i razrabotki – Economic Development Research Journal*. 1. pp. 17–24. (In Russian).
19. Zubrilov, R.A. (2013) *Stanovleniye, razvitiye i sovershenstvovanie tekhniki strel'by v biatlone* [Formation, Development and Improvement of Shooting Techniques in Biathlon]. 2nd ed. Moscow: Sovetskiy sport.

Received: 12 November 2021

АНАЛИЗ ОПЫТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МАССОВОГО ОТКРЫТОГО ОНЛАЙН-КУРСА КАК КОМПОНЕНТА УНИВЕРСИТЕТСКОГО КУРСА ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Для определения эффективности использования массового открытого онлайн-курса (МООК) в университетском курсе иностранного языка сопоставлены результаты претеста и финального теста, показавшие прирост в навыках. Для выявления мнений студентов проведен опрос, отразивший неоднозначное отношение к МООК. Сделан вывод, что МООК может быть интегрирован в курсы иностранного языка, но его стоит дополнять аудиторными обсуждениями материала, а также обратной связью от преподавателя для обеспечения полноценной когнитивной и социальной вовлеченности студентов.

Ключевые слова: МООК; массовый открытый онлайн-курс; смешанное обучение; модель обучения в сообществе; когнитивное присутствие; социальное присутствие; вовлеченность

Введение

В последние годы массовые открытые онлайн-курсы (МООК) становятся все более популярными. В период пандемии они широко использовались в высшем образовании для замещения или дополнения университетских учебных курсов. Внедрение онлайн-курса в дисциплину, реализуемую в традиционном формате, является одним из вариантов технологии смешанного обучения [1].

В контексте высшего образования включение МООК в образовательную программу имеет ряд преимуществ. Оно позволяет вывести на самостоятельную работу часть содержания, обеспечить студентам доступ к лучшим преподавателям и снизить затратность образовательного процесса [2]. Участие в массовом открытом онлайн-курсе развивает умения саморегуляции и навыки автономной работы [3]. Возможность проходить курс в своем темпе является сильным мотивирующим фактором [4]. Структура МООК соответствует запросам и привычкам современной онлайн-аудитории. Отличительной чертой открытых онлайн-курсов является максимальная визуализация и аудиализация материала [5].

Использование МООК как компонента классического университетского курса позволяет сделать дисциплину более привлекательной для студентов [6]. Дополнение основного курса МООК обогащает его содержание более современным контентом и дает студенту возможность получить информацию от разных преподавателей и в разных форматах [7].

Три составляющих – содержание, преподаватель и оценка – статистически связаны с удовлетворенностью МООК [8]. При этом содержание МООК должно соответствовать интересам слушателей и содержать практико-ориентированные иллюстрации теоретического материала, преподаватель должен доносить материал со знанием предмета и энтузиазмом по отношению к нему, а оценка должна быть частой и с обратной связью. Обучающие видео считаются самой эффективной в образовательном плане частью онлайн-курса [4].

Массовые онлайн-курсы привлекают участников со всего мира своей доступностью. Можно проходить курс в своем темпе, фокусируясь на необходимом контенте и не имея штрафных санкций за неверное

выполнение заданий [9]. Однако эта доступность создает проблему участия в них студентов со слишком разным уровнем образования, культурным бэкграундом и мотивацией [10]. Использование онлайн-курсов в формальном контексте позволяет нивелировать такие их недостатки, как неоднородность состава обучающихся и разный уровень вовлеченности, путем создания внешней мотивации [11].

Однако интеграция МООК является непростой задачей. МООК должен встроиться в основной курс как с точки зрения содержания, так и с позиции соответствия целям дисциплины. До работы студентов с курсом необходимо изучить его содержание, структуру и формат донесения материала, а после оценить успешность интеграции онлайн-курса [12]. При выборе языкового МООК рекомендуется ориентироваться на онлайн-курсы, направленные на развитие определенных умений или навыков и нацеленные на слушателей с высоким уровнем коммуникативной компетенции [13].

Существует несколько вариантов интеграции онлайн-курсов в высшем образовании. В замещающей модели МООК используется вместо традиционного курса, в дополняющей – МООК привносит дополнительное содержание или обеспечивает развитие умений, связанных с основным курсом. Хотя российские исследователи довольно активно обсуждают возможность включения МООК в университетское языковое образование [14–17], автором было обнаружено всего одно эмпирическое исследование, описывающее опыт их внедрения в университетский курс иностранного языка.

О.Н. Стогниева [18] исследовала опыт интеграции МООК по специальности в курс английского языка для специальных целей. Ее студенты высоко оценили современное и прикладное содержание курса, учет профессиональных интересов и подстройки под индивидуальные запросы студента, возможность коммуникации с другими участниками МООК на английском языке. Исследований опыта использования языкового МООК как компонента курса иностранного языка в контексте российского университета обнаружено не было.

Таким образом, недостаточная проработка вопроса использования массовых открытых онлайн-курсов как в контексте высшего образования в России в целом,

так и в рамках вузовских языковых дисциплин определяет актуальность данного исследования. Целью исследования является изучение опыта внедрения языкового MOOK в практический курс английского языка в Высшей школе экономики (ВШЭ). Исследуется эффективность курса в плане прироста знаний студентов, а также их отношение к такому формату смешанного обучения.

Методология исследования

Массовые открытые онлайн-курсы являются разновидностью электронных образовательных ресурсов (ЭОР). При отборе ЭОР необходимо учитывать их дидактическую ценность, доступность, адаптивность, систематичность, сознательность, прочность усвоения и последовательность изложения материала [16]. Использованный MOOK «Conjunctions, connectives and verb clauses» на платформе Coursera удовлетворял большинству из этих требований: его содержание соответствовало уровню студентов, дополняло материалы основного курса; в данном MOOK соблюдался баланс между последовательно и систематически изложенной теорией и сознательной практикой, материалы курса доступны на платформе. Иллюстрация теории запоминающимся жизненными примерами повышала запоминаемость материала онлайн-курса и удовлетворенность слушателей [18], что также было преимуществом выбранного курса.

Так как бесплатный доступ к курсу не подразумевает доступа к финальным оценочным материалам и типы оценочных заданий не отличаются разнообразием, было принято решение провести финальное тестирование на университетской платформе на основе заданий, разработанных преподавателями курса, но базирующихся на материалах MOOK. Возможность такого «внешнего» оценивания при интеграции MOOK была показана в широкомасштабном исследовании университета Мэриленда [19].

В исследовании приняли участие 269 студентов третьего курса программы «Иностранные языки и межкультурная коммуникация», обучающиеся на дисциплине «Практикум по культуре речевого общения» в 2020 г., владеющие английским языком на уровне B2–C1 в соответствии с «Общеввропейскими компетенциями владения иностранным языком». Студенты работали с курсом самостоятельно в течение месяца в заданные сроки, однако тестирование проводилось одновременно. Студенты выполнили

тест перед прохождением MOOK и тест по результатам работы с ним, а также прошли опрос, выявивший их отношение к включению MOOK в курс английского языка. Тесты являются инструментами, регулярно используемыми для выявления прироста в навыках, а опросы часто применяются для оценки опыта использования MOOK [12].

Задания претеста и теста были параллельны, тесты включали в себя задания на множественный выбор и перифраз. Во время выполнения финального теста в онлайн-формате во избежание нечестных практик была применена рандомизация заданий и установлен жесткий временной лимит. Тесты содержали по 16 заданий, проверяющих уровень сформированности грамматических навыков по теме курса. Студент мог получить максимум 8 баллов за финальный тест, а также один балл за выполнение претеста и один балл за заполнение опросной формы (10 баллов являются максимальной оценкой по шкале НИУ ВШЭ). Эта оценка входила формулу финальной оценки по курсу «Практикум по культуре речевого общения» с весом в 10%, что обеспечивало внешнюю мотивацию студентов для работы с языковым MOOK.

Опрос выявил опыт студентов, их отношение к массовым открытым онлайн-курсам и включению MOOK в курс английского языка, их оценку некоторых аспектов, связанных с изученным MOOK. Студенты выразили свое мнение по поводу того, какие преимущества имеет включение MOOK в курс иностранного языка. Для количественных данных была вычислена дескриптивная статистика, качественные данные проанализированы тематически.

Результаты

Большинство студентов имели опыт работы с языковыми MOOK (82%) и выразили положительное (46%) или нейтральное (48%) отношение к массовым онлайн-курсам.

Соотнесение результатов претеста и финального теста показывает прирост в грамматических навыках (рис. 1). Средний балл по результатам выполнения претеста – 10,745 ($Md = 10$, $Me = 11$, $SD = 2,29$), по результатам финального теста – 14,3 баллов ($Md = 15$, $Me = 15$, $SD = 1,928$). Значительный прирост наблюдался в умении распознавать ошибки в параллельных конструкциях, определять правильное или неверное употребление пунктуации в сложных предложениях, умении перифразировать с инверсией (до 40%).

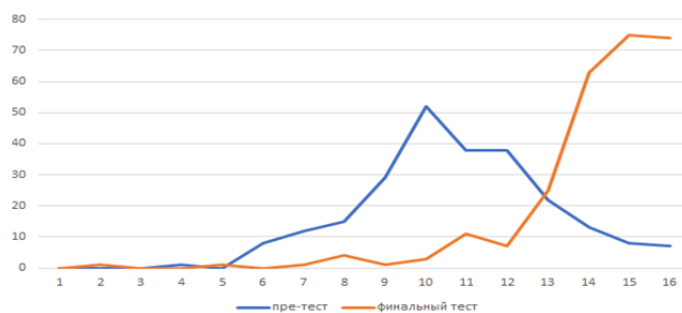

Рис. 1. Распределение верных ответов для претеста и финального теста: ось x – число студентов, давших данное количество правильных ответов, ось y – количество правильных ответов

Студенты в среднем оценили пользу пройденного курса в 3,7 балла ($Me = 4$, $SD = 1,012$), новизну полученных знаний в 3,1 балла из 5 ($Me = 3$, $SD = 0,856$). Большинство студентов (75%) нашли объяснения преподавателей курса четкими и доступными для понимания, и только 1% посчитали подачу материала сложной. Подавляющее большинство (93%) респондентов назвали свой опыт взаимодействия с курсом успешным. Однако примерно половина когорты (48%) пожелала, чтобы данный материал был донесен преподавателем в аудитории, 37% не имели предпочтений в этом вопросе и только 15% ответивших предпочли онлайн-курс объяснению преподавателя.

Тематический анализ открытых ответов студентов показал, что они выделяют несколько преимуществ использования MOOK как компонента уни-

верситетского курса иностранного языка (см. таблицу). Языковые онлайн-курсы, с точки зрения студентов, являются не только источником новых знаний ($N = 12$ комментариев), но и возможностью расширить кругозор и дополнить имеющиеся знания ($N = 36$), и также повторить и закрепить знакомую информацию ($N = 18$), ее систематизировать и детализировать. Материалы массовых открытых онлайн-курсов (упомянуты 24 студентами) отличаются четкостью и структурированностью, комплексностью, но в то же время детализацией, понятностью и доступностью для слушателей разного уровня подготовленности. Они снабжены примерами и заданиями для отработки, а также текущими тестами, что отмечается студентами как их несомненный плюс.

Возможности, которые дает использование MOOK, с точки зрения студентов

Тема	Подтема	Примеры комментариев
Знания	Дополнительная информация	<i>Получение дополнительной информации, которой нет в основной программе</i>
	Новые знания	<i>Новая информация от носителей языка</i>
	Закрепление и повторение	<i>Помогают повторить уже изученные темы, освежить знания студентов по ним Это хороший способ привести уже имеющиеся знания в систему</i>
Материалы курса	Четкость/структурированность	<i>Все объяснено ясно и просто. Не думаю, что преподаватель на занятиях смог бы так преподнести материал. Максимальная ясность изложения материала, который легко законспектировать благодаря высокой структурированности</i>
	Емкость	<i>Объяснение более емкое (короче, чем на офлайн-занятиях). Даже короткие онлайн курсы включают большое количество информации и упражнений для тренировки</i>
	Доступность/ понятность	<i>Преподносят материал в доступной форме, сопровождая свой рассказ удобными для восприятия наглядными примерами. Вся полезная и нужная информация хорошо и грамотно объяснена</i>
Возможности формата	Возможность повторения	<i>Возможность неоднократного возвращения к изученному материалу при возникновении вопросов. Возможность... пропускать уже известное, которой очень не хватает в классе</i>
	Мультимодальность	<i>Возможность включить субтитры, успеть сделать структурированный и читабельный конспект. Возможность разнообразить каналы подачи материала</i>
Время	Гибкость	<i>Студент может планировать и выделять удобное для прохождения время</i>
	Свой темп	<i>Работать независимо от одногруппников, в своём темпе</i>
	Экономия времени	<i>Уменьшение количества времени, затрачиваемого на посещение университета. Экономят время, можно пропускать/быстрее проходить то, что знаешь</i>
Преподаватель	Дополнительное время обучения	<i>Позволяет получать полезную информацию, на которую зачастую не хватает времени в рамках традиционных очных пар. Это возможность поработать над улучшением каких-либо навыков/областей знания языка самостоятельно, не теряя время на это на очных занятиях</i>
	Носитель языка	<i>Курс объясняется носителями языка, соответственно, на какие-то вещи смотришь по-новому, благодаря их объяснению. Зачастую курсы по иностранному языку проводят носители изучаемого языка, что позволяет полностью погрузиться в среду изучения</i>
Удобство	Другой преподаватель	<i>Объяснение от других преподавателей</i>
	Атмосфера	<i>Ощущение комфорта и спокойствия во время прохождения. Возможность изучать материал самостоятельно в комфортной домашней обстановке</i>
Экстралингвистические умения	Формат	<i>Мобильность. Возможность работы с курсом вне зависимости от места нахождения</i>
	Самоорганизация	<i>Возможность самоорганизации, ответственность перед самим собой</i>
Оценка	Управление временем	<i>Любые онлайн-курсы дисциплинируют, так как ученики должны грамотно и самостоятельно выделять время на изучение курса</i>
	Тесты	<i>(Текущие) тесты после видео можно проходить несколько раз и не бояться ошибиться. Тесты после лекций... помогают сразу понять свои ошибки, увидеть результат</i>
Нет преимуществ		<i>Было бы эффективнее добавить темы на пары с преподавателем по иностранному языку. Запоминаемость онлайн-курсов очень мала</i>

Формат MOOK, с точки зрения студентов, предоставляет уникальные возможности. Вводная инфор-

мация в видео- и текстовом формате позволяет возвращаться к сложным моментам при необходимости,

повторять материал при подготовке к тестам ($N = 25$). Мультимодальность подачи материала импонирует студентам с разными учебными предпочтениями ($N = 14$). Как отмечает одна студентка, она может *прослушать (видео) в любое время, поставить на паузу, включить субтитры, успеть сделать структурированный и читабельный конспект*. Участие в онлайн-курсе также учит самоорганизации и управлению собственным временем ($N = 16$).

Время и смежные понятия упоминаются респондентами в отношении нескольких аспектов. В первую очередь, это гибкость ($N = 25$) и экономия времени ($N = 10$), которые дает формат асинхронного онлайн-курса, позволяющий студентам выполнять задания в удобное для них время и, соответственно, распределять нагрузку. Связанным понятием является темп работы ($N = 12$), который каждый выбирает в соответствии с возможностями. Студент(ка) отмечает, что, *если перенести теорию в онлайн, появляется возможность выбора*. Выбор касается и содержания, и способа донесения информации, и источника этой информации. Еще один аспект – это дополнительное время для осмысления материала ($N = 9$), что не всегда возможно при синхронной отработке учебного материала в группе.

Что касается преподавателей, студенты ценят возможность получить актуальную информацию из уст носителей языка ($N = 14$), позволяющую *на какие-то вещи смотреть по-новому благодаря их объяснению*.

Некоторые студенты не видят пользы во включении MOOK в курсы иностранного языка ($N = 18$). По их мнению, обучение с преподавателем в аудитории более эффективно и продуктивно. Соответственно, мнения студентов по поводу того, стоит ли включать MOOK в курсы иностранного языка, разделились. Большая часть студентов, 57%, согласилась, что нужно, однако довольно значительная часть, 43%, высказала мнение, что этого делать не стоит.

Чтобы выяснить, что студентам не хватало для полностью удовлетворительного опыта прохождения онлайн-курса, им был задан соответствующий вопрос. Результаты (рис. 2) показывают, что 40% хотели бы иметь возможность дополнительной отработки материала, примерно по четверти всей когорты – возможность получения обратной связи от преподавателя и обсуждения материалов с однокурсниками. Студент(ка) отмечает, что в курсе *хорошо подана грамматика, однако намного лучше узнавать новую программу от преподавателя на офлайн-парах, где можно задать вопросы и получить обратную реакцию*.

Рис. 2. Анализ ответов на вопрос о том, что студентам не хватало при работе с MOOK

Обсуждение результатов

Интеграция MOOK в университетский курс английского языка вызвала неоднозначную реакцию студентов. С одной стороны, студенты оценили опыт как положительный и выделили преимущества, которые дает работа с MOOK. Хотя материалы онлайн-курса не были для студентов полностью новыми, они ценят возможность повторения и систематизации материала, структурированность и мультимодальность его подачи, гибкость и экономию времени, предоставляемые форматом, возможность получать информацию от носителей языка и дополнительно практиковаться в нем.

С другой стороны, хотя большинство студентов посчитали опыт работы с курсом успешным и присутствует объективный прирост в грамматических навыках, почти половина когорты предпочли бы объяснение, данное преподавателем. Студентам не хватало дополнительного контакта с преподавателем, другими обучающимися и материалами курса.

Согласно модели обучения в сообществе (Community of Inquiry Framework), присутствие трех элементов определяет успешность использования онлайн-обучения в высшем образовании [20]. Базовым элементом является когнитивное присутствие, подразумевающее осмысленное взаимодействие с содержанием курса. Социальное присутствие позволяет участникам идентифицировать себя с сообществом и целенаправленно коммуницировать в доверительной среде. Преподаватель своим присутствием организует и направляет взаимодействие с контентом и коммуникацию между участниками образовательного процесса. Удовлетворенность процессом обучения в онлайн-среде также зависит от возможности взаимодействия с содержанием, преподавателем и другими студентами [21]. Три вида взаимодействия обеспечивают вовлеченность студента в нескольких аспектах: аффективном, когнитивном и поведенческом [22].

При работе студентов с MOOK присутствовала когнитивная вовлеченность, но социального присут-

ствия и коммуникации с преподавателем студентам не хватало. Поддержка со стороны сокурсников положительно влияет на успешность интеграции MOOC [23]. Именно недостаток социального присутствия является причиной значительного отсева участников онлайн-курсов [24]. Более того, социальная вовлеченность положительно влияет на когнитивную. Возможность обсудить содержание мини-лекций со сверстниками влечет на собой большую вовлеченность при работе с ними [25]. Для компенсации этого недостатка необходим дополнительный контакт, к примеру обсуждение материалов онлайн-курса в учебной аудитории.

Но и когнитивная вовлеченность студентов не была полноценной. Исследователи выделяют четыре фазы в когнитивном присутствии [26]: триггер – мотивация к изучению, исследование феномена, освоение и применение. Работая с материалами онлайн-курса, студенты могли исследовать новый материал и проверить степень его освоения, проделывая текущие тесты, однако не имели возможности применить знания в реальных коммуникативных ситуациях. Вероятно, по этой причине они отмечали недостаточную отработку материалов курса.

Онлайн-формат дает возможности для индивидуализации обучения. Респонденты отметили возможности пропуска или пересмотра некоторых материалов MOOC, использования предпочтительных каналов восприятия, иллюстрацию материала различными примерами. Однако индивидуализация включает в себя не только форматы донесения материала или

разнообразии контента, но и персонализированное взаимодействие с преподавателем [27]. Нехватку такого взаимодействия отмечали респонденты.

Заключение

Использование MOOC как компонента курса иностранного языка способствует развитию языковых навыков студентов и имеет несомненные преимущества. Студенты в целом положительно относятся к массовым онлайн-курсам и их интеграции в курс иностранного языка. Обучающиеся видят в них возможность как повторить и углубить знакомый материал, так и почерпнуть новую информацию. MOOC дополняют и обогащают основную дисциплину, давая студентам возможность получить информацию в разных форматах, изучить материал в своем темпе и повторить его при необходимости.

Однако, учитывая неполноту когнитивного и социального присутствия при работе с онлайн-курсом, интеграция MOOC может быть более успешной, если самостоятельная работа студентов будет дополнена возможностью обсуждения материалов курса в учебной аудитории, дополнительной отработкой и вывода языкового материала в речь, обратной связи от преподавателя.

Языковые MOOC, направленные на развитие широкого спектра умений и навыков, могут успешно дополнять университетские курсы иностранного языка. Дальнейшие исследования могут быть посвящены опыту интеграции курсов с иным фокусом или опыту замещения языковых дисциплин массовыми онлайн-курсами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова Т.П., Малинина И.А. Использование онлайн-курса как компонента технологии смешанного обучения иностранным языкам в неязыковом вузе // Педагогика и психология образования. 2020. № 1. С. 125–145. doi: 10.31862/2500-297X-2020-1-125-145
2. Карной М., Кузьминов Я.И. Онлайн-обучение: как оно меняет структуру образования и экономику университета // Вопросы образования. 2015. № 3. С. 8–43. doi: 10.17323/1814-9545-2015-3-8-43
3. Ding Y., Shen H. Delving into learner autonomy in an EFL MOOC in China: a case study // Computer Assisted Language Learning. 2019. doi: 10.1080/09588221.2019.1681464
4. Watson W.R., Yu J.H., Watson S.L. Perceived attitudinal learning in a self-paced versus fixed-schedule MOOC // Educational Media International. 2018. Vol. 55, № 2. P. 170–181. doi: 10.1080/09523987.2018.1484044
5. Титова С.В. MOOC в российском образовании // Высшее образование в России. 2015. № 12. С. 145–151.
6. Moura V.F., Souza C.A., Viana A.B.N. The use of Massive Open Online Courses (MOOCs) in blended learning courses and the functional value perceived by students // Computers & Education. 2021. Vol. 161. Art. № 104077. doi: 10.1016/j.compedu.2020.104077
7. Israel M.J. Effectiveness of integrating MOOCs in traditional classrooms for undergraduate students // The International Review of Research in Open and Distributed Learning. 2015. Vol. 16, № 5. P. 102–118. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1077803.pdf>
8. Hew K.F., Hu X., Qiao C., Tang Y. What predicts student satisfaction with MOOCs: A gradient boosting trees supervised machine learning and sentiment analysis approach // Computers & Education. 2020. Vol. 145. Art. № 103724. doi: 10.1016/j.compedu.2019.103724
9. Al-Rahmi W., Aldraiweesh A., Yahaya N., Kamin Y.B., Zeki A.M. Massive Open Online Courses (MOOCs): Data on higher education // Data in Brief. 2019. Vol. 22. P. 118–125. doi: 10.1016/j.dib.2018.11.139
10. Deng R., Benckendorff P., Gannaway D. Progress and new directions for teaching and learning in MOOCs // Computers & Education. 2019. Vol. 129. P. 48–60. doi: 10.1016/j.compedu.2018.10.019
11. DeBoer J., Ho A.D., Stump G.S., Breslow L. Changing “Course”: Reconceptualizing Educational Variables for Massive Open Online Courses // Educational Researcher. 2014. Vol. 43, № 2. P. 74–84. doi: 10.3102/0013189X14523038
12. Jong P.G.M. de, Pickering J.D., Hendriks R.A., Swinnerton B.J., Goshtasbpour F., Reinders M.E.J. Twelve tips for integrating massive open online course content into classroom teaching // Medical Teacher. 2020. Vol. 42, № 4. P. 393–397. doi: 10.1080/0142159X.2019.1571569
13. Vorobyeva A.A. Language acquisition through massive open online courses (MOOCs): Opportunities and restrictions in educational university environment // Xlinguae. 2018. Vol. 11, № 2. P. 136–146. doi: 10.18355/XL.2018.11.02.11
14. Борщева В.В. Современные подходы к преподаванию в университете иностранного языка для специальных целей // Педагогика и психология образования. 2020. № 2. С. 73–82. doi: 10.31862/2500-297X-2020-2-73-82
15. Титова С.В. Массовые онлайн-курсы в российском образовании: миф или реальность? // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 1. С. 53–62.
16. Титова С.В., Александрова К.В. Теоретико-методические основы использования электронных образовательных ресурсов в обучении иностранному языку // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 3. С. 113–123.
17. Чекун О.А. Интеграция массовых открытых онлайн-курсов в обучение иностранному языку студентов неязыковых специальностей МПГУ // Педагогика и психология образования. 2016. № 1. С. 71–74.
18. Stognieva O. Teaching the university ESP course with the MOOC component: Putting ideas into practice // The Journal of Asia TEFL. 2019. Vol. 6, № 1. P. 437–447. doi: 10.18823/asiatefl.2019.16.1.34.437

19. Griffiths R., Chingos M., Mulhern C., Spies R. Interactive online learning on campus: Testing MOOCs and other platforms in hybrid formats in the University System of Maryland (ITHAKA S+R Report). 2014. URL: http://www.sr.ithaka.org/sites/default/files/reports/SR_Interactive_Online_Learning_Campus_20140716.pdf
20. Garrison D.R., Anderson T., Archer W. Critical inquiry in a text-based environment: Computer conferencing in higher education // *The Internet and Higher Education*. 1999. Vol. 2, № 2. P. 87–105. doi: 10.1016/S1096-7516(00)00016-6
21. Alqurashi E. Predicting student satisfaction and perceived learning within online learning environments // *Distance Education*. 2019. Vol. 40, № 1. P. 133–148. doi: 10.1080/01587919.2018.1553562
22. Kahu E.R. Framing student engagement in higher education // *Studies in Higher Education*. 2013. Vol. 38, № 5. P. 758–773. doi: 10.1080/03075079.2011.598505
23. Bralić A., Divjak B. Integrating MOOCs in traditionally taught courses: Achieving learning outcomes with blended learning // *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 2018. Vol. 15, № 2. URL: <https://www.springerprofessional.de/en/integrating-moocs-in-traditionally-taught-courses-achieving-lear/15439238?fulltextView=true>
24. Ragusa A.T., Crampton A. Sense of connection, identity, and academic success in distance education: Sociologically exploring online learning environments // *Rural Society*. 2018. Vol. 27, № 2. P. 125–142. doi: 10.1080/10371656.2018.1472914
25. Wang K., Zhu Ch. MOOC-based flipped learning in higher education: students' participation, experience and learning performance // *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 2019. Vol. 16, № 33. URL: <https://d-nb.info/1202079032/34>
26. Garrison D.R., Anderson T., Archer W. Critical thinking, cognitive presence, and computer conferencing in distance education // *American Journal of Distance Education*. 2001. Vol. 15, № 1. P. 7–23. doi: 10.1080/08923640109527071
27. Alamri H., Lowell V., Watson W., Watson S.L. Using personalized learning as an instructional approach to motivate learners in online higher education: Learner self-determination and intrinsic motivation // *Journal of Research on Technology in Education*. 2020. Vol. 52, № 3. P. 322–352. doi: 10.1080/15391523.2020.1728449

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 25 ноября 2021 г.

Investigating the Use of a MOOC as a Component of a University Language Course

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 170–176.

DOI: 10.17223/15617793/473/21

Svetlana V. Bogolepova, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: sbogolepova@hse.ru

Keywords: MOOC; Massive Open Online Course; blended learning; Community of Inquiry framework; cognitive presence; social presence; cognitive engagement; social engagement.

Massive Open Online Courses (MOOCs) have been gaining popularity both in the formal educational sector and among individuals who want to gain new skills. MOOCs provide access to up-to-date learning materials and the best instructors, help develop learners' self-regulation and time-management skills. When integrated into a discipline, MOOCs bring in variety and novelty. Despite the growing popularity of MOOCs, their use in the context of tertiary education in Russia is underresearched. This study aims to explore the experience of the use of a language MOOC as a component of a university Advanced English course. 269 bachelor students at National Research University Higher School of Economics took a pre-test before they engaged in the MOOC in a self-study mode and completed a post-test after they finished the online course. To assess the effectiveness of the integration, the researchers compared pre-test and post-test results. The comparison demonstrated a moderate gain in the students' grammatical skills: there is a growth from 10.745 points as the average result exhibited in the pre-test ($Md=10$, $Me=11$, $SD=2.29$) to 14.3 points as the average of the final test ($Md=15$, $Me=15$, $SD=1.928$, $Max=16$). The most considerable gain was observed in the abilities to recognize errors in parallel constructions, to identify the correct and incorrect use of punctuation in complex sentences, to paraphrase with inversion. A questionnaire administered to investigate the students' perceptions of the experience yielded contradictory results. On the one hand, the majority of students evaluated the experience of MOOC integration as positive and successful. Though the course content was not completely new to the students ($M=3.1$), the students found the MOOC quite useful ($M=3.7$). The students named such advantages of MOOCs as the opportunities to revise and recycle the known material, its structured and multimodal delivery, flexibility and convenience of the instructional format. In their opinion, MOOC materials are comprehensive, clear, detailed and accessible to learners with varied backgrounds. However, the students mentioned the lack of contact with the instructor and peers and the need for additional practice. According to the Community of Inquiry framework, cognitive, social and teaching presence define the success of online education. The students' cognitive and social engagement was incomplete as they engaged with MOOC materials mostly receptively without the opportunity to have communicative practice. To conclude, MOOCs can be successfully integrated into university language courses, as students embrace them as an opportunity to diversify the learning experience through the engagement with multimodal materials and new instructors. Students value the individualization of the learning experience MOOCs provide. The experience can be enriched if students can discuss the materials and get the discipline instructor's feedback to ensure their cognitive and social engagement.

REFERENCES

1. Popova, T.P. & Malinina, I.A. (2020) The Use of Online Course as Part of Blended Learning Technology in Teaching Foreign Languages at Non-linguistic University. *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya – Pedagogy and Psychology of Education*. 1. pp. 125–145. (In Russian). DOI: 10.31862/2500-297X-2020-1-125-145
2. Carnoy, M. & Kuz'minov, Ya.I. (2015) Online Learning: How It Affects the University Structure and Economics. *Voprosy obrazovaniya – Education Studies*. 3. pp. 8–43. (In Russian). DOI: 10.17323/1814-9545-2015-3-8-43
3. Ding, Y. & Shen, H. (2019) Delving into learner autonomy in an EFL MOOC in China: a case study. *Computer Assisted Language Learning*. DOI: 10.1080/09588221.2019.1681464
4. Watson, W.R., Yu, J.H. & Watson, S.L. (2018) Perceived attitudinal learning in a self-paced versus fixed-schedule MOOC. *Educational Media International*. 55 (2). pp. 170–181. DOI: 10.1080/09523987.2018.1484044
5. Titova, S.V. (2015) MOOCs in Russian education. *Vyshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 12. pp. 145–151. (In Russian).
6. Moura, V.F., Souza, C.A. & Viana, A.B.N. (2021) The use of Massive Open Online Courses (MOOCs) in blended learning courses and the functional value perceived by students. *Computers & Education*. 161. Art. 104077. DOI: 10.1016/j.compedu.2020.104077
7. Israel, M.J. (2015) Effectiveness of integrating MOOCs in traditional classrooms for undergraduate students. *The International Review of Research in Open and Distributed Learning*. 16 (5). pp. 102–118. [Online] Available from: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1077803.pdf>

8. Hew, K.F. et al. (2020) What predicts student satisfaction with MOOCs: A gradient boosting trees supervised machine learning and sentiment analysis approach. *Computers & Education*. 145. Art. 103724. DOI: 10.1016/j.compedu.2019.103724
9. Al-Rahmi, W. et al. (2019) Massive Open Online Courses (MOOCs): Data on higher education. *Data in Brief*. 22. pp. 118–125. DOI: 10.1016/j.dib.2018.11.139
10. Deng, R., Benckendorff, P. & Gannaway, D. (2019) Progress and new directions for teaching and learning in MOOCs. *Computers & Education*. 129. pp. 48–60. DOI: 10.1016/j.compedu.2018.10.019
11. DeBoer, J. et al. (2014) Changing “Course”: Reconceptualizing Educational Variables for Massive Open Online Courses. *Educational Researcher*. 43 (2). pp. 74–84. DOI: 10.3102/0013189X14523038
12. de Jong, P.G.M. et al. (2020) Twelve tips for integrating massive open online course content into classroom teaching. *Medical Teacher*. 42 (4). pp. 393–397. DOI: 10.1080/0142159X.2019.1571569
13. Vorobyeva, A.A. (2018) Language acquisition through massive open online courses (MOOCs): Opportunities and restrictions in educational university environment. *Xlinguae*. 11 (2). pp. 136–146. DOI: 10.18355/XL.2018.11.02.11
14. Borsheva, V.V. (2020) Modern approaches to teaching ESP at University. *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya – Pedagogy and Psychology of Education*. 2. pp. 73–82. (In Russian). DOI: 10.31862/2500-297X-2020-2-73-82
15. Titova, S.V. (2016) MOOCs in Russian Education: Myth or Reality? *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Bulletin of Moscow University. Series 19 – Linguistics and Cross-Cultural Communication*. 1. pp. 53–62. (In Russian).
16. Titova, S.V. & Aleksandrova, K.V. (2018) Theoretical and Didactic Principles of Digital Educational Resources Integration in Foreign Languages Teaching. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Bulletin of Moscow University. Series 19 – Linguistics and Cross-Cultural Communication*. 3. pp. 113–123. (In Russian).
17. Chekun, O.A. (2016) Integration of Massive Open Online Courses in the Foreign Language Teaching of Students Not Majoring in Languages in MPGU. *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya – Pedagogy and Psychology of Education*. 1. pp. 71–74. (In Russian).
18. Stognieva, O. (2019) Teaching the university ESP course with the MOOC component: Putting ideas into practice. *The Journal of Asia TEFL*. 6 (1). pp. 437–447. DOI: 10.18823/asiatefl.2019.16.1.34.437
19. Griffiths, R. et al. (2014) *Interactive online learning on campus: Testing MOOCs and other platforms in hybrid formats in the University System of Maryland* (ITHAKA S+R Report).[Online] Available from: http://www.sr.ithaka.org/sites/default/files/reports/SR_Interactive_Online_Learning_Campus_20140716.pdf
20. Garrison, D.R., Anderson, T. & Archer, W. (1999) Critical inquiry in a text-based environment: Computer conferencing in higher education. *The Internet and Higher Education*. 2 (2). pp. 87–105. DOI: 10.1016/S1096-7516(00)00016-6
21. Alqurashi, E. (2019) Predicting student satisfaction and perceived learning within online learning environments. *Distance Education*. 40 (1). pp. 133–148. DOI: 10.1080/01587919.2018.1553562
22. Kahu, E.R. (2013) Framing student engagement in higher education. *Studies in Higher Education*. 38 (5). pp. 758–773. DOI: 10.1080/03075079.2011.598505
23. Bralić, A. & Divjak, B. (2018) Integrating MOOCs in traditionally taught courses: Achieving learning outcomes with blended learning. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 15 (2). [Online] Available from: <https://www.springer-professional.de/en/integrating-moocs-in-traditionally-taught-courses-achieving-lear/15439238?fulltextView=true>
24. Ragusa, A.T. & Crampton, A. (2018) Sense of connection, identity, and academic success in distance education: Sociologically exploring online learning environments. *Rural Society*. 27 (2). pp. 125–142. DOI: 10.1080/10371656.2018.1472914
25. Wang, K. & Zhu, Ch. (2019) MOOC-based flipped learning in higher education: students' participation, experience and learning performance. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 16 (33). [Online] Available from: <https://d-nb.info/1202079032/34>
26. Garrison, D.R., Anderson, T. & Archer, W. (2001) Critical thinking, cognitive presence, and computer conferencing in distance education. *American Journal of Distance Education*. 15 (1). pp. 7–23. DOI: 10.1080/08923640109527071
27. Alamri, H. et al. (2020) Using personalized learning as an instructional approach to motivate learners in online higher education: Learner self-determination and intrinsic motivation. *Journal of Research on Technology in Education*. 52 (3). pp. 322–352. DOI: 10.1080/15391523.2020.1728449

Received: 25 November 2021

О.Г. Масленникова

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ КАК МЕРЫ ПО ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Дана характеристика педагогических условий интернационализации образовательных программ как категории, выражающей отношение предмета к окружающим его явлениям, без которых этот предмет существовать, развиваться не может. Представлено, что для достижения эффективности педагогических условий интернационализации образовательных программ необходимо обоснование способа организации взаимодействия субъектов международной научной и образовательной сферы. В качестве такого способа рассматриваются возможности концепции образовательного проектирования.

Ключевые слова: интернационализация образовательных программ; педагогические условия; образовательное проектирование; способ организации взаимодействия субъектов международной научной и образовательной сферы

Введение

Результаты исследований в области интернационализации образования позволяют определить педагогические условия и обосновать способ организации взаимодействия субъектов международной научной и образовательной сферы в интернационализации образовательных программ [1–3].

Цель исследования – определить педагогические условия интернационализации образовательных программ (ИОП) в исследовательском университете, влияющие на эффективность реализации данного процесса, и обосновать возможности образовательного проектирования как способа взаимодействия субъектов международной научной и образовательной сферы, обеспечивающего становление образовательных сообществ по направлениям деятельности.

В рамках достижения поставленной цели мы опирались на концепцию интернационализации образования (Ю.Н. Зиятдинова), которая базируется на идее готовности субъектов образовательного процесса к ее реализации; концепцию образовательного проектирования (И.Ю. Малкова), в которой раскрыто положение о том, что особым предметом проектирования является построение совместной деятельности его участников.

Основные результаты

Анализ специальной литературы, посвященной вопросам интернационализации образования, показывает, что педагогические условия ИОП представляют собой комплекс мер, направляемых на обеспечение эффективности организации педагогической деятельности в исследовательском университете [4].

ИОП обусловлена развитием тенденции и концепций интернационализации образования и является базовым инновационным процессом в исследовательском университете. ИОП направлена на обеспечение содержания образования, образовательных результатов, системы оценивания, методов преподавания соответствующим международным, межкультурным и глобальным измерением; а ее институционализация требует становления особого субъекта – образовательного сообщества, основанного на взаимодействии

субъектов международной научной и образовательной сферы.

Первым педагогическим условием ИОП является обеспечение готовности субъектов международной научной и образовательной сферы к данному процессу. Обозначенное педагогическое условие является целевым по отношению к другим, выявленным в рамках настоящего исследования, поэтому требует обоснования способа его обеспечения.

Одной из проблем ИОП в исследовательских университетах является развитие условий для совместной деятельности субъектов международной научной и образовательной сферы, в результате взаимодействия которых обеспечивается формирование образовательного сообщества и их готовность к данному процессу.

В нашем исследовании субъектная позиция участника международной научной и образовательной сферы отражает уровень его готовности к участию в совместной деятельности в ИОП [5–7].

Как показало наше исследование, ИОП, где способом является образовательное проектирование, связана с его возможностями для образования субъекта совместной деятельности, что обуславливается влиянием его участников по обеспечению содержания образования, образовательных результатов, системы оценивания и методов преподавания международным, межкультурным и глобальным измерением [8]. Поэтому в качестве субъекта совместной деятельности, становящегося в процессе ИОП, выступает образовательное сообщество.

В результате создания сообществ, становления их как субъектов ИОП происходит выработка субъектной позиции образовательного сообщества по отношению к самой программе. В связи с этим образовательное проектирование необходимо рассматривать как способ организации совместной деятельности субъектов международной научной и образовательной сферы, что и обеспечивает становление их субъектных позиций [8]. В нашем исследовании субъектная позиция участника совместной международной научной и образовательной сферы, в отношении к понятию субъектной позиции, отражает степень вовлеченности личности в постановку и реализацию целей совместной деятельности и своего участия в процессе ИОП.

Таким образом, в ходе исследования нами обосновано, что способом ИОП *выступает образовательное проектирование, так как оно обеспечивает соорганизацию субъектов международной научной и образовательной сферы, в результате совместной деятельности которых происходит становление образовательных сообществ и обеспечивается готовность участников к интернационализации образовательной программы* [8–12].

Вторым педагогическим условием ИОП является формирование глобальной компетентности как образовательный результат. В качестве содержания глобальной компетентности рассматривается способность личности выходить за пределы собственной культуры и приобретать качества медиатора культур без утраты собственной идентичности. В рамках нашего исследования целесообразно говорить о глобальной компетентности как о единице образовательного результата, отражающей готовность личности к получению новых знаний о мире и социальных взаимодействиях, под влиянием которых меняется представление о соотношении глобального и локального, о ценностных установках межкультурной коммуникации. Глобальная компетентность является вектором не только для обеспечения содержания образовательной программы международным, межкультурным и глобальным измерением, но и способом оценки уровня ее проявленности у всех субъектов образовательного процесса.

Анализ научной литературы, посвященной способности человека успешно осуществлять взаимодействие с представителями иноязычных культур, показал, что последние 25 лет данная концепция была представлена под различными терминами, такими как «глобальная компетентность», «межкультурная компетентность», «культурная грамотность», «кросс-культурная компетентность» и «межкультурная чувствительность» [6, 10, 13, 14].

Межкультурная компетентность и глобальная компетентность имеют схожие характеристики умений и навыков, связанные с умением взаимодействовать в условиях сложных межкультурных научных и образовательных ситуаций. Однако мы считаем, что термин глобальной компетентности имеет общекультурную сущность, так как указывает на дополнительный признак, который связан с наличием знаний о глобальном мире и умением принять другую культуру без потери собственной культурной идентичности.

В ходе теоретического анализа нами выявлено, что содержание глобальной компетентности рассматривается исследователями как наличие знаний о современном мире и обществе, необходимых для эффективного взаимодействия с представителями разных культур, высокий уровень владения иностранным языком, способность эффективно работать в различных условиях межкультурного взаимодействия, понимать и уважать разные культуры [8, 13]; наличие знаний о личных культурных особенностях, ценностях и нормах поведения представителей разных наций, обеспечивающих эффективное межкультурное взаимодействие в процессе профессиональной деятельности [15]; ценности, которые превращают определённые действия в контексты, указывают человеку

на нормы поведения, с помощью которых он формирует свое отношение к другим людям и действиям, развивает критическое и аналитическое мышление [16]; умение быть объективным к пониманию культурных норм и ожиданиям других; умение эффективно использовать полученные знания для взаимодействия, коммуникации и эффективной работы в разнородной среде (вне привычного окружения) [17]; знания и понимание международных проблем, уважительное отношение и способность работать и учиться с людьми из разных лингвистических и культурных сред, свободное владение иностранным языком и навыки продуктивного взаимодействия во взаимозависимом мировом сообществе [18]. В качестве базовых индикаторов глобальной компетентности определены: понимание глобальных (мировых) проблем, продуктивная коммуникация с представителями других культур, конструктивное решение незнакомых и сложных задач в международной группе, открытость и гибкость к новым идеям и способам мышления, креативность в выработке инновационных идей в своей области знаний в ответ на глобальные вызовы [8].

Сравнительный анализ научной литературы, глубокое изучение вопросов интернационализации образования позволяют нам говорить о глобальной компетентности как об образовательном результате, состоящем из взаимосвязанных факторов и причин ценностного, когнитивного и поведенческого блоков, которые олицетворяют: ценностное отношение индивида; знания, обеспечивающие осознанность профессиональной деятельности в условиях межкультурного взаимодействия, и комплекс умений и навыков, необходимых для работы в условиях взаимосвязанного глобального мира: умение глобально мыслить и действовать, умение использовать глобальные факты и явления, умение решать глобальные задачи и т.д.).

Анализ специальной литературы, посвященной вопросам формирования глобальной компетентности, показывает, что характерными инструментами являются взаимосвязанные элементы образовательного процесса, включающие наличие международных преподавателей и студентов, международных проектов, программ на иностранном языке, современного оборудования и технологий, участие студентов в программах академической мобильности в процессе обучения [19].

На основе вышеизложенного мы определяем *третье педагогическое условие: использование инновационных подходов в образовании, базирующихся на индивидуализации образовательных траекторий и учитывающих скорость развития технологий, особенности восприятия современных обучающихся и требования глобального рынка и общества.*

К этому числу можно отнести реализацию совместных образовательных программ (СОП), использование дистанционных технологий, в том числе смешанного (интерактивного) обучения, предполагающих объединение контактной работы и электронного обучения, проблемно-ориентированного и междисциплинарного подходов в обучении [20, 21].

В рамках смешанного, проблемно-ориентированного и междисциплинарного подходов в обучении исследователи выделяют принцип осмысленного

обучения [22]. В этом смысле Д.Х. Джонассен рассматривает обучение как активный, конструктивный, кооперативный, преднамеренный и аутентичный процесс, который приводит к тому, что знания рассматриваются не как информация как таковая, а как элемент, гарантирующий функционирование когнитивно-социального развития. В процессе активного обучения обучающиеся участвуют в решении практической задачи, они манипулируют объектами и параметрами среды, в которой работают, и наблюдают за результатами своих манипуляций. Большинство современных исследований в области международного образования показали, что образовательные цели настоящего глобального мира или моделируемые в процессе обучения на основе реальных проблем быстрее осознаются и последовательно переносятся в новые ситуации.

Таким образом, активное обучение является одним из важных инструментов инновационных образовательных подходов в ИОП в исследовательском университете, так как обеспечивает вовлечение преподавателей и обучающихся в режим реальной международной совместной деятельности.

Четвертым педагогическим условием является реализация программ организации входящей и исходящей академической мобильности.

В нашем случае это педагогическое условие необходимо для обеспечения готовности субъектов международной научной и образовательной сферы к ИОП и формирования глобальной компетентности, а также является инструментом реализации инновационных образовательных подходов.

Совокупный анализ работ в этой области позволяет констатировать, что обучение за рубежом помогает преподавателям и студентам получить навыки межкультурного взаимодействия [9]; способность понимать национальную и другие культуры [12]; способность формировать в себе иную культурную идентичность [10] и способность достигать успеха при взаимодействии с представителями других культур [18].

Академическая мобильность студентов и преподавателей реализуется, в том числе, через совместные образовательные программы, цель которых состоит в получении международного образовательного опыта, необходимого для успешной личной и профессиональной жизни в современном взаимосвязанном обществе.

Анализ представленного в литературе опыта позволяет сделать вывод о том, что педагогические условия ИОП связаны с совокупностью потенциальных возможностей международной, межкультурной и глобальной образовательной среды, что обусловливается влиянием ее международных участников [6, 7, 16].

Проведенные теоретические и эмпирические исследования показали, что в процессе ИОП происходит взаимодополняемость и взаимозависимость всех педагогических условий, которые делятся на две категории.

Согласно первой категории, обеспечение педагогических условий происходит в процессе становления международного образовательного сообщества, главной целью которого является формирование готовности субъектов международной научной и образовательной сферы к обеспечению содержания, образовательных результатов, системы оценивания, методов преподавания международным, межкультурным и глобальным измерением. В рамках данного процесса реализуются программы академической мобильности преподавателей, результатом которых является развитие у участников навыков глобальной компетентности, овладение ими инновационными образовательными технологиями и разработка материалов учебно-методического сопровождения. Согласно второй категории, обеспечение педагогических условий происходит в процессе образовательной деятельности, в рамках которой в ходе совместной деятельности субъектов международной научной и образовательной сферы реализуется образовательная программа. В результате реализации этих взаимосвязанных процессов происходит полный цикл ИОП (рис. 1).

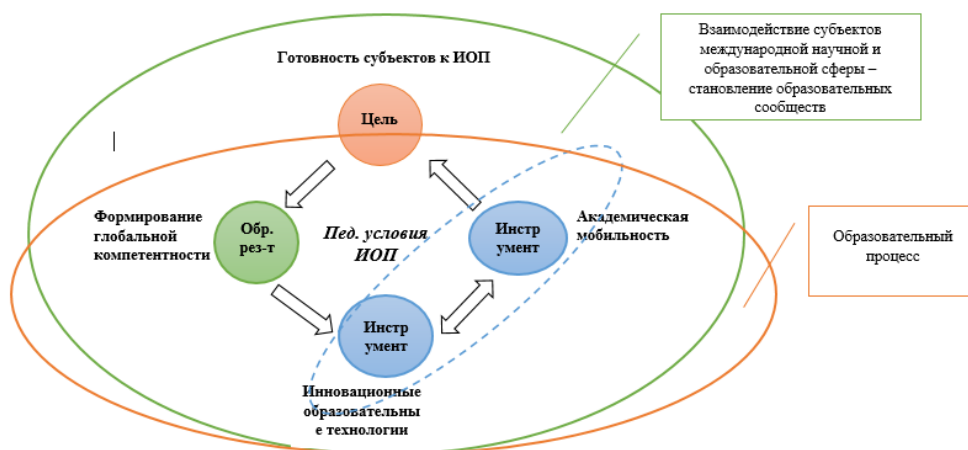

Рис. 1. Педагогические условия интернационализации образовательных программ

В качестве оценки эффективности педагогических условий ИОП нами определены показатели, в их числе: 1) качественные показатели – становление образовательных сообществ, проявление индикаторов глобальной компетентности (понимание глобальных

(мировых) проблем, продуктивная коммуникация с представителями других культур, конструктивное решение незнакомых и сложных задач в международной группе, открытость и гибкость к новым идеям и способам мышления, креативность в выработке инно-

вационных идей в своей области знаний в ответ на глобальные вызовы), качество академической мобильности; 2) количественные показатели – количество совместных образовательных программ, разнообразие инновационных образовательных продуктов, количество участников академической мобильности.

Оценка эффективности осуществлялась в ходе разработки и реализации 35 совместных образовательных программ НИ ТГУ, включая программы двойных дипломов, включенного обучения, студенческого обмена всех уровней подготовки (с 2015 г.). В исследовании приняли участие 164 человека, из них субъекты международной научной и образовательной сферы – 29 человек, иностранные и российские обучающиеся – 135. Национальный состав участников эксперимента составляет – 60% российских и 40% иностранных граждан.

Для оценки показателя педагогического условия «готовность субъектов международной научной и образовательной сферы к интернационализации образовательных программ» на этапах становления образовательных сообществ был применен метод оценки профессиональных компетенций и психотипа личности по методологии Ицхака Адизеса. Оценка проводилась на основе компетенций субъектов (29 человек), где каждая компетенция оценивалась по четырем уровням, которые соответствовали субъектной позиции психотипа личности. Общая характеристика результатов диагностики субъектных позиций представлена в табл. 1.

Приведенные данные дают возможность заключить, что участники (62%) преимущественно обладают компетенциями высшего уровня раЕi, раеI и проявляют признаки субъектной позиции «руководитель»: задают общее видение, цели, ценности, концепцию и содержание программы; оформляют замысел, представляют план; ответственно исполняют принятую на себя функцию, разрабатывают презентацию продукта, определяют результаты и предлагают идеи. Участники проектной команды и проектных групп преимущественно обладают компетенциями высшего уровня Раеi и раеI соответственно, проявляют признаки субъектной позиции «разработчик» и вносят вклад в аналитику и разработку нормативного и учебно-методического обеспечения программы (37%).

Таким образом, предоставляется возможность для формирования оптимального состава образователь-

ных сообществ по направлениям деятельности из числа субъектов международной научной и образовательной сферы на основе оценки эффективности выполнения ими основных субъектных позиций в составе совета, в проектных командах и группах.

Средством оценки показателя педагогического условия «формирование глобальной компетентности как образовательного результата» мы обозначили «проявление индикаторов глобальной компетентности».

В опросе приняли участие обучающиеся НИ ТГУ (135 человек). Анализ анкетирования показал, что во время обучения на программе у 60–73% испытуемых по ИГК1 (понимание глобальных (мировых) проблем) и ИГК2 (продуктивная коммуникация с представителями других культур) навыки проявились полностью или на высоком уровне, у 20–32% – на среднем, у 7–8% уровень был оценен как низкий; по ИГК3 (конструктивное решение незнакомых и сложных задач в международной группе), ИГК4 (открытость и гибкость к новым идеям и способам мышления) и ИГК5 (креативность в выработке инновационных идей в своей области знаний в ответ на глобальные вызовы) у 63–67% обучающихся навыки глобальной компетентности проявились полностью или на высоком уровне, у 25–33% – на среднем, у 10–12% уровень был оценен как низкий; и по ИГК5 56% респондентов отметили проявление ГК на среднем уровне; высокий уровень проявленности ГК отметили 34% обучающихся, 10% обозначили его как низкий. Сравнительный анализ данных позволяет заключить, что большее количество студентов наблюдали проявление глобальной компетентности в процессе обучения (табл. 2).

Косвенным подтверждением проявления ИГК являются результаты экспертного опроса субъектов международной научной и образовательной сферы. Оценивая проявление ИГК в ходе совместной деятельности, они отметили следующее: стали более компетентными в понимании глобальных (мировых) проблем (ИГК1) – 19 чел. (65,5%); расширили круг международных профессиональных/личных контактов (ИГК2) – 28 чел. (99%); оценили свое участие в совместной деятельности по ИОП как саморазвитие (ИГК5) – 10 чел. (19%); пересмотрели образовательные подходы к преподаванию (ИГК4) – 21 чел. (90%); приняли ценности другой культуры без потери собственной идентичности (ИГК2, ИГК4) – 25 чел. (76%).

Таблица 1

Субъектная позиция РАЕI при проявлении компетенций

Психотип личности по И. Адизесу	Раеi		раЕi		раЕi		раеI	
Субъектная позиция	Проектная стратегическая команда (PR-менеджер, HR-менеджер, юрист, менеджер по учебно-методическим вопросам, маркетолог)		Проектные группы (координатор года, координатор курса, тьютор/лектор, рекрутер, делопроизводитель, экономист)		Международный образовательный совет (руководитель программы, зам. руководителя, председатель экзаменационного совета, руководитель тематического блока)			
Компетенции	Насыщенность РАЕI							
Внедрение изменений	II уровень	6 чел.	I уровень	3 чел.	IV уровень	8 чел.	III уровень	8 чел.
Инновационность	II уровень	8 чел.	I уровень	3 чел.	IV уровень	6 чел.	III уровень	10 чел.
Ответственность	III–IV уровень	8 чел.	IV уровень	4 чел.	IV уровень	4 чел.	IV уровень	4 чел.
Управление эмоциями	III–IV уровень	9 чел.	II–III уровень	17 чел.	III–IV уровень	9 чел.	III–IV уровень	9 чел.
Стратегическое мышление	I–II уровень	17 чел.	I–II уровень	17 чел.	IV уровень	8 чел.	IV уровень	8 чел.
Проектное лидерство	I–II уровень	7 чел.	I–II уровень	7 чел.	IV уровень	2 чел.	IV уровень	2 чел.
Умение работать в межнациональной команде	II–III уровень	10 чел.	II–III уровень	10 чел.	III–IV уровень	18 чел.	III–IV уровень	18 чел.

Проявление индикаторов глобальной компетентности, %

Индикатор	Проявление индикаторов глобальной компетентности					
	До			После		
	Полностью не согласен или не согласен	Частично	Полностью согласен или согласен	Полностью не согласен или не согласен	Частично	Полностью согласен или согласен
ИГК1	33	57	10	7	20	73
ИГК2	24	63	13	8	32	60
ИГК3	30	25	45	12	25	63
ИГК4	20	34	46	10	33	67
ИГК5	46	21	33	10	56	34

Для оценки эффективности педагогического условия «внедрение инновационных образовательных технологий» мы обозначили показатели «количество совместных образовательных программ» и «разнообразие инновационных образовательных продуктов и технологий».

Анализ отчетных документов НИ ТГУ позволил констатировать значительный прирост количества совместных образовательных программ (двойной диплом, включенное обучение, студенческий обмен) с 30 (6%) в 2016 г. до 82 (18,4%) в 2020 г. Анализ содержания дисциплин совместных образовательных программ выявил положительную динамику внедрения инновационных образовательных продуктов и технологий, их доля составила 0,5% в 2016 г. и 15% в 2020 г.

В ходе экспертного опроса субъектов международной научной и образовательной сферы и анкетирования обучающихся выявился спектр инновационных образовательных технологий и элементов образовательного процесса, которые характеризуются международным, межкультурным и глобальным измерением: а) использование подхода «международный класс» – обучение и преподавание на английском языке – 147 чел. (90%); б) индивидуализация образовательной траектории с учетом глобальных интересов и межкультурных особенностей – 164 чел. (100%); в) построение процесса преподавания на основе проблемно-проектно-ориентированного обучения с использованием международных кейсов и практик – 131 чел. (80%); г) междисциплинарный и практико-ориентированный подходы – 128 чел. (78%); д) участие в международной академической мобильности – 164 чел. (100%); е) использование международного опыта в процессе обучения – 131 чел. (80%); ж) международный состав студентов и преподавателей – 164 чел. (100%).

Для оценки эффективности педагогического условия «организация академической мобильности» мы обозначили показатели «количество участников академической мобильности» и «качество академической мобильности». Анализ отчетных документов НИ ТГУ показал положительную динамику количества участников академической мобильности от 10 (0,08%) участников в 2015 г. до 150 (1,25%) в 2020 г. по входящей мобильности, и от 8 (0,06%) в 2015 г. до 102 (0,85%) в 2020 г. соответственно по исходящей мобильности.

Таким образом, результаты оценки эффективности педагогических условий ИОП выявили положительную динамику по всем показателям, необходимых для ИОП, а также обосновали эффективность использования технологии образовательного проектирования как способа взаимодействия субъектов международной научной и образовательной сферы в процессе ИОП.

Заключение

В результате исследования нами определено, что ИОП в исследовательском университете является базовым инновационным процессом и характеризуется взаимодействием субъектов международной научной и образовательной сферы по обеспечению содержания образования, образовательных результатов, системы оценивания, методов преподавания международным, межкультурными глобальным измерением. Анализ научной литературы позволил выявить характеристики международных, межкультурных и глобальных измерений, в их числе: обучение на иностранном языке; направленность содержания деятельности обучающихся на развитие их ценностного отношения к разным культурам; проведение лекций ведущих мировых ученых и исследователей; развитие совместных образовательных программ и программ академической мобильности и др.

Результаты исследования подтвердили предположение, что обеспечение готовности субъектов международной научной и образовательной сферы является целевым педагогическим условием, формирование глобальной компетентности – образовательным результатом, а внедрение инновационных образовательных технологий и организация академической мобильности – инструментами для достижения поставленной цели и формирования образовательного результата.

Особенность исследования заключается в том, что в нем рассматриваются возможности технологии образовательного проектирования как способа организации взаимодействия субъектов международной научной и образовательной сферы для ИОП, обеспечивающего становление образовательных сообществ, влияющих на институционализацию данного процесса в исследовательском университете.

ЛИТЕРАТУРА

1. Beelen J., Leask B. Internationalization at home on the move. Berlin : Dr. Josef Raabe Verlag, 2011. 25 p.
2. De Wit H. Trends, Issues and Challenges in Internationalisation of Higher Education // Centre for Applied Research on Economics & Management, School of Economics and Management of the Hogeschool van Amsterdam. Amsterdam, 2011. 125 p.
3. Knight J. Internationalization of higher education: Practices and Priorities // IAU: Survey Report. 2003. 12 p.

4. Жукова Н.М., Косырев В.П., Кубрушко П.Ф. Проблемы проектирования программ учебных дисциплин в вузе: история и современность // Теория и практика профессионального педагогического образования / под ред. Г.М. Романцева, В.А. Федорова, М.М. Дудиной. Екатеринбург : РГППУ, 2013. Т. 3. С. 203–222.
5. Crosling G., Edwards R., Schroder B. Internationalizing the curriculum: The implementation experience in a faculty of business and economics // Journal of Higher Education Policy & Management. 2008. Vol. 30, № 2. P. 107–121.
6. Leask B. Internationalizing the curriculum. London : Routledge, 2015. 125 p.
7. Leggott D., Stapleford J. Internationalisation and employability // Internationalising higher education / eds. by E. Jones, S. Brown. L. ; N. Y. : Routledge, 2007. P. 120–134.
8. Малкова И.Ю., Масленникова О.Г. Интернационализация образовательных программ как ресурс формирования глобальной компетентности выпускников магистратуры // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 444. С. 169–177.
9. Hudzik J. Comprehensive internationalization: From concept to action. Washington : NAFSA, 2011. 245 p.
10. Mestenhauser J.A. Internationalization at home: Systems challenge to a fragmented world // Internationalization at Home: A global perspective. The Hague, Netherlands : NUFFIC, 2007. P. 61–78.
11. Лукьянчикова М.С. О месте когнитивного компонента в структуре межкультурной компетенции // Россия и запад: диалог культур. 2000. Вып. 8, т. 1.
12. Малкова И.Ю. Становление субъекта инновационной практики: антропологический потенциал проектирования // Сибирский психологический журнал. 2009. № 34. С. 63–65.
13. Brustein W.I. Path to Global Competence: Preparing American College Students to Meet the World. IIE Networker : Spring, 2006. P. 23–25.
14. Dearthoff, D.K. Internationalization: In Search of Intercultural Competence // International Educator. 2006. Vol. XIII, № 2. P. 13–15.
15. Stearns P.N. Educating global citizens in colleges and universities: Challenges and opportunities. N. Y., NY : Routledge, 2009. 230 p.
16. Oxfam G.B. A curriculum for global citizenship. Oxford, England : Oxfam, 2000. 28 p.
17. Hunter W.D. Got global competency // International Educator. 2004. № 3. P. 6–12.
18. Van Roekel, D. Global Competence Is a 21st Century Imperative // NEA Education Policy and Practice Development. 2010. P. 1–4.
19. Paige R.M. Internationalization of higher education: Performance assessment and indicators // Nagoya Journal of Higher Education. 2005. № 5. P. 99–122.
20. Tauch C., Rauhvargers A. Survey on Master Degrees and Joint Degrees in Europe. Geneva : EUA, 2002. 10 p.
21. Осипов П.Н., Зиятдинова Ю.Н. Принципы интернационализации инженерного образования в российском исследовательском университете // Современные проблемы науки и образования: электронный научный журнал. 2015. № 3. URL: <http://www.science-education.ru/123-20140>
22. Джонассен Д.Х. Компьютеры как инструменты познания: изучение с помощью технологии, а не из технологии // Информатика и образование. 1996. № 4. С. 117–131.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 20 августа 2021 г.

Pedagogical Conditions for Internationalizing the Curriculum as Measures to Improve the Effectiveness of the Pedagogical Activity at a Research University

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 177–183.

DOI: 10.17223/15617793/473/22

Olga G. Maslennikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pro-77@mail.ru

Keywords: internationalization of curriculum; pedagogical conditions; educational design; means.

The problem of determining the pedagogical conditions for internationalizing the curriculum in the context of pedagogical science means providing a set of measures aimed at achieving the effectiveness of the goals at a research university. The study aims to determine the pedagogical conditions for the internationalization of the curriculum at a research university that affect the effectiveness of the implementation of this process and to substantiate the possibilities of educational design as a means of internationalization of the curriculum, ensuring the formation of educational communities in innovative practices. To reach the aim, the author compares the characteristics of the pedagogical conditions for internationalizing the curriculum as a category expressing the attitude of the subject of curriculum internationalization to the surrounding phenomena, without which this subject cannot exist and develop. The method of comparative analysis of the content of curriculum internationalization determines the pedagogical conditions that ensure the effectiveness of this process: provision of the faculty's readiness for curriculum internationalization; formation of global competence as an educational result; implementation of innovative approaches in education; provision of programs for incoming and outgoing academic mobility of students and professors. The analysis of the experience presented in the literature allows concluding that the pedagogical conditions for curriculum internationalization are associated with a set of potential opportunities of the intercultural and global educational environment, which is caused by the influence of its participants. Based on a survey and interviews of professors and students of Tomsk State University, the effectiveness of the pedagogical conditions for curriculum internationalization is justified on the basis of indicators, including qualitative (formation of subjects of joint activity, manifestation of indicators of global competence) and quantitative (joint educational programs, innovative educational products, incoming and outgoing student academic mobility) indicators. The obtained data allow concluding that the increase in all indicators shows the faculty's readiness for internationalization and their desire to participate in cooperation programs with foreign universities and in academic mobility, to introduce innovative educational approaches. The data also indicate that the means of ensuring the faculty's readiness for internationalization is educational design since it is aimed at the interaction of the participants to ensure the institutionalization of this process at a research university.

REFERENCES

1. Beelen, J. & Leask, B. (2011) *Internationalization at home on the move*. Berlin: Dr. Josef Raabe Verlag.
2. De Wit, H. (2011) *Trends, Issues and Challenges in Internationalisation of Higher Education*. Amsterdam: Centre for Applied Research on Economics & Management, School of Economics and Management of the Hogeschool van Amsterdam.
3. Knight, J. (2003) *Internationalization of higher education: Practices and Priorities: IAU Survey Report*. DOI: 10.13140/RG.2.2.12669.90085
4. Zhukova, N.M., Kosyrev, V.P. & Kubrushko, P.F. (2013) Problemy proektirovaniya programm uchebnykh distsiplin v vuze: istoriya i sovremennost' [Problems of designing programs of educational disciplines at the university: history and modernity]. In: Romantsev, G.M., Fedorov, V.A. & Dudina, M.M. (eds) *Teoriya i praktika professional'nogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Theory and practice of professional pedagogical education]. Vol. 3. Yekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical University. pp. 203–222.

5. Crosling, G., Edwards, R. & Schroder, B. (2008) Internationalizing the curriculum: The implementation experience in a faculty of business and economics. *Journal of Higher Education Policy & Management*. 30 (2). pp. 107–121.
6. Leask, B. (2015) *Internationalizing the curriculum*. London: Routledge.
7. Leggott, D. & Stapleford, J. (2007) *Internationalisation and employability*. In: Jones, E. & Brown, S. (eds) *Internationalising higher education*. London; N. Y.: Routledge. pp. 120–134.
8. Malkova, I.Yu. & Maslennikova, O.G. (2019) Internationalization of the Curriculum as a Resource for Building Global Competence of Master's Graduates. *Vestnik Tomckogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 444. pp. 169–177. DOI: 10.17223/15617793/444/22
9. Hudzik, J. (2011) *Comprehensive internationalization: From concept to action*. Washington: NAFSA.
10. Mestenhauser, J.A. (2007) Internationalization at home: Systems challenge to a fragmented world. In: Teekens, H. (ed.) *Internationalization at Home: A global perspective*. The Hague, Netherlands: NUFFIC. pp. 61–78.
11. Luk'yanchikova, M.S. (2000) O meste kognitivnogo komponenta v strukture mezhkul'turnoy kompetentsii [On the Place of the Cognitive Component in the Structure of Intercultural Competency]. *Rossiya i zapad: dialog kul'tur*. 1 (8).
12. Malkova, I.Yu. (2009) Formation of the Subject of Innovative Practice: Anthropological Potential of Planning. *Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 34. pp. 63–65. (In Russian).
13. Brustein, W.I. (2006) Path to Global Competence: Preparing American College Students to Meet the World. *IIE Networker*. Spring. pp. 23–25.
14. Deardorff, D.K. (2006) Internationalization: In Search of Intercultural Competence. *International Educator*. XIII (2). pp. 13–15.
15. Stearns, P.N. (2009) *Educating global citizens in colleges and universities: Challenges and opportunities*. NY: Routledge.
16. Oxfam, G.B. (2000) *A curriculum for global citizenship*. Oxford, England: Oxfam.
17. Hunter, W.D. (2004) Got global competency. *International Educator*. 3. pp. 6–12.
18. Van Roekel, D. (2010) *Global Competence Is a 21st Century Imperative*. NEA Education Policy and Practice Development. pp. 1–4.
19. Paige, R.M. (2005) Internationalization of higher education: Performance assessment and indicators. *Nagoya Journal of Higher Education*. 5. pp. 99–122.
20. Tauch, C. & Rauhvargers, A. (2002) *Survey on Master Degrees and Joint Degrees in Europe*. Geneva: EUA.
21. Osipov, P.N. & Ziyatdinova, Yu.N. (2015) Principles of Engineering Education Internationalization in a Russian Research University. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 3. [Online] Available from: <http://www.science-education.ru/123-20140> (In Russian).
22. Jonassen, D.H. (1996) Computers as Cognitive Tools: Learning With Technology, Not From Technology. *Informatika i obrazovanie*. 4. pp. 117–131. (In Russian).

Received: 20 August 2021

Н.Н. Сергеева, С.Н. Таюрская

РЕАЛИЗАЦИЯ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ЭВРИСТИЧЕСКИЙ РЕСУРС ПОДХОДОВ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ

Представлен генезис проблемы мультикультурализма в зарубежной педагогике. Рассмотрена экстраполяция проблемы применительно методики обучения иностранным языкам в неязыковых вузах России. Раскрыты понятия «мультикультурное обучение иностранному языку студентов неязыкового вуза», «поликультурное обучение студентов-юристов». Рассмотрен эвристический ресурс подходов к межкультурному обучению и воспитанию молодежи средствами иностранного языка. Обозначены стратегии и тактики мультикультурного обучения иностранному языку.

Ключевые слова: поликультурализм; мультикультурализм; мультикультурное образование; мультикультурное иноязычное образование; диверсифицированная этническая среда; ксенофобия; стереотипизация; инофон; автохтон; эвристический ресурс

Постановка проблемы

В международных сообществах начала XXI в. сообразно динамичности демографии и картине социально-политического бытия, всеобщей дезориентации и реальной дезинтеграции населения на фоне пандемии COVID-19 становится актуальным вопрос о конструировании условий стабильности и сохранения личной и коллективной идентичности и культурной самобытности, т.е. *мультикультурности*. Распространение пандемии COVID-19 и её последствия ставят под угрозу существующий миропорядок и устоявшиеся приоритеты. На фоне реальной разобщённости людей и целых коллективов, которые могут действовать совместно только виртуально по причине удалённости и разъединённости друг с другом, граждане организуются через сетевые сообщества, в режиме онлайн, потенциально пересекая географические и политические границы.

Имея целью рассмотреть проблему мультикультурного иноязычного образования как можно более конструктивно и всесторонне, мы обратились к источникам, освещающим тематику в странах зарубежья, поскольку идея мультикультурализма выдвигается главным образом в экономически развитых странах Запада, где значительный приток иммигрантов наблюдается уже длительное время (окончание Второй мировой войны сопровождалось многотысячным переселением беженцев в страны Европы, пережило несколько волн и наблюдается в настоящее время). Творческий подход в использовании знаний и опыта зарубежных исследователей в деле подготовки молодежи к жизни в полиэтнокультурной среде может стать серьёзным ресурсом идей поликультурного образования.

Целью написания данной статьи является изучить становление мультикультурализма и выявить эффективные стратегии мультикультурного иноязычного образования [1]. Мультикультурное обучение иностранному языку студентов неязыкового вуза – это процесс формирования поликультурной иноязычной компетенции и развития профессионально значимых компетенций межкультурного взаимодействия в широкой социальной действительности и области профессии в условиях обучения в сотрудничестве пред-

ставителей различных микрокультурных групп, культурного плюрализма, признания равноценности всех культур, репрезентированных в академическом сообществе, с установкой на осознанное рассмотрение разнообразия общества как ресурса к самообразованию. Стратегия мультикультурного обучения иностранному языку реализуется от изучения отдельных иноязычных текстов и материалов культурологического содержания до сотрудничества в поликультурных группах с целью решения обучающих и развивающих задач на занятиях по иностранному языку.

Начиная с 1960-х гг. геополитика засвидетельствовала ряд ранее неизвестных истории глобальных катаклизмов. В действительности предпосылки этих процессов возникли раньше. Распадались великие европейские империи; Соединенные Штаты, не испытывавшие разрушения и прочие серьёзные потери после Второй мировой войны, за счёт укрепившейся экономики, науки и вооружения агрессивно обеспечили себе безусловное всемирное превосходство. В странах Запада, бывших колониях и зависимых территориях власть всё больше сосредоточивалась в руках новых международных корпораций, синдикатов и картелей. Непрерывно перекраивались национальные государства и переносились их традиционные геополитические границы.

В то же время учреждались многонациональные политические организации и начиналась массовая глобальная миграция. На современной политической карте мира практически не осталось моноэтнических государств. Повсеместно нации обращаются в поликультурные, этнически гетерогенные космополитические общества. В этих условиях принципы политики по социокультурной интеграции иммигрантов стали рассматриваться в качестве инструмента, способствующего взаимообогащению культур и построению гармоничного общества. Очевидно, что на практике мультикультурализм – это не безусловное признание культурной диверсификации, а в некотором роде консенсус между доминирующим большинством, представленным государством, и этническими меньшинствами. Вот основные процессы, предопределившие появление мультикультурализма как политического и культурологического концепта. Мультикультурные исследования стали всё чаще занимать внимание учё-

ных в Канаде, США и Великобритании, Германии и Франции, если речь идёт о Европе, не говоря уже об исконно мультикультурных континентах Новой Зеландии, Африки и Австралии.

Философское знание систематизировало и логически оформило в нормативную теорию сущность мультикультурализма как социокультурную реалию и политическую доктрину.

Методы исследования

Теоретический анализ научной литературы по проблемам мультикультурализма и мультикультурного образования, подходов к определению «мультикультурного образования».

Занимаясь изысканиями по проблемам мультикультурализма и мультикультурного образования, мы ознакомились с геополитическими катаклизмами XX и XXI вв.; этимологией концепта *мультикультурализма*; выступлением мультикультурализма как социального движения и как определенного течения мысли, идеологии, педагогики. Основным результатом знакомства с практикой и подходами мультикультурного образования в странах Западной Европы и Северной Америки является возможность конкретизировать теоретические и прикладные аспекты этой проблемы и привести несомненные достоинства мультикультурализма в российское поликультурное образование.

Цель исследования состоит в том, чтобы представить заинтересованным читателям отечественного педагогического корпуса эвристичный ресурс подходов к межкультурному обучению и воспитанию молодежи, находящейся в процессе социального становления и перехода к социальной зрелости в условиях многокультурализма [2. С. 38]; вооружить педагогов концептуальным багажом знаний о целях мультикультурного образования, позволяющего им в своей педагогической деятельности перейти от описания к осмыслению и претворению возможностей кросскультурного взаимодействия; стратегиями мультикультурного обучения иностранному языку: мирное и плодотворное взаимодействие разных культур, обогащение и расширение картины мира обучаемого, освобождение её от ксенофобии и стереотипизации в отношении инофонов, выработка навыков ведения конструктивного диалога; воспитанием эмпатии, приемлемости, участия и уважения к инаковости [3. С. 5–6].

Генезис мультикультурализма в западных сообществах

Общеизвестно, что нации преобладающих цивилизаций и культур в США, Канаде, Австралии, Сингапуре, Германии, Объединённом Королевстве и некоторых других странах Западной Европы и Северной Америки практически с момента своего основания становятся могущественными, многокультурными государствами, в которых культурные общественные различия становятся всё более явственными с прибытием на проживание новых групп переселенцев из других стран. Наиболее многочисленные мононацио-

нальные конгломерации, или, в другом случае, коренные национальные сообщества находятся в благоприятных условиях для прогресса, чувствуя себя свободнее, увереннее, надёжнее и проще, проживая совместно или на исконной исторической территории своих предков. В противоположность, новые приезжие жители имеют пониженный уровень к самосохранению и развитию, посвящая каждый новый день борьбе за выживание. Подобная полиэтничная диспозиция делает необходимым подкючить к разрешению проблемы образовательную эвристику, благодаря которой титульные национальные группы откроются культурной полифонии, взаимному культурному приращению и межнациональному полилогу. У малых этнических субъектов сможет нивелироваться противопоставление этническому большинству.

Существенно, что мультикультурализм возникает как новое течение в западной философии в рамках открывшихся дискуссий между двумя методами познания – либерализмом и коммунитаризмом. Логика и критический анализ философского мышления пытались обосновать и синтезировать в интегральное понятие культурное многообразие и стремление к объединению [4]. Для педагогики ценность гносеологических споров в том, что они выводят к такому мультикультурному подходу в образовании, как принятие справедливости, всеобщего блага, свободы и равенства.

Общепризнанным основоположником теории мультикультурализма в зарубежной философии считается канадский философ Чарльз Маргрейв Тэйлор, занимающийся вопросами политической и социальной философии, истории философии. «Политика признания» является ключевым понятием и отправным положением теории мультикультурализма Ч. Тейлора. Согласно обсуждаемому тезису, «культурное разнообразие», существующее в каждом обществе, не подвластно ни политическому, ни законодательному, ни какому-либо иному координированию и должно быть признано *a priori*. По мнению канадского мыслителя, принятие и уважение разнородных этнических культур – это первооснова благотворного диалога цивилизаций, способствующая универсализации человеческой сущности; а на глобальном уровне – содействующая целостности государства и сохранению традиционных моральных устоев общества [5. С. 121–125].

Американский исследователь Н. Глейзер определил мультикультурализм как «комплекс разнообразных процессов развития, в ходе которых раскрываются многие культуры в противовес единой национальной культуре». Это одно из самых широких определений мультикультурализма [1].

В «Большом международном энциклопедическом словаре по глобалистике» «мультикультурализм» определяется как 1) «мультикультурная ситуация, культурное многообразие, культурная, языковая и конфессиональная мозаичность населения государства» и как 2) «политика государства, направленная на поддержку и правовое обеспечение мультикультурной ситуации, равно как теоретическое и идеологическое обоснование такой политики». Словарь предлагает другую, в сравнении с приведёнными выше, трактовку философских основ

теории мультикультурализма и относит их возникновение к концу XIX столетия. Утверждается, что исходные положения интересующего нас понятия были оформлены в трудах представителей прагматизма – Ч.С. Пирса, У. Джеймса, Дж. Сантаяны, Дж. Дьюи и У.Э.Б. Дьюба. Философы теоретизировали по проблемам плюрализма, мультикультурного общества и гуманизма [6].

В первой половине XX в. становлению доктрины мультикультурализма способствовала разработанная Ф. Боасом концепция историчности, множественности и автономности культур. С 1930-х гг. нарастающая миграция вывела проблемы мультикультурализма и межкультурных контактов в плоскость обсуждения процессов аккультурации и ассимиляции. Следующий этап эволюции мультикультурализма, согласно авторам словарной статьи, совпадает с началом 1970-х гг. и проходит в русле исследований этничности с акцентом на изучение так называемых постмигрантских сообществ. *Постмигрантское общество* (от лат. Post – «за», «после») определяет общественный порядок с опытом миграции. Этот термин относится к политическим, культурным и социальным изменениям в обществе, которые являются результатом демографических изменений в результате иммиграции. С этой точки зрения миграция рассматривается как процесс, который вносит значительный вклад в формирование общества. В 1990-е гг. актуальность приобретает тема глобализации и мигрантского транснационализма в контексте политики мультикультурализма. С середины XX столетия мультикультурализм принимается в практику официального правления полиэтничных и поликультурных государств в целях борьбы с дискриминацией, соблюдения прав человека в отношении меньшинств и поддержки межнациональной толерантности [6]. Внедрение мультикультурализма в системы образования США, Канады, Австралии, Объединённого Королевства, Голландии, Германии и других также датируется этими годами.

В целом западные ученые признают проблему мультикультуризма недостаточно исследованной. Р. Бернстайн, американский либеральный историк и публицист, дал следующую оценку степени научной разработанности темы: мультикультурализм – «определённо понятие неопределённое» [7. С. 307].

На фоне заявлений западных политиков о кризисе, а подчас и крахе политики мультикультурализма, фактически началась новая волна интереса к осмыслению дискурса в философии, политике, идеологии. Таким образом, концептуально реконструируемые понятия российского поликультурализма и зарубежного мультикультурализма смещают акцент изучения на наличие тесной связи между всеми этносами и этническими группами, которые живут в одном обществе.

Здесь необходимо отметить, что в отличие от зарубежного мультикультурализма, получившем развитие из политического движения автохтонных и мигрантских сообществ за свои политические права, российский поликультурализм вырос на идеях интернационализма и патриотизма.

Мультикультурное образование: подходы к определению, эвристический ресурс

Философская концепция организует социальную перцепцию и задает конструктивные педагогические модели поведения в отношении мировоззренческой системы мультикультурного образования и воспитания.

Л.Л. Супрунова, М.А. Шайхов, обращаясь к понятию «мультикультурное образование», отмечают, что его эволюция предопределена не только историческими и социокультурными предпосылками нового времени, но и происходит из традиций философии, педагогики и психологии [3]. Вопросы о необходимости развития личности обучаемого в мультикультурной среде поднимались в трудах А. Дистервега, И.Л. Песталоцци, А.Я. Коменского. Постулаты великого чешского мыслителя-гуманиста о едином происхождении и предназначении «каждого, кому было суждено родиться человеком», обосновывают разработанную программу «Панпедия» об универсальном обучении и воспитании: «...чтобы в конце концов весь род человеческий пришёл к культуре независимо от возраста, сословия, пола и народности» [8. С. 384]. На страницах «Панпедии» Я.А. Коменский высказывался и о равенстве народностей и культур: «Желать, чтобы и самые варварские народы тоже просветились и избавились от темноты своего варварства, надо потому, что и они – часть человеческого рода <...>, а также потому, что целое не есть целое, пока лишено какой-то своей части <...>. Способностью к культуре наделены не только все народы, но и каждое отдельное племя <...>» [8. С. 403].

Как отмечает А.Н. Джурицкий, для мультикультурного, этнически диверсифицированного мира и отдельных национально-государственных пространств учет факторов многокультурности и полиэтничности становится первоочередной педагогической задачей. Разрешение этой проблемы в позитивных тенденциях выступит знаковой предпосылкой демократизации общественной жизни, воспитания и обучения. В своих многочисленных трудах, посвященных мультикультурализму, учёный подчёркивает исключительную и незаменимую роль воспитания и обучения в преодолении возможных межэтнических конфликтов. Обособленность культурно-дистинктивных сообществ, межнациональная неприязнь и столкновения называются учёным отрицательными результатами комбинации социальных факторов. Особенно неблагоприятными факторами оцениваются тотальная ксенофобия, игнорирование поликультурности и полиэтничности при воспитании и обучении в многонациональных группах. «Не извлекать из этого уроки для системы образования означает закрывать глаза на растущую и близкую опасность социального взрыва» [9].

В современной педагогике пионером и одним из основателей дисциплины «мультикультурное образование» считается Джеймс А. Бэнкс. Исследуя специфику взаимоотношений жителей США, имеющих полное или частичное происхождение от африканцев, принадлежавших к негроидной расе, с представителями других рас, а позже рассматривая развитие ситуации совместного проживания этнических мень-

шинств друг с другом, учёный-педагог выстроил теорию образования для поликультурного общества. Также Дж. Бэнкс наиболее полно разработал структуру и модели мультикультурного образования, вполне применимые не только в США, но и в других странах с полиэтничным составом населения. В самом обобщённом виде можно сформулировать, что идеи мультикультурного образования Джеймса Бэнкса проектируют формирование национальной общности в многонациональном социуме; а само мультикультурное образование – формирование «знаний, отношений (attitudes), умений, необходимых для того, чтобы функционировать в различной культурной среде (diverse cultural settings)» [10. С. 22–28]. Но это только один из многочисленных подходов к определению концепта *мультикультурного образования*. Приходится констатировать, что на настоящий момент единого понимания феномена мультикультурализма в образовании не сформировано, хотя бы по причине того, что большое количество авторов теоретизируют и обосновывают данный принцип в педагогике.

Единомышленниками и последователями идей мультикультурного образования Дж. Бэнкса в зарубежных странах являются американские и канадские педагоги Р. Барнхардт, К. Беннет, Дж. Бэйли, Д. Голлник, К. Грант, У. Гудикунст, Е. Джексон, Я. Ким, Д. Равич, П. Шин (США); Дж. Гумминз, Дж. Гэй, А. Флерас, Ж. Эллио (Канада) и др. Далее перечислим наиболее известных современных теоретиков мультикультурного образования: К. Грант, П. Янг, П. Шин, Д. Голлник, М. Гомез, К. Слитер в США. Канадские сторонники мультикультурного образования и воспитания представлены А. Флерансом, Ж. Эллио, М. Эшвот, Дж.В. Бэрри, Д.С. Коннер, П. Горски, М. Леду, М. Люпюль, К.А. МакЛеод, К. Мудли, С.В. Моррис, Дж. Портер, Р.Дж. Самуда, Д. Тэйло, С. Тэйтор. Весомый вклад в развитие концепций обучения и воспитания в многонациональной среде внесли и учёные Австралии – М. Каррэй, Б. Эласкей, Т.С. Эллиот, Дж. Маршалл, Р. Моргинсон, Дж. М. Муди, Дж. Сакс, Р. Сайкс, Дж.Дж. Смолич, Р. Тафт, Дж. Вуд. Вопросы мультикультурного образования находятся в фокусе внимания ряда западноевропейских педагогов – М.М. Гордон, Дж. Линч представляют Великобританию; О. Анвайлер, С. Люхтенберг – Германию.

В Международной энциклопедии по образованию мультикультурное образование определено как познание иных культур, осмысление различий и сходств, всеобщего и уникального в культурах, традициях, образе жизни, формирование ценностного суждения о многообразии культур и их носителям [11]. Основной постулат мультикультурализма в признании самоценности культурного разнообразия страны (региона, всего мира) и принципиальной недопустимости ранжирования культур по принципу «низшая – высшая», «главная – второстепенная» [12].

П. Горски комментирует, что на настоящем этапе развития идей мультикультурализма несложно отмечать и признавать существующие межнациональные отличительные особенности и видит серьёзную про-

блему в конструктивном развитии межкультурного образования в направлении преобразования общества. Позиционируя свое видение будущего межкультурного образования, учёный предлагает вернуться к представлению межкультурного образования как политического движения, направленного на достижение справедливости, равенства и доступности образования, нежели воспринимать его лишь как культурный обмен [13. С. 17–18].

Йоханна Ласонен разводит термины «поликультурное», «мультикультурное» и «межкультурное» образование. Согласно ее представлениям, мультикультурное образование включает социальный аспект и предполагает анализ функционирования различных обществ и сообществ, тогда как поликультурное образование в российских исследованиях делает акцент на обучении личности. «Межкультурное образование» учёная рассматривает как синоним «поликультурного образования», а процесс обучения – как совместное воспроизводство межкультурного и поликультурного образования [13. С. 19, 14].

Педагогам необходимо иметь знания о современных инновационных педагогических подходах, к которым относятся поликультурное и мультикультурное образование, чтобы предотвратить вырождение идеи мультикультурного образования в случайный слоган, и тем более упрощённо толкуемый.

Итак, российские ученые для целого ряда направлений в образовании в зарубежной педагогике, объединяемых концепцией «мультикультуризма», предлагают систематизацию в подходы по следующим признакам:

1. *Мультикультурное образование как идея реализации* единой демократической педагогической стратегии в полиэтничной академической среде, духовная и социальная ценность, философия гуманизма. Рассматривая сущность педагогической мультикультурности, необходимо остановиться подробнее на гуманистических истоках этого концепта. Ряд учёных рассматривают принцип мультикультурности именно как один из аспектов гуманистического воспитания, поскольку в его основе лежит гуманистическая идея о том, что не существует хорошей или плохой культуры. Все культуры различны по содержанию, и значимость каждой определяется индивидами. Полиэтническая культура многонационального западного общества представлена различными элементами – этническими культурами, что делает её всеобщим достоянием и богатством народа, проживающего на одной территории. Общенациональная культура каждого отдельного многонационального государства – суть продукт исторического процесса взаимообогащения и взаимопроникновения этнических культур. Будучи гуманистическим по своей природе, принцип мультикультурности бесспорно способствует демократизации общества, всех его институтов и протекающих в нём процессов. В данном случае мультикультурность в обучении трактуется учёными как формирование уважения к этническим и культурным ценностям, развитие эффективной межкультурной и межэтнической коммуникации, эволюция

социокультурной мобильности и гибкости, становление культурной идентификации и выработка национального согласия.

Л.С. Миллер подчёркивает, что в свете именно этих существенных характеристик феномена мультикультурности, образование понимается как процесс освоения подрастающим поколением этнической, общенациональной и мировой культуры в целях духовного обогащения, развития планетарного сознания, формирования готовности и умения жить в многокультурной полиэтнической среде, представленной системой культурных ценностей [15].

2. *Мультикультурное образование как реформаторское движение* за институционализацию мультикультурного компонента в обучении. Нет тайны в том, что многие западные политики провозгласили крах мультикультурализма на современном этапе. Действительно, политика мультикультурализма переживает кризис: в странах Запада и Северной Америки титульные нации относятся к признанию культуры малых этносов как к угрозе своей идентичности, что вызывает вспышки национализма. Напротив, возникающий феномен «культурного многообразия» должен расцениваться не как простая сумма культур, а качественно иная множественная идентичность. Этнокультурное разнообразие задаёт основу соединения противоположного непохожего опыта, благодаря которому страна может стать обществом, способным к взаимодействию и взаимообогащению. Тем не менее очевидно, что не все культурные различия станут частью глобальной культуры, за что, несомненно, ещё предстоит бороться.

Проблемы межкультурной и межъязыковой коммуникации в контексте глобализации, дискурса как единицы коммуникативного и речемыслительного процесса в коммуникации представителей разных лингвокультур находят отражение и развитие в современных исследованиях [16, 17].

Эвристический ресурс рассмотренных подходов заключается в следующем: теоретическое обоснование поликультурной подготовки будущих юристов; разработка педагогической идеи: поликультурное обучение студентов-юристов *возможно средствами иностранного языка* с применением методов и способов обучения иностранному языку, построенных на положениях поликультурности и подготовки студентов к жизни в условиях полилингво-этнокультурного социума; *реализуется в процессе формирования поликультурной личности юриста*, владеющего иноязычной компетенцией, профессиональными знаниями, способностью к иноязычному обучению, взаимообогащению и взаимодействию с представителями различных национальностей, религий и культур, с сохранением собственной этнической, социальной, региональной и государственной идентификации и культурной самобытности; гармонично сочетающего этнокультурную – региональную – гражданскую формы идентичности, уважающего инокультурное своеобразие и обладающего сложившимися навыками межкультурного взаимодействия.

Рассмотрение проблемы применительно к образовательным социокультурным условиям юридического вуза

По данным Росстата, в Свердловской области проживают больше 160 народов, наций и национальных групп. Исторически национальный состав населения Урала объединяет множество этносов и народностей, которые различаются по языку, культуре и вероисповеданию, что представляет собой «историческое и культурное наследие» региона. Этнос (греч. *ethnos* – группа, племя, народ) – межпоколенная группа людей, объединённая длительным совместным проживанием на определенной территории, общими языком, культурой и самосознанием; «народность» – исторически сложившаяся общность людей, возникающая из отдельных племён при распаде родоплеменных отношений, на ранней стадии феодализма, основанного на натуральном хозяйстве, до возникновения прочных экономических связей и единой экономики.

В Уральский Государственный юридический университет приезжают абитуриенты из нескольких десятков субъектов Российской Федерации, входящих в Южный, Северо-Кавказский, Уральский, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа. В вузе обучаются иностранные студенты из Азербайджана, Армении, Беларуси, Зимбабве, Казахстана, Киргизии, Китая, Молдовы, Монголии, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Украины, Экваториальной Гвинеи. Полиэтничность и поликультурность – это условия, в которых живет и обучается академическое сообщество Уральского государственного юридического университета. Полиэтнический академический состав университета ставит проблему перед преподавателями вуза: как организовать учебно-воспитательный процесс, чтобы интенсивные межнациональные контакты и межкультурная жизнедеятельность способствовали качественному и эффективному обучению студентов. Решением данной проблемы видится актуализация поликультурного обучения.

В настоящее время считается общепризнанным знанием, что подлинную культуру можно создавать только при условии согласования с собственным прошлым, имея при этом в виду свое будущее; соответственно, укрепление культурной автономности народов благоприятствует расширению контактов и сближению культур.

В действительности именно сфера культуры и образования, а также обучения всегда считалась и считается наиболее ресурсным полем для межличностного взаимодействия, развития диалога и взаимопонимания, выступая фактором развития национального самосознания, самоутверждения этнической общности.

В российском полиэтническом обществе отмечается неуклонный рост культурной диверсификации, стремление многообразных социальных групп отстаивать своё право на признание и уважение, национально-культурное и религиозное возрождение. В Российской Федерации вводится и утверждается политика признания ценности культуры и своеобразия этнических, социальных и религиозных групп населения, личностных свобод и гражданских прав

населения. В федеральных государственных образовательных стандартах закрепляются поликультурные направления общегосударственной политики. В частности, в федеральных государственных стандартах образования прописано, что в результате освоения Основной профессиональной образовательной программы высшего образования – программы бакалавриата по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (профиль: Прокурорская деятельность), утверждённого в июне 2020 г., у выпускника должны быть сформированы следующие компетенции, которые развиваются в ходе поликультурного обучения иностранному языку:

– способность осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде (Универсальная Компетенция 3, далее – УК);

– способность осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах) (УК-4);

– способность воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этническом и философских контекстах (УК-5).

Анализ научно-методической литературы по теме поликультурного обучения иностранному языку студентов-юристов показывает, что одним из актуальных направлений в данной области исследования становится разработка руководящей идеи в теории поликультурного обучения и методического обеспечения формирования у студентов гармоничной «многослойной» идентичности, состоящей из этнического, регионального и «гражданско-странового» тождеств.

Под *мультикультурным обучением* иностранному языку студентов понимаем процесс формирования поликультурной иноязычной компетенции и развития профессионально значимых компетенций межкультурного взаимодействия в широкой социальной действительности и области профессии в условиях обучения в сотрудничестве представителей различных микрокультурных групп, культурного плюрализма, признания равноценности всех культур, представленных в академическом сообществе, с установкой на осознанное рассмотрение разнообразия общества как ресурса к самообразованию.

Существенными свойствами поликультурного обучения студентов юридического вуза представляются поликультурная среда, благотворность взаимодействия равноценных культур, культурная полилогичность содержания обучения, аксиоматичность взаимосвязи и взаимопроникновения культур. Основными смыслами поликультурного обучения иностранному языку выступит развитие процесса обучения иностранному языку от изучения отдельных иноязычных текстов и материалов культурологического содержания для сотрудничества в поликультурных группах с целью решения обучающихся и развивающихся задач на занятиях по иностранному языку.

Реализация поликультурного обучения иностранному языку в многонациональном вузе видится исследователям через интеграцию культурных традиций разноэтнических обучающихся и носителей изучаемого языка в содержании и методах обучения на ос-

нове признания студентами поликультурного образа мира как ресурса становления личности и общества. Стратегия поликультурного обучения иностранным языкам студентов-юристов заключается в интеграции культурных традиций в обучении: родной культуры, культуры русского большинства и культуры народа – носителя изучаемого языка. Обозначены тактики поликультурного обучения средствами иностранного языка студентов-юристов: *социокультурная* (использование и толкование иноязычной исторической, культурной, правовой и страноведческой информации, знакомство с национальными и духовными ценностями, устойчивыми формами деятельности народа); *поисково-исследовательская* (реализация элементов самостоятельной, поисковой и исследовательской деятельности студентов на иностранном языке); *моделирующая* (целенаправленная, осознанная, интерактивность участников учебного процесса по преодолению предубеждений и негативных «классификаций» представителей иных групп, социально-экономических классов или по демографическим референциям, устранению стереотипов и обобщений); *инклюзивная* (признание уникальных личностных качеств обучающихся, вне зависимости от их этнической, религиозной или социальной принадлежности).

В дополнение к вышесказанному стоит отметить, что в течение продолжительного периода времени политики и ученые дискутируют о том, как следует пересмотреть образование, чтобы оно учитывало интересы мигрантов и малочисленных автохтонов, с одной стороны, и доминирующей нации – с другой. Надо признать тот факт, что нынешняя тенденция, отслеживаемая в образовательных учреждениях, к реализации единичных авторских образовательных курсов не содействует развитию мультикультурной педагогической политики, учитывающей потребности каждой из сторон. Очевидно, складывается понимание о том, что следует акцентировать внимание не на культурной специфике содержания обучения, а изыскивать новые образовательные стратегии и тактики.

Мультикультурное образование, меняющееся в дискурсе миграционных процессов, становится не столько преподаванием какого-то нового предмета, сколько преподаванием другого вида в рамках уже существующего набора предметов и программ.

Мультикультурное образование как идея и движение за реформирование всей системы образования, результатом которой будет предоставление равных образовательных возможностей разным категориям учащихся [18]. С начала 1980-х гг., приняв первые волны миграции, большинство европейских стран сосредоточились на реформах своих образовательных систем; процесс длится по сей день. Речь идет о создании совершенно новой мультикультурной системы образования, в которой учащиеся, принадлежащие к различным «расовым, этническим, языковым и культурным группам, имели равный доступ к услугам в сфере образования, тем самым, получая равные возможности для достижения академических успехов» [19. С. 228]. Мультикультурное образование поддерживает этнический, расовый, лингвистический и религиозный плюрализм. За годы реформ появилось

огромное количество новых специальностей и прикладных программ вузовской подготовки. Диверсифицировались и образовательные программы: 1-я базовая ступень – бакалавриат; 2-я промежуточная между академической и учёной – магистратура и 3-я учёная степень – докторантура. Тогда же произошло возрождение интереса к проблеме «обучения в течение всей жизни» и созданию системы «непрерывного обучения». Другим важным фактором, влияющим на политику в сфере образования с конца XX в., стал переход развитых стран от индустриальной к постиндустриальной модели развития, которая в начале XXI в. обрела форму экономики знаний, в рамках которой знания и образование становятся основной производительной силой. Мультикультурное образование продвигает демократические принципы социальной справедливости на основании положений критической педагогики, инновационного знания, рефлексии и содействия социальным переменам [18].

По мнению Е.А. Нечаевой, наиболее распространёнными в мировой педагогике подходами к пониманию сущности мультикультурного образования представляются следующие:

– аккультурационный подход. Приверженцы этого конструктивного принципа понимают под мультикультурным образованием процесс освоения этнической, общенациональной и мировой культуры в целях духовного обогащения, развития планетарного сознания, формирования готовности и умения жить в многокультурной полиэтнической среде;

– диалоговый подход основан на идеях открытости, полилога культур, культурного плюрализма. Развитие идей диалогового подхода возможно при условии жесткого соблюдения приезжающими определенных культурных традиций принимающей стороны; а доминирующая нация осуществляет прием иммигрантов, исключая экстремизм, национальную и культурную нетерпимость;

– конфликто-ориентированный подход. Сторонники данной стратегии исследования мультикультурного образования обуславливают своим предметом формирование конфликтной компетентности учащегося;

– компетентностный подход, в котором поликультурность рассматривается не только с позиции профессионализма, но и как ключевой компонент результата образования;

– социально-психологический подход основывается на концепции антирасистского воспитания, и его дистинктивными признаками являются рассмотрение поликультурного образования как системы методов формирования определенных социально-установочных и ценностно-ориентационных предрасположенностей, коммуникативных и эмпатических умений.

Эвристический ресурс, выявленный при анализе существующих подходов, позволил теоретически обосновать поликультурную подготовку будущих юристов и разработать педагогическую идею формирования поликультурной личности юриста; эффективность формирования поликультурной личности юриста, осознающей свою принадлежность к российской гражданской нации без ущерба для развития

собственной национально-культурной идентичности, определяется уровнем знаний студентов о культуре России, мировой культуре и эволюции культуры в динамике народонаселения, благоприятной траекторий развития качеств, связанных с поликультурностью, условиями для успешной деятельности студентов в полиэтнической академической и профессиональной среде; внедрение в учебные материалы модулей дисциплины «Иностранный язык» дидактических единиц поликультурной направленности.

Заключение

Реализация политики мультикультурализма в США, Канаде, Австралии, Сингапуре, Германии, Объединённом Королевстве и других странах Западной Европы и Северной Америки не всегда результативна и оптимистична, но конструктивной альтернативы концепции мультикультурализма, кроме как концепции поликультурализма, на настоящий момент не существует [7].

Зарубежная педагогика, определяя понятие *мультикультурного образования*, основывается на признании социальных, политических и экономических реальностей культурно разнообразного и сложного человеческого взаимодействия, а также учете в образовательном процессе культурной, расовой, гендерной, религиозной и классовой принадлежности [9. С. 54].

Полиэтнический академический состав современных университетов России ставит проблему перед преподавателями иностранного языка в вузах: как организовать учебно-воспитательный процесс, чтобы интенсивные межнациональные контакты и межкультурная жизнедеятельность способствовали качественному и эффективному обучению студентов иностранному языку. Решением данной проблемы видится актуализация поликультурного иноязычного обучения. Действенными стратегиями решения проблем мультикультурного образования представляются:

– мирное и плодотворное взаимодействие разных культур;

– обогащение и расширение картины мира обучаемого, освобождение её от ксенофобии и стереотипизации в отношении инофонов;

– выработка навыков ведения конструктивного диалога;

– эмпатия, соучастие, приемлемость и уважение к инаковости [20. С. 5–6]. Данные положения реализуются в мультикультурном иноязычном обучении.

Вывод авторов заключается в том, что применительно к условиям юридического вуза стратегия поликультурного обучения иностранным языкам студентов-юристов проявляется в интеграции культурных традиций в обучении: родной культуры, культуры русского большинства и культуры народа – носителя изучаемого языка. Реализуется указанная стратегия при обучении иностранному языку через пошаговые тактики поликультурного обучения средствами иностранного языка студентов-юристов: *социокультурная* (использование и толкование иноязычной исторической, культурной, правовой и страноведческой информации, знакомство с национальными

и духовными ценностями, устойчивыми формами деятельности народа); *поисково-исследовательская* (реализация элементов самостоятельной, поисковой и исследовательской деятельности студентов на иностранном языке); *моделирующая* (целенаправленная, осознанная, интерактивность участников учебного процесса по преодолению предрассудков и негатив-

ных «классификаций» представителей иных групп, социально-экономических классов или по демографическим референциям, устранению стереотипов и обобщений); *инклюзивная* (признание уникальных личностных качеств обучающихся, вне зависимости от их этнической, религиозной или социальной принадлежности).

ЛИТЕРАТУРА

1. Сахарова В.В. Мультикультурализм и проблемы интеграции иммигрантов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2010. Вып. 2. С. 47–52.
2. Стенищева А.А. Влияние мультикультурализма на образование // Вестник Марийского государственного университета. 2020. Т. 14, № 3. С. 312–319.
3. Супрунова Л.Л., Свиридченко Ю.С. Поликультурное образование. М. : Academia, 2013. 236 с.
4. Волкова Т.П. Теория мультикультурализма как синтез философских концепций либерализма : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Мурманск, 2008. 26 с.
5. Борисов А.А. «Политика признания» Чарльза Тэйлора и мультикультурализм // Материалы конференции : Толерантность и поликультурная социальность. 2001. URL: <http://hdl.handle.net/10995/49950> (дата обращения: 20.08.2021).
6. Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / отв. ред.: Мазур И.И., Чумаков А.Н. Москва ; Санкт-Петербург ; Нью-Йорк : Изд. центр «Елима», Издательский дом «Питер», 2006. 1160 с.
7. Простакишина Н.П. Мультикультурализм и социокультурные проблемы интеграции // Молодой ученый. 2014. № 1 (60). С. 306–308. URL: <https://moluch.ru/archive/60/8831/> (дата обращения: 15.07.2021).
8. Коменский Я.А. Избранные педагогические сочинения. Т. 2 / под ред. А.И. Пискунова и др. М. : Педагогика, 1982. 576 с.
9. Джуринский А.Н. Концепции и реалии мультикультурного воспитания: сравнительное исследование: монографические исследования // Педагогика. М. : Academia, 2008. 304 с.
10. Banks J.A., Banks C.A.M. Approaches to multicultural curriculum reform // Multicultural education : Issues and perspectives. Boston : Allyn & Bacon, 2001. P. 225–246.
11. International Encyclopedia of Education. 3rd Ed. / Ed. in Chief: Rob Tierney & others. Elsevier Science, 2009. 8400 p. URL: <https://elsevier.com/books/international-encyclopedia-education-tiernry/978-0-08-044894-7> (дата обращения: 14.07.2021).
12. Галинская И.Л., Паин Е.А. Трудный путь от мультикультурализма к интернационализму // Вестник культурологии. 2012. № 3. С. 15–16.
13. Балицкая И.В. Развитие идей мультикультурного и гражданского образования // Сборник статей «Образование и межнациональные отношения. Education and Interethnic Relations – IEIR / под ред. Э.Р. Хакимова. Ижевск : Удмуртский университет, 2012. Ч. 2. С. 48–52.
14. Harris A. Young People and Everyday Multiculturalism. N. Y. : Routledge, 2012. 176 p. doi: 10.4324/9780203082980
15. Миллер Л.С. Развитие гуманистического мировоззрения студентов в процессе поликультурного образования : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Владикавказ, 2008. 24 с.
16. Обдалова О.А., Одегова О.В. Межкультурная и межъязыковая коммуникация как новая реальность в контексте глобализации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 70–81. doi: 10.17223/1998863X/44/7
17. Обдалова О.А., Минакова Л.Ю., Соболева А.В. Дискурс как единица коммуникативного и речемыслительного процесса в коммуникации представителей разных лингвокультур // Язык и культура. 2017. № 37. С. 205–228. doi: 10.17223/19996195/37/14
18. Бессарабова И.С. Мультикультурное образование в США: подходы к определению // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 3. С. 255–265.
19. Banks J.A. Multicultural Education: Development, Dimensions, and Challenges // Phi Delta Kappan. 1993. Vol. 75, № 1.
20. Сыроедова А.А. Поликультурное образование. М. : МИРОС, 2001. 200 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 14 ноября 2021 г.

Implementation of Multicultural Foreign Language Education: A Heuristic Resource of Approaches in Teaching Law Students

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 184–192.

DOI: 10.17223/15617793/473/23

Natal'ya N. Sergeeva, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: snatalia2010@mail.ru

Svetlana N. Tayurskaya, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: bragin_tayu@mail.ru

Keywords: polyculturalism; multiculturalism; multicultural education; multicultural foreign language education; diversified ethnic environment; xenophobia; stereotyping; non-native speaker; native speaker; heuristic resource.

The article presents the genesis of the problem of multiculturalism in foreign pedagogy. The extrapolation of the problem is considered in relation to the methodology of teaching foreign languages in non-linguistic universities in Russia. The content of the concepts “multicultural teaching of a foreign language to students of a non-linguistic university”, “polycultural teaching of law students” is described. The heuristic resource of approaches to intercultural education and education of youth by means of a foreign language is considered. Strategies and tactics of multicultural teaching of a foreign language are indicated. The authors see the heuristic resource of the considered foreign pedagogy approaches in the theoretical substantiation of the polycultural training of future lawyers of the Russian Federation and in the development of a pedagogical idea that polycultural education of law students is possible by means of a foreign language, using foreign language teaching methodologies designed according to the provisions of polyculturalism and preparing students for life in a polylingual-ethnocultural society. The polycultural training is implemented in forming a polycultural personality of a lawyer that has a foreign language competency; professional knowledge; the ability to study in a foreign language; the ability to mutually enrich and interact with representatives of different nationalities, religions and cultures, while maintaining one’s own ethnic, social, regional and state identification and cultural identity; the ability to harmoniously combine ethnocultural, regional, civic forms of identity; respect for other cultural identities; and established skills of intercultural interaction. Researchers state that a foreign language can be polyculturally taught in a multinational university through the integration of cultural traditions of multi-ethnic students and native speakers of the studied language into the content and teaching methods based on the recognition by students of a multicultural image of the world as a resource for the formation of an individual and society. The

effectiveness of the formation of such a personality (a lawyer aware of their belonging to the Russian civic nation without prejudice to the development of their national and cultural identity) is determined by the level of students' knowledge about the culture of Russia, world culture, and the evolution of culture in the dynamics of population; by the favorable development of qualities associated with polyculturalism; by conditions for students' successful activities in a multi-ethnic academic and professional environment; by the introduction of polycultural didactic units into the educational materials of the foreign language disciplines.

REFERENCES

1. Sakharova, V.V. (2010) Multiculturalism and problems of immigrants integration. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2. pp. 47–52. (In Russian).
2. Stenishcheva, A.A. (2020) The impact of multiculturalism on education. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of the Mari State University*. 3 (14). pp. 312–319. (In Russian). DOI: 10.30914/2072-6783-2020-14-3-312-319
3. Suprunova, L.L. & Sviridchenko, Yu.S. (2013) *Polikul'turnoe obrazovanie* [Multicultural Education]. Moscow: Academia.
4. Volkova, T.P. (2008) *Teoriya mul'tikul'turalizma kak sintez filosofskikh kontseptsiy liberalizma* [The theory of multiculturalism as a synthesis of philosophical concepts of liberalism]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Murmansk.
5. Borisov, A.A. (2001) [“The policy of recognition” of Charles Taylor and multiculturalism]. *Tolerantnost' i polisub'ektnaya sotsial'nost'* [Tolerance and Polysubjective Sociality]. Proceedings of the Conference. Yekaterinburg. 18–19 April 2001. Yekaterinburg: Ural State University. [Online] Available from: <http://hdl.handle.net.10995/49950> (Accessed: 20.08.2021). (In Russian).
6. Mazur, I.I. & Chumakov, A.N. (eds) (2006) *Globalistika. Mezhdunarodnyy mezhdistiplinarnyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Globalistics. International interdisciplinary encyclopedic dictionary]. Moscow; Saint Petersburg; New York: Izd. tsentr “Elima”, Izdatel'skiy dom “Piter”.
7. Prostakishina, N.P. (2014) Mul'tikul'turalizm i sotsiokul'turnye problemy integratsii [Multiculturalism and socio-cultural problems of integration]. *Molodoy uchenyy*. 1 (60). pp. 306–308. [Online] Available from: <https://moluch.ru/archive/60/8831/> (Accessed: 15.07.2021).
8. Komenskiy, J.A. (1982) *Izbrannyye pedagogicheskie sochineniya* [Selected Pedagogical Works]. Vol. 2. Moscow: Pedagogika.
9. Dzhurinskiy, A.N. (2008) *Kontseptsii i realii mul'tikul'turnogo vospitaniya: sravnitel'noe issledovanie: monograficheskie issledovaniya. Pedagogika* [Concepts and Realities of Multicultural Education: A comparative study: monographic studies. Pedagogy]. Moscow: Academia.
10. Banks, J.A. & Banks, C.A.M. (2001) *Multicultural education: Issues and perspectives*. Boston: Allyn & Bacon. pp. 225–246.
11. Tierney, R. et al. (eds) (2009) *International Encyclopedia of Education*. 3rd ed. Elsevier Science. [Online] Available from: <https://elsevier.com/books/international-encyclopedia-education-tierney/978-0-08-044894-7> (Accessed: 14.07.2021).
12. Galinskaya, I.L. (2012) E.A. Pain. Trudnyy put' ot mul'tikul'turalizma k internatsionalizmu [E.A. Pain. The difficult path from multiculturalism to internationalism]. *Vestnik kul'turologii – Herald of Culturology*. 3. pp. 15–16.
13. Balitskaya, I.V. (2012) Razvitie idey mul'tikul'turnogo i grazhdanskogo obrazovaniya [Development of ideas of multicultural and civic education]. In: Khakimov, E.R. (ed.) *Obrazovanie i mezhnatsional'nye otnosheniya* [Education and Interethnic Relations – IEIR]. Izhevsk: Udmurt State University. Pt. 2. pp. 48–52.
14. Harris, A. (2012) *Young People and Everyday Multiculturalism*. New York: Routledge. DOI: 10.4324/9780203082980
15. Miller, L.S. (2008) *Razvitie gumanisticheskogo mirovovzreniya studentov v protsesse polikul'turnogo obrazovaniya* [The development of the humanistic worldview of students in the process of multicultural education]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Vladikavkaz.
16. Obdalova, O.A. & Odegova, O.V. (2018) Intercultural and interlingual communication as a new reality in the context of globalization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 44. pp. 70–81. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863Kh/44/7
17. Obdalova, O.A., Minakova, L.Yu. & Soboleva, A.V. (2017) Discourse as a unit of communicative and cognitive processes in interaction between the representatives of different linguocultures. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 37. pp. 205–228. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/37/14
18. Bessarabova, I.S. (2008) Multicultural education in the USA: approaches to definition. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*. 3. pp. 255–265. (In Russian).
19. Banks, J.A. (1993) Multicultural Education: Development, Dimensions, and Challenges. *Phi Delta Kappan*. 1 (75). pp. 22–28.
20. Syrodeeva, A.A. (2001) *Polikul'turnoe obrazovanie* [Multicultural Education]. Moscow: MIROS.

Received: 14 November 2021

Т.И. Уткина, Н.Е. Ряпина

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ НА УСПЕШНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Рассматривается проблема разработки и внедрения эффективных форм и методов дистанционного обучения иностранным языкам. Предлагается авторская адаптация традиционного учебно-методического комплекса к условиям обучения, проходящего полностью дистанционно. Проводится анализ эффективности дистанционного формата обучения рецептивным видам речевой деятельности. Показано, что результаты обучения иностранному языку онлайн полностью соответствуют результатам обучения, заявленным в учебной программе.

Ключевые слова: дистанционное обучение; традиционное обучение; цифровизация; информационные технологии; электронные источники информации

Постановка проблемы

Цифровизации образовательного процесса способствовало изменение социальной, экономической и политической жизни мирового сообщества, а также развитие междисциплинарных связей между теорией информационных коммуникаций и педагогикой. Катализатором широкомасштабного внедрения цифровых технологий в учебную деятельность явилось распространение коронавирусной инфекции COVID-19. Цифровая трансформация образовательной среды требует изменения модели преподавания на уровне всей образовательной системы университетов и на уровне учебного процесса в каждой отдельной дисциплине. В связи с этим все более востребованной становится разработка и внедрение эффективных форм и методов дистанционного обучения, которые бы соответствовали потребностям студентов, интересам высшего образования и запросам общества [1].

Под дистанционным обучением понимается организация образовательного процесса, в котором «обучающиеся в основном, а часто и совсем, отдалены от преподавателя в пространстве и (или) во времени, в то же время они имеют возможность поддерживать диалог с субъектами образовательного процесса с помощью различных средств коммуникации» [2. С. 65]. Организация учебного процесса по дистанционной образовательной технологии становится более эффективной с развитием компьютерных телекоммуникационных сетей, использованием мультимедийных технологий при создании программно-методического обеспечения образовательного процесса, развитием интерактивного сетевого взаимодействия [2, 3]. Эти технологические инновации в интеграции с педагогическими инновационными технологиями позволяют создать так называемые интеллектуальные среды обучения, включая такие формы, как гибкое обучение, персонализированное обучение, мобильное обучение, адаптивное обучение и смешанное обучение [4].

В области преподавания иностранных языков накоплен опыт по разработке и внедрению дистанционных технологий, учитывающих специфику предмета обучения [5–13]. Современные дистанционные технологии, применяемые в отечественной и зарубежной педагогике и методике преподавания иностранных языков, становятся все более нацеленными

на комплексное формирование лексических, грамматических и фонетических навыков и развитие рецептивных и продуктивных умений иностранного языка [8, 9, 13].

Однако до настоящего момента проведено не так много исследований, когда обучение вынуждено проходило в дистанционном формате в течение длительного времени. Ранее подробно не рассматривалось обучение иностранным языкам полностью в дистанционном формате. Таким образом, в настоящее время актуальным остается вопрос о том, какие технологии смогут оптимизировать способность студентов к обучению и обеспечить успешность в учебной деятельности в онлайн-формате на протяжении всего курса обучения и каким образом можно обеспечить эффективное взаимодействие потребностей, мотивов и цели обучения иностранным языкам, например в процессе обучения рецептивным видам речевой деятельности.

Обзор литературы

В зарубежной и отечественной практике применения дистанционных образовательных технологий накоплен значительный теоретический и практический опыт: от создания онлайн-курсов и электронных учебников до адаптивных электронных образовательных курсов. В современных условиях модернизации высшего образования намечается тенденция развития дистанционных форм обучения посредством разработки массовых открытых онлайн-курсов (МООС) и создания онлайн-курсов на цифровых платформах традиционных университетов [14].

Большинство исследований по вопросам эффективности дистанционного формата обучения выявляют повышение успеваемости студентов и их положительное отношение к учебному процессу в целом [15–17]. Преподаватели, используя асинхронный и синхронный формат дистанционного обучения, а также возможности интерактивных платформ, значительно повышают эффективность образования [17].

В ряде работ показана важная роль интегративной модели обучения с применением традиционных и дистанционных образовательных технологий в обеспечении успешной учебной деятельности, мотивации и самостоятельности обучающихся [18, 19]. Подобный гибридный формат организации обучения позволяет

преодолеть недостатки дистанционного формата, в частности ограничение личного взаимодействия с преподавателем, и обеспечить гибкий формат упражнений и заданий, что невозможно реализовать эффективно в рамках классно-урочной системы традиционного образования.

Другим эффективным способом реализации содержания обучения с использованием дистанционных технологий считается разработка адаптивных электронных образовательных курсов, которые обеспечивают индивидуальную образовательную среду, ориентированную на личностные характеристики обучающихся и максимально соответствующую способностям, запросам и потребностям обучающегося в электронной среде [20, 21].

Пандемия коронавируса (COVID-19) привела к существенным изменениям во всех сферах жизни и оказала значительное влияние на процесс обучения на всех уровнях системы образования во всех странах [22].

Как показал анализ международной практики организации дистанционного обучения в условиях пандемии и анализ результатов исследования готовности к дистанционному обучению в условиях карантина, образовательные учреждения смогли успешно применить технологии онлайн-обучения, ранее не имея такого опыта [23]. Одной из эффективных с точки зрения успеваемости студентов оказалась модель перевёрнутого класса в формате дистанционного обучения. При переходе от традиционного формата перевёрнутого обучения к дистанционному успеваемость студентов дистанционной формы обучения была сопоставима с успеваемостью студентов традиционной формы [24].

Проблемами изучения эффективности разных форм и методов дистанционного обучения иностранным языкам занимались отечественные и зарубежные ученые. В исследованиях обосновывается эффективность дистанционных образовательных технологий тем, что они в своем большинстве компенсируют отсутствие естественной языковой среды. Они используют систему аудиовизуальных способов восприятия информации, приближенных к естественной реальной речевой ситуации. Помимо этого, они учитывают индивидуальный когнитивно-коммуникативный способ получения информации каждого обучающегося.

Эффективность применения дистанционных образовательных технологий обучения разным видам речевой деятельности, в том числе рецептивным умениям аудирования и чтения, подчеркивает ряд зарубежных исследователей. С.А. Делванд и Д.М. Хейдар выявили, что использование онлайн-инструментов для формирования умений аудирования на занятиях иностранного языка является эффективным для студентов с более высоким уровнем владения иностранным языком, но вызывает дополнительные трудности у студентов с низким языковым уровнем [5].

В своих экспериментальных исследованиях Ю. Ван и Ю. Акияма апробировали методику работы над формированием лексических навыков с использованием информационных технологий. В одном случае формирование лексических навыков проходило с помощью программно-методического обеспечения

адаптивного учебного процесса в форме специально созданной программы ранжирования англоязычных текстов по уровню лексической сложности и выстраивания их в порядке знакомых – новых лексических единиц [6], а в другом случае – с использованием мультимодальных опций Skype, включая текстовые сообщения и видеоконференцию для разных лексических категорий [7]. Оба эксперимента привели к более высокому уровню сформированности рецептивных лексических навыков у обучающихся.

Педагогическая модель, предлагаемая Е. Тоур, основывалась на интегрировании обучения иностранным языкам и цифровой грамотности. В аспекте обучения иностранным языкам модель включала упражнения на развитие способности осуществлять выбор языковых форм, использовать их, преобразовывать в соответствии с контекстом, а также упражнения на формирование умений строить речевое и неречевое поведение в соответствии с национально-культурной спецификой изучаемого языка в цифровом пространстве. В аспекте обучения цифровой грамотности модель реализовывалась посредством развития умения создавать веб-страницу, используя мультимодальные ресурсы, включая тексты с гиперссылками, картинки и видео по изучаемой теме. В дальнейшем полученный продукт выступал в качестве образовательного ресурса для студентов других групп и школ [8].

Как показал анализ существующих практик обучения иностранным языкам в российских университетах, дистанционные образовательные технологии ограничиваются созданием и размещением образовательных ресурсов в информационной системе (learning management system, LMS) и подготовкой онлайн-лабораторий для формирования языковых навыков и развития речевых умений на цифровых платформах университетов. При использовании LMS-платформы не было установлено прямой зависимости между прогрессом студентов в прохождении онлайн-курса (доля изученного материала и выполненных упражнений) и результатами контроля уровня владения речевыми навыками и умениями. Т.П. Рассказова, А.Д. Музафарова, Ю.Р. Даминова, А.В. Охотникова обнаружили, что вне зависимости от объема пройденного учебного материала более половины студентов показали высокий уровень овладения речевыми умениями и навыками. Авторы выявили, что основными трудностями реализации данного формата обучения иностранным языкам в неязыковом вузе стали недостаточное понимание участниками целей онлайн-курса обучения иностранным языкам и способов достижения результатов обучения, отсутствие административного стимулирования студентов для прохождения дистанционного курса, нехватка времени для выполнения заданий онлайн и технические проблемы [9].

В условиях перехода на дистанционный режим обучения существующие образовательные технологии как традиционного, так и дистанционного обучения подверглись детальному анализу с позиции их эффективности для реализации целей обучения. А.Л. Рябовой был пересмотрен процесс обучения чтению и развития коммуникативных компетенций в контексте дистанционного образования. Авторы пришли к вы-

воду, что лингводидактический потенциал дистанционного обучения заключается в обеспечении интенсивного процесса общения с удаленными партнерами по коммуникации, построенного на базе текста [10].

Эффективные модели формирования умения критического чтения были разработаны К.Н. Антоновой и Н.С. Тырхеевой для дистанционного асинхронного формата обучения иностранным языкам с использованием платформы Moodle [11]. Ф. Хонамри, М. Азизи, Р. Кралик изучали, как использование технологии смешанного обучения для организации самостоятельной внеаудиторной работы с применением информационно-коммуникационных технологий может улучшить рецептивное умение чтения [12]. Обе методики организации учебного процесса позволили реализовать персонализированный и индивидуализированный характер взаимодействия через онлайн-технологии, включая устное и письменное взаимодействие, взаимодействие студентов посредством социальных сетей, оценивание преподавателем, равноправное оценивание и самооценку динамики умения критического чтения.

Обучение говорению, чтению и письму осуществлялось посредством Facebook в режиме аудиторных заданий и заданий для самостоятельной работы. Данная методика была предложена М.Б. Улла и У.Ф. Пералес. Обучение проводилось с учетом личной мотивации и положительного отношения к социальным сетям и стимулировало активность студентов путем выполнения разнообразных заданий в разных форматах взаимодействия. Методика доказала свою эффективность в виде высокой степени вовлеченности студентов в разные формы учебной деятельности [13].

Тем не менее на сегодняшний день актуальными вопросами преподавания иностранных языков в дистанционном формате остаются:

- 1) адаптация образовательных и учебных программ по предмету;
- 2) доработка и разработка новых электронных учебных материалов, предлагаемых обучающимся для дистанционного обучения;
- 3) пересмотр и адаптация педагогических, психологических и методических подходов к обучению иностранному языку;
- 4) создание эффективной модели дистанционного преподавания иностранных языков с использованием онлайн-инструментов и онлайн-методов;
- 5) создание эффективной модели реализации учебных курсов иностранных языков в смешанном формате;
- 6) создание комплексов технологических решений для формирования языковых навыков и развития речевых умений для организации самостоятельной работы студентов.

Признается необходимость выстраивать решение задач дистанционного обучения на основе предоставления доступа к качественному образовательному контенту и интеграции образовательного и цифрового опыта преподавателей [25].

Цель данной статьи – представить оценку эффективности дистанционного формата обучения английскому языку с упором на обучение рецептивным ви-

дам речевой деятельности – аудирование и чтение. Данное исследование может помочь в дальнейшем определить оптимальное соотношение дистанционного и традиционного формата обучения иностранным языкам.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) провести анализ современных подходов дистанционного формата обучения при изучении иностранного языка;
- 2) адаптировать традиционный учебно-методический комплекс к условиям обучения, проходящего полностью дистанционно;
- 3) апробировать методику дистанционного обучения иностранному языку;
- 4) провести сравнительный количественный анализ результатов, полученных в экспериментальной и контрольной группах в ходе обучения рецептивным видам речевой деятельности.

Методология

Методология данного исследования основана на теоретическом анализе отечественных и зарубежных научных работ, в которых представлены результаты исследований по вопросам организации дистанционного обучения и применения современных информационных, телекоммуникационных и педагогических технологий в высшем образовании, особенностям применения дистанционных образовательных технологий в обучении иностранным языкам в неязыковом университете.

Участники исследования. В исследовании, проведенном авторами в 2018/19 и 2019/20 учебных годах на базе НИУ ВШЭ (Пермь), принимали участие студенты 1-го курса экономических специальностей в возрасте 18–20 лет ($n = 79$).

Студенты 2018/19 учебного года составили контрольную группу ($n = 37$). Студенты 2019/20 учебного года составили экспериментальную группу ($n = 42$).

Дизайн исследования. Для изучения влияния формата обучения иностранным языкам на результат обучения студентов нами были выбраны экспериментальные методы педагогического исследования и методы математической статистики для обработки эмпирических данных. Гипотеза заключалась в том, что дистанционная и традиционная формы учебной деятельности, направленной на формирование у студентов речевых умений аудирования и чтения, оказывают разную степень влияния на результаты учебной деятельности по овладению иностранным языком. Так как сравнительный анализ эффективности данных форматов ранее не проводился с учетом длительного периода обучения, исследование являлось разведывательным.

В 2018/19 учебном году курс обучения иностранному языку проходил в традиционном формате, включая контактную работу (144 часа) и самостоятельную работу (160 часов). При этом инструменты LMS применялись для организации самостоятельной работы не более 20% времени от самостоятельной работы.

В 2019/20 учебном году первый семестр был организован в традиционном формате, включая контактную работу (60 часов) и самостоятельную работу (67 часов). Начиная со второго семестра реализация курса осуществлялась полностью в онлайн-формате, включая контактную работу (84 часа) и самостоятельную работу (93 часа).

Курс обучения иностранному языку в контрольной и экспериментальной группах проводил один преподаватель.

Для достижения цели проведена разработка и экспериментальная апробация методики дистанционного обучения иностранному языку. Дизайн разведывательного исследования был обусловлен особенностями образовательных технологий, вынужденно примененных в условиях опасности распространения коронавирусной инфекции COVID-19.

Понимание дистанционных образовательных технологий как основных средств дистанционного обучения позволило нам скорректировать технологическую сторону учебного процесса по обучению иностранному языку, а именно методы проведения занятий, режим работы и средства обучения.

Применяемая методика дистанционного обучения иностранному языку имела следующие характеристики.

Во-первых, ранее разработанный учебно-методический комплекс был адаптирован к существующим условиям обучения, при этом ориентирован на заявленные в программе результаты обучения. Отбор содержания обучения иностранному языку проводился с учетом двух принципов: достаточность содержания для достижения целей обучения и возможность усвоения данного содержания в существующих условиях.

Во-вторых, выбор средств реализации учебного процесса проводился с учетом объективно действующих условий обучения и основывался на следующих принципах:

1) личностно-ориентированный подход к обучению иностранному языку, опираясь на принципы индивидуализации, самоактуализации, персонализации, творчества и успеха;

2) включение элементов игровых технологий: анимация, разнообразие заданий, смена видов деятельности, творческие задания;

3) использование в учебном процессе информационно емких учебных материалов;

4) использование доступных упражнений (отбор упражнений осуществлялся с учетом объема материала, который студент может усвоить за единицу времени; с учетом умений пользоваться информационно-коммуникационными технологиями; с учетом мотивации студента; с учетом уровня сложности целевых установок; с учетом объема подготовительной работы, необходимой студенту для выполнения задания);

5) использование всех форм организации занятий – индивидуальной, парной, групповой, коллективной;

6) мотивационная обеспеченность (осознание студентом успешности изучения иностранного языка, ощущение прогресса в учении; усиление поддержки и мотивации студентов со стороны преподавателя [26]);

7) учет индивидуальных особенностей;

8) учет взаимовлияния речевых и цифровых умений [8].

В-третьих, система упражнений как средство организации деятельности преподавателя и студентов при онлайн-обучении была разработана на основе принципа взаимосвязанного и параллельного обучения разным видам речевой деятельности. Несмотря на то что данное исследование целенаправленно и последовательно сосредоточивалось на обучении и результатах овладения студентами рецептивными видами речевой деятельности, авторы придерживаются положения, что «все виды деятельности должны развиваться во взаимосвязи» [27. С. 134]. Предполагается, что овладение продуктивными видами речевой деятельности в формате дистанционного обучения может стать предметом отдельного исследования.

В-четвертых, были отобраны онлайн-инструменты, которые обеспечивали доставку основного содержания дисциплины/основного объема изучаемого материала, оптимизировали опосредованное взаимодействие студентов и преподавателя в процессе обучения, предоставляли студентам возможность самостоятельно работать по освоению изучаемого материала, помогали решить проблему мотивации.

Базовой платформой для реализации дистанционной формы обучения была выбрана образовательная платформа MS Teams, которая позволила интегрировать потенциал видеоконференций и электронного курса. Онлайн-сервис MS Teams обеспечивал как синхронное, так и асинхронное взаимодействие в формате преподаватель–группа студентов (коллективная работа), студент–студент (групповая работа) и преподаватель–студент (индивидуальная работа). Онлайн-занятия были организованы по модели, максимально приближенной к традиционным формам обучения в аспекте создания комфортных условий коммуникации и передачи знаний. Особенно эффективной оказалась функция «Записная книжка для занятий», которая предоставляла учащимся личное пространство для заметок и выполнения индивидуальных заданий, а также пространство для совместной работы.

Логичным представлялось целенаправленно объединить и использовать потенциал нескольких онлайн-инструментов при формировании речевых умений. Учитывая психолого-педагогические особенности обучающихся, были включены некоторые виды упражнений и заданий, которые предусматривали разный уровень сложности учебного текстового и аудиоматериала, а также разные формы взаимодействия (групповые, индивидуальные). Были отобраны стратегии и тактики обучения видам речевой деятельности, нацеленные на консолидированное развитие умений чтения, аудирования и говорения. Например, с помощью ресурса Thinglink была подготовлена система мультимедийных разноуровневых упражнений. Студентам было предложено задание по чтению небольших текстов (на уровне абзаца), за которым следовало задание на изучение учебного материала путем чтения аутентичного текста или прослушивания подкастов, или просмотра видео, или выполнения теста по чтению и аудированию по пройденному ма-

териалу. Вариативными были режимы выполнения данного типа заданий: или на занятиях, или в форме самостоятельной работы.

Учитывая трудности, которые студенты испытывают в процессе обучения аудированию, и сложность тестовых заданий по аудированию в системе международных экзаменов, нами была разработана система упражнений на формирование различных механизмов аудирования. В частности, с помощью ресурсов Edpuzzle и Learnis были созданы интерактивные учебные видеоматериалы, способствующие развитию таких микроумений, как удерживать информацию в краткосрочной памяти, определять наличие/отсутствие запрашиваемой информации в прослушанном отрывке или в визуальном ряде, понимать структуру аудиотекста, различать факты и мнения. Отличительная особенность работы с аудиотекстом с помощью данного онлайн-инструмента состояла в том, что студенты прослушивали аудиозапись, разбитую на структурно-смысловые отрезки устной речи 45–60 с, отвечали на вопрос для контроля понимания в конце каждого отрезка и проверяли правильность своего ответа. Режим предъявления усложнялся в последующих упражнениях по мере развития умения детального понимания текста путем увеличения объема информации на единицу времени.

Онлайн-инструмент Migo позволил организовать работу над развитием речевого умения чтения. На дотекстовом этапе была организована работа с заголовками и над формулированием гипотез о содержании текста, используя прием мозгового штурма и опции поиска в интернете и загрузки картинки-ассоциации, связанной с предполагаемым содержанием текста. На текстовом этапе интерактивная доска использовалась в зависимости от вида чтения или для выполнения упражнений в предложенных шаблонах, или путем отбора и создания своего шаблона (использование графических средств представления информации при работе с текстом). Послетекстовый этап, направленный на проверку понимания прочитанного текста и использование ситуации текста для развития умений говорения и письма, организовывался на основе всех зафиксированных каждым обучающимся записей на предыдущих этапах, что не только сократило формальную процедуру контроля над уровнем сформированности речевого умения, но и позволило организовать коллективное обсуждение выполненных заданий в форме микропроектов по прочитанному.

Важная роль в обучении иностранному языку в дистанционном формате отводилась учебным умениям, в частности умениям использовать цифровые инструменты для изучения иностранного языка. С учетом условий обучения и положительного взаимовлияния речевых умений и цифровых умений [8], виды речевой деятельности выступали как цели и как средства обучения, когда студентам давалось задание по созданию групповых проектов и презентаций с использованием цифровых ресурсов. Студенты предварительно знакомились с основными инструментами цифровой платформы Thinglink (в индивидуальном или групповом режиме, или под руководством преподавателя) и анализировали предлагаемые примеры с

точки зрения целей, средств их реализации и содержания. В процессе создания собственного проекта студентами осуществлялся поиск соответствующих аутентичных материалов (тексты, видео, инфографика, тесты, опросники и др.). В дальнейшем созданные проекты использовались в качестве образовательных ресурсов для других учебных групп.

В результате был создан и апробирован комплекс технологических решений, включающий в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру и методы обучения иностранным языкам и разработанный с учетом новых образовательных условий.

Исходя из плана содержания учебного процесса, определены три контрольные точки срезов в форме тестирования по двум видам речевой деятельности – аудирование и чтение: диагностическое, промежуточное и итоговое тестирование. Все три контрольных тестирования студентов традиционной формы обучения и дистанционной формы обучения проводились по единым контрольно-измерительным материалам в формате международного экзамена IELTS по следующему графику:

1) проведение входного диагностического среза для контроля общего уровня владения английским языком в начале 1-го семестра курса;

2) проведение промежуточного контрольного среза для соотнесения результатов входного тестирования и последующего контрольного оценивания и отслеживания прогресса студентов в конце 1-го семестра курса;

3) проведение итогового контрольного среза в конце 2-го семестра курса.

Тестовые задания по чтению и аудированию оценивались по следующим критериям:

- 95–100% правильных ответов – 10 баллов;
- 85–94% правильных ответов – 9 баллов;
- 75–84% правильных ответов – 8 баллов;
- 65–74% правильных ответов – 7 баллов;
- 55–64% правильных ответов – 6 баллов;
- 45–54% правильных ответов – 5 баллов;
- 35–44% правильных ответов – 4 балла;
- 25–34% правильных ответов – 3 балла.

Анализ данных. В исследовании был использован количественный анализ данных посредством метода математической статистики, реализованного на языке программирования Python и в программе Microsoft Excel. С помощью мер центральной тенденции были проанализированы наиболее типичные значения (баллы) для студентов традиционной формы обучения (контрольная группа) и дистанционной формы обучения (экспериментальная группа).

ANOVA был использован для сравнения результатов диагностического, промежуточного и итогового тестов (общий итог, аудирование и чтение) при традиционной форме обучения и при дистанционной форме обучения, а также для сравнения результатов промежуточного и итогового тестов (общий итог, аудирование и чтение) между традиционной формой обучения и дистанционной формой обучения.

Помимо этого, чтобы проверить вероятность существования альтернативной гипотезы о том, что каждый из методов обучения приводит к разному среднему баллу итогового теста (общий итог, аудиро-

вание, чтение), после учета текущей оценки студента в группе, был проведен регрессионный анализ ANCOVA.

Студенты обеих групп (традиционного метода обучения и дистанционного) обучались один семестр в традиционном формате; при этом промежуточное тестирование было организовано в едином формате в аудитории. ANCOVA использовалась для определения того, существует ли статистически значимая разница между средними значениями двух независимых групп после контроля ковариат. Средние значения промежу-

точного теста (общий итог, аудирование, чтение) студентов традиционной формы и дистанционной формы обучения рассматривались как ковариаты.

Результаты

Результаты трех контрольных срезов сформированности речевых умений аудирования и чтения у студентов традиционной формы обучения (ТО) и дистанционной формы обучения (ДО) представлены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты диагностического, промежуточного и итогового тестирования студентов традиционной формы обучения и дистанционной формы обучения

Тестирование	Наиболее частый балл (MODE)		Среднее арифметическое (AVERAGE)		Стандартное отклонение (SD)		Размах (MAX-MIN)	
	ТО	ДО	ТО	ДО	ТО	ДО	ТО	ДО
ОБЩИЙ ИТОГ								
Диагностический тест	4	4	4,1	4,7	1,3	1,3	5	5
Промежуточный тест	7	6	6,1	5,9	1,3	1,5	5	5
Итоговый тест	8	8	7,3	7,6	1,7	1,1	6	5
АУДИРОВАНИЕ								
Диагностический тест	4	4	3,8	3,7	1,3	1,5	5	6
Промежуточный тест	6	4	5,2	4,4	1,7	2,1	7	7
Итоговый тест	6	7	6,1	6,5	2,1	1,4	8	5
ЧТЕНИЕ								
Диагностический тест	4	6	4	5,3	1,2	1,9	4	5
Промежуточный тест	6	5	6,6	6,9	1,6	1,9	8	7
Итоговый тест	9	8	7,8	8,2	1,5	1,6	6	6

Таблица 2

Сравнительный анализ результатов диагностического, промежуточного и итогового тестирования студентов традиционной формы обучения и дистанционной формы обучения (используя ANOVA внутри группы)

Тестирование	Традиционная форма обучения	Дистанционная форма обучения
Диагностический тест (общий итог) – промежуточный тест (общий итог) – итоговый тест (общий итог)	F = 44,79, p = 0,000	F = 47,74, p = 0,000
Диагностический тест (аудирование) – промежуточный тест (аудирование) – итоговый тест (аудирование)	F = 15,79, p = 0,000	F = 28,39, p = 0,000
Диагностический тест (чтение) – промежуточный тест (чтение) – итоговый тест (чтение)	F = 60,74, p = 0,000	F = 31,16, p = 0,000

Результаты анализа мер центральной тенденции заключаются в следующем:

Во-первых, выборки студентов по уровню – однородные: дисперсии двух независимых выборок равны, и начальный и контрольный промежуточный уровень владения иностранным языком студентов двух форм обучения совпадает. Возможность искажения результатов по причине неравной начальной позиции исследуемых групп исключена.

Во-вторых, значения стандартного отклонения и размах результатов диагностического, промежуточного и итогового тестирования студентов традиционной формы обучения и дистанционной формы обучения являются незначительными и не могут существенно повлиять на результаты исследования.

В-третьих, овладение речевыми умениями аудирования и чтения при обучении иностранному языку в традиционном формате и дистанционном формате происходит в одинаковом темпе и приводит к одинаковым результатам.

Сравнительный анализ результатов диагностического, промежуточного и итогового тестов (общий итог, аудирование и чтение) при традиционной форме обучения и при дистанционной форме обучения пока-

зал статистически значимую разницу ($p = 0,000$) (табл. 2). Студенты обоих форматов обучения продемонстрировали стабильное улучшение результатов к концу периода исследования.

Дополнительное сопоставление результатов итогового тестирования студентов традиционного и дистанционного формата обучения, а также результатов промежуточного тестирования студентов традиционного и дистанционного формата обучения, которое проводилось для того, чтобы перепроверить полученные выше результаты, еще раз подтвердило тот факт, что результаты обучения студентов не зависят от формы обучения.

Сравнительный анализ результатов промежуточного и итогового тестов (общий итог, аудирование и чтение) между традиционной формой обучения и дистанционной формой обучения не показал статистически значимую разницу ($p > 0,05$) (табл. 3).

P-значение при сопоставлении результатов итогового тестирования студентов традиционного и дистанционного формата обучения оказалось равным 0,34, т.е. больше уровня значимости 0,05. Значит статистически достоверные различия обнаружены не были, и нулевая гипотеза не могла быть отклонена.

P-значение при сопоставлении результатов промежуточного тестирования студентов традиционного и дистанционного формата обучения оказалось равно 0,58, т.е. намного больше уровня значимости 0,05. Следовательно, аргументов для опровержения нулевой гипотезы было явно недостаточно и она не могла быть отклонена.

Результаты регрессионного анализа ANCOVA (табл. 4) также показали, что не существует статистически значимой разницы между средними значениями общего итога: $F(1,76) = 1,828$, $p = 0,18$; аудирования:

$F(1,76) = 2,142$, $p = 0,15$; чтения: $F(1,76) = 0,575$, $p = 0,45$, итогового теста группы традиционного обучения и группы дистанционного обучения. Значение – больше 0,05, следовательно, мы не можем отвергнуть нулевую гипотезу о том, что каждый из методов обучения приводит к одному и тому же среднему баллу итогового теста (общий итог, аудирование, чтение), даже после учета текущей оценки студента в группе. Следовательно, не существует статистически значимой разницы между средними значениями двух независимых групп после контроля ковариат.

Таблица 3

Сравнительный анализ результатов диагностического, промежуточного и итогового тестирования студентов традиционной формы обучения и дистанционной формы обучения (используя ANOVA между группами)

Традиционная форма обучения и дистанционная форма обучения	
Промежуточный тест (общий итог)	$F = 0,31$, $p = 0,58$
Промежуточный тест (аудирование)	$F = 2,98$, $p = 0,09$
Промежуточный тест (чтение)	$F = 0,36$, $p = 0,55$
Итоговый тест (общий итог)	$F = 0,90$, $p = 0,34$
Итоговый тест (аудирование)	$F = 0,37$, $p = 0,55$
Итоговый тест (чтение)	$F = 0,85$, $p = 0,36$

Таблица 4

Анализ средних значений групп традиционной формы обучения и дистанционной формы обучения (используя ANCOVA)

Source	SS	DF	F	p-unc	np2
Группа	2,930807	1	1,827746	0,180404	0,023485
Промежуточный тест (общий итог)	33,34893	1	20,79747	1,92E-05	0,214856
Residual	121,8666	76			
Группа	5,72874	1	2,142273	0,147413	0,027415
Промежуточный тест (аудирование)	46,99434	1	17,57362	7,39E-05	0,187805
Residual	203,2347	76			
Группа	1,372805	1	0,574719	0,450734	0,007505
Промежуточный тест (чтение)	22,89232	1	9,583782	0,002748	0,111981
Residual	181,5375	76			

На основании полученных результатов мы можем сделать следующие выводы:

1. При условии адаптации учебно-методического комплекса к условиям обучения, проходящего полностью в дистанционном формате, овладение речевыми умениями аудирования и чтения при обучении иностранному языку приводит к таким же результатам, что и обучение в традиционном формате. Таким образом, формат обучения не влияет на достижение результатов обучения, заявленных в учебной программе.

2. Овладение речевыми умениями аудирования и чтения при изучении иностранного языка в дистанционном и традиционном формате происходит в одинаковом темпе.

3. Рецептивная компетенция может быть эффективно сформирована как в традиционном, так и в онлайн-режиме обучения иностранному языку.

Заключение

Благодаря накопленному опыту в области преподавания иностранных языков в глобальном образовательном пространстве и развивающейся информационно-коммуникационной инфраструктуре становится возможным создание комплексов дистанционных образовательных технологий и педагогических технологий для решения современных задач по формированию

иноязычной коммуникативной компетенции, которые смогут гарантировать устойчивую эффективность и успешность изучения иностранных языков в неязыковом вузе.

В данном исследовании была предложена авторская адаптация традиционного учебно-методического комплекса к условиям обучения, проходящего полностью дистанционно. При разработке методики обучения иностранному языку в дистанционном формате в течение длительного времени авторы учитывали заявленные в программе результаты обучения и принцип взаимосвязанного и параллельного обучения разным видам речевой деятельности и отбирали дистанционные образовательные технологии, которые обеспечивали достижение целей обучения и возможность усвоения содержания обучения в существующих условиях.

Экспериментальная апробация данной методики опровергла гипотезу, что дистанционная и традиционная формы учебной деятельности, направленной на формирование у студентов речевых умений аудирования и чтения, оказывают разную степень влияния на результаты учебной деятельности. Сравнительный количественный анализ результатов, полученных в экспериментальной и контрольной группах в ходе обучения рецептивным видам речевой деятельности, показал, что овладение речевыми умениями аудиро-

вания и чтения при обучении иностранному языку в традиционном формате и дистанционном формате происходит в одинаковом темпе и приводит к одинаковым результатам.

Полученные результаты разведывательного исследования могут быть полезны для разработки программы обучения студентов. В дальнейшем на их основании может быть определено соотношение традиционного формата обучения и обучения онлайн.

Исследования в этом направлении могут быть продолжены. На наш взгляд, необходимо провести более масштабное исследование по сравнению эффективности дистанционного и традиционного фор-

мата обучения иностранному языку. Участниками исследования могут стать учащиеся разных возрастных групп, с разным уровнем образования и компьютерной грамотности. Помимо этого, интересным представляется проведение кросс-культурного исследования по этому вопросу. Авторы также считают необходимым проведение исследования эффективности обучения продуктивным видам речевой деятельности в формате дистанционного обучения.

Авторы выражают благодарность М.А. Уткину за помощь в получении количественных результатов методами математической статистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bonk C.J. Keynote: What is the State of E-learning? Reflections on 30 Ways Learning is Changing // Journal of Open, Flexible and Distance Learning. 2016. Vol. 20 (2). P. 6–12.
2. Красильникова В.А. Использование информационных и коммуникационных технологий в образовании : учеб. пособие. 2-е изд. перераб. и доп. Оренбург : ОГУ, 2012. 291 с.
3. Christensen C.M., Horn M.B., Johnson C.W. Disrupting Class: How Disruptive Innovation Will Change the Way the World Learns. McGraw-Hill, 2008.
4. Cheung S.K.S., Kwok L.F., Phusavat K., Yang H.H. Shaping the Future Learning Environments with Smart Elements: Challenges and Opportunities // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2021. Vol. 18 (1). DOI: 10.1186/s41239-021-00254-1
5. Delvand S.A., Heidar D.M. Computerized Group Dynamic Assessment and Listening Comprehension Ability: Does Self-Efficacy Matter // Journal of Language and Education. 2020. Vol. 6 (1). P. 157–172.
6. Wang Y.H. Promoting Contextual Vocabulary Learning through an Adaptive Computer Assisted EFL Reading System // Journal of Computer Assisted Learning. 2016. Vol. 32. P. 291–303.
7. Akiyama Y. Using Skype to Focus on Form in Japanese Telecollaboration: Lexical Categories as a New Task Variable // Computer-Assisted language learning: Concepts, methodologies, tools, and applications. 2019. P. 617–647.
8. Tour E. Teaching Digital Literacies in EAL / ESL classrooms: Practical Strategies // TESOL Journal. 2019. DOI: 10.1002/tesj.458
9. Rasskazova T., Muzafarova A., Daminova J., Okhotnikova A. Challenges of Teaching a Blended English Course to University Students // The International Scientific Conference eLearning and Software for Education. “Carol I” National Defence University. 2017. Vol. 3. P. 303–308.
10. Рябова А.И. Обучение способам работы с текстом в контексте дистанционного образования // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2021. Т. 10, № 1. С. 47–51.
11. Antonova K., Tyrkheeva N. Formative Assessment of Critical Reading Skills in Higher Education in Russia in the Context of Emergency Remote Teaching // The Journal of Teaching English for Specific and Academic Purposes. 2021. Vol. 2. P. 137–148.
12. Хонамри Ф., Азизи М., Кралик Р. Использование интерактивного электронного перевернутого обучения для улучшения критического чтения студентов // Science for Education Today. 2020. № 1. С. 25–42.
13. Ulla M.B., Perales W.F. The Adoption of Facebook as a Virtual Class Whiteboard: Promoting EFL Students’ Engagement in Language Tasks // TESOL Journal. 2020. DOI: 10.1002/tesj.515
14. Sari A.R., Bonk C.J., Zhu M. MOOC Instructor designs and Challenges: What Can be Learned from Existing MOOCs in Indonesia and Malaysia? // Asia Pacific Education Review. 2020. Vol. 21 (1). P. 143–166.
15. Huang H.-M. Student Perceptions in an Online Mediated Environment // International Journal of Instructional Media. 2002. Vol. 29 (4). P. 405–422.
16. Newlin M.H., Lavooy M.J., Wang A.Y. An Experimental Comparison of Conventional and Web-based Instructional Formats // North American Journal of Psychology. 2005. Vol. 7. P. 327–336.
17. Simpson J. Computer-mediated Communication // ELT Journal. 2002. Vol. 56 (4). P. 414–415.
18. Marcketti S.B., Yurchisin J. Student Perceptions of a Hybrid Course // Academic Exchange Quarterly. 2002. Vol. 9 (3). P. 317–320.
19. Lamport M.A., Hill R.J. Impact of Hybrid Instruction on Student Achievement in Post-secondary Institutions: A Synthetic Review of the Literature // Journal of Instructional Research. 2012. Vol. 1. P. 49–58.
20. Kukartsev V.V., Chzhan E.A., Tynchenko V.S., Antamoshkin O.A., Stupina A.A. Development of Adaptive Educational Course in the SibFU E-Learning System Journal of Siberian Federal University // Humanities & Social Sciences. 2018. Vol. 5 (11). P. 740–752.
21. Vainshtein I.V., Shershneva V.A., Esin R.V., Noskov M.V. Individualisation of Education in Terms of E-learning: Experience and Prospects // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. № 12. P. 1753–1770.
22. Broeckelman-Post M.A., Mazer J.P. Editors’ Introduction // Communication Education. 2021. Vol. 70 (2). P. 200–201.
23. Тарасова Н.В., Пастухова И.П., Пестрикова С.М. Как влияет сейчас и повлияет в перспективе перевод образовательного процесса в дистанционный режим на образовательные результаты // Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. URL: <https://firo.ranepa.ru/novosti/105-monitoring-obrazovaniya-na-karantine/803-tarasova-ekspertiza> (дата обращения: 13.04.2021).
24. Hew K.F., Jia, C., Gonda D.E., Bai Sh. Transitioning to the “New Normal” of Learning in Unpredictable Times: Pedagogical Practices and Learning Performance in Fully Online flipped Classrooms // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2020. Vol. 17. Art. № 57. DOI: 10.1186/s41239-020-00234-x
25. Regele M.D. Pedagogy and Profit? Efforts to Develop and Sell Digital Courseware Products for Higher Education // American Educational Research Journal. American Educational Research Association. 2020. Vol. 57 (3). P. 1125–1158.
26. Croucher T.S., Stephen M. A Cross-Cultural Analysis of Teacher Confirmation and Student Motivation in China, Korea, and Japan. URL: <https://immi.se/intercultural/nr47/shen.html> (дата обращения: 13.04.2021).
27. Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. М. : Мос. гос. лингв. ун-т, 2003. 256 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 25 ноября 2021 г.

Evaluating the Impact of Distance Learning on Students' Development of Foreign Language Competency in Non-Linguistic Specialties

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 193–202.

DOI: 10.17223/15617793/473/24

Tatiana I. Utkina, National Research University Higher School of Economics (Perm, Russian Federation). E-mail: tutkina@hse.ru

Natalia E. Riapina, National Research University Higher School of Economics (Perm, Russian Federation). E-mail: nryapina@gmail.com

Keywords: distance learning; traditional education; digitization; information technology; electronic sources of information.

The article focuses on assessing the effectiveness of foreign language teaching in online learning environment compared to traditional face-to-face educational environment. The literature review shows the main directions of modern online teaching in relation to the use of distance education technologies. Among the popular technologies are online courses on digital platforms, a hybrid format of learning and electronic textbooks. The study was conducted in 2018–2019 and 2019–2020 academic years at the National Research University Higher School of Economics in Perm. The results were based upon empirical data obtained through pre-tests, mid-term tests and post tests of the first-year students of economics aged 18 to 20 (n=79) who enrolled for an EGAP course. The students of the 2018–2019 academic year formed a control group (n=37). The students of the 2019–2020 academic year formed an experimental group (n=42). In the 2018–2019 academic year the foreign language course was conducted in the traditional format, including contact work (144 hours) and independent work (160 hours). 20% of independent work was organized by using LMS. In the 2019–2020 academic year, the first semester was organized in the traditional format, including contact work (60 hours) and independent work (67 hours). Starting from the second semester, the students studied online with contact work (84 hours) and independent work (93 hours). Teaching methods and teaching materials in the second semester of the 2019–2020 academic year were tailored to the peculiarities of the computer-mediated learning and needs of students in such an environment. The study aimed at evaluating the effectiveness of the distance teaching of English with the focus on listening and reading skills. The statistical analysis revealed that the experimental group showed no advantage over the control group. Provided that teaching methods and materials were tailored to the computer-mediated communication between teachers and their students, the learning outcomes of the two educational formats were identical. The study suggests that foreign language listening and reading skills can be effectively developed in both traditional and online foreign language teaching. The results of the research can help to determine the ratio between traditional and online learning in the future.

REFERENCES

1. Bonk, C.J. (2016) Keynote: What is the State of E-learning? Reflections on 30 Ways Learning is Changing. *Journal of Open, Flexible and Distance Learning*. 20 (2). pp. 6–12.
2. Krasil'nikova, V.A. (2012) *Ispol'zovanie informatsionnykh i kommunikatsionnykh tekhnologii v obrazovanii: ucheb. posobie* [The use of information and communication technologies in education: textbook]. 2nd ed. Orenburg: Orenburg State University.
3. Christensen, C.M., Horn, M.B. & Johnson, C.W. (2008) *Disrupting Class: How Disruptive Innovation Will Change the Way the World Learns*. McGraw-Hill.
4. Cheung, S.K.S. et al. (2021) Shaping the Future Learning Environments with Smart Elements: Challenges and Opportunities. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 18 (1). DOI: 10.1186/s41239-021-00254-1
5. Delvand, S.A. & Heidar, D.M. (2020) Computerized Group Dynamic Assessment and Listening Comprehension Ability: Does Self-Efficacy Matter. *Journal of Language and Education*. 6 (1). pp. 157–172.
6. Wang, Y.H. (2016) Promoting Contextual Vocabulary Learning through an Adaptive Computer Assisted EFL Reading System. *Journal of Computer Assisted Learning*. 32. pp. 291–303.
7. Akiyama, Y. (2019) Using Skype to Focus on Form in Japanese Telecollaboration: Lexical Categories as a New Task Variable. In: *Computer-Assisted language learning: Concepts, methodologies, tools, and applications*. IRMA. pp. 617–647.
8. Tour, E. (2019) Teaching Digital Literacies in EAL/ESL classrooms: Practical Strategies. *TESOL Journal*. DOI: 10.1002/tesj.458
9. Rasskazova, T. et al. (2017) Challenges of Teaching a Blended English Course to University Students. *The International Scientific Conference eLearning and Software for Education*. Vol. 3. "Carol I" National Defence University. pp. 303–308.
10. Ryabova, A.L. (2021) Work on the Text in the Context of Distance Education. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika*. 10 (1). pp. 47–51. (In Russian).
11. Antonova, K. & Tyrkheeva, N. (2021) Formative Assessment of Critical Reading Skills in Higher Education in Russia in the Context of Emergency Remote Teaching. *The Journal of Teaching English for Specific and Academic Purposes*. 2. pp. 137–148.
12. Khonamri, F., Azizi, M. & Kralik, R. (2020) Using Interactive E-based Flipped Learning To Enhance Efl Literature Students' Critical Reading. *Science for Education Today*. 1. pp. 25–42. (In Russian).
13. Ulla, M.B. & Perales, W.F. (2020) The Adoption of Facebook as a Virtual Class Whiteboard: Promoting EFL Students' Engagement in Language Tasks. *TESOL Journal*. DOI: 10.1002/tesj.515
14. Sari, A.R., Bonk, C.J. & Zhu, M. (2020) MOOC Instructor designs and Challenges: What Can be Learned from Existing MOOCs in Indonesia and Malaysia? *Asia Pacific Education Review*. 21 (1). pp. 143–166.
15. Huang, H.-M. (2002) Student Perceptions in an Online Mediated Environment. *International Journal of Instructional Media*. 29 (4). pp. 405–422.
16. Newlin, M.H., Lavooy, M.J. & Wang, A.Y. (2005) An Experimental Comparison of Conventional and Web-based Instructional Formats. *North American Journal of Psychology*. 7. pp. 327–336.
17. Simpson, J. (2002) Computer-mediated Communication. *ELT Journal*. 56 (4). pp. 414–415.
18. Marcketti, S.B. & Yurchisin, J. (2002) Student Perceptions of a Hybrid Course. *Academic Exchange Quarterly*. 9 (3). pp. 317–320.
19. Lampert, M.A. & Hill, R.J. (2012) Impact of Hybrid Instruction on Student Achievement in Post-secondary Institutions: A Synthetic Review of the Literature. *Journal of Instructional Research*. 1. pp. 49–58.
20. Kukartsev, V.V. et al. (2018) Development of Adaptive Educational Course in the SibFU E-Learning System Journal of Siberian Federal University. *Humanities & Social Sciences*. 5 (11). pp. 740–752.
21. Vainshtein, I.V. et al. (2019) Individualisation of Education in Terms of E-learning: Experience and Prospects. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 12. pp. 1753–1770.
22. Broeckelman-Post, M.A. & Mazer, J.P. (2021) Editors' Introduction. *Communication Education*. 70 (2). pp. 200–201.
23. Tarasova, N.V., Pastukhova, I.P. & Pestrikova, S.M. (n.d.) *Kak vliyaet seychas i povliyaet v perspektive perevod obrazovatel'nogo protsessa v distantsionnyy rezhim na obrazovatel'nye rezul'taty* [How the transfer of the educational process to a remote mode affects educational results

now and in the future]. [Online] Available from: <https://firo.ranepa.ru/novosti/105-monitoring-obrazovaniya-na-karantine/803-tarasova-ekspertiza> (Accessed: 13.04.2021).

24. Hew, K.F. et al. (2020) Transitioning to the “New Normal” of Learning in Unpredictable Times: Pedagogical Practices and Learning Performance in Fully Online flipped Classrooms. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 17 (57). DOI: 10.1186/s41239-020-00234-x
25. Regele, M.D. (2020) Pedagogy and Profit? Efforts to Develop and Sell Digital Courseware Products for Higher Education. *American Educational Research Journal*. 57 (3). pp. 1125–1158.
26. Croucher, T.S. & Stephen, M. (2018) *A Cross-Cultural Analysis of Teacher Confirmation and Student Motivation in China, Korea, and Japan*. [Online] Available from: <https://immi.se/intercultural/nr47/shen.html> (Accessed: 13.04.2021).
27. Iriskhanova, K.M. (ed.). (2003) *Obshcheevropeyskie kompetentsii vladeniya inostrannym yazykom: izuchenie, obuchenie, otsenka* [The Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment]. Moscow: Moscow State Linguistic University.

Received: 25 November 2021

М.М. Шубович, Н.В. Бибикова, И.В. Захарова, Н.Н. Петрищева

ПАРТНЕРСТВО СЕМЬИ И ШКОЛЫ: КОММУНИКАТИВНАЯ ГОТОВНОСТЬ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К НОВЫМ ВЫЗОВАМ ОБРАЗОВАНИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке внутривузовского конкурса грантов ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», проект «Воспитание семейных ценностей: партнерство семьи, школы и общества».

Ставится проблема взаимодействия школы и семьи в условиях современных социальных изменений. Коммуникативная компетентность педагогов рассматривается как инструмент такого взаимодействия. Указаны педагогические средства формирования коммуникативных компетенций студентов. Для их оценки предложена авторская диагностическая методика. Приведены результаты исследования коммуникативной компетентности студентов, сформулированы рекомендации по ее развитию в процессе профессиональной подготовки в вузе.

Ключевые слова: партнерство семьи и школы; коммуникативная готовность; педагогический университет; профессиональная подготовка; коммуникативная компетентность

Введение

Проблема взаимодействия школы и семьи воспитанников является классической в педагогической науке. При этом на каждом новом этапе развития общества возникают новые вопросы согласования задач, принципов, методов воспитательного влияния этих двух базовых социальных институтов. Противоречия «отцов и детей», борьба западного и «исконно русского» векторов отечественной педагогики, характерных для XIX в., сменились идеологическими исканиями советской педагогики. С 1990-х гг. нарастал разрыв взаимопонимания между родителями и системой образования, в общественном сознании педагогическая деятельность стала приравниваться к потребительским услугам, а педагог – к функционеру, обязанному обеспечить заданные результаты образования и уровня воспитанности учащихся.

Актуальность исследования, результаты которого представлены в данной статье, обусловлена тем, что современное общество столкнулось с рядом вызовов, непосредственно касающихся образования: отсутствие доверия общества к школе и учителю, высокий уровень конфликтности и агрессии в отношении к образованию в целом затрудняют сотрудничество семьи и школы, что препятствует эффективной воспитательной деятельности. Данные вызовы усилились в ситуации с пандемией.

Объектом нашего исследования выступает профессиональная готовность студентов педагогических профилей к организации продуктивного взаимодействия образовательной организации с семьями воспитанников. Предмет исследования – коммуникативная компетентность студентов как инструмент и условие такого взаимодействия.

Исследование имеет целью на основе изучения современных теоретических подходов и практики взаимодействия школы и семьи определить структуру коммуникативной компетентности педагога и сформулировать рекомендации по профессиональной подготовке студентов педагогического вуза в части овладения ими коммуникативными компетенциями.

Методологической основой исследования является концепция социального партнерства семьи и школы

Д.В. Григорьева и О.Ю. Кожуровой [1], социокультурная модель образования А.М. Цирульникова [2], концептуальное видение С.В. Яковлева современных тенденций развития института семьи и адекватного им содержания обучения студентов педагогических вузов [3].

Базовым понятием нашего исследования выступает *коммуникативная компетентность*, которую мы рассматриваем как умение устанавливать и поддерживать взаимодействие с другими людьми, производить вербальные и невербальные контакты с ними, в результате которого достигаются взаимопонимание между партнерами, взаимное уважение и принятие друг друга, характеризующие эффективную организацию процесса коммуникации [4. С. 104]. При анализе коммуникативных компетенций как элемента психолого-педагогической компетентности будущих педагогов мы руководствовались методологическими принципами Н.Ф. Ильиной, Н.Ф. Логиновой [5].

В отечественной системе профессионального образования доминирует *компетентностный подход*. В подготовке студентов различных профилей значимы «мягкие компетенции», связанные с социальными и психологическими навыками. В работе педагога коммуникация, взаимодействие выступают и средством и условием эффективного воспитательного влияния, образовательного процесса в целом.

Проблема профессиональной готовности студентов педагогического вуза к организации взаимодействия с семьями воспитанников рассматривается нами в контексте *деятельностного подхода*. Деятельностная составляющая педагогического процесса направлена на формирование коммуникативных навыков студента и таких профессионально значимых качеств личности, как открытость, ответственность, толерантность, эмпатийность. Их актуализация возможна только через практику взаимодействия со сверстниками, с детьми и их родителями, с коллегами и другими участниками образовательной деятельности.

Проблема партнерства семьи и школы в современных исследованиях

До начала XX в. воспитание детей в нашей стране было сферой ответственности семьи, а взаимодей-

ствию с семьей уделялось внимание только в школах педагогов-новаторов – Л.Н. Толстого, Н.Ф. Бунакова, С.Т. Шацкого. Одним из первых поставивших задачу такого взаимодействия был С.А. Рачинский, который стремился превратить семью в своего союзника, регулировать условия жизни детей в семье [6]. В XX в. партнёрство школы и семьи прошло несколько этапов [7]: от полного игнорирования семьи в воспитательно-образовательном процессе в 1920–1930-е гг. до идеи передать семье полную ответственность за воспитание детей в 1990-е гг.

Сегодня государственная образовательная политика направлена на усиление ответственности семьи за образование и воспитание детей, но в общественном сознании отмечаются патерналистские ожидания в социальной сфере, в том числе в отношении воспитания школьников. У родителей все реже отмечаются мнения, что учитель должен быть «второй мамой» их детям, при этом они не считают образование ребенка исключительно семейной прерогативой, возлагая ответственность за него на образовательные организации [8], которые рассматриваются в качестве института предоставления соответствующих услуг. Противоречивость ожиданий, отсутствие взаимопонимания между школой и семьей в вопросах воспитания приводят к конфликтным отношениям. Причинами конфликтов педагогов и родителей исследователи называют односторонний характер взаимодействия семьи и школы, недостаточную эффективность обратной связи, противоречие между ожиданиями родителей к качеству образования и фактическими результатами обучения в современной школе, коммерциализацию образовательного пространства [9. С. 227]. Негативизм общества в отношении образовательных институтов, отсутствие доверия к ним имеют следствием снижение их воспитательного влияния.

Вместе с тем в отечественном образовании с 1990-х гг. последовательно реализуются идеи педагогики сотрудничества, для которой сотрудничество с родителями является органичным. Т.В. Хуторянской выделены шесть *составляющих семейно-педагогического сотрудничества*: взаимодействие на основе субъект-субъектных отношений, совместная ценностно-значимая деятельность, диалог, преодоление конфликтов, партнерство, взаимосодействие [10. С. 53]. Построение продуктивных отношений в детско-взрослой общности как функция воспитателя зависит от его профессионализма и коммуникативной культуры [11. С. 178]. О.В. Лебедевым описаны типы взаимоотношений родителей и школы [12. С. 86]: субъект-объектные, объект-объектные и субъект-субъектные. Последние как наиболее продуктивные характеризуются распределением ответственности между их участниками: школа (педагоги) отвечают за то, чтобы каждый ученик имел шанс на успех; семья (сами учащиеся, их родители) отвечают за использование этого шанса. Важным фактором, определяющим характер отношений участников образовательного процесса, являются их представления о своем статусе – о роли в образовательном процессе и о том, как к нему должны относиться другие участники процесса.

Значительная часть родителей не стремятся к взаимодействию со школой, что показал мониторинг,

проведенный НИУ ВШЭ. По его итогам исследователи описали модели родительского поведения с различной мерой вовлеченности в школьную жизнь: «опекуны» (максимальное участие), «фасилитаторы», «спонсоры», «контролеры» (контроль посещаемости, успеваемости, поведения детей), «невидимки» (отстраненность от учебного процесса). Первые два типа родителей проявляют внимание к проблемам и достижениям ребенка, оказывают ему помощь в учебе, что имеет следствием более высокие учебные достижения учащихся [13. С. 300]. Зависимость между качеством знаний школьников и вовлеченностью в школьную жизнь их родителей обосновывалась зарубежными специалистами, рассматривавшими как обучение в начальных классах [14, 15], так и в старшем звене [16, 17]. Применительно к теме нашего исследования значим вывод зарубежных коллег о необходимости формировать у педагогов коммуникативные компетенции для эффективных отношений с родителями, что предполагает изменение содержания и структуры обучения при подготовке учителей [18].

С цифровизацией образования взаимодействие школы с семьей все больше переходит в виртуальное пространство, навыки работы в котором стали значимым элементом коммуникативных компетенций педагога. Методам, принципам, эффективности неличных педагогических коммуникаций посвящено немало исследований. Профессиональное развитие современных педагогов не может не учитывать ряд изменений [19]: структурные изменения (формальные организационные изменения в школах, такие как группировка учителей в команды, выделение времени для встреч в команде), сетевые исследования (учителя развивают осведомленность о своих профессиональных сетях, знания из которых способствуют профессиональному росту), изменения идеологии, связанные с убеждением, что сотрудничество, обмен ресурсами и развитие взаимного доверия должны рассматриваться как факторы профессионального роста.

Между школой и семьей сформировались три вида виртуальных пространств взаимодействия: информационные web-пространства, коммуникационные пространства (группы новостей, списки рассылки) и пространства взаимодействия (чат). Специалисты отмечают, что коммуникации в них имеют недостатком не только опосредованность бесконтактного общения, при такой неличной коммуникации оно часто имеет односторонний характер и сводится к тому, что «школа предоставляет информацию как производитель и доводит ее до семьи как потребителя, и информация выбирается школой», в этом случае отсутствует само взаимодействие [20]. Отечественные специалисты отмечают большой педагогический потенциал виртуальных коммуникаций [21. С. 27] и описывают педагогические функции социальных сетей и мессенджеров: коммуникационную, организационную, познавательную, функции самореализации, самопрезентации, функцию социального лифта.

В разных странах формы и принципы взаимодействия школы и семьи имеют социокультурную специфику, однако специалисты сходятся во мнении, что «в то время как домашняя учебная среда остается

критически важной для образования ребенка, «необходим позитивный диалог между родителями и школой» [22]. Для этого в странах Британского Содружества сформированы родительско-учительские ассоциации – некоммерческие волонтерские организации, которые привлекают общественные и спонсорские средства в образовательные организации (без вовлечения родительских вложений), обсуждают не только проблемы школ, но и общественные проблемы, делятся опытом по воспитанию, выступают в защиту интересов и потребностей учащихся [23. С. 193]. Подобные общественные организации существуют и в странах Южной Азии (Национальный центр по взаимодействию со школами, Центр благополучия детей, Центр по школьному, семейному и общинному партнерству) [24].

В нашей стране позитивный опыт взаимодействия школ и родительской общественности существует во многих регионах. Например, в Нижнем Новгороде с 2000-х гг. деятельность общественных организаций [25] сопровождается исследовательской работой вузов, научно-практической лаборатории по проблемам воспитания и семьи, созданной городским департаментом образования [26]. Партнерство школы и семьи является высшим этапом развития их взаимодействия, который показывает, что формируется *единое образовательное пространство семьи и школы*.

Это видение разделяется специалистами из постсоветских стран. Так, основой развития образования Украины называются принцип единства семьи и школы, преемственность поколений, организация семейного воспитания. В результате формируется семейно-школьное пространство – социально-педагогическая система, обладающая определенными критериями и признаками: социальная, открытая, интегрированная, ценностно-генерирующая, развивающая, целенаправленная [27. С. 52]. В работах С. Винн Тутвилер взаимодействие образовательных организаций и семьи также рассматривается комплексно, в социальной среде, в правовом, политическом и образовательном аспектах. При этом исследователь отмечает важность для педагога способности работать с различными семьями в различных учебных контекстах [28].

В нашем исследовании партнерство школы и семьи анализируется, исходя из задач профессиональной подготовки будущих педагогов. Готовность к взаимодействию с родителями не менее значима для них, чем навыки взаимодействия с детьми или предметные компетенции.

В.В. Николина и С.П. Акутина в числе первых отметили необходимость профессионально-ценностного обучения и воспитание личности будущего социального педагога, педагога-психолога, социального работника, учителя-предметника, позволяющего «сформировать их личностные нравственные смыслы и освоить ценности, необходимые для плодотворной работы с семьей и со школьниками» [29. С. 96]. В модели взаимодействия семьи и школы как институтов воспитания О.А. Воскресенко и О.В. Дунаевой [30. С. 103] в числе условий его эффективности указывается формирование и (или) совершенствование профессиональной компетентности педагогов в во-

просах взаимодействия с родителями через их подготовку и систему повышения квалификации.

Мы разделяем концептуальное видение Т.А. Костюковой и Т.П. Грибоедовой, выделивших две группы профессиональных компетенций: характерных для *патерналистской парадигмы* государственного руководства семейным воспитанием и для *парадигмы социального партнерства* во взаимодействии семьи и школы как институтов воспитания [6. С. 50]. При этом для последней значимы определенные свойства личности педагога: доказано, что наличие эмпатии является определяющим для овладения диалогическим или «помогающим» типом педагогического общения, тесно связанным с гуманистической парадигмой обучения [31. С. 30].

Развивая данные идеи, мы рассматриваем технологии формирования профессионально-личностных компетенций этих специалистов в процессе обучения в вузе – коммуникативных навыков, креативности, умения работать в команде, навыки управленческой деятельности [32. С. 40]. При этом с освоением студентами учебного содержания и профессиональных навыков происходит формирование профессиональной направленности их личности. Коммуникативные компетенции будущих педагогов не только являются элементом их психолого-педагогической компетентности, но и отражают результаты их личностного и профессионального становления, что подтвердили результаты исследования 2020–2021 гг. в Ульяновском государственном педагогическом университете имени И.Н. Ульянова.

Методы исследования

В ходе исследования коммуникативной готовности студентов педагогического вуза к организации взаимодействия школы и семьи применены *теоретические методы* абстрагирования, анализа, сравнения, классификации, междисциплинарный анализ литературы по рассматриваемым проблемам.

В *эмпирической части исследования* использованы метод включенного наблюдения, анализ педагогического опыта, экспериментальная работа. Оценка коммуникативных компетенций студентов производилась на основе авторской векторной методики «Профиль коммуникативной компетентности», индивидуальные профили студентов составлялись с помощью метода полярных баллов. При анализе результатов исследования применены моделирование, графический метод, методы математической статистики.

Организация исследования

В качестве экспериментальной группы выступили студенты факультета педагогики и психологии Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова 1-го курса (N = 30) и 4-го курса (N = 28), обучающиеся по направлению 44.03.02 Психолого-педагогическое образование, профиль «Социальная педагогика и психология».

Большинство студентов факультета педагогики и психологии, приходя на 1-м курсе имеют средний уро-

вень развития коммуникативных компетенций, особенно в контексте профессионального развития. ФГОС 44.03.02 Психолого-педагогическое образование предусматривает формирование универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций по развитию коммуникативной культуры и коммуникативных компетенций, в частности способен взаимодействовать с участниками образовательных отношений в рамках реализации образовательных программ (ОПК-7), осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде (УК-3), в контексте психолого-педагогической работы с семьей способен участвовать в планировании и реализации работы по выявлению семейного неблагополучия в разных типах семей (ПК-4).

В коммуникативный модуль учебного плана включены общегуманитарные дисциплины, направленные на развитие коммуникативной компетентности и необходимые для подготовки будущих педагогов: «Речевые практики», «Психология общения», «Тренинг общения». Исследуемый аспект по взаимодействию семьи и школы представлен рядом дисциплин профильного цикла, таких как «Психология семьи», «Диагностика и коррекция

детско-родительских отношений», «Семейное воспитание», «Психологическое сопровождение семей и детей, находящихся в кризисной ситуации».

Особое внимание в новом стандарте уделено практической подготовке будущих социальных педагогов и психологов, которая выступает как важная органическая составляющая профессионального образования. Практика является широким плацдармом апробации знаний, полученных в процессе теоретической подготовки в вузе, а также базой, на которой осуществляется углубленное усвоение вопросов, имеющих место в психолого-педагогической сфере. Студенты осваивают технологии профессиональной деятельности, в том числе и по вопросам взаимодействия семьи и школы на разных базах практической подготовки (дошкольные и школьные образовательные организации, учреждения дополнительного образования, социальные организации, центры психологической и социальной помощи населению).

Для диагностики коммуникативной компетентности были выделены три взаимосвязанных компонента структуры коммуникативной компетентности и их показатели (табл. 1).

Таблица 1

Структура коммуникативной компетентности педагога

Компонент	Показатель коммуникативной компетентности	Личностные характеристики студентов
Когнитивный	1. Речевые умения	Словарный запас, владение речевыми средствами общения
	2. Умение использовать невербальные средства общения	Владение интонацией, жестами, мимикой
	3. Знание норм общения, правил речевого этикета	Культура общения
Профессионально-деятельностный	4. Умение вырабатывать стратегию, тактику общения, выбирать технику взаимодействия	Навыки организации коммуникации, исходя из поставленных целей
	5. Владение приемами профессионального общения	Словарный запас, использование профессионального языка
	6. Умение предотвращать и разрешать конфликты конструктивным способом	Склонность к конструктивному взаимодействию, навыки управления поведением в конфликте
Эмоционально-ценностный	7. Умение вступать в контакт и поддерживать его	Способность к взаимодействию с разными категориями людей
	8. Способность к эмпатийному слушанию	Способность к эмпатии
	9. Способность к рефлексии	Способность к самопознанию

Под когнитивным компонентом коммуникативной компетентности понимается совокупность знаний, необходимых для процесса общения, а также умение адекватно воспринимать партнера в ходе коммуникативного взаимодействия. Профессионально-деятельностный компонент проявляется как способность к личностно-ориентированному взаимодействию со всеми участниками образовательного процесса, способность эффективно сотрудничать с другими людьми. Эмоционально-ценностный компонент коммуникативной компетентности определяет ее психологическую составляющую, позволяет придерживаться в коммуникации просоциальных ценностей, принципов, идеалов. Это проявляется в уважении к партнеру по общению, в склонности к эмпатии, эмоциональной отзывчивости. В предложенной диагностической методике «Профиль коммуникативной компетентности» оценивались такие показатели данного компонента, как умение вступать в контакт с людьми с учетом их половых, возрастных, психологических, социально-культурных, статусных характеристик, способность к эмпатийному слушанию, способность к рефлексии.

Результаты и обсуждение

Анализ выраженности показателей коммуникативной компетентности студентов 1-го и 4-го курсов осуществлялся в ходе учебной деятельности (решение кейсов, проектная деятельность, дебаты, ролевые и деловые игры, участие в научных семинарах и конференциях) и во внеучебных мероприятиях. Оценка осуществлялась методом полярных баллов по униполярной шкале Р. Лайкерта (max = 5):

5 – оцениваемый показатель ярко выражен, проявляется часто в различных видах деятельности и поведении;

4 – показатель проявления неустойчив, наблюдается ситуативно;

3 – показатель наблюдается крайне редко;

2 – показатель коммуникативной компетентности слабо выражен;

1 – оцениваемый показатель не выражен.

Для графического изображения обобщенного профиля коммуникативной компетентности первоначально составлялся индивидуальный профиль на каж-

дого студента. Обобщённые результаты показателей коммуникативной компетентности студентов 1-го и 4-го курсов представлены графически (рис. 1).

Интерпретируя диагностические результаты сформированности коммуникативной компетентности студентов 1-го курса, можно отметить высокую оценку только по одному показателю – речевым умениям. По остальным показателям преобладают средняя и низкая оценки, особенно в показателях профессиональной компетенции, связанная с отсутствием профессиональных знаний и умений в коммуникативной практике.

Положительная динамика по всем показателям была определена у всех студентов 4-го курса (рис. 2), что

свидетельствует о достаточном уровне профессиональной подготовки будущих педагогов в части сформированности коммуникативной компетентности.

Как показало исследование, наиболее выражена динамика показателей профессионально-деятельностного компонента коммуникативной компетентности: умение вырабатывать стратегию, тактику общения, выбирать технику взаимодействия (1X4), владение приемами профессионального общения (1X5), умение предотвращать и разрешать конфликты конструктивным способом (1X6). Сравнения оценок двух независимых выборок (студенты 1-го и 4-го курсов) и определение значимости изменений сделаны на основе U-критерия Манна–Уитни (табл. 2).

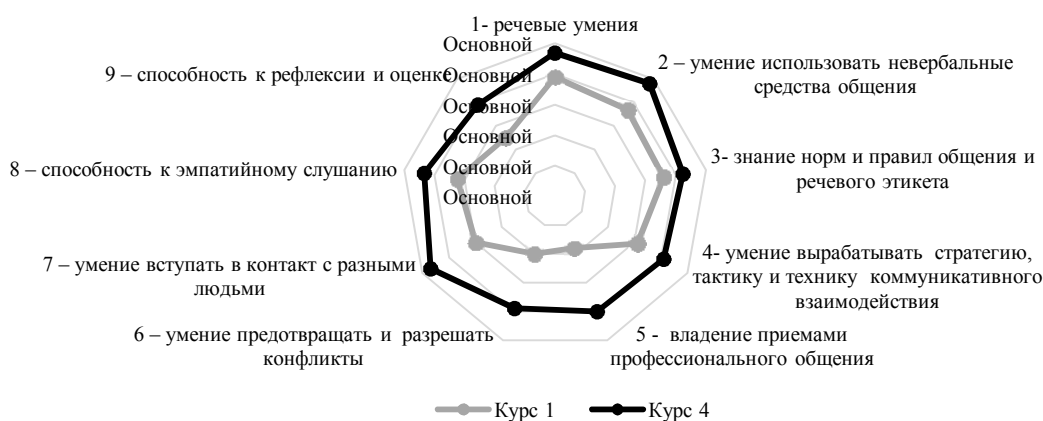

Рис. 1. Обобщенный профиль показателей коммуникативной компетентности студентов 1-го и 4-го курсов

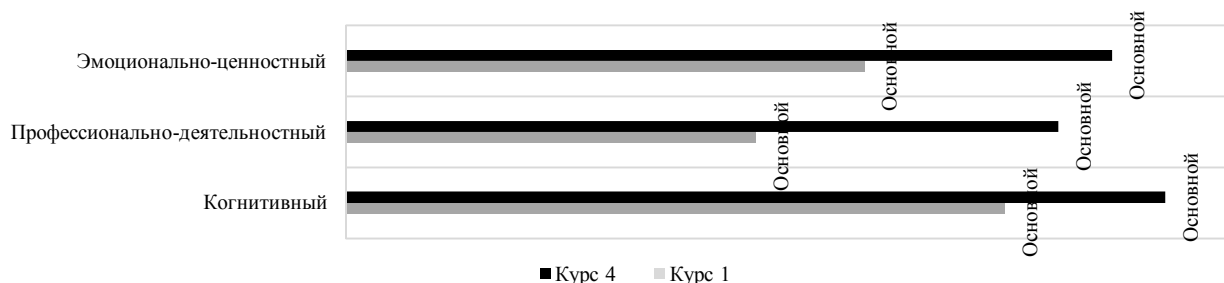

Рис. 2. Сравнительная диагностика компонентов коммуникативной компетентности

Таблица 2

Различия показателей профессионально-деятельностного компонента коммуникативной компетентности студентов 1-го и 4-го курсов

Показатель	Rank Sum		U	Z	Z adjusted	Valid N	
	1-й курс	4-й курс				1-й курс	4-й курс
1X4	312,5	1 098,5	147,5	-4,23247	-4,6081	30	28
1X5	480,0	1 231,0	15,0	-6,29424	-6,45614	30	28
1X6	495,0	1 216,0	30,0	-6,06083	-6,2813	30	28

Статистический анализ оценок двух выборок с учетом уровня значимости $p < 0,05$ обнаружил заметные различия показателей профессионально-деятельностного компонента в коммуникативных компетенциях 1-го и 4-го курсов. Различия, конечно, могут быть связаны и с личностными особенностями студентов. Однако считаем, что указанные различия являются результатом формирования в течение обучения профессиональной

направленности, профессионального сознания и соответствующих навыков. Данная динамика обусловлена внедрением в образовательный процесс проектного обучения, интерактивных технологий, коммуникативных практик в процессе взаимодействия студентов с педагогами образовательных организаций, с родителями учеников, что определяет единое образовательное пространство семьи и школы.

В дальнейшем выделенные показатели можно использовать в качестве признакового пространства для классификации студентов с целью получения однородных кластеров, которые будут выполнять роль уровней компонентов коммуникативной готовности.

Заключение

В ситуации социальной нестабильности все чаще возникают конфликты между отдельными общественными группами. Конфликтность и недоверие между школой и семьей опасны тем, что возникает рассогласование требований к ребенку, противоречивость ценностей, что снижает потенциал воспитания. Поэтому в процессе обучения студентов в вузах значимо формировать их коммуникативную компетентность. Готовность будущих педагогов строить взаимодействие с семьей школьника зависит от образовательной среды вуза. В учебном процессе происходит развитие коммуникативных компетенций. Такой позитивный опыт подготовки специалистов есть в Ульяновском государственном педагогическом университете имени И.Н. Ульянова.

По результатам проведенного исследования коммуникативной готовности студентов можно указать ряд рекомендаций по профессиональной подготовке будущих педагогов:

- включать в содержание образовательной программы модули, направленные на формирование коммуникативных компетенций;
- ориентировать студентов на построение партнерского взаимодействия с семьей как приоритетного института воспитания ребенка;
- анализировать личностные особенности студентов и оценивать их коммуникативные компетенции, составляя индивидуальный профиль каждого студента;
- использовать в учебном процессе активные и интерактивные формы взаимодействия для групп различного состава.

Результаты исследования позволяют очертить поиск способов формирования коммуникативной готовности будущих педагогов к решению новых вызовов образования, к организации продуктивного взаимодействия образовательной организации с семьями воспитанников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев Д.В., Кожурова О.Ю. Эффективное воспитание: семья и школа как партнеры // Социальная педагогика. 2011. № 2. С. 39–50.
2. Цирульников А.М. Социокультурная модернизация образования: десять шагов к успеху // Педагогика. 2020. № 6. С. 48–57.
3. Яковлев С.В. Основные тенденции развития института семьи в современной России // Педагогика. 2020. № 7. С. 45–53.
4. Шубович М.М., Петрищева Н.Н. Формирование коммуникативной компетентности студентов в условиях взаимодействия с учащимися образовательной организации // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2019. Т. 14, № 4. С. 103–110. doi: 10.14526/2070-4798-2019-14-4-103-110
5. Ильина Н.Ф., Логинова Н.Ф. Исследование становления психолого-педагогической компетентности молодых педагогов // Вопросы образования. 2019. № 4. С. 202–230. doi: 10.17323/1814-9545-2019-4-202-230
6. Савченко Т.А. Взаимодействие семьи и школы в опыте С.А. Рачинского // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2018. № 4. С. 29–33.
7. Костокова Т.А., Грибоедова Т.П. Семья и школа: готовность к социально-образовательному партнерству // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2008. Вып. 3 (77). С. 47–50.
8. Андреева А.Д. Психологический образ детства у родителей современных школьников // Вестник Мининского университета. 2019. Т. 7, № 4 (29). С. 11. doi: 10.26795/2307-1281-2019-7-4-11
9. Фролова Е.В., Рябова Т.М., Рогач О.В., Зуйкина А.В. Конфликты в системе школьного образования: ключевые проблемы, специфика и факторы развития // Перспективы науки и образования. 2019. № 3 (39). С. 227–239. doi: 10.32744/pse.2019.3.17
10. Хуторянская Т.В. Сущность семейно-педагогического сотрудничества в современной школе // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 1. Серия: Акмеология образования. Психология развития. Вып. 1. С. 50–54.
11. Захарова И.В. Доверие к педагогу как фактор его воспитательного влияния // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8, № 2. С. 176–182. doi: 10.18500/2304-9790-2019-8-2-176-182
12. Лебедев О.В. Выбор школы и школа выбора // Известия РГПУ имени А.И. Герцена 2020. № 198. С. 83–88. doi: 10.33910/1992-6464-2020-198-83-88
13. Гошин М.Е., Мерцалова Т.А., Груздев И.А. Типы родительского участия в учебном процессе детей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 282–303. doi: 10.14515/monitoring.2019.2.13
14. Badri M., Al Qubaisi A., Al Rashedi A., Yang G. The Causal Relationship Between Parental Involvement and Children's Behavioural Adjustment to KG-1 Schooling // International Journal of Child Care and Education Policy. 2014. Vol. 8 (1). P. 3. doi: 10.1007/s40723-014-0003-6.
15. Pandey P., Thapa K. Parental Influences in Academic Performance of School Going Students // Indian Journal of Positive Psychology. 2017. Vol. 8 (2). P. 132–137. URL: <https://www.researchgate.net/publication/324755784/> (дата обращения: 27.06.2021).
16. Shute V.J., Hansen E.G., Underwood J.S., Razzouk R. A Review of the Relationship between Parental Involvement and Secondary School Students' Academic Achievement // Education Research International. 2011. Vol. 10 (2). doi: 10.1155/2011/915326
17. Krane V., Klevan T. There are Three of us: Parents' Experiences of the Importance of Teacher-Student Relationships and Parental Involvement in Upper Secondary School // International Journal of Adolescence and Youth. 2019. Vol. 24 (1). P. 74–84. doi: 10.1080/02673843.2018.1464482
18. Akhter N. Parent Teacher Interaction in Elementary Schools: Current Status and Issues // Journal of Elementary Education. 2016. Vol. 26 (2). P. 1–13. URL: http://pu.edu.pk/home/journal/36/V_26_No_2_%202016.html (дата обращения: 27.06.2021).
19. Baker-Doyle K.J., Yoon S.Y. The Social Side of Teacher Education: Implications of Social Network Research for the Design of Professional Development // International Journal of Educational Research. 2020. Vol. 101. doi: 10.1016/j.ijer.2020.101563
20. Vigo-Arrazola B., Dieste-Gracia B. Building Virtual Interaction Spaces Between Family and School // Ethnography and Education. 2018. Vol. 14 (4). doi: 10.1080/17457823.2018.1431950
21. Рамазаева Е.Н. Информационное пространство социальных сетей как новая площадка педагогического взаимодействия школы и семьи подростка // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 7 (150). С. 25–29.
22. Clinton J., Hattie, J. New Zealand Students' Perceptions of Parental Involvement in Learning and Schooling // Asia Pacific Journal of Education. 2013. Vol. 3 (6). P. 324–337. doi: 10.1080/02188791.2013.786679
23. Валеева Р.А., Маркева Г.З. Организация взаимодействия работы школы и семьи в странах Британского Содружества // Образование и саморазвитие. 2011. № 1 (23). С. 189–194.
24. Sapungan G.M., Sapungan R.M. Parental Involvement in Child's Education: Importance, Barriers and Benefits // Asian Journal of Management Sciences and Education. 2014. Vol. 3 (2). P. 42–48. URL: www.ajmse.leena-luna.co.jp (дата обращения: 27.06.2021).

25. Ариффулина Р.У., Беляева Т.К., Белогорская Л.В. Взаимодействие семьи и школы в деятельности районного семейного клуба «Родительская среда» // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 63 (4). С. 9–11.
26. Свадьбина Т.В., Жаркова М.В. Освоение базовых национальных ценностей учащейся молодежью (из опыта социального партнёрства школы и семьи в Нижнем Новгороде) // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т. 11, № 5-2. С. 102–108.
27. Kholkovska I., Molochenko V. Interaction of School and Family in the Upbringing of Children // *Pedagogika Rodziny, Family Pedagogy*. 2017. Vol. 7 (4). P. 3–64. URL: <http://repository.vsau.org/getfile.php/16910.pdf> (дата обращения: 27.06.2021).
28. Winn Tutwiler S.W. Teachers as Collaborative Partners: Working With Diverse Families and Communities. New York : Imprint Routledge, 2005; 2017. 288 p. doi: 10.4324/9781351225625
29. Николина В.В., Акутина С.П. Профессионально-ценностное обучение будущего педагога к взаимодействию семьи и школы в формировании духовно-нравственных ценностей старшеклассников // Высшее образование сегодня. 2009. № 2. С. 94–96.
30. Воскресенко О.А., Дунаева О.В. Взаимодействие семьи и школы как институтов воспитания: моделирование процесса // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 4 (72). С. 98–103. doi: 10.24158/spp.2020.4.17
31. Ваниева В.Ю., Течиева В.З. Формирование коммуникативной компетентности будущих педагогов в процессе практико-ориентированного обучения // Сибирский педагогический журнал. 2021. № 1. С. 26–32. doi: 10.15293/1813-4718.2101.03
32. Бибикина Н.В. Социальное проектирование как технология профессиональной подготовки студентов // XXIX Ершовские чтения. Педагогическое образование: вызовы времени / ред. С.А. Еланцева. Ишим : ИПИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ, 2019. С. 39–40.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 29 ноября 2021 г.

Family and School Partnership: Communicative Readiness of Future Teachers for New Challenges of Education

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 203–210.

DOI: 10.17223/15617793/473/25

Marina M. Shubovich, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: shubmm@mail.ru

Nadezhda V. Bibikova, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: nbibikova20@mail.ru

Inna V. Zakharova, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: inna73reg@yandex.ru

Nadezhda N. Petrishcheva, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: nadin.1984_2011@mail.ru

Keywords: partnership of family and school; communicative readiness; pedagogical university; professional training; communicative competence.

The study was carried out with the financial support of the intra-university grant competition of Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, Project “Education of family values: Partnership of family, school and society”.

The relevance of the study is due to challenges that educational organizations face when interacting with families: a decrease in trust in school, conflicts in the educational environment, aggression against teachers. This leads to a decrease in the educational potential of educational organizations. The article raises the problem of professional readiness of students of pedagogical universities for productive interaction of an educational organization with families of pupils. The study aimed to determine the structure of the teacher’s communicative competence and to formulate recommendations for the professional training of students of a pedagogical university in terms of mastering their communicative competencies. The study was conducted on the basis of Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov with students of the Faculty of Pedagogy and Psychology majoring in psychological and pedagogical education. The authors applied the method of included observation, analysis of pedagogical experience, experimental work. The students’ communicative competencies were evaluated based on the authorial vector methodology, Communicative Competence Profile; students’ individual profiles were compiled using the polar score method. There are three components in the structure of the student’s communicative competence: cognitive, professional activity, and emotional value ones. In each of them, criteria for evaluating students’ relevant competencies were determined. When analyzing the results of the study, modeling, a graphical method, methods of mathematical statistics were used. Differences in the levels of indicators of communicative competencies of first- and fourth-year students were evaluated on the basis of the Mann-Whitney U-test. The study showed a positive dynamics in the formation of the components of students’ communicative readiness, especially expressed in the indicators of the professional activity component. The increase in the level of competencies is due to the introduction of project-based learning, interactive technologies, and communicative practices into the educational process, into the interaction between pupils and teachers, and pupils’ parents. When studying at the university, it is important to analyze students’ personal characteristics, evaluate their communicative competencies and the development of their professional orientation.

REFERENCES

1. Grigor’ev, D.V. & Kozhurova, O.Yu. (2011) Effective upbringing: school and family as partners. *Sotsial’naya pedagogika*. 2. pp. 39–50. (In Russian).
2. Tsurul’nikov, A.M. (2020) Sociocultural modernization of education: ten steps to success. *Pedagogika*. 6. pp. 48–57. (In Russian).
3. Yakovlev, S.V. (2020) The main trends in the development of the family institution in modern Russia. *Pedagogika*. 7. pp. 45–53. (In Russian).
4. Shubovich, M.M. & Petrishcheva, N.N. (2019) Students’ communicative competency formation in terms of interaction with pupils of educational establishment. *Pedagogiko-psikhologicheskie i mediko-biologicheskie problemy fizicheskoy kul’tury i sporta – Russian Journal of Physical Education and Sport*. 4 (14). pp. 103–110. (In Russian). DOI: 10.14526/2070-4798-2019-14-4-103-110
5. Il’ina, N.F. & Loginova, N.F. (2019) Exploring the development of psychological and pedagogical competence in young teachers. *Voprosy obrazovaniya – Educational Studies. Moscow*. 4. pp. 202–230. (In Russian). DOI: 10.17323/1814-9545-2019-4-202-230
6. Savchenko, T.A. (2018) Interaction of the family and school in the experience by S.A. Rachinsky. *Vestnik Gosudarstvennogo gumanitarno-tekhnologicheskogo universiteta – Vestnik of State University of Humanities and Technology*. 4. pp. 29–33. (In Russian).
7. Kostyukova, T.A. & Griboedova, T.P. (2008) Sem’ya i shkola: gotovnost’ k sotsial’no-obrazovatel’nomu partnerstvu [Family and school: readiness for social and educational partnership]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 3 (77). pp. 47–50.

8. Andreeva, A.D. (2019) Psychological image of childhood characteristic of modern schoolchildren's parents. *Vestnik Mininskogo universiteta – Vestnik of Minin University*. 4 (29). pp. 11. (In Russian). DOI: 10.26795/2307-1281-2019-7-4-11
9. Frolova, E.V. et al. (2019) Conflicts in the school system: key problems, specifics and development factors. *Perspektivy nauki i obrazovaniya – Perspectives of Science and Education*. 3 (39). pp. 227–239. (In Russian). DOI: 10.32744/pse.2019.3.17
10. Khutoryanskaya, T.V. (2012) Sushchnost' semeyno-pedagogicheskogo sotrudnichestva v sovremennoy shkole [The essence of family-pedagogical cooperation in a modern school]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology*. 1 (1). pp. 50–54.
11. Zakharova, I.V. (2019) Trust in a teacher as a factor of teacher's educational influence. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology*. 2 (8). pp. 176–182. (In Russian). DOI: 10.18500/2304-9790-2019-8-2-176-182
12. Lebedev, O.E. (2020) The choice of school and the school of choice. *Izvestiya RGPU imeni A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 198. pp. 83–88. (In Russian). DOI: 10.33910/1992-6464-2020-198-83-88
13. Goshin, M.E., Mertsalova, T.A. & Gruzdev, I.A. (2019) Types of parental involvement in children's schooling. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2. pp. 282–303. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.13
14. Badri, M. et al. (2014) The Causal Relationship Between Parental Involvement and Children's Behavioural Adjustment to KG-1 Schooling. *International Journal of Child Care and Education Policy*. 8 (1). P. 3. DOI: 10.1007/s40723-014-0003-6
15. Pandey, P. & Thapa, K. (2017) Parental Influences in Academic Performance of School Going Students. *Indian Journal of Positive Psychology*. 8 (2). pp. 132–137. [Online] Available from: <https://www.researchgate.net/publication/324755784/> (Accessed: 27.06.2021).
16. Shute, V.J. et al. (2011) A Review of the Relationship between Parental Involvement and Secondary School Students' Academic Achievement. *Education Research International*. 10 (2). DOI: 10.1155/2011/915326
17. Krane, V. & Klevan, T. (2019) There are Three of us: Parents' Experiences of the Importance of Teacher-Student Relationships and Parental Involvement in Upper Secondary School. *International Journal of Adolescence and Youth*. 24 (1). pp. 74–84. DOI: 10.1080/02673843.2018.1464482
18. Akhter, N. (2016) Parent Teacher Interaction in Elementary Schools: Current Status and Issues. *Journal of Elementary Education*. 26 (2). pp. 1–13. [Online] Available from: http://pu.edu.pk/home/journal/36/V_26_No_2_%202016.html (Accessed: 27.06.2021).
19. Baker-Doyle, K.J. & Yoon, S.Y. (2020) The Social Side of Teacher Education: Implications of Social Network Research for the Design of Professional Development. *International Journal of Educational Research*. 101. DOI: 10.1016/j.ijer.2020.101563
20. Vigo-Arrazola, B. & Dieste-Gracia, B. (2018) Building Virtual Interaction Spaces Between Family and School. *Ethnography and Education*. 14 (4). DOI: 10.1080/17457823.2018.1431950
21. Ramazaeva, E.N. (2020) Information space of social networks as a new platform of pedagogical cooperation of school and adolescent's family. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 7 (150). pp. 25–29. (In Russian).
22. Clinton, J. & Hattie, J. (2013) New Zealand Students' Perceptions of Parental Involvement in Learning and Schooling. *Asia Pacific Journal of Education*. 3 (6). pp. 324–337. DOI: 10.1080/02188791.2013.786679
23. Valeeva, R.A. & Markeva, G.Z. (2011) Organizatsiya vzaimodeystviya raboty shkoly i sem'i v stranakh Britanskogo Sodruzhestva [Organization of interaction of school and family work in the countries of the Commonwealth of Nations]. *Obrazovanie i samorazvitie – Education and Self-Development*. 1 (23). pp. 189–194.
24. Sapungan, G.M. & Sapungan, R.M. (2014) Parental Involvement in Child's Education: Importance, Barriers and Benefits. *Asian Journal of Management Sciences and Education*. 3 (2). pp. 42–48. [Online] Available from: www.ajmse.leena-luna.co.jp (Accessed: 27.06.2021).
25. Arifulina, R.U., Belyaeva, T.K., & Belogorskaya, L.V. (2019) Interaction of family and schools in the activities of the district family club "parental medium". *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 63 (4). pp. 9–11. (In Russian).
26. Svad'bina, T.V. & Zharkova, M.V. (2019) Development of basic national values by students (from the experience of social partnership between school and family in Nizhny Novgorod). *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem – Modern Studies of Social Issues*. 5–2 (11). pp. 102–108. (In Russian).
27. Kholkovska, I. & Molochenko, V. (2017) Interaction of school and family in the upbringing of children. *Pedagogika Rodziny – Family Pedagogy*. 7 (4). pp. 3–64. [Online] Available from: <http://repository.vsau.org/getfile.php/16910.pdf> (Accessed: 27.06.2021).
28. Winn Tutwiler, S.W. (2017) *Teachers as Collaborative Partners: Working With Diverse Families and Communities*. New York: Imprint Routledge. DOI: 10.4324/9781351225625
29. Nikolina, V.V. & Akutina, S.P. (2009) Professional'no-tsennostnoe obuchenie budushchego pedagoga k vzaimodeystviyu sem'i i shkoly v formirovaniy dukhovno-nravstvennykh tsennostey starsheklassnikov [Professional value-based training of a future teacher to the interaction of family and school in the formation of spiritual and moral values of high school students]. *Vyshee obrazovanie segodnya*. 2. pp. 94–96.
30. Voskresenko, O.A. & Dunaeva, O.V. (2020) Interaction of family and school as educational institutions: process modeling. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 4 (72). pp. 98–103. (In Russian). DOI: 10.24158/spp.2020.4.17
31. Vanieva, V.Yu. & Tchieva, V.Z. (2021) Formation of communicative competence of future teachers in the process of practice-oriented training. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*. 1. pp. 26–32. (In Russian). DOI: 10.15293/1813-4718.2101.03
32. Bibikova, N.V. (2019) Sotsial'noe proektirovanie kak tekhnologiya professional'noy podgotovki studentov [Social design as a technology of professional training of students]. In: Elantseva, S.A. (ed.) *XXIX Ershovskie chteniya. Pedagogicheskoe obrazovanie: vyzovy vremeni* [29th Ershov Readings. Pedagogical education: Challenges of the Time]. Ishim: IPI im. P.P. Ershova (filial) TyumGU. pp. 39–40.

Received: 29 November 2021

ПРАВО

УДК 343.9

П.А. Вырва

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ СПОСОБАХ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЛОББИЗМА КАК МЕРА БЕЗОПАСНОСТИ ПРОТИВ КОРРУПЦИОННОГО ЛОББИЗМА

Анализируется политико-правовое явление лоббизм, а также коррупционный лоббизм как наиболее деструктивное и опасное проявление данного явления. Предложена система мер против коррупционного лоббизма, основанная на взаимодействии разрешительных и запретительных норм. Формулируется понятие «лоббизм», исследуются возможные допустимые и недопустимые методы лоббизма, исследуются коррупционные риски, вытекающие из неурегулированного статуса некоторых субъектов, участвующих в лоббистской деятельности.

Ключевые слова: лоббизм; коррупционный лоббизм; урегулирование лоббизма; противодействие коррупции; меры безопасности

В России коррупция по сей день остается одной из самых острых проблем. Согласно данным Министерства внутренних дел о состоянии преступности за 2020 г., общее количество преступлений коррупционной направленности составило 30 813 преступлений, из которых 14 548 были непосредственно связаны со взяточничеством [1]. Данные комплексного анализа состояния преступности в Российской Федерации, подготовленные ФГКУ ВНИИ МВД РФ, указывают, что ущерб от преступлений коррупционной направленности в 2017 г. составил 39,6 млрд руб. [2. С. 41].

Преступления коррупционной направленности занимают одну из ключевых позиций в структуре преступлений экономической направленности, в результате чего данные деяния представляют угрозу национальной безопасности Российской Федерации, поскольку одним из показателей экономической безопасности в соответствии со Стратегией экономической безопасности Российской Федерации (далее Стратегия) выступает уровень преступности в сфере экономики (п. 27 Стратегии) [3]. Превышение порогового значения данного показателя (инцидент на 10 тыс. человек трудоспособного населения) [4] сигнализирует о наличии кризиса, опасности экономического суверенитету государства, единству экономического пространства, условиям для реализации стратегических национальных приоритетов страны. В такой ситуации деятельность по противодействию преступлений экономической направленности, в частности коррупции, приобретает принципиально важное значение.

Коррупция является сложным и многогранным явлением. Обращая внимание на данное обстоятельство, отечественные исследователи весьма верно отмечают, что коррупция не сводится исключительно к даче и получению взятки [5. С. 192]. На сегодняшний день все большую актуальность приобретают вопросы коррупционного фаворитизма, коррупционного протекционизма, незаконного поддержания и финансирования политических структур [6. С. 9]. В подтверждение сказанному статистические данные о состоянии преступности в России указывают, что удельный вес дачи и получения взятки в общем количестве преступлений коррупционной направленности составляет чуть более 50%, в то время как остальная часть преступлений совершается иным способом [1]. Отмеча-

ется также, что коррупция охватывает значительное число правонарушений, часть из которых не криминализована, например коррупционный лоббизм, фаворитизм, незаконная поддержка и финансирование политических структур, nepotизм (распределение должностей между родственникам или друзьями) [7. С. 2]. Указанное свидетельствует о наличии широкого спектра проблем, которым следует уделять серьезное внимание в целях повышения качества противодействия коррупции во всех ее проявлениях. В этой связи все большую актуальность приобретают вопросы противодействия иным видами коррупционного поведения, которые до настоящего времени не получили должного внимания со стороны законодателя. Одним из таких видов коррупционного поведения является коррупционный лоббизм.

Коррупционный лоббизм представляет собой крайне опасное проявление коррупции, так как связан преимущественно с деятельностью высших должностных лиц, коррумпированность которых может причинить колоссальный ущерб государству. Коррупционный лоббизм направлен на формирование нормативной базы, в соответствии с которой будут регулироваться значимые общественные отношения, поэтому принятие решений, направленных на удовлетворение чьих-то корыстных интересов, может негативно отразиться на дальнейшем развитии общества и государства, не говоря о продвижении правотворческих решений за деньги или иные преимущества по иностранному заказу в ущерб национальным интересам.

Принятие нормативно-правовых актов без учета интересов граждан или вопреки их интересам, руководствуясь исключительно корыстными или личными соображениями, может причинить непоправимый вред личности, обществу и государству, подорвать доверие к такой власти со стороны населения, усилить социальную напряженность в обществе, вызвать коллективную психологическую реакцию населения в виде митингов, протестов, забастовок. Экономические последствия коррупционного лоббизма весьма очевидны: принятие неэффективных и ненужных правотворческих решений может привести к дефициту бюджета, необоснованному перераспределению денежных средств и снижению финансирования действительно значимых социальных проблем, что, в

свою очередь, служит питательной средой для увеличения имущественного неравенства среди определенных слоев населения, а также роста бедности и безработицы.

В некоторых работах ведущих отечественных криминологов уже обозначается проблема лоббизма и принятия ненужных, необоснованных и даже преступных нормативных правовых актов. Профессор В.А. Номоконов отмечает проблему лоббирования преступных идей в уголовное законодательство, которое выражается в противоречивых и бессистемных изменениях отдельных положений Уголовного кодекса Российской Федерации [8. С. 440–443]. Профессор Д.А. Шестаков указывает, что нормативно правовой акт может быть преступным не юридически, а по существу, например, если в рамках указанного акта легализуется преступная деятельность либо запрещается социально-полезная или нейтральная деятельность [9. С. 18]. Подобные нормативные правовые акты могут причинить необратимый ущерб суверенитету и целостности государства или даже вовсе уничтожить государство [9. С. 20].

Следует согласиться с возможностью наступления негативных последствий в случае принятия неэффективных и ненужных правотворческих решений в виде законов, подзаконных актов, различных слабоэффективных и непродуманных государственных программ. Крайне негативные последствия могут наступить при легализации общественно опасной и преступной деятельности, равно как и при запрещении общественно полезной деятельности, при принятии властных решений в ущерб государственной безопасности, в том числе экономической безопасности.

Несмотря на вышесказанное, лоббистская деятельность, в рамках которой осуществляется разработка и продвижение правотворческих решений, до сих пор не урегулирована на законодательном уровне. В такой ситуации вопросы упорядочивания лоббистской деятельности, предупреждения коррупционного лоббизма должны приобрести первостепенное значение.

Полагаем, предупреждение коррупционного лоббизма и урегулирование допустимого лоббизма должны осуществляться системно, основываясь на принципе коллаборации разрешительных и запретительных норм. В соответствии с теорией мер безопасности профессора Н.В. Щедрина, предупреждение преступности может осуществляться с помощью мер безопасности, где основными составляющими выступают меры ограничения и меры стимулирования [10. С. 161]. В криминологической доктрине также отмечается, что установление исключительно карательных запретов не всегда ведет к положительному результату, т.е. предупреждению нежелательного или общественно опасного вида поведения. Так, профессор Я.И. Гилянский отмечает, что запреты могут являться криминогенным (девиантогенным) фактором, провоцирующим совершение иных, иногда более опасных деяний [11. С. 302]. Учитывая данное обстоятельство, полагаем, более верным сделать основной акцент на потенциальных способах урегулирования допустимого лоббизма, что, в свою очередь, будет также служить предупреждению коррупционного лоббизма.

В качестве основных способов регулирования лоббизма предлагаем разработать и закрепить на законодательном уровне определение «лоббизм», установить допустимые и недопустимые методы осуществления лоббизма, а также урегулировать статус некоторых субъектов, полномочия которых могут быть недобросовестно использованы для продвижения или блокировки правотворческих решений.

На сегодняшний день остается неясным вопрос, правомерный или противоправный характер носит лоббизм как явление, в результате чего в понятие «лоббизм» включаются как противоправные, так и правомерные виды поведения. Отсутствие таких понятий, как «лоббизм» и «коррупционный лоббизм», осложняет проведение более четкой грани между допустимым и недопустимым лоббизмом, препятствует осуществлению предупреждения недопустимого и коррупционного лоббизма.

С одной стороны, лоббизм может трактоваться как позитивное явление, неотъемлемый и важный элемент жизни демократии [12. С. 14]. С другой стороны, как негативное явление, которое отождествляется с коррупционным правонарушением, продажностью депутатов, системой агентов, которые работают в парламентских кулуарах и подкупают депутатов [13. С. 209].

Очевидно, что в такой ситуации существует необходимость законодательно закрепить понятие «лоббизм». Только имея представления о допустимом лоббизме, можно определить недопустимые и коррупционные виды лоббизма, а вместе с тем выстроить систему предупреждения данных негативных явлений.

Несмотря на отсутствие выработанного в законодательстве понятия «лоббизм», в отечественной науке сложилось множество теоретических подходов. Так, А.С. Автономов указывает, что лоббизм представляет взаимодействие негосударственных организаций с государственными органами и органами местного самоуправления, осуществляемое с целью принятия (или непринятия) решений, соответствующих интересам социальных групп [14. С. 224]; Ю.В. Ирхин определяет лоббизм через деятельность лоббистов, т.е. группу лиц, обрабатывающих парламентариев в пользу того или иного законопроекта [15. С. 227]; А.П. Любимов рассматривает лоббизм как совокупность норм, посвященных регулированию взаимодействия граждан, организаций и некоторых других специализирующихся на лоббистской деятельности субъектов с органами государственной власти и органами местного самоуправления для оказания влияния на принятие необходимых лоббистам решений [16. С. 25–26].

Можно привести много иных подходов к определению понятия «лоббизм». Однако весьма верным представляется замечание А.П. Любимова о том, что лоббизм можно рассматривать с разных точек зрения, например политической, социологической, правовой, институциональной, филологической и др. [17. С. 112]. Видится, вышеназванные теоретические определения характеризуют лоббизм с разных сторон, однако часть признаков остаются неизменными. Прежде всего, лоббизм является социальным явлением, существует в социуме и связан с политическими, правовыми, экономическими и социальными институ-

тами. Кроме того, лоббизм предполагает наличие активно действующего субъекта (лоббиста), а также объекта лоббистского воздействия (государственные или муниципальные органы), использование определенных методов продвижения интересов для достижения конкретной цели (блокировка или принятие правотворческого решения).

Исходя из данных признаков, лоббизм следует рассматривать как социальное-правовое явление, в рамках которого физические и (или) юридические лица с помощью определенных методов предпринимают попытки оказания воздействия на органы государственной власти или местного самоуправления с целью продвижения или блокировки определенного правотворческого решения.

Однако сформулированное определение является весьма общим, охватывающим как допустимые и полезные проявления лоббизма, так и негативные. В связи с этим принципиально важное значение приобретает необходимость рассмотрения методов лоббизма, поскольку именно методы воздействия помогают провести более четкую грань между допустимым и недопустимым лоббизмом. Допустимый лоббизм предполагает использование разрешенных методов воздействия, в то время как коррупционный лоббизм – запрещенных или аморальных.

К методам допустимого лоббизма, на наш взгляд, следует отнести такие способы продвижения интересов, которые не противоречат действующему российскому законодательству. К таковым, в частности, можно отнести направление предложений по совершенствованию законодательства, осуществление устных и письменных контактов с должностными лицами с целью продвижения определенных интересов, подготовка и распространение материалов, в том числе через средства массовой информации. Однако названные методы имеют определённые особенности в отношении физических или юридических лиц, включенных в список лиц, выполняющих функции иностранного агента, поскольку законодателем установлено требование указания статуса иностранного агента. Так, п. 7 ст. 2.1 ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» установлено требование указания статуса иностранного агента при обращении в государственные органы и органы местного самоуправления, общественные объединения и образовательные организации, а также при распространении информации указанным лицом через средства массовой информации [18]. Схожая норма содержится в ст. 25.1 ФЗ «О средствах массовой информации», где сформулирована обязанность указания статуса иностранного агента, если материалы или сообщения созданы или распространены таким лицом [19].

К допустимым методам лоббирования, полагаем, можно отнести антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, которая может проводиться гражданами и институтами гражданского общества, за исключением случаев, установленных ст. 5 ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых

актов и проектов нормативных правовых актов». Не допускается проведение независимой антикоррупционной экспертизы, если у лица имеется неснятая или непогашенная судимость, в отношении лица применялась мера взыскания в виде увольнения в связи с утратой доверия за коррупционное правонарушение и лицо было включено в реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия, на лицо возложена законом функция проведения антикоррупционной экспертизы, лицо выполняет функции иностранного агента, является иностранной или международной организацией [20]. Антикоррупционная экспертиза может использоваться преимущественно в целях воспрепятствования принятия нормативного правового акта или отдельных его положений, в которых содержатся коррупциогенные факторы.

Проведение и предоставление результатов исследований, экспертиз, изучение и обнародование данных о состоянии общественного мнения могут быть еще одним допустимым методом лоббизма, например при использовании указанных результатов в пояснительных записках и финансово-экономических обоснованиях к законопроектам. Согласно ст. 105 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, пояснительная записка и финансово-экономическое обоснование являются обязательными документами, которые прилагаются к тексту законопроекта [21]. В этой связи информация и данные, используемые в указанных документах, являются способами продвижения законопроектов. Не зря в руководящих принципах законотворческого процесса Великобритании отмечается, что качественно подготовленная пояснительная записка имеет позитивную роль и увеличивает шансы прохождения законопроекта [22. С. 40]. Если же обратиться к текстам таких документов, можно встретить различные формы обоснования предлагаемых законопроектов, например ссылки на результаты проведенных исследований, статистические данные и даже изученный зарубежный опыт.

Так, в финансово-экономическом обосновании законопроекта № 1153952-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера”» используются данные МВД о количестве иностранных граждан и лиц без гражданства, проживающих на территории Российской Федерации, а также данные о количестве лиц, пострадавших в чрезвычайных ситуациях, без ссылки на источник указанных данных. В пояснительной записке к законопроекту № 599584-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» отмечается опыт правовых систем зарубежных стран, при этом разработчиками пояснительной записки не указывается, о каких странах идет речь. В пояснительной записке к законопроекту № 606539-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения требований к распространению рекламы алкогольной продукции» обосновываются доводы об отсутствии влияния рекламы на рост объема потребления алкоголя ссылкой на проведенное исследование компанией International Marketing Reports (IMR).

Касательно опубликования данных о состоянии общественного мнения существует позиция, что такая информация свидетельствует о степени демократизации общества, а также оказывает непосредственное влияние на правотворческие решения в части разработки нормативного правового акта, отвечающего общественным потребностям [23. С. 25].

Следует обратить внимание на участие в работе экспертных советов при комитетах законодательных органов власти, так как в ходе осуществления данной деятельности может возникнуть возможность оказания влияния на принимаемое (разрабатываемое) правотворческое решение. Так, члены экспертных советов комитетов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (далее экспертный совет) непосредственно рассматривают и оценивают предложения по совершенствованию законодательства, участвуют в разработке федеральных целевых программ, текстов концепций проектов федеральных законов. В этой связи у членов экспертных советов возникает возможность оказания влияния на тексты тех правотворческих решений, к работе над которыми они непосредственно привлечены. Проблемным аспектом является процедура формирования таких экспертных советов, поскольку законодательно она не урегулирована, в результате чего возникает вероятность включения в их состав только тех лиц, которые заинтересованы в принятии определенных правотворческих решений, что может необоснованно исключить из процесса лоббизма остальные группы интересов, лишит их возможности в равной степени отстаивать собственные интересы. Соответственно, допустимым методом можно рассматривать деятельность членов экспертных советов, участвующих наравне с другими группами интересов в работе над концепциями проектов федеральных законов.

Соответственно, в качестве основных допустимых методов лоббизма можно рассматривать обращения (предложения) по совершенствованию действующего законодательства, распространение материалов через средства массовой информации, независимую антикоррупционную экспертизу, проведение и предоставление результатов различных исследований с целью оказания влияния на принимаемое правотворческое решение, а также включение в состав экспертных советов разнообразных групп интересов.

К недопустимым методам лоббизма, на наш взгляд, следует отнести деяния, нарушающие нормы уголовного, административного и служебного законодательства, а также нормы нравственности и морали. Совершение преступлений или административных правонарушений с целью оказания воздействия на принятие или блокировку правотворческих решений, будь то применение насилия (физического или психического) или подкуп должностного лица, является недопустимым противоправным методом лоббизма.

Некоторые аморальные деяния, напрямую не запрещенные действующим законодательством, следует рассматривать как методы недопустимого лоббизма, например, если речь идет о фальсификации или искажении результатов проведенных исследований, фальсификации или искажении данных о состоянии общественно-

го мнения, при том условии, что указанные деяния не образуют состав административного правонарушения, предусмотренного п. 9–11 ст. 13.15 КоАП, или состав преступления, предусмотренного ст. 207.1, 207.2 УК РФ. Ранее отмечалось, результаты различных исследований, данных о состоянии общественного мнения могут использоваться в процессе лоббизма, соответственно, намеренное искажение указанной информации или данных необходимо рассматривать как метод недопустимого лоббизма.

Недопустимой, на наш взгляд, является также ситуация, при которой к работе над концепцией проекта нормативного правового акта в качестве членов экспертного совета целенаправленно привлекаются только представители одной группы интересов, которые заинтересованы в принятии конкретного правотворческого решения, например ввиду наличия конфликта интересов, т.е. возможности получения выгоды имущественного характера в свою пользу, в пользу близких лиц или лиц, связанных с указанным лицом имущественными, корпоративными или иными близкими отношениями. Стоит также отметить, что антикоррупционные требования, запреты и ограничения на указанную категорию лиц не распространяются.

Обобщая сказанное, недопустимыми методами лоббизма являются преступления, правонарушения и деяния, нарушающие нормы нравственности и морали, осуществляемые с целью оказания влияния на принимаемое правотворческое решение. Кроме того, недопустимым является намеренное включение в экспертные советы представителей только группы интересов, заинтересованной в принятии конкретного правотворческого решения.

Вместе с тем высказываются предположения, что из процесса лоббизма необходимо также временно исключить бывших государственных и муниципальных служащих, а также лиц, замещавших государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности после ухода со службы или освобождения замещаемой должности. Указанное правило закреплено уже в законодательстве некоторых иностранных государств. Например, в Канаде существует пятилетний запрет на работу в качестве лоббиста или компаниях, предоставляющих услуги по лоббизму, бывшим государственным служащим высокого ранга (министрам, сотрудникам министерств и иным старшим государственным служащим) после увольнения из органов власти [24. С. 164]. Данное предложение обусловлено наличием тесных связей с действующими государственными служащими, а также лицами, замещающими государственные или муниципальные должности. Наличие контактов, личные знакомства и даже дружеские отношения с бывшими коллегами могут создать определенные преимущества в процессе лоббизма. Кроме того, это может придать лоббизму скрытый характер, сделать его неподотчетным общественности, в конечном итоге привести к коррупционному лоббизму.

Необходимо также обратить внимание на позицию ГРЕКО (англ. *Group of States Against Corruption*), сформулированную в заключительном оценочном раунде предупреждения коррупции в России среди

членов парламента, судей и прокуроров (п. 63–66) [25. С. 25–26], а также на позицию Трансперенси Интернешнл (Transparency International) о коррупционных рисках в сфере лоббизма [26. С. 15]. В частности, отмечается коррупционный риск, связанный с деятельностью советников Председателя комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, работающих на общественных началах (далее советник на общественных началах), в связи с тем, что статус советников на общественных началах не урегулирован, в то время как в их сферу деятельности входит экспертная поддержка при работе над законопроектами, предполагающая взаимодействие с членами комитетов, ввиду чего возникает возможность продвижения интересов, вытекающая из бесконтрольных встреч с парламентариями [27]. Кроме того, процедура назначения советников на общественных началах не носит публичный характер.

Обращается внимание также на коррупционный риск, связанный широкими полномочиями Председателя комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. В полномочия Председателя комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации входит возможность изменения сроков и очередности рассмотрения законопроектов [27]. Указанные полномочия позволяют единолично принимать решения о сроках и очередности рассмотрения законопроектов, вследствие чего возникает риск использования данных полномочий в корыстных целях.

Соответственно, существует потребность в разработке правил, временно ограничивающих лоббизм со стороны бывших государственных и муниципальных служащих, лиц, замещавших государственные должности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальные должности. Кроме того, нуждаются в доработке правила регулирующих статус советников на общественных началах, а также механизмы контроля над полномочиями Председателя комитетов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

В заключение отметим, что лоббизм является распространенным социальным политико-правовым явлением. На сегодняшний день распространены как позитивные, так и негативные проявления лоббизма, в том числе и коррупционные. Коррупционный лоббизм является крайне нежелательным явлением, поскольку может повлечь негативные последствия для личности, общества и государства. В этой связи существует острая необходимость в разработке мер против коррупционного лоббизма. В качестве одного из способов противодействия коррупционному лоббизму предлагаем разработку систему мер безопасности, основывающуюся на принципе коллаборации разрешительных и запретительных норм. Основной акцент следует сделать на регулировании лоббизма, а именно: закрепить определение «лоббизм», установить допустимые и недопустимые методы лоббизма, урегулировать статус и полномочия некоторых субъектов лоббистской деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/>
2. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор / Ю.М. Антонян, Д.А. Бражников, М.В. Гончарова и др. М. : ВНИИ МВД России, 2018. 86 с.
3. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.
4. Информация для анализа показателей состояния экономической безопасности Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/besopasn/pok-besopasn.htm
5. Зырянова И.А. К вопросу о понятии коррупционного правонарушения в избирательном процессе // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 192–195.
6. Хабриева Т.Я. Научно-правовые проблемы противодействия коррупции // Журнал российского права. 2012. № 7 (187). С. 7–14.
7. Романовский Г.Б. Проблемы противодействия коррупции: право и криминология // Наука. Общество. Государство. 2015. № 4. С. 1–6.
8. Номоконов В.А. О криминогенности российской политики в сфере борьбы с преступностью // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 3. С. 438–446.
9. Шестаков Д.А. Преступный закон как парадокс криминологии закона // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 20. С. 17–29.
10. Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности: монография / под ред. Н.В. Щедрина. Красноярск : СФУ, 2010. 323 с.
11. Гилинский Я. Запрет как криминогенный (девиантогенный) фактор // Российский криминологический взгляд. 2009. № 3. С. 302–311.
12. Спектор Е.И. Особенности и перспективы правового регулирования лоббизма в России // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 12–20.
13. Шмидт О.Ю. Большая советская энциклопедия. Т. 22: Джуца – Договор торговый. М. : Книга по Требованию, 2012. 440 с.
14. Автономов А.С. Правовая онтология политики. К построению системы категорий. М. : ИНФОГРАФ, 1999. 384 с.
15. Ирхин Ю.В. Группы давления // Политология. М., 1996.
16. Любимов А.П. Конституционно-правовые основы формирования лоббистских отношений в открытом обществе (антикоррупционный проект). М. : Издание Государственной Думы, 2000.
17. Любимов А.П. История лоббизма в России. М., 2005. 208 с.
18. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7597.
19. О средствах массовой информации: Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 01.01.2020) // Ведомости СНД и ВС РФ. 13.02.1992. № 7. Ст. 300.
20. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ (в ред. от 11.10.2018) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.
21. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22.01.1998 № 2134-II ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 801.
22. Маслов А.О. К вопросу о роли пояснительной записки в законодательном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 10 (71). С. 38–47.
23. Кибак И.А. Общественное мнение и законодательская деятельность // Общество и право. 2011. №2 (34). С. 24–29.

24. Кремянская Е.А. Правовые аспекты регулирования лоббизма в Соединённых штатах Америки и Канаде // Вестник МГИМО. 2014. № 2 (35). С. 161–168.
25. Оценочный доклад ГРЕКО (четвёртый раунд оценки). Предупреждение коррупции в отношении членов парламента, судей, прокуроров // Совет Европы. URL: <https://rm.coe.int/grecoeval4rep-2017-2-rus-4-pdf/1680794c51>
26. Анализ выполнения Россией рекомендаций Группы государств против коррупции (ГРЕКО) по внедрению международных стандартов. IV раунд / А.А. Лапунова, М.А. Логвинова, Г.В. Машанов ; под ред. И.В. Шуманова. М., 2019. 145 с.
27. Лоббисты «Ростеха», «Газпрома» и крупнейшего агрохолдинга Татарстана руководят профильными комитетами Госдумы // Трансперенс Интернешнл Россия. URL: <https://lobbying.transparency.org.ru/komiteti/?yclid=2224731937407799330>

Статья представлена научной редакцией «Право» 10 августа 2021 г.

Revisiting the Main Ways of Lobbying Regulation as a Security Measure Against Corruption Lobbying

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 211–217.

DOI: 10.17223/15617793/473/26

Petr A. Vyrva, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: pyvrva@sfu-kras.ru

Keywords: lobbying; corruption lobbying; lobbying regulation; corruption combating; security measure.

The article analyses the political and legal phenomenon of lobbying, and corruption lobbying as its most destructive and dangerous deviance along with the negative consequences of the latter. Nowadays, lobbying in Russia remains unregulated, which causes problems in drawing a line between acceptable and unacceptable lobbying, and in preventing unacceptable lobbying. In order to prevent unacceptable and corruption lobbying, the author hypothesized that a system of permissive and prohibitive measures, with the focus on permissive measures, should be used. He proposes to define legislatively the concept “lobbying”, to regulate acceptable and unacceptable methods of lobbying, to control the status of some persons, whose powers may be used in bad faith in lobbying. The author identifies the attributes of lobbying, and on the basis of these attributes formulates the concept “lobbying”, which means a social and legal phenomenon, in which a person or entity uses certain methods to make an attempt to influence central or local authorities with the purpose of promoting or blocking certain law-making decisions. The following methods of lobbying are proposed as acceptable: citizen petition; information distribution in all media; independent anticorruption examination of legal acts and draft laws; research; social research and presentation of its results in order to influence certain law-making decisions. The following methods of lobbying are proposed as unacceptable: commission of offences and indecent acts in order to influence certain law-making decisions; formation of expert councils under the committees of legislative bodies from representatives of one interest group. The author also examines possible corruption risks associated with the activities of former public officials and proposes to suspend these persons from lobbying. The author notes the absence of rules controlling the unpaid advisors to the chairs of committees of the State Duma of the RF Federal Assembly and the possibility of an unfair use of these unpaid advisors’ powers in lobbying. The issue of an unfair use of the powers of the chairs of committees of the State Duma is also considered.

REFERENCES

1. The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (2021) *Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii za yanvar’ – dekabr’ 2020 goda* [Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January – December 2020]. [Online] Available from: <https://mvd.rf/reports/item/22678184/>.
2. Antonyan, Yu.M. et al. (2018) *Kompleksnyy analiz sostoyaniya prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii i raschetnye varianty ee razvitiya: analiticheskiy obzor* [A Comprehensive Analysis of the State of Crime in the Russian Federation and Calculated Variants of its Development: An analytical review]. Moscow: VNI MVD Rossii.
3. Russian Federation. (2017) Ukaz Prezidenta RF ot 13 maya 2017 g. № 208 “O Strategii ekonomicheskoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda” [Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017, No. 208 “On the Strategy of economic security of the Russian Federation for the period up to 2030”]. *Sobranie zakonodatel’stva RF*. 20. Article 2902.
4. Federal State Statistics Service. (n.d.) *Informatsiya dlya analiza pokazateley sostoyaniya ekonomicheskoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii* [Information for the analysis of indicators of the state of economic security of the Russian Federation]. [Online] Available from: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/besopasn/pok-besopasn.htm.
5. Zyryanova, I.A. (2014) To the question of the concept of corruption offense in electoral process. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta – The Bryansk State University Herald*. 2. pp. 192–195. (In Russian).
6. Khabrieva, T.Ya. (2012) Nauchno-pravovye problemy protivodeystviya korruptsii [Scientific and legal problems of combating corruption]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 7 (187). pp. 7–14.
7. Romanovskiy, G.B. (2015) Anti-corruption activity problems: law and criminology. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo – Science. Society. State*. 4. pp. 1–6. (In Russian).
8. Nomokonov, V.A. (2016) On the criminal character of Russian policy in the sphere of fighting crime. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 3 (10). pp. 438–446. (In Russian).
9. Shestakov, D.A. (2011) Prestupnyy zakon kak paradoks kriminologii zakona [Criminal law as a paradox of criminology of law]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*. 1 (20). pp. 17–29.
10. Shchedrin, N.V. (ed.) (2010) *Kontseptual’no-teoreticheskie osnovy pravovogo regulirovaniya i primeneniya mer bezopasnosti* [Conceptual and Theoretical Foundations of Legal Regulation and Application of Security Measures: Monograph]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
11. Gilinskiy, Ya. (2009) Prohibition as a criminogenic (deviantogenic) factor. *Rossiyskiy kriminologicheskiy vzglyad – Russian Criminological Outlook*. 3. pp. 302–311. (In Russian).
12. Spektor, E.I. (2016) Features and perspectives of legal regulation of lobbying in Russia. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 11. pp. 12–20. (In Russian). DOI: 10.12737/21986
13. Shmidt, O.Yu. (2012) *Bol’shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. Vol. 22. Moscow: Kniga po Trebovaniyu.
14. Avtonomov, A.S. (1999) *Pravovaya ontologiya politiki. K postroeniyu sistemy kategoriy* [Legal Ontology of Politics. To the construction of a system of categories]. Moscow: INFOGRAF.
15. Irkhin, Yu.V. (1996) *Politologiya* [Political science]. Moscow: RUDN University.
16. Lyubimov, A.P. (2000) *Konstitutsionno-pravovye osnovy formirovaniya lobbistskikh otnosheniy v otkrytom obshchestve (antikorrupsionnyy projekt)* [Constitutional and Legal Foundations of the Formation of Lobbying Relations in an Open Society (Anti-corruption project)]. Moscow: Izdanie Gosudarstvennoy Dumy.
17. Lyubimov, A.P. (2005) *Istoriya lobbizma v Rossii* [History of Lobbying in Russia]. Moscow: Fond liberal’nyaya missiya.
18. Russian Federation. (2012) O merakh vozdeystviya na lits, prichastnykh k narusheniyam osnovopolagayushchikh prav i svobod cheloveka, prav i svobod grazhdan Rossiyskoy Federatsii: Federal’nyy zakon ot 28 dekabrya 2012 g. № 272-FZ (red. ot 30.12.2020) [On measures of influence on

persons involved in violations of fundamental human rights and freedoms, the rights and freedoms of citizens of the Russian Federation: Federal Law No. 272-FZ of December 28, 2012 (as amended on December 30, 2020)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 53. Part 1. Article 7597.

19. Vedomosti SND i VS RF. (2020) O sredstvakh massovoy informatsii: Zakon Rossiyskoy Federatsii ot 27.12.1991 № 2124-1 (red. ot 01.01.2020) [On Mass Media: Law of the Russian Federation No. 2124-1 of 27.12.1991 (as amended on 01.01.2020)]. *Vedomosti SND i VS RF*. 7. Article 300.
20. Russian Federation. (2009) Ob antikorrupsionnoy ekspertize normativnykh pravovykh aktov i proektov normativnykh pravovykh aktov: Federal'nyy zakon ot 17 iyulya 2009 g. № 172-FZ (v red. ot 11.10.2018) [On anti-corruption expertise of regulatory legal acts and Draft regulatory legal acts: Federal Law No. 172-FZ of July 17, 2009 (as amended on October 11, 2018)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 29. Article 3609.
21. Russian Federation. (1998) Postanovlenie Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii ot 22.01.1998 № 2134-II GD "O Reglamente Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii" [Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of January 22, 1998, No. 2134-II of the State Duma "On the Regulations of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 7. Article 801.
22. Maslov, A.O. (2016) The role of an explanatory note in legislative process. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 10 (71). pp. 38–47. (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2016.71.10.038-047
23. Kibak, I.A. (2011) Obshchestvennoe mnenie i zakonotvorcheskaya deyatel'nost' [Public opinion and legislative activity]. *Obshchestvo i pravo – Society and Law*. 2 (34). pp. 24–29.
24. Kremyanskaya, E.A. (2014) Legal aspects of regulating lobbying in the United States of America and Canada. *Vestnik MGIMO – MGIMO Review of International Relations*. 2 (35). pp. 161–168. (In Russian).
25. Council of Europe. (2017) *Otsnochnyy doklad GREKO (chetvrtyy raund otsenki). Preduprezhdenie korrupsii v otnoshenii chlenov parlamenta, sudey, prokurorov* [Evaluation report of GRECO (fourth round of evaluation). Prevention of corruption against members of Parliament, judges, prosecutors]. [Online] Available from: <https://rm.coe.int/grecoeval4rep-2017-2-rus-4-pdf/1680794c51>.
26. Shumanov, I.V. (ed.) (2019) *Analiz vypolneniya Rossiey rekomendatsiy Gruppy gosudarstv protiv korrupsii (GREKO) po vnedreniyu mezhdunarodnykh standartov. IV raund* [Analysis of Russia's implementation of the recommendations of the Group of States against Corruption (GRECO) on the implementation of international standards. IV round]. Moscow: [s.n.].
27. Transparency International. Russia. (2019) *Lobbisty "Rostekha", "Gazproma" i krupneishhego agrokholdinga Tatarstana rukovodyat profil'nymi komitetami Gosdumy* [Lobbyists of Rostec, Gazprom and the largest agricultural holding of Tatarstan manage the profile committees of the State Duma]. [Online] Available from: <https://lobbying.transparency.org.ru/komiteti/?yclid=2224731937407799330>.

Received: 10 August 2021

СИСТЕМА СПОСОБОВ ПРИОБРЕТЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

Исследованы способы приобретения права собственности в возникающем или изменяющемся правоотношении собственности. Подвергнуты анализу существующие подходы к юридической квалификации способов приобретения права собственности в качестве первоначальных и производных. Охарактеризованы отдельные способы приобретения права собственности, выстроена их научная система.

Ключевые слова: способы приобретения права собственности; основания возникновения правоотношения собственности; основания изменения правоотношения собственности

Право собственности приобретает посредством различных действий, многообразие которых делает важной их безупречную систематизацию. Неслучайно попытки упорядочения способов приобретения собственности, известные уже римскому частному праву, по сей день предпринимаются в цивилистической науке. Прежде всего, актуальностью обладает вопрос о соотношении понятий «способ приобретения права собственности» и «основание возникновения права собственности», которым традиционно обозначается порождающий правоотношение собственности юридический факт. Некоторые ученые отождествляют указанные понятия, рассматривая их в качестве синонимов [1. С. 392]. Исследователи, считающие необходимым разделять основания и способы приобретения права собственности, предлагают в этих целях разные критерии.

Существует мнение, что способы приобретения права собственности есть фактические действия, совершение которых требуется наряду с юридическими фактами для приобретения права собственности [2. С. 100]. Однако отличить такие фактические действия от юридических фактов в ряде случаев оказывается практически невозможно (например, в качестве способа приобретения права собственности называется завладение, которое является односторонней сделкой, т.е. юридическим фактом). Поэтому большинство сторонников данного направления вполне логично наделяют способы приобретения права собственности юридическими свойствами.

По утверждению Е.А. Суханова, основаниями возникновения права собственности являются правопорождающие юридические факты, а способами приобретения права собственности – правоотношения, возникшие на основе соответствующих юридических фактов [3. С. 38–39]. Способы приобретения права собственности рассматриваются также в качестве юридических фактов, а именно правомерных действий, выражающих волю субъекта стать собственником вещи [4. С. 137].

Не менее сложной является проблема разграничения первоначальных и производных способов приобретения права собственности: одни цивилисты придерживаются волевого критерия [1. С. 404–405], другие принимают за основу признак правопреимства [5. С. 310–321].

Чтобы оставаться точным до конца, необходимо вести речь об основаниях возникновения *правоотно-*

шения собственности, в содержание которого входит *право* собственности. Ведь юридический факт влечет за собой движение правовой связи в целом. Такая, казалось бы, чисто терминологическая и ничего не значащая мелочь заставляет задуматься над следующим вопросом: почему применительно к правоотношению собственности принято говорить только о его возникновении и прекращении, умалчивая об изменении? Поиск ответа на данный вопрос приводит к мысли, имеющей для настоящего исследования поистине методологическое значение: во многих случаях приобретения права собственности наблюдается отнюдь *не возникновение*, а *изменение* правоотношения собственности [5. С. 311].

Следует отметить, что понятие изменения гражданского правоотношения воспринимается в науке далеко неоднозначно. Встречаются подходы, как вовсе отрицающие возможность изменения гражданского правоотношения [6. С. 556–557], так и по-разному определяющие набор изменяемых элементов [7. С. 149].

Не вдаваясь в подробности данной дискуссии, сосредоточим внимание на той ее части, которая касается случаев так называемого *внешнего* изменения правоотношения (изменения правоотношения вследствие универсального или сингулярного правопреимства).

Существует концепция, не признающая правопреимство изменением гражданского правоотношения.

Р.П. Мананкова полагает, что изменение в субъектном составе влечет прекращение правоотношения, поскольку изменение правоотношения как стадия его развития может иметь место только при неизменном составе участников [8. С. 158].

Позволим себе не согласиться с этим утверждением. По сути, оно связано с отрицанием в определенной мере правопреимства как такового. Между тем понятие правопреимства в смысле перехода прав и обязанностей от одного субъекта к другому широко применяется законодателем в целях регулирования имущественных отношений, составляющих предмет гражданского права. К примеру, без использования указанного понятия было бы невозможно объяснить сущность наследования имущества умершего или реорганизации юридического лица. Любопытно, что О.С. Иоффе в противоположность приведенному взгляду признавал изменением обязательственной связи только перемену ее субъектов [9. С. 227–228].

Признается правопреимство основанием изменения гражданского правоотношения и другими извест-

ными цивилистами. Б.Б. Черепяхин подчеркивал, что в изменяемом правоотношении при переходе субъективного права происходит замена активного субъекта, а при переходе обязанности – пассивного субъекта, причем в обоих случаях юридическая характеристика права и обязанности остается неизменной [5. С. 311]. О.А. Красавчиков выделил два направления изменения правоотношения – по линии содержания и по линии субъектов [10. С. 129]. Б.Л. Хаскельберг применительно к сделкам об отчуждении имущества указывал, что их сущность состоит в перенесении на приобретателя права собственности, означающем правопреемство, основанное на договоре [11. С. 124].

Как известно, перечень, содержание вещных прав, основания их возникновения и прекращения определяются законом. Необходимо признать, что вещно-правовая связь способна подвергаться изменению вследствие перемены лиц на ее управомоченной стороне. И если случаи возникновения (прекращения) права собственности устанавливаются исчерпывающим образом, то изменение правоотношения собственности возможно также на основании непоименованных сделок.

Все основания возникновения правоотношения собственности по поводу новой вещи или вещи, имеющей собственника, предусматриваются исключительно законом. Когда из юридических норм определенно вытекает, что право собственности на вещь, имеющую собственника, приобретается другим лицом *без правопреемства*, тогда бессмысленно говорить о производности правоприсвоения. При производном приобретении наблюдается не возникновение правоотношения собственности, а его *изменение по линии субъектов*, что, к сожалению, не всегда учитывается в цивилистической литературе по данному вопросу.

Так, распространено мнение, что большинство фактов и составов, выступающих основаниями возникновения права собственности, в то же время играют роль оснований прекращения права собственности [4. С. 117].

Между тем, как будет показано ниже, многие юридические факты, признаваемые в доктрине одновременно основаниями возникновения права собственности у одного субъекта и основаниями прекращения права собственности у другого субъекта, на самом деле влекут за собой изменение правоотношения собственности. Вряд ли найдутся веские аргументы в пользу вывода о прекращении права, входящего в содержание *сохраняющейся* юридической связи.

Возникнув, правоотношение собственности прекращается лишь в случаях: 1) гибели или уничтожения вещи, являющейся объектом права собственности (*фактическое прекращение*); 2) когда из закона следует, что право собственности на вещь приобретается другим лицом без правопреемства (*юридическое прекращение*). Во втором случае и наблюдается приобретение права собственности на вещь, имеющую собственника, во вновь возникающем правоотношении собственности.

Действия по приобретению права собственности выступают основаниями движения правоотношения

собственности сами по себе либо в единстве с другими обстоятельствами, играя роль ключевого (ведущего) элемента юридического состава, так как *решающим* образом определяют судьбу вещи.

Например, для перехода имущества, включая право собственности, в порядке наследования недостаточно составления завещания или заключения наследственного договора, а также смерти наследодателя. Требуется принятие наследства как односторонняя сделка, совершаемая наследником после смерти наследодателя.

Следовательно, основания возникновения права собственности – это юридические факты (юридические составы), порождающие или изменяющие правоотношение собственности. «Первоначальных» и «производных» оснований возникновения права собственности не существует, поскольку речь идет о *движении* юридической связи. Другое дело, что при возникновении или изменении правоотношения собственности субъект приобретает право определенными *способами*. Такие способы уже требуется подразделять на первоначальные и производные.

Способ деятельности представляет собой ее мыслимое направление, предусматривающее, какие действия, когда и как необходимо совершить для достижения поставленной субъектом цели.

В этой связи заслуживает внимания научная позиция, в силу которой способами приобретения права собственности являются закрепленные нормами права идеальные модели, описывающие, какие юридические факты и в какой последовательности должны иметь место для появления основания приобретения права собственности [12. С. 33]. Однако данная позиция требует некоторых уточнений.

Во-первых, способ приобретения права собственности предполагает не любой юридический факт, а только действие, которое приводит к установлению права собственности лица на вещь в возникающем или изменяющемся правоотношении собственности.

Во-вторых, действие, на которое указывает способ, совершается приобретающим право субъектом (в том числе через представителя). Действия одного лица, если оно не является законным или добровольным представителем, не могут привести к возникновению права собственности у другого лица без совершения последним со своей стороны действия по приобретению права. Например, в силу п. 1 ст. 219 ГК РФ право собственности на вещь, изготовленную лицом путем переработки не принадлежащих ему материалов, приобретается собственником материалов не автоматически, а посредством совершаемого по свободному усмотрению акта присвоения новой вещи.

В-третьих, действие, предусмотренное способом приобретения права собственности, требуется отнюдь не для появления оснований приобретения права собственности, но в целях такого приобретения. Рассматриваемое действие само по себе или в качестве элемента юридического состава приводит к возникновению (изменению) правоотношения собственности.

Таким образом, способ приобретения права собственности – это *предназначенная для данной группы случаев нормативная модель действия, лежащего в*

основании возникновения или изменения правоотношения собственности. Способ приобретения права собственности предусматривает, какие и когда действия должны быть совершены заинтересованным лицом для установления своего права собственности на вещь в возникающем или изменяющемся правоотношении собственности. Соответствующие действия после их совершения становятся юридическими фактами, которые самостоятельно либо в единстве с другими обстоятельствами порождают (изменяют) правоотношение собственности. В фактическом составе это ключевые элементы, т.е. действия, которые решающим образом определяют судьбу вещи. Юридических фактов, приводящих к возникновению (изменению) правоотношения собственности помимо действий лица, которое в данном правоотношении становится управомоченным субъектом (заступает на место управомоченного субъекта), не существует. Поэтому все мыслимые случаи возникновения (изменения) правоотношения собственности укладываются в рамки известных способов приобретения права собственности.

Первоначальные способы приобретения права собственности описывают действия, лежащие в основании возникновения правоотношения собственности (действия, посредством которых приобретает право собственности в *возникающем* правоотношении собственности). В противоположность этому *производные* способы приобретения права собственности представляют собой модели действий, находящихся в основании изменения правоотношения собственности (действий, посредством которых приобретает право собственности в *изменяющемся* правоотношении собственности). В дальнейшем условно, для удобства изложения, способом приобретения права собственности обозначается само действие, на которое данный способ указывает как на основание возникновения или изменения правоотношения собственности.

Среди первоначальных способов приобретения права собственности выделяются *результативные действия* (изготовление вещи, в том числе посредством переработки собственных материалов; получение в результате использования имущества плодов, продукции, доходов) и *юридический акт* (односторонняя сделка по обращению в собственность новой, бесхозной или чужой вещи, включая присвоение собственником материалов вещи, изготовленной другим лицом, – завладение).

Транслятивное правоприобретение предполагает волю приобретающего право субъекта, который осознанно принимает это право на себя. Приобретение права собственности в порядке правопреемства во всех случаях осуществляется на основании *юридического акта* – частноправового (сделки) или публично-правового (правоприменительного акта). Соответствующий юридический акт может входить и в изменяющий правоотношение собственности фактический состав, где в интересующем нас плане играет роль ключевого элемента.

Производное приобретение права собственности – это правомерное, волевое, целенаправленное действие вступающего в правоотношение собственности субъекта взамен выбывающего субъекта. Оно совершается

приобретающим вещь лицом либо независимо от предыдущего собственника, либо совместно с предыдущим собственником как отчуждающим вещь лицом. Соответственно, различаются две группы производных способов приобретения права собственности: односторонний юридический акт (односторонняя сделка или правоприменительный акт) и двух-, многосторонний юридический акт (договор).

К числу односторонних сделок по приобретению права собственности в изменяющемся правоотношении собственности относятся *принятие наследства* и *оставление кредитором вещи за собой при обращении на нее взыскания*.

Для перехода в порядке наследования права собственности требуется юридический состав, ключевым элементом которого является принятие наследства как односторонняя сделка наследника.

Оставление кредитором вещи за собой при обращении взыскания производится в случае признания несостоявшимися торгов по ее реализации либо в иных случаях, предусмотренных законом (см., например, абз. 2 п. 2 ст. 350.1, п. 5 ст. 350.2 ГК РФ). При обращении взыскания на вещь в ходе исполнительного производства рассматриваемая сделка совершается кредитором (взыскателем) под контролем судебного пристава-исполнителя (ст. 87, 87.2, п. 3 ст. 92 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «Об исполнительном производстве»).

Правоприменительным актом, приводящим к приобретению права собственности в изменяющемся по линии субъектов правоотношении собственности, является *изъятие вещи в ходе ее национализации, реквизиции, конфискации*. Право собственности в данных случаях переходит, если им обладает лицо, у которого вещь изымается. Как правильно отмечается в литературе, приобретение права собственности в результате национализации, реквизиции и конфискации возможно постольку, поскольку ранее это имущество выступало объектом права частной собственности конкретных лиц [13. С. 61].

Изъятие вещи при национализации и реквизиции наряду с приобретением права собственности приводит к возникновению одностороннего обязательства публично-правового образования выплатить бывшему собственнику компенсацию в соответствии с абз. 14 п. 2 ст. 235, п. 1 ст. 242 ГК РФ [14. С. 65]. Между указанными субъектами не заключается договор купли-продажи [15. С. 4].

Конфискация носит безвозмездный характер, а поэтому не порождает какого-либо обязательства в пользу собственника изымаемой вещи. Безвозмездно вещь может изыматься также с целью ее уничтожения (см., например, п. 2 ст. 152.1, п. 4 и 5 ст. 1252 ГК РФ) – имеется в виду не конфискация, а *прекращение* права собственности на вещь, которая в собственность другого лица не поступает.

Как видно, при национализации, реквизиции, конфискации право собственности переходит к публичному собственнику в *изменяющейся* по линии субъектов юридической связи. В силу ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации прекращение в данных случаях правоотношения собственности могло бы

предусматриваться только законом (например, законом о национализации). Тогда не будет изменения правоотношения собственности и, как следствие, правопреемства, т.е. придется вести речь уже о первоначальном способе приобретения права собственности в правоотношении, *возникающем* по поводу принудительно отчужденной у предыдущего собственника вещи. Такое наблюдалось, например, после Октябрьской революции, когда имущество национализировалось «экспроприация экспроприаторов»), но и без каких-либо обременений (по существу здесь новая вещь как объект права, поскольку она юридически чистая).

Способом приобретения права собственности по договору является не передача имущества (*traditio*), правовая природа которой как исполнения обязательства продолжает вызывать споры, а сам *договор*, в рамках которого осуществляется такая передача. Данный подход позволяет объяснить приобретение права собственности по обеим известным моделям – традиционной и консенсуальной.

Специальными случаями приобретения права собственности по договору следует считать *приобретение вещи в связи с реорганизацией юридического лица, принудительным отчуждением, приватизацией имущества*, а также *выкуп вещи*.

В ходе реорганизации юридического лица в форме слияния или присоединения права и обязанности передаются созданному в результате реорганизации юридическому лицу в соответствии с договором (см., например, п. 2 ст. 16, п. 2 ст. 17 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 24.02.2021) «Об акционерных обществах»). Согласованную с реорганизованным юридическим лицом волю образуемых вследствие разделения (выделения) юридических лиц на приобретение права собственности выражает принятое решение о реорганизации. В отличие от этого реорганизация юридического лица в форме преобразования не влечет за собой движения правоотношения собственности, поскольку в силу абз. 1 п. 5 ст. 58 ГК РФ права и обязанности такого субъекта в отношении других лиц не изменяются.

При принудительном отчуждении вещи продавцом на публичных торгах выступает уполномоченный орган, который обязан передать собственнику полученные от приобретателя денежные средства за вычетом расходов, понесенных в связи с реализацией (при обращении взыскания на вещь по обязательствам собственника вырученные от продажи денежные средства сначала направляются на удовлетворение требований кредиторов). Иначе пришлось бы неразумно полагать, что принудительное отчуждение осуществляется по воле собственника отчуждаемой вещи, выраженной в договоре с приобретателем. Принудительным отчуждением являются: обращение взыскания на имущество по обязательствам (ст. 237 ГК РФ); отчуждение имущества, которое в силу закона не может принадлежать данному лицу (ст. 238 ГК РФ); отчуждение недвижимого имущества в связи с изъятием земельного участка ввиду его ненадлежащего использования (ст. 239 ГК РФ); отчуждение объекта незавершенного строительства в связи с прекращением

действия договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности (ст. 239.1 ГК РФ); продажа с публичных торгов бесхозяйственно содержимых культурных ценностей (ст. 240 ГК РФ); изъятие земельного участка, не используемого по целевому назначению или используемого с нарушением законодательства Российской Федерации (ст. 285, п. 2 и 3 ст. 286 ГК РФ); прекращение права собственности на бесхозяйственно содержимое жилое помещение (ст. 293 ГК РФ).

В порядке приватизации вещь приобретается по возмездному или безвозмездному договору (в том числе заключаемому по результатам торгов), обязательному для публичного собственника.

Выкуп осуществляется по договору (соглашению о выкупе или изъятии), заключение которого обязательно для обеих сторон либо только для собственника (см., например, п. 3 ст. 239.2, п. 4 ст. 252, абз. 4 п. 2 ст. 272, п. 6 ст. 279, ст. 282, 240, 241 ГК РФ).

Таким образом, система способов приобретения права собственности предстает в следующем виде:

1) первоначальные способы приобретения права в возникающей юридической связи (результативные действия – изготовление вещи; получение в результате использования имущества плодов, продукции, доходов; односторонняя сделка – завладение);

2) производные способы приобретения права в изменяющейся юридической связи (договор; односторонние сделки – принятие наследства, оставление вещи за собой при обращении на нее взыскания; правоприменительный акт – изъятие вещи в ходе ее национализации, реквизиции, конфискации).

Правоотношение собственности прекращается в момент: 1) утраты права собственности вследствие гибели или уничтожения вещи (включая исчерпание права по причине потребления вещи); 2) первоначального приобретения права собственности на вещь другим лицом.

Право собственности может быть утрачено помимо воли его субъекта (в том числе в результате незнательных действий самого собственника, действий других лиц или стихийных сил природы). Также право собственности прекращается властным действием, приводящим в силу прямого указания закона к отпадению правоотношения собственности (например, безвозмездное изъятие вещи с целью ее уничтожения в случаях, предусмотренных п. 2 ст. 152.1, п. 4 и 5 ст. 1252 ГК РФ). Терминология «способ прекращения права собственности» здесь едва ли уместна, поскольку способом моделируется сознательная, целенаправленная деятельность самого обладателя права.

Во второй группе случаев наблюдается не столько прекращение права собственности, сколько его приобретение. Так, отказ от права собственности влечет за собой не прекращение этого права, а распространение на вещь правового режима бесхозяйного имущества, в рамках которого право собственности может быть приобретено другим лицом. В данных случаях правильно вести речь о способах приобретения права собственности лицом, которое становится собственником вещи во вновь возникающем правоотношении собственности.

Следовательно, имеющих самостоятельное юридическое значение способов прекращения права собственности не существует. Имеются только основания прекращения правоотношения собственности как юридические факты.

В настоящее время наблюдается нормативный парадокс. С одной стороны, гл. 14 ГК РФ, посвященная возникновению права собственности, охватывает основания не только возникновения, но и прекращения правоотношения собственности. С другой стороны, в гл. 15 ГК РФ, рассчитанной на случаи прекращения

права собственности, практически не содержится оснований прекращения правоотношения собственности, за исключением гибели или уничтожения имущества (п. 1 ст. 235 ГК РФ), изъятия имущества с целью уничтожения (п. 4 и 5 ст. 1252 ГК РФ). Остальные нормы гл. 15 ГК РФ предусматривают основания изменения правоотношения собственности. В этой связи *de lege ferenda* положения гл. 14 и 15 ГК РФ в ходе реформы вещного права целесообразно объединить в одну главу «Приобретение и прекращение права собственности».

ЛИТЕРАТУРА

1. Иоффе О.С. Избранные труды : в 4 т. Т. II: Советское гражданское право. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 511 с.
2. Себельдина Д.В. Способы и основания приобретения права собственности // Юридическая наука. 2016. № 6. С. 97–101.
3. Гражданское право : учебник : в 4 т. Т. II / под ред. Е.А. Суханова. М. : Волтерс Клувер, 2006. 496 с.
4. Белов В.А. Гражданское право : учебник : в 4 т. Т. III. М. : Юрайт, 2015. 319 с.
5. Черепашин Б.Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву // Труды по гражданскому праву. М. : Статут, 2001. С. 307–442.
6. Белов В.А. Гражданское право : в 4 т. Т. I. М. : Юрайт, 2014. 767 с.
7. Кархалев Д.Н. Охранительное гражданское правоотношение. М. : Статут, 2009. 332 с.
8. Мананкова Р.П. Правоотношение общей долевой собственности граждан по советскому законодательству. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. 214 с.
9. Иоффе О.С. Избранные труды : в 4 т. Т. III: Обязательственное право. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 837 с.
10. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве // Избранные труды : в 2 т. Т. 2. М. : Статут, 2005. С. 49–241.
11. Хаскельберг Б.Л. Об основании и моменте перехода права собственности на движимые вещи по договору // Правоведение. 2000. № 3. С. 121–132.
12. Лисаченко А.В. Приобретение права собственности : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 195 с.
13. Ходырев П.М. Понятие и виды оснований возникновения права собственности // Вестник Удмуртского университета. 2007. № 6. С. 57–62.
14. Богатина Ю.Г. Ограничение вещных прав в общих интересах: европейский опыт // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2020. № 2. С. 59–70.
15. Маленина М.Н. Отграничение договора купли-продажи от смежных правовых институтов // Гражданское право. 2015. № 6. С. 3–5.

Статья представлена научной редакцией «Право» 27 октября 2021 г.

The System of Methods for Acquiring Property Rights

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 218–223.

DOI: 10.17223/15617793/473/27

Vladislav V. Gruzdev, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation); Gruzdev and Partners Law Company (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: gruzvld@rambler.ru

Keywords: methods for acquiring property rights; grounds for emergence of legal relationship of ownership; grounds for changing legal relationship of ownership.

The object of the study is regularities of civil law regulation of public relations that arise during the acquisition of property rights; the regularities are considered in the dogmatic aspect. The study aims to identify the essence and system of methods of acquiring property rights as normative models of actions that underlie the emergence or change of the legal relationship of property. With this aim in mind, the following research objectives are set: to critically comprehend the existing approaches to the legal qualification of actions aimed at the acquisition of property rights; to identify and characterize the original and derivative ways of acquiring the right of ownership; to propose a system of methods known to the current legislation for acquiring the right of ownership. The methodological basis of the research consists in the application of general and specific scientific methods of cognition, including formal legal ones. As a result of the study, the following main conclusions are made. The method of acquiring the right of ownership is a normative model of the action underlying the emergence or change of the legal relationship of ownership intended for this group of cases. The method of acquiring the right of ownership provides for what (actions) and when must be performed by the interested person to establish their ownership of the thing in the emerging or changing legal relationship of ownership. The corresponding actions after their commission become legal facts, which independently or in unity with other circumstances generate (change) the legal relationship of property. In the actual composition, these are the key elements, i.e. actions that decisively determine the fate of the thing. The initial methods of acquiring property rights describe actions that underlie the emergence of a legal relationship of ownership (actions by which the right of ownership is acquired in the resulting legal relationship of ownership). The derivative methods of acquiring property rights are models of actions that are the basis of a change in the legal relationship of ownership (actions by which the right of ownership is acquired in a changing legal relationship of ownership). The system of methods for acquiring property rights is presented in the following form: 1) the initial methods of acquiring the right in the emerging legal connection (effective actions – production of the thing; receipt of fruits, products, income as a result of the use of property; unilateral transaction – possession); 2) the derivative methods of acquiring the right in a changing legal connection (contract; unilateral transactions – the acceptance of inheritance, keeping the thing when it is under an enforced seizure; law enforcement act – seizure of the thing in the course of its nationalization, requisition, confiscation).

REFERENCES

1. Ioffe, O.S. (2004) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 2. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
2. Sebel'dina, D.V. (2016) *Sposoby i osnovaniya priobreteniya prava sobstvennosti* [Methods and grounds for the acquisition of property rights]. *Yuridicheskaya nauka – Legal Science*. 6. pp. 97–101.

3. Sukhanov, E.A. (ed.) (2006) *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law]. Vol. 2. Moscow: Volters Kluver.
4. Belov, V.A. (2015) *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law]. Vol. 3. Moscow: Yurayt.
5. Cherepakhin, B.B. (2001) *Trudy po grazhdanskomu pravu* [Works on Civil Law]. Moscow: Statut. pp. 307–442.
6. Belov, V.A. (2014) *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law]. Vol. 1. Moscow: Yurayt.
7. Karkhalev, D.N. (2009) *Okhranitel'noe grazhdanskoe pravootnoshenie* [Protective Civil Legal Relationship]. Moscow: Statut.
8. Manankova, R.P. (1977) *Pravootnoshenie obshchey dolevoy sobstvennosti grazhdan po sovetskomu zakonodatel'stvu* [The Legal Relationship of Common Shared Ownership of Citizens Under Soviet Law]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Ioffe, O.S. (2004) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 3. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
10. Krasavchikov, O.A. (2005) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 2. Moscow: Statut. pp. 49–241.
11. Khaskel'berg, B.L. (2000) On the grounds and the instant of passing of title to movables under a contract. *Pravovedenie*. 3. pp. 121–132. (In Russian).
12. Lisachenko, A.V. (2002) *Priobretenie prava sobstvennosti* [Acquisition of property rights]. Law Cand. Diss. Yekaterinburg.
13. Khodyrev, P.M. (2007) Concept and kinds of the bases of rise of the property right. *Vestnik Udmurtskogo universiteta – Bulletin of Udmurt University*. 6. pp. 57–62. (In Russian).
14. Bogatina, Yu.G. (2020) Limitation of property rights in public interests: the European experience. *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga – Moscow District Commercial Court Bulletin*. 2. pp. 59–70. (In Russian). DOI: 10.46279/ASMO.2020.96.35.003
15. Maleina, M.N. (2015) Differentiation of the purchase agreement from allied legal institutions. *Grazhdanskoe pravo – Civil Law*. 6. pp. 3–5. (In Russian).

Received: 27 October 2021

В.Б. Евдокимов, М.В. Залоило

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАЧЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПРОЕКЦИИ

В условиях современных вызовов и чрезвычайных ситуаций отмечается переход к очередному этапу модернизации системы управления российского государства. Рассматриваются правовые модели возможного и желательного пути развития государственного аппарата и связанных с ним политико-правовых процессов. Выделяются доктринальные векторы правового обеспечения качества государственного управления в контексте современных трендов и стратегических направлений государственно-правового развития.

Ключевые слова: конституционная реформа; законодательные инициативы; стратегия развития права; государственное управление; цифровизация государственного управления; политико-правовые процессы; юридическая наука; правовая доктрина; пандемия коронавирусной инфекции

Конституционные преобразования 2020 г. в России, направленные на совершенствование организации и функционирования публичной власти, задали целый ряд объединенных общими целью и смыслом векторов развития отечественного законодательства в этой области: обеспечение единства системы публичной власти, согласованного функционирования органов государственной власти и местного самоуправления, уточнение их функций и полномочий и др. [1].

Изменения, внесенные в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., повлекли необходимость конкретизации включенных в нее новелл в целях обеспечения надлежащей реализации конституционных поправок. Были приняты концептуально новые законодательные акты, посвященные государственным органам, входящим в систему публичной власти: Федеральные конституционные законы от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», где осуществлен переход к компетентностной модели организации деятельности исполнительной власти, и от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации». Существенному обновлению подвергся Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». В соответствии с Конституцией РФ были приведены законодательные акты, регулирующие деятельность других государственных органов. Вместе с тем сохраняется актуальность создания базового федерального закона, устанавливающего общие положения для всего цикла государственного управления от планирования и подготовки управленческого решения до мониторинга его реализации в отношении всех государственных функций, объектов, участников, уровней, основных механизмов и инструментов, подходов и методов государственного управления [2. С. 184].

Линейное функционирование государственного механизма в 2020 г. столкнулось с серьезным эпидемиологическим вызовом, которым стала пандемия новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Коронавирус стал своего рода тестированием государства и права и современного состояния юридической науки на предмет готовности к изменениям, наличия средств противодействия и защиты от вирусов, зрелости существующих механизмов устойчивости правовой системы, в частности, эффективности различных административно-правовых режимов, применяемых

для минимизации негативных последствий чрезвычайных ситуаций, особенностей функционирования системы государственного управления в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Именно высокое качество государственного управления, скоординированность деятельности всех органов и уровней власти на основе права обеспечивают в условиях пандемии надлежащую реализацию прав граждан и социальных обязательств государства, позволяя взять под контроль ее влияние на различные сферы жизни общества [3].

Обеспечению эффективности и качества проектируемых нормативных правовых актов служит их доктринальное обоснование на основе прогностического инструментария современной юридической науки, сценарного подхода развития существующих политико-правовых событий и процессов в будущем на краткосрочную и долгосрочную перспективу, позволяющих спланировать их развитие и предугадать наступление политических, правовых и иных рисков. Правовая жизнь демонстрирует ряд примеров разработки научных концепций развития российского законодательства, а также законопроектов, членами авторского коллектива которых являются представители ведущих научных и учебных учреждений.

Несмотря на большую ценность подобных теоретико-прикладных разработок, к сожалению, следует отметить, что они встречаются не так часто. Например, широкую известность приобрели разрабатываемые в стенах Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации научные концепции развития российского законодательства, в которых на основе юридического прогнозирования, программно-целевого подхода с учетом задач стратегического развития формулируются предложения по модернизации действующего законодательства и преодолению потенциальных юридических рисков в условиях современных кризисов и чрезвычайных ситуаций [4]. Кроме того, в целях сохранения целостности и устойчивости правового пространства в условиях его непрерывной модернизации представляет интерес другая разработка коллектива ученых того же Института – инициативный законопроект «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», устанавливающий положения о подготовке законопроекта от его концеп-

ции до принятия и последующей реализации закона [5, 6]. В русле конституционной реформы лежит и разработанный коллективом ученых – представителей Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации инициативный проект федерального закона «Об обеспечении качества государственного управления в Российской Федерации» [7].

Доктринальные прогнозы и проекции, исходящие от экспертных и ведущих научных сообществ, затрагивающие наиболее актуальные и важные темы, позволяют оценить состояние и предвидеть динамику и перспективы развития государства и права, выявить потенциальные риски с использованием научной методологии, преодолеть разрыв между теорией и практикой совершенствования политико-правовых институтов, обеспечить корреляцию законодательных решений с принятыми документами стратегического планирования.

Можно с уверенностью сказать, что инициативные законопроекты, основанные на сложившихся научных школах и получившие выражение в цельных авторских концепциях построения устойчивой правовой системы и процесса государственного управления, выработанных в разных форматах в течение многих лет, обобщающие новый практический опыт на современном этапе развития государственного управления, заслуживают пристального внимания и реализации в практической плоскости.

На протяжении последних лет наша страна с учетом происходящих мировых геополитических, экономических и социальных процессов решает сложные стратегические задачи, связанные с необходимостью укрепления государственности и совершенствованием процессов государственного управления, что побуждает юридическую науку вырабатывать новые подходы к пониманию задач, принципов и целей государственного управления, а также разрабатывать теоретико-методологический инструментарий оценки эффективности управленческой деятельности государственных органов. Научные концепции повышения качества и эффективности этой деятельности разрабатываются на основе разных моделей государственного управления. Наряду с существующими и разрабатываемыми в науке подходами (например, индикативное управление, программно-целевой подход и т.д.), важное прикладное значение приобретают подходы управления на основе права, «результативная модель» и др.

Тем самым вопросы правового обеспечения государственного управления и векторы его развития находятся в фокусе не только права и государственного стратегического планирования, но и доктрины. В зависимости от того, какие из концептуальных парадигм, проектов правотворческих решений и предлагаемых стратегических программ дальнейшего развития получают поддержку широких слоев населения и закрепление в виде принятых уполномоченными органами правовых актов, будут определены направления и показатели развития государства. В то же время достижение социально-экономических показателей развития российского государства определяется каче-

ством государственного управления, тем, насколько документы стратегического планирования будут коррелироваться с принимаемыми нормативными правовыми актами в области управления и регулирования общественных отношений, учитывать достижения современной науки и прочее. Возникшая на современном этапе необходимость повышения качества государственного управления по-прежнему остается одной из главных задач, стоящих перед российским государством.

Попытки повышения качества государственного управления обострили многие теоретические вопросы, в том числе понимание того, что представляет собой качество государственного управления. Оказалось, что многочисленные концепции государственного управления, в том числе такие распространенные, как новый государственный менеджмент (*new public management*), концепция достойного (добросовестного) управления (*good governance*), используют термин «качество государственного управления», однако не приближают нас к его пониманию. Не определяется понятие качества государственного управления на законодательном уровне. Дискуссионными также являются критерии оценки и обоснованности корректировки деятельности органов государственного управления, технологии обеспечения устойчивой, стабильной управленческой деятельности, результативности ее реализации и ответственности.

Множество различных характеристик порождает все больше вопросов и не способствует прогрессивному продвижению вперед. Однако в целях лучшего понимания процессов качественного государственного управления необходимо выделение и осмысление таких его компонентов, как концептуальная и экономическая обоснованность, результативность и эффективность деятельности органов управления. Указанные компоненты не следует отождествлять между собой. Их наличие образует причинно-следственную связь, которая выражена в том, что результативность и эффективность управления зависят от качества управления, а качество управления, в свою очередь, является фактором как эффективности, так и результативности [8]. К сказанному следует добавить концептуальную и экономическую обоснованность предлагаемых и принимаемых управленческих решений, одновременное наличие которых как компонентов единого целого приближает нас к пониманию на современном этапе качественного государственного управления как специфической деятельности уполномоченных органов власти, осуществляющих государственную политику, по достижению общественно значимых результатов и показателей социально-экономического развития, закрепленных в документах стратегического планирования и иных программных актах, реализации законных прав и интересов граждан и организаций на основе принципов законности, эффективности и результативности, открытости, участия общественности в управлении делами государства, научной обоснованности и современных концепций и приоритетных моделей управленческой деятельности. Решение общественно значимых проблем и достижение общественно значимых результатов становится

важной характеристикой деятельности государственного управления, основным методом осуществления которой становится программно-целевой.

В этой связи обоснованность государственного управления прежде всего проявляется в государственных функциях, осуществление которых так или иначе должно оказывать влияние на достижение конечных общественно значимых результатов, реализации законных прав и интересов граждан и организаций. Результативность связана со степенью достижения общественно значимых результатов (показателей результативности). Эффективность государственного управления заключается в обеспечении результативности исполнения государственных функций (ожидаемых результатов, показателей результативности и их целевых значений) при минимизации издержек граждан, организаций и публично-правовых образований [7. С. 63–64].

Не может оставаться в стороне, не получив должного правового оформления в нормативных правовых актах, влияние на государственное управление такого явления, как цифровизация. Цифровизация становится одним из важных приоритетов государственной политики, задает «цифровую повестку» трансформации государственного управления, направленной на повышение эффективности управленческой деятельности.

Развитие цифровых технологий, масштабная цифровизация, охватившая все передовые страны, вступление государств в эпоху шестого технологического уклада [9] приводят к изменениям права и государства (его устройства и функций). Содержательные аспекты государственного управления и правового регулирования подвергаются качественным изменениям. Цифровые технологии уже проникли в «ткань» государства и права настолько широко, что это привело к появлению феномена «цифрового государства», цифровизации права и государственного управления [10, 11].

В этой связи проблема применения информационно-коммуникационных технологий в государственном управлении заслуживает самого пристального внимания со стороны ученых и практиков. Все более важное место в деле совершенствования публичного управления занимают концепции «электронного государства» (e-government) и «электронной демократии» (e-democracy), предусматривающие построение процессов взаимодействия органов (должностных лиц) государственной, муниципальной власти и населения на основе использования новейших передовых форм и технологий. Одними из важных современных принципов государственного управления оказываются открытость и общественное участие, предполагающие доступ заинтересованных лиц к информации о деятельности субъектов государственного управления, обеспечение возможности участия в государственном управлении граждан, их объединений и организаций. Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий привело к изменению государственного управления, поиску новых форм обеспечения баланса интересов между государством и обществом при принятии управленческих решений, оценке и переоценке созданных ранее механизмов

достижения политического и гражданского согласия, сложившихся моделей взаимодействия государства и общества в вопросах управления.

Следуя логике «хорошего» управления, одной из важных ценностей качественного управления становится широкое вовлечение в процесс управления граждан и организаций, это необходимое и обязательное условие современного государственного управления, включая механизмы обратной связи и открытость государственной информации [12]. Прямое участие населения в управленческой деятельности позволяет добиться большего соответствия принимаемых управленческих решений интересам граждан, приблизить нормативные положения к реальным ценностям и потребностям общества, отношения в котором призван регулировать соответствующий правовой акт, тем самым повысив эффективность процесса управления обществом и государством. Например, одним из инструментов привлечения граждан к принятию государственных и муниципальных решений с развитием современных информационных и телекоммуникационных технологий стал краудсорсинг [13, 14]. Взаимодействие публичной власти и общества в процессе управленческой деятельности (посредством процедур общественного участия: общественная правотворческая инициатива, общественное обсуждение проектов нормативных правовых актов, публичные слушания, общественные экспертизы, мониторинг и контроль, местные референдумы) как элемент прямой демократии увеличивает уровень доверия граждан к государству, стимулирует их политическую активность, способствует росту правовой грамотности населения, укреплению гражданского общества.

Во многих государствах, включая Россию, масштабное развитие получают технологии правотворческого краудсорсинга, эффективно реализуемые посредством сети Интернет (общественное обсуждение проекта нормативного правового акта, общественная правотворческая инициатива). Например, широкую известность приобрели общественные обсуждения Закона Новой Зеландии о полиции (в 2007 г.), проекта новой Конституции Исландии (в 2011 г.), Закона Финляндии о движении транспорта вне дорог (в 2013 г.) [15].

В Российской Федерации в отсутствие специального правового регулирования порядка организации и проведения общественных обсуждений на федеральном уровне в сети Интернет население в 2010–2011 гг. приняло участие в обсуждении проектов федеральных законов «О полиции» (сетевая площадка www.zakonoproekt2010.ru) и «Об образовании в Российской Федерации» (интернет-сайты www.zakonoproekt2010.ru, edu.crowdexpert.ru, zakon.government.ru). В обсуждении законопроекта «О полиции» приняли участие около 16 тыс. человек, число комментариев превысило 40 тыс. К проекту Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» поступило около 11 тыс. комментариев [16].

В настоящее время в Российской Федерации общественное обсуждение проектов законодательных актов и проектов нормативных правовых актов, разрабатываемых федеральными органами исполнитель-

ной власти, регламентируется на подзаконном уровне – в Указе Президента Российской Федерации от 09.02.2011 № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» и постановлении Правительства Российской Федерации от 25.08.2012 № 851 «О порядке раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения». При этом во многих субъектах Российской Федерации соответствующие нормы нашли закрепление в законах о нормативных правовых актах и правотворческом процессе. Вместе с тем необходимо признать, что во многих регионах значительная часть вопросов, требующих быстрого реагирования со стороны органов публичной власти, все еще остается за гранью использования современных цифровых технологий. Недостаточно активно используются цифровые возможности в целях оценки эффективности деятельности органов публичной власти, включая интерактивные опросы населения. Эта одна из аспектов проблемы цифрового неравенства, с которой так или иначе напрямую связана проблема недостаточной популярности у населения современных процедур участия общества в управлении делами государства [16, 17].

Имеющиеся несовершенства правового регулирования общественного обсуждения проекта нормативного правового акта, анализируемые в юридической доктрине, могут быть исправлены при принятии либо специального федерального закона об общественном обсуждении, либо федерального закона, регламентирующего правотворческий процесс. При этом следует учитывать как успешный предыдущий опыт общественного обсуждения законопроектов «О полиции» и «Об образовании в Российской Федерации», так и недавние масштабные обсуждения с участием общественности поправок в Конституцию Российской Федерации в начале 2020 г. (Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»), завершившиеся общероссийским голосованием по конституционным преобразованиям. В рамках этого общероссийского голосования гражданам была предоставлена уникальная возможность по активному участию в правотворческом процессе. Стоит учитывать и то, что применение подобных информационных технологий имеет и некоторые риски, связанные с трудностью установления личного голосования гражданина дистанционным способом, проблемами обеспечения гарантий тайны голосования, гарантий невмешательства в принятие решения гражданином.

Подход к государственному управлению как единому процессу, объединенному общей целью и регулируемым формами, предполагает выделение управленческих «жизненных» циклов, системное регулирование которых в российской правовой системе остается открытым – от проектирования деятельности до оценки эффективности воздействия ее на общественные отношения. Это же справедливо и в отношении

правотворчества, нуждающегося в системной организации с акцентом на полный цикл жизни правовой нормы. Такой циклический взгляд на регулирование процессов управления и тесно с ним связанное правотворчество можно признать наиболее продуктивным, поскольку он позволяет преодолеть узкий подход к указанным процессам и явлениям. Необходимые системные преобразования в области правотворческого процесса должны стать прочным фундаментом стабильного, упорядоченного и системного государственного управления. Особое место в этом жизненном цикле уделяется прогнозированию деятельности, где используются механизмы юридического предвидения оснований и критериев выбора оптимальных правовых и управленческих решений, оценки их последствий, мониторинга и предотвращения рисков, в том числе коррупционных. Кстати сказать, дискреционность действий власти зачастую таит в себе коррупционные опасности и нарушает упорядоченность административной деятельности, поэтому границы административного усмотрения следует определить и обозначить пределами полномочий государственного органа (должностного лица); соблюдением регламентации осуществления процедуры оказания государственных услуг; требованиями законности и пр.

Рассмотрение полного жизненного цикла деятельности (как управленческой, так и правотворческой) позволяет систематизировать различные ее виды и формы в широком диапазоне, в том числе осуществляемые при помощи информационных и телекоммуникационных технологий на различных стадиях планирования, организации, осуществления, мониторинга, оценки и коррекции деятельности субъектов государственного управления.

Важное значение с учетом современных вызовов и угроз сохраняет риск-ориентированный подход к государственному управлению. Обеспечению высокого качества последнего служит регулярный мониторинг и оценка рисков, влияющих на достижение конечных общественно значимых и промежуточных результатов. Риски ранжируются с учетом вероятности их возникновения и масштабности причинения вреда. К критическим рискам отнесены природные и техногенные опасные явления, эпидемии, терроризм, организованная преступность [7. С. 117].

Отсутствие на федеральном уровне систематизирующего нормативного правового акта, в котором бы последовательно и комплексно регулировались основные принципы и процедуры государственного управления, ведет к снижению эффективности правового регулирования общественных отношений, вызывает необходимость частого изменения действующих нормативных правовых актов и их дополнения. Все это в конечном счете негативно влияет на качество государственного управления.

Стремление систематизировать правовое регулирование управленческого процесса заслуживает пристального внимания законодателя. В России подобный основополагающий закон ранее не существовал, в отличие от большинства ведущих зарубежных стран, где весьма распространены законы об административных процедурах и об организации управлен-

ческого процесса, законы об организации управленческой деятельности органов исполнительной власти, подкрепленные судебным контролем за действиями власти.

Идея Административного, или Управленческого, кодекса в нашей стране остается непопулярной, хотя урегулирование так называемого позитивного административного процесса в отличие от Кодексов об административных правонарушениях, административного судопроизводства позволяет упорядочить деятельность органов власти, наделить их ясным диапазоном действий, показать пределы административной власти и пути обжалования нарушений. Одновременно с этим принятие Административного, или Управленческого, кодекса должно стать важным этапом на пути современной модернизации государственного управления, позволяющим упорядочить и систематизировать хаотично сформированный за длительный период массив нормативных правовых актов в области публичного управления, уменьшить число возникающих в силу сложившейся многослойности регулирования юридических коллизий, сформулировать четкие и законодательно определенные цели осуществления управленческой деятельности, задать ориентиры и критерии поведенческого механизма управления и эффективности управленческого поведения.

Думается, настало время отходить от советского понимания административного права как набора запретов и ограничений. Концепция качественного государственного управления, способствующая четкой регламентации властных полномочий, определению конкретных целевых ориентиров и результатов управленческой деятельности, обеспечению подконтрольности власти, заслуживает нормативного закрепления, дальнейшего обсуждения и последующей трансформации в официальную законодательную инициативу, что важно не только для научной юридической общественности, но и для политических деятелей, бизнес-сообщества и всех, кто хочет видеть Россию сильным процветающим государством.

Основными векторами правового обеспечения качества государственного управления являются:

– конституционно-правовой вектор модернизации государственного аппарата, заданный в нашей стране конституционной реформой в 2020 г.;

– антипандемический вектор, обусловленный эпидемиологическим вызовом существующему линейному функционированию государственного механизма вследствие пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19);

– цифровой вектор, вызванный масштабной цифровой трансформацией и технологизацией государственного управления как важными приоритетами государственной политики по повышению эффективности управленческой деятельности;

– иные векторы (например, антикоррупционный, идейно-ценностный, морально-этический, кадровый и прочие, которые заслуживают отдельного пристального внимания).

Многовекторность правового обеспечения развития государственного управления на современном

этапе определяет переход к очередной фазе модернизации системы управления российского государства, обостряя вместе с этим многие теоретические вопросы, в том числе касающиеся понимания качества государственного управления, критериев оценки и обоснованности корректировки деятельности органов государственного управления, технологии обеспечения устойчивой, стабильной управленческой деятельности, результативности ее реализации и ответственности и др. Наблюдается разрыв между теорией и практикой, преодолеть который предлагается на основе обеспечения корреляции законодательных решений с принятыми документами стратегического планирования и иными программными актами, разработки научно обоснованной методологии взаимоувязки правовых и политико-правовых документов, использования наиболее прогрессивных доктринальных проекций, учитывающих полный «жизненный» цикл государственной управленческой и правотворческой деятельности и исходящих от ведущих экспертных и научных сообществ.

Объективно обусловленная конституционно-правовыми, антипандемическими (эпидемиологическими), цифровыми и иными факторами потребность в правовом урегулировании вновь возникающих на современном этапе вопросов государственного управления обладает большой социальной значимостью, поскольку помогает достичь эффективности управления сложными по своей природе государственными и общественными процессами. Формирование векторного изображения правового обеспечения дальнейшего развития государственного управления должно быть основано на доктринальных проекциях и юридических прогнозах в этой области и положено в основу стратегического планирования и проектирования в государственном управлении, целенаправленной деятельности органов управления различных уровней, то есть учитываться при определении целей, приоритетов их деятельности, эффективных путей и средств их достижения.

В совокупности с другими методами государственного управления предложенная лишь в самых общих чертах векторная модель правового регулирования позволяет выявить реперные точки, задающие направления непосредственного воздействия на складывающиеся между людьми по вопросам государственного управления общественные отношения. В этой связи правовое регулирование качества или отношений, складывающихся по поводу качества государственного управления, в свете названных векторов должно стать точкой притяжения законодателей, практикующих юристов и правоведов, совместная деятельность которых может выработать легальную дефиницию качеству государственного управления, а также по аналогии с широко распространенными требованиями к качеству продукции, работ и услуг определить требования к качеству государственного управления, требования к деятельности лиц (органов власти), от действий которых зависит обеспечение качества и др. Важное место в этом процессе отводится праву.

При помощи векторного изображения правового обеспечения качества государственного управления

можно в определенной степени расширить или детализировать рамки понимания принятия политико-правовых решений, уточнить политико-правовую картину мира. При этом важно учитывать совокупность векторов развития, каждый из которых может ослаблять или усиливать друг друга по образу конвергенции или дивергенции современных технологий

(например, антипандемический вектор стал катализатором развития современных технологий и укрепил цифровой вектор развития, точно также конституционно-правовой усилил идейно-ценностный вектор). Именно неизученность и неясность многовекторности в деятельности современного государства становятся причиной неудач государственно-правовых решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. 240 с.
2. Евдокимов В.Б., Залоило М.В. Рецензия на книгу В.Н. Южакова, Э.В. Талапиной, Е.И. Добролюбовой, Ю.А. Тихомирова «Инициативный проект закона об обеспечении качества государственного управления» М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 150 с. // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 2. С. 183–186.
3. Хабриева Т.Я. Управление пандемическим кризисом на основе права: мировой и российский опыт // Журнал российского права. 2021. № 2. С. 5–17. doi: 10.12737/jrl.2021.015
4. Научные концепции развития российского законодательства. 7-е изд. доп. и перераб. / отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М. : ИД Юриспруденция, 2015. 544 с.
5. О нормативных правовых актах в Российской Федерации (инициативный проект федерального закона). 5-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. коллектива Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019. 88 с.
6. О нормативных правовых актах в Российской Федерации (проект федерального закона). 6-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. коллектива Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2021. 96 с.
7. Южаков В.Н., Талапина Э.В., Добролюбова Е.И., Тихомиров Ю.А. Инициативный проект закона об обеспечении качества государственного управления. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 150 с.
8. Братченко С.А. К вопросу о понятии качества государственного управления // Вестник Института экономики РАН. 2019. № 1. С. 57–72.
9. Пашенцев Д.А., Залоило М.В., Дорская А.А. Смена технологических укладов и правовое развитие России. М. : ИЗиСП : Норма : ИНФРА-М, 2021. 184 с.
10. Добролюбова Е.И., Южаков В.Н., Ефремов А.А., Клочкова Е.Н., Талапина Э.В., Старцев Я.Ю. Цифровое будущее государственного управления по результатам. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 114 с.
11. Петров М., Бузов В., Шклярчук М., Шаров А. Государство как платформа. (Кибер)государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация. М., 2018. 53 с. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/313/3132b2de9ccefd0b1eecd56071b98f5f.pdf> (дата обращения – 20.06.2021).
12. Липчанская М.А. Общественное обсуждение законопроектов как форма участия граждан Российской Федерации в управлении делами государства // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 2. С. 12–17.
13. Ranchordás S., Voermans W. Crowdsourcing Legislation: New Ways of Engaging the Public // The Theory and Practice of Legislation. 2017. Vol. 5(1). P. 1–4.
14. Rodríguez Bolívar M.P., Cortés Cediell M.E. (eds.). Digital Government and Achieving E-Public Participation: Emerging Research and Opportunities. Hershey, PA : IGI Global, 2020. 258 p.
15. Базыкин А.Ю. Правовое регулирование общественного обсуждения нормативных правовых актов с использованием телекоммуникационных технологий // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 2. С. 171–182. doi: 10.12737/jrl.2021.027
16. Хохлова Е.А. Общественное обсуждение законопроектов и важных вопросов государственной и/или общественной жизни: конституционно-правовое регулирование и практика применения // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 47–59.
17. Дзидзоев Р.М., Тамаев А.М. Общественное (публичное) обсуждение проектов законодательных и иных нормативных правовых актов в формате открытого правительства // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 8. С. 66–70.

Статья представлена научной редакцией «Право» 25 ноября 2021 г.

Legal Regulation of the Quality of Public Administration: Doctrinal Projections

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 224–230.

DOI: 10.17223/15617793/473/28

Vyacheslav B. Evdokimov, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: vevdokimov@list.ru

Maksim V. Zaloilo, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: z-lo@mail.ru

Keywords: constitutional reform; legislative initiatives; legal development strategy; public administration; digitalization of public administration; political and legal processes; legal science; legal doctrine; coronavirus pandemic.

The article analyzes the state and prospects for the development of the legislative regulation of public administration in the Russian Federation. Under the influence of the constitutional reform, the pandemic of the new coronavirus infection (COVID-19), digitalization and other international and national political, social, and other factors, the problem of effective public administration is becoming more acute. In the conditions of modern challenges and emergency situations, there is a transition to the next stage of modernization of the government system of the Russian state, the evolution of modern doctrinal ideas about the state and the ways of its further development. New legislative initiatives and doctrinal projections of the possible and desirable variant of the development of the state apparatus and related political and legal processes are being developed. The problem of separating short-term and long-term tasks of state development, updating the methodology for linking strategic documents are being actualized. Based on the analysis and evaluation of the most important systemic and complex legal decisions in the field of public administration (both adopted and drafted), doctrinal projections of the optimal development of the legislative regulation of public administration management, it is concluded that the successful political and legal development of our country is largely due not only to the quality of legal support for public administration, better effectiveness of the state and its bodies, but also to the development of the

methodology of interconnection and correlation of strategic planning documents and legislative regulation. The need to further strengthen the state is associated with greater effectiveness of legislation in this area, smart regulation, the development and adoption of new laws that allow improving the activities of state bodies and are aimed at improving the effectiveness of public administration. It is noted that ensuring the effectiveness and quality of the designed normative legal acts is their doctrinal justification based on the predictive tools of modern legal science, a scenario approach to the development of existing political and legal events and processes in the future for the short and long term, which allows planning their development and predicting the onset of political, legal and other risks.

REFERENCES

1. Khabrieva, T.Ya. & Klishas, A.A. (2020) *Tematicheskiy kommentariy k Zakonu Rossiyskoy Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii ot 14 marta 2020 g. № 1-FKZ "O sovershenstvovanii regulirovaniya odel'nykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoy vlasti"* [Thematic commentary on the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020, No. 1-FKZ "On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public power"]. Moscow: Norma: INFRA-M.
2. Evdokimov, V.B. & Zaloilo, M.V. (2021) Review of the book by V.N. Yuzhakov, E.V. Talapina, E.I. Dobrolyubova, Yu.A. Tikhomirov "Initiative draft of the law on ensuring the quality of public administration". Moscow: Publishing house "Delo" RANEPa, 2020. 150 P. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya – Public Administration Issues*. 2. pp. 183–186. (In Russian).
3. Khabrieva, T.Ya. (2021) Law based managing the pandemic crisis: world and Russian experience. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 2. pp. 5–17. (In Russian). DOI: 10.12737/jrl.2021.015
4. Khabrieva, T.Ya. & Tikhomirov Yu.A. (eds) (2015) *Nauchnye kontseptsii razvitiya rossiyskogo zakonodatel'stva* [Scientific Concepts of the Development of Russian legislation]. 7th ed. Moscow: ID Yurisprudentsiya.
5. Khabrieva, T.Ya. & Tikhomirov Yu.A. (eds) (2019) *O normativnykh pravovykh aktakh v Rossiyskoy Federatsii (initsiativnyy projekt federal'nogo zakona)* [On regulatory legal acts in the Russian Federation (initiative draft federal law)]. 5th ed. Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii.
6. Khabrieva, T.Ya. & Tikhomirov Yu.A. (eds) (2021) *O normativnykh pravovykh aktakh v Rossiyskoy Federatsii (projekt federal'nogo zakona)* [On regulatory legal acts in the Russian Federation (draft federal law)]. 6th ed. Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii.
7. Yuzhakov V.N. et al. (2020) *Initsiativnyy projekt zakona ob obespechenii kachestva gosudarstvennogo upravleniya* [Initiative draft law on quality assurance of public administration]. Moscow: Izdatel'skiy dom "Delo" RANKhiGS.
8. Bratchenko, S.A. (2019) To the question about the governance quality concept. *Vestnik Instituta ekonomiki RAN*. 1. pp. 57–72. (In Russian).
9. Pashentsev, D.A., Zaloilo, M.V. & Dorskaya, A.A. (2021) *Smena tekhnologicheskikh ukладov i pravovoe razvitie Rossii* [Change of technological patterns and legal development of Russia]. Moscow: IZiSP: Norma: INFRA-M.
10. Dobrolyubova, E.I. et al. (2019) *Tsifrovoe budushchee gosudarstvennogo upravleniya po rezul'tatam* [Digital Future of Public Administration by Results]. Moscow: Izdatel'skiy dom "Delo" RANKhiGS.
11. Petrov, M. et al. (2018) *Gosudarstvo kak platforma. (Kiber)gosudarstvo dlya tsifrovoy ekonomiki. Tsifrovaya transformatsiya* [The State as a Platform. (Cyber) state for the digital economy. Digital transformation]. Moscow: [s.n.]. [Online] Available from: <https://www.csr.ru/upload/iblock/313/3132b2de9ccefd0b1eecd56071b98f5f.pdf> (Accessed: 20.06.2021).
12. Lipchanskaya, M.A. (2011) Public discussion of a bill as a form of participation of citizens of the Russian Federation in state administration. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. 2. pp. 12–17. (In Russian).
13. Ranchordás, S. & Voermans, W. (2017) Crowdsourcing Legislation: New Ways of Engaging the Public. *The Theory and Practice of Legislation*. 5 (1). pp. 1–4.
14. Rodríguez Bolívar, M.P., Cortés Cediél, M.E. (eds.) (2020) *Digital Government and Achieving E-Public Participation: Emerging Research and Opportunities*. Hershey, PA: IGI Global.
15. Bazykin, A.Yu. (2021) Legal regulation of public comment of normative legal acts using telecommunications technologies. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 2 (25). pp. 171–182. (In Russian). DOI: 10.12737/jrl.2021.027
16. Khokhlova, E.A. (2013) Obshchestvennoe obsuzhdenie zakonoproektov i vazhnykh voprosov gosudarstvennoy i/ili obshchestvennoy zhizni: konstitutsionno-pravovoe regulirovanie i praktika primeneniya [Public discussion of draft laws and important issues of state and/or public life: constitutional and legal regulation and practice of application]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 4. pp. 47–59.
17. Dzidzoev, R.M. & Tamaev, A.M. (2015) Social (public) discussion of legislative and other normative legal draft acts in the open government format. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 8. pp. 66–70. (In Russian).

Received: 25 November 2021

А.В. Зырянов

БИХЕВИОРИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ЮРИДИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Бихевиористический анализ права определяется как применение эмпирических поведенческих свидетельств к анализу правовых норм и институтов. Предпринята попытка очертить границы поведенческого подхода, его центральные методологические особенности, организованные вокруг одной из базовых категорий – суждений – способов формирования и обновления представлений об окружающем мире.

Ключевые слова: юридическая наука; методология; бихевиоризм; формирование убеждений; принятие решений

Введение

Одна из главных функций права – регулирование поведения людей. Термин «бихевиористический» происходит от английского слова «behavior», что в переводе на русский значит «поведение».

Надо отметить, что традиционная школа права, юриспруденция, и политика полагаются на простые представления о поведении людей в вопросе регулирования их решений, правил и предложений. В действительности право содержит много интуитивных, часто неявных предположений о способе, с помощью которого индивиды обрабатывают информацию и формируют суждения, предпочтения, принимают решения, реагируют на побуждение и др. Данная сложность обусловлена двумя причинами:

1. Недостаток точности модели поведения неизбежно приводит к расхождениям, противоречиям в законе.

2. Интуитивное поведение также склонно к систематическим модуляциям, ошибкам.

Частично в ответ на первую проблему школы права разработали подходы, которые точно излагают поведенческие и другие предположения, подчеркивая их рациональный анализ. Показателен экономический анализ права, который определено предполагает, что индивиды – строго рациональные приобретатели выгоды. Такой рациональный субъект имеет стабильные предпочтения, которые видны в его выборе, получает оптимальное количество информации и формирует беспристрастные суждения в условиях неопределенности. Более того, в экономическом контексте строго рациональный субъект предположительно эгоистичен и заинтересован только в собственном благополучии и благосостоянии.

Полагаясь на эту модель, бихевиористический подход смог систематично переоценить одну область права за другой. Это породило огромное количество научных исследований, коренным образом меняющих природу юридических рассуждений, влияя на многие конкретные правовые нормы и институты. Простое и ясное предположение о рациональных действиях обладает огромными преимуществами предсказуемости и управляемости: можно предсказать, как рациональный субъект отреагирует на любую правовую норму, институт или побуждение, а его функция выгоды делает математическое моделирование более простым в обработке. Однако модель исключительно рационального субъекта страдает существенными ограничениями.

Большой объем эмпирических исследований показывает, что предположение о строгой рациональности не только описательно неточно, но и систематически неверно. Суждения и выбор индивидов демонстрируют поведенческие закономерности, которые предсказуемо отклоняются от паттернов, ожидаемых от гипотетических рациональных субъектов. И хотя предположение о рациональности иногда может обеспечить достаточно реалистичное приближение, во многих областях права более реалистичный взгляд на человеческое поведение является важным предварительным условием для эффективного правового анализа.

Поведенческий анализ права, который в последние годы становится все более популярным в юридической науке, отвечает этой потребности. Он обеспечивает точную модель юридически значимого поведения, основанную на эмпирических исследованиях, а не только на интуиции или теории. Основывается на обширных результатах исследований поведенческих решений, психологии суждений и принятия решений, а также в связанных областях.

Поведенческий подход направлен на привнесение в правоведение более реалистичного взгляда на юридически значимое поведение. Таким образом, можно определить поведенческий анализ права как приложение эмпирических поведенческих свидетельств к анализу правовых норм и институтов.

Целью работы является детальное изучение принципов бихевиористического подхода, его значения и содержания, а также проблем, связанных с реализацией указанных принципов в сфере правового регулирования.

В соответствии с поставленной целью выделяются следующие задачи исследования:

1. Рассматриваются основные понятия бихевиористического подхода, его особенности, проводится анализ подхода.

2. Рассматриваются эвристики подхода, их особенности и значение для государства и права.

3. Рассматриваются нормативные особенности подхода, показывается значение различных поведенческих эффектов, происходящих из бихевиористического подхода.

Сущность бихевиоризма в государственно-правовом измерении

Обращаясь к заявленному предмету исследования, важно отметить, что поведенческий анализ права одновременно нормативно нейтрален и нормативно ре-

левантен. Он нормативно нейтрален, поскольку не привязан к какой-либо конкретной юридической цели или системе ценностей. В этом смысле поведенческий подход коренным образом отличается от нормативно-правовых методологий, таких как экономический анализ права или органической теории. В лучшем случае поведенческий анализ права может быть посвящен инструментальной ценности интеграции эмпирических данных о человеческом поведении в правовой анализ, где это уместно. Однако существенная нормативная нейтральность поведенческого подхода не делает его нормативно несущественным, а, скорее, превращает его в полезный инструмент для ученых с различными нормативными убеждениями. Анализ поведения – в сочетании с другими подходами правоведения – явно может помочь в нормативной оценке закона и правотворческой функции государства.

Таким образом, сначала объясняется требование нейтральности, а затем мы переходим к более подробному изучению, когда поведенческие данные в сочетании с нормативным экономическим стандартом социального обеспечения действительно служат оправданием для правового вмешательства государства и соответствующей формы такого вмешательства.

Утверждение о нормативной нейтральности проявляется в настоящем определении поведенческого подхода как применение эмпирических поведенческих свидетельств к правовому анализу, который не включает нормативный компонент, но, вместе с тем, способствует достижению традиционных юридических целей, таких как справедливость и равноправие [1].

Иными словами, поведенческий подход является нормативно нейтральным сам по себе. Однако в этом базовом состоянии он вряд ли может дать какие-либо значимые нормативные оценки закона, поскольку они требуют некоторой оценки ценности. В сочетании с другими правовыми подходами – явно или неявно – он становится наиболее полезным и необходимым инструментом для ученых-юристов различных убеждений.

На практике, однако, очень большая часть правового анализа, проведенного в последние годы на основе информации о поведенческих особенностях, может быть отнесена к категории поведенческого права и экономики. Более того, даже самый поверхностный обзор литературы выявляет тенденцию к вмешательству, когда поведенческий закон и экономический анализ, рекомендуемые юридические вмешательства, намного перевешивают те, которые выступают против них [2]. Эта тенденция, в свою очередь, вызвала споры среди ученых о том, действительно ли поведенческие данные, которые обычно подчеркивают человеческие ошибки и ограничения, оправдывают патерналистское вмешательство и какую форму должны принимать такие вмешательства, в каком случае и где они оправданы [3].

С точки зрения социального обеспечения, когда систематические ошибки в решениях снижают индивидуальное благополучие принимающих решения лиц, меры, направленные на сокращение или устранение этих ошибок, могут быть социально полезными [4]. Например, когда люди недооценивают опасность чрезмерного употребления продукта, или когда те,

кто недооценивает выгоды продукта, покупают слишком мало, меры вмешательства могут повысить благосостояние за счет лучшего согласования решений потребителей с их истинными предпочтениями. Эта связь между ошибкой и вмешательством проявляется в исследованиях, требующих вмешательства постфактум в некоторые договорные условия, которые могут отражать систематические предубеждения договаривающихся сторон; усиление деликтной ответственности и дополнительное регулирование поведения, связанного с финансовыми рисками, риском для здоровья и безопасности потребителей.

Конечно, поведенческие данные вполне могут оправдать такие вмешательства, но при детальном рассмотрении предполагается, что поведенческие вмешательства должны основываться не на простом доказательстве некоторого систематического отклонения от строгой рациональности в конкретных правовых условиях. Во-первых, убедительный аргумент в пользу вмешательства должен удовлетворять общим требованиям поведенческого анализа закона: он должен опираться на надежные эмпирические данные о поведенческих закономерностях; учитывать их граничные условия; и рассмотреть политические последствия различных пробелов в исследованиях.

Во-вторых, патерналистски ориентированный аргумент должен различать различные категории отклонений от нормативных стандартов рациональности, особенно отклонения в области суждений от отклонений в области выбора (они обладают разными нормативными характеристиками). Лица, принимающие решения, могут рассматривать отклонения в суждениях как простые ошибки, которые они были бы счастливы исправить. Успешные меры вмешательства, направленные на устранение таких ошибок или уменьшение их негативного влияния на поведение, с большей вероятностью улучшат положение людей и принесут реальный рост благосостояния [5].

С другой стороны, в области выбора (или предпочтений) обоснование вмешательства более ограничено и проблематично. Во-первых, некоторые отклонения от типичных стандартов рационального действия – такие как социальные предпочтения, когда полезность индивидов зависит от результатов, полученных другими людьми, – могут содержать обоснованные предпочтения и ценности. Таким образом, «отклонения» выбора из-за таких социальных предпочтений вряд ли могут оправдать патернализм.

Другие предпочтения, которые не согласуются со строгой рациональностью, но иногда могут быть направлены на максимизацию полезности, также предоставляют лишь слабую основу для вмешательства. Стандартный экономический анализ ясно показывает, например, что «невозвратные» (понесенные) затраты не должны влиять на поведение в будущем, которое должно основываться только на соображениях прогнозирования [6].

Более того, вмешательство может быть проблематичным, даже если поведение при выборе явно ошибочно, как в случае рамок или контекстных эффектов. В такой ситуации, когда лица, принимающие решения, демонстрируют противоречивые, непоследова-

тельные или специально сконструированные предпочтения, перед политиками стоит непростая задача определения «подлинных» предпочтений. Эту проблему можно было бы преодолеть, если бы лица, определяющие политику, определяли «правильные» предпочтения на основе своих собственных ценностей, но такой подход проблематичен для тех, кто стремится содействовать социальному благосостоянию на основе соображений индивидуальной полезности.

В-третьих, что важно, выявление систематической индивидуальной ошибки выявляет проблему, а не ее решение, поскольку патерналистские вмешательства, основанные на поведении, могут быть слишком дорогостоящими для общества, чтобы быть оправданными, или просто неэффективными. Эти переменные стоимости и эффективности также взаимосвязаны, поскольку более дешевые формы вмешательства могут быть менее эффективными, а более эффективные вмешательства – часто более дорогостоящими.

Вмешательства, основанные на поведении, порождают различные «затраты на реализацию», включая как затраты, связанные с любыми государственными действиями, так и некоторые затраты, специфичные для поведенческого случая.

Так, например, действительно ограниченно рациональные люди могут научиться преодолевать некоторые ошибки в принятии решений при наличии достаточных стимулов и обратной связи, а патерналистские вмешательства уменьшают обратную связь и стимулы для исправления, возможно, предотвращая более долгосрочного повышения благосостояния из-за потенциальных улучшений качества решений. Однако этот конкретный набор затрат на вмешательство часто имеет ограниченное значение, учитывая данные об ограниченном влиянии стимулов на многие ошибки принятия решений и ограниченной доступности значимой обратной связи в большинстве реальных условий.

Более существенный набор затрат связан со значительной вероятностью ошибки правительства при принятии и реализации вмешательств, основанных на поведении, поскольку в мире принятия государственных решений законы и постановления, как правило, особенно жесткие. Проблема ошибки правительства может быть наиболее острой в тех областях, где заинтересованные частные стороны имеют стимул и средства для воздействия на политику правительства. Более того, если препятствий, связанных с реализацией патерналистской политики, основанной на поведении, было недостаточно, эффективность этой политики часто будет (а) ограниченной и (б) обратно пропорциональной степени вмешательства, которое они применяют.

Другие «мягкие» меры, такие как разработка дозволенных правовых норм – правил по умолчанию, – могут быть более эффективными в побуждении лиц сделать лучший выбор, но они также сопряжены с определенными рисками. Проблемы общественного выбора могут быть серьезными для регулирующих органов, которые сознательно учитывают поведенческие эффекты правил по умолчанию, особенно если они научатся манипулировать предпочтениями.

Точно так же более жесткие меры вмешательства, напрямую ограничивающие свободу выбора, как правило, очень «дорогие» для общества. Издержки таких ограничений выбора, особенно для лиц, принимающих решения, значительны и выходят далеко за пределы психических издержек ограниченной свободы выбора. Ограничения выбора могут исключить некоторые возможности обучения, которые могут со временем уменьшить количество ошибок в принятии решений. Это может происходить в основном в тех ограниченных обстоятельствах, когда лица, принимающие решения, пользуются условиями, необходимыми для обучения, включая прохождение заново и способность выявлять ошибки, связывать их с конкретными суждениями или выборами и приступать к их исправлению [7].

В целом, анализ показывает, что возможности для оправданных и эффективных, повышающих благосостояние, патерналистских вмешательств более ограничены, чем это может показаться на первый взгляд. Тем не менее государственное вмешательство не только иногда полезно, но и часто неизбежно. Так правовая система создает фон по умолчанию, который часто является отправной точкой для различных юридических решений и вариантов выбора. Поскольку эти отправные точки влияют на поведение при принятии решений, правительство неизбежно формирует некоторые суждения и конструирует некоторые предпочтения. Поэтому вместо того, чтобы полностью отвергать все патерналистские вмешательства, необходим дальнейший сравнительный анализ достоинств и недостатков различных доступных политических подходов.

Юридикобихевиористический анализ процесса формирования правовых убеждений

Важно отметить, что эффективность закона зависит от его учета соответствующих моделей человеческого поведения, в частности тех, которые были определены исследователями поведенческих решений, психологами, социологами и др. Это исследование полезно разделить на две общие области суждений и принятия решений (или «выбора»), также известных на экономическом языке как убеждения и предпочтения соответственно [8].

Изучение суждений связано с интуитивными суждениями, а именно с психическими процессами, которые не являются полностью автоматическими, тщательно продуманными или контролируемыми [9]. Например, при рассмотрении сложной логической, текстуально выраженной проблемы такие суждения занимают промежуточное положение между автоматическим визуальным восприятием проблемы, напечатанной на листе бумаги, и сознательным, формальным процессом рассуждения, необходимым для ее решения. В этом примере интуитивные суждения могут касаться таких вопросов, как приблизительная оценка ответа на проблему, быстрое предсказание времени, необходимого для ее решения, или немедленная оценка действительной сложности проблемы. Более того, изучение интуитивных суждений характе-

ризуется акцентом на том, как люди выносят суждения, которые, по сути, являются вероятностными, для формирования своих представлений о мире. С другой стороны, изучение процесса принятия решений изучает, как индивиды выбирают среди доступных им альтернатив, которые экономисты считают выражением предпочтений.

Индивиды ежедневно делают множество юридически значимых суждений о будущих, прошлых и настоящих событиях в условиях неопределенности (предсказывают будущие результаты выборов или эффективность коммерческого предприятия). Такие суждения требуют от индивидов – по крайней мере, предположительно – оценки вероятности различных результатов, т.е. задач, для решения которых они используют следующие эвристические инструменты.

Эвристика представительности (репрезентативности). Юридически значимые суждения часто требуют оценки вероятности того, что случай или событие принадлежат к определенному классу или возникли в результате или вызвали другое событие. Например, можно попросить определить, виновен ли обвиняемый в совершении преступления, в котором он обвиняется. Лица, принимающие решения, обычно отвечают на такие вопросы в зависимости от степени, в которой подсудимый похож на категорию правонарушителей [10].

Таким образом, в законе пренебрежение базовой информацией перед другими, сомнительными, но довольно репрезентативными доказательствами предполагает, что суды могут недооценивать «достоверные», научные, базовые факты, предоставленные свидетелями-экспертами [11]. Этот эффект репрезентативности также может помочь объяснить правило, согласно которому «доказательства характера», как правило, недопустимы в судебном процессе для доказательства истинности заявленного вопроса. Например, из-за правила «характер доказательств» прокурор не может представить доказательства того, что обвиняемый в убийстве ранее был судим за вооруженное ограбление. Традиционное объяснение правила, согласно которому обвиняемый не должен быть осужден ни потому, что он сомнительный человек, ни из-за прошлых проступков, несколько озадачивает. Логично, что свидетельство характера имеет значение, поскольку жестокие преступники с большей вероятностью, чем среднестатистический человек, совершат убийство. Однако характерные улики могут повысить репрезентативность обвиняемого, сделав бывшего вооруженного грабителя больше похожим на стереотипного убийцу. Кроме того, эти доказательства могут также привести к тому, что суд проигнорирует базовый факт, что вооруженные грабители в большинстве своем не являются убийцами, что приведет к неоправданному увеличению вероятности признания подсудимого виновным.

Эвристика доступности. Доступность – это еще одна важная эвристика замены атрибутов, которая часто используется при оценке частоты категории или вероятности событий. Суждение по доступности основывается на том, что люди лучше и быстрее вспоминают экземпляры больших классов, чем менее распро-

страненных классов, обнаружив, что им легче представить вероятные события, чем маловероятные, и об усилении ассоциативных психических связей, когда два события часто происходят одновременно [12].

Подобно другим эвристикам замены атрибутов, суждения на основе доступности выполняются быстро и без усилий. Поэтому лица, принимающие решения, обычно не осведомлены о процессах, которые они используют для вынесения таких суждений. Суждения по доступности также порождают предсказуемые ошибки. Например, люди обычно имеют разумные оценки относительной летальности различных потенциальных причин смерти (например, дорожно-транспортных происшествий, рака и т.д.). В то же время они систематически неверно оценивают частоту тех причин смерти, которые, как правило, недостаточно или слишком широко освещаются. Несчастные случаи переоцениваются, поскольку считается, что они вызывают столько же смертельных случаев, сколько и болезни, в то время как последние фактически вызывают примерно в 16 раз больше смертей. Точно так же резко переоценивается риск убийства, а риск смерти от инсульта недооценивается [13].

Юридическая важность учета ошибок, связанных с доступностью, очевидна. Такие предубеждения заставляют общественность переоценивать некоторые риски, иногда предъявляя чрезмерные требования к регулированию. Предубеждения в отношении доступности также важны в других правовых областях. Например, экономический анализ права предполагает, что сдерживание преступности может быть также достигнуто за счет увеличения размера или вероятности санкции [14]. Более того, поскольку усиление принудительных мер обычно обходится дороже, чем усиление строгости санкций, последнее, как правило, считается более эффективной стратегией сдерживания. Однако если преступники демонстрируют предвзятость в отношении доступности, эти выводы могут измениться. Во-первых, повышенная частота исполнения может быть более подходящей для преступников, чем повышенная суровость наказания, например, потому что преступники наблюдают повышенную активность полиции, но не причастны к распределению санкций. Если бы это было так, усиление правоприменения могло бы обеспечить большее эффективное сдерживание, чем усиление строгости наказания.

Эвристика аффекта. Люди часто выносят суждения, основываясь на аффективных реакциях. В этих ситуациях они заменяют аффективные «метки», связанные с целями суждения, на прямую оценку этих целей. Эта эвристика аффекта упрощает процессы суждения за счет обращения к легкодоступным аффективным впечатлениям, используя аффективные метки, во многом аналогичные когнитивным меткам, используемым эвристикой репрезентативности и доступности.

В этих случаях оценка результатов лицами, принимающими решения, в значительной степени зависит от того, помечены ли результаты как аффективно «положительные» или «отрицательные». Например, исследования показывают, что когда суждения основаны на аффективных реакциях, вариации вероятно-

сти различных исходов имеют относительно небольшое значение [15]. Следовательно, богатые аффектами результаты дают значительный перевес малых вероятностей. Так же как и в случае эвристики доступности, это влияние аффекта может привести к чрезмерному общественному спросу на регулирование рисков, которые имеют очень низкую вероятность, но вызывают сильное негативное влияние [16]. Типичные примеры могут включать требования по регулированию опасностей окружающей среды, которые вызывают резко отрицательную аффективную реакцию.

Эвристика аффекта также может сыграть роль в зале суда [17]. Например, вероятность принятия решения в пользу данной стороны может увеличиваться или уменьшаться в зависимости от эмоциональной реакции, которую сторона вызывает в суде. Исследователи также показали, что присуждение штрафных санкций отражает возмущение присяжных, т.е. их эмоциональную реакцию на обстоятельства дела [18]. Таким образом, судьи и лица, определяющие правовую политику в области деликта, должны принимать во внимание вероятное игнорирование присяжными некоторых юридически значимых факторов, таких как ожидаемая вероятность причинения вреда.

Люди также полагаются на эвристику аффектов при оценке рисков и преимуществ различных видов деятельности, таких как атомная энергия или курение сигарет. Таким образом, суждения о рисках и пользе опасностей часто имеют отрицательную корреляцию, так что люди полагают малорисковыми те виды деятельности, которые они считают полезными, например вакцинацию, и высокорисковыми те виды деятельности, которые они считают бесполезными. Следовательно, некоторые ученые выступали за усиление ответственности или иное регулирование производителей, которые используют рекламу для усиления положительного воздействия, связанного с вредными продуктами, такими как сигареты, и тем самым снижают восприятие рисков, связанных с этими продуктами [19].

Надо отметить, что субъекты права могут демонстрировать систематические предубеждения помимо эвристики подстановки атрибутов. Эти дополнительные предубеждения являются результатом определенных характеристик общих механизмов обработки когнитивной информации.

В частности, хорошо изученная ошибка, возникающая из-за механизмов обработки информации, – это ошибка ретроспективного анализа. Оглядываясь назад, люди переоценивают предсказуемость прошлых событий. Исследования показывают, что это предубеждение является результатом автоматического обновления убеждений после обработки новой информации [20].

Вместе с тем на суждения лиц, принимающих решения, также систематически влияют мотивация и эмоции, даже если они не полагаются на аффективные метки как эвристику замены атрибутов. Убеждения людей окрашены их предпочтениями, и они часто чрезмерно оптимистичны, переоценивают свои положительные черты, способности и навыки, а также вероятность того, что их ждут положительные события [21]. В то же время люди также недооценивают сте-

пень, в которой они уязвимы для различных рисков [22]. В результате такого чрезмерного оптимизма, например, люди могут не принимать достаточных мер предосторожности при занятии опасными видами деятельности, такими как вождение автомобиля.

Помимо излишнего оптимизма, лица, принимающие решения, демонстрируют эгоцентрические или мотивированные рассуждения: например, они вкладывают в информацию значение, которое для них более предпочтительно [23], и демонстрируют суждения о справедливости, ориентированные на их собственные интересы. Такие эгоцентрические предубеждения имеют очевидные последствия в правотворческой и правоприменительной деятельности, а также для анализа судебных процессов и урегулирования споров.

Например, как теоретические данные, так и экспериментальные исследования показывают, что интерпретация юридических доказательств лицами, принимающими решения, искажена из-за того, что они являются истцами или ответчиками. Важно отметить, что эти предубеждения обнаруживаются не только в суждениях о «правильных» юридических исходах дела, но также и в предсказаниях решения, которое вынесет беспристрастный судья, а также в том, что представляет собой «справедливое» предложение урегулирования спора для другой стороны в судебном процессе.

Заключение

В этой работе бихевиористический анализ права определяется как применение эмпирических поведенческих свидетельств к анализу правовых норм и институтов. Это определение помогло очертить границы поведенческого подхода и некоторые его центральные методологические особенности, организованные вокруг изложенных положений.

Общие положения объясняли, что эффективность закона часто зависит от того, насколько он учитывает соответствующие модели человеческого поведения, в первую очередь те, которые были определены учеными, занимающимися изучением поведения, и исследователями в смежных областях.

Предпринята попытка объяснения, что поведенческий подход одновременно нормативно нейтрален и нормативно значим. Было подчеркнуто требование нормативной нейтральности, поскольку дебаты в юридической литературе иногда имеют тенденцию путать поведенческий подход в целом с его конкретным, хотя и наиболее центральным и заметным вариантом поведенческого закона и экономики.

Отдельно проиллюстрирована нормативная значимость поведенческого анализа права в сочетании с другими нормативными подходами. В частности, в этой части рассматривались текущие дебаты среди ученых-юристов о том, оправдывают ли поведенческие выводы, с точки зрения социального обеспечения, патерналистское вмешательство (вмешательство государства). Взвесив данные о недостатках и преимуществах патернализма, основанного на поведении, в этой части было обнаружено, что оправданное вмешательство должно преодолевать множество препятствий, помимо простого доказательства человеческой ошибки. Однако с точ-

ки зрения социального обеспечения такие вмешательства иногда могут быть полезными.

Развивая эту тему, были рассмотрены некоторые важные поведенческие выводы, относящиеся к категории суждений – способам, которыми люди форми-

руют и обновляют свои представления об окружающем мире. Описанные поведенческие свидетельства помещались в правовой контекст, так что потенциальная важность описываемых явлений для понимания государства и права стала очевидной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Camerer C., Issacharoff S., Loewenstein G., O'Donoghue T., Rabin M. Regulation for Conservatives: Behavioral Economics and the Case for "Asymmetric Paternalism" // *University of Pennsylvania Law Review*. 2003. Vol. 151 (3). P. 1211–1254.
2. Shapira-Ettinger K., Shapira R.A. The Constructive Value of Overconfidence // *Review of Law & Economics*. 2008. Vol. 4 (3). P. 751–778.
3. Einhorn H.J. Learning from Experience and Suboptimal Rules in Decision Making // *Judgement under Uncertainty : Heuristics and Biases* / ed. by D. Kahneman, P. Slovic, A. Tversky. Cambridge University Press, 1982. P. 268–284.
4. Barberis N., Thaler R.H. A Survey of Behavioral Finance // *Handbook of the Economics of Finance*. 2003. Vol. 1, p. 2. P. 1053–1128.
5. Kahneman D., Frederick S. Representativeness Revisited: Attribute Substitution in Intuitive Judgment // *Heuristics and Biases. The Psychology of Intuitive Judgment*. Cambridge University Press, 2002. P. 49–81.
6. Slovic P., Fischhoff B., Lichtenstein S. Facts Versus Fears: Understanding Perceived Risk // *Judgement under Uncertainty : Heuristics and Biases* / ed. by D. Kahneman, P. Slovic, A. Tversky. Cambridge University Press, 1982. P. 463–490.
7. Sunstein C.R. Probability Neglect: Emotions, Worst Cases, and Law. 2001. doi: 10.2139/ssrn.292149
8. Hoffrage U., Hertwig R., Gigerenzer G. Hindsight Bias: A ByProduct of Knowledge Updating? // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, & Cognition*. 2000. Vol. 26. P. 566–581.
9. Kahneman D., Tversky A. Choices, Values, and Frames // *American Psychologist*. 1984. Vol. 39 (4). P. 341–350.
10. Jolls C., Sunstein C., Thaler R. A Behavioral Approach to Law and Economics // *Stanford Law Review*. 1998. Vol. 50. P. 1471–1550.
11. Thaler R.H. Toward a Positive Theory of Consumer Choice // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 1980. Vol. 1, Is. 1. P. 39–60.
12. Coase R.H. The Problem of Social Cost // *Journal of Law and Economics*. 1960. Vol. 3. P. 1–44.
13. Klick J., Mitchell G. Government Regulation of Irrationality: Moral and Cognitive Hazards // *Minnesota Law Review*. 2006. Vol. 90. P. 1620–1663.
14. Shavell S. The Optimal Structure of Law Enforcement // *The Journal of Law & Economics*. 1993. Vol. 36, № 1, p. 2. John M. Olin Centennial Conference in Law and Economics at the University of Chicago. P. 255–287.
15. Arkes H.R., Ayton P. The Sunk Cost and Concorde Effects: Are Humans Less Rational Than Lower Animals? // *Psychological Bulletin*. 1999. Vol. 125 (5). P. 591–600.
16. Tversky A., Kahneman D. Subjective Probability: A Judgment of Representativeness // *Cognitive Psychology*. 1972. Vol. 3, Is. 3. P. 430–454.
17. Saks M.J., Kidd R.F. Human Information Processing and Adjudication: Trial by Heuristics // *Law & Society Review*. 1980. Vol. 15, № 1. P. 123–160.
18. Tversky A., Kahneman D. Judgment Under Uncertainty: Heuristics and Biases // *Science*. 1974. Vol. 185, Is. 4157. P. 1124–1131.
19. Becker G.S. Crime and Punishment: An Economic Approach // *Journal of Political Economy*. 1968. Vol. 76, № 2. P. 169–217.
20. Rottenstreich Y., Hsee C.K. Money, Kisses, and Electric Shocks: On the Affective Psychology of Risk // *Psychological Science*. 2001. Vol. 12. P. 185–190.
21. Rachlinski J.J. Bottom-Up versus Top-Down Lawmaking // *University of Chicago Law Review*. 2006. Vol. 73, № 3. P. 34–56.
22. Kahneman D., Schkade D., Sunstein C.R. Shared Outrage and Erratic Awards: The Psychology of Punitive Damages // *Journal of Risk and Uncertainty*. 1998. Vol. 16, № 1. Special Issue in Honor of Amos Tversky. P. 49–86.
23. Hanson J.D., Kysar D.A. Taking Behavioralism Seriously: Some Evidence of Market Manipulation // *Harvard Law Review*. 1999. Vol. 112, № 7. P. 1420–1572.

Статья представлена научной редакцией «Право» 26 ноября 2021 г.

A Behavioral Approach in Legal Research

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 231–237.

DOI: 10.17223/15617793/473/29

Aleksey V. Zyryanov, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: zav-nauka@mail.ru

Keywords: legal science; methodology; behaviorism; formation of beliefs; decision making.

The article explores the methodological features of a behavioral approach in legal research. The author defines behavioral analysis of law as the application of empirical behavioral evidence to the analysis of legal norms and institutions. This definition has helped to outline the boundaries of the behavioral approach and some of its central methodological features, organized around the points outlined. The methods used include comparative analysis, generalization, concretization, historical, psychological, statistical, logical, functional, and the behavioral method proper. The conclusions of the study are the following provisions. General statements explain that the effectiveness of a law often depends on the extent to which it takes into account relevant patterns of human behavior, primarily those that have been identified by behavioral scientists and researchers in related fields. The author attempts to explain that behaviorism is both normatively neutral and normatively meaningful. The requirement of normative neutrality is stressed, since debates in the legal literature sometimes tend to confuse the behavioral approach as a whole with its particular, though most central and prominent, version of behavioral law and economics. The normative relevance of behavioral law analysis in conjunction with other normative approaches is illustrated separately. In particular, this part examines the current debate among legal scholars as to whether behavioral conclusions, from a social welfare perspective, justify paternalistic (state) intervention. Weighing the evidence on the disadvantages and advantages of behavioral paternalism, this part reveals that justified intervention must overcome many obstacles beyond a mere proof of human error. From a social welfare perspective, however, such interventions can sometimes be useful. In view of the above, the scientist's cognitive attitude, combining both critical and self-critical analysis of scientific achievements, which, in turn, is conditioned by the amount of knowledge about the quantity and quality of existing methodological approaches in legal research, one of which is the behaviorist one, seems to be productive.

REFERENCES

1. Camerer, C. et al. (2003) Regulation for Conservatives: Behavioral Economics and the Case for "Asymmetric Paternalism". *University of Pennsylvania Law Review*. 151 (3). pp. 1211–1254.
2. Shapira-Ettinger, K. & Shapira, R.A. (2008) The Constructive Value of Overconfidence. *Review of Law & Economics*. 4 (3). P. 751–778.

3. Einhorn, H.J. (1982) Learning from Experience and Suboptimal Rules in Decision Making. In: Kahneman, D., Slovic, P. & Tversky, A. (eds) *Judgement under Uncertainty: Heuristics and Biases*. Cambridge University Press. pp. 268–284.
4. Barberis, N. & Thaler, R.H. (2003) A Survey of Behavioral Finance. In: Constantinides, G., Harris, M. & Stulz, R. (eds) *Handbook of the Economics of Finance*. Vol. 1 (2). Elsevier. pp. 1053–1128.
5. Kahneman, D. & Frederick, S. (2002) Representativeness Revisited: Attribute Substitution in Intuitive Judgment. In: *Heuristics and Biases. The Psychology of Intuitive Judgment*. Cambridge University Press. pp. 49–81.
6. Slovic, P., Fischhoff, B. & Lichtenstein, S. (1982) Facts Versus Fears: Understanding Perceived Risk. In: Kahneman, D., Slovic, P. & Tversky, A. (eds) *Judgement under Uncertainty: Heuristics and Biases*. Cambridge University Press. pp. 463–490.
7. Sunstein, C.R. (2001) *Probability Neglect: Emotions, Worst Cases, and Law*. DOI: 10.2139/ssrn.292149
8. Hoffrage, U., Hertwig, R. & Gigerenzer, G. (2000) Hindsight Bias: A ByProduct of Knowledge Updating? *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, & Cognition*. 26. pp. 566–581.
9. Kahneman, D. & Tversky, A. (1984) Choices, Values, and Frames. *American Psychologist*. 39 (4). pp. 341–350.
10. Jolls, C., Sunstein, C. & Thaler, R. (1998) A Behavioral Approach to Law and Economics. *Stanford Law Review*. 50. pp. 1471–1550.
11. Thaler, R.H. (1980) Toward a Positive Theory of Consumer Choice. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 1 (1). pp. 39–60.
12. Coase, R.H. (1960) The Problem of Social Cost. *Journal of Law and Economics*. 3. pp. 1–44.
13. Klick, J. & Mitchell, G. (2006) Government Regulation of Irrationality: Moral and Cognitive Hazards. *Minnesota Law Review*. 90. pp. 1620–1663.
14. Shavell, S. (1993) The Optimal Structure of Law Enforcement. *The Journal of Law & Economics*. 36 (1). pp. 255–287.
15. Arkes, H.R. & Ayton, P. (1999) The Sunk Cost and Concorde Effects: Are Humans Less Rational Than Lower Animals? *Psychological Bulletin*. 125 (5). pp. 591–600.
16. Tversky, A. & Kahneman, D. (1972) Subjective Probability: A Judgment of Representativeness. *Cognitive Psychology*. 3 (3). pp. 430–454.
17. Saks, M.J. & Kidd, R.F. (1980) Human Information Processing and Adjudication: Trial by Heuristics. *Law & Society Review*. 15 (1). pp. 123–160.
18. Tversky, A. & Kahneman, D. (1974) Judgment Under Uncertainty: Heuristics and Biases. *Science*. 185 (4157). pp. 1124–1131.
19. Becker, G.S. (1968) Crime and Punishment: An Economic Approach. *Journal of Political Economy*. 76 (2). pp. 169–217.
20. Rottenstreich, Y. & Hsee, C.K. (2001) Money, Kisses, and Electric Shocks: On the Affective Psychology of Risk. *Psychological Science*. 12. pp. 185–190.
21. Rachlinski, J.J. (2006) Bottom-Up versus Top-Down Lawmaking. *University of Chicago Law Review*. 73 (3). pp. 34–56.
22. Kahneman, D., Schkade, D. & Sunstein, C.R. (1998) Shared Outrage and Erratic Awards: The Psychology of Punitive Damages. *Journal of Risk and Uncertainty*. 16 (1). Special Issue in Honor of Amos Tversky. pp. 49–86.
23. Hanson, J.D. & Kysar, D.A. (1999) Taking Behavioralism Seriously: Some Evidence of Market Manipulation. *Harvard Law Review*. 112 (7). pp. 1420–1572.

Received: 26 November 2021

А.А. Нуждин

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОЕ МЕРОПРИЯТИЕ «ОПРОС» В ВЫЯВЛЕНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СПОСОБСТВОВАВШИХ СОВЕРШЕНИЮ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ВИДЫ ОПРОСА И ТЕХНОЛОГИЯ ЕГО ПРОВЕДЕНИЯ

На основании данных статистической отчетности и результатов опроса сотрудников уголовно-исполнительной системы рассматривается эффективность применения оперативно-розыскного мероприятия «опрос» в процессе выявления обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений. Раскрыта правовая природа опроса, показаны его универсальность и обоснованность проведения с целью выявления обстоятельств, способствовавших совершению преступлений. Рассматриваются виды опроса и тактика его проведения.

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия; опрос; предупреждение; расследование; обстоятельства, способствовавшие совершению преступления; подозреваемый; обвиняемый; осужденный; учреждение уголовно-исполнительной системы

Введение

За последние несколько лет в уголовно-исполнительной системе регистрируется рост преступлений, совершаемых осужденными и лицами, заключенными под стражу, коэффициент преступности неуклонно растет (таблица).

Количественная характеристика пенитенциарной преступности [1]

Год	Количество осужденных и лиц, заключенных под стражу	Количество зарегистрированных пенитенциарных преступлений	Коэффициент преступности на 1000 чел.
2015	646 085	940	1,45
2016	630 155	960	1,52
2017	602 176	977	1,62
2018	574 447	1024	1,78
2019	535 514	1171	2,18
2020	495 841	1184	2,38

В свете приведенных данных особенно важной становится деятельность по предупреждению пенитенциарных преступлений, а в особенности – по выявлению обстоятельств, способствовавших совершению указанной категории преступлений.

Ввиду того, что предупреждение пенитенциарных преступлений является одной из целей уголовно-исполнительного законодательства (ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации), то и просто повседневная деятельность персонала, выполнение ими своих должностных обязанностей будут направлены, в том числе, и на предупреждение пенитенциарных преступлений.

В рамках уголовной юстиции предупредительная деятельность в учреждениях уголовно-исполнительной системы осуществляется должностными лицами с применением уголовно-правовых, криминологических, уголовно-процессуальных, криминалистических, оперативно-розыскных и режимных средств и приемов, а также с применением мер прокурорского надзора. При расследовании преступлений предупредительная деятельность дознавателя, следователя происходит в процессе выявления обстоятельств, способствовавших совершению преступлений (ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Фе-

дерации), и их последующего устранения (ст. 158 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Выявление обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений, производится посредством целого комплекса мер: производство процессуальных (в том числе следственных) действий, проведение оперативно-розыскных мероприятий, проведение комплекса режимных мероприятий и так далее. И если использование результатов оперативно-розыскной деятельности (которые не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам) в процессе доказывания запрещается (ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), то для выявления обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, такого ограничения нет. Следовательно, результаты оперативно-розыскной деятельности играют важную роль в выявлении обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений.

Опрос как вид оперативно-розыскной деятельности получил свое широкое распространение с момента вступления в силу действующего оперативно-розыскного законодательства. Сведения, получаемые с применением данного мероприятия, составляют значительную (в отдельных случаях основную) часть оперативно-розыскной информации.

Профессиональное, системное, своевременное проведение опроса способствует получению информации о:

- причинах и условиях, способствовавших совершению преступления;
- возникновении и развитии преступного умысла осужденных и лиц, заключенных под стражу;
- лицах, склонных к совершению преступлений;
- постановке осужденных и лиц, заключенных под стражу, на тот или иной вид профилактического учета.

Сущность опроса заключается в проведении специальных бесед с осужденными, лицами, заключенными под стражу, сотрудниками уголовно-исполнительной системы, с лицами, прибывающими на территорию учреждения уголовно-исполнительной системы, с целью выяснения различных обстоятельств (обстоятельств, представляющих оперативный интерес).

Законодательство об оперативно-розыскной деятельности не содержит определений оперативно-розыскных мероприятий, в том числе и опроса. В научной литературе можно встретить достаточно много авторских определений опроса. Так, комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» определяет опрос «как сбор фактической информации, имеющей значение для решения конкретной задачи оперативно-розыскной деятельности, со слов опрашиваемого лица, которое реально или вероятно обладает ею» [2. С. 87]. С.А. Учускин и И.А. Писарев под опросом понимают «оперативно-розыскное мероприятие, представляющее собой специальное общение с лицом с целью получения от последнего информации, имеющей значение для решения задач оперативно-розыскной деятельности» [3. С. 66]. А.С. Абилов в своем диссертационном исследовании пришел к выводу, что «опрос – оперативно-розыскное мероприятие, представляющее собой сбор фактической информации, имеющей значение для решения конкретной задачи оперативно-розыскной деятельности, у опрашиваемого лица, которое реально или вероятно ею обладает» [4. С. 6]. Обобщая указанные выше определения, подытожим, что основные сущностные характеристики опроса заключаются в сборе информации, имеющей значение для решения задач оперативно-розыскной деятельности, у лиц, реально или вероятно ею обладающими. Цель настоящего научного исследования заключается в разрешении вопросов, связанных с проведением опроса, а также с совершенствованием использования его результатов в процессе выявления обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений.

Основная часть

Опрос в учреждениях уголовно-исполнительной системы, как и другие оперативно-розыскные меры, проводится на основании уголовно-исполнительного и оперативно-розыскного законов. Во всех указанных выше документах задачи оперативно-розыскной деятельности практически совпадают и применяются при предупреждении, раскрытии и расследовании пенитенциарных преступлений. Соответственно можно утверждать, что проведение опроса помогает в решении двух основных задач:

– предупреждение преступлений (выявление причин преступных деяний, а также условий, им способствующих; выявление лиц, способных совершить преступление; выявление лиц, готовящих преступление; выявление лиц, обладающих информацией о готовящемся преступлении; проверка эффективности проводимых в учреждениях уголовно-исполнительной системы мероприятий; выявление лиц, гласная или негласная помощь которых будет способствовать выявлению готовящихся преступлений; получение информации о каналах поступления запрещенных предметов, которые могут быть использованы при совершении преступлений; выявление мест хранения орудий готовящихся преступлений);

– раскрытие преступлений (выявление признаков преступных посягательств; получение и проверка ин-

формации о совершенном преступлении; выявление лиц, имеющих отношение к совершенному преступлению; выявление лиц, обладающих информацией о совершенном преступлении; выявление мест хранения орудий преступления).

Субъектами проведения опроса являются сотрудники оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы. Также, в процессе предупреждения и раскрытия пенитенциарных преступлений, опрос могут проводить иные должностные лица, наделенные законодательством оперативно-розыскными полномочиями (должностные лица органов внутренних дел, федеральной службы безопасности и так далее).

Опрос часто используется вместе с проведением иных оперативно-розыскных мероприятий (наведение справок, оперативное внедрение). Применение различных тактических приемов опроса при проведении иных оперативно-розыскных мероприятий помогает быстрее достичь поставленную задачу.

Тактически верно проведенный опрос осужденных и лиц, заключенных под стражу, может дать большее количество оперативно значимой информации, чем любое следственное действие.

Опрос может быть проведен с любым подозреваемым, обвиняемым и осужденным, а также с лицом, прибывающим на территорию учреждения уголовно-исполнительной системы. Но целесообразней проводить опрос с лицами, обладающими какой-либо значимой информацией о совершенном преступлении. Практика предупреждения и раскрытия пенитенциарных преступлений позволяет выделить две основные группы, представляющие оперативный интерес:

1) лица, причастные к совершению преступления (осужденные, подозреваемые, обвиняемые, лица, прибывающие на территорию учреждения уголовно-исполнительной системы для решения семейно-бытовых проблем). К данной категории можно отнести как лиц, совершивших преступление, их соучастников, так и потерпевших. Они обладают всей полнотой информации о совершенном преступлении, но зачастую отказываются рассказывать об обстоятельствах совершенного преступления;

2) лица, не имеющие отношения к совершенному преступлению, но обладающие значимой информацией. Данная категория граждан наиболее многочисленна, и выявление их из общей массы подозреваемых, обвиняемых, осужденных и лиц, прибывающих на территорию учреждений уголовно-исполнительной системы, довольно затруднительно (лица, содержащиеся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, редко сотрудничают с представителями администрации исправительных учреждений и следственных изоляторов и стараются не распространяться об имеющейся в их распоряжении информации). К числу данных граждан, помимо лиц, которые стали свидетелями подготовки или совершения преступления (подозреваемые, обвиняемые и осужденные; родственники осужденных и лиц, заключенных под стражу, которым может быть известна оперативно-значимая информация), можно отнести сотрудников уголовно-исполнительной системы, которые в соответствии со своими должностными обязанностями представляют

оперативный интерес (начальники отрядов, сотрудники отделов режима, охраны, медицинские работники, должностные лица, заступающие на различные виды дежурств). Граждане, представляющие вторую категорию, сами не представляют, что обладают какой-либо значимой информацией. В практике расследования пенитенциарных преступлений бывают случаи, когда опрос одного человека не дает никакой важной информации, в то время как опрос нескольких позволяет составить какую-либо «картину» совершенного преступления или хотя бы сориентирует оперативно-го работника в его дальнейших действиях.

Важно понимать, что приведенный перечень лиц не является исчерпывающим, он может быть изменен с учетом складывающейся оперативно-режимной ситуации при расследовании конкретного преступления.

Каким бы образом не складывалась ситуация в процессе расследования конкретного пенитенциарного преступления, в зависимости от целей, задач и применяемых тактических приемов опрос традиционно принято подразделять на четыре вида: гласный, без зашифровки цели; гласный, с зашифровкой цели; негласный, без зашифровки цели; негласный, с зашифровкой цели (рис. 1). Такая классификация проводится по двум критериям: степени гласности относительно третьих лиц и уровня зашифровки относительно опрашиваемого. Рассмотренная классификация является базовой и в полной мере отражает все виды опросов, которые применяются при выявлении обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений.

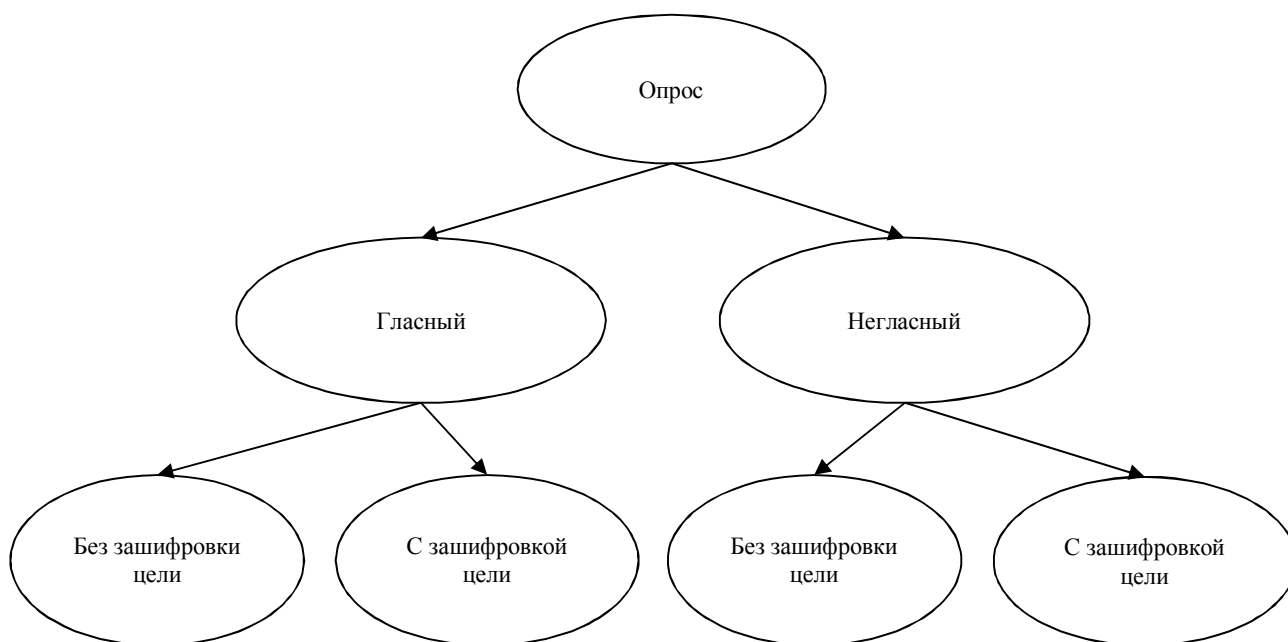

Рис. 1. Виды опроса

Гласный опрос без зашифровки целей зачастую проводится в том случае, когда конспирировать подлинные цели беседы нет необходимости. Такой опрос проводится чаще всего на месте происшествия, сокрытие цели беседы не требуется, так как оперативно сотруднику необходимо как можно быстрее получить криминалистически значимые сведения, выявить максимальное количество обстоятельств, способствовавших совершению преступления. От оперативности полученной информации может зависеть в том числе и скорость раскрытия совершенного преступления. Подобный опрос по времени его проведения является кратким и проводится как в отношении лица, совершившего преступление, так и в отношении иных лиц, которые могут обладать оперативно значимой информацией. Опрос при указанных выше обстоятельствах чаще всего проводится при выявлении обстоятельств, способствовавших совершению преступлений против личности, побегов и дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Гласный опрос с зашифровкой цели необходимо проводить в тех случаях, когда у оперативного сотрудника возникают сомнения, что опрашиваемый пойдет на контакт и сообщит правдивые сведения. Чаще всего данный вид опроса проводится в случае уже имеющейся информации, что подозреваемый, обвиняемый или осужденный имеет умысел на совершение повторного преступления или уже приступил к его подготовке. Опрашиваемое лицо (а также окружающие лица) не представляет истинную цель опроса, но убеждается, что сотрудники оперативных подразделений владеют информацией о готовящемся преступлении. Проведение такого вида опроса будет эффективным, когда имеется информация, что доставка запрещенных предметов (предположим, наркотических средств) на территорию исправительного учреждения или следственного изолятора будет продолжаться.

Основа негласного опроса заключается в том, чтобы факт вызова опрашиваемого лица и содержание беседы были сохранены втайне от окружающих. Про-

ведение подобного вида опроса будет эффективно в двух случаях: когда необходимо, чтобы лицам, подозреваемым в совершении преступления, не стало преждевременно известно о проявляемом в отношении них интересе со стороны оперативных сотрудников, и когда необходимо обеспечить безопасность опрашиваемого.

При проведении негласного опроса без зашифровки цели необходимо убедиться, что опрашиваемый не станет разглашать детали опроса. Оперативному сотруднику необходимо быть уверенным, что сам факт опроса и его содержание не станут известны третьим лицам. Отсутствие зашифровки цели опроса позволяет более точно сформулировать вопросы, получить максимально развернутые ответы, что повлияет на полноту информации. Негласный опрос без зашифровки цели проводится в бесконфликтной ситуации, когда опрашиваемое лицо расположено к даче правдивых ответов.

Негласный опрос с зашифровкой цели представляет собой наиболее сложный в тактическом плане вид опроса. Это связано с тем, что оперативному сотруднику в качестве повода для беседы необходимо придумать какое-либо второстепенное событие или заlegenдировать действительное, рассказывая которое, опрашиваемый точно не догадается об истинной цели опроса. Также оперативному сотруднику необходимо заранее разработать перечень вопросов, которые не будут выдавать истинной цели опроса, но в то же время ответы на них позволят получить требуемую информацию. Соответственно, такой вид опроса проводится только при условии предварительной подготовки. Данный вид опроса осуществляется в отношении лиц, которые находятся в близком контакте с лицом, совершившим преступление, и у оперативного сотрудника нет уверенности, что опрашиваемый сохранит втайне как сам факт беседы, так и ее содержание.

Практика расследования и предупреждения пенитенциарных преступлений показывает, что в зависимости от складывающейся оперативно-режимной ситуации зачастую различные виды опроса комбинируются, в том числе в отношении одних и тех же лиц, что позволяет выявить больше обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

Каким бы образом не складывалась оперативная ситуация, на какой бы стадии не производилось расследование, на каком бы этапе не находилась предупредительная работа, залог успешного, а главное максимально эффективного опроса будет заключаться в выборе и соблюдении тактических условий и приемов проведения опроса.

Анализ опроса сотрудников уголовно-исполнительной системы позволил выделить основные условия проведения опроса с целью выявления обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений:

- правильный выбор лица, в отношении которого будет проводиться опрос;
- уровень подготовки оперативного сотрудника к проведению опроса;
- выбор тактических приемов (операций и комбинаций), используемых при опросе;

– соблюдение действующего законодательства [5. С. 82].

Выбор лица для опроса определяется в соответствии со стоящей конкретной задачей, степенью осведомленности опрашиваемого об интересующих обстоятельствах. Для максимально эффективного проведения опроса необходимо выяснить и учитывать сведения, характеризующее данное лицо.

Указанную выше классификацию объектов опроса необходимо дополнить, так как предупреждение пенитенциарных преступлений расширяет круг опрашиваемых лиц и включает в себя: подозреваемых, обвиняемых, осужденных; сотрудников уголовно-исполнительной системы; граждан, прибывающих на территорию исправительного учреждения или следственного изолятора.

Проверку и сбор сведений о лице, в отношении которого планируется проведение опроса, необходимо производить всеми возможными законными способами (гласными и негласными). Сбор сведений о подозреваемых, обвиняемых и осужденных практически никогда не вызывает особых трудностей. Некоторые проблемы могут возникать с подозреваемыми/обвиняемыми и осужденными, которые только прибыли в учреждения уголовно-исполнительной системы. В арсенале оперативного сотрудника имеется целый комплекс необходимых материалов, начиная от личного дела подозреваемого, обвиняемого, осужденного и заканчивая данными психолога и медицинского работника. Лица, отбывающие наказание или содержащиеся под стражей, находятся постоянно в поле зрения контролирующих органов, их поведение, отношение к наказанию/заключению, взаимоотношения внутри отряда не представляют какого-либо секрета. В силах оперативного сотрудника изучить лицо с тех сторон, которые могут проявиться при опросе.

Если необходимо провести опрос в отношении сотрудника уголовно-исполнительной системы, то проблем в проверке и сборе данных о нем практически не встречается.

Наибольшую трудность в проверке и сборе информации представляют лица, прибывающие на территорию учреждения уголовно-исполнительной системы. Опрос сотрудников показал, что в 35% случаев им приходилось опрашивать родственников и знакомых подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Какой-либо информации о данных лицах в распоряжении оперативных работников не было. Лишь 8% респондентов старались заранее собрать сведения об опрашиваемом лице. Справедливости ради стоит отметить, что в 90% выявленных случаев опрос лиц, прибывших в исправительное учреждение или следственный изолятор, проводился гласно без зашифровки цели, без предварительной подготовки, так как был связан с проносом на режимную территорию запрещенных предметов.

Подготовка сотрудников оперативных подразделений к проведению опроса должна состоять из: выбора содержания вопросов, которые необходимо выяснить, и последовательности их задания; выбора места проведения опроса [6. С. 208].

Содержание вопросов должно быть определено исходя из ранее изученных личностных особенностей

опрашиваемого, его статуса и складывающейся оперативной обстановки. Проведенное исследование позволило сделать вывод, что зачастую в ходе проведения опроса оперативному сотруднику приходится менять тактику проведения рассматриваемого оперативно-розыскного мероприятия (на это указали 84% опрошенных сотрудников уголовно-исполнительной системы). Причиной данного явления послужили поведение опрашиваемого, складывающаяся конфликтная (или бесконфликтная) ситуация, количество и характер сообщаемых опрашиваемым сведений. Выбор тактических приемов опроса, их эффективность в первую очередь зависят от конкретной ситуации, но всегда стоит помнить, что опрос – это разновидность социального диалога (беседы), где необходимо установить определенный психологический контакт.

Опрос должен быть проведен в форме развернутого диалога, при котором оперативный сотрудник располагает опрашиваемого к откровенной беседе. С целью соблюдения законодательства основным средством воздействия должно быть убеждение. С точки зрения психологической теории под психологическим контактом следует понимать складывающиеся отношения между оперативным сотрудником и опрашиваемым лицом, когда последний добровольно вступает в беседу, проявляет готовность при ответе на вопросы, дает правдивую информацию [7. С. 35].

Выбор места проведения опроса зависит от вида опроса (гласный или негласный), от времени проведения (первоначальный или дополнительный) и от складывающейся ситуации в процессе расследования пенитенциарного преступления. На месте происшествия зачастую проводятся гласные опросы без зашифровки целей, так как необходимо максимально быстро получить информацию об обстоятельствах, способствовавших совершению преступления. Такой опрос чаще всего является первоначальным и проводится без предварительной подготовки.

С целью более детального выявления обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, целесообразно дополнительный опрос с предварительной подготовкой проводить в кабинете оперативного сотрудника.

Опрошенные сотрудники территориальных органов уголовно-исполнительной системы в 100% случаев указывали на необходимость комбинирования различных средств, методов, мест и форм опроса. В их практической деятельности встречались ситуации, когда лицо, гласно опрашиваемое на месте происшествия, вступало в конфликтную ситуацию, отказывалось отвечать на вопросы или давало заведомо ложные сведения, а в кабинете оперативного работника, при негласном опросе (даже без зашифровки целей) шло на психологический контакт и делилось большим количеством оперативно значимой информации. Это объясняется тем, что подавляющее количество подозреваемых, обвиняемых и осужденных не хотят быть дискредитированы в глазах других осужденных и лиц, содержащихся под стражей, боясь мести с их стороны.

Выбор тактических приемов при проведении опроса зависит в первую очередь от его вида и объекта опроса. Складывающаяся следственная ситуация

также будет влиять на тактику проведения опроса. Важно понимать, что большое число обстоятельств, способствовавших совершению преступления, выявляется при проведении следственных действий, в частности при допросе. В соответствии с действующим законодательством допрос проводят следователи или дознаватели, то есть лица, не осуществляющие свою трудовую деятельность в учреждении уголовно-исполнительной системы, плохо осведомленные об условиях отбывания наказания (содержания под стражей) и сложившейся оперативно-режимной ситуации. Также допрос проводится в отношении определенного круга субъектов – участников уголовного судопроизводства. Следовательно, выявление обстоятельств посредством допроса не всегда будет максимально эффективным. Опрос же проводится оперативным сотрудником учреждения уголовно-исполнительной системы в отношении практически любого лица, если известно, что оно обладает какими-либо значимыми сведениями. Опрос можно провести негласно, с легендированием личности опрашиваемого. С одной стороны, сведения, полученные при опросе, не являются процессуальными, но с другой – с помощью опроса можно выявить (или уточнить) большое количество обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарного преступления.

Не стоит забывать, что определенная свобода действий при проведении опроса не освобождает оперативного сотрудника от соблюдения закона. При проведении опроса оперативный сотрудник должен соблюдать ряд правил:

- подготовка, организация, тактика проведения опроса должны соответствовать требованиям действующего законодательства;
- опрос должен быть проведен в целях оперативно-розыскного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и иного законодательства;
- оперативный сотрудник должен четко отграничивать опрос от допроса;
- опрос является добровольным действием, принуждать к ответам на вопросы недопустимо. Основным методом опроса является убеждение;
- информация, полученная в ходе проведения опроса, не может быть использована как доказательство, а направлена на выявление обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарного преступления (в том числе).

Стоит отметить, что оформление результатов опроса является важной составляющей организации всей предупредительной деятельности в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Результаты опроса могут быть оформлены в виде объяснения, составления протокола о явке с повинной, заявления, справки, рапорта, а также иного оперативно-служебного документа. В отличие от допроса, результаты опроса могут быть отражены в документах с ограниченным допуском и без указания уставных данных опрашиваемого. Во всех случаях форма отражения результатов опроса зависит от формы и вида опроса, объекта опроса и места его проведения, количества и полноты полученной информации.

Заключение

Эффективность применения такого оперативно-розыскного мероприятия, как «опрос» с целью выявления обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений, связана со многими трудностями и зависит как от уровня профессиональной подготовки оперативных работников уголовно-исполнительной системы, так и от обстоятельств совершения конкретного преступления. При проведении опроса необходимы знания психологии общения,

опыт в шифровании цели опроса (при необходимости). Простота и доступность проведения данного оперативно-розыскного мероприятия являются обманчивыми с точки зрения практики его применения. С одной стороны, опрос может быть проведен безотлагательно, в любом месте и в отношении любого субъекта, но с другой, выяснение максимального количества обстоятельств, способствовавших совершению преступления, будет возможно только при тщательной подготовке, верном определении субъекта опроса, должной тактики его проведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Итоги деятельности учреждений, органов и предприятий уголовно-исполнительной системы за 2015–2020 годы // Форма статистической отчетности ФСИН-1. Доступ из АИС «Статистика УИС».
2. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и обзоров практики Европейского Суда по правам человека / отв. ред. В.С. Овчинский ; вступ. ст. В.Д. Зорькина. 3-е изд., доп. и перераб. М. : Норма: ИНФРА-М, 2021. 576 с.
3. Учускин С.А., Писарев И.А. Проблемы в определении понятия опроса как оперативно-розыскного мероприятия // Вестник Самарского юридического института. 2011. № 1 (3). С. 64–66.
4. Абидов А.С. Опрос как оперативно-розыскное мероприятие и использование его результатов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 24 с.
5. Гришин Д.А. Сущность и детерминанты нарушения принципа законности в уголовном судопроизводстве // Человек: преступление и наказание. 2012. № 3 (78). С. 81–83.
6. Гаврицкий А.В., Боев С.В. Использование специальных знаний при проведении оперативно-розыскных мероприятий (на примере опроса) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 9. С. 207–210.
7. Шапочанский В.Н. Психологические аспекты оперативно-розыскного мероприятия «Опрос» // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2011. № 4. С. 32–38.

Статья представлена научной редакцией «Право» 27 октября 2021 г.

The Operational-Search Measure “Examination” in Identifying Circumstances That Contributed to Committing Penitentiary Crimes: Types of Examination and Technology of Its Conduct

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 238–244.

DOI: 10.17223/15617793/473/30

Andrey A. Nuzhdin, Academy of the FPS of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: aanuzhdin@mail.ru

Keywords: operational-search measures; examination; warning; investigation; circumstances that contributed to commission of crime; suspect; accused; convicted; penal institution.

The article explores the practice of application and the effectiveness of the use of the operational-search measure “examination” in order to identify circumstances that contributed to the commission of penitentiary crimes. The object of the study is the regularities of the commission of penitentiary crimes and the regularities of the construction of recommendations for conducting examination to identify the circumstances that contributed to their commission. The aim of the article is to improve the efficiency and completeness of identifying circumstances that contributed to the commission of penitentiary crimes. The empirical basis of the study is the data of official departmental statistical reports (for 2015–2020) and the results of a survey of employees of the penitentiary system. The main research methods employed are: an anonymous sociological study among employees of the penitentiary system; the general scientific method of cognition of crime-generating phenomena and processes within the penitentiary system institutions; the statistical method for analyzing and comparing statistical reporting data; the comparative method for identifying various patterns. The main tools for obtaining information are a questionnaire for employees of the penitentiary system. The objectives of the research are: the analysis of the current crime situation in the penitentiary system; the definition of the essence of “examination” as an operational-search measure and varieties of social conversation; the classification of examination based on various grounds; the choice of tactics of conducting examination to identify circumstances that contributed to the commission of penitentiary crimes. The author comes to the conclusion that examination allows identifying a large number of circumstances that contribute to the commission of penitentiary crimes. The above-mentioned circumstances are not clarified separately, they become known in the course of identifying other circumstances that are subject to proof. The conduct of examination precedes (and sometimes contributes to) the conduct of other operational-search measures and investigative actions that allow both identifying and establishing circumstances that contributed to the commission of penitentiary crimes. The effectiveness of examination for identifying circumstances that contributed to the commission of penitentiary crimes is connected with many difficulties and depends on the level of professional training of the staff of the penitentiary system and circumstances of the commission of a particular crime.

REFERENCES

1. Federal Penitentiary Service (FSIN-1). (n.d.) *Itogi deyatel'nosti uchrezhdeniy, organov i predpriyatiy ugovolno-ispolnitel'noy sistemy za 2015–2020 gody* [Results of the activities of institutions, bodies and enterprises of the penal enforcement system for 2015–2020]. Moscow: AIS “Statistika UIS”.
2. Ovchinskiy, V.S. (ed.) (2021) *Kommentariy k Federal'nomu zakonu “Ob operativno-rozysknoy deyatel'nosti”. S prilozheniem resheniy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii i obzorov praktiki Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka* [Comment to the Federal Law “On operational investigative activities”. With the appendix of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and reviews of the practice of the European Court of Human Rights]. 3d ed. Moscow: Norma: INFRA-M.

3. Uchuskin, S.A. & Pisarev, I.A. (2011) Problemy v opredelenii ponyatiya oprosa kak operativno-rozysknogo meropriyatiya [Problems in defining the concept of a survey as an operational search event]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta – Bulletin of the Samara Law Institute*. 1 (3). pp. 64–66.
4. Abidov, A.S. (2006) *Opros kak operativno-rozysknoe meropriyatie i ispol'zovanie ego rezul'tatov* [The survey as an operational search event and the use of its results]. Abstract of Law Cand. Diss. Vladimir.
5. Grishin, D.A. (2012) Nature and determinants of legality principle violation in criminal procedure. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 3 (78). pp. 81–83. (In Russian).
6. Gavritskiy, A.V. & Boev, S.V. (2018) The use of special knowledge at the operative-personal activities (on the example of the survey). *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk – International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 9. pp. 207–210. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-1000-2018-10045
7. Shapochanskiy, V.N. (2011) Psikhologicheskie aspekty operativno-rozysknogo meropriyatiya “Opros” [Psychological aspects of the operational search event “Survey”]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*. 4. pp. 32–38.

Received: 27 October 2021

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ И ПРИ ВЫНЕСЕНИИ СУДЕБНЫХ АКТОВ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Анализируются проблемы использования статистической информации в процессе доказывания по гражданским и административным делам. Рассматривается соотношение статистической информации и общеизвестных фактов. Изучаются средства доказывания, в рамках которых может быть использована статистическая информация. Делаются выводы об особенностях оценки судами статистической информации. Рассматривается вопрос о соотношении статистической информации как доказательства и судебной статистики.

Ключевые слова: доказывание; доказательство; исследование; оценка; статистика

В процессуальной науке традиционно подчеркивается особая роль доказывания не только как механизма установления истицы по делу, но и как предпосылки законности и обоснованности судебного решения [1. С. 9]. В свою очередь, именно суд в своем решении определяет исход спора между истцом и ответчиком [2. С. 16]. В связи с вышесказанным в научной литературе большое внимание уделяется исследованию вопросов доказывания, включая вопросы применения отдельных средств доказывания и доказательств.

Одним из видов информации, которая может быть использована в процессе доказывания по гражданским и административным делам и, как следствие, способна стать предметом оценки судом в выносимых им решениях, является информация статистического характера. Указанная информация формируется путем собирания, представления и интерпретации числовых данных, что характеризует статистику как метод, применяемый в самых различных по содержанию сферах деятельности [3. С. 28].

Прежде всего следует ответить на вопрос о том, что представляет из себя статистическая информация с точки зрения действующего законодательства.

Согласно п. 3 ст. 2 Федерального закона от 29.11.2007 № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» под официальной статистической информацией понимается «сводная агрегированная документированная информация о количественной стороне массовых социальных, экономических, демографических, экологических и других общественных процессов в Российской Федерации, формируемая субъектами официального статистического учета в соответствии с официальной статистической методологией» [4].

Исходя из данного определения, можно сделать вывод, что под статистической информацией в целом с позиции действующего законодательства следует понимать сводную агрегированную документированную информацию о количественной стороне каких-либо процессов, формируемую в соответствии со статистической методологией.

При этом статистическая информация формируется в соответствии с научно обоснованными и апробированными на практике методиками, касающимися

сбора, проверки и обобщения данных. Поэтому она вполне может отвечать таким принципам, касающимся оценки доказательств, как допустимость и достоверность.

В частности, о достоверности статистической информации может свидетельствовать тот факт, что она формируется на основе данных, объем и источник которых обычно известен. Кроме того, известна обычно и методика получения и обработки указанной информации.

Что же касается допустимости, то здесь действуют общие правила процессуального законодательства (ст. 60 ГПК РФ [5], ст. 68 АПК РФ [6], ст. 61 КАС РФ [7]). Указанные положения закона также не содержат безусловных препятствий для применения статистической информации в качестве доказательства по делу.

В то же время одним из основных свойств судебных доказательств является их способность быть основанием для установления обстоятельств по конкретному делу (ст. 55 ГПК РФ и ст. 64 АПК РФ, ст. 59 КАС РФ). В данном случае речь идет о таком принципе оценки доказательств, как относимость. Иными словами, важно ответить на вопрос, может ли статистическая информация, изначально имеющая обобщенный, а зачастую еще и обезличенный характер, относиться к обстоятельствам конкретного дела, удовлетворяя, таким образом, критерию относимости?

Для ответа на данный вопрос следует рассмотреть судебную практику, касающуюся применения статистической информации в качестве доказательства по делу.

Так, в решении Фрунзенского районного суда г. Иваново от 29 мая 2020 г. по делу № 2-4093/2019 указано следующее. Истец обратился в суд с иском требованием о признании за ним права на назначение страховой пенсии по старости, а также об обязанности ответчика (Управление Пенсионного фонда РФ в городских округах Иваново, Кохме и Ивановском муниципальном районе) включить в страховой стаж истца период его обучения на курсах шоферов и назначить истцу страховую пенсию по старости с даты обращения за назначением пенсии. Изучив представленные сторонами доказательства, суд пришел к выводу о том, что «с учетом данных государственной статистики о минимальной заработной плате в РСФСР с 1973 г. по 1991 г. в размере 70 руб., суд считает, что ФИО8 с сентября 1977 г. по февраль 1978 г. выплачивалась

именно стипендия в размере 40 рублей как обучающемуся» [8]. Как видно из указанного судебного решения, в данном случае суд с помощью данных статистики смог сделать обоснованный вывод о том, что выплата истцу не являлась заработной платой, а была стипендией, что существенно повлияло на содержание решения суда по делу.

Другим примером применения статистической информации в качестве доказательства является решение Центрального районного суда г. Прокопьевска Кемеровской области по делу № 2-1493/2019 от 29 мая 2020 г. В указанном деле истец Г.Г.И обратился в суд с иском о возмещении вреда, причиненного здоровью, просил взыскать с ответчика ОАО «РЖД» задолженность по возмещению вреда в связи с уменьшением трудоспособности, а также ежемесячные выплаты в возмещение вреда в связи с уменьшением трудоспособности бессрочно с последующей индексацией. Исковые требования Г.Г.И обосновывал тем, что имеет право на возмещение утраченного заработка в связи с уменьшением трудоспособности. Однако на момент предъявления иска получаемая им среднемесячная заработная плата обесценилась. В решении по данному делу суд установил, что согласно справке Территориального органа Федеральной службы государственной статистики средняя начисленная заработная плата работников организаций по профессии истца составила 40 983,00 рубля. При этом судом было отмечено, что «статистическая информация о средней начисленной заработной плате работников организаций по профессиональным группам формируется по данным выборочного обследования... которое проводится с периодичностью 1 раз в 2 года... и разрабатывается на основе Общероссийского классификатора занятий (ОКЗ ОК 010-2014)» [9].

Аналогично в решении по делу № 2-323/2020 от 29 мая 2020 г. Индустриальный районный суд г. Хабаровска по иску о признании отношений трудовыми, взыскании заработной платы, компенсации морального вреда и судебных издержек использовал данные справки Территориального органа Федеральной службы государственной статистики о средней заработной плате по группе занятий «Рабочие строительных и родственных занятий» при определении размера заработной платы, подлежащей взысканию с ответчика в пользу истцов [10]. По данному делу суд частично удовлетворил исковые требования, обосновав свои выводы в числе прочего вышеуказанной статистической справкой.

В качестве еще одного примера применения статистической информации в рамках доказывания по гражданским и административным делам можно назвать дела, в которых судами рассматривались вопросы о судебных расходах.

Как отмечено в п. 20 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13.08.2004 № 82 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации», «при определении разумных пределов расходов на оплату услуг представителя могут приниматься во внимание, в частности... имеющиеся сведения статистических органов о ценах на рынке юридических услуг» [11].

Указанное положение находит свое раскрытие в практике арбитражных судов. Так, в решении Арбитражного суда Республики Алтай от 04 февраля 2015 г. по делу № А02-2519/2014 указано, что «согласно сведениям с сайта ТУ Росстат по Республике Алтай средняя стоимость юридических услуг: консультация, подготовка искового заявления составляет до 1 000 руб., представительство в суде – 2 000 руб. за одно судебное заседание» [12].

Таким образом, сложившаяся правоприменительная практика свидетельствует о широком применении статистической информации в качестве доказательств. При этом наиболее часто применяются официальные статистические данные.

Одним из важнейших вопросов, на который следует ответить в процессе анализа статистических данных как доказательства, является вопрос о том, могут ли факты, подтверждаемые исключительно статистическими данными, относиться к общеизвестным? Поскольку общеизвестные факты не подлежат доказыванию в силу ч. 1 ст. 61 ГПК РФ, ч. 1 ст. 69 АПК РФ и ч. 1 ст. 64 КАС РФ, данный вопрос имеет принципиальное значение для понимания природы статистической информации как доказательства.

Полагаем, что общеизвестность фактов, подтверждаемых статистическими данными, сама по себе не презюмируется. В пользу указанного подхода говорит следующее.

Во-первых, под общеизвестными фактами понимаются факты, которые известны одновременно широкому кругу лиц и всему составу суда [13. С. 52]. Следовательно, для признания данных статистики общеизвестными фактами необходимо, в числе прочего, соблюдение условия об их известности суду. Однако далеко не всегда возможна ситуация, при которой суду будут заведомо известны данные статистики, обычно включающие в себя большой объем сложной для запоминания числовой информации.

Во-вторых, статистические данные могут зависеть от методики подсчета, размера выборки и других факторов, в связи с чем они могут различаться при их получении разными субъектами даже за один и тот же период.

В-третьих, статистические данные не обязательно публикуются или иным образом размещаются в общем доступе. Возможно проведение статистического исследования для нужд конкретного лица (например, в случае проведения маркетингового исследования).

В-четвертых, сбор и обработка статистических данных может произойти уже в ходе рассмотрения дела и исключительно для их предоставления в суд. А такие данные по определению не могут быть общеизвестными.

Следовательно, существование статистических данных не предполагает само по себе, что подтверждаемый ими факт является общеизвестным.

При этом отражение статистической информации в судебных актах зачастую происходит в случаях, когда закон прямо указывает на необходимость ее применения. В частности, по делам о возмещении вреда нормы закона и практика Верховного Суда РФ в определенных случаях указывают на необходимость использования статистических данных при вынесении решения по делу. Так, в качестве примера можно при-

вести индекс роста потребительских цен, необходимый для индексации присуждаемых или ранее присужденных сумм.

В пункте 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.12.2000 № 35 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел, связанных с реализацией инвалидами прав, гарантированных Законом Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”» указано следующее: «...учитывая, что задержка выплаты назначенных сумм возмещения вреда, нанесенного здоровью вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, в связи с инфляцией причиняет имущественный вред истцу, суд вправе удовлетворить его требование об индексации названных сумм с учетом индекса роста потребительских цен, рассчитанного государственными органами статистики Российской Федерации» [14].

Также возможно привести аналогичный пример, связанный с отраслью уголовно-процессуального права. В соответствии с п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» размер выплат, подлежащих возмещению реабилитированному, определяется судом «с учетом индекса роста потребительских цен по месту работы или жительства реабилитированного на момент начала уголовного преследования, рассчитанного государственными органами статистики Российской Федерации в субъекте Российской Федерации на момент принятия решения о возмещении вреда» [15].

Следовательно, в определенных случаях для суда применение статистической информации является не только возможным, но и обязательным.

В связи с вышесказанным важно ответить на вопрос, к какому из средств доказывания относятся статистические данные.

Полагаем, что по общему правилу их следует отнести к письменным доказательствам. В пользу данного подхода говорят следующие признаки письменных доказательств, которыми обладает статистическая информация:

1. Письменные доказательства – «это специальные средства доказывания, характеризующиеся специфическими способами воспроизведения с помощью знаков, на материальном или ином носителе, сведений, имеющих существенное значение для правильного разрешения дела и способом, позволяющим определить достоверность этих сведений» [16. С. 8]. Так как статистическая информация существует в письменной (знаковой) форме путем ее фиксации на материальном или электронном носителе, то существование такой информации именно в рамках письменных доказательств представляется логичным.

2. Как отмечает М.В. Синякова, «наряду с текстовыми документами самостоятельным видом письменных доказательств являются изобразительные документы» [17. С. 4]. При том одним из признаков таких документов является тот факт, что «информация в изобразительном документе воспринимается из со-

держания изображения» [17. С. 5]. Следовательно, статистическая информация, представленная в виде схем, графиков и т.п., также может быть исследована судом как письменное доказательство.

Важно также отметить, что статистическая информация может стать предметом исследования суда в числе иной информации, содержащейся в заключении эксперта. В частности, эксперт может использовать статистическую информацию в рамках применения некоторых методов исследования. При этом статистические данные будут служить одним из оснований для выводов эксперта, отраженных в его заключении. А суд, как известно, при оценке экспертного заключения должен проверить его достоверность, в том числе оценив соответствие «выводов эксперта с точки зрения надежности примененных экспертом методик» [18. С. 111].

В качестве примера можно привести административное дело № 3А-211/2019, рассмотренное Иркутским областным судом. В решении от 03 июня 2020 г. по данному делу было отмечено, что «утверждение административного истца о том, что рынок земель промышленности Иркутского района не исследовался, инфраструктура и экономическое развитие Иркутского района кардинально отличаются от районов Иркутской области с малоактивными рынками земли, к которым относится и объект оценки, противоречит содержанию экспертного заключения. Экспертом на основании данных территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области и интернет-ресурсов проведен сравнительный анализ социально-экономического развития Нижнеилимского, Тулунского и Иркутского районов, результаты которого показали, что по большинству показателей Нижнеилимский район наиболее сопоставим именно с Иркутским районом» [19].

При этом ссылки на статистику возможны не только в самом экспертном заключении, но и в рамках ответов, которые эксперт дает на вопросы суда и лиц, участвующих в деле. Так, в рамках гражданского дела № 2-1242/2020, рассмотренного Йошкар-Олинским городским судом Республики Марий Эл, эксперт пояснил, что «результаты анализа на гепатит С методом ИФА часто дают ложно-положительные результаты, так как исследование являлось скрининговым, что подтверждается данными статистики» [20]. В то же время следует отметить, что по данному делу суд не стал дополнительно выяснять у эксперта и отражать в судебном решении, какие именно статистические данные подтверждают указанный вывод эксперта. Полагаем, что с точки зрения принципов оценки доказательств и требований закона к судебному решению (обоснованность, мотивированность) судам в подобных ситуациях следует выяснять указанный вопрос более подробно, в том числе предлагая эксперту указать источник статистической информации, а сторонам – представить такую информацию в качестве доказательства в суд (в установленных законом случаях суд вправе также по собственной инициативе истребовать указанную информацию, например, в силу положения ст. 63 КАС РФ).

Исследование статистических данных в судебном разбирательстве определяется формой их существования в рамках конкретных средств доказывания.

В частности, процессуальное законодательство устанавливает особенности исследования письменных доказательств и заключений экспертов. Полагаем, что указанные правила в полной мере позволяют суду провести исследование статистической информации, в связи с чем не требуют какой-либо конкретизации в отношении данного вида информации.

Следует также остановиться на вопросах оценки статистической информации как доказательства в гражданском процессе.

При оценке статистической информации судам следует учитывать следующее:

1. Статистические данные зачастую обладают высокой степенью обобщения. Их содержание может варьироваться в зависимости от методики статистического исследования, в результате которого они получены.

2. Суду для эффективной оценки статистических данных как доказательств следует выяснить, кем подготовлены указанные данные и входит ли их подготовка в обязанности указанного лица. Также суду следует установить период, за который собраны статистические данные, и методику, по которой проводилась их обработка. Установление указанных обстоятельств позволит не только установить допустимость и достоверность статистических данных, но и сделать вывод об их соотношении с иными доказательствами по делу при их оценке в совокупности.

3. В силу принципа, согласно которому ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы (ч. 2 ст. 67 ГПК РФ, ч. 5 ст. 71 АПК РФ, ч. 2 ст. 84 КАС РФ), источник статистической информации (государственные органы, организации и т.д.) не является определяющим при ее оценке. Суд должен оценивать такую информацию в совокупности с другими доказательствами, в том числе в тех случаях, когда в качестве доказательств представлены разные по содержанию статистические данные. Единственным исключением из указанного правила являются случаи, когда законом прямо установлена необходимость применения статистических данных, полученных из определенного источника (чаще всего речь идет об официальной статистической информации).

Важно также отметить, что не может иметь доказательственного значения статистика рассмотрения судами схожих по содержанию дел.

Во-первых, в силу принципов независимости судей и законности суд не обязан при вынесении решения по делу руководствоваться практикой иных судов, кроме судебных актов Конституционного Суда РФ, Европейского Суда по правам человека, Пленума и Президиума Верховного Суда РФ (ч. 4.1 ст. 198, п. 3–5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, ч. 4 ст. 170, п. 3–5 ч. 3 ст. 311 АПК РФ, п. 4 ч. 4 ст. 180, п. 3–5 ч. 1 ст. 350 КАС РФ). В то же время статистическая информация сама по себе предполагает обобщение определенного множества разнозначной по содержанию информации (в случае с судебной статистикой в качестве таковой будет выступать содержание судебных актов, выносимых судами определенного уровня или судьями одного суда). Очевидно, что количественный критерий (количество и процент дел, разрешенных тем или иным образом) будет в данном случае недопустим, так как не позволит гарантировать правильность судебных актов, лежащих в основе такой статистики. Кроме того, данный подход не позволил бы учитывать особенности конкретного дела.

Во-вторых, судебная статистика касается деятельности судов, а не обстоятельств конкретного дела. Как следствие, ее использование в качестве доказательства по делу не отвечает принципу относимости доказательств. Было бы ошибочно в качестве доказательства принимать сведения, которые не относятся к обстоятельствам дела.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что статистическая информация применяется в рамках гражданского и административного судопроизводства в качестве доказательственной информации. При этом ее применение позволяет в ряде случаев достичь не только установления истины по делу, но и обеспечить единообразие судебной практики. При этом статистическая информация о рассмотрении судами конкретных дел не может иметь доказательственного значения и не должна влиять на выносимые по делу судебные акты.

Также важно отметить, что в правоприменительной практике не сложилось единых подходов к оценке судами статистической информации, что предполагает потребность в разъяснениях по данному вопросу со стороны Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кайзер Ю.В. Раскрытие доказательств в гражданском и арбитражном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. 29 с.
2. Осокина Г.Л. Иск (теория и практика). М. : Городец, 2000. 192 с.
3. Ендропова В.Н. Общая теория статистики : учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Магистр, 2020. 608 с.
4. Федеральный закон «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» от 29 ноября 2007 г. (ред. от 08.12.2020) № 282-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 49. Ст. 6043.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. (ред. от 08.12.2020) № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 24 июля 2002 г. (ред. от 26.07.2019) № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
7. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : Федеральный закон от 08 марта 2015 г. (ред. от 08.12.2020) № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
8. Решение Фрунзенского районного суда г. Иваново от 29 мая 2020 года по делу № 2-4093/2019. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 26.12.2020).
9. Решение Центрального районного суда г. Прокопьевска Кемеровской области от 29 мая 2020 года по делу № 2-1493/2019. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 26.12.2020).
10. Решение Индустриального районного суда г. Хабаровска от 29 мая 2020 года по делу № 2-323/2020. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения 26.12.2020).

11. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного суда РФ от 13 августа 2004 г. № 82 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004. № 10.
12. Решение Арбитражного суда Республики Алтай по делу № А02-2519/2014 от 04 февраля 2015 года. Документ опубликован на сайте Федеральных арбитражных судов Российской Федерации. URL: <http://www.arbitr.ru> (дата обращения: 26.12.2020).
13. Курьлев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск : Изд-во БГУ, 1969. 203 с.
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 декабря 2000 г. № 35 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел, связанных с реализацией инвалидами прав, гарантированных Законом Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001. № 2.
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 1.
16. Амерханова А.А. Письменные доказательства в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 23 с.
17. Синякова М.В. Письменные доказательства в гражданском и арбитражном процессах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 32 с.
18. Сахнова Т.В. Экспертиза в суде по гражданским делам : учеб.-практ. пособие. М. : БЕК, 1997. 278 с.
19. Решение Иркутского областного суда от 03 июня 2020 года по делу № 3А-211/2019. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 26.12.2020).
20. Решение Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 29 мая 2020 года по делу № 2-1242/2020. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 26.12.2020).

Статья представлена научной редакцией «Право» 30 сентября 2021 г.

The Use of Statistical Information in Proving and in Passing Judicial Acts in Civil and Administrative Proceedings

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 245–250.

DOI: 10.17223/15617793/473/31

Konstantin S. Ryzhkov, Ural Branch of the Russian State University of Justice (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: knrz2006@yandex.ru

Keywords: proving; proof; research; assessment; statistics.

The article aims to establish the features of statistical information use in proving and in passing judicial acts in civil and administrative proceedings. The theoretical material for the article is works of domestic procedural law scientists; the normative material is procedural legislation and legislation in the field of statistics; the empirical material is the judicial acts of the Supreme Court of the Russian Federation, courts of general jurisdiction and arbitration courts. In the course of the research, methods of analysis, synthesis, as well as formal legal and hermeneutic methods were applied. The author analyzes in detail the problems of using statistical information in proving in civil and administrative cases. He infers that the use of statistical information as evidence makes it possible to achieve not only the establishment of the truth in the case, but also to ensure the uniformity of judicial practice. The author considers the correlation of statistical information and generally known facts. He states that well-known facts, confirmed by statistical data, are not presumed per se. The author also studies the means of proving, in which statistical information may exist, and infers that in most cases it exists in the form of written evidence. The author makes conclusions about the possibility of using statistical information during forensic examination and when the expert gives answers to the questions of the court; about the features of the assessment of statistical information by courts noting a high degree of generalization and a variability of its content, depending on the method of statistical research; about the range of circumstances that the court must additionally clarify for an effective assessment of statistical information. The author notes that the source of statistical information is not decisive in its assessment, unless otherwise provided by law. The author also concludes that judicial statistics cannot act as evidence in the case. The results of the study show that the law enforcement practice lacks unified approaches to the assessment of statistical information by courts, which suggests the need for clarifications on this issue from the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

REFERENCES

1. Kayzer, Yu.V. (2012) *Raskrytie dokazatel'stv v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse* [Disclosure of evidence in civil and arbitration proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Yekaterinburg.
2. Osokina, G.L. (2000) *Isk (teoriya i praktika)* [Isk (theory and practice)]. Moscow: Gorodets.
3. Endronova, V.N. (2020) *Obshchaya teoriya statistiki* [General Theory of Statistics]. 2nd ed. Moscow: Magistr.
4. Russian Federation. (2007) Federal'nyy zakon "Ob ofitsial'nom statisticheskom uchete i sisteme gosudarstvennoy statistiki v Rossiyskoy Federatsii" ot 29 noyabrya 2007 g. (red. ot 08.12.2020) № 282-FZ [Federal Law "On Official Statistical Accounting and the System of State statistics in the Russian Federation" of November 29, 2007 (as amended on December 08, 2020), No. 282-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 49. Article 6043.
5. Russian Federation. (2002) *Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 14 noyabrya 2002 g.* (red. ot 08.12.2020) № 138-FZ [Civil procedure code of the Russian Federation: Federal law of November 14, 2002 (ed. of December 08, 2020), No. 138-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 46. Article 4532.
6. Russian Federation. (2002) *Arbitrazhnyy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 24 iyulya 2002 g.* (red. ot 26.07.2019) № 95-FZ [Arbitration procedure code of the Russian Federation: Federal law of 24 July 2002 (ed. of July 26, 2019), No. 95-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 30. Article 3012.
7. Russian Federation. (2015) *Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 08 marta 2015 g.* (red. ot 08.12.2020) № 21-FZ [The code of administrative procedure of the Russian Federation: Federal law of 08 March 2015 (ed. of December 08, 2020), No. 21-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 10. Article 1391.
8. Sudebnye i normativnye akty RF [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation]. (2020) *Judgement of the Frunze district court of Ivanovo of May 29, 2020, in case No. 2-4093/2019*. [Online] Available from: <http://www.sudact.ru> (Accessed: 26.12.2020). (In Russian).
9. Sudebnye i normativnye akty RF [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation]. (2020) *Judgement of the Central district court of the city of Prokopyevsk, Kemerovo region of May 29, 2020, in case No. 2-1493/2019*. [Online] Available from: <http://www.sudact.ru> (Accessed: 26.12.2020). (In Russian).
10. Sudebnye i normativnye akty RF [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation]. (2020) *Judgement of the Industrial district court of Khabarovsk of May 29, 2020, in case No. 2-323/2020*. [Online] Available from: <http://www.sudact.ru> (Accessed: 26.12.2020). (In Russian).

11. Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. (2004) Informatsionnoe pis'mo Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo suda RF ot 13 avgusta 2004 g. № 82 "O nekotorykh voprosakh primeneniya Arbitrazhnogo protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii" [Informational letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of August 13, 2004, No. 82 "On some issues of the application of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation"]. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 10.
12. Commercial court of Altai Republic. (2015) Reshenie Arbitrazhnogo suda Respubliki Altay po delu № A02-2519/2014 ot 04 fevralya 2015 goda. [Judgement of the Commercial court of the Altai Republic in case No. A02-2519/2014 of February 04, 2015]. [Online] Available from: <http://www.arbitr.ru> (Accessed: 26.12.2020).
13. Kurylev, S.V. (1969) *Osnovy teorii dokazyvaniya v sovetskom pravosudii* [Fundamentals of the Theory of Proof in Soviet Justice]. Minsk: Belarusian State University.
14. Supreme Court Of The Russian Federation. (2001) Postanovlenie Plenuma Verkhovogo Suda RF ot 14 dekabrya 2000 g. № 35 "O nekotorykh voprosakh, vznikayushchikh pri rassmotrenii del, svyazannykh s realizatsiey invalidami prav, garantirovannykh Zakonom Rossiyskoy Federatsii "O sotsial'noy zashchite grazhdan, podvergnutyykh vozdeystviyu radiatsii vsledstvie katastrofy na Chernobyl'skoy AES" [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 35 of December 14, 2000, "On some issues arising during the consideration of cases related to the exercise by disabled persons of the rights guaranteed by the Law of the Russian Federation "On Social Protection of Citizens exposed to radiation as a result of the Chernobyl disaster]. *Byulleten' Verkhovogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 2.
15. Supreme Court Of The Russian Federation. (2012) Postanovlenie Plenuma Verkhovogo Suda RF ot 29 noyabrya 2011 g. № 17 "O praktike primeneniya sudami norm glavy 18 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, reglamentiruyushchikh reabilitatsiyu v ugolovnom sudoproizvodstve" [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 29, 2011, No. 17 "On the practice of application by courts of the norms of Chapter 18 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating rehabilitation in criminal proceedings"]. *Byulleten' Verkhovogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 1.
16. Amerkhanova, A.A. (2007) *Pis'mennye dokazatel'stva v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Written evidence in civil proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
17. Sinyakova, M.V. (2008) *Pis'mennye dokazatel'stva v grazhdanskom i arbitrazhnom protsessakh* [Written evidence in civil and arbitration proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
18. Sakhnova, T.V. (1997) *Ekspertiza v sude po grazhdanskim delam* [Expertise in the court of civil cases]. Moscow: BEK.
19. Sudebnye i normativnye akty RF [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation]. (2020) *Judgement of the Irkutsk regional court of June 03, 2020, in case No. 3A-211/2019*. [Online] Available from: <http://www.sudact.ru> (Accessed: 26.12.2020). (In Russian).
20. Sudebnye i normativnye akty RF [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation]. (2020) *Judgement of Yoshkar-Ola city court of the Republic of Mari El of May 29, 2020, in case No. 2-1242/2020*. [Online] Available from: <http://www.sudact.ru> (Accessed: 26.12.2020). (In Russian).

Received: 30 September 2021

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛИШИНА Галина Николаевна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: galinaalishina@gmail.com

АСТАФЬЕВ Николай Вениаминович – д-р пед. наук, начальник кафедры огневой подготовки Тюменского института повышения квалификации МВД России. E-mail: astnic@mail.ru

БЕРЕЗНИЦКИЙ Сергей Васильевич – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. (г. Санкт-Петербург). E-mail: svberezniisky@yandex.ru

БИБИКОВА Надежда Вячеславовна – канд. пед. наук, доцент кафедры педагогики и социальной работы Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова. E-mail: nbibikova20@mail.ru

БОГОЛЕПОВА Светлана Викторовна – канд. филол. наук, доцент Школы иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: sbogolepova@hse.ru / bogolepovasv@gmail.com

БОРОДКИНА Ольга Ивановна – д-р социол. наук, профессор кафедры теории и практики социальной работы Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: oiborodkina@gmail.com

БОХАН Татьяна Геннадьевна – д-р психол. наук, зав. кафедрой психотерапии и психологического консультирования Томского государственного университета. E-mail: btg960@mail.ru

ВАСИЛЬЕВ Артём Викторович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник лаборатории общей и сибирской лексикографии, директор Научной библиотеки Томского государственного университета. E-mail: hegolinaer@gmail.com

ВЛАСОВА Ольга Александровна – д-р филос. наук, профессор кафедры истории философии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: o.a.vlasova@gmail.com

ВОЛКОВ Павел Вадимович – аспирант кафедры культурологии и философской антропологии Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова (г. Киев, Украина). E-mail: pvolkov84@yahoo.com

ВОРОНИНА Любовь Валентиновна – канд. филол. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Рязанского государственного агротехнологического университета им. П.А. Костычева; преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя. E-mail: lv-voronina@rambler.ru

ВЫРВА Петр Александрович – канд. юрид. наук, доцент кафедры деликтологии и криминологии Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: pvyrgva@sfu-kras.ru

ГОВОРУХИНА Юлия Анатольевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Балтийского военно-морского института (г. Калининград). E-mail: yuliya_govoruhina@list.ru

ГРУЗДЕВ Владислав Викторович – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ»; исполнительный директор ООО «Юридическая компания «Груздев и партнеры» (г. Новосибирск). E-mail: gruzvld@rambler.ru

ЕВДОКИМОВ Вячеслав Борисович – д-р юрид. наук, главный научный сотрудник отдела конституционного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (г. Москва). E-mail: vevdokimov@list.ru

ЗАЛОИЛО Максим Викторович – канд. юрид. наук, ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (г. Москва). E-mail: z-lo@mail.ru

ЗАХАРОВА Инна Владимировна – канд. пед. наук, доцент кафедры педагогики и социальной работы Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова. E-mail: inna73reg@yandex.ru

ЗЫРЯНОВ Алексей Викторович – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории государства и права, трудового права Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск). E-mail: zav-nauka@mail.ru

ЗЮЗИНА Ольга Николаевна – младший научный сотрудник лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: 8olechka@mail.ru

ИВАНОВА Мария Михайловна – аспирант кафедры теории и практики социальной работы Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: ivanova.mar-9308@yandex.ru

ИЛЬИНА Дарья Владимировна – младший научный сотрудник лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: dviljina@gmail.com

КИМ Игорь Ефимович – д-р филол. наук, главный научный сотрудник лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: kimkim27601@yandex.ru

КИСЕЛЕВ Виталий Сергеевич – д-р филол. наук, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: kv-uliss@mail.ru

КРИХ Сергей Борисович – д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: krikh@rambler.ru

КУКЛЕВА Галина Алексеевна – олимпийская чемпионка по биатлону, профессор кафедры технологий физкультурно-спортивной деятельности Тюменского государственного университета. E-mail: galchonok171@mail.ru

МАЛАНИНА Вероника Анатольевна – канд. экон. наук, доцент Школы базовой инженерной подготовки Томского политехнического университета; доцент кафедры экономики Томского государственного университета. E-mail: milanskaya@mail.ru

МАСЛЕННИКОВА Ольга Георгиевна – директор Центра совместных образовательных программ Томского государственного университета. E-mail: pro-77@mail.ru

МЕЗИТ Людмила Эдгаровна – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева. E-mail: mezit@yandex.ru

МИШАНКИНА Наталья Александровна – д-р филол. наук, профессор отделения русского языка Томского политехнического университета; профессор кафедры гуманитарных проблем информатики, профессор кафедры телерадиожурналистики Томского государственного университета. E-mail: mna@tpu.ru

НУЖДИН Андрей Александрович – канд. юрид. наук, докторант факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России (г. Рязань). E-mail: aanuzhdin@mail.ru

ОСТАШОВА Евгения Андреевна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: evgeniya.ostashova@gmail.com

ПАНКОВ Евгений Анатольевич – старший тренер по биатлону Областной спортивной школы олимпийского резерва по лыжным гонкам и биатлону Л.Н. Носковой (г. Тюмень). E-mail: pankovea888@yandex.ru

ПЕТРИЦЕВА Надежда Николаевна – старший преподаватель кафедры педагогики и социальной работы Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова. E-mail: nadin.1984_2011@mail.ru

ПУТИЛИНА Татьяна Геннадьевна – аспирант отделения заочного обучения Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: push.lock2012@gmail.com

РОЖНЕВА Жанна Анатольевна – канд. ист. наук, декан факультета исторических и политических наук Томского государственного университета. E-mail: zhar@ido.tsu.ru

РОЗОВ Николай Сергеевич – д-р филос. наук, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: nrozov@gmail.com

РЫЖКОВ Константин Сергеевич – канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры гражданского процессуального права Уральского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск). E-mail: knrz2006@yandex.ru

РЯПИНА Наталья Евгеньевна – старший преподаватель департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Пермь). E-mail: nryapina@gmail.com

СЕРГЕЕВА Наталья Николаевна – д-р пед. наук, зав. кафедрой профессионально-ориентированного языкового образования Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург). E-mail: snatalia2016@mail.ru

СУХАНОВ Вячеслав Алексеевич – д-р филол. наук, зав. кафедрой истории русской литературы XX века Томского государственного университета. E-mail: suhss@rambler.ru

ТАЮРСКАЯ Светлана Николаевна – старший преподаватель кафедры русского, иностранных языков и культуры речи Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург). E-mail: bragin_tayu@mail.ru

ТЕРЕХИНА Ольга Владимировна – канд. психол. наук, доцент кафедры психотерапии и психологического консультирования Томского государственного университета. E-mail: doterekhina@mail.ru

ТРЕТЬЯКОВ Евгений Олегович – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: shvarcengopf@mail.ru

УЛЬЯНИЧ Анна Леонидовна – канд. психол. наук, доцент кафедры психотерапии и психологического консультирования Томского государственного университета. E-mail: fiale@ya.ru

УТКИНА Татьяна Игоревна – канд. филол. наук, доцент департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Пермь). E-mail: tutkina@hse.ru

ФРОЛОВА Елена Александровна – д-р экон. наук, профессор кафедры экономики Томского государственного университета. E-mail: frolova_ea@mail.tsu.ru

ХУСТЕНКО Анастасия Анатольевна – аспирант, инженер-исследователь отделения русского языка Томского политехнического университета. E-mail: khustenko@tpu.ru

ЧЖАО Сюе – канд. филол. наук, преподаватель факультета русского языка Сычуаньского университета (г. Чэнду, КНР). E-mail: zhaoxue2018@163.com

ЧЕРТКОВА Виктория Викторовна – аспирант кафедры романо-германской филологии Томского государственного университета. E-mail: vv.chertkova@mail.ru

ШАБАЛОВСКАЯ Марина Владимировна – канд. психол. наук, доцент кафедры фундаментальной психологии и поведенческой медицины Сибирского государственного медицинского университета (г. Томск); доцент кафедры психотерапии и психологического консультирования Томского государственного университета. E-mail: m_sha79@mail.ru

ШУБОВИЧ Марина Михайловна – д-р пед. наук, зав. кафедрой педагогики и социальной работы Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова. E-mail: shubmm@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2021. № 473. Декабрь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 29.12.2021 г. Формат 60×84 ¹/₈. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 31,7. Усл. печ. л. 29,5. Тираж 50 экз.
Заказ № 4954. Цена свободная.

Дата выхода в свет 29.03.2022 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомьтесь с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru